

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ**

**УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА**

**УРАЛ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ
БАКУНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ
ИНДУСТРИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ УРАЛА
В XVIII–XXI вв.**

**МАТЕРИАЛЫ XI ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

Екатеринбург, 26–27 сентября 2013 г.

ЕКАТЕРИНБУРГ

2013

ББК 63.3(235.5)5+63.3(235.5)6
УДК 94(470.5)''18/19''

Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв.: материалы XI Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 26–27 сентября 2013 г. / ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН; отв. ред. Д. В. Гаврилов. В 2-х т. – Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2013. – Т. 1. – 527 с.

Сборник содержит материалы докладов участников конференции, посвященной различным аспектам индустриальной модернизации, проблемам экономической, политической, социокультурной истории Урала и России XVIII–XXI вв. Анализируются теоретико-методологические и конкретно-исторические аспекты российской модернизации.

Издание будет полезно историкам, социологам, философам, экономистам, преподавателям высших и средних специальных учебных заведений, а также студентам и аспирантам.

Ответственный редактор
д.и.н., профессор Д. В. Гаврилов

Редакционная коллегия

Артемов Е. Т. – д.и.н., профессор
Бакунин С. А. – к.х.н., доцент
Запарий В. В. – д.и.н., профессор
Камынин В. Д. – д.и.н., профессор
Корнилов Г. Е. – д.и.н., профессор
Личман Б. В. – д.и.н., профессор
Мотревич В. П. – д.и.н., профессор
Нефедов С. А. – д.и.н., профессор
Побережников И. В. – д.и.н., профессор
Ряпусова Д. Н. – к.и.н., ученый секретарь
Сперанский А. В. – д.и.н., профессор
Трофимов А. В. – д.и.н., профессор

Рецензенты:
д.и.н. Л. А. Дашкевич
д.и.н. Л. Н. Мартюшов

ISBN 978-5-8295-0228-7

© ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН, 2013
© Авторы, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Заслуженный деятель науки РФ, д.и.н., профессор Д. В. Гаврилов..... 8

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Сенявский А. С.</i> ИНДУСТРИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СССР В XX в.: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ.....	9
<i>Гаврилов Д. В.</i> УРАЛО-КУЗБАСС: ГРАНДИОЗНЫЙ ПРОЕКТ МИРОВОГО МАСШТАБА.....	15
<i>Сперанский А. В.</i> КУЛЬТУРА УРАЛА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: ПРОТИВОРЕЧИЯ СТОЛИЦЫ И ПРОВИНЦИИ.....	33
<i>Личман Б. В.</i> ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ УРАЛА (1917–1990 гг.).....	38
<i>Мартюшов Л. Н., Мартюшова И. Л.</i> «ЭПОХА ЗАСТОЯ»: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ШТАМП И РЕАЛЬНОСТЬ.....	45

УРАЛ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ СТРАНЫ

<i>Алексеева Л. В.</i> ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НИЖНЕВАРТОВСКОГО РАЙОНА ХМАО-ЮГРЫ В ПЕРВОЕ ПОСТСОВЕТСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (1992–2002 гг.).....	53
<i>Баканов С. А.</i> РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990-е — НАЧАЛЕ 2000-х гг.	57
<i>Богданов А. В.</i> РОЛЬ ИНОСТРАННОЙ ТЕХНИКИ И ТЕХНОЛОГИЙ В ХОДЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ЧЕЛЯБИНСКА И МАГНИТОГОРСКА В 1930-е гг.	63
<i>Запарий В. В., Сперанский А. В.</i> УРАЛЬСКИЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ И НАУЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ.....	70
<i>Зубков К. И.</i> ОПЛОТ РОССИИ: УРАЛ ГЛАЗАМИ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ СОЮЗНИКОВ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1942 гг.).....	86
<i>Каменская Е. В.</i> ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО БЛОКА НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ БРЕЖНЕВСКОЙ ЭПОХИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ»).....	93
<i>Карнов В. П.</i> ПРОЕКТ «УРАЛ ПРОМЫШЛЕННЫЙ — УРАЛ ПОЛЯРНЫЙ» — ШАНС НА РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЮ СТРАНЫ.....	98
<i>Комгорт М. В.</i> «СИБИРСКИЙ ГАЗ — СЕДОМУ УРАЛУ» (ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ В КОНТЕКСТЕ «УРАЛЬСКИХ ИНТЕРЕСОВ»).....	104

Куперштох Н. А. ПРОГРАММА «СИБИРЬ» И РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ХХ в.	108
Курлаев Е. А. ГЕНЕЗИС УРАЛЬСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ: ДИФФУЗИЯ И (ИЛИ) АДАПТАЦИЯ?	114
Лазарева Е. В. ИСТОРИКИ О ВЛИЯНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ УРАЛА В НАЧАЛЕ ХХ в.	120
Лебедев В. Э. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И МОДЕРНИЗАЦИЯ	126
Максимова Л. А. ИНДУСТРИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ В 1930–1950-е гг.	133
Мамяченков В. Н. КОЛЕБАНИЯ РОЗНИЧНЫХ ЦЕН КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ УРОВНЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ГРАЖДАН СССР В 1947–1985 гг. (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)	139
Микитюк В. П. СУКОННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО ХХ в.)	146
Огоновская И. С. ПРОМЫШЛЕННЫЙ УРАЛ НА СТРАНИЦАХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ XIX–XXI вв.	152
Панькин И. Д. ДИСКУССИИ О СОДЕРЖАНИИ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ НА УРАЛЕ В ГОДЫ НЭПА	161
Плюйко Д. В., Трофимов А. В. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ «КРАСНОГО» И «БЕЛОГО» ТЕРРОРА НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	167
Рынков В. М. ИЗУЧЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ УРАЛА И СИБИРИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1919 гг.)	173
Савчук В. С. УРАЛ В ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО МЕТАЛЛОФИЗИКА Г. В. КУРДЮМОВА	178
Степанова Н. В. ПАМЯТЬ О М. К. КУРАКО	184
Терехов В. С. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРПРИТАЦИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ СТАЛИНСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НА УРАЛЕ	188
Трофимов А. В. МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ СЕРЕДИНЫ ХХ в. И УРАЛЬСКИЙ ЭТОС	192
Храмцов А. Б. ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРОДСКИХ УПРАВЛЕНИЙ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В СФЕРЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ ХХ в.	199
Черноусов П. И., Голубев О. В. РУССКИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЮВЕЛИРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ (X–XV вв.)	205
Шапошников Г. Н. СРЕДСТВА СВЯЗИ В РОССИИ И НА УРАЛЕ В 1914–1917 гг.	214
Шишкина С. Ю. ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И РАБОЧЕГО КЛАССА УРАЛА АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ ТАНЯЕВ (1898–1974 гг.) В ОЦЕНКАХ ИСТОРИКОВ	222

ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

<i>Борщик Н. Д.</i> ОСОБЕННОСТИ УЧЕТА ПОДДАННЫХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII СТОЛЕТИИ.....	226
<i>Воробьев С. В.</i> «Я ВОПИЮ О ЗАВУЧРАСПРЕД»: КАДРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УРАЛБЮРО ЦК РКП (б).....	232
<i>Гаврилов Д. В.</i> КАК СОЗДАЮТСЯ МИФЫ.....	238
<i>Гагиева А. К.</i> ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ КОМИ КРАЯ В XVIII в. И КРЕСТЬЯНСКАЯ ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ОБЩИНА.....	249
<i>Гафурова В. М.</i> РЕОРГАНИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОВНАРХОЗОВСКИХ СТРУКТУР В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ.....	255
<i>Дубинин С. И.</i> ИНЖЕНЕРЫ-ПРАКТИКАНТЫ УРАЛМАША В СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ИНДУСТРИАЛЬНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ НАЧАЛА 1930-х гг.	260
<i>Иванов А. В.</i> ДЕМОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЭКОНОМИКЕ УРАЛА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.....	266
<i>Игишева Е. А.</i> ЭМИГРАНТЫ-СОЦИАЛИСТЫ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ» О ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ В 1920-е гг.	271
<i>Казакова-Анкаримова Е. Ю.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ОРЕНБУРГЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.	277
<i>Камынин В. Д.</i> ДИСКУРС О ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ УРАЛЬСКИХ РАБОЧИХ В 1920–1930-х гг.....	285
<i>Кириллова М. Г.</i> ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА МЕДИ НА УРАЛЕ В 1970–1980-х гг.	292
<i>Клинова М. А.</i> ИЕРАРХИЯ ВЛАСТИ В ВОСПРИЯТИИ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЕМ И ЖАЛОБ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ (1950-е гг.)).....	299
<i>Кулбахтин С. Н.</i> БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ МЕДЕПЛАВИЛЬНЫЙ ЗАВОД МАТВЕЯ МЯСНИКОВА: РАЗВИТИЕ И МОДЕРНИЗАЦИЯ.....	304
<i>Кулбахтин Н. М., Кулбахтин С. Н.</i> МОДЕРНИЗАЦИЯ МЕДЕПЛАВИЛЬНЫХ ЗАВОДОВ КОМПАНИИ ТВЕРДЫШЕВЫХ И МЯСНИКОВЫХ.....	313
<i>Кухаренко А. Е.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ГОРНОПРОМЫШЛЕННЫЙ ГЕНОМ» ДЛЯ АНАЛИЗА ЭВОЛЮЦИИ ГОРНЫХ ОКРУГОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.....	323
<i>Максимова О. К.</i> СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ НА МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ УРАЛА (1966–1970 гг.).....	330
<i>Марискин О. И.</i> БЮДЖЕТНЫЕ СИСТЕМЫ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XXI в.	337
<i>Мельников Н. Н.</i> РАЗВИТИЕ ТАНКОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	344
<i>Милохин Д. В.</i> ТЕХНИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНИ КОМИ АССР В 1930-е — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х гг.	356

Неклюдов Е. Г. СОСТАВ УРАЛЬСКИХ ГОРНОЗАВОДЧИКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.	362
Рукоусев Е. Ю. НЕПРЕМЕННЫЕ РАБОТНИКИ НА ЕКАТЕРИНБУРГСКИХ ГОРНЫХ ЗАВОДАХ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.	367
Сулейманова Р. Н. ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ БАШКИРСКОЙ АССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х — НАЧАЛЕ 1960-х гг.: ОСОБЕННОСТИ, ПРОТИВОРЕЧИЯ	372
Суржикова Н. В. «БЕЖЕНСТВО ОКАЗАЛО ПОДАВЛЯЮЩЕЕ И РАЗЛАГАЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ НА МНОГИХ...»: ИЗ ОПЫТА РОССИИ 1914–1917 гг.	378
Сушков А. В., Яркова Е. И. ЗАВЕДУЮЩИЕ ПРОМЫШЛЕННО- ТРАНСПОРТНЫМ ОТДЕЛОМ СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВКП (б) В 1930-е гг.: СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ	384
Фельдман М. А. К ВОПРОСУ О РАЗРУШЕНИИ ПРЕДПРИЯТИЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА В ПЕРИОД ОТСТУПЛЕНИЯ КОЛЧАКОВСКИХ ВОЙСК	396
Филатов В. В. ФИНАНСИРОВАНИЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ УРАЛЬСКОГО СЕЛА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ	402

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Васина Т. А. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В БЕМЫШЕВСКОМ ЗАВОДЕ В КОНЦЕ XVIII–XIX ВВ.	408
Голикова С. В. ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: ПУТЬ С ПЕРИФЕРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ К СОБСТВЕННОЙ ВЕРСИИ ИСТОРИИ	415
Дашкевич Л. А. «ИМЯ ЕГО БУДЕТ ВЫРЕЗАНО ЗОЛОТЫМИ БУКВАМИ В ПАМЯТИ ГОРОДА...» (О ГОРНОМ ИНЖЕНЕРЕ Н. С. МИХЕЕВЕ)	420
Дорошенко В. А. ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО- ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ МОНОПРОФИЛЬНЫХ ГОРОДОВ	427
Журавлева В. А. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ КАК ПРИЧИНА СМЕРТНОСТИ ГОРОЖАН УРАЛА В 1920-х гг.	435
Калзолойо Ф. ПРОМЫШЛЕННОЕ НАСЛЕДИЕ В ОБЩЕМ КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	440
Конов А. А. ПОДГОТОВКА И ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОЧИХ НА СВЕРДЛОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ В 1956–1991 гг.	445
Коноплева Л. А. К ПРОБЛЕМЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА	454
Кот А. М. ПОДГОТОВКА В УГТУ — УПИ ОФИЦЕРОВ ЗАПАСА В 1980–1990-х гг.	460
Кругликова Г. А. КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ: ПРОБЛЕМА ВОСПИТАНИЯ	464

Круглов Е. А. «ГРЕЧЕСКИЙ СЛЕД» МЕЦЕНАТОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ НА КАРТЕ БАШКИРИИ	470
Лахтионова Е. С. ИСТОРИЯ ДВИЖЕНИЯ ЗА СОХРАНЕНИЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ В СТРАНАХ АЗИИ	475
Лызденова В. В. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В СИБИРИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	480
Макарова Н. Н. СИСТЕМА ПРОСВЕЩЕНИЯ В МАГНИТОГОРСКЕ В ПЕРИОД ФОРСИРОВАННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ	487
Мотревич В. П. ИНОСТРАННЫЕ ГРАЖДАНЕ НА УРАЛЕ ПО ДАНЫМ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ СССР 1937 г.	493
Рубин В. А., Фомина Е. А. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВОЕННО-МЕМОРИАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ ЗАПАДНОГО ОРЕНБУРЖЬЯ.....	495
Суворова А. В. К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В НАЧАЛЕ XX в.	503
Тимошенко А. И. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РАЙОНОВ НОВОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ В 1950–1980-е гг.	508
Фаузер В. В., Фаузер Г. Н. ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА	514
Шиловцев А. В. СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НАЧАЛА XXI в.	520
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	526

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всероссийская научная конференция «Урал индустриальный», проведенная первый раз в 1996 г. и с 2000 г. получившая по имени одного из ее организаторов второе название — «Бакунинские чтения», сейчас проводится в 11-ый раз. Конференция уже приобрела значительный авторитет в широких кругах общественности, играет большую роль в научной жизни и исторической науке региона и страны. О ее высоком научном статусе свидетельствуют широкий круг участников — от научных сотрудников, преподавателей вузов, аспирантов до студентов и краеведов, их обширное географическое представительство — от Москвы, Курска и Днепропетровска до Барнаула и Новокузнецка, участие в ее работе большого количества профессиональных историков — академиков, докторов и кандидатов исторических наук, обсуждение на ее заседаниях наиболее актуальных проблем современной исторической науки.

Урал — «опорный край державы» — в течение ряда столетий играл выдающуюся роль в исторических судьбах нашей страны. Предметами обсуждения на очередной XI-й конференции «Урал индустриальный. Бакунинские чтения» станут проблемы индустриальной модернизации Урала в XVIII–XXI вв., место региона в экономической стратегии страны, факторы и механизмы модернизации, ее социокультурные и демографические аспекты.

Комплексное, всестороннее изучение процесса индустриальной модернизации Урала в XVIII–XXI вв. позволит более обстоятельно изучить динамику, темпы, характер и формы общественных трансформаций, проследить особенности складывания и развития российской цивилизации, выявить типологические черты и регионально-историческую специфику развития страны и ее отдельных регионов, углубить наши представления о ходе исторического процесса, определить малоизученные проблемы истории России и Урала, усовершенствовать стратегию и практику исследовательских поисков.

Обсуждение выдвинутых проблем позволит глубже понять и уяснить роль и значение уральской индустрии в мировой индустриальной цивилизации, ее место в системе хозяйственных отношений и связей, установленных в результате модернизационных процессов, протекающих в стране и во всем мире.

Д. В. Гаврилов,

главный научный сотрудник
Института истории и археологии УрО РАН,
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заместитель сопредседателей Оргкомитета
XI Всероссийской научной конференции
«Урал индустриальный.
Бакунинские чтения»

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 94(470)''19''

А. С. Сенявский*

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СССР В XX в.: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ¹

Статья посвящена анализу фундаментальных процессов индустриальной модернизации России в XX в., выявляются механизмы, движущие силы и степень эффективности их осуществления. Сделан вывод о демодернизационном (псевдомодернизационном) характере постсоветского развития России.

Ключевые слова: индустриальная модернизация, технологический уклад, деиндустриализация

XX век в мировой истории стал веком сильнейших потрясений и многочисленных глубоких трансформаций. Две мировые и множество локальных войн, зарождение массовых движений, утверждение и противоборство новых идеологий, претендовавших на мировую гегемонию (либерализм, коммунизм, национал-социализм), раскол мира на противостоящие друг другу социально-экономические системы и военно-политические блоки, распад колониальной системы, холодная война с балансированием на грани «горячей» термоядерной, крах соцсистемы и формирование однополюсного мира с гегемонией Запада во главе с США, развертывание процесса глобализации по-американски, — все это и многое другое сошлось на не столь уж длительном отрезке истории, изменившем весь мир до неузнаваемости.

В центре большинства масштабных исторических потрясений и перемен находилась Россия, которая и сама подверглась глубочайшим изменениям, и радикально повлияла на судьбы человечества. XX век по праву можно назвать веком России. Она явилась ключевым участником двух мировых войн, первой жертвой революционных потрясений этого столетия, подняла знамя коммунистической революции, которое утверждалось потом во многих странах с более чем четвертью мирового населения, превратилась в сверхдержаву и лидера одного из полюсов двухполюсного мира. Дважды — в 1917 и 1991 гг. — страна пережила радикальные повороты в ценностных основаниях государственной и общественной жизни, крах старой государственности и новое государственное строительство.

Но при смене доминирующих идеологий и политического устройства, форм организации экономической и социальной жизни на протяжении почти

*Александр Спартакович Сенявский

Д.и.н., Института российской истории РАН, Москва, Россия; senyavsky@yandex.ru

¹Статья подготовлена в рамках выполнения Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН: «Традиции и инновации в истории и культуре»

всего XX столетия сохранялся основной вектор гораздо более глубоких, «базовых» для российского общества перемен. Речь идет о фундаментальных процессах индустриальной модернизации, т. е. перехода от преимущественно аграрного к индустриальному обществу (экономико-технологические изменения) и урбанизационный переход — переход от сельского к городскому обществу (социально-экономические и экзистенциальные изменения — в системе расселения, занятости, образе жизни и т. д.). К ним примыкают и социально-демографические изменения, которые специалисты называют демографическим переходом — глубокие преобразования семьи, моделей и процессов воспроизводства населения и др. В сущности, это три тесно взаимосвязанные стороны одного и того же явления, но затрагивающего разные пласты жизни общества [3]. Однако они отнюдь не равнозначны в их причинно-следственной взаимосвязи.

Ключевым звеном, стержнем модернизационных процессов является смена технологий, представляющая собой вектор и универсальный объективный показатель исторического прогресса, инвариантный относительно конкретных обществ. Начавшись с промышленной революции, быстрая смена технологических укладов, радикально повышающих эффективность производства, сопровождалась и социальными преобразованиями, которые в свою очередь обеспечивали достижение передового на данный момент технологического уклада или способность сохранять лидирующие позиции, обеспечивая прорыв на очередной технологический виток [2]. Модернизация состояла из ряда стадий, связанных со сменой «технологических доминант». Вектор модернизации и последовательность прохождения ее стадий универсальны, но момент «старта», скорость продвижения, длительность задержки на том или ином этапе в каждой из стран различны. Речь не только о неравномерности развития, об «эшелонах модернизации», но и о моделях модернизационного развития, его механизмах и движущих силах.

Существует миф о либеральной модели как идеальной для модернизационного процесса. Но это, за немногими исключениями, далеко не так. Главное условие успешных модернизаций — опора на социокультурные условия, традиции, качество населения, доминирующие, принимаемые обществом ценности, в т. ч. и в сфере отношений собственности. Модернизационные процессы в России были порождены преимущественно не внутренними условиями, а давлением внешних факторов, чреватых экономическим и военным отставанием страны, угрозой ее национальной безопасности и суверенитету, они носили в значительной степени не органический, а вынужденный и привнесенный характер. Общество почти на всех этапах модернизации не созрело для этих изменений, и именно государство формулировало цели, задачи, модель модернизации, мобилизовывало и направляло на ее осуществление необходимые ресурсы, создавало политические, правовые и даже ключевые экономические ресурсы, требовавшиеся для ее реализации, и т. д. Государство и в XIX в., и в XX в. было главным «модернизатором», поскольку отказ от индустриальной модернизации означал бы упадок и крах российской государственности, а вместе с ней и российской цивилизации.

В XX в. остро стояли вопросы: для чего и как в условиях исторического цейтнота следует осуществлять модернизацию, на какой цивилизационной основе, какими методами, темпами и т. д. Индустриальная модернизация России в XX в. осуществлялась в рамках двух исторических моделей: дореволюционной и советской. Когда речь заходит о постсоветской модернизации, то имеет место большое лукавство: в 1990-е и частью в 2000-е происходила в значительной степени деиндустриализация, а значит и демодернизация.

Дореволюционная модернизация России осуществлялась преимущественно на базе западных капиталов и государственного влияния и участия в экономике (железнодорожное строительство, оборонные заказы и предприятия и т. д.). На этой основе были достигнуты не столь уж впечатляющие успехи, как пытаются сегодня изобразить многие историки, стремящиеся идеализировать и экономический рост, и реформы Витте и Столыпина. Запоздывание с рядом назревших к концу XIX в. реформ, а затем и выбор — в ситуации «исторического цейтнота» после проигранной Русско-японской войны в контексте революционного брожения — неадекватных условиям страны механизмов и средств модернизации, привели Российскую империю к краху.

Столыпинские реформы — насильственное насаждение частной собственности в деревне и разрушение общины в преимущественно аграрной тогда стране — предельно обострили социальную напряженность, приведя, в конечном счете, к социальному взрыву. Крестьяне оказали мощное сопротивление политике по развалу общины, механическому насаждению чуждого западного, фермерско-хуторского опыта в России, и реформа не только не дала прогнозируемого социально-экономического результата (за 1906–1909 гг. — наиболее активный период реформы — из общины вышло лишь 9,4 % крестьянских дворов губерний, вовлеченных в реформу) [4, с. 157], но, главное, настолько обозлила крестьянство, настроила его против власти, что стала одной из глубинных причин революции 1917 г., которая, по сути, — крестьянская революция.

Революция 1917 г. явилась реакцией отторжения традиционным российским обществом модернизационных процессов, осуществлявшихся на основе антитрадиционных «прозападнических» схем. По сути, это был бунт села, причем не только против мировой войны, против «города», ломавшего устои крестьянской жизни, за землю, за сохранение общины, за восстановление традиционализма, в т. ч. и в отношениях собственности. В каком-то смысле революцию 1917 г. (и Февраль, и Октябрь) — в том, что касается не ее верхушечных, идеологических и политических проявлений, а широкого «народного пласта» — можно считать своеобразной «феодальной» реакцией на модернизацию по западным образцам. Но альтернативой модернизации могла быть только гибель государства и российской цивилизации в целом, а потому модернизация была неизбежной. Вопрос заключался в том, какие социальные силы будут ее осуществлять, какую модель выберут, какие инструменты социальной мобилизации задействуют.

История распорядилась так, что потенциал традиционализма после революции — с конца 1920-х гг. — был задействован для рывка из отсталости, для индустриальной модернизации «по-советски». Здесь автор частично солидарен с позицией А. Г. Вишневского, определившего советскую модернизацию как «консервативную»: она «...обеспечивала быстрые и довольно эффективные технические и другие инструментальные перемены за счет консервирования многих основополагающих звеньев традиционалистского социального устройства» [1, с. 7]. Частично, потому что, во-первых, в этом определении содержится элемент явно негативной оценки советской модернизационной модели (в сопоставлении с «прогрессистскими», западными и эпигонскими вестернизаторскими моделями); во-вторых, абсолютизируется консерватизм модели. Но в том то и дело, что советская модернизация была вызвана «ходом вещей», т. е. была вызвана объективными причинами, оказалась чрезвычайно эффективной с точки зрения достижения стоявшей перед ней главной цели — обеспечить выживаемость страны в условиях внешней угрозы и достичь паритета сил с геополитическими соперниками.

Идеологическое оформление стало лишь инструментом социальной мобилизации и «вывеской», но не сутью. Суть же действительно была традиционалистская, но не в смысле «ретроградности», а в смысле «органичности»: власть не ломала ценности, уклад, образ жизни основной массы населения (что неизбежно в контексте либеральной модели), а опиралась на них; преобразование же традиционализма происходило само собой по мере накопления «технологических» и «инструментарных» перемен. Советская модернизация была столь же противоречивой, сколь и парадоксальной: она осуществлялась на традиционалистской основе, приобретала формы и идеологическое оформление, созвучное настроениям и ценностям традиционного российского общества, и вела к форсированной трансформации и ломке традиционализма в значительной мере под лозунгами его сохранения.

Не либералы, а леворадикальные марксисты (тоже «западники») стали воплощать в политике традиционалистские ценности, проводить в жизнь «традиционалистскую» модель модернизации. Успех советской индустриальной модернизации в 1930–1950-е гг. был определен во многом тем, что государственная собственность вполне соответствовала существовавшему, относительно передовому в тот период технологическому укладу, предполагавшему в организации производства (фабрично-заводском, преимущественно конвейерном) большую концентрацию людей, техники, материальных ресурсов. Именно государственная собственность позволяла обеспечить мобилиционный форсированный вариант модернизации, на основе концентрации ресурсов на ключевых «направлениях прорыва».

В результате второй, советской, модернизации Россия стала сверхдержавой, второй по экономической мощи и сохраняла эти позиции почти полвека.

Однако в экономическую модель, созданную в 1930-е гг. (но не в модель модернизации в целом), была заложена консервация с каждым годом устаревавшей отраслевой структуры экономики, которая расширенно вос-

производила себя и позднее, — в условиях, когда мировая экономика совершала новые технологические перевороты. В итоге советская экономика «наслаивала» пласты новых, современных технологических укладов на воспроизводившиеся (нередко расширенно) уклады прошлого или даже позапрошлого уровня. «...Становление новых технологических укладов почти не затрагивало уже сложившиеся производственно-технологические структуры» [2, с. 190].

Технологическая многоукладность советской экономики вызвала затяжной структурный кризис, причем к середине 1980-х — началу 1990-х гг. страна уже на два десятилетия запоздала со структурной перестройкой экономики, происходившей в мире. Именно она (а не радикальный передел собственности под лозунгами «демократизации», возвращения к мифическим «общечеловеческим ценностям» и т. п.) отвечала интересам всего общества и задачам экономического развития, а ее осуществление было вполне реально в рамках существовавшей модели общественного развития.

Что касается полноты и «завершенности» модернизационных перемен, то вопрос о параметрах «полноты модернизации» остается дискуссионным. Далеко не все, что относят к модернизационному процессу либеральные теоретики, является полезным и даже приемлемым для конкретных социумов, стран и народов. «Общечеловеческие ценности» на деле являются навязываемыми западом ценностями либерализма, исторически (а значит, преходяще) выгодных этой социкультурной общности и локальной цивилизации, прежде всего — для обеспечения собственных геополитических интересов.

Но даже если Россией и выбран был путь «либерализации экономики», либеральной модернизации, то позитивный пример был показан Китаем, сумевшим не только сохранить единство своей страны в условиях реформ, но и обеспечить мощный экономический и технологический рывок. Эта страна в конце XX в. показала, что идеологии и экономические модели являются не самоцелью, а лишь средством обеспечения национально-государственных интересов в конкретно-исторических условиях.

У России (тогда — СССР), безусловно, была объективная потребность в очередной, третьей в XX в. модернизации. Ее и призваны были осуществить давно назревшие к середине 1980-х — 1990-м гг. реформы. Однако вместо модернизационного рывка Россия получила лишь криминальный передел собственности с формированием ряда социальных противоречий, по своей остроте и глубине превосходящие противоречия начала XX в., которые привели тогда страну к социальной революции и Гражданской войне. Реформы 1990-х гг. обернулись катастрофическим спадом производства вдвое, а в секторах высоких технологий — до 90 % и более, утратой большинства высокотехнологичных производств, невиданным социальным расслоением и т. д. Произошла переориентация российской экономики на преимущественно сырьевой сектор, прежде всего, на топливно-энергетическую его часть, превращение страны в «сырьевой придаток» развитых западных стран. Негативные аспекты реформ 1990–2000-х гг. могут иметь весьма серьезные долго-

временные последствия — с перспективой новых социальных и национально-государственных потрясений.

Постсоветское развитие можно рассматривать как демодернизацию, или псевдомодернизацию, имеющую характер «идеологической декорации». Поэтому собственно модернизационные процессы в XX в. можно рассматривать лишь в пределах до 1990-х гг.: далее начинается потерянное для модернизации страны время. Поэтому и проблема, обозначенная в заглавии, хронологически может быть ограничена концом 1980-х гг.: далее — принципиально иные процессы.

Библиографический список

1. *Вишневский А. Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
2. *Глазьев С. Ю.* Экономика и политика: эпизоды борьбы. М., 1994.
3. *Сенявский А. С.* Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. М., 2003.
4. Судьбы реформ и реформаторов в России. М., 1999.

A. S. Senyavsky

Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History, RAS (Moscow, Russia)

Industrial Modernization in Russian Empire and USSR in the 20th century: Continuity and Opposite

The paper analyzes the fundamental processes of industrial modernization in Russia in the 20th century. The article identifies the mechanisms, driving forces and the degree of effectiveness of their implementation. The author made a conclusion about demodernization (pseudo-modernization) nature of post-Soviet development of Russia.

Key words: industrial modernization, technological system, deindustrialization

УРАЛО-КУЗБАСС: ГРАНДИОЗНЫЙ ПРОЕКТ МИРОВОГО МАСШТАБА¹

В статье освещается история возникновения и осуществления проекта Урало-Кузнецкого комбината, роль Урало-Кузбасса в развитии индустрии страны, его вклад в Победу стран антигитлеровской коалиции во II Мировой войне.

Ключевые слова: Урало-Кузбасс, план ГОЭРЛО, первый пятилетний план, Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, Уральский завод тяжелого машиностроения (Уралмаш)

Проект создания Урало-Кузбасса — соединения мощных залежей железной руды на Урале с расположенным более чем в 2 000 км от него в Западной Сибири Кузнецким каменноугольным бассейном в единый производственный комплекс, вызвавший удивление на Западе и сомнения в возможности его осуществления в СССР у партийных оппозиционеров и старых до-революционных специалистов, — поразил своей грандиозностью весь мир. Буржуазная печать капиталистических стран высмеивала проект за его утопичность, специалисты считали его нерентабельным и неисполнимым. Утверждалось, что если построить грандиозный металлургический завод в центре Сахары и доставлять руду, уголь, готовые металлы на верблюдах, это обойдётся дешевле, чем строить такой завод на Урале в голой степи и возить к нему уголь из Кузбасса.

Л. Д. Троцкий предостерегал против бурного развития промышленности и предсказывал скорый ужасающий кризис. Л. Б. Каменев выдвинул лозунг: «реже шаг!». Против заданий первой пятилетки выступали Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, М. П. Томский. Г. Я. Сокольников предлагал уменьшить средства, выделяемые по госбюджету на развитие промышленности и направить их в сельское хозяйство.

Против идеи Урало-Кузбасса активно выступили специалисты украинского Госплана во главе с профессором Я. Б. Диманштейном. Они утверждали, что развивать металлургию надо в старых, обжитых районах — на Юге России, что развивать ее в восточных районах «экономически нецелесообразно», явно «убыточно», «абсолютно утопично». Первый секретарь Сибирского краевого комитета партии С. И. Сырцов заявил, что планы индустриального развития Сибири — это промышленный романтизм, дело очень далекого будущего, полезнее сосредоточить усилия на развитии сельского хозяйства² [15, с. 202, 203; 21, с. 329, 330; 28; 37].

*Дмитрий Васильевич Гаврилов

Д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

¹Работа выполнена по бюджетной теме Х.105 и программе ОИФН № 12-Т-6-1003

²Четырнадцатый съезд ВКП (б): стенографич. отчет. М.; Л., 1926; Пятнадцатый съезд ВКП (б): стенографич. отчет. М., 1962; Шестнадцатый съезд ВКП (б): стенографич. отчет. М., 1935. Т. 1–2.

Против разработки планов Урало-Кузбасса выступал известный ученый-металлург В. Е. Грум-Гржимайло. Он писал: «Уральцами овладела магия величия. Мне кажется, вопрос о новых заводах должен быть в корне пересмотрен... Я настаиваю на том, что кормильцами Урала будут маленькие заводы-специалисты..., а не гиганты на глиняных ногах... Оси, железнодорожные скаты, изложницы, отливки труб, чугунная посуда, косы... обеспечат неисчерпаемый для Урала запас денег» [16, с. 22].

Жизнь подтвердила правильность линии, направленной на создание заводов-гигантов, а не накопывание «неисчерпаемого запаса денег». Вопреки мнениям пессимистов, маловеров и оппортунистов, несмотря на пессимистические прогнозы политиков и математические расчеты специалистов, проект был принят и начал воплощаться в жизнь. 26 марта 1929 г. на расширенном заседании Совнаркома СССР и СТО с представителями регионов был принят проект первого пятилетнего плана, важнейшей составной частью которого было создание Урало-Кузбасса.

План в апреле 1929 г. был одобрен XVI партийной конференцией и окончательно утвержден в мае 1929 г. V съездом Советов СССР. СНК СССР принял постановление «О строительстве новых заводов черной металлургии», а 15 мая ЦК ВКП (б) вынес постановление «О работе Уралмета», в котором указывалось: «Жизненно необходимым условием быстрой индустриализации является создание на востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири»³. Постановление ЦК в июне 1930 г. подтвердил XVI съезд ВКП (б).

Идея создания Урало-Кузбасса — соединения железной руды Урала с коксующимся каменным углем Кузбасса в единый промышленный комплекс — была не нова. Она была выдвинута в конце XIX в., ее поддержал великий русский ученый Д. И. Менделеев, она оживленно обсуждалась в годы экономического кризиса 1900–1903 гг., промышленной депрессии 1904–1909 гг. в промышленных и финансовых кругах, экономистами и металлургами, особенно активно — в 1912–1916 гг. на съездах уральских горнопромышленников.

Первые попытки воплощения этой идеи в жизнь, разрозненные, обособленные друг от друга, ограниченные по своим масштабам, робкие и неуверенные, были предприняты накануне I Мировой войны. Крупные уральские горно-заводские округа стали скупать в Кузнецком бассейне угленосные участки, там было заложено несколько шахт, велись опыты по коксованию угля, предполагалось построить в Кузбассе металлургический завод. Однако начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война, отказ правительства и банков предоставить кредиты на строительство металлургического завода — остановили эти начинания и планы остались нереализованными [8, с. 73–75; 28, с. 73–75].

После Октябрьской революции 1917 г. создание Урало-Кузбасса было выдвинуто В. И. Лениным и большевиками в качестве важнейшей неотлож-

³О работе Уралмета: Постановление ЦК ВКП (б). 15 мая 1930 г. // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов. М., 1957. Т. 2. С. 174–180.

ной и насущной государственной задачи. Сразу же после прихода к власти большевики выдвинули своей очередной задачей всемерное развитие производительных сил страны, в первую очередь — тяжелой промышленности: металлургии, каменноугольной промышленности, машиностроения, химии, выступили за более рациональное территориальное размещение производительных сил в стране и, в частности, за сдвиг промышленности на Восток [27, с. 165–208, 228–231].

18 марта 1918 г. Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) принял решение о создании Урало-Кузнецкого комбината. Оно было поддержано Лениным и руководителями горнометаллургической промышленности. К разработке проекта были привлечены известные петроградские и уральские ученые — металлурги, геологи, экономисты. Идея Урало-Кузбасса встретила энергичную поддержку на Урале и в Западной Сибири⁴ [14, с. 60–77; 26, с. 199].

На Урале развернулись энергичные разведочные работы по поиску железных руд, в Томске «проектное бюро» во главе с известным металлургом М. К. Курако напряженно работало над проектированием Кузнецкого металлургического завода. На Урале и в Сибири шли изыскательные работы по изучению лучших путей — железнодорожных и водных — доставки кузнецкого угля на Урал.

Развернувшаяся в стране летом 1918 г. масштабная гражданская война, временное установление на Урале и в Сибири власти белогвардейских правительств прервали проведение практических работ по осуществлению проекта⁵ [3, с. 129–137; 10, с. 77–87; 14, с. 68–69; 28, с. 73–75].

После окончания гражданской войны необходимость в первую очередь восстановить разрушенное народное хозяйство, преодолеть экономическую разруху, оживить остановившийся транспорт отодвинули осуществление Урало-Кузнецкого проекта на неопределенное время. Но основные идеи, заложенные в проекте Урало-Кузбасса, рациональные предложения, содержащиеся в разработанных в 1918–1920 гг. проектах Урало-Кузбасса, вошли в качестве органической части в план ГОЭРЛО, принятый в декабре 1920 г. VIII Всероссийским съездом Советов. В подготовке плана участвовали свыше 200 ученых.

План ГОЭРЛО, впервые в мировой истории определивший научно обоснованные пути развития народного хозяйства страны на ближайшее будущее, предусматривал осуществить модернизацию огромной, притом разоренной двумя войнами страны на базе самого передового в то время вида энергии — электричества. Тридцать мощных районных электростанций, сооружаемых в основных промышленных районах страны, должны были стать опорными пунктами индустриального развития страны.

Большое место в плане уделялось Уралу. «Главнейшим богатством района, определяющим роль района в народнохозяйственной жизни Рос-

⁴Национализация промышленности на Урале (октябрь 1917 — июль 1918 гг.): сб. документов. Свердловск. 1958. С. 275–277.

⁵Там же. С. 232–234, 255–256, 267–277.

сии, — говорилось в докладе комиссии ГОЭРЛО об Урале, — являются его ископаемые, по своему разнообразию и мощности представляющие исключительное явление... Интересы всего народного хозяйства, регулируемого по определенному государственному плану, выдвигают Урал на первый план, так как положение Урала на границе Европейской России и Сибири с ее необъятными перспективами развития повелительно диктует возможно полное использование его богатств». Основу электрификации Уральского района должны были составить три крупные районные электростанции, работавшие на местном некоксуемом угле — Кизеловская, Челябинская, Егоршинская и небольшая гидростанция на р. Чусовой⁶ [17, с. 32].

Урал должен был стать «местом крупной металлургии современного типа путем постройки крупнейших металлургических заводов в местах, богатых рудой». Планировалось построить на Урале три мощных металлургических завода: у горы Магнитной, в Высокогорском и Богословском районах. Выдвигалась большая историческая задача — осуществить минерализацию топливного баланса региона, половину чугуна выплавлять на коксующихся углях, внедрить в уральскую металлургию самые передовые технологии — электроплавку, производство электростали и электросплавов, применяя механизацию и электрификацию увеличить добычу железной руды и выплавку чугуна по сравнению с дореволюционным временем в 2–3 раза⁷.

Объединение Урала с Западной Сибирью в единый хозяйственный комплекс план считал важнейшим мероприятием для развития металлургии всей страны. Тем не менее, назвав Западную Сибирь районом с «громкими сибирскими расстояниями», в котором только что появились железные дороги, комиссия ГОЭРЛО заявила, что развитие горной промышленности там в крупных масштабах в то время было совершенно невозможным. Указав, что развитие Кузнецкого каменноугольного района имеет особое значение для Урала, план отметил его важное экономическое значение⁸.

В докладе комиссии ГОЭРЛО отмечалось, что полоса угольных пластов бассейна простирается с северо-запада на юго-восток на протяжении 340 верст, имеет ширину до 110 верст, угольные пласты залегают толщиной до 15 м. По качеству кузнецкий уголь являлся одним из лучших спекающихся углей, давал до 84 % кокса. Запасы Кузнецкого бассейна, по заключению комиссии, были в 10 раз больше запасов Донецкого бассейна. Добыча угля в Кузбассе обходилась в полтора раза дешевле, чем в Донбассе [6, с. 44–45].

К началу восстановительного периода экономика Урала была в тяжелейшем положении. Первая мировая и гражданская войны, полторагодовые военные действия на территории региона нанесли народному хозяйству огромный ущерб. Большинство заводов были разграблены и разрушены, остановлены из-за отсутствия руды и топлива, многие шахты и рудники взорваны и затоплены, транспорт — парализован, население голодало.

⁶План электрификации РСФСР: Доклад VIII съезду Советов государственной комиссии по электрификации России. Изд. 2-е. М., 1955. С. 517, 518.

⁷Там же.

⁸Там же. С. 598–600, 603–604; Труды ГОЭЛРО: документы и материалы. М. 1960. С. 84.

На большинстве заводов оборудование находилось в неисправности, некомплектности, отсутствовали сырье и топливо, не было возможности их заготовить, отсутствовали необходимый транспорт, финансовые средства, продовольствие, не было достаточного количества квалифицированных рабочих. По отношению к довоенному 1913 г. объем промышленной продукции на Урале в 1920 г. составил 12 %, выплавка чугуна — 9 %. В конце 1920 г. на Урале действовали только 2 доменные печи и 6 прокатных станков, не работал ни один мартен. В 1921 г. непрерывно в течение года работал только один Надеждинский завод [4, с. 534].

Усилия властей и хозяйственных органов были направлены в первую очередь на восстановление и развитие ведущими отраслей уральской крупной промышленности — металлургии и металлообработки, что требовало больших материальных и финансовых средств, которых тогда не было в распоряжении советского государства. Из имевшихся на Урале 96 металлургических заводов 44 завода (45,8 % их общей численности, то есть почти половина) были остановлены, законсервированы или подготовлены к ликвидации [4, с. 518–519; 20, с. 69]. Восстановление уральской металлургии шло медленно. Запускали потухшие домны, расплавляли застывшие «козлы» в мартеновских печах, вновь начинали работать прокатные станы.

Производство концентрировалось на крупных, технически более хорошо оснащенных и обеспеченных сырьем заводах. Проводилась механизация рудников, стало осуществляться в значительных размерах обогащение руд. Начался перевод уральской металлургии с древесного на минеральное топливо. 13 июня 1924 г. на Нижнесалдинском металлургическом заводе была проведена первая на Урале плавка чугуна на кузнецком коксе. Затем на минеральное топливо были переведены доменные печи Кушвинского, Нижнетагильского, Надеждинского и других металлургических заводов [4, с. 536; 31, с. 21–35].

Восстановление и частичная реконструкция уральской металлургии подходили к концу. В 1925/1926 г. на Урале уже действовали 32 доменные печи, 47 мартеновских печей, 84 прокатных станков и клетей. В 1927/28 г. уральская металлургия вышла на уровень довоенного 1913 г. по производству проката — на 98,3 %, по выплавке стали — на 104,6, по выплавке чугуна — на 75,6 %. На кузнецком коксе в 1923/1924 г. было выплавлено 4 % уральского чугуна, 1924/1925 г. — 15 %, в 1925/1926 г. — 18 %, в 1926/1927 г. — 27,5 %. Этим было положено практическое широкомасштабное начало созданию Урало-Кузнецкого комбината как промышленного комплекса [19; 31, с. 27, 28, 31–34; 35, с. 29].

Однако отдаленность Кузнецкого бассейна и чрезвычайная перегруженность Транссибирской железнодорожной магистрали не позволяли возлагать на Кузбасс большие надежды. Начавшийся перевод уральской металлургии на кузнецкий кокс и каменный уголь способствовал росту угледобычи в Кузбассе. В 1924/1925 г. в Кузбассе было добыто 982,8 тыс. т угля, в 1925/1926 г. — 1 715,5 тыс. т, в 1927/1928 г. — 2 387,0 тыс. т, в

1928/1929 г. — 2 877,9 тыс. т, то есть за 4 года увеличился почти в 3 раза⁹. Но это был только пролог Урало-Кузбасса.

Масштабное практическое осуществление проекта Урало-Кузнецкого комбината развернулось в годы Первой пятилетки, в 1928–1932 гг., когда были построены и введены в эксплуатацию три главные объекты Урало-Кузнецкого комбината — Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты и Уральский завод тяжелого машиностроения (УЗТМ, Уралмаш), которые должны были стать локомотивами, призванными потянуть за собой экономику слабо освоенных в хозяйственном отношении двух огромных регионов страны — Урала и Сибири [2, с. 94–96].

Еще 17 июня 1927 г. Совет Труда и Оборона СССР (СТО) принял постановление «О капитальном строительстве заводов металлопромышленности», которым обязал закончить в годичный срок проектирование завода у горы Магнитной. В декабре 1928 г. состоялась сессия Технического совета Гипромеца, которая приняла проект, составленный Уралгипромецом. Он был одобрен ВСНХ, а затем 17 января 1929 г. утвержден объединенным заседанием СНК СССР и СТО. К проектированию и строительству завода была привлечена американская инженерная корпорация «Артур Дж. Мак-Ки» из Кливленда (штат Огайо).

Мощность завода сначала планировалась в 656 тыс. т чугуна в год, ЦК ВКП (б) в феврале 1930 г. определил ее в 2,5 млн т с последующим расширением до 4 млн т. Магнитогорский металлургический комбинат должен был стать одним из самых крупных в мире металлургических предприятий, производить столько металла, сколько его давала вся металлургическая промышленность дореволюционной России. Рудной базой комбината была гора Магнитная, почти целиком состоявшая из высококачественных магнетитов с содержанием железа 68–70 %.

Магнитогорский металлургический комбинат был копией самого большого в то время и самого лучшего по техническому оснащению американского металлургического завода Гэри «Ю. С. стил компани», находившегося в штате Индиана. Основное проектирование металлургических цехов, оснащение оборудованием и техническое руководство строительством комбината вела американская компания «Мак Ки». Техническое оснащение металлургических цехов комбината было поставлено фирмами США и Западной Европы.

Строительство комбината началось в марте 1929 г. У подножья горы Магнитной, на голом месте, в безлюдной степи, вдали от промышленных центров, появились палатки, временные легкие бараки, землянки, балаганы и шалаши первых строителей. 1 июля 1930 г. состоялась закладка первой доменной печи. Одновременно началось строительство города Магнитогорска и плотины на реке Урал, к стройке была срочно проложена одноколейная железнодорожная линия длиной в 145 км.

⁹Контрольные цифры Уралмета на 1928/29–1932/33 гг. Свердловск, 1928. С. 5; Кузнецкий угольный бассейн: стат. справочник. М., 1959. С. 99.

Вся страна помогала строить флагман уральской металлургии. 158 отечественных заводов поставляли в Магнитогорск оборудование и строительные материалы, 108 учебных заведений готовили кадры. В строительстве комбината принимали участие 752 иностранных специалиста, главным образом, американцы и немцы. Среди строителей развернулось соревнование за ускорение темпов работ и высокое их качество. Возведение домны № 2 было объявлено ударной комсомольской стройкой.

1 февраля 1932 г. вступила в строй первая доменная печь объемом в 1 180 м³, самая крупная в Европе. До этого самой крупной в СССР была доменная печь объемом в 730 м³, в Европе — домна на заводе Геш в Дортмунде в Германии объемом 914 м³. Магнитогорская домна была полностью механизирована: имела бункерное хозяйство, автоматический вагоновес, скиповый подъемник, разливочную машину и другие механизированные агрегаты, превосходившие по техническим данным оборудование западноевропейских стран. Вторая доменная печь («Комсомольская») объемом тоже в 1 180 м³ и так же механизированная, была пущена 7 июня 1932 г. В июне 1933 г. в строй действующих вступила третья доменная печь объемом в 1 204 м³, в декабре — четвертая объемом в 1 180 м³.

В 1933 г. были пущены четыре мартеновские печи каждая емкостью в 150 т. 28 июля 1933 г. вступил в строй первый блюминг, поставленный немецкой фирмой «Демаг». Затем были пущены станы «630» и «450», а с пуском в июле 1934 г. сортового «500», одного из самых крупных станов этого типа в мире, завершилось строительство первой очереди комбината. В 1935–1937 гг. были введены в эксплуатацию два стана «300» и стан «250», шесть мартеновских печей. Накануне войны Уралмаш поставил комбинату непрерывно-заготовочный стан «720» и второй блюминг — «1150».

Магнитогорский гигант был построен в рекордно короткий срок. Завод Гэри в США строился 10–12 лет, Магнитогорский комбинат, не уступавший ему по мощности, был сооружен за 2,5–3 года. Накануне Великой Отечественной войны Магнитогорский металлургический комбинат имел 4 самые большие в Европе доменные печи объемом более 1 000 м³, 16 крупных мартеновских печей емкостью до 185 и 300 т, два мощных, наиболее крупных в стране блюминга, непрерывные заготовительные станы, крупнейший в мире универсальный прокатный стан «500», самый большой в Европе проволочный стан, четыре коксовые батареи, комплекс дробильно-обогащительных и агломерационных фабрик. Форсированными темпами строились 5-я доменная печь, новые мощные мартеновские печи, в том числе емкостью в 350 т.

В 1940 г. комбинат выплавил 11,4 % общесоюзного чугуна, 8,9 % общесоюзной стали, 9,1 % общесоюзного проката, 8,7 % общесоюзного кокса, добыл 18,7 % общесоюзной железной руды. В 1937 г. одна гора Магнитная дала железной руды столько же, сколько вся железорудная промышленность Германии [12, с. 306–311; 13, с. 21–64; 18, с. 152–161; 36, с. 19–26].

В 1927 г. было принято постановление о строительстве на Урале в г. Свердловске большого завода тяжелого машиностроения союзного значения — Уральского завода тяжелого машиностроения (УЗТМ, Уралмаша) мощностью до 200 тыс. механоизделий в год. Проектирование завода велось при участии консультантов из Германии и США. Завод должен был стать составной

частью Урало-Кузнецкого металлургического комбината, производить оборудование для горной и металлургической промышленности Урала и Сибири.

Уралмаш был оснащен самыми современными механизмами и агрегатами, поставленными в основном германскими и английскими фирмами, среди которых были мартеновские печи системы Вельмана, электропечи фирмы «Демаг», вагранки фирмы Кригера, формовочные машины фирмы Шотца, краны английской фирмы «Шепард», прессы, пескоструйные аппараты, пилы, насосы, компрессоры. Завод имел уникальное оборудование, в том числе крупные тяжелые станки: токарный с двумя передними бабками высотой центров 1,5 м и расстоянием между ними 20 м. На нем можно было обрабатывать заготовки весом в 120 т; карусельный станок с диаметром планшайбы 6,2 м; зуборезный станок для обработки цилиндрических шестерен диаметром до 5 м. Установленный в кузнечно-прессовом цехе парогидравлический пресс германской фирмы «Гидравлик» мощностью 10 тыс. т мог изготавливать поковки весом в 100 т. Такие прессы тогда во всем мире насчитывались лишь единицами.

Уже в 1937 г. Уралмаш выпустил машины 79 типов, из которых 61 стала изготавливаться в СССР впервые. К середине 1941 г. завод выпустил оборудование для 18 крупнейших доменных печей, производительность которых составляла половину всей выплавки чугуна в стране. Своими производственными мощностями завод был способен за один год поставить все оборудование для крупного металлургического завода мощностью в 1,5 млн т чугуна и стали в год¹⁰ [2, с. 94–96; 16, с. 16–121; 36, с. 44–53].

Одновременно с созданием Урало-Кузбасского комбината на Урале шло большое промышленное строительство. В январе 1931 г. началось строительство Новотагильского металлургического завода (НТМЗ), который проектировали и строили отечественные специалисты. На заводе предполагалось установить четыре доменные печи — две объемом по 1 100 м³, две — по 1 300 м³, 13 мартеновских печей — три 100-тонных и десять 225 — 250-тонных, мощный блюминг с годовой производительностью в 2 млн т слитков, установить сортопрокатный и тонколистовой станы. Но строительство велось медленно и затянулось на длительный срок. Лишь в октябре 1937 г. был пущен бандажный цех, 25 июня 1940 г. вошла в строй первая доменная печь объемом в 1 100 м³, одновременно принят в эксплуатацию коксохимический завод в составе двух батарей. В сентябре пущены две мартеновские печи, каждая производительностью до 165 тыс. т стали в год, в декабре — вторая домна такого же объема и той же мощности, что и первая. Завод не был еще полностью достроен, но уже накануне Великой Отечественной войны представлял мощное металлургическое предприятие [5, с. 344].

В годы довоенных пятилеток на Урале были построены крупные заводы, оснащенные передовой техникой — Челябинский ферросплавный, Красноуральский и Среднеуральский медеплавильные, Пышминский электролитный, Уральский алюминиевый, Уфалейский никелевый, Челябинский цинковый, Березниковский химический и Соликамский калийный комбинаты, Уральский вагоностроительный и Челябинский тракторный заводы, Синар-

¹⁰История индустриализации Урала (1933–1937 гг.): сб. документов и материалов. Свердловск, 1984. С. 181.

ский и Первоуральский трубные заводы, Уральский завод электромашин, Челябинский и Свердловский станкостроительные заводы. Подверглись коренной реконструкции старые металлургические заводы — Верхисетский, Златоустовский, Лысьвенский и другие, были заложены новые мощные шахты в Кизеловском и Челябинском угольных бассейнах, началась добыча нефти в Предуралье и Башкирии [11, с. 456].

Значительный рост произошел в электроэнергетике. Дали промышленный ток Челябинская, Кизеловская, Егоршинская ГРЭС, Березниковская и Магнитогорская ТЭЦ, ТЭЦ Уралмаша, Среднеуральская ГРЭС (СУГРЭС) и другие. В 1935 г. общая мощность уральских электростанций достигала 568 тыс. квт, что в 2,2 раза превышало мощность электростанций, намеченную для Урала планом ГОЭЛРО [1, с. 198].

В результате осуществления Урало-Кузнецкого проекта Урал превратился в мощный металлургический район, оснащенный преимущественно новой, передовой по тому времени техникой. В 1934 г. на XVII съезде ВКП(б) В. В. Куйбышев заявил, что «Урал становится одним из наиболее передовых в технико-экономическом отношении индустриальных центров СССР» [25, с. 479].

Ведущим предприятием промышленности Западной Сибири должен был стать Кузнецкий металлургический комбинат (КМК). Его проектирование началось в 1926 г., проект был составлен американской фирмой Фрейна. 22 марта 1928 г. Президиум ВСНХ принял решение о строительстве Тельбесского (Кузнецкого) завода, 15 января 1929 г. это решение подтвердил Совет Труда и Оборона (СТО). 20 апреля 1929 г. был утвержден технический проект комбината.

Поскольку надежных данных о размерах запасов местных сибирских железных руд не имелось, предполагалось, что завод будет работать на привозной магнитогорской руде, доставляемой с Урала за 2 372 км, а в этих же вагонах на Урал будут отправляться кузнецкие кокс и каменный уголь, будет осуществляться операция: «обмен угля — на железную руду». По первоначальному проекту мощность завода намечалась в производстве в год 400 тыс. т чугуна, затем она была увеличена до 505 тыс. т и окончательно установлена в 1 200 тыс. т, с последующим доведением ее до 1 650 тыс. т [22, с. 431; 33, с. 110–113].

Строительство комбината началось в тайге, в глухой, неосвоенной местности. Одновременно со строительством завода рядом возводился для строителей и будущих металлургов новый город. Все работы — земляные, бетонные, монтажные, — велись непрерывно, даже ночью при свете прожекторов, несмотря ни на какую погоду, дождь и снег, сибирские морозы.

1 мая 1930 г. был заложен фундамент первой доменной печи. Среди строителей массовым явлением стали соревнование и ударничество, темпы строительства систематически перевыполнялись. 3 апреля 1932 г. завод выдал первый чугун, 19 сентября была получена первая кузнецкая сталь, 5 ноября на блюминге прокатаны первые слитки, затем был пущен рельсобалочный стан, в декабре прокатаны первые сибирские рельсы, балки и швеллеры. За 2,5 года в таежной Сибири был построен мощный современный металлургический завод с полным металлургическим циклом.

В состав завода входили: доменный цех с 4 домнами объемом около 1 000 м³ с годовой производительностью в 1 200 тыс. т чугуна; мартеновский цех с 15 мартеновскими печами емкостью в 150 т с годовой производительностью 1450 тыс. т стали в год; прокатный цех, объединяющий блюминг, стан «900», прокатные станы: рельсобалочный, листовой среднесортный и мелкосортный, проволочно-сортовой «250» с общей производительностью всех прокатных цехов в 1 300 тыс. т; большой коксохимический цех с производительностью в 1 300 тыс. т кокса в год; крупное энергетическое хозяйство, ремонтные и вспомогательные цехи. В последующие годы емкость мартеновских печей была увеличена до 185 т, а накануне Великой Отечественной войны на комбинате была сдана в эксплуатацию крупнейшая в стране мартеновская печь емкостью в 350 т.

Кузнецкий металлургический комбинат по своей мощности и техническому оснащению сразу вошел в первую десятку крупнейших металлургических заводов мира¹¹ [24, с. 12–58; 29, с. 175–178; 33, с. 113–116; 34, с. 18].

В Кузбассе развернулось бурное шахтное строительство. В первой пятилетке было заложено 40 мощных шахт средней производительностью в 2 271 тыс. т, общей мощностью до 35 млн т угля в год. На шахтах энергично внедрялась новая техника. В 1937 г. в распоряжении шахтеров бассейна находилось 47 мощных врубовых машин, 102 электровоза, около 1 800 пневматических и электрических отбойных молотков, 566 пневматических буровых молотков, 1 176 электросверл, 600 конвейеров и другие механизмы. В 1928 г. удельный вес механизированной угледобычи составлял 10,7 %, в 1932 г. — 43,5, в 1937 г. — 95,8 %¹² [7, с. 65, 91].

В 1927/1928 г. в Кузбассе было добыто 2 387 тыс. т угля, спустя четыре года, в 1932 г. — 6 779,7 тыс. т, то есть в 2,8 раза больше, в 1937 г. бассейн дал 17 204,4 тыс. т угля — в 7,2 раза больше, чем в 1927/1928 г. Вступали в строй одна за другой высокомеханизированные шахты-гиганты. Г. К. Орджоникидзе, отмечая достижения угольной промышленности, сказал: «Для того, чтобы посмотреть образцы хорошей работы, хорошей механизации, для этого нашим угольщикам надо ехать не в Германию и Америку, а съездить в Кузбасс и посмотреть, как дело там поставлено» [30, с. 348].

Создание Урало-Кузбасса дало мощный импульс индустриализации всей Западной Сибири. В регионе начинают бурно развиваться химическая и коксохимическая промышленность, цветная металлургия. Вступил в строй крупный Беловский цинковый завод. В Новосибирске, Омске и Томске воздвигались машиностроительные заводы. Была расширена пропускная способность Транссибирской железнодорожной магистрали, в Кузбассе проложены железные дороги, связавшие шахты и рудники с металлургическим комбинатом. В годы первой пятилетки, в Западной Сибири была построена 21 электростанция, в их числе — крупные Кузнецкая ТЭЦ и Кемеровская ГРЭС [1, с. 301, 302; 34, с. 19–20].

В 1940 г. в Кузбассе было произведено свыше 10 % общесоюзного металла, более 22 % цинка, 13,5 % каменного угля, 14 % кокса, почти

¹¹Бардин И. П. Жизнь инженера. М., 1938. С. 198.

¹²Основные показатели народнохозяйственного плана Западной Сибири на 1935 г. Новосибирск, 1935. С. 15.

17 % аммиака и т. п. Западная Сибирь превращалась в один из мощных индустриальных регионов страны [7, с. 97].

С созданием Урало-Кузнецкого комбината было практически осуществлено соединение уральской железной руды с кузнецким каменным углем, произошел масштабный обмен железной рудой и каменным углем между Уралом и Кузбассом. Объемы поставки кузнецкого угля уральской промышленности в рамках выполнения проекта Урало-Кузбасса показывает таблица 1.

Таблица 1

**Поставка кузнецкого угля уральской промышленности
в 1924–1937 гг.**

Год	Добыто угля в Кузбассе, тыс. т	Поставлено уральской промышленности	
		тыс. т	%
1923/1924	953	—	—
1924/1925	977	66,74	6,8
1925/1926	1558	181,67	11,7
1926/1927	2326	172,04	7,4
1927/1928	2356	168,75	7,2
1928/1929	2874	799,0	27,8
1929/1930	3492	1 500,0	42,9
1935	13 705,6	4 290	31,3
1937	17 204,3	7 090	41,2

Таблица составлена по: *Тиунов В.* Урало-Кузнецкий комбинат. М., 1931. С. 18.

В осуществление Урало-Кузбасского проекта в 1930-х гг. Магнитогорский железный рудник в 1932–1937 гг. почти всецело работал на нужды Магнитогорского и Кузнецкого металлургических комбинатов, ежегодно отправляя в Кузнецк от 36 до 44 % добытой руды (см. табл. 2).

Таблица 2

**Добыча руды на Магнитогорском железном руднике
и распределение ее по потребителям в 1932–1935 гг.**

Годы	Добыто руды тыс. т	в т. ч.					
		Потреблено на ММК		Отправлено КМК		Отправлено другим заводам	
		тыс. т	%	тыс. т	%	тыс. т	%
1932	1 343	835	62,2	483	36,0	20	1,5
1933	2 080	1 200	57,7	820	39,4	20	1,0
1934	3 707	2 240	60,4	1 457	39,3	10	0,3
1935	5 400	3 030	56,1	2 360	43,7	10	0,2

Таблица составлена по: *Исупов Г. И.* Черная металлургия Челябинской области. Челябинск, 1936. С. 55.

Создание Урало-Кузнецкого комбината означало осуществление гигантского проекта по индустриальному развитию восточных районов, громадный

сдвиг промышленности страны на Восток. По расчетам экономистов 1930-х гг., в восточных районах — от Среднего Поволжья на западе до Тихого океана на востоке — находилось 85 % запасов каменных углей страны, 33 % железных руд, 85 % гидроресурсов, 85–95 % цветных металлов, в том числе 90–100 % редких и драгоценных металлов 80–85 % лесных фондов. «По всем этим условиям, — говорил Г. М. Кржижановский, — потребности индустриализации СССР требуют общего сдвига экономики СССР на Восток. УКК и является как раз наиболее мощным рычагом такого сдвига» [23, с. 530].

Таблица 3

Удельный вес Магнитогорского и Кузнецкого металлургических комбинатов в производстве черных металлов в 1932–1940 гг.

Показатели	1932	1933	1934	1935	1937	1938	1940
Магнитогорский металлургический комбинат (ММК)							
Чугун, тыс. т	361,5	538,3	1150,0	1252,5	1566,2	1548,8	1693,3
% к Уралу	29,0	—	—	—	59,4	66,6	62,4
% к СССР	5,9	7,6	11,0	10,0	10,8	10,7	11,4
Сталь, тыс. т	—	85,2	436,2	815,8	1402,3	1490,1	1635,6
% к Уралу	—	—	—	—	37,1	44,4	41,8
% к СССР	—	1,2	4,5	6,5	7,9	8,3	9,0
Прокат, тыс. т	—	57,7	228,2	607,6	1 116,7	1 180,3	1 194,2
% к Уралу	—	—	—	—	38,1	45,0	42,4
% к СССР	—	1,1	3,2	6,4	8,6	8,9	9,1
Кузнецкий металлургический комбинат (КМК)							
Чугун, тыс. т	242,3	386,5	848,4	1 233,9	1 471,3	1 453,6	1 500,0
% к СССР	3,9	5,4	8,1	9,9	10,2	9,9	10,1
Сталь, тыс. т	50,7	260,9	404,9	943,7	1 564,6	1 709,9	1 907,2
% к СССР	0,85	3,4	4,2	7,5	8,8	9,5	10,4
Прокат, тыс. т	15,1	167,4	359,6	629,4	1 082,2	1 142,1	1 373,2
% к СССР	0,3	3,3	5,1	6,7	8,3	8,6	10,5

Таблица составлена по: Промышленность СССР: стат. сб. М., 1964. С. 164; Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: энцикл. Екатеринбург, 2001. С. 309; *Алексеев В. В., Гаврилов Д. В.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. С. 573, 574, 576, 577; *Беляев И. К.* Социалистическая индустриализация Западной Сибири. Новосибирск, 1958. С. 108.

Вступив в строй в 1932 г., Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты уже в 1937 г. дали 21 % общесоюзного чугуна, 16,7 % общесоюзной стали, произвели 16,9 % общесоюзного проката. В 1940 г. они выдали 21,5 % общесоюзного чугуна, 19,4 % общесоюзной стали, 19,6 % общесоюзного проката, т. е. произвели $\frac{1}{5}$ общесоюзной продукции черных металлов.

Доменные коксовые печи Магнитогорского и Кузнецкого заводов были сразу рассчитаны на выплавку не менее 1 000 т чугуна в сутки. Это был смелый шаг, так как такие печи даже в США тогда насчитывались единицами.

Мартеновские печи сразу строились емкостью в 150–185 т, такие больше печи тогда имелись только в США, в Западной Европе и в СССР преобладали мартеновские печи в 50–100 т. Оснащение основных цехов (доменных, мартеновских, прокатных) металлургических заводов, построенных в 1930-е гг., превосходило оборудование заводов западноевропейских стран и не уступало оборудованию таких же цехов американских заводов [9, с. 85–94].

Был осуществлен перевод уральской древесноугольной металлургии на минеральное топливо. В 1940 г. удельный вес древесного топлива в общем балансе уральской металлургии составил лишь 6 %, на минеральном топливе было выплавлено 86,8 % чугуна, на древесном угле — 13,2 %. В 1940 г. на Урале на древесном угле остались работать только 8 доменных печей [31, с. 52].

Динамику выплавки чугуна на Урале по видам используемого топлива в 1913–1940 гг. показывает таблица 4.

Таблица 4

Удельный вес выплавки чугуна на Урале по видам используемого топлива в 1913–1940 гг.

Год	Выплавлено чугуна				
	Всего, тыс. т	в т. ч.			
		на минеральном топливе		на древесном топливе	
		тыс. т	%	тыс. т	%
1913	913,5	—	—	913,5	100,0
1922/1923	138,8	—	—	138,8	100,0
1926/1927	582,7	157,3	27,0	425,4	73,0
1932	1 252,3	500,9	40,0	751,4	60,0
1937	2 633,2	2 077,2	78,9	556,0	21,1
1940	2 714,3	2 356,3	86,8	358,0	13,2

Таблица составлена по: Характеристика действующих заводов черной металлургии Урала. Свердловск; М., 1934. Т. 2. С. 8, 9; *Кафенгауз Л. Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е гг. XX в.). М., 1994. С. 252; *Осинцев А. С.* Черная металлургия Урала. Свердловск, 1959. С. 28; *Ушаков М. И.* Борьба Коммунистической партии за укрепление военно-экономического потенциала страны (1938 — июнь 1941 г.). Харьков, 1968. С. 132, 133.

Перевод уральской металлургии с древесного топлива на минеральное имел огромное историческое значение. Коренная реконструкция топливно-энергетического баланса уральской металлургии придала ей второе дыхание, вывела ее на передовые научно-технические рубежи мировой металлургии. Выплавка чугуна на Урале с 666,3 тыс. т в 1927/1928 г. возросла до 2 714,3 тыс. т в 1940 г., т. е. за 12 лет увеличилась в 4 раза, выплавка стали в этот же период с 898,3 тыс. т поднялась до 3 924,3 тыс. т, т. е. возросла почти в 4,4 раза. Выпуск качественного проката был доведен в 1940 г. до 919 тыс. т и составил 32,5 % от всего произведенного металла [9, с. 90, 91].

В результате осуществления первых пятилетних планов в размещении черной металлургии произошел значительный сдвиг на Восток — на Урал и в Сибирь, изменился удельный вес основных металлургических районов в общесоюзном производстве черных металлов, что демонстрирует таблица 5.

Таблица 5

Удельный вес крупных экономических районов СССР в добыче каменного угля и производстве черных металлов в 1913–1940 гг., %

Год	Каменный уголь			Чугун			Сталь			Прокат		
	Юг	Восток	Центр	Юг	Восток	Центр	Юг	Восток	Центр	Юг	Восток	Центр
1913	86,7	11,9	1,4	73,7	21,7	4,6	64,1	21,4	14,5	65,8	19,1	15,1
1927/28	77,0	19,6	4,4	72,8	21,4	5,8	59,1	23,0	17,9	59,0	25,4	15,6
1932	69,5	26,1	4,4	69,8	24,4	5,8	59,9	20,9	19,2	64,1	16,8	19,1
1937	60,5	33,2	6,3	63,6	23,3	8,1	52,4	30,7	16,9	52,8	31,5	15,7
1940	56,8	35,9	7,3	64,8	28,5	6,7	51,7	32,1	16,2	52,3	32,1	15,6

Таблица составлена по: Угольная промышленность СССР за 50 лет: стат. справочник. М., 1968. С. 28; Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. Металлургия Урала с древнейших времен... С. 578.

В 1940 г. восточные районы дали 35,9 % общероссийского каменного угля, 28,5 % общесоюзного чугуна, 32,1 % общесоюзной стали и общесоюзного проката, то есть произвели более $\frac{1}{3}$ каменного угля и $\frac{1}{3}$ черных металлов.

Вторая мировая война убедительно подтвердила необходимость создания второй угольно-металлургической базы страны. В период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., после оккупации немецко-фашистскими войсками западных районов страны, на восточные районы легла основная тяжесть по снабжению оборонной промышленности металлом. Причем, Урал-Кузбасс не только поставлял металл, но и обеспечил размещение многочисленных эвакуированных заводов, снабжал их теплом и электроэнергией. Уже в июле–ноябре 1941 г. было эвакуировано на Урал 667 крупных промышленных предприятий, в Западную Сибирь — 224 предприятия. С началом войны уральская металлургия в срочном порядке была перестроена на выпуск высококачественных и легированных сталей для оборонной промышленности.

После оккупации немецко-фашистскими войсками западных районов страны, Урал и Кузбасс взяли на себя основную тяжесть по снабжению оборонной промышленности металлом. В годы войны были сильно увеличены мощности Магнитогорского и Кузнецкого металлургических комбинатов, многих других металлургических заводов. На Урале были построены новые крупные металлургические заводы — Челябинский и Чебаркульский.

За годы войны на Урале были построены и введены в эксплуатацию 10 доменных, 32 мартеновских, 16 электро-, 16 ферросплавных печей, 2 бессемеровских конвертора, 12 прокатных и 6 трубопрокатных станов,

11 коксовых батарей, более 100 шахт и угольных разрезов. В 1943 г. Магнитогорский комбинат дал стране 32,1 % общероссийского чугуна, 23,9 % стали, 24,9 % проката, 55,4 % железной руды, 29,5 % кокса. На Урале в годы войны добывалось 90 % всей железной руды, около 70 % марганца, ряд металлов — алюминий, никель, хром, платина производились только здесь¹³ [4, с. 640].

В Кузбассе в годы войны на Кузнецком металлургическом комбинате были введены в эксплуатацию электросталеплавильный и прокатный цехи, построены 34 новые угольные шахты, пущены 5 обогатительных фабрик, заводы ферросплавов и алюминиевый в Кузнецке, оловоплавильный завод, металлургический завод в Новосибирске, Алтайский тракторный завод и др. В 1943 г. Кузнецкий металлургический комбинат Кузнецкий комбинат дал 28,8 % общесоюзного чугуна, 24,8 % стали, 25,2 % проката, $\frac{2}{3}$ кокса [7, с. 124].

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Урал и Западная Сибирь стали «кузницей оружия», «опорным краем державы», сыграли выдающуюся роль в достижении победы над фашистской Германией, на которую работали заводы всей подвластной Гитлеру Западной Европы. Только два завода-гиганта Урало-Кузбасса — ММК и КМК — дали стране в 1943 г. 60,9 % чугуна, 48,7 % стали, 50,1 % проката.

В годы войны Урал произвел около 40 % всей продукции военной промышленности страны, 70 % всех танков, из них 60 % легких и 100 % тяжелых, 50 % артиллерийских орудий, 50 % боеприпасов, огромное количество другой военной техники. В период войны каждый второй советский танк был одет в магнитогорскую броню, каждый третий снаряд сделан из магнитогорского металла. Кузнецкий металлургический комбинат за годы войны дал сталь для 100 млн артиллерийских снарядов и 50 тыс. тяжелых танков [4, с. 640; 7, с. 124].

Огромную роль уральской металлургии в достижении победы в Великой Отечественной войне над фашистской Германией, на которую работала промышленность всей подвластной Гитлеру Западной Европы, решающее влияние восточных районов страны и особенно Урала на ход и исход не только Великой Отечественной, но и всей II Мировой войны, вынуждены были признать западноевропейские и американские политики, объективные историки и публицисты.

Американская и британская пресса писала, что многие сотни тысяч американских, канадских и британских парней сохранили свои жизни благодаря тому, что индустриальное производство на Урале дало возможность произвести оружие, способное уничтожить миллионы фашистских солдат. Американский историк М. Уайт указывает, что победа над фашистской Германией во II Мировой войне была одержана благодаря двум крупным ресурсным базам антигитлеровской коалиции — «советской индустриальной мощи на Урале и американской индустриальной мощи, сосредоточенной в

¹³ Великий подвиг народа. Челябинск, 1970. С. 88.

долине Огайо, районе Великих озер и на Тихоокеанском побережье» [38, p. 59].

В послевоенные годы, во второй половине 1940-х и в 1950-е гг., в связи с истощением на Урале железорудных месторождений и возникновением в регионе дефицита железной руды, поставки железной руды в Кузбасс стали сокращаться. Открытие в Западной Сибири новых месторождений железных руд и рост их добычи позволили все в больших масштабах переводить кузнецкие металлургические заводы на местную железную руду, а затем и совсем отказаться от привозной уральской железной руды. Западносибирская металлургия стала полностью базироваться на собственной местной руде

Динамику перехода Кузнецкого металлургического комбината на местное железорудное сырье показывает таблица 6.

Таблица 6

Динамика перехода Кузнецкого металлургического комбината на местное железорудное сырье в послевоенный период (1950–1966 гг.)

	1950	1952	1955	1965	1966
Доля местной железной руды в шихте кузнецких доменных печей, %	68,0	77,9	80,0	91,0	97,5

Таблица составлена по: История Кузнецкого металлургического комбината им. В. И. Ленина. М., 1973. С. 316, 364, 407.

Ввиду выработки местных железорудных месторождений, Урал с 1960 г. стал завозить железную руду из других районов (с Курской магнитной аномалии и Кольского полуострова), в 1975 г. уже каждая вторая тонна чугуна на Урале была выплавлена из завезенного сырья. Возросшие поставки на Урал коксующихся углей и кокса из ближе расположенного Карагандинского угольного бассейна уменьшили потребность уральских заводов в кузнецком угле и коксе, вследствие чего отпала необходимость в дальних масштабных перевозках каменного угля из Западной Сибири на Урал [32, с. 31].

Схема «обмен уральской железной руды — на кузнецкий уголь», лежащая в основе идеи Урало-Кузбасса, к 1970-м гг. исторически изжила себя. Этот рубеж фактически и стал окончанием деятельности Урало-Кузбасса в той форме, в какой он задумывался при принятии плана ГОЭРЛО и первых пятилетних планов. Тем не менее, Урало-Кузбасс, эффективно действовавший на протяжении трех десятилетий, сыграл выдающуюся историческую роль в модернизации Урала и Западной Сибири, в индустриальном развитии восточных районов страны, в гигантском сдвиге промышленности на Восток, в укреплении экономического и военного могущества страны.

Библиографический список

1. 60 лет ленинского плана ГОЭЛРО. М., 1980.
2. *Агеев С. С.* Metallургическое производство на Уральском заводе тяжелого машиностроения (УЗТМ) в 1930-е гг. и в период Великой Отечественной войны (1931–1945) // Модернизационные процессы в металлургии Урала XVII–XXI вв. Екатеринбург, 2006. С. 94–96.
3. *Александров И., Григорьев Г.* Михаил Курако. М., 1958.
4. *Алексеев В. В., Гаврилов Д. В.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008.
5. *Анисимов В. Е., Бедель А. Э.* Нижнетагильский металлургический комбинат // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: энцикл. Екатеринбург, 2001.
6. *Бакулев Г. Д.* Вопросы экономики топлива в СССР. М., 1957.
7. *Беляев И. К.* Социалистическая индустриализация Западной Сибири. Новосибирск, 1958.
8. *Гаврилов Д. В.* Коренная реконструкция топливно-энергетического баланса металлургии Урала в 1920–1930-х гг. // Индустриальное наследие: материалы III Междунар. науч. конф. Выкса; Саранск, 2007. С. 73–75.
9. *Гаврилов Д. В.* Роль Урала в становлении и развитии отечественной металлургии // Гаврилов Д. В. Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург, 2005. С. 85–94.
10. *Гаврилов Д. В.* У истоков Урало-Кузбасса // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. С. 77–87.
11. *Гаврилов Д. В.* Урал перед Великой Отечественной войной 1941–1945 гг. // Гаврилов Д. В. Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург, 2005.
12. *Галигузов И. Ф., Бедель А. Э., Гаврилов Д. В., Запарий В. В., Котлужин М. А.* Магнитогорский металлургический комбинат // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: энцикл. Екатеринбург, 2001. С. 306–311.
13. *Галигузов И. Ф., Чурилин М. Е.* Флагман отечественной металлургии. М., 1978.
14. *Голубцов В. С.* Черная металлургия Урала в первые годы Советской власти (1917–1923 гг.). М., 1975.
15. *Диманштейн Я. Б.* Проблема районирования металлопромышленности в связи с условиями промышленного развития Украины и Союза. Харьков, 1927.
16. *Ефимова Т. И.* Уралмашевцы. Свердловск, 1982.
17. *Жимерин Д. Г.* История электрификации СССР. М., 1962.
18. *Зуйков В. Н.* Создание тяжелой индустрии на Урале (1926–1932 гг.). М., 1971.
19. *Иванченко В. П.* Черная металлургия Урала в 1931 г. Свердловск, 1932.

20. История народного хозяйства Урала (1917–1945). Свердловск, 1988. Ч. 1.
21. *Карпов В. П.* Кржижановский. М., 1985.
22. *Краснов В.* Metallurgy of black metal // Сибирская советская энциклопедия. Л.; Новосибирск, 1932. Т. 3. С. 431.
23. *Кржижановский Г. М.* Сочинения. М., 1933.
24. Кузнецкий металлургический комбинат имени В. И. Ленина. Кемерово, 1973.
25. *Куйбышев В. В.* Избранные произведения. М., 1958.
26. *Ламин В. А., Тимошенко А. И.* Проекты транспортного обеспечения реализации программы Урало-Кузбасса // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. С. 199.
27. *Ленин В. И.* Очередные задачи Советской власти. набросок плана научно-технических работ // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 36. С. 165–208, 228–231
28. *Матушкин П. Г.* Урало-Кузбасс: Борьба Коммунистической партии за создание второй угольно-металлургической базы. Челябинск, 1966.
29. *Московский А. С.* Промышленное освоение Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1975. С. 175–178.
30. *Орджоникидзе Г. К.* Избранные статьи и речи. М., 1939.
31. *Осинцев А. С.* Черная металлургия Урала. Свердловск, 1960.
32. *Романова О. А., Ратнер Н. М.* Региональные проблемы повышения эффективности металлургического производства. М., 1981.
33. *Савостенко В. М.* Деятельность КПСС по созданию второй угольной базы СССР (1928–1937 гг.).
34. *Савостенко В. М.* Коммунисты Кузбасса — организаторы творческого подъема масс. Алма-Ата, 1967.
35. *Степанов П. Н.* Металлопромышленность СССР. Харьков, 1926.
36. *Туунов В. Ф.* Мировые гиганты на Урале.
37. *Эвенчик Б. И.* Урал в плане Урало-Кузнецкого комбината. М., 1932.
38. *Wight M.* Power Politics. L.; N. Y., 1999.

D. V. Gavrilo

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)

Ural-Kuzbass: grand project of the world scale

The article deals with the history of emergence and implementation of the project of the Ural-Kuznetsk Works, the role of the Ural-Kuzbass in the development of the industry of the country and its contribution to the victory of the anti-Hitler coalition in the Second World War.

Key words: Ural-Kuzbass, the GOELRO plan, the first five-year plan, Magnitogorsk and Kuznetsk metallurgical plants, the Ural Heavy Machinery Plant

КУЛЬТУРА УРАЛА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: ПРОТИВОРЕЧИЯ СТОЛИЦЫ И ПРОВИНЦИИ¹

Проанализированы основные тенденции культурного развития Уральского региона, их взаимосвязь с определяющими социальными, политическими и социокультурными процессами, проходившими в России с древних времен до наших дней. Сделан вывод о необходимости культурного возрождения российской провинции и поднятии ее на столичный уровень.

Ключевые слова: культура, модернизация, столица, провинция, евроцентризм, консерватизм, партийно-государственный диктат, культурное возрождение

История русской культуры исчисляется сотнями лет и практически на всем протяжении ее развития то в большей, то в меньшей степени проявлялась проблема взаимоотношения столичного и провинциального. Еще со времен Киевской Руси и Московии центр пытался оказывать на подвластные территории не только политическое, но и культурное влияние. Ярчайшим примером попытки культурной регламентации могут служить решения Стоглавого собора 1551 г., утвердившего образцы, которым надлежало следовать. В качестве образца в живописи формально провозглашалась иконография Андрея Рублева. В зодчестве за образец брался Успенский собор Московского Кремля, в литературе — сочинения митрополита Макария и его кружка. При этом ставка на «византийский образец» частенько не учитывала глубинные истоки подлинно русской, славянской культуры, которая, несмотря на ограничения и запреты, продолжала развиваться в провинции параллельно со столичной.

Петровские преобразования и связанная с ними прозападная культурная революция окончательно разделили отечественную культуру на «столичную», ориентированную на европейские образцы, и «провинциальную», подлинно народную, ориентированную на традиционные ценности, в первую очередь, славянского населения России. В результате возникло достаточно абстрактное представление о двух уровнях русской культуры: передовом, прогрессивном, евроцентристском, концентрировавшемся, как правило, в столичных центрах, и отсталом, консервативном, распространенном на российской периферии. Подобные представления способствовали усилению культурного диктата центра по отношению к провинции, вели к продолжению неоправданного нивелирования «провинциального» искусства, к подтягиванию его до уровня передового, европейского. В то же время русское искусство XVIII–XIX вв. явно не вписывалось в обозначенную схему, представляя

* Андрей Владимирович Сперанский

Д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; avspersansky@mail.ru

¹ Работа выполнена по бюджетной теме Х.105 и программе ОИФН № 12-Т-6-1003

собой богатейшую россыпь локально-региональных особенностей и достопримечательностей [3; 4; 5; 6; 7; 8].

Подлинно народной можно назвать культуру Урала, которая в обозначенный период, несмотря на давление «сверху», в значительной мере определялась степенью развития того или иного этноса, проживающего в крае. Кроме того, русские переселенцы привнесли на Урал культурные традиции тех районов, в которых ранее проживали. Конечно, традиционное народное искусство Урала было подвержено «инновациям времени», но все-таки тенденция к сохранению собственной самобытности оставалась неизменно высокой. Это проявлялось и в изделиях Екатеринбургской гранильной фабрики и Горнощитского мраморного завода, поставлявшихся в Петербург и Москву для убранства парков, дворцов и храмов, и в произведениях невянских иконописцев, ревностно хранивших художественные заветы допетровской Руси, и в работах златоустовских оружейников, принесших уральскому краю мировую известность. «Провинциальных дух» в хорошем смысле этого слова был присущ творчеству писателей-реалистов Ф. Решетникова, Д. Мамина-Сибиряка, художника А. Денисова-Уральского и других представителей периферийного искусства [2, с. 28].

XX век — это время огромных политических и социальных перемен, смены привычных ориентиров и идеалов, противоречивых явлений. События начала века в корне изменили общественно-политическую основу России, внесли своеобразие в культурное развитие страны, но не сняли проблему взаимоотношения центра и провинции. Более того в области литературы и искусства столичный диктат достигает своего апогея. Новая власть на протяжении всех 74-х лет своего существования стремилась контролировать и направлять художественную жизнь страны с максимальной выгодой для Советского государства. И если в 1920-е гг., при все усиливающемся процессе идеологизации культуры и превращения ее в «инструмент воспитательного воздействия», были еще допустимы смелые творческие поиски (поэзия В. Маяковского, театр В. Мейерхольда, кинематограф С. Эйзенштейна, художественный авангард П. Филонова и т. п.), то начиная с 1930-х гг. единственно правильным методом провозглашается «социалистический реализм», требовавший от произведений искусства коммунистической идейности и беззаветного служения задачам социалистического строительства. Не соответствующие утилитарным требованиям произведения подвергались резкой критике, их авторы лишались доступа к широкой аудитории, а то и вовсе попадали под молот государственных репрессий.

Вместе с тем большевистская культурная революция имела и вторую, позитивную сторону, обращенную на решение давно назревших задач в области духовного развития общества. Устранение сословно-классовых ограничений, ликвидация неграмотности позволили широким слоям трудящихся беспрепятственно пользоваться всеми благами культуры и просвещения, а бесплатность образования дала возможность вовлечь в жизненно важные сферы развития государства, в т. ч. и в культурную, целую когорту представителей рабочего класса и крестьянства, что обеспечило приток «свежей кро-

ви» и дало новый импульс в его развитии. Даже партийно-государственный диктат, инициировавшийся из центра, в конечном итоге нес позитивный заряд, ибо порождая естественное сопротивление, он будоражил сознание, оттачивал мысли творческих личностей, порождая шедевры так называемого советского искусства, к которым, вне всякого сомнения, относятся литературные произведения О. Мандельштама, И. Бабеля, Б. Пастернака, М. Булгакова, М. Зощенко, А. Ахматовой, музыка Д. Шостаковича, С. Прокофьева, скульптура Э. Неизвестного, кинорежиссура М. Хуциева, А. Тарковского, А. Сокурова, театральные постановки Ю. Любимова, живопись А. Васильева и др.

Общие тенденции в развитии советского искусства, зарождавшиеся в столице, в полной мере проявлялись в провинции. Классическим примером сложного и противоречивого взаимоотношения с центром может служить художественная жизнь Уральского региона. В первые годы советской власти центр, используя методы «военного коммунизма», сумел навязать уральским деятелям культуры свою политику, сильно ограничив их творческую свободу. Время от времени направляемые на Урал «столичные десанты», состоящие из «левых» художников, литераторов, музыкантов, способствовали не столько повышению художественного уровня уральцев, сколько закреплению их в жестких рамках социального заказа. Уничтожение памятников царского времени, национализация особняков, экспроприация частных коллекций и церковного имущества, осуществление плана «монументальной пропаганды» привели к тому, что культура Урала на какое-то время утратила свою самобытность и стала полностью зависеть от политических доктрин [1, с. 12].

И в последующие годы с разной долей эффективности центр стремился загнать художественное творчество уральцев в «прокрустово ложе» коммунистической идеологии и социалистического реализма, что безусловно ограничивало полет мысли и не способствовало творческим исканиям. Однако этап советской истории, определяющийся характером господствующего в стране политического режима и спецификой проявления его на Урале, все-таки нельзя оценивать однозначно. Уральская культура не стояла на месте, она продолжала развиваться, основываясь на традициях и используя положительные инновации современного момента. Этому способствовали различные обстоятельства и в т. ч. позитивное влияние столичных мастеров искусств. Крупные интеллектуальные силы вовлекались в орбиту художественной жизни Урала в результате все тех же сложных социально-экономических и политических процессов, происходивших в стране.

Пертурбации Гражданской войны привели на Урал С. Эрьзю, одержимого идеей создать в горах каменного пояса Красную академию скульптуры, Д. Бурлюка, пропагандирующего кубофутуристическое искусство. В 1920-е гг. именно на Урале расцвело искусство архитекторов-конструктивистов братьев Весниных, М. Гинзбурга, И. Голосова, Я. Корнфельда, А. Тумбасова, И. Антонова, на оперных сценах Свердловска

и Перми впервые зазвучали голоса И. Козловского и С. Лемешева. Стремительное развитие Уральского региона в 1930-е гг. привлекло сюда из разных концов страны замечательных артистов, дирижеров, композиторов, в т. ч. Б. Ильина, М. Токареву, Е. Амман-Дальскую, М. Викс, А. Маренича, М. Павермана, А. Фридлиндера, М. Фролова, В. Трамбицкого и др., породив настоящий музыкальный и театральный бум [2, с. 30].

В годы Великой Отечественной войны на Уральской земле оказались известные писатели Ф. Гладков, М. Шагинян, живописцы, графики, скульпторы Б. Иогансон, В. Орешников, З. Виленский, композиторы Т. Хренников, Д. Кабалевский, В. Шабалин, А. Фатьянов, музыканты Д. Ойстрах, Г. Нейгауз и многие другие. В результате творческое содружество столичных знаменитостей и местных талантов (П. Бажов и др.) значительно обогатило сокровищницу уральского искусства, упрочило его традиционные основы, дало новый импульс к дальнейшему развитию [9, с. 144–175, 219–255].

И коренные уральцы, и приезжие мастера активно формировали художественную среду творцов и публики, хранящую и развивающую достижения искусства в пространстве и времени. В конечном итоге это позволило уральскому искусству занять прочные позиции и удерживать их даже в период «отдачи долгов» столицам, когда в 1960–1980-е гг. лучших деятелей искусства, получивших образование или выросших в известных мастерах на Урале, стали забирать в Москву и Ленинград, и уральцы лишились возможности наслаждаться талантом певцов Ю. Гуляева, И. Архиповой, Б. Штоколова, балерины Н. Павловой, драматических артистов Б. Плотникова, А. Солоницына, режиссеров В. Мотыля, В. Курочкина, А. Тителя, дирижеров Е. Колобова, В. Кожина и др. [2, с. 32].

XX век не ликвидировал противоречия во взаимоотношениях столицы и провинции. Провинциальность регионального искусства в традиционном российском понимании этого слова по-прежнему имеет место практически на всех периферийных территориях Российской Федерации. Сохраняются традиции следования «столичным образцам», «столичной моде», не стали забытым прошлым и директивные методы руководства культурой. Все это объясняется тем, что если на Западе на протяжении всего двадцатого столетия благодаря массовым коммуникациям, системе дорог, высокому стандарту жизни, происходило стремительное сближение культурных уровней разномастных городов, то в нашей стране при ее огромных пространствах и неоднородности населения, а также в силу специфики долговременного господства тоталитарного политического режима сохранилась культурная дифференциация как в общегосударственном, так и в региональном масштабе. Закономерно выстроилась некая культурная вертикаль: Москва — Ленинград (Санкт-Петербург) — областные центры — районные центры и т. д. Причем, чем ниже ступень в обозначенной иерархии, тем выше степень провинциальности, ограничивающая условия работы, престиж, возможность публичного признания, международные связи и т. п.

Преобразования в России конца XX — начала XXI вв., изменившие социально-экономическую и политическую основу российской действительности, потенциально способны коренным образом переломить ситуацию, сложившуюся в культурной сфере страны. Однако, имеющее в настоящий момент глубокое противоборство между традиционно русским, тоталитарно-советским и западным векторами в культурном развитии России не только не привело к какому-либо прогрессу, но, напротив, обозначило заметное снижение духовного потенциала общества. Поэтому сегодня как никогда остро встала проблема самоидентификации россиян, тесно связанная с необходимостью культурного возрождения российской провинции и вывода ее на столичный уровень.

Библиографический список

1. *Алексеев Е. П.* Художественная жизнь и развитие изобразительного искусства Урала 1920-х гг.: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2001.
2. *Голынец С. В.* Искусство уральского региона в социокультурном контексте развития России // Уральская провинция в системе регионального развития России: исторический и социокультурный опыт. Екатеринбург, 2001.
3. *Греков Б. Л.* Из истории культуры древней Руси. М.; Л., 1944.
4. История культуры России. М., 1993.
5. Очерки русской культуры XVII в. М., 1979.
6. Очерки русской культуры XVIII в. М., 1985–1990. Ч. 1–2.
7. *Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских времен. Л., 1984.
8. *Сабарьянов Д. В.* История русского искусства (конец XIX — начала XX в.). М., 1993.
9. *Сперанский А. В.* В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Екатеринбург, 1996.

A. V. Speransky

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)

The Ural Culture in the Context of Russian Modernization: Contradictions of Capital and Province

The article analyzes the main tendencies of cultural development of the Ural region and their correlation with the determinative social, political and socio-cultural processes taking place in Russia from the ancient times to the present day. The author concluded about the necessity of cultural revival of Russian province and raising it to the level of the capital.

Key words: culture, modernization, capital, province, Eurocentrism, conservatism, party-and-state diktat, cultural revival

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ УРАЛА (1917–1990 гг.)

На примере Урала рассмотрен опыт применения двух принципов управления народным хозяйством — территориального (регионального) и отраслевого («вертикального»), показывается влияние политической ситуации в стране на определение принципа управления хозяйством.

Ключевые слова: Урал, Уральская область, народное хозяйство, экономический район, принципы управления, совнархозы

Экономическое районирование России связано с работой В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» [7]. Ленин рассматривал отдельные стороны народного хозяйства в их взаимосвязи, на фоне целого, в их историческом развитии [11, с. 116]. Взгляды В. И. Ленина в области управления индустрией базировались на идеях русских просветителей М. В. Ломоносова, К. И. Арсеньева, Д. И. Менделеева и др. и основоположников марксизма — К. Маркса, Ф. Энгельса [12, с. 307]. К. Маркс, подчеркивал, что основой размещения производительных сил и всей организации индустриальной экономики является общественное разделение труда» [8, с. 366].

В основу административного деления, проведенного в СССР в 1920-е гг., была заложена идея о необходимости территориально-комплексного управления развитием общества и среды, в котором были бы слиты воедино и секторальные (отраслевые) и административно-территориальные (региональные) аспекты. В докладе на XI съезде партии, оценивая проект нового районирования, В. И. Ленин говорил: «У нас теперь деление России на областные районы проведено по научным основаниям, при учете хозяйственных условий, климатических, бытовых, условий получения топлива, местной промышленности и т. д.» [6, с. 115].

Концепция районирования с точки зрения управления народным хозяйством оценивалась первым председателем Госплана Г. М. Кржижановским как конструкция экономического районирования, наносящая удар по гипертрофии централизма и связанного с ним бюрократического уклона [4, с. 18]. Идея комплексности (районного комбинирования) как фактор экономии общественного труда была заложена в проекте экономического районирования, осуществленного Госпланом в начале 1920-х гг. И. Г. Александров, руководивший работами по районированию, характеризовал проект экономического районирования как форму всей хозяйственной жизни, опирающуюся на два основных принципа: специализацию районов и комбинированное построение производства [2].

В начале 1920-х гг. в стране были проведены местные конференции по изучению производительных сил и экономическому районированию. Важное

*Борис Васильевич Личман

Д.и.н., Уральский институт экономики, управления и права, Екатеринбург, Россия; 284815@mail.ru

значение имели решения о проведении опыта перестройки административно-политического деления СССР на основе проекта комиссии под руководством М. И. Калинина путем создания двух опытно-экономических районов: Уральской области и Северо-Кавказского края. В основе административно-территориального, экономического, политического деления лежала трехзвенная система: область, округ, низовой район [3, с. 129].

Урал был избран для организации административно-территориальной области не случайно. Экономические особенности Урала (тесная взаимосвязь отдельных отраслей хозяйства, четко выраженная специализация, единство народно-хозяйственных задач и т. д.) делали этот район весьма благоприятным объектом для первого опыта районирования. Здесь еще раньше начали создаваться областные организации. С 1921 г. на Урале работали: Уралпромбюро, Уралэконо (Уральское экономическое совещание), Областное бюро ЦК РКП (б), Уралбюро, ВЦСПС, областные уполномоченные ряда народных комиссаров. В июне 1922 г. при Уралэконо была организована секция по районированию, началась работа по районированию и в губернских исполкомах Урала [1, с. 140]. Таким образом, реформа здесь была уже в известной мере подготовлена.

Вопрос об организации Уральской области был поставлен Уральским ЭКОСО. Госплан поддержал это предложение. В июне 1923 г. по постановлению ВЦИК на Урале развернулась работа по районированию. Окончательное оформление Уральской области в законодательном порядке произошло 12 ноября 1923 г. декретом ВЦИК о границах и административном делении Уральской области.

На заседании Президиума Госплана СССР 23 июня 1926 г. представитель Урала В. С. Немчинов, характеризуя результаты районирования Урала, утверждал, «что дрожжами, т. е. тем, на чем росла хозяйственная жизнь Урала, безусловно, являлась идея районирования. Это она оплодотворила и дала возможность быстрому размаху, органическому росту производительных сил, районирование обеспечило увязку внутреннего кругооборота хозяйственной жизни с административными границами области. Промышленное тело Урала, единое независимо от всех границ, могло действительно стать единым только в том случае, когда административные границы области более или менее совпадали с границами промышленного кругооборота руды, леса, хлеба, овса и отчасти угля..., то, что в руках облисполкома одновременно находились эти основные источники непосредственной промышленной жизни области – это обеспечило достаточный хозяйственный эффект» [1, с. 144].

Практический опыт Урала ясно показал, как отметил В. С. Немчинов, важность территориального принципа в управлении хозяйством в отличие от «вертикального» — отраслевого, ведомственного регулирования: «только горизонтальная, территориальная увязка в материальных и иных возможностях данной территории дает возможность правильного воплощения в жизнь тех начал, которые идут из центра» [1, с. 144]. Создание в 1920-е гг. в СССР крупных областей и краев дало возможность организационно объединить

предприятия отдельных отраслей промышленности, ранее подчиненные разным губерниям.

Представляет интерес вопрос о том, какие изменения в организации управления промышленностью произошли с созданием областей и краев. Этот вопрос специально обсуждался в Госплане в марте 1925 г. Работники ВСНХ предложили непосредственное управление республиканской и союзной промышленностью не централизовывать, а передать по «мандату» соответственным областям, но планирование оставить централизованным. Опыт «мандатного» управления республиканской промышленностью, по мнению ВСНХ, «вполне удовлетворяет места и дает им возможность проявить свою инициативу» [1, с. 144]. ВСНХ разрешило делать отчисления от прибылей мандатных предприятий в местный бюджет.

На Урале областной совнархоз получил «мандат» на управление всей союзной и республиканской промышленностью региона. На Северном Кавказе «мандат» был получен только на цементную, кожевенную и некоторые другие отрасли промышленности, а грозненская нефтепромышленность, угольная промышленность и некоторые другие отрасли остались в ведении центра. Большая роль этих отраслей в жизни края, отсутствие влияния на них местных органов власти вели к отрицательным последствиям [1, с. 146].

Разработку концепции развития регионов страны продолжил XV съезд партии (декабрь 1927 г.). Началась разработка «Генерального плана хозяйства страны на период 1927–1941 гг.», составной частью которого был раздел о хозяйстве Урала. «Промышленный Урал, — отмечается в Генеральном плане, — должен получить развитие в качестве индустриального центра крупнейшего общесоюзного значения с законченным циклом производства — от добычи сырья до выпуска готовых, часто квалифицированных изделий»¹.

Урал располагал всеми предпосылками для комбинирования отдельных отраслей индустрии. Достаточно указать на возможности технологических связей коксования с химическим производством, черной металлургии с цветной путем использования огарков, на использование колчеданов для различных производств, создание отраслей химической промышленности на основе всех необходимых ресурсов в одном месте и т. п. Все эти обстоятельства способствовали формированию на Урале одного из первых и самого крупного индустриального комплекса.

Другим значительным преимуществом Урала было выгодное географическое положение как области, находящейся на стыке азиатской и европейской частей страны. Это облегчало его межрайонные связи с западными, восточными и южными районами по снабжению их изделиями металлургической и химической промышленности, освобождая от решения этой задачи старые индустриальные центры.

План первой пятилетки наметил развитие системы отраслей комплекса Уральского региона. Основной специализацией Урала являлась металлопро-

¹Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия. Свердловск, 1927. С. 71, 79.

мышленность, включая черную металлургию и машиностроение. Получали развитие цветная металлургия, требовали модернизации и дополнительного развития горнорудная промышленность и производство строительных материалов. Особое внимание было уделено развитию химической промышленности. Подчеркивалось, что «могущественными средствами для действительной производственной связи Урала в пространстве являются электрификация и внутриуральский железнодорожный транспорт»².

Уральская область, как отмечал Госплан, была организована как «мощный хозяйственный комбинат, в котором административные границы обеспечивали нормальное внутреннее промышленное кровообращение руды, леса, угля, овса, хлеба» [1, с. 140]. Однако сразу после принятия первого пятилетнего плана начался пересмотр темпов развития отраслей промышленности в сторону их увеличения. Новый вариант плана развития уральской промышленности увеличивал капитальные вложения более чем в три раза по сравнению с ранее принятым пятилетним планом и рост валовой продукции за пятилетие в 11–12 раз против 3,7 раза прежнего.

Пересмотр плановыми органами темпов развития промышленности в сторону резкого увеличения был осуществлен на основе решений XVI съезда ВКП (б) и заявления на нем И. Сталина. В докладе съезду восхвалялись «бешенные темпы», своеобразный «скачок» в развитии индустрии, доказывалась возможность выполнения пятилетнего плана «по целому ряду отраслей промышленности в три и даже в два с половиной года» [10, с. 270]. Исходя из чисто волевого подхода, без научного обоснования, Сталин требовал пересмотра пятилетнего плана развития черной металлургии в сторону его резкого увеличения. «Нам нужны к концу пятилетки не 10 млн т чугуна, как требует эта пятилетка, а 15–17 млн т» [10, с. 331]. Из них 6 млн т должен был дать Урало-Кузбасс. При этом Сталин заявил, что «люди, болтающие о необходимости снижения темпов развития нашей промышленности, являются врагами социализма, агентами наших классовых врагов» [10, с. 274].

С 1930-х и до середины 1950-х гг. районный метод планирования и руководства народным хозяйством отступил на второй план. Это вызвано сталинской централизацией управления народным хозяйством. Регион как целостное политическое, экономическое, территориальное образование перестал быть объектом управления. Совнархозы как органы территориального управления промышленностью были упразднены, а планирование и управление производством стало осуществляться из центра по отраслям и ведомствам. В региональном административно-территориальном делении были произведены изменения, трехзвенная система — область, округ, низовой район — разрушена. Были упразднены округа и остались две ступени административно-территориальных единиц: 1) область или край и 2) низовой административный район.

Ликвидация округов означала выпадение среднего звена системы административно-хозяйственного районирования, созданной по замыслу Гос-

²Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР: Районный разрез плана. М., 1930. Т. 3. С. 176.

плана. После ликвидации округов в среднем на область или край стало приходиться 120 районов, а в Уральской области — даже 202. В новых условиях очень трудно было руководить таким количеством районов. Выход из положения был найден в дроблении областей и краев. Так, Уральская область была разделена на Свердловскую и Челябинскую области.

В особенности ускорилось разделение областей после ноябрьского (1934 г.) Пленума ЦК ВКП (б) в связи с преобразованием политотделов в обычные партийные органы. Пленум предложил особенно большие, громоздкие административные районы разделить на несколько новых. В результате на территории бывшей Уральской области возникли Свердловская, Пермская, Челябинская, Оренбургская и Курганская. В СССР в 1936 г. было уже 34 области и 5 краев. К 1938 г. прибавилось 27 областей, к 1940 г. число областей увеличилось еще на 30.

Процесс дробления продолжался и в последующие годы. Как указывает экономист П. М. Алампиев, при дроблении и установлении новых административно-экономических единиц не были организованы широкие исследовательские работы (как это было сделано в 1920-е гг.), которые могли бы объективно установить и научно обосновать систему экономических районов страны [1]. Обоснование такого деления так и не было опубликовано. В годы второй и третьей пятилеток госплановская «область» была постепенно заменена областью современного типа, хотя и носящей адекватное название, но являющуюся экономическим районом иного порядка, не претендующим на роль основного экономического района страны.

Надо отдать должное Г. М. Кржижановскому, И. Г. Александрову, Н. Н. Барановскому, Н. Н. Колосовскому и др. ученым, которые в разной форме выражали протест против разрушения созданной по плану В. И. Ленина стройной системы крупных экономических районов СССР. Отраслевой подход к развитию производительных сил при более слабом использовании районной формы планирования привел к разрыву исторически сложившихся производственных связей предприятий в районах, к росту числа и дальности нерациональных перевозок, к диспропорциям в использовании трудовых ресурсов и производственных мощностей. Об этом не раз в послевоенные годы говорилось в печати, на конференциях по развитию производительных сил.

Отметим, что сталинская методика планирования 1930–1940-х гг. была ориентирована на ускоренное промышленное развитие. Отсюда преимущественное развитие получила производственно-техническая подсистема в сравнении с социальной подсистемой. Вторая изменялась лишь в той мере, в какой обслуживала первую подсистему. В общественных отношениях хозяйство, товарно-денежные отношения, рынок и другие экономические категории рассматривались как «родимые пятна капитализма».

Сталин ликвидировал в стране регионализм. Экономист О. Лацис в журнале «Знамя» в 1988 г. писал: «Сталин тараном форсированной индустриализации разбил и созданные на основе синдикатов объединения, и ВСНХ, и совнар-

хозы — всю эту никогда и нигде больше не повторенную систему демократического управления экономикой огромной страны...» [5, с. 64].

После XX съезда КПСС (1956 г.) произошло изменение в системе руководства народным хозяйством. Стал осуществляться, как и в 1920-е гг., региональный метод руководства крупной промышленностью. В СССР было создано более 100 (затем их число несколько уменьшилось) Советов народного хозяйства — совнархозов, которые руководили промышленностью на территории административных районов. Организация экономических административных районов была переходной на пути к руководству промышленностью и строительством по более крупным экономическим районам [9, с. 7].

Уже в 1962 г. Пленумом ЦК КПСС было принято решение о расширении территории совнархозов. В Российской Федерации вместо 67 совнархозов образовано 24. Это было началом возвращения к ленинской идее региона как крупной политической, административной и хозяйственной единицы. Укрупнение совнархозов потребовало изменения системы экономических районов. В Уральский экономический район вошли три совнархоза: Западноуральский, Среднеуральский, Южноуральский. В Уральском экономическом районе, как и в 1920-е гг., была создана плановая комиссия, которая занималась планированием всего хозяйства Урала, обращая главное внимание на разработку важнейших перспективных материальных балансов, в т. ч. топливно-энергетического, трудового, а также на улучшение межрайонных связей, размещение производительных сил.

Сентябрьский Пленум ЦК КПСС (1965 г.), как и в сталинские времена, восстановил централизм в планировании и управлении экономикой территорий, упразднив совнархозы, передав руководство отраслями промышленности в руки министерств и ведомств. В то же время на Пленуме было подчеркнуто, что образование министерств не означает возврата к старому этапу отраслевого («вертикального») централизма, что необходимо комплексное, взаимоувязанное развитие и отраслей, и районов, что надо уделить большое внимание правильному размещению производительных сил, рациональному территориальному разделению труда внутри страны, особенно между западными и восточными районами страны.

Однако в реальной практике конца 1960–1980-х гг. принцип централизма в планировании и управлении полностью подавил региональный. Начался процесс централизации управления экономикой страны. При этом тенденция централизации имела большую силу, чем в 1930-е — середине 1950-х гг. Так, если в середине 1950-х гг. численность союзных министерств при их ликвидации составляла 70, то в 1966 г. они не только были восстановлены, но и в последующем их число выросло, составив на рубеже 1980-х гг. более 120³.

Подводя итог исследованию, отметим, что в стране переход от территориальной к ведомственной и обратно системе управления хозяйством не был изначально спрогнозирован и полностью зависел от изменения политической ситуации. За резкими политическими изменениями — своеобразными

³Комс. правда. 1987. 24 сент.

политическими переворотами — следовали реформы хозяйственного управления. В народном хозяйстве страны до начала 1930-х гг. преобладала территориальная система управления (во главе партии и государства в это время были В. И. Ленин и его последователи), а с начала 1930-х гг. до первой половины 1950-х гг. стала преобладать отраслевая система (лидер партии и государства И. Сталин), с середины 1950-х до середины 1960-х гг. стала господствовать территориальная система управления (лидер партии и государства Н. Хрущев), и последнее, с середины 1960-х и до начала 1980-х гг., как и во времена И. Сталина, действовала отраслевая система управления хозяйством (лидер партии и государства Л. Брежнев).

Библиографический список

1. *Аламтеев П. М.* Экономическое районирование СССР. Кн. 1. М., 1959.
2. *Александров И. Г.* Основы хозяйственного районирования СССР. М.; Л., 1924.
3. *Колосовский Н. Н.* Теория экономического районирования. М., 1969.
4. *Кржижановский Г. М.* К идеологии социалистического строительства // Плановое хозяйство. 1926. № 2.
5. *Лацис О.* Перелом // Знамя. 1988. № 7.
6. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45.
7. *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 1–609.
8. *Маркс К.* Капитал. Т. 1. Кн. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.
9. *Саушкин Ю. Г.* Новое экономическое районирование. М., 1963.
10. *Сталин И. В.* Соч. Т. 12.
11. *Хорев Б. С.* Региональная политика в СССР. Экономико-географический подход. М., 1989.
12. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2.

V. V. Lichman

Doctor of Historical Sciences, Ural Institute of Economics, Management and Law (Yekaterinburg, Russia)

Theory and Practice of National Economy Management of the Urals (1917–1990)

The paper studies the experience of using territorial (regional) and sectoral (“vertical”) principles of national economy management on the example of the Urals. The author shows the impact of political situation in the country on the determination of the principle of economic management.

Key words: the Urals, the Ural region, national economy, economic area, management principles, economic councils (sovnarkhozy)

«ЭПОХА ЗАСТОЯ»: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ШТАМП И РЕАЛЬНОСТЬ

Авторы считают неправомерным употребление термина «эпоха застоя» применительно к периоду 1965–1985 гг. в истории СССР. Причины снижения темпов экономического развития видят в первую очередь в курсе на политическую и экономическую изоляцию СССР, проводимом Западом, в противостоянии двух систем.

Ключевые слова: экономическая история, «эпоха застоя», «догоняющая модернизация», противостояние двух систем, глобализация, экономическая изоляция

Термин «эпоха застоя» ведет свое происхождение от политического доклада ЦК XXVII съезду КПСС, прочитанного М. С. Горбачевым, в котором констатировалось, что «в последнее время в жизни общества начали проступать застойные явления как в экономической, так и в социальной сферах». Впоследствии это определение распространилось на весь период от прихода Л. И. Брежнева к власти (середина 1960-х) до начала перестройки (вторая половина 1980-х). Эта формулировка прочно утвердилась в общественном сознании. Рассмотрим методологические и теоретические подходы к оценке периода.

Реальные цифры экономического и социального развития СССР показывают, что в период 1965–1985 гг. наблюдался не застой, а значительный экономический рост. В этот период были сделаны большие капиталовложения в гарантированное жизнеобеспечение на долгую перспективу: созданы единые энергетические и транспортные системы, построена сеть птицефабрик, решившая проблему белка в рационе питания, проведены крупномасштабное улучшение почв (ирригация и известкование) и обширные лесопосадки (1 млн га в год). Хозяйство и госаппарат были насыщены квалифицированными кадрами. По количеству специалистов с высшим образованием страна вышла на первое место в мире. Стабильной стала демографическая обстановка с постоянным приростом населения около 1,5 % в год. Население России в те годы увеличилось на 12 млн чел.

*Лев Николаевич Мартюшов

Д.и.н., Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия;
lmartushov@yandex.ru;

Ирина Львовна Мартюшова

К.и.н., Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия;
lmartushov@yandex.ru

В 1966–1970-х гг. осуществлялись определенные экономические реформы, которые характеризовались внедрением экономических методов управления, расширением хозяйственной самостоятельности предприятий, объединений и организаций, широким использованием приемов материального стимулирования.

В 1980 г. Советский Союз занимал первое место в Европе и второе место в мире по объемам производства промышленности и сельского хозяйства. Если в 1960 г. объем промышленной продукции СССР по сравнению с США составлял 55 %, то через 20 лет, в 1980 — уже более 80, СССР вышел на передовые позиции в освоении космоса, развитии авиации, атомной энергетики, фундаментальных и прикладных наук. Наблюдались успехи в других областях, например, в тракторостроении: Советский Союз экспортировал тракторы в 40 стран мира, главным образом социалистические и развивающиеся. В 1980 г. производство и потребление электроэнергии в Советском Союзе выросло в 26,8 раза по сравнению с 1940 г., тогда как в США за тот же период ее выработка на электрических станциях увеличилась в 13,67 раза.

Из 13 действующих в России гидроэлектростанций 11 были сооружены именно тогда, в т. ч. крупнейшие в мире Красноярская и Саяно-Шушенская. То же самое можно отнести к атомным станциям. Экспорт энергоресурсов был не менее внушителен, чем углеводородов. Экспорт нефти и нефтепродуктов из СССР вырос с 75,7 млн т в 1965 г. до 193,5 млн т в 1985 г. Это стало возможным за счет освоения месторождений Западной Сибири. Выручка от экспорта нефти и нефтепродуктов, составлявшая в 1965 г. порядка 0,67 млрд долл., увеличилась к 1985 г. в 19,2 раза и составила 12,84 млрд долл. Кроме того, в значительных объемах с 1970-х гг. экспортировался природный газ. Добыча газа в этот период увеличилась со 127,7 до 643 млрд м³ [2].

В исторической и экономической литературе сложилось мнение, что зависимость от экспорта полезных ископаемых привела к отсутствию необходимых реформ в экономике. В качестве аргумента приводилась Япония, где отсутствие собственной сырьевой базы вынуждало внедрять ресурсосберегающие технологии, проводить инновационную политику. Высказывалась даже точка зрения, что наличие огромных запасов нефти и газа явилось несчастьем для страны, т. к. отсутствовали стимулы инновационного развития. Однако скачкообразный рост цен на углеводороды позволил, во-первых, в короткие сроки решить ряд задач социального развития страны. В социальном плане за 18 брежневских лет реальные доходы населения выросли более чем в 1,5 раза.

В 1964–1986 гг. строились новые города и поселки, заводы и фабрики, дворцы культуры и стадионы, создавались вузы, открывались новые школы и больницы. Было введено в эксплуатацию при Брежневе 1,6 млрд м² жилой площади (что составило 44 % всего тогдашнего жилого фонда страны), благодаря чему бесплатным жильем было обеспечено 162 млн чел. (для срав-

нения: за все 1990-е гг. в России было построено меньше 300 млн м² жилья). При этом квартплата в среднем не превышала 3 % семейного дохода. Именно в «период застоя» было проведено огромное по масштабам дорожное строительство, было построено метро в 11 городах, быт людей в городе в основном вышел на современный уровень, а на селе сильно улучшился (завершена полная электрификация села и газификация его большей части).

Значительные достижения наблюдались в образовании, медицине, системе социального обеспечения. В 1966 г. в СССР был осуществлен переход к всеобщему среднему образованию, в 1978 г. введено обеспечение учащихся младших классов бесплатными учебниками. Всемирную известность и признание получило творчество известных деятелей культуры. Высоких результатов на международной арене достигали советские спортсмены. Период «застоя» отмечен отсутствием каких-либо серьезных потрясений в политической жизни страны, а также социальной стабильностью и относительно высоким уровнем жизни. Рост расходов на социальные нужды был необходим. Форсированная индустриализация, Победа в Великой Отечественной войне, восстановление народного хозяйства — все это было достигнуто за счет колоссального напряжения сил, за счет жизненного уровня населения. Большая часть валютной выручки тратилась на импорт продовольствия и закупку товаров народного потребления.

Во-вторых, увеличение добычи нефти и газа, строительство нефте- и газопроводов заложили основу восстановления экономики постсоветской России. После распада СССР экономика России лежала в руинах. Промышленное и сельскохозяйственное производство сократилось практически вдвое. Государственный долг составлял в 2000 г. 158 млрд долл. Именно за счет продажи нефти и газа, месторождения которых были открыты и начали разрабатываться в «годы застоя», удалось расплатиться с долгами и восстановить экономику. Российские газопроводы опутали Западную Европу. Компания ОАО «Газпром», добывающая 76,5 % российского газа и 14,5 % мировой его добычи, в 2011 г. стала самой прибыльной компанией мира. 80 % ее добычи приходилось на месторождения, запущенные еще в годы существования СССР. Сегодня не столько мы зависим от Европы, сколько Европа от нас.

Удовлетворительно обстояли дела и в сельском хозяйстве. В 1965–1985 гг. наше сельское хозяйство развивалось по пути интенсификации, основными направлениями которой были: комплексная механизация, повышение плодородия почвы путем мелиорации и увеличение применения удобрений, специализация сельскохозяйственного производства, межколхозная и агропромышленная кооперация. На этом пути были достигнуты определенные успехи. Производство зерна выросло на 51 %, средняя урожайность — с 10 ц с га в 1965 г. до 17 ц с га в 1985 г. Производство овощей выросло на 70 %, мяса на 107 %, яиц на 189 %.

Причем этот рост приходился на государственный и общественный сектор, при значительном сокращении частного. В 1950-е гг. личные приусадебные хозяйства колхозников и горожан давали 70–75 % продуктов животноводства (мяса, молока, яиц), в 1965 г. — 40–50 %, в конце 1980-х гг. — 20–27 % (в отличие от периода правления Хрущева, в годы застоя поощрялось развитие личных подсобных хозяйств колхозников и рабочих совхозов, даже появился лозунг «Хозяйство личное — польза общая»). Широко раздавались земли под садоводческие товарищества горожан. Однако урожайность зерновых была значительно ниже, чем в промышленно развитых капиталистических странах (в 1970 г. — 15,6 ц с га в СССР против 31,2 ц с га в США) причем повышения урожайности добиться не удалось — в 1985 г. она составила 15 ц с га. Тем не менее, потребление основных продуктов питания (за исключением мяса и мясопродуктов) достигло в СССР уровня развитых стран. В 1982 г. была разработана и принята государственная Продовольственная программа, ставящая задачу обеспечить полноценное питание всем гражданам страны. По основным реальным показателям эта программа хорошо выполнялась, однако говорить о ее итогах достаточно сложно, т. к. с началом «перестройки» о ней просто забыли.

Для оценки эффективности сельскохозяйственного производства необходимо, разумеется, учитывать климатические условия. Тем не менее, в РСФСР валовой сбор зерна (в весе после доработки) был в полтора-два раза выше, чем после «перестройки», схожие пропорции просматриваются и в поголовье основных видов скота.

Одной из главных проблем экономики СССР был товарный дефицит в стране. Товарный дефицит в тех или иных сферах был характерен для практически всех периодов в истории существования СССР и являлся в значительной мере следствием «догоняющей модели», когда упор делался на преимущественное развитие тяжелой промышленности. Этот дефицит сформировал «экономику продавца» — производители и система торговли в условиях планового хозяйствования (отсутствие конкуренции и т. д.) не были заинтересованы в качественном сервисе, своевременных поставках, привлекательном дизайне и поддержании высокого качества товаров. К тому же из-за проблем, характерных для плановой экономики, периодически исчезали из продажи самые обычные товары первой необходимости. Этот дефицит воспринимался особенно болезненно на фоне роста денежных доходов и, следовательно, запросов и потребностей населения.

С середины 1970-х гг. рост нересурсных секторов экономики значительно замедлился. Признаками этого явления были: отставание в высокотехнологических областях, низкое качество продукции, неэффективное производство и низкий уровень производительности труда. В последние 12–15 лет в развитии народного хозяйства СССР стала обнаруживаться тенденция к заметному снижению темпов роста национального дохода. Если в восьмой пятилетке среднегодовой прирост его составлял 7,5 % и в девят-

той — 5,8 %, то в десятой он снизился до 3,8 %, а в первые годы одиннадцатой составил около 2,5 % (при росте населения страны в среднем на 0,8 % в год). Это не обеспечивало ни требуемых темпов роста жизненного уровня народа, ни интенсивного технического перевооружения производства. Кризисные явления были налицо, но, на наш взгляд, причины этого явления следует искать не столько внутри страны, сколько вне ее.

Модернизация в СССР с самого начала носила «догоняющий» характер, осуществлялась за счет заимствования достижений развитых стран. Заимствовались самые передовые технологии и образцы новейшей техники. В годы первых пятилеток из-за границы были приглашены инженеры. Многие известные компании, такие как Siemens-Schuckertwerke AG и General Electric, привлекались к работам и осуществляли поставки современного оборудования. Значительная часть моделей техники, производившейся в те годы на советских заводах, представляла собой копии либо модификации зарубежных аналогов (например, трактор Fordson, собиравшийся на Сталинградском тракторном заводе). В феврале 1930 г. между «Амторгом» и фирмой американского архитектора Альберта Кана Albert Kahn, Inc. был подписан договор, согласно которому фирма Кана становилась главным консультантом советского правительства по промышленному строительству и получала пакет заказов на строительство промышленных предприятий стоимостью 2 млрд долл. (около 250 млрд долл. в ценах нашего времени). Эта фирма обеспечила строительство более 500 промышленных объектов в СССР.

Фирма Альберта Кана играла роль координатора между советским заказчиком и сотнями западных компаний, поставивших оборудование и консультировавших строительство отдельных объектов. Так, технологический проект Нижегородского автозавода выполнила компания Ford, строительный — американская компания Austin. Строительство 1-го Государственного подшипникового завода в Москве (ГПЗ-1), который проектировала компания Кана, осуществлялось при техническом содействии итальянской фирмы RIV. Сталинградский тракторный завод, построенный по проекту Кана в 1930 г., был изначально сооружен в США, а затем был размонтирован, перевезен в СССР и собран под наблюдением американских инженеров. Он был оснащен оборудованием более чем 80 американских машиностроительных компаний и нескольких немецких фирм.

Американский гидростроитель Хью Купер стал главным консультантом строительства Днепрогэс, гидротурбины для которого были закуплены у компаний General Electric и Newport News Shipbuilding. Магнитогорский металлургический комбинат был спроектирован американской фирмой Arthur G. McKee and Co, которая также осуществляла надзор над его строительством. Стандартная доменная печь для этого и всех остальных металлургических комбинатов периода индустриализации была разработана чикагской компанией Freyn Engineering Co. В 1931 г. на долю СССР приходилась треть всего импорта машин и оборудования в мире. 80 % оборудования советских заводов было импортным [3].

В годы восстановления народного хозяйства после Великой Отечественной войны советские заводы оснащались новейшим оборудованием, произведенным на заводах Германии и полученным в счет репараций. Всего в западных районах было восстановлено и вновь пущено 3 200 предприятий. Такая политика, характерная для стран «второго эшелона» модернизации, позволила СССР в кратчайшие сроки преодолеть отставание от развитых стран, а по ряду позиций выйти на первое место в мире.

Однако после принятия плана Маршалла и образования СЭВ сложились фактически два параллельных мировых рынка, мало связанных друг с другом. СССР и Восточная Европа оказались изолированными от развитых стран, что пагубно сказалось на их экономике. В 1974 г. была принята поправка Джексона – Вэника к Закону о торговле США, ограничивавшая торговлю со странами, препятствующими эмиграции, а также нарушающими другие «права человека». Поправкой Джексона — Вэника запрещалось предоставлять режим наибольшего благоприятствования в торговле, государственные кредиты и кредитные гарантии странам, которые нарушают или серьезно ограничивают права своих граждан на эмиграцию, а также другие права человека. Поправкой также предусматривалось применение в отношении товаров, импортируемых в США из стран с нерыночной экономикой, дискриминационных тарифов и сборов.

После ввода советских войск в Афганистан экономические связи с развитыми странами Запада оказались практически разорванными. Экономический кризис 1982 г. вызвал падение производства, а, следовательно, сокращение потребности в энергоносителях и падение цен на нефть и газ. К этому добавилась политика администрации президента Рейгана, направленная на разрушение «империи зла» и вызвавшая новый виток гонки вооружений, непосильный для советской экономики.

В последней четверти XX в. начинают развиваться процессы глобализации. Глобализация экономики — одна из закономерностей мирового развития. Неизмеримо возросшая по сравнению с интеграцией взаимозависимость экономик различных стран связана с формированием единого экономического пространства, где отраслевая структура, обмен информацией и технологиями, география размещения производительных сил определяются с учетом мировой конъюнктуры, а экономические подъемы и спады приобретают планетарные масштабы. Для глобализации характерна интернационализация производства — технологический способ применения капитала посредством установления устойчивых производственных связей между предприятиями различных государств, вследствие чего производственный процесс в одной стране становится частью процесса, протекающего в интернациональном или мировом масштабе.

При этом интернационализируют производство крупные монополии, обладающие, кроме собственно капитала, еще и необходимой политической властью в обществе. Интернационализация капитала — процесс переплетения и объединения национальных капиталов, который проявляется в создании от-

дельными компаниями хозяйствующих субъектов в других государствах или в развитии наднациональных форм связей и контактов между капиталами разных стран. Существуют два уровня интернационализации: микроэкономический, т. е. на уровне международной компании с ее дочерними подразделениями в других странах, и интернациональный, как создание наднациональных институциональных образований, например, Европейский союз. Советский Союз объективно оказался вне этих процессов, что усилило его изоляцию и отставание от развитых стран в научном и техническом отношении.

Следует согласиться с мнением выдающегося русского социолога А. А. Зиновьева о том, что «победа Запада над Советским Союзом и его союзниками не была победой капитализма над коммунизмом. «Холодная война» была войной конкретных народов и стран, а не абстрактных социальных систем... Чтобы сделать вывод о том, кто победил — капитализм или коммунизм, — нужно, чтобы противники были примерно одинаковы во всем, кроме социального строя. Ничего подобного в реальности не было. Запад превосходил Советский Союз во всех отношениях, включая исторический опыт, накопленные богатства, человеческий материал и вообще человеческие ресурсы, экономическую мощь, уровень технологий и т. д.» [1, с. 96–97].

К сожалению, в российской исторической науке в целом и в уральской науке в частности с конца 1980-х гг. утвердилась однозначно негативная оценка «брежневского периода» в советской истории как «потерянного времени», как «эпохи застоя». Этот период не вызывает интереса исследователей. В последние годы ни на общероссийском, ни на региональном уровне не появилось ни одного крупного исследования, анализирующего данный период. Между тем, именно этот период заслуживает, на наш взгляд, самого пристального внимания. Необходимо объективно, без излишней политизации изучить как на общероссийском, так и на региональном уровне причины кризисных явлений в советском обществе с тем, чтобы не повторять допущенных ошибок.

Библиографический список

1. *Зиновьев А. А.* Планируемая история: Запад. Посткоммунистическая Россия. Гибель русского коммунизма. М., 2009.
2. *Славкина М.* Развитие нефтегазового комплекса СССР в 60-80-е гг.: большие победы и упущенные возможности. Цит. по: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/science/lmns/2002/24.htm>
3. *Siegel K. A. S., Sibley C. A. S.* Loans and Legitimacy: The Evolution of Soviet-American Relations, 1919–1933. Цит. по: [Электронный ресурс]. URL: http://books.google.com/books?id=zrm_sphup0c8ipd&pg=pa86

L. N. Martyushov

Doctor of Historical Sciences, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia)

I. L. Martyushova

Candidate of Historical Sciences, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia)

“Era of Stagnation”: Ideological Stamp and Reality

The authors consider it improper to use the term “era of stagnation” concerning the period of 1965–1985 in the history of USSR. They see the reasons of the economic slowdown primarily in the course of political and economic isolation of the USSR, conducted by the West, and in the confrontation of the two systems.

Key words: economic history, “era of stagnation”, “catching up modernization”, confrontation of the two systems, globalization, economic isolation

УРАЛ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ СТРАНЫ

УДК 631

Л. В. Алексеева*

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НИЖНЕВАРТОВСКОГО РАЙОНА ХМАО-ЮГРЫ В ПЕРВОЕ ПОСТСОВЕТСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (1992–2002 гг.)

В статье описывается развитие промышленности в Нижневартовском районе в первое постсоветское десятилетие.

Ключевые слова: топливно-энергетический комплекс, месторождения, добыча нефти и газа, лесная промышленность

12 июня 2013 г. исполнилось 85 лет со дня образования самого крупного в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре Нижневартовского района, занимающего площадь более 118 тыс. км². На его территории находятся 22 населенных пункта, в которых проживают более 36 тыс. чел.

Основу промышленности района составляли предприятия топливно-энергетического комплекса. Когда в начале 1990-х гг. начался процесс разграничения полномочий местного самоуправления, города на территории района стали самостоятельными со своими бюджетами и органами власти, району остались тайга, болота, озера с нефтяными месторождениями (которые разрабатывали зарегистрированные преимущественно в городах компании), пушной зверь, да 33 тыс. жителей, разбросанных на огромной территории¹.

В 1990-х — начале 2000-х гг. на территории района разрабатывалось более 80 месторождений углеводородного сырья, освоением которых занимались крупнейшие нефтяные компании: «Лукойл», «Сиданко», «Сибирь» и др. Успешно работали российские недропользователи: ОАО «Негуснефть», ОАО «РИТЭК», ОАО «Синко-ННП», ОАО МПК «Аганнефтегазгеология», ОАО «Нефтебурсервис» и предприятия с участием иностранных инвестиций: ООО СП «Ваньеганнефть», ОАО НК «Магма», СТ ЗАО «Голойл», ООО «Черногорское». Одним из первых возникло совместное российско-американское предприятие «Ваньеганнефть», разрабатывавшее очень сложные месторождения: Ван-Еганское и Ай-Еганское. Предприятие являлось технологическим лидером отрасли². Утилизацией попутного газа на территории района занимались Нижневартовский и Белозерный газоперерабатывающие заводы.

В нефтяной отрасли региона в те годы обнаружились серьезные проблемы. «Порой нефтяникам кажется, что государству ни они сами, ни нефть уже не нужны», — писал П. Акопов в «Независимой газете» в 1999 г. А меж-

*Любовь Васильевна Алексеева

Д.и.н., Нижневартовский государственный университет, Нижневартовск, Россия; lvalexeeva@mail.ru

¹Акопов П. Вахский край — сибирская провинция // Нефтяник. 1999. 28 мая. С. 5.

²Архивный отдел администрации Нижневартовского района. Ф. 51. Оп.1. Д. 195. Л. 97.

ду тем пятая часть российской нефти добывалась в Нижневартовском районе. В то время как в нефтяной промышленности округа фактически были свернуты разведочные работы, в Нижневартовском районе во многом благодаря действиям Б. С. Хохрякова удалось сохранить Аганскую нефтеразведочную экспедицию и преобразовать ее в окружное муниципальное предприятие — ОАО МПК «Аганнефтегазгеология»³, о чем свидетельствует письмо Б. С. Хохрякова от 1 марта 1996 г. губернатору округа А. В. Филипенко⁴. Сокращение финансирования геологоразведки из федерального бюджета привело к снижению разведочных работ в 1992 г. на 20 тыс. погонных метров⁵. С 1994 г. финансирование из федерального бюджета и вовсе прекратилось. С середины 1990-х гг. ситуация в геологоразведке несколько улучшилась. Аганская НГРЭ план проходки в 1996 г. по сравнению с 1995 г. увеличила на 121,2 %, Вахская НГРЭ — на 114,7 %⁶.

Таблица 1

**Добыча нефти в Нижневартовском районе в 1990-х — начале 2000-х гг.
по предприятиям, зарегистрированным на территории района**

	1992	1993	1994	1995	1996	1998	1999	2002
Нефть (в тыс. т)	5 109	3 969	7 900	7 283,6	6 497,8	6 500	6 678	23 000

Таблица составлена по: Отчеты администрации района // Новости Приобья. 1992-1999 гг.; Архивный отдел администрации Нижневартовского района. Ф. 63. Оп. 1. Д. 18. Л. 27; Протокол № 15 заседания Думы Нижневартовского района от 7 дек. 2000 г. Л. 47.

Добыча нефти колебалась. Наибольшее падение в объемах добычи наблюдалось в 1993 г. Добыча газа по отдельным годам составила: в 1995 г. — 2 933,2 млн м³, в 2002 г. — 418,6 млн м³⁷.

Энергетический комплекс района был представлен Нижневартовской ГРЭС. В декабре 1990 г. утвердили Государственный план ввода в эксплуатацию энергоблока № 1. Кризис в экономике поставил под сомнение не только ввод энергоблока 800 МВт в эксплуатацию, но и вообще судьбу станции с ее персоналом. Директор станции Л. И. Коган 25 сентября 1991 г. направил письмо в Тюменский областной совет, Нижневартовский горисполком и райисполком с техническим обоснованием расширения станции⁸. 30 января 1993 г. первый энергоблок впервые был включен в сеть и встал под электрическую нагрузку. Станция вошла в структуру Тюменьэнерго⁹. На этом дальнейшие работы по строительству станции были заморожены.

³Акопов П. Указ. соч. С. 11.

⁴Архивный отдел администрации Нижневартовского района. Ф. 51. Оп. 1. Д. 195. Л. 132.

⁵Новости Приобья. 1993. 3 нояб.

⁶Там же. 1997. 28 янв.

⁷Архивный отдел администрации Нижневартовского района. Ф. 63. Оп. 1. Д. 18. Л. 27; Нижневартовский район в 2002 г.: цифры и факты // Новости Приобья. 2003. 25 марта.

⁸Архивный отдел администрации Нижневартовского района. Ф. 51. Оп. 1. Д. 31. Л. 11.

⁹Новости Приобья. 1999. 22 дек.

Однако, администрация Нижневартовского района в декабре 1993 г. сформулировала предложение о целесообразности строительства второго энергоблока¹⁰. В январе 1998 г. коллектив станции торжественно отметил 5-летие пуска блока № 1. За 5 лет выработано 21,4 млрд кВт·ч электроэнергии и 1,6 млн Гкал тепла. В феврале 1998 г. управление делами станции принял новый директор, в то время главный инженер станции Эдуард Георгиевич Новосёлов. В 1998 г. было выработано 2 960,2 млн кВт·ч электроэнергии и 381,4 тыс. Гкал тепла¹¹.

В 2000 г. внедрили новую электроимпульсную систему рыбозащиты, позволяющую с высокой эффективностью защитить молодь ценных пород рыб от попадания в систему водоснабжения ГРЭС. На должность директора был назначен Владимир Иванович Белый, работавший до этого главным инженером Тюменской ТЭЦ-1. В 2002 г. ГРЭС выработала 3 696,6 млн кВт·ч электроэнергии¹².

Лесная промышленность района пришла в те годы в упадок. Земли лесного фонда составляли 13 374 157 га. Ведением лесного хозяйства занимался Нижневартовский лесхоз. В составе лесхоза находилось 8 лесничеств: Нижневартовское, Излучинское, Пригородное, Колек-Еганское, Охтеурское, Ларьякское, Корликовское, Сарт-Еганское. В 1990-х гг. роль лесной промышленности в формировании экономики района значительно уменьшилась. Снижение спроса на древесину привело к банкротству крупнейших лесозаготовительных предприятий — Нижневартовского, Мегионского и др. леспромпхозов. Мозаичное размещение крупных лесных массивов и слабое развитие лесовозных путей транспорта определили очаговый характер эксплуатации лесосечного фонда.

Таблица 2

Заготовки древесины в 1990-х гг. (в тыс. м³)

1992	1994	1995	1996	1997	1999
266	156	206,6	112,8	49	288,7

Таблица составлена по: Новости Приобья. 1993. 3 нояб.; 1995. 5 янв.; Архивный отдел администрации Нижневартовского района. Ф. 63. Оп. 1. Д. 18. Л. 28; Протокол № 15 заседания Думы Нижневартовского района от 7 дек. 2000 г. Л. 48.

Сведения, приведенные в таблице, показывают, что заготовки леса упали в 1997 г. по сравнению с 1992 г. более чем в 5 раз!

В 2001 г. в Излучинске создали филиал ОАО «Кода Варт лес», началось возрождение лесозаготовительной и деревообрабатывающей отрасли в районе¹³. В 2002 г. было продано лесобилетов на заготовку 196,11 тыс. м³ древесины. Заготовили деловой древесины для бюджетных учреждений —

¹⁰ Архивный отдел администрации Нижневартовского района. Ф. 51. Оп. 1. Д. 67. Л. 59.

¹¹ Нижневартовский район в 1998 г.: цифры и факты // Новости Приобья. 1999. 18 февр.

¹² Нижневартовский район в 2002 г. ...

¹³ Нижневартовский регион: природа, человек, экология / под ред. Ф. Н. Рянского. Нижневартовск, 2007. С. 145.

18,1 тыс. м³, крестьянско-фермерских хозяйств — 14,21 тыс. м³, население — 4,56 тыс. м³, для аукционов — 159,24 тыс. м³¹⁴.

Следовательно, регион оставался сырьевым по характеру промышленного производства, сохраняя большое значение в добыче нефти, испытывал серьезные проблемы в модернизации экономики района.

L. V. Alexeeva

Doctor of Historical Sciences, Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russia)

The Industry of Nizhnevartovsk region of Khanty-Mansiysk district in the 1st post-Soviet decade (1992–2002)

The paper describes the development of industry in Nizhnevartovsk region in the 1st post-Soviet decade.

Key words: fuel and energy complex, deposits, oil and gas, forest industry

¹⁴Нижневартовский район в 2002 г...

РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990-е — НАЧАЛЕ 2000-х гг.¹

В статье освещается процесс реструктуризации угольной промышленности в Кизеловском угольном бассейне, проанализированы социально-экономические проблемы, связанные с этим процессом.

Ключевые слова: угольная промышленность, реструктуризация, Урал, шахтеры

Стадия «упадка» любой отрасли может продолжаться относительно долгое время, пока товары-заменители полностью не вытеснят с рынка ее продукцию. Однако для такого товара как топливо полное замещение затруднено в силу неодинаковости технологических возможностей потребителей. Даже на дорожающий вид топлива спрос сохраняется до тех пор, пока расходы на модернизацию или замену энергетической системы не окажутся для потребителей более приемлемыми. Либерализация цен в январе 1992 г. была проведена с одним очень важным исключением — цены на энергоносители остались под контролем государства, что должно было обезопасить отечественную промышленность от стремительного роста тарифов, а, следовательно, от резкого удорожания ее продукции. Такой подход был направлен на повышение конкурентоспособности отечественных производителей при открытии для иностранных товаров российского внутреннего рынка. Однако изъятие топливно-энергетического комплекса из сферы действия рыночных отношений привело к консервации в стране неэффективного топливного баланса.

По подсчетам Л. А. Гордона, Э. В. Клопова и И. С. Кожуховского, к началу 1993 г. доля государственных дотаций в производстве угля превышала 70 %, т. е. отрасль почти полностью финансировалась государством. Господдержка отрасли объемом в 2,1 трлн руб. составляла 1 % ВВП и 5 % всех расходов консолидированного бюджета. На угольную промышленность шло 12–13 % всех средств господдержки отраслей промышленности [4, с. 53–54]. Нести и далее столь значительные расходы правительство и не желало, и не могло, поэтому разработка программы реструктуризации угледобывающей отрасли с этого момента перешла в практическую стадию.

Разработка и осуществление программы реструктуризации были возложены правительством на Минтопэнерго России, которому после ликвидации в сентябре 1991 г. союзного министерства угольной промышленности

*Сергей Алексеевич Баканов

Д.и.н., Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия; bakanov-s@mail.ru

¹Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 гг.» (государственное соглашение № 14.В37.21.0001)

было передано управление всеми угледобывающими предприятиями России. Целями реструктуризации были: повышение эффективности угледобычи и сокращение нагрузки по ее содержанию на федеральный бюджет. Для достижения этих целей предполагалось провести следующие мероприятия: а) ликвидировать особо убыточные шахты и неэффективные производственные участки; б) выделить из состава действующих предприятий непрофильные производства и виды деятельности; в) создать сильные региональные угольные компании, конкурирующие между собой; г) приватизировать эти региональные угольные компании; д) передать жилье и объекты соцкультбыта от предприятий органам местного самоуправления; е) осуществлять социальную защиту высвобождавшихся рабочих; ж) создавать новые рабочие места, проводить профессиональное переобучение шахтеров, содействовать переселению шахтерских семей; з) проводить социальное, экономическое и экологическое оздоровление угледобывающих регионов [6, с. 12].

В Пермской области, где практически все предприятия отрасли относились к числу убыточных и уже довольно давно вступили в стадию «упадка», реструктуризация угольной промышленности обернулась полной ликвидацией всех связанных с угледобычей производств. В первую очередь реструктуризация затронула Кизеловский бассейн, где после подписания Указа Президента РФ от 21.06.1993 г. № 934 и Постановления Правительства РФ от 20.06.1993 г. № 590 начался процесс ликвидации неперспективных и особо убыточных добычных единиц. К этому моменту в бассейне действовали 14 шахт (5 шахт работали в Кизеле, 5 — в Губахе, 3 — в Гремячинске и 1 — в Чусовом). В 1994 г. они вошли в состав образованных ОАО «Кизелуголь» и ОАО «Шумихинская шахта», учредителями которых выступил областной комитет государственных имуществ. Уже в 1993 г. была закрыта шахта «им. Н. К. Крупской» в Губахе.

Но на этом процесс ликвидации на несколько лет застопорился. После трехлетнего перерыва были закрыты летом 1996 г. еще две шахты («Шировская» в Кизеле и «Центральная» в Губахе). К сентябрю 1997 г. задолженность по заработной плате в ОАО «Кизелуголь» составляла 25 648 млн руб. и список шахт, подлежащих ликвидации, существенно расширился. В конце 1997 г. были закрыты еще 5 шахт («им. В. И. Ленина» и «Коспашская» в Кизеле, «Ключевская» в Губахе, «Западная» и «им. 40 лет Октября» в Гремячинске). Совет директоров ОАО «Кизелуголь» определил субъектами угольного рынка оставшиеся шахты — «Северная», «40 лет ВЛКСМ», «Нагорная» и «Скальная», но в следующем году решение о закрытии было принято и по ним². Официально добыча была полностью прекращена ОАО «Кизелуголь» 1 июля 1999 г., а ОАО «Шумихинская шахта» — 1 апреля 2000 г. В феврале 2001 г. коллегия при губернаторе Пермской области отметила, что все угледобывающие предприятия на территории области к этому моменту уже закрыты и в стадии ликвидации находятся лишь юридические лица ОАО «Кизелуголь» и ОАО «шахта Шумихинская».

²ГАПК. Ф. Р-1151. Оп. 3. Д. 22. 3. Л. 5, 8.

Стоимость всех мероприятий по ликвидации ОАО «Кизелуголь» проектировалась (в ценах 2001 г.) в 2 661,6 млн руб., но с начала реализации программы, т. е. с 1997 г., и вплоть до 2003 г. (т. е. в самый разгар ликвидационных мероприятий и высвобождения рабочей силы) из федерального бюджета было получено только 26 % от этой суммы. При этом значительная часть полученных средств пошла не на создание новых рабочих мест, а на строительство в городах Кизеловского бассейна альтернативных источников теплоснабжения. Всего было построено 22 газовые котельные, проложены новые газопроводы, сети теплоснабжения, электросети и т. п. [7, с. 22].

Амортизировать эффект от ликвидации отрасли были призваны региональные и местные программы развития, которые Мировой банк реконструкции и развития рекомендовал в качестве альтернативы прямому субсидированию закрывавшихся предприятий. В Пермской области такая региональная программа (разработана в 1996 г.) предусматривала создание 5 118 новых рабочих мест с использованием площадей и мощностей машиностроительного производства. Так, на Кизеловском ремонтно-механическом заводе планировалась организация производства стеклопластиковых труб, природоохранного оборудования, медицинского оборудования и др. Кроме того, планировалось создание комплекса малых и средних предприятий широкого профиля.

По отраслевой программе намечалось освоить до 2000 г. 551,8 млрд руб. в действующих ценах. На 94 % средства должны были поступить из федерального бюджета. Таким образом, стоимость одного нового рабочего места достигала 107,8 млн руб. Однако эта региональная диверсификационная программа так и не была выполнена. Из всего плана по Пермской области реализовали только два мероприятия: в 1997 г. в Губахе на промплощадке закрытой шахты был создан цех по производству природоохранного оборудования на 80 рабочих мест, 60 из которых заняли бывшие шахтеры, а в 1999 г. на промплощадке шахты Нагорная в Кизеле был организован склад для снабжения населения пайковым углем. За период с 1996 по 1999 г. реально было создано в Пермской области только 848 новых рабочих мест на 12 предприятиях (не только в шахтерских городах, а по всей области) [6, с. 64, 210, 255].

Гораздо большую пользу шахтерским городам бассейна принесли программы местного развития, которые также начали разрабатываться с 1996 г. В тот момент законодательство разрешало направлять на реализацию этих программ не более 50 % средств господдержки, но в 1999 г. эта планка была поднята до 70 %. Была разработана система мер, направленных на льготное кредитование предпринимателей, создававших рабочие места для высвобождающихся работников угольной промышленности³. Однако до начала 2000-х гг. не были обозначены источники этого льготного кредитования и не были определены четкие критерии, дающие право предпринимателям на получение таких кредитов. Это существенно затрудняло реализацию местных про-

³Федеральный Закон от 20 июня 1996 г. №81-ФЗ «О государственном регулировании в области добычи и использования угля. Об особенностях социальной защиты работников организаций угольной промышленности».

грамм по созданию новых рабочих мест. С 1998 г. в программах появилась такая временная мера как организация общественных работ, на которые пошло 37,5 % средств господдержки, полученных из федерального бюджета на реализацию местных программ. В 1998 г. Минтопэнерго России утвердило «Временное положение» для содействия «переселению граждан из неперспективных шахтерских городов и поселков с предоставлением помощи непосредственно переселяемым гражданам» и разработало «Порядок финансирования программ местного развития из средств государственной поддержки угольной отрасли». В рамках этих подходов в Кизеловском бассейне с 2000 г. начали предоставлять государственные жилищные именные сертификаты «Шахтер» для переселявшихся граждан и целевые субсидии для индивидуальных предпринимателей.

Всего за период с 1996 по 1998 г. (т. е. в момент максимального числа увольнений) на программы местного развития в Кизеловском бассейне было выделено только 87,5 млн руб., но в следующие два года ситуация улучшилась, и было выделено еще 455,5 млн руб. Этих дополнительных средств хватило на то, чтобы предоставить предувольнительные консультации 2 402 рабочим, провести профессиональное переобучение 496 чел., создать 1 061 временное рабочее место на общественных работах, предоставить содействие созданию 831 новых рабочих мест, оказать поддержку малому бизнесу в создании 45 рабочих мест и обеспечить переселение 757 семей [2, с. 39-40.]. В Кизеле за счет финансирования из средств господдержки отрасли программ местного развития было создано производство стеклопластиковых труб на ЗАО «Кизел-композит», выжиг древесного угля на ЗАО «Карбон-Кизел», мягких кровельных материалов на «ЗАО «Кизел-кровля», также диверсифицировано производство на предприятиях «Ремстройдормаш» и Кизеловском ремонтно-механическом заводе. В Гремячинске организовано производство котельного оборудования, деревообработка, расширено калийно-карьерно-рудное управление, построено 360 новых квартир, в Губахе — расширен механический завод [5, с. 58].

За 1994–1999 гг. в Кизеловском бассейне были высвобождены 12 883 чел., из которых 17 % были отправлены на пенсию, 12 % трудоустроены по переводу (в т. ч. на вновь созданные рабочие места только 295 чел., или 2,3 %), 37,5 % встали на учет в службе занятости, а остальные 36 % искали работу самостоятельно. Причем до 1999 г. удельный вес трудоустроившихся по переводу был еще ниже (около 4 %) [5, с. 18-19.]. В остальных бассейнах пик высвобождения пришелся на начало следующего десятилетия. Уровень официально зарегистрированной безработицы по шахтерским городам Пермской области в начале 2000-х гг. был в Кизеле в 1,5 раза выше среднероссийского, в Гремячинске — в 3,6 раза, а в Губахе (благодаря развитому химическому производству) этот уровень был даже несколько ниже [1, с. 443-446]. Официальная безработица в Пермской области выросла с 0,9 до 4,4 %, а в городе Гремячинск достигла рекордных 13,4 %. К 2000 г. в Гремячинске на одно вакантное рабочее место претендовало 262 чел., для сравнения, в другом

бывшем шахтерском городе Чусовом пропорция была куда более оптимистическая — 3 чел. на место [6, с. 84, 252].

Обследовавшие города Кизеловского бассейна ученые из Института экономики УрО РАН уже в 2003 г. отмечали ряд угроз для социальной сферы шахтерских городов, вызванных реструктуризацией. Среди них: частичная люмпенизация местного населения, которое не сумело полностью адаптироваться к новым условиям; переселение в другие регионы трудоспособного и экономически активного населения снизило уровень обеспеченности этих территорий квалифицированными врачами, учителями, работниками культуры и др.; обострение проблем молодежи, которая, не видя перспективы, стремится к отъезду или люмпенизируется; низкая инвестиционная привлекательность и деловая активность, вызванная традиционно моноотраслевой структурой хозяйства. При этом большая часть населения не имеет средств для переезда в другие районы, либо не может этого сделать в силу родственных и иных связей [3, с. 61].

Цикл жизни Кизеловского угольного бассейна завершился, что сопровождалось тяжелыми социальными последствиями, которые еще оказывают и, по всей видимости, продолжают оказывать свое негативное воздействие в относительно долгосрочной перспективе. Связаны они с тем, что вокруг угледобывающих предприятий Пермской области в середине XX в. были построены города и рабочие поселки, для которых отрасль была не просто градообразующей, но, подчас, являлась единственной емкостью, вмещавшей трудовые ресурсы этих поселений. Монопрофильность, культивировавшаяся десятилетиями, стала тяжелым грузом, препятствующим диверсификации и модернизации углепромышленных территорий, особенно после прекращения в них добычи угля. Построенный благоустроенный жилищный фонд и объекты социальной инфраструктуры становятся препятствием для расселения наиболее проблемных поселений, а неблагоприятная экологическая обстановка (нарушение почвы, подтопление и т. п.) и однонаправленность производственной базы препятствуют размещению на этих территориях новых крупных промышленных предприятий, способных сбалансировать рынок труда.

Библиографический список

1. Грунь В. Д., Зайденварг В. Е., Килимник В. Г. и др. История угледобычи в России / под общ. ред. Б. Ф. Братченко. М., 2003.
2. Козаков Е. М., Рожков А. А., Шеломенцев А. Г., Калиновская В. А., Орлова Е. А. Социальные последствия реструктуризации экономики углепромышленных районов: препринт. Екатеринбург, 2001.
3. Копысова А. С., Перминова Н. И., Орлова Е. А. Проблемы адаптации местного населения Кизеловского бассейна после ликвидации угольной отрасли // Уголь. 2003. № 2.

4. Крутой пласт: шахтерская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общероссийских перемен / под ред. Л. А. Гордона, Э. В. Клопова, И. С. Кожуховского. М., 1999.
5. Наумов О. Планы становятся реальностью // Уголь. 2003. № 2.
6. Рожков А. А. Социально-экономические последствия реструктуризации угольной отрасли России. Избранные труды. М., 2003.
7. Сафин Р. Т. Кизеловский угольный бассейн — планы становятся реальностью // Уголь. 2004. № 5.

S. A. Bakanov

Doctor of Historical Sciences, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia)

**The restructuring of the coal industry in the Perm region
in the 1990s – early 2000s**

This paper studies the process of restructuring of the coal industry in Kizel coal basin and analyzes socio-economic problems connected with this process.

Key words: coal industry, restructuring, the Urals, miners

РОЛЬ ИНОСТРАННОЙ ТЕХНИКИ И ТЕХНОЛОГИЙ В ХОДЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ЧЕЛЯБИНСКА И МАГНИТОГОРСКА В 1930-е гг.

Статья раскрывает вклад иностранных специалистов в становление и развитие крупнейших промышленных предприятий Урала — ЧТЗ и ММК. Рассматриваются проблемы взаимодействия производственных культур, отношения советских рабочих к иностранным рабочим и специалистам.

Ключевые слова: иностранные специалисты, индустриализация, пятилетка, ЧТЗ, ММК

Форсированное строительство в годы первой пятилетки крупнейших промышленных объектов Челябинска и Магнитогорска проходило вдали от развитых индустриальных центров в сложных климатических условиях и при явной нехватке квалифицированных кадров. Между тем отношение властей и трудящихся советской России к иностранцам в 1930-х гг. было противоречивым и непоследовательным, по сути, это было столкновение носителей разных политико-идеологических установок.

О том, что привлечение зарубежного технического опыта необходимо для инновационного развития, в ноябре 1929 г. говорилось на пленуме ЦК ВКП (б). Председатель ВСНХ СССР В. В. Куйбышев пояснял: «Металлургических заводов мы еще не умеем строить. Мы можем строить отдельные домны, отдельные мартеновские цеха и то долго, и то дорого, но построить металлургические гиганты, вроде Магнитогорского... — таких гигантов-заводов мы сами строить не можем. Поэтому боевой задачей того органа, который станет во главе черной металлургии, является привлечение иностранной помощи к этим заводам-гигантам» [3, с. 264]. Стоит отметить, что США и Германия к этому времени уже имели опыт строительства крупных заводов. Например, в США в начале XX в. был построен крупнейший металлургический завод Герри (1906–1920 гг.), в Германии — завод Круппа.

С 1928 г. стали заключаться договора с иностранными фирмами о поставке ими оборудования на строящиеся заводы Урала (именно строящиеся предприятия союзного значения имели приоритет в получении оборудования и техники). Стоимость импортного оборудования в 1928–1929 гг. составила 38 млн руб., затем эта цифра снизилась до 25–30 млн. руб. [6, с. 111–112]. Челябинскому тракторному заводу поставляли оборудование 367 иностранных фирм на сумму 32 млн руб. (в т. ч. 203 — из Германии, 67 — из США, 34 — из Англии, 3 — из Франции). На Магнитогорский ме-

* Алексей Вячеславович Богданов

К.и.н., Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, bogdanov509@mail.ru

таллургический комбинат технику поставляли английские и американские фирмы. Импорт оборудования по прокатному цеху составил 51 %, по силовым установкам (главным образом, по электростанциям) — 76 % [5, с. 108]. В 1929 г. иностранный отдел ВСНХ начал переговоры с американской фирмой «Мак-Ки» (г. Кливленд, штат Огайо) об участии в проектировании и строительстве рудника и ряда основных цехов Магнитогорского металлургического завода. В письме об условиях сотрудничества по проектированию Магнитогорского завода оговаривалось, что после окончательного утверждения проекта завода фирма «Мак-Ки» должна была выполнить все необходимые чертежи зданий, фундаментов, системы водоснабжения и канализации, а также всего оборудования. Фирма также отвечала за техническое руководство по постройке Магнитогорского завода и несла ответственность за окончание постройки завода в указанные сроки.

С американской фирмой «Копперс» в 1928 г. была достигнута договоренность о проектировании коксохимического производства. Проектирование ряда других объектов промышленного и гражданского строительства взяли на себя по договору немецкие фирмы. Немецкая фирма «Демаг» дала обязательства выделить специалистов для монтажа центральной электростанции и поставить турбину с генератором мощностью в 54 МВт. С компаниями «Трайлор» и «Крупп» были заключены договоры на установку огнеупорного производства и налаживанию горнорудного хозяйства¹.

В проектировании Челябинского тракторного завода принимали участие 12 американских специалистов. В январе 1929 г. Гипромез заключил договор с американской фирмой «Фрейн», согласно которому фирма дала обязательства оказать техническую помощь по проектированию и строительству ряда цехов ЧТЗ и поставке оборудования для этих целей. Договор был перезаключен в марте 1929 г.²

В 1930 г. именно фирма «Альберт Кан Инкорпорейтед», расположенная в Детройте, получила заказ от советского правительства на проектирование Челябинского тракторного завода. Переговоры велись через «Амторг». Фирма А. Кана обязывалась изготовить: а) генеральный план завода; б) эскизные чертежи здания механосборочной со 2-й термической, холодноштамповочной, инструментальной и необходимыми цехами; в) эскизные чертежи здания кузницы с рессорной и 1-й термической; г) эскизные чертежи здания литейных серого и ковкого чугуна, цветных металлов и стали [4, с. 23]. В проектировании и строительстве ЧТЗ также принимала участие и американская строительная фирма «Макдональд», которая в ноябре 1929 г. заключила договор со строительным комитетом о строительстве и проектировании элеваторов³.

В первое время своего пребывания на уральских предприятиях значительная часть иностранных специалистов, особенно инженеров, в основном

¹ГАСО. Ф. 2265. Оп. 1. Д. 62. Л. 8.

²Там же. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 1636. Л. 28.

³Там же.

выполняли обязанности консультантов. Начиная с 1 июля 1931 г. иностранные специалисты-консультанты стали использоваться и на оперативных руководящих должностях, а их помощниками назначались молодые советские инженеры, не имевшие еще производственного опыта.

Что касается непосредственно производственной деятельности иностранных специалистов, то американцы в 1930-е гг. на Магнитогорском металлургическом комбинате трудились тремя группами: одна группа инженеров и квалифицированных рабочих обеспечивала проектную документацию (уточнение, поправки, доработки); вторая группа руководила и консультировала промышленное строительство; третья — обеспечивала организацию и эксплуатацию доменного цеха и рудообогатительной фабрики [2].

В июле 1930 г. на Магнитострое вели активную производственную деятельность американские специалисты, такие как Раймонд В. Стук — заведующий доменным цехом, до этого ведавший постройкой ангара для цепеллина в г. Арконе; Георг Р. Дюи — главный гражданский инженер, работавший главным конструктором завода Герри; Жозев Г. Бэзил — инженер-конструктор, руководивший постройкой 12-этажного промышленного здания в Канаде; Джон Петривский — инженер-планировщик, ранее занимавшийся планировкой тяжелых конструкций и др. Главным инженером стройки и руководителем американских инженеров был назначен Макс Мак-Морей⁴.

Также разработкой проекта по созданию Магнитогорского металлургического комбината занимались немецкая фирма «Демаг» и американская фирма «Копперс». Немецкие же специалисты курировали строительство шамотно-доломитового цеха. Проектированием строительства Соцгорода тоже занимались немецкие архитекторы во главе с Эрнстом Маем. Остальные иностранные рабочие трудились на 30 участках строительства и производства [1].

На Челябинском тракторном заводе сложились несколько иные условия производства. Предполагалось, что полноценное серийное производство будет запущено в 1933 г. До этого было решено наладить производство в малых объемах. Поэтому в 1929–1930 гг. был выстроен Опытный завод, главным инженером которого был Эдвард Дж. Терри. Здесь также на руководящей должности работал американский специалист Джон Тэйн и сотрудники фирмы «Катерпиллер». На этом заводе разбирались и собирались трактора всех известных марок мира с целью изучения технических особенностей тракторов.

Одним из важных вопросов производственной деятельности иностранных специалистов являлась возможность внедрения предлагаемых ими рационализаторских идей. В 1932 г. около 40 % иностранцев, работавших в СССР, являлись членами общества изобретателей. На Урале за 1931–1933 гг. иностранные рабочие и специалисты внесли 562 рационализаторских предложения, из которых было внедрено 171, что давало годовую экономию в 5 млн. руб. [7, с. 75]

⁴Там же. Л. 84.

Однако предложения по улучшению производства часто наталкивались на сопротивление советских рабочих, не желавших слушать иностранцев. Например, в 1934 г. на Магнитогорском металлургическом комбинате из 152 поступивших от иностранцев предложений по улучшению производства было принято только 40, а внедрено из них всего 22⁵.

Американский рабочий с Магнитостроя Грегори предлагал по особому рецепту заливать подшипники, чтобы уменьшить их износ. Но его предложение не было выполнено. Предложение иностранных рабочих Кодессо и Хаддера уже на другом предприятии по части модернизации станка было так «улучшено» заведующим монтажным цехом Песчанским, что снизило его производительность на 60 %. Станок по системе Хаддера давал за 4 часа 1 000 шт. деталей, а после корректив Песчанского — 400 шт.⁶

Мастер цеха Герендорф внес предложение по формовке котла без применения машины, что повышало производительность с 6 до 60 шт. деталей, но натолкнулся на сопротивление советских мастеров. Другое его предложение, так называемый «фурмен», снижающий брак с 10 до 3 % с помощью применения специального песка для «шишек», формально не было принято. В прессе написали, что это было внедрение советских инженеров. Герендорф указал на это в дирекции завода, в результате ему были принесены извинения и выдана премия. Следующее его внедрение, устройство в печи для сушки «шишек», стало использоваться на многих заводах Урала⁷.

В Постановлении райкома ВКП (б) от 21.10.1931 г. «О работе среди иностранцев» содержатся данные о том, что на технических совещаниях отсутствовали переводчики, вследствие чего доклады иностранных специалистов о лучшем использовании иностранной техники не заслушивались. Поэтому иностранцы сами создавали кружки по изучению русского языка, чтобы переводить техническую литературу⁸.

Существовало также настороженное отношение к иностранным гражданам, вызывавшее боязнь и нежелание общаться и уж тем более проводить в жизнь какие-либо их рационализаторские идеи, опасаясь быть обвиненными во вредительстве и шпионаже.

Все это неизменно приводило к конфликтам на производстве. Велись споры по вопросам освоения оборудования, проектирования, строительства и срокам. Причинами конфликтов также можно считать личные амбиции обеих сторон, различные методы в решении производственных задач, непонимание и даже неприятие отдельных аспектов делового стиля поведения. Например, иностранных специалистов часто обвиняли в торможении строительства, а они просто не понимали, зачем нужно так торопиться. Для советских же рабочих непонятным была строгая иерархия и четкое выполнение поставленных задач у иностранцев, в то время как для советского производства характерны были споры по производственным вопросам.

⁵ОГАЧО. Ф. 288. Оп.1. Д. 113. Л. 8.

⁶ГАСО. Ф. Р-272. Оп. 3. Д. 705. Л. 40.

⁷Там же. Л. 41–44.

⁸Там же. Л. 40.

Все это свидетельствовало о том, что политика в отношении иностранных рабочих и специалистов была крайне неоднозначной. С одной стороны, для организации эффективного производства необходимо было внедрение передового опыта Запада. С другой стороны, к иностранной помощи относились с недоверием и подозрительностью, а порой даже с неприязнью.

Неоднозначным было отношение и к импортной технике. Начальник Магнитостроя Я. С. Гугель в интервью газете «За индустриализацию» сообщал, что некоторые рабочие проявляли недоверие к американской технике, что чрезвычайно затрудняло производственный процесс. В связи с этим необходимо было проводить большую работу для того, чтобы технически перевоспитать и переобучить людей, заставить их отвыкнуть от старых методов работы, старых навыков, убедить с большим доверием относиться к сигналам, лабораториям, измерительным приборам. Например, некоторые рабочие называли разного рода измерительные приборы «ябедниками», поскольку они показывали качество работы⁹.

В 1932 г. на Магнитогорскую домну № 1 была доставлена пушка Брозиуса (на тот момент последняя техническая разработка американских металлургов), которая предназначалась для механической забивки летки. Не сумев освоить технологию работы пушки, советские рабочие продолжали забивать чугунную летку вручную. Также на домне не использовались такие импортные механизмы как шлаковый штопор, предохранительная плита, спусковой желоб, скип коксового отсева. Мастер доменного цеха Усс утверждал, что пушка работать не будет: «...надо гнать эту американскую технику, она нам только мешает. Пусть я даже уеду с Магнитостроя, но на этой "адовой" пушке работать не буду»¹⁰.

Спустя несколько дней в газете «За индустриализацию» вышла статья, в которой сообщалось, что пушка была освоена и стала пользоваться популярностью. В ноябре 1932 г. без помощи американцев была изготовлена пушка Брозиуса для третьей доменной печи¹¹.

В газете «Магнитогорский рабочий» также неоднократно упоминалось о небрежном отношении к импортному оборудованию. Так указывалось, что когда приходило оборудование, ящик и доски срывали и употребляли для топки. Оборудование покрывалось грязью и пылью, а когда его начинали монтировать, обнаруживалось, что не хватало отдельных частей, без которых пуск станка был невозможен. Упомянулся такой случай, что землекопы, рывшие котлован для фундамента под станок в присутствии администрации засыпали импортный токарный станок фактически полностью¹².

Таким образом, к позитивным последствиям привлечения иностранных специалистов можно отнести успешное завершение строительства заводов, начало выпуска промышленной продукции, повышение производительности труда, борьбу с потерями сырья и материалов, освоение техники и бережное

⁹За индустриализацию. 1932. 8 марта.

¹⁰Там же. 15 марта.

¹¹Там же. 20 марта.

¹²Магнитогорский рабочий. 1932. 23 февр.

с ней обращение. По мнению иностранных специалистов, их работе мешали нерациональное использование техники и материалов, дефицит стройматериалов, нарушение технологической дисциплины, плохие производственные и бытовые условия для работы, уверенность советских инженеров в фатальной неизбежности потерь, многократная переделка планов и проектов, низкое качество работ, неполное использование имеющихся рабочих.

Получение западных технологий и участие иностранных специалистов в строительстве промышленных предприятий в годы первой пятилетки многократно усилило экономический и технический потенциал Южного Урала. В целом, начиная с 1928 г. иностранная техническая помощь превратилась в одну из наиболее взаимовыгодных форм производственного сотрудничества. Показательным является заявление 26 июня 1944 г. И. В. Сталина в беседе с председателем Торговой палаты США Эриком Джонстоном: «Мы многим обязаны Генри Форду. Он помог нам строить автомобильные заводы... советские люди многому научились у американцев... Американский опыт был использован при создании советской промышленности» [8]. Опыт иностранных специалистов позволил освоить импортное оборудование, а также решить проблему квалифицированных кадров на новых предприятиях, так как в стране и на Урале не хватало специалистов по проектированию и строительству предприятий новейших отраслей.

Библиографический список

1. *Баканов В. П.* Бюро иностранное (отдел) управления строительства [Электронный ресурс]. URL: <http://magweb.ru> (дата обращения: 24.05.2013).
2. *Баканова Л., Мироненко Г.* Иностранцы на Магнитострое [Электронный ресурс]. URL: <http://magweb.ru> (дата обращения: 24.05.2013).
3. Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. Сборник документов. Ч. 1. М., 1997.
4. Ленинская поступь пятилеток: Из истории развития промышленности и рабочего класса Челябинской области: Сборник документов и материалов. Челябинск, 1986. Т. 1: 1929–1950 гг.
5. Россия и Западная Европа: взаимодействие индустриальных культур. Екатеринбург, 1996
6. *Тимошенко В. П.* Урал в мирохозяйственных связях (1917–1941 гг.) Свердловск, 1991.
7. *Шарапов Н. П.* Об участии иностранных рабочих и специалистов в социалистическом строительстве на Урале (1930–1934 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1966. № 3.
8. *Шпотов Б. М.* Не дано нам историей тише идти (техническая помощь Запада советской индустриализации) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pseudology.org/razbory/IndustriaGAZ.htm> (дата обращения: 25.05.2013).

A. V. Bogdanov

Candidate of Historical Sciences, South Ural State University (Chelyabinsk, Russia)

The Role of Foreign Engineering and Technologies in the Construction of Industrial Enterprises of Chelyabinsk and Magnitogorsk in 1930s

The paper reveals the contribution of foreign specialists to establishment and development of major Ural industrial enterprises — Chelyabinsk Tractor Plant and Magnitogorsk Metallurgical Plant. The author considers the problems of interaction of production cultures and relations of Soviet workers to foreign workers and specialists.

Key words: foreign specialists, industrialization, five-year plan, Chelyabinsk Tractor Plant, Magnitogorsk Metallurgical Plant

УРАЛЬСКИЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ И НАУЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ¹

В статье обобщен опыт организации и проведения Уральских военно-исторических чтений. Показан научный и общественный потенциал конференции, которая стала традиционным научным форумом.

Ключевые слова: Урал, военная история, историческая память, патриотизм, патриотическое воспитание

Научный уровень современного ученого в первую очередь проявляется в его публикаторской активности, определяющей появление новых теоретических исследований в виде статей и монографий. Однако не менее важным представляется и возможность эффективного использования научного потенциала через общение ученых в ходе конференций и симпозиумов. В жизнедеятельности современного Уральского исторического сообщества в течение двух последних десятилетий такие формы взаимодействия ученых ярко проявились в организации и проведении Военно-исторических чтений — конференций, привлекающих к решению научных проблем не только ученых, но и военнослужащих, ветеранов Великой Отечественной и региональных войн, тружеников тыла, краеведов, музейных работников, преподавателей учебных заведений, представителей общественности и властных структур.

На этих форумах, получивших статус традиционных, рождаются интересные научные и общественно-значимые проекты, обкатываются новые идеи, заинтересованно обсуждаются результаты последних исследований, выделяются наиболее актуальные проблемы, намечаются перспективы дальнейшего развития современной исторической науки. Военно-исторические чтения проводятся Институтом истории и археологии УрО РАН совместно с Уральским отделением Академии военно-исторических наук и военной общественностью региона. На настоящий момент было организовано и проведено 8 научных конференций, поднимавших проблемы военной истории России и Уральского региона.

Первые Уральские военно-исторические чтения, прошедшие в ноябре 1996 г. в Екатеринбурге, носили статус региональной научной конференции [5]. Опубликованные материалы конференции представляют собой сборник без справочного аппарата, с кратким изложением тезисов выступлений, что снижает его научную значимость.

*Владимир Васильевич Запарий

Д.и.н., Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; vvzap@mail.ru;

Андрей Владимирович Сперанский

Д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; avspersansky@mail.ru

¹Работа выполнена по бюджетной теме X.105 и программе ОИФН № 12-Т-6-1003

В конференции приняло участие 60 чел. (46 представителей вузов, 2 научных сотрудника УрО РАН, 6 работников музеев и архивов). Было сделано 57 докладов, в которых по досоветскому периоду была представлена история воинских формирований, созданных на Урале: 37-го Екатеринбургского мушкетерского и 194-го пехотного полков, различные аспекты Русско-японской и I Мировой войн, боевой путь генерала В. А. Глинки, военно-экономическая роль лесов на Урале, рассматривались проблемы Гражданской и Великой Отечественной войн, было уделено место атомному проекту, производству оружия на Урале, созданию музея воздушно-десантных войск.

Вторые Уральские военно-исторические чтения, состоявшиеся 26 ноября 1999 г., также имели статус региональной научной конференции и повторили все плюсы и минусы предшествующего форума [4]. В «кустарно» оформленном сборнике, как и прежде, отсутствовал научно-справочный аппарат. Опубликованные материалы, представляли собой тезисы выступлений небольшого объема (1-2 стр.), не имевшие ссылок на использованные источники. В оглавлении сборника не были проставлены даже страницы. Все это существенно снижало научно-теоретический уровень издания.

И тем не менее вторые Уральские военно-исторические чтения стали важным научно-организационным событием, практически утвердившим их традиционный, продолжающийся статус. Был поднят и общественно-политический уровень конференции, подтверждающийся привлечением к ее работе структур Уральского военного округа, заместителя командующего по воспитательной работе генерала А. В. Городничева. В конференции участвовало 75 исследователей, наметились тенденции расширения географии (кроме представителей Екатеринбурга и Свердловской области, присутствовали ученые из Москвы и ряда городов Сибири и Урала), повысился ее научный статус — с докладами выступили 7 докторов и 29 кандидатов наук.

Доклады и сообщения участников конференции отличались многообразием аспектов научного исследования. Были представлены доклады о военном факторе в досоветской истории Урала, реорганизации русской армии в период военных реформ 1860–1870-х гг., использовании военного опыта при строительстве русской армии в XVIII — начале XIX вв., поднимались проблемы производства артиллерии на Урале в различные периоды истории России, освещались вопросы, связанные с историей русского казачества, восстанием Пугачева, службой иностранцев в российской армии.

В выступлениях, посвященных военной истории послеоктябрьского периода, основное внимание было сосредоточено на вопросах Гражданской войны, при этом львиная доля авторов рассматривала антисоветские или белогвардейские формирования. К сожалению, мало была представлена тема Великой Отечественной войны, прозвучали только сообщения о приграничных сражениях 1941 г. и немецких воинских захоронениях II Мировой войны. Обсуждались вопросы военной подготовки и духовной культуры военнослужащих.

На содержание первых двух конференций, позиционирующих себя как военно-исторические чтения, сильный отпечаток наложила общественно-

политическая ситуация в стране, оказывавшая значительное влияние на российскую историческую науку 1990-х гг. Основное внимание исследователей привлекала военная история дореволюционного периода, работы по военной истории послеоктябрьского периода посвящались, главным образом, Гражданской войне с акцентом на освещение антибольшевистского движения.

Первые и Вторые Уральские военно-исторические чтения стали своего рода зеркалом, отразившим тогдашнее состояние исторической науки, подвергнувшейся сильному давлению со стороны утверждавшихся в стране либеральных настроений, ставивших в угоду политической конъюнктуре под сомнение такие общечеловеческие ценности, как патриотизм и гражданское достоинство. Из 127 докладов и сообщений, прозвучавших на Первых и Вторых чтениях, лишь 10 были посвящены Великой Отечественной войне, выигранной у грозного противника именно благодаря наличию этих чувств у нашего народа. Да и то, авторы этих сообщений, в пике прежнему режиму, акцентировали внимание вовсе не на народном подвиге, совершенном во имя Великой Победы, а на положении трудпереселенцев, репрессиях против инакомыслящих, вопросах военного плена.

Начиная с Третьих военно-исторических чтений картина существенно меняется. Появляется логотип, отображающий памятник Уральскому добровольческому танковому корпусу в Екатеринбурге. В дальнейшем он будет присутствовать на обложках сборников материалов всех последующих конференций и станет традиционным символом их проведения. Публикации предстанут перед читателем как серьезные научные исследования, оформленные в соответствии с общепринятыми стандартами. Это уже не тезисы без ссылок, а теоретические статьи с соответствующим научно-справочным аппаратом.

Третьи Уральские военно-исторические чтения состоялись 27 февраля 2003 г. под названием «Урал в военной истории России: традиции и современность» [8]. Конференция, посвященная 60-летию Уральского добровольческого танкового корпуса, собрала представителей научного сообщества из многих городов России, в ней участвовали иностранные ученые, она была поддержана Правительством и губернатором Свердловской области. Основные обязанности по подготовке и проведению этого форума взяли на себя Институт истории и археологии УрО РАН и Уральское отделение академии военно-исторических наук. В дальнейшем эти учреждения будут готовить все последующие военно-исторические чтения. Бессменным руководителем оргкомитета и главным редактором выпускавшихся сборников научных статей станет д.и.н., профессор А. В. Сперанский.

Материалы Третьих военно-исторических чтений были опубликованы к началу работы конференции, что в дальнейшем стало традицией их проведения. На Пленарном заседании, состоявшемся в Окружном доме офицеров Уральского военного округа, после приветственных обращений губернатора Свердловской области Э. Э. Росселя и командующего войсками УралВО генерал-полковника А. И. Баранова, выступили заместитель командующего УралВО, начальник управления воспитательной работы генерал-майор

В. А. Батмазов, рассказавший об истории создания и боевом пути Уральского добровольческого танкового корпуса, директор Института истории и археологии УрО РАН, академик РАН В. В. Алексеев, сосредоточивший внимание на роли Урала в реализации атомного проекта, руководитель Уральского отделения АВИН, профессор А. В. Сперанский, поднявший проблему формирования национальной идеи через систему патриотического воспитания.

Научный сотрудник Института военной истории Министерства обороны РФ профессор В. С. Скробов дал историографический анализ работ, показывавших вклад Урала в укреплении российской обороноспособности. Заведующий кафедрой истории России Оренбургского государственного университета профессор Л. И. Футорянский, продемонстрировал роль уральского казачества в войнах России. Западную точку зрения о роли военно-экономического потенциала Урала и советского тыла во II Мировой войне представили зарубежные ученые: профессор Института экономической истории Леннарт Самуэльсон (Швеция) и профессор Университета Вирджиния Джеффри Россмэн (США).

Большинство докладов и сообщений отражали события Великой Отечественной войны. Рассматривались вопросы, связанные с ролью уральской промышленности в обеспечении боеспособности Красной Армии, проблемы медицинского обслуживания, положения военнопленных, влияние войны на демографические процессы, продовольственного снабжения, жизнедеятельность персонала. Серия докладов и сообщений была посвящена теме «Уральцы в войнах и вооруженных конфликтах: военная подготовка и боевая практика», прежде всего, в годы Великой Отечественной войны, боевым дорогам Уральского добровольческого танкового корпуса, освещались вопросы военного строительства, военной аналитики, военной истории казачества. В выступлениях участников секции «Духовный потенциал уральцев – источник мужества и героизма» нашли отражение проблемы патриотического воспитания, военного образования, печати, вклада академической науки в оборону страны.

Третьи военно-исторические чтения, подводя определенные итоги научно-исследовательской работы историков Урала по военной проблематике, всесторонне отразили роль Уральского региона в создании и развитии военного потенциала России в контексте мировой истории, определили степень влияния военного фактора на судьбы человеческой цивилизации, наметили дальнейшие перспективы исследований в области военной истории.

Четвертые Уральские военно-исторические чтения состоялись 14 апреля 2005 г. под названием «Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности» [1]. Конференция была посвящена 60-летию Победы в Великой Отечественной войне и ее отличительной особенностью было то, что научная работа осуществлялась на площадках двух городов — Каменска-Уральского и Екатеринбурга. Конференция открылась приветствиями губернатора Свердловской области Э. Э. Росселя, командующего УралВО генерала армии В. А. Болдырев, главы администрации г. Каменска-Уральского В. В. Якимова.

В конференции приняло участие более 100 чел., было сделано 96 докладов и сообщений. 65 участников представляли вузы страны, 16 — академические институты, остальные — архивы, музеи, ветеранские организации и т. п. В работе форума принимали участие 31 доктор и 41 кандидат наук. Открывал конференцию доклад профессора А. В. Сперанского «Урал и Великая Отечественная война: вопросы истории в контексте национальной безопасности». Докладчик, отдав должное другим регионам страны, подчеркнул исключительную роль Урала как «опорного края державы». Особое внимание было уделено развитию промышленности, решению проблемы трудовых ресурсов, подготовке боевых резервов, героизму уральцев на фронтах, уникальной социокультурной трансформации Уральского края. В последующих докладах были рассмотрены уроки войны, проблемы предотвращения угрозы современной России в новых условиях и в глобальном масштабе, вопросы актуальности патриотизма и исторической ретроспективы.

Комплекс докладов и сообщений был посвящен экономике Урала в период войны, трудовому героизму уральцев, социальной политике в годы войны, бытовому положению трудящихся, вкладу отдельных отраслей и предприятий в дело Победы и укрепление обороноспособности страны в послевоенный период. В секции «Культура Урала как духовный источник Победы» были подняты проблемы народного образования, деятельности высшей школы, академической науки, агитации и пропаганды, театральной жизни Урала. В секции «Подготовка боевых резервов и ратный подвиг уральцев» ряд докладов и сообщений был посвящен проблемам обеспечения и подготовке военных кадров, подвигам десантников, жизни ветеранов после войны, положению детей в условиях военного времени, роли партизанского движения в разгроме врага.

В докладах и сообщениях секции «Уральская провинция в экстремальных условиях войны» было отражено значение малых городов и сельских населенных пунктов в достижении Победы, роль морального фактора в мобилизации всех сил и средств на защиту Родины. Секция «Национальная безопасность России: требования времени и реальные возможности» актуализировала проблему войны, показала, что и на современном этапе наша страна не имеет полной гарантии мирного развития. Опасность военных столкновений с потенциальными противниками имеет реальную основу, поэтому опыт, накопленный при защите своей территории, в т. ч. и в годы Великой Отечественной войны, должен быть востребован и обязательно учтен.

Пятые Уральские военно-исторические чтения были посвящены 80-летию профессора И. Ф. Плотникова и состоялись 22–23 сентября 2005 г. под названием: «Война и российское общество: 1914–1945 годы» [3]. В конференции приняло участие 32 ученых, в т. ч. 10 докторов и 15 кандидатов наук. Профессор В. Д. Камынин дал краткую историографическую характеристику чтениям за прошедшие десять лет. Ю. В. Величко в выступлении, посвященном юбилею, показал его вклад в изучение военной истории Урала. На конференции были рассмотрены теоретические аспекты изучения военной исто-

рии России, воззрения В. И. Вернадского и И. А. Ильина, отразивших новые методологические подходы в изучении военной проблематики. В секциях «Война и Российское общество в 1914–1945 гг.» рассматривались историографические проблемы I Мировой и Гражданской войн, работа уральского тыла, взаимоотношения народа и советского государства, военно-стратегические аспекты противостояния СССР и Германии, военные поставки из США, функционирование института отраслевых секретарей.

Шестые Уральские военно-исторические чтения прошли 22–23 апреля 2010 г. [6]. Конференция посвящалась 65-летию Победы в Великой Отечественной войне и называлась «Подвиг Урала в исторической памяти поколений». В опубликованных материалах содержатся 95 выступлений, включившие в себя 35 докладов докторов и 34 сообщения кандидатов наук. Конференция имела международный статус, подтвержденный участием в ней исследователей из Казахстана, Узбекистана, Франции, Швеции.

Опубликованный к началу конференции сборник материалов в полной мере отражает обсуждаемую на ней проблематику. Он открывается приветствием Губернатора Свердловской области А. С. Мишарина, поздравившего участников форума с 65-летним Юбилеем Великой Победы и подчеркнувшего значимость исторической памяти как ценностной основы национального самосознания. В приветствии Председателя Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам УрО РАН, академика В. В. Алексеева прозвучал призыв о необходимости рассмотрения историками не только вопросов жизнедеятельности Урала в годы Великой Отечественной войны, но выхода исследований на уровень концептуально-методологических обобщений в осмыслении истории всей II Мировой войны.

Руководитель Уральского отделения Академии военно-исторических наук, д.и.н., профессор А. В. Сперанский посвятил выступление дискуссиям об оценке вклада участников антигитлеровской коалиции в разгром фашистской Германии и милитаристской Японии, опроверг теории, принижающие вклад Советского Союза в Победу, убедительно показал его решающую роль в разгроме фашистской Германии.

Руководитель центра «Россия, СССР в истории XX века» Института российской истории РАН, д.и.н. А. С. Сенявский в своем докладе основное внимание сосредоточил на проблеме исторической памяти о Великой Отечественной войне, охарактеризовал ее как интегрирующее ядро современного российского национального самосознания. В условиях распада «связи времен», постсоветского расщепления системы ценностей и социальных ориентиров, позитивный образ Великой Отечественной войны и достигнутой в ней Победы, по мнению историка, остается важнейшим символом, объединяющим нацию.

Профессор Е. М. Малышева представила достигнутую советским народом Победу как ценностную основу национального самосознания российского общества, профессор Н. П. Палецких провела анализ социальных проблем, на Урале в период Великой Отечественной войны. Шведский профессор Л. Самуэльсон показал роль танковой промышленности и танков в планах Гер-

мании и СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. Ряд докладов и сообщений был посвящен значению памяти для формирования исторического сознания и ведения идеологической борьбы с фальсификациями, интерпретации событий Великой Отечественной войны крупными политическими деятелями, в частности, И. В. Сталиным и У. Черчиллем, проблемам гражданского патриотизма и сохранения памятников Великой Отечественной войны.

Большой комплекс докладов и сообщений был посвящен развитию уральской промышленности и ее роли в обеспечении воюющей армии необходимым вооружением, вопросам продовольственного обеспечения населения в тылу, демографическим проблемам, деятельности партийных и профсоюзных организаций. В секции «Духовный источник победы: культура Урала в экстремальных условиях войны») рассматривались вопросы формирования патриотизма, идеологического воздействия на население, роли в этом процессе средств массовой информации, деятельности органов местного самоуправления, спортивной работы. В секции «Фронт и тыл в Великой Отечественной войне: проблема взаимодействий» были представлены доклады о танковых технологиях, подготовленные академиком В. В. Алексеевым и профессором С. А. Нефедовым, молодым исследователем Вас. В. Запарием.

В научных докладах и сообщениях, произнесенных на Шестых уральских военно-исторических чтениях и опубликованных в сборнике научных материалов, был всесторонне отражен подвиг, совершенный уральцами на фронте и в тылу ради достижения Великой Победы. Правдивый показ фактической значимости вклада Урала в разгром фашистской Германии, объективный анализ социально-экономического, общественно-политического, духовно-культурного и военно-технического состояния региона в экстремальных условиях войны стал еще одним важным этапом в развитии военной истории Урала, призванной способствовать формированию в исторической памяти людей объективного восприятия событий Великой Отечественной войны, выработке правильных оценочных ориентиров, укрепляющих и развивающих национальное самосознание.

Огромную роль в развитии исторического процесса играет личность. В экстремальных условиях военного противостояния ее возможности и способности могут значительно приумножиться. Это происходит за счет предельного напряжения сил и неукротимого желания человека отдать себя всего без остатка делу победы над врагом. Поэтому в период войны чаще возникают условия для проявления мужества и героизма, свершаются великие подвиги, а люди, совершившие их, становятся историческими легендами.

Седьмые Уральские военно-исторические чтения, прошедшие в Екатеринбурге в 2011 г., были посвящены 100-летию легендарного разведчика Николая Ивановича Кузнецова [7]. Несмотря на специфичность поднятых проблем, круг участников конференции был достаточно широк и профессионален. Среди них было 17 докторов и 18 кандидатов наук, представлявших учебные и научные центры Москвы, Екатеринбурга, Ижевска, Ростова, Армавира, Майкопа, Ровно и других городов России. Наряду с учеными, в рабо-

те конференции приняли участие сотрудники ФСБ, военнослужащие, краеведы, работники музеев, архивисты, преподаватели учебных заведений, публицисты, ветераны войны и труда. Конференция показала значимость вклада разведки и контрразведки в укрепление системы национальной безопасности России, способствовала патриотическому воспитанию молодого поколения на героических примерах Отечественной истории.

Конференция проходила в Доме Правительства Свердловской области. С приветствием к участникам и гостям конференции обратились племянница легендарного разведчика Е. В. Сакныне-Кузнецова и Почетный сотрудник органов безопасности, генерал-майор в отставке Н. К. Вакуленко. Заместитель Председателя Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам УрО РАН, руководитель Уральского отделения Академии военно-исторических наук, д.и.н, профессор А. В. Сперанский посвятил свое выступление проблеме консолидации общества на основе патриотических ценностей. Докладчик говорил о важности осознания властью и обществом современной России необходимости дальнейшего развития патриотического воспитания подрастающего поколения, формировании высокого уровня гражданского сознания.

Д.и.н., профессор Д. В. Гаврилов в докладе «Разведывательные партизанские отряды на Западной Украине в период Великой Отечественной войны» показал роль Н. И. Кузнецова в проведении чекистских операций, снабжавших советское командование сведениями особой государственной важности. Д.и.н., полковник А. И. Вольхин затронул проблематику деятельности разведывательных органов СССР в годы войны в исследованиях российских историков, профессор, полковник В. С. Скробов остановился на наиболее интересных страницах жизни Н. И. Кузнецова. В других выступлениях были затронуты аспекты сохранения памяти о Н. И. Кузнецове, изучения фондов его мемориального музея. В секции «Органы разведки и контрразведки как фактор государственной безопасности России» были представлены статьи о выдающихся разведчиков России и зарубежья, освещены формы и методы разведывательно-диверсионной деятельности соответствующих органов России, Германии и других стран как в военное, так и мирное время, проблема шпиономании, имевшей место в России как в дореволюционный, так и советский период.

Доклады и сообщения в секции «Патриотическое воспитание: проблемы методологии и практики» были посвящены теоретическому осмыслению проблемы, анализу прикладных элементов системы патриотического воспитания учащихся общеобразовательных школ, студентов вузов, других категорий молодежи, влиянию качества жизни на уровень идеологической работы с населением.

Восьмые Уральские военно-исторические чтения «Военная история как фактор патриотического воспитания», посвященные 70-летию Уральского добровольческого танкового корпуса, состоялись 27–28 февраля 2013 г. в Екатеринбурге [2]. В конференции приняли участие 87 исследователей, представлявших широкий спектр гуманитарных, естественных и военных наук.

Среди них были 21 доктор и 38 кандидатов наук. В конференции участвовали представители Москвы, Екатеринбурга, Челябинска, Перми, Ижевска, Уфы, Оренбурга, Сыктывкара, Кудымкара, Майкопа, Магнитогорска, Тюмени. В работе конференции приняли участие краеведы, работники музеев, архивисты, преподаватели учебных заведений, военнослужащие, публицисты, ветераны войны и труда.

Пленарное заседание прошло в Доме Правительства Свердловской области. Вице-губернатор Свердловской области — Руководитель Администрации Губернатора Свердловской области Я. П. Силин выступил с приветствием и зачитал обращение Губернатора Свердловской области Е. В. Куйвашева к участникам и гостям конференции. Представитель областного руководства отметил трудовой героизм населения Урала при создании корпуса, подчеркнул мужество и отвагу проявленную уральскими танкистам на полях сражений. От имени уральских ученых с трибуны конференции выступил председатель Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам УрО РАН, директор Института истории и археологии УрО РАН, академик РАН В. В. Алексеев. Он высказал мнение о важности исторической правды, призвал ученых стремиться к достижению объективной истины, показал значимость исторических знаний для патриотического воспитания молодежи. К участникам и гостям конференции с приветственным словом также обратились ветеран Уральского добровольческого танкового корпуса, механик-водитель, кавалер ордена Отечественной войны I степени, майор в отставке Г. С. Баранов и Военный инспектор по войскам Центрального военного округа генерал-майор И. Ф. Ноздрачев.

Д.и.н., действительный член Академии военно-исторических наук А. В. Сперанский посвятил свое выступление процессу создания Уральского добровольческого танкового корпуса. Говоря о Народном Подвиге, совершенном уральцами при формировании корпуса, он особо подчеркнул необходимость его сохранения в памяти поколений, предостерег об опасности исторической амнезии, призвал историков к патриотичности в изложении событий и фактов. Боевой путь корпуса был освещен в докладе д.и.н., действительного члена Академии военных наук В. С. Скрябина. О послевоенной истории славного подразделения и деятельности Совета ветеранов корпуса рассказал к.философ.н. В. К. Хорьков. Д.и.н. В. Д. Камынин проанализировал процесс изучения истории подвига уральских добровольцев.

Заведующая кафедрой истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета, д.и.н. А. В. Федорова проанализировала формы и методы патриотического воспитания современной молодежи на героических примерах Великой Отечественной войны. Проблему повседневной жизни уральцев в экстремальных условиях войны, ставшей ежедневным подвигом во имя Победы затронула заведующая кафедрой новой и новейшей истории Магнитогорского государственного университета, д.и.н. М. Н. Потемкина.

В докладах и сообщениях участников конференции рассматривались проблемы патриотического воспитания на примере героизма уральских добровольцев, показывались боевой путь и деятельность ветеранов корпуса в послевоенный период, процесс изготовления танков для знаменитого танкового соединения.

Особый акцент был сделан на характеристике уральского танкового производства и реализации на практике атомного проекта в послевоенные годы. Серьезный научный интерес вызвала теоретическая статья профессора С. А. Нефедова о роли военного фактора в мировой истории.

В докладах и сообщениях, прозвучавших на конференции, нашли отражение вопросы, связанные с эвакуацией промышленности и военным производством, развитием сельского хозяйства, культурной сферы Урала в годичную суровых испытаний. Большое внимание было уделено процессу производства на уральских заводах танков и самоходных артиллерийских установок, а также эффективному их применению на полях сражений. К.и.н. К. И. Зубков осветил не реализованные на практике планы гитлеровских стратегов по уничтожению промышленных объектов Урала при помощи бомбовых ударов авиации, И. С. Огоновская проанализировала материалы школьных учебников истории по освещению жизнедеятельности передовиков производства в годы войны и после ее окончания. Участники конференции активно выступили за совершенствования системы патриотического воспитания в нашей стране, воспитания чувств патриотизма и гражданственности через образовательный процесс в школах и вузах.

Восьмые уральские военно-исторические чтения в очередной раз показали заинтересованность уральских историков в глубоком изучении военно-исторической проблематики, стремление исследовать новые, малоизвестные темы, извлекать опыт прошедших лет и активно использовать его в современной жизни. Научные исследования по вопросам формирования, боевого пути и послевоенной истории Уральского добровольческого танкового корпуса, показ роли Уральского региона в создании и развитии военного потенциала России стали еще одним важным шагом в решении проблемы сохранения в обществе исторической памяти, являющейся духовным фундаментом возрождения и дальнейшего прогресса нации.

Уральские военно-исторические чтения проделали позитивную эволюцию от поиска актуальной проблематики и собственного научно-организационного имиджа к положению солидного форума, имеющего свое научное лицо, собирающего под свои знамена ведущих специалистов военной истории, ставившего и решающего многие вопросы современной исторической науки. Приобретая статус традиционных, они оказывают серьезное влияние на процесс интенсификации исследовательской деятельности историков в области изучения истории войн, военно-промышленного производства, анализа поведения людей в экстремальных условиях, способствуют распространению этих знаний среди населения, содействуют повышению уровня его патриотического воспитания.

Уральские военно-исторические чтения, обладающие крепким научным и общественным потенциалом, имеют хорошие перспективы на будущее, отвечают на вопросы общества, желающего знать историческую правду. Возможность их успешного продолжения обуславливается сложившимся эффективным альянсом ученых, работников музеев, преподавателей, ветеранов войн и представителей органов административно-политического управления Свердловской области.

Библиографический список

1. Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности. IV уральские военно-исторические чтения: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 2005.

Статьи: *Сперанский А. В.* Урал и Великая Отечественная война: вопросы истории в контексте национальной безопасности. С. 14–24; *Козлов Н. Д.* Уроки Великой Победы и проблемы современной России. С. 24–28; *Лутовинов В. И.* Предотвращение угроз безопасности России и проблемы ее обеспечения в условиях нового миропорядка. С. 28–35; *Некрасов С. Н.* Национальная безопасность России на современном этапе: ответ на угрозы глобального мира. С. 35–44; *Якимов В. В.* Промышленное развитие уральского тыла в годы Великой Отечественной войны (на примере г. Каменска-Уральского). С. 48–52; *Камынин В. Д.* Основные итоги изучения промышленности Урала в годы Великой Отечественной войны в современной историографии. С. 70–73; *Анисков В. Т.* О трудовой и самодеятельной помощи школьников фронту. С. 53–56; *Дементьев Б. П.* Трудовой подвиг женщин Урала в годы Великой Отечественной войны. С. 65–67; *Футорянский Л. И.* Труд рабочих во имя Победы. С. 84–90; *Павленко Г. К.* Подготовка рабочих в системе трудовых резервов Урала (1941–1945 гг.). С. 107–111; *Хисамутдинова Р. Р.* Материальное положение колхозников Урала годы Великой Отечественной войны. С. 90–95; *Мельникова Н. В.* Методы мобилизационной экономики в управлении ядерно-оружейным комплексом Урала (вторая половина 1940-х — 1950-е гг.). С. 130–135; *Жук А. В.* Академические учреждения Свердловска в годы Великой Отечественной войны. С. 192–198; *Лымарев А. Н.* Агитационно-пропагандистская система в годы войны (на материалах областей Урала). С. 201–203; *Федько Р. А.* Театральная жизнь Урала в годы Великой Отечественной войны. С. 221–224; *Боле Е. Н.* Мобилизация людских ресурсов на фронт в годы Великой Отечественной войны: историографический обзор. С. 267–274; *Константинов С. И.* Свердловский всеобуч в годы войны. С. 246–248; *Могутнов В. П.* Подготовка на Урале сержантского состава РККА. С. 248–251; *Хасанов Э. Р.* Партизанская война на территории СССР в 1941–1945 гг. С. 289–291; *Главацкий М. Е.* О постройке Пышминского медэлектролитного завода и его вкладе в Победу. С. 319–322; *Запарий В. В.* Магнитогорский металлургический комбинат в Великой Отечественной войне.

С. 322–328; *Заец А. Р.* Златоуст как мобилизационная база вооруженных сил. С. 330–333; *Лебедев В. Э.* Научно-техническое развитие региона как составляющая национальной безопасности. С. 349–353; *Зубков К. И.* Уральский тыл и национальная безопасность: значение тыловых операций в геостратегии Второй мировой войны. С. 358–362; *Шведова Я. А.* Фактор НАТО в формировании концепции национальной безопасности России. С. 362–366; *Фадеев К. В.* Национальная безопасность России: современные аспекты. С. 373–376; и др.

2. Военная история как фактор патриотического воспитания. VIII уральские военно-патриотические чтения, посвящ. 70-летию Уральского добровольческого танкового корпуса. Екатеринбург, 2013.

Статьи: *Сперанский А. В.* «Танковый корпус — сверх плана»: уникальный подарок уральцев. С. 9–17; *Он же.* Производство реактивных и ствольных минометов на Среднем Урале в годы Великой Отечественной войны. С. 218–223; *Скробов В. С.* Уральск добровольческий танковый корпус в сражениях Великой Отечественной войны. С. 18–21; *Он же.* Военная историография Гражданской войны и вооруженного сопротивления на Урале. С. 94–102; *Хорьков В. К.* Народный подвиг добровольцев Урала в памяти поколений: послевоенная история и деятельность Совета ветеранов УДТК. С. 22–24; *Потемкина М. Н.* Повседневность уральских городов в годы Великой Отечественной войны. С. 204–208; *Баженова Н. Н., Вятченникова О. В.* Ветераны Уральского добровольческого танкового корпуса остаются в строю. С. 34–38; *Южаков В. П.* Производство танков Т-34 для Уральского добровольческого танкового корпуса (на материалах завода № 183. С. 42–46; *Трофимов А. В., Иванов А. В.* Гражданская война в России: тенденции историографического осмысления. С. 109–112; *Панькин И. Д.* Историки об организации производства первых танков на Урале в предвоенный период. С. 87–90; *Шубарина Л. В.* Головные заводы танковой отрасли Урала в годы послевоенной конверсии. С. 123–127; *Артемов Е. Т.* У истоков советского атомного проекта. С. 47–53; *Кузнецов В. Н.* Завод № 814 в атомном проекте СССР: история в документах. С. 73–77; *Нефедов С. А.* Роль военного фактора в мировой истории. С. 83–86; *Алмаев Р. З.* Великая эвакуация: уникальность подвига, неизвестные страницы, новые документы (на материалах Башкирской АССР). С. 132–136; *Гузненко З. И.* Нормативно-правовое регулирование вопросов образования в годы Великой Отечественной войны. С. 160–165; *Воробьев С. В., Мельников Н. Н.* В. Г. Грабин и Ф. Ф. Петров: к истории создания СУ-85 и СУ-100 в годы Великой Отечественной войны. С. 147–152; *Гаврилов Д. В.* Танки в бою. С. 152–160; *Запарий Вас. В.* Опыт совершенствования технологии танкового производства на Челябинском Кировском заводе в 1941–1945 гг. С. 170–177; *Мельников Н. Н.* Формирование комплекса уральских предприятий по производству тяжелой бронетехники в условиях военного времени. С. 189–194; *Зубков К. И.* Урал в стратегическом прицеле гитлеровских люфтваффе. С. 177–185; *Огоновская И. С.* Передовики уральского тыла: от пьедестала до забвения (по материалам школьных учебников 1960–

2000-х гг. С. 197–204; *Бадретдинова М. М.* Воспитываем патриотизм будущего учителя истории. С. 244–248; *Зайцева Е. В., Запарий В. В.* Проблемы мира и войны и их актуализация в процессе патриотического воспитания студентов. С. 259–263; *Некрасов С. Н.* Военная история, патриотизм и политическая эволюция России в год ее истории. С. 296–301; и др.

3. Война и российское общество: 1914–1945 годы: материалы V военно-исторических чтений, посвящ. 80-летию профессора И. Ф. Плотникова. Екатеринбург, 2005.

Статьи: *Величко Ю. В.* К 80-летию Ивана Федоровича Плотникова. С. 6–15; *Ляпин В. А.* Военный фактор в истории России. С. 16–20; *Маслеев А. Г.* Взаимосвязь войны и науки в системе воззрений В. И. Вернадского. С. 20–24; *Начапкин М. Н. И. А. Ильин о духовном смысле войны.* С. 29–32; *Поршнева О. С.* Новые методологические подходы в изучении социокультурных проблем участия России в войнах XX в. С. 32–36; *Краева Т. В.* Первая мировая война и русская революция в восприятии членов французской военной миссии в России (1916–1918). С. 50–54; *Камынин В. Д.* Историки о формировании военно-промышленного комплекса Урала в 1920–1940-е гг. С. 46–50; *Цыпина Е. А.* Армия и общество на Урале в 1920-е гг. в освещении современных историков. С. 75–79; *Запарий В. В.* Цветная металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны (период эвакуации). С. 96–101; *Сперанский А. В.* Единство фронта и тыла как важнейший фактор победы. С. 137–145; *Копылов В. В.* Красная армия и Вермахт (сентябрь 1939 — июнь 1941 г.). С. 105–109; *Мотревич В. П.* Авиаперегоночная трасса Аляска — Сибирь и Средний Урал. С. 123–125; *Сушков А. В.* Институт отраслевых секретарей в системе партийно-государственного руководства Свердловской области накануне и в годы Великой Отечественной войны. С. 145–152.

4. Вторые уральские военно-исторические чтения: материалы регион. науч. конф. Екатеринбург, 2000.

Статьи: *Шашков А. Т., Ляпин В. А., Попов Н. Н., Редин Д. А.* Военный фактор в досоветской истории Урала. С. 100–104; *Емельянов А. В.* Русский офицерский корпус в 1801–1812 гг. (историография вопроса). С. 17–19; *Запарий В. В., Нефедов С. А.* Металлургия Урала и развитие русской артиллерии в XV–XIX вв. С. 24–27; *Жук А. В.* Производство артиллерийского вооружения на Урале в годы Первой мировой войны. С. 20–23; *Кузнецов В. А.* Знамена Оренбургского казачьего войска. С. 39–41; *Побережников И. В.* Пугачевщина глазами очевидца. С. 61–64; *Попов Н. Н.* Иностранцы в русской армии (XVIII — начало XX вв.). С. 65–66; *Антошин А. В.* Армия П. Н. Врангеля после крымской катастрофы и кадетской эмиграции. С. 111–112; *Константинов С. И.* Колчаковские генералы и русский фашизм. С. 140–142; *Костогрызов П. И.* Невьянское антибольшевистское восстание (июнь 1918 г.). С. 143–144; *Величко Ю. В.* Танки Красной армии и ее противников в приграничном сражении 1941 г. С. 121–126; *Мотревич В. П.* Немецкие воинские захоронения Второй мировой войны на Среднем Урале: численность, дислокация и современное состояние. С. 158–162; *Скипский Г. А.* Проблемы боевой подго-

товки в территориальных частях Уральского военного округа в 30-е гг. С. 175–180; *Митин А. Н.* Культура управления современного российского офицера. С. 153–154; *Шерпанев В. И.* Духовно-нравственный потенциал армии: регулятивно-управляющая функция. С. 189–192; и др.

5. Первые уральские военно-исторические чтения: материалы регион. науч. конф. Екатеринбург, 1997.

Статьи: *Земцов В. Н., Маринов В. И.* История 37-го пехотного Екатеринбургского полка С. 14–15; *Лобанов Д. А.* 194-й пехотный Троице-Сергиевский полк (1910–1918 гг.). С. 26–27; *Анкаримова Е. Ю.* Органы городского управления на Среднем Урале в годы русско-японской войны. С. 8–9; *Микитюк В. П.* Из истории выполнения уральскими предпринимателями военных заказов в годы Первой мировой войны С. 30–32; *Поршнева О. С.* Проблемы войны и мира в массовом сознании уральцев в 1914–1916 гг. С. 36–38; *Шкертин В. А.* Боевой путь генерала В. А. Глинки. С. 55–56; *Кузнецов А. Ф.* Военно-экономическая роль лесов Урала в повышении обороноспособности страны (XVIII–XX вв.). С. 23–24; *Камынин В. Д.* Красные и белые в Гражданской войне на Урале (современные подходы к изучению). С. 73–75; *Скипский Г. А.* Проблемы строительства вооруженных сил СССР в межвоенный период (1921–1939). С. 110–112; *Мотревич В. П.* Военнопленные немецкие генералы на Урале в конце 1940-х – начале 1950-х гг. С. 105–106; *Степаненко Т. Л.* Из истории создания атомной промышленности на Урале. С. 113–115; *Локшин В. И.* К истории создания музея воздушно-десантных войск в Екатеринбурге. С. 96–98; *Скробов В. С.* Вопросы отечественного военного искусства в первой мировой войне. С. 112–113; и др.

6. Подвиг Урала в исторической памяти поколений: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 2010.

Статьи: *Сперанский А. В.* Великая Победа над фашизмом в исторической памяти человечества: проблемы и дискуссии. С. 9–19; *Сенявский А. С.* Историческая память о Великой Отечественной войне как интегрирующее ядро современного национального самосознания. С. 19–24; *Мальшева Е. М.* Победа — ценностная основа национального самосознания и идентичности современного российского общества: нравственные уроки и историческая память. С. 24–29; *Палецких Н. П.* Актуальные проблемы социальной политики на Урале в период Великой Отечественной войны. С. 29–34; *Самуэльсон Л.* Танки и танковая промышленность в планах Третьего Рейха и Советского Союза накануне и в годы Великой Отечественной войны. С. 34–38; *Сенявский А. С., Сенявская Е. С.* Негативная трансформация исторической памяти о Великой Отечественной войне как ключевое направление информационно-психологической войны против СССР и современной России. С. 83–87; *Стецура Ю. А.* Сталин о Великой Отечественной войне: попытка концептуального осмысления. С. 92–95; *Рыбаков С. В.* Уинстон Черчилль о предпосылках Второй мировой войны. С. 75–79; *Агарышев П. Г.* Топливо-энергетический комплекс Урала накануне и в годы Великой Отечественной войны. С. 113–

117; *Запарий В. В.* Перестройка металлургического комплекса Урала на начальном этапе Великой Отечественной войны. С. 143–146; *Мельников Н. Н.* Свердловские заводы № 37 и № 50 Народного комиссариата танковой промышленности СССР в годы Великой Отечественной войны. С. 180–184; *Воробьев С. В.* Тыловое население Урала в условиях войны: продовольственный аспект. С. 123–128; *Корнилов Г. Е.* Жизнь в условиях войны: источники доходов и расходов колхозников Урала. С. 157–164; *Баженова Н. Н.* Патриотическое воспитание учащихся средних специальных учебных заведений Урала в годы Великой Отечественной войны. С. 234–237; *Алексеев В. В., Нефедов С. А.* Танковая технология Второй мировой войны. С. 301–305; *Запарий Вас. В.* Советские и германские бронетанковые силы накануне Великой Отечественной войны. С. 324–327; и др.

7. Разведка в системе национальной безопасности России: история и современность. VII военно-исторические чтения, посвящ. 100-летию Николая Ивановича Кузнецова. Екатеринбург, 2011.

Статьи: *Сперанский А. В.* Государство и патриотизм: проблемы общественной консолидации. С. 7–16; *Он же.* Отдел генерал-квартирмейстера против эвиденц бюро: русская и австрийская разведки перед первой мировой войной. С. 144–149; *Скробов В. С.* Подвиг во имя Родины. С. 17–20; *Гаврилов Д. В.* Разведывательные партизанские отряды на Западной Украине в период Великой Отечественной войны. С. 21–39; *Кириллов А. Д.* Сохранение памяти о Н. И. Кузнецове — важный фактор патриотического воспитания молодых уральцев. С. 40–44; *Вольхин А. И.* Проблематика деятельности разведывательных органов НКВД-НКГБ СССР в годы Великой Отечественной войны в исследованиях российских историков. С. 45–57; *Спичева В. Г.* Личные фонды мемориального музея Героя Советского Союза Н. И. Кузнецова как объект научного изучения. С. 58–66; *Зубков К. И.* Шандор Радо: ученый-географ на службе советской разведки. С. 73–78; *Бедель А. Э.* Роль разведки в советской атомном проекте. С. 67–72; *Кузнецов В. Н.* Обеспечение секретности органами безопасности на предприятиях атомной отрасли Урала. С. 91–96; *Мальшиева Е. М.* Абвер и «пятая колонна»: разведывательно-диверсионная деятельность против СССР на Северном Кавказе. С. 97–106; *Запарий В. В.* Патриотическое воспитание в современном вузе как фактор национальной безопасности. С. 197–200; *Рябусова Д. Н.* Кино как средство патриотического воспитания молодежи Свердловской области в первые послевоенные годы. С. 247–253; *Кропанева Е. М., Москаленко М. Р.* Понятие «качество жизни», его роль в пропагандистской войне США и СССР и современное влияние на патриотическое сознание. С. 201–203; и др.

8. Урал в военной истории России: традиции и современность: материалы Междунар. науч. конф., посвященной 60-летию Уральского добровольческого танкового корпуса. Екатеринбург, 2003.

Статьи: *Скробов В. С.* Ю. И. Кораблев и региональная военная история (на материалах Уральского театра военных действий периода Гражданской войны. С. 364–387; *Футорянский Л. И.* Казачество России в Великих войнах Рос-

сии XIX–XX вв. С. 276–282; *Самуэльсон Л.* Западные оценки военно-экономического потенциала Урала, 1941–1945 гг. С. 257–261; *Запарий В. В.* Инновации в черной металлургии Урала в годы Великой Отечественной войны. С. 40–49; *Зиязетдинов Р. М.* Оборонное значение нефтяной промышленности Башкирии в годы Великой Отечественной войны. С. 54–56; *Потемкина М. Н.* Медико-санитарное обеспечение эвакуационно-реэвакуационных процессов на Урале в годы Великой Отечественной войны. С. 113–116; *Оруджиева А. Г.* Прямые и косвенные потери населения Урала в годы Великой Отечественной войны. С. 95–98; *Корнилов Г. Е.* Аграрная сфера Урала в годы Великой Отечественной войны. С. 63–71; *Павленко Г. К., Павленко В. Д.* Маршалы трудового фронта: Г. И. Носов и И. М. Зальцман. С. 98–103; *Сушков А. В.* Руководство Свердловской области в период Великой Отечественной войны: секретарь обкома ВКП (б) А. Б. Аристов. С. 132–138; *Артемов Е. Т., Бедель А. Э.* Ядерно-оружейный комплекс Урала: этапы большого пути. С. 12–16; *Сперанский А. В.* Оружие Урала: с древнейших времен до наших дней. С. 124–129; *Толстиков В. С.* К вопросу о создании ядерного комплекса на Урале. С. 148–152; *Могутнов В. П.* Формирование на Урале резервных соединений и частей в годы Великой Отечественной войны. С. 221–226; *Аюпов Р. С.* Многонациональное единство как фактор победы в Великой Отечественной войне. С. 290–296; *Клименко И. М.* Военно-профессиональная ориентация молодежи в Екатеринбурге как фактор патриотического воспитания. С. 324–328; *Викулова Н. О.* Организация процесса профессионально-личностного саморазвития профессорско-преподавательского и командного составов в военном вузе. С. 296–299; *Плужников О. В.* Формирование профессиональной культуры у выпускников военных вузов. С. 346–349; *Лымарев А. Н.* Периодическая печать и цензура на Урале накануне и в годы Великой Отечественной войны. С. 340–343; *Жук А. В., Трифонов А. Н.* Академическая наука на Урале в годы Великой Отечественной войны. С. 311–312; и др.

V. V. Zapary

Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia)

A. V. Speransky

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)

The Ural Military-Historical Readings as a Social and Scientific Phenomenon of Modernity

The paper generalizes the experience of organization and holding the Ural Military-Historical Readings. The authors show the scientific and social potential of the conference, which became the traditional scientific forum.

Key words: the Urals, military history, historical memory, patriotism, patriotic education

ОПЛОТ РОССИИ: УРАЛ ГЛАЗАМИ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ СОЮЗНИКОВ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1942 гг.)¹

В статье анализируются условия и факторы, определившие в 1941–1942 гг. повышенное внимание англо-американских союзников СССР к Уральскому региону как стратегической военно-индустриальной базе сопротивления агрессии нацистской Германии. Приводятся позиции и оценки представителей политического истеблишмента, дипломатов, журналистов, анализируется посвященная Уралу литература, вышедшая в США и Великобритании в указанный период.

Ключевые слова: Урал, Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Великая Отечественная война, стратегия, союзники

Период Великой Отечественной войны стал временем, когда Урал, по существу, впервые попадает в фокус пристального внимания политических и деловых кругов США и Британской империи, широкой общественности этих стран как индустриальный регион, призванный в решающей степени определить исход противоборства Объединенных Наций с державами «оси». Англо-американскими союзниками СССР стратегическое значение Урала было осознано уже летом–осенью 1941 г., когда Красная Армия в тяжелейших боях отступала на восток, оставляя врагу индустриальные центры и житницы европейской части страны. Вопрос о том, устоит ли Советский Союз под натиском военной машины Германии и насколько он будет вообще способен вести войну, утратив значительную часть своего индустриального потенциала, становился определяющим для США и Англии в выработке их политики по отношению к СССР.

Считалось, что в обстановке быстро приближающегося военного краха большевистской России оказывать ей помощь было не только бесполезно, но и рискованно, поскольку весь объем поставленных стратегических материалов мог легко оказаться в руках Гитлера. Этой проблеме придавалось в 1941 г. огромное значение, поскольку вопрос выходил за рамки судьбы одного только Советского Союза. Более чем вероятное, как тогда казалось, поражение СССР рассматривалось англо-американскими политиками и военными как пролог к захвату Германией необъятных экономических ресурсов Евразийского континента и завоеванию неуязвимой стратегической позиции. Опираясь на этот стратегический выигрыш, Германия в союзе с Японией могла перейти к конечной фазе борьбы за мировое господство — сокрушению англо-американского блока.

*Константин Иванович Зубков

К.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; zubkov.konstantin@gmail.com

¹Работа выполнена по программе ОИФН № 12-Т-6-1003

Это объясняет, почему еще в сентябре 1936 г. вся англоязычная пресса с тревогой цитировала Нюрнбергскую речь Гитлера, в которой он, сетуя на ограниченность экономических ресурсов Германии, открыто высказывал планы разгрома СССР и захвата его богатейших ресурсов: «Если у нас будет Урал с его неисчислимыми сырьевыми богатствами, если мы завладеем Сибирью с ее обширными лесами, если у нас будет Украина с ее зерновыми житницами, национал-социалистская Германия скоро будет купаться в изобилии»². Поэтому и нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. объяснялось в Англии и США, прежде всего, расчетами Гитлера как можно быстрее получить для долгосрочного ведения войны русские ресурсы. Значение ресурсного измерения войны подчеркивалось в обзоре положения на русском фронте, помещенном в октябре 1941 г. в американском журнале «Лайф». Считая потерю Украины с Донбассом и Ленинграда уже предрешенной, журнал с тревогой констатировал, что главные военные усилия Гитлера теперь будут сосредоточены на прорыве к Кавказу, открывающему Германии доступ к ресурсам чиаурского марганца и нефти Баку, и захвате Москвы как стратегического узла всей русской обороны. В этих условиях, как говорилось в журнале, «принципиальной важности вопрос о продолжении сопротивления России заключается в том, до какой степени в течение последних пяти лет, ушедших на подготовку к альтернативе ведения войны против Германии и Японии, удалось развить производство в Уральском регионе».

По мнению журнала, находившийся вне поля зрения иностранных экспертов, огражденный плотной стеной советской цензуры Урал, отвечая за 50 % советского производства подвижного железнодорожного состава, 40 % тракторов, 35 % алюминия, 20 % чугуна, 35 % добычи железной руды, 20 % химической продукции и 4 % нефти, становился тем «тузом в рукаве», приберегая который Советы могли продолжить сопротивление в случае сдачи Москвы. Сообщая читателям ранее неизвестные им названия промышленных центров Урала — Свердловск, Нижний Тагил, Челябинск, Магнитогорск, Уфа, Стерлитамак, Пермь, Соликамск, журнал убеждал читателей, что этот регион — лишь первое и самое мощное из военно-индустриальных «депо», которые Советский Союз создал за годы первых пятилеток вдоль трассы Транссиба. «Если случится самое худшее, то Красная Армия сможет все-таки удерживать оборону по всей Сибири, медленно отступая от базы к базе», — утверждалось в обзоре³.

Хотя подобные публикации давали упрощенное и чрезмерно оптимистичное видение стратегических последствий возможного отступления за Урал, они объективно склоняли общественное мнение США, Великобритании и ее доминионов к серьезному восприятию СССР как союзника в войне против Гитлера, что в тот период было чрезвычайно важно. Еще в сентябре 1941 г., когда бо́льшая часть политиков США и Великобритании была уверена в близком крахе СССР, известный американский журналист Морис

²Цит. по: The Montreal Gazette. 1936. September 14. P. 1.

³Life. 1941. October 13. Vol. LVIII, No. 2. P. 44, 47–48.

Г. Хиндус выпустил книгу с весьма говорящим названием «Гитлер не может завоевать Россию». Опираясь на свой двадцатилетний опыт изучения Советской России, Хиндус доказывал, что даже в случае захвата Гитлером европейской части СССР ему не удастся покорить эту огромную страну, во-первых, из-за ее необъятных пространств, способных поглотить любую армию, во-вторых, в силу особых свойств «русской человечности» — стихийного инстинкта свободолюбия и непокорности, который делает потенциальным партизаном каждого русского крестьянина [5, р. 12, 19].

За годы первых пятилеток, по мнению журналиста, эти свойства русской земли и русского характера обрели «стальную прочность» благодаря масштабной программе индустриализации и массивной пропаганде «советского патриотизма». Так, «сопротивление» русского пространства вторгшемуся врагу многократно усилено тем, что СССР форсированными темпами в кратчайший исторический срок сумел рассредоточить свой экономический потенциал по всей своей громадной территории, возвести далеко на востоке целые индустриальные районы. Называя Уральский промышленный район «превосходным бастионом против врага с запада и востока», Хиндус описывает его как бурно растущую и «почти самодостаточную» «индустриально-аграрную империю», располагающую в своих пределах всеми видами производств, необходимых для выживания и обороны. Исключительно важной для эффективной обороны чертой развития уральской индустрии (как и в целом советской политики размещения производительных сил) американский журналист считал ставку на «экономическую автономию» — неизбежное при громадных расстояниях и неразвитых путях сообщения следование принципу построения экономики в виде «многослойной», эшелонированной системы относительно самодостаточных военно-индустриальных комплексов [5, р. 64, 65–66].

К более осторожной, но в целом оптимистической позиции относительно резервов русской обороны уже в сентябре 1941 г. стали склоняться и официальные круги. В документе, озаглавленном «Мнение Объединенного комитета начальников штабов относительно производственной программы Соединенных Штатов» (от 11 сентября 1941 г.), американские военные, обобщая развитие военной обстановки в разных частях света, все еще характеризовали исход русско-германской схватки как неясный. Однако, хорошо сознавая стратегическое значение русского фронта, они полагали, что «если советские войска будут отброшены даже за Уральские горы и если они будут продолжать там организованное сопротивление, всегда будет существовать надежда на окончательное и полное поражение Германии...». В связи с этим как одна из возможных и важнейших мер со стороны союзных держав выдвигалась задача организации снабжения русских сил вооружениями и поставками извне, и «путем обеспечения производственных мощностей в бассейне реки Волги или к востоку от Уральских гор» [1, с. 638, 649]. По мере того, как силы вермахта приближались к Москве, внимание союзников к Уральскому региону закономерно возрастало, поскольку многие военные эксперты в октяб-

ре 1941 г. считали, что Советам придется формировать следующую линию обороны уже по течению Волги⁴.

В это же время, осенью 1941 г., Урал попадает в поле зрения англо-американских политиков и дипломатов в связи с развернувшейся в условиях отступления эвакуацией на восток СССР промышленных предприятий. В октябре 1941 г. американский посол в Лондоне Джон Г. Уайнант, перечисляя оборудование и материалы, в которых срочно нуждался Советский Союз, телеграфировал госсекретарю США Корделлу Халлу: «Многие из этих нужд возникли из-за уничтожения Днепрогэса и блокады Ленинграда, что породило нехватку главным образом алюминия, сталелитейного оборудования и ферросплавов. Они (русские — К. З.) предпринимают все усилия для того, чтобы перебазировать оборудование из этих регионов за Волгу и на Урал, и есть причины верить, что это им удастся». Посол сообщал о необходимости незамедлительной доставки из США электропечей, кузнечных прессов и другого заводского оборудования в связи с предпринятой русскими «срочной программой расширения (индустриального строительства — К. З.) на Урале»⁵.

Советское контрнаступление под Москвой в декабре 1941 г. вызвало в англосаксонском мире настоящую волну обостренного интереса к источникам советской военно-промышленной мощи, в первую очередь к малоизвестным регионам, расположенным за Волгой. В 1942 г., в условиях сохраняющейся неопределенности на советско-германском фронте, американские дипломаты регулярно отсылали в Госдепартамент составленные на основе доступной (в основном газетной) информации репортажи о состоянии советского стратегического тыла. Американский поверенный в делах Уолтер Тёрстон в феврале 1942 г. выделил в качестве одного из главных факторов способности Красной Армии выдерживать напряженную борьбу с агрессором бурно растущую на востоке СССР — частично за счет эвакуированных предприятий, частично за счет нового строительства — военную промышленность. При этом дипломат ссылался на информацию, полученную от корреспондента «Юнайтед Пресс» Генри Шапиро — одного из немногих иностранных журналистов, добившихся разрешения побывать на Урале. Посетив в начале 1942 г. Свердловск, журналист «признавался, что был поражен размерами одного из индустриальных предприятий, только что введенных там в действие»⁶.

В апреле 1942 г. посол США адмирал Уильям Х. Стэндли, анализируя материалы советской печати, сообщал в Госдепартамент, что прочность советской обороны во многом определялась заблаговременно осуществленным в годы первых пятилеток «плановым рассредоточением экономики страны», последовательно сдвигавшим «центр советской индустрии все дальше на восток, все дальше от границ». Посол писал: «В течение двух пятилеток на Урале было возведено более 200 промышленных предприятий, включая такие гиганты, как Магнитогорский металлургический комбинат. Основная

⁴См.: The Free Lance-Star. 1941. October 21. P. 2.

⁵Foreign Relations of the United States / Diplomatic Papers (FRUS/DP), 1941 (In Seven Volumes): Vol. I. General. The Soviet Union. Wash.: U.S. Government Printing Office, 1958. P. 844, 845.

⁶FRUS/DP, 1942 (In Seven Volumes): Vol. III. Europe. Wash.: U.S. Government Printing Office, 1961. P. 414.

часть нового индустриального строительства была расположена за пределами радиуса систематических операций вражеской авиации». Говоря о результативности беспрецедентных мероприятий по эвакуации промышленности на восток СССР, Стэндли сообщал: «Все главные промышленные предприятия были вовремя эвакуированы на восток с оккупированных территорий и из приграничных районов и, как правило, вновь вступали в эксплуатацию в течение двух или трех месяцев»⁷.

В 1942 г. широкая общественность США, Великобритании и британских доминионов получила возможность больше узнать о восточных регионах СССР, в первую очередь об Урале. В период ожесточенных весенне-летних оборонительных боев Красной Армии на Сталинградском направлении, когда Советский Союз вновь оказался в тяжелой ситуации, вопрос о том, какими резервами будет обладать советская оборона перед натиском германской военной машины в случае падения Сталинграда, закономерно выходил на первый план. В этой критической фазе развития военной обстановки интерес к СССР в странах антигитлеровской коалиции стал еще более определенно фокусироваться на районах «советской Азии» и, прежде всего, на Урале.

В США, Великобритании, Канаде и Австралии именно в 1942 г. издаются целый ряд книг, впервые «открывавших» для читателей те тыловые районы СССР, которые ранее были для них настоящей *terra incognita*. Среди наиболее заметных таких работ, получивших широкий общественный резонанс и многочисленные рецензии в прессе, следует упомянуть книги американца Джона Скотта «За Уралом: американский рабочий в русском городе стали» [6], известных канадских журналистов Рэймонда А. Дэвиса и Эндрю Дж. Стейджера «Советская Азия: первая линия обороны демократии» [3], британской исследовательницы-востоковеда Вайолет Конолли «Советская Азия» [2], удачно соединявшего талант коммерсанта, экономического эксперта и журналиста англичанина Мориса Эдельмана «Как Россия готовилась: СССР за Уралом» [4], известной своими прокоммунистическими настроениями американской журналистки Анны Луизы Стронг «Наш русский фронт» [7]. Пронизанные искренней симпатией к сражавшейся России и обращенные к широкой читательской аудитории, эти в высшей степени информативные книги, тем не менее, мало напоминали сухие научные монографии.

Недостаток документальных источников в них искупался богатым личным опытом знакомства авторов с жизнью СССР (в т. ч. Уральского региона) в 1930-е гг. — воспоминаниями об участии в строительстве легендарной Магнитки (Дж. Скотт), впечатлениями от поездок по стране, связанных с научными (В. Конолли), торговыми (М. Эдельман) и журналистскими (Р. А. Дэвис, Э. Дж. Стейджер, А. Л. Стронг) целями. Доступная авторам экономико-статистическая информация, иллюстрирующая впечатляющие результаты сдвига советской индустрии на восток, соседствовала в этих произведениях с живыми зарисовками трудовых будней новых предприятий и ин-

⁷Там же. Р. 434, 435.

дустриальных городов, с материалом, почерпнутым из встреч с партийными руководителями, инженерами, торговыми работниками, рабочими, колхозниками. Все это должно было объяснить западному читателю, как правило, негативно воспринимавшему в предшествующий период всякую информацию об СССР, истоки советского «чуда» — способности страны, ослабленной сталинскими репрессиями, жестокостями коллективизации, хроническим недопотреблением, явившимся следствием форсированной индустриализации, в одиночку выстоять в борьбе с нацистской Германией.

В условиях войны такие книги неизбежно приобретали и характер политического памфлета, поскольку их авторы, открыто ратуя за активную борьбу с нацизмом, осуществляли важную миссию сплочения антигитлеровской коалиции уже тем, что производили кардинальную инверсию в восприятии западным миром Советского Союза. Те непонятные западному читателю жертвы и лишения, которые советские люди выносили в ходе осуществления масштабной программы индустриализации, внезапно находили свое оправдание в стойкости советской обороны перед натиском агрессора и бесперебойной работе советского тыла.

Р. А. Дэвис и А. Дж. Стейджер, говоря о гигантских достижениях в индустриализации Урала в годы первых пятилеток, так резюмировали их значение для совместной борьбы Объединенных Наций: «Многие удачливые, чопорные, самодовольные и откормленные американцы зло высмеивали эти усилия. Мы полагали, что всякий, кто жертвует комфортной жизнью, не говоря уже о роскоши, ради “материалистического” (как некоторым из нас нравилось это слово!) производства машинного оборудования, был явно не в себе. Но весь демократический мир, включая Америку, сегодня должен признать, что мы заблуждались, а русские были правы. Многие сотни тысяч американских, канадских и британских парней сохраняют свои жизни благодаря тому, что индустриальное производство на Урале делает сегодня русских способными производить оружие для того, чтобы уничтожать миллионы вражеских солдат и сдерживать нацистские атаки до того момента, когда Объединенные Нации, координируя усилия, смогут нанести нацизму решающий удар» [7, p. 58].

Библиографический список

1. *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс: в 2 т.: пер с англ. М., 1958. Т. 1.
2. *Conolly V.* Soviet Asia. L., 1942.
3. *Davies R. A., Steiger A. J.* Soviet Asia: Democracy's First Line of Defense. N. Y., 1942.
4. *Edelman M.* How Russia Prepared: U.S.S.R. Beyond the Urals. N. Y., 1942.
5. *Hindus M. G.* Hitler Cannot Conquer Russia. Garden City, N.Y., 1941.
6. *Scott J.* Behind the Urals: An American Worker in Russia's City of Steel. Boston, 1942.
7. *Strong A. L.* Our Russian Front. Sydney, 1942.

K. I. Zubkov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)

Russia's Stronghold: the Urals in Sight of the Anglo-American Allies at the Beginning of the Great Patriotic War (1941–1942)

The article analyzes the conditions and factors that had determined in 1941–1942 the heightened attention paid by the USSR's Anglo-American allies to the Ural region as a strategic military-industrial base for resisting aggression of Nazi Germany. The author adduced the attitudes and appraisals given by the politicians, diplomats, and journalists; the literature on the Urals published in the USA and Great Britain during this period is also analyzed.

Key words: the Urals, the United States of America, Great Britain, Great Patriotic War, strategy, allies

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО БЛОКА НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ БРЕЖНЕВСКОЙ ЭПОХИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ»)

В статье анализируется показ советской региональной прессой экономического сотрудничества стран социалистического лагеря. Акцент делается на выявлении общесоюзных тенденций в подаче экономической информации из соцстран и региональной специфики периодической печати Урала.

Ключевые слова: средства массовой информации, пресса, социалистический лагерь, Урал, экономическое сотрудничество

Мировая система социализма к середине 1960-х гг. уже имела вполне очерченные рамки. Территориально она распространялась на страны Восточной и Юго-Восточной Европы, ряд азиатских государств и Кубу. В брежневскую эпоху к ней присоединился Лаос. Организационно социалистическое содружество было скреплено военно-политическим блоком — ОВД — в составе СССР и шести восточноевропейских стран. Другим связующим элементом был СЭВ, объединявший не только европейские соцстраны и СССР, но и Монголию, Кубу, Вьетнам (с конца 1970-х гг.) и Югославию на правах ассоциированного члена. На низовом уровне активно действовали общества дружбы между СССР и странами соцблока, в рамках которых происходил культурно-образовательный обмен.

Советские средства массовой информации вели активную пропагандистскую деятельность с целью показа социалистического мира как динамично развивавшегося сообщества. Сферой повышенного внимания становилась экономика, поскольку именно достижения в народном хозяйстве наиболее убедительно доказывали преимущества социалистического строя. Успехи СССР и братских соцстран в деле строительства социализма очень наглядно можно было подать в тоннах выплавленного металла, тысячах километров проложенных трасс, тысячах квадратных метров построенных зданий. Осязаемость подобных фактов, их понятность для аудитории делала экономическую информацию из социалистических стран важнейшим элементом идеологической работы.

Самым развитым по количеству, доступности и разнообразию средством массовой информации в рассматриваемый период были газеты. В СССР функционировала масштабная система центральной прессы, но и на региональном уровне советским гражданам предлагался значительный выбор печатных изданий. Так, в Свердловской области к середине 1960-х гг. суще-

*Екатерина Владимировна Каменская

Аспирант, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия; ekam82@yandex.ru

ствовало две областные газеты и 47 городских и районных. Главная областная газета региона — «Уральский рабочий» — в 1965–1985 гг. постоянно наращивала тираж, выйдя в лидеры среди областных изданий страны. При этом для многих жителей области именно это издание являлось основным источником зарубежной информации. В популярных городских и районных газетах печатался преимущественно местный материал, а уровень подписки на центральные газеты был значительно ниже, чем на «Уральский рабочий». В данной статье объектом исследования является информация по экономической тематике, касавшаяся стран социалистического блока, опубликованная на страницах «Уральского рабочего» в брежневский период. Методом исследования был выбран контент-анализ.

Зарубежная информация составляла в «Уральском рабочем» около $\frac{1}{4}$ общего объема. В рассматриваемый период наблюдался устойчивый рост доли экономической информации среди материалов о соцстранах. К концу 1970-х гг. при освещении жизни соцлагеря экономическая тема стала популярнее политической, ей было посвящено более 50 % публикаций.

Степень презентации в газете экономических достижений различных стран социализма в основном соответствовала уровню их экономического взаимодействия с СССР. Верхние позиции по частоте упоминаемости в рамках экономической тематики занимали европейские социалистические государства. Большим количеством публикаций были представлены Польша, Болгария и ГДР, занимавшие ключевые позиции в структуре советского экспорта и импорта.

Экономика азиатских соцстран значительно реже рассматривалась на страницах «Уральского рабочего». Мало сообщений публиковалось о состоянии монгольской экономики, что противоречило практике центральных газет. В «Правде» и «Известиях» почти в каждом номере под рубрикой «в странах социализма» или в индивидуальном порядке печатались сообщения об экономических успехах МНР. Слабее всего освещалось развитие экономики КНДР (как, впрочем, и других сфер жизнедеятельности в стране «утренней свежести»), что являлось отражением скудного товарооборота между Северной Кореей и СССР.

Однако количество экономической информации зависело не только от объема торговых связей соцстран с СССР. Во-первых, оно отражало внешнеполитический курс советского руководства. Наиболее показательным примером является Чехословакия, чье экономическое развитие «Уральский рабочий» показывал подробнее всего. ЧССР являлась одним из крупнейших торговых партнеров СССР. К 1985 г. она занимала второе место после ГДР в товарообороте Советского Союза¹. Однако это обстоятельство было не единственной причиной повышенного интереса издания к состоянию чехословацкой экономики. Отправной точкой роста газетных публикаций о Чехословакии и, в частности, о ее экономической жизни стало подавление «Пражской весны» в 1968 г. С целью убедительного доказательства динамичного разви-

¹Внешняя торговля СССР в 1986 г.: стат. сб. М., 1987. С. 15.

тия братской Чехословакии в рамках социалистической системы в сообщениях прессы приводились факты о позитивных тенденциях в народном хозяйстве ЧССР, плодотворном советско-чехословацком сотрудничестве, активной деятельности ЧССР в СЭВ. Другим фактором, повышавшим привлекательность Чехословакии для свердловских журналистов, являлось то, что Свердловская область была побратимом Западночешской области ЧССР. Чехословацких побратимов имели многие города области (Свердловск, Первоуральск, Нижний Тагил). В связи с этим развивалось активное экономическое сотрудничество с этим районом. Частыми были рабочие командировки, обмены делегациями, отчеты о которых публиковались в «Уральском рабочем». В газете существовала отдельная рубрика «Сегодня в Западной Чехии», освещавшая в основном экономическую жизнь данного региона.

Примером взаимосвязи объема экономической информации о стране и уровня ее отношений с СССР может служить освещение в «Уральском рабочем» развития югославской экономики. До начала 1970-х гг. сообщений о состоянии промышленности и сельского хозяйства Югославии печаталось предельно мало, что было вызвано серьезными разногласиями между Москвой и Белградом, в частности, по поводу чехословацких событий 1968 г. Потепление советско-югославских отношений в первой половине 1970-х гг. вызвало значительный рост информации о СФРЮ. Читатели стали регулярно узнавать о вводе в строй новых промышленных предприятий, успехах в аграрном секторе, тесном торговом сотрудничестве Советского Союза и Югославии.

Во-вторых, газетные публикации реагировали на внутреннюю ситуацию в странах социализма. Так, окончание войны во Вьетнаме и объединение страны переориентировало средства массовой информации с освещения преимущественно военно-политических событий в стране на показ экономических процессов. Провозглашение руководством Китая политики «культурной революции», сопровождавшейся ростом антисоветских настроений, привело фактически к полному исчезновению со страниц газеты информации о состоянии китайской экономики.

В-третьих, в свердловских печатных изданиях, в т. ч. и в «Уральском рабочем», в структуре внешнеэкономической информации преобладал «индустриальный сюжет». Это было непосредственно связано со спецификой народного хозяйства области. Сообщений о работе промышленных предприятий, особенно тяжелых отраслей, было в 3 раза больше, чем о сельскохозяйственной сфере. Следовательно, экономика стран, ориентированных на производство продукции земледелия, животноводства, была слабее представлена в газете. К примеру, очень редко на страницах «Уральского рабочего» сообщалось о достижениях кубинской экономики. При этом Куба занимала значительное место в советском товарообороте, опережая даже некоторые европейские страны, такие как Румыния и Югославия. Одной из причин такого несоответствия было ярко выраженное превалирование в структуре кубинской экономики аграрного сектора, а основным товаром, импортировавшимся с «острова свободы» в СССР, был сахар.

Одним из устойчивых элементов в сообщениях о соцстранах по эконо-

мической тематике было упоминание роли СССР. Оно присутствовало в трети публикаций. В половине случаев имелось прямое указание на превосходство, покровительство со стороны СССР, высокий удельный вес Советского Союза в экономике той или иной соцстраны. Распространенными сюжетами были: советская помощь в строительстве крупных промышленных объектов, в т. ч. отправка специалистов, поставка оборудования, разработка проектов, обучение работников из соцстран в СССР. Целенаправленно создавалось устойчивое общественное мнение, что все соцстраны находятся в определенном долгу перед СССР за масштабную помощь в развитии их экономики, а такие государства как Монголия и КНДР целиком обязаны Советскому Союзу появлением таких отраслей как металлургия, разведка полезных ископаемых, гидроэнергетика.

Советский Союз представал в образе крупнейшего потребителя различных видов продукции в социалистическом содружестве. Именно СССР являлся основным импортером венгерских кранов, чехословацких подшипников, польских сельскохозяйственных самолетов и т. д. Особенно часто подчеркивалась важность СССР как торгового партнера для ЧССР. Таким образом, обозначалась ключевая роль СССР в экономической жизни социалистических стран, ориентированность многих из их производств на советский рынок.

Целевая аудитория и назначение региональной прессы, в частности «Уральского рабочего», и центральных газет имели определенные различия. В связи с этим отличались и методы подачи материала. Ежедневной практикой в «Уральском рабочем» была публикация занимательных фактов, связанных с хозяйственной деятельностью (необычные товары и способы производства, рекорды, коллекции и т. д.). В особенности это касалось применения в производстве разнообразных природных факторов. К примеру, использование попугаев в фармацевтической промышленности, птиц в рыболовстве, микробов при нефтедобыче². Подобные сообщения часто показывали региональную специфику стран социализма. Только во Вьетнаме при лесозаготовках могли использоваться слоны, а сафра могла наступить только на Кубе³.

Эти заметки были краткими по объему и публиковались в таких рубриках, как «Ото всюду обо всем» или «Вокруг света». Они представляли собой колонки у края полосы, которые часто вырезались и вывешивались на стендах для всеобщего чтения. Данный факт, по мнению идеологических работников области, свидетельствовал о большой популярности этих рубрик⁴, а, следовательно, и такого типа зарубежной информации.

Таким образом, экономическое развитие социалистического содружества очень подробно освещалось в «Уральском рабочем». Публикации газеты являлись важнейшим инструментом формирования общественного мнения по внешнеполитическим и внешнеэкономическим вопросам. Экономический материал из социалистических государств подавался исключительно в пози-

²Урал. рабочий. 1968. 17 окт.; 1971. 15 янв., 17 окт.

³Там же. 1974. 18 июля; 1977. 17 апр.

⁴ЦДОСО. Ф.4. Оп. 74. Д. 194. Л. 6.

тивном ключе и укреплял веру в динамичное развитие социалистической системы, демонстрировал крепкую связь между отдельными ее звеньями. Ежедневно читающая аудитория убеждалась в том, что определяющую роль в экономическом развитии братских стран играл и играет Советский Союз, что предопределяло стереотипное восприятие других соцстран с патерналистских позиций.

Е. В. Камenskaya

Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia)

Economic cooperation of the socialist bloc countries on the pages of the Soviet regional press in Brezhnev epoch (on the example of «Uralsky Rabochy»)

The author analyzes the display of economic cooperation of the socialist camp countries by the Soviet regional press. The emphasis is placed on identification of all-union tendencies in presenting of economic information from socialist countries and regional specifics of periodicals of Ural.

Key words: Mass media, press, socialist camp, Ural, economic cooperation

ПРОЕКТ «УРАЛ ПРОМЫШЛЕННЫЙ — УРАЛ ПОЛЯРНЫЙ» — ШАНС НА РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЮ СТРАНЫ

Рассмотрены проблемы федерального проекта «Урал промышленный — Урал Полярный», роль Ямала в его реализации. Анализируется роль природных ресурсов в социально-экономическом развитии государства. Изучены перспективы Полярного Урала как нового центра экономического роста России.

Ключевые слова: Полярный Урал, Ямал, индустрия, ресурсный потенциал

В XX в. состоялся советский вариант модернизации страны: вступив в прошлое столетие аграрной, Россия вышла из него индустриальной державой. Однако, с 1970-х гг. в СССР нарастал системный кризис, одним из причин которого был догматический подход советского руководства к экономике. Он обернулся сбоями в мобилизационной и плановой системе, научно-технической политике, другими негативными последствиями. Либеральные реформы 1990–2010-х гг. не только не способствовали завершению модернизационного перехода, напротив, они привели к демодернизации, деиндустриализации страны, гибели половины промышленного потенциала РФ [1, с. 6]. Поэтому сегодня впору ставить вопрос не о модернизации экономики, а о реиндустриализации России.

В 2000-е гг. растущие мировые цены на углеводороды и высокие нефтегазовые доходы России вызвали самоуспокоение власти и общества, стали причиной еще большего, чем в СССР, сырьевого перекоса в экономике, привели ее к стагнации. Огромные природные богатства России породили разговоры о «ресурсном проклятии» страны, которое мешает как экономической, так и политической модернизации государства. Однако «проклятие» России не в ее природных ресурсах, а в неумении разумно распорядиться ими, в неэффективном управлении.

Глупо отказываться от преимуществ — природных богатств, которые есть у страны. В то же время их изобилие не избавляет от выбора. Более того — требует его. Сегодня, по признанию правительства РФ, у страны нет более перспективного и проработанного проекта, чем «Урал промышленный — Урал Полярный», направленного на интеграцию сырьевой базы Тюменской области и старопромышленных регионов Урала, на освоение природных богатств Югры и Ямала с дальнейшим продвижением в районы Арктики.

Роль своеобразного трамплина в масштабном проекте играет полуостров Ямал в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) Тюменской области (Уральский федеральный округ). На полуострове еще в советское время от-

*Виктор Петрович Карпов
Д.и.н., Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюмень, Россия; 7654321.58@mail.ru

крыты уникальные месторождения углеводородов. По мнению создателей Стратегии социально-экономического развития ЯНАО до 2020 г. (Стратегия-2020), разработанной в регионе, в ближайшие 10 лет экономику Ямала ожидает прорыв, какого в полярном крае не бывало со времен разработки первых месторождений нефти и газа, т. е. с начала 1960-х гг. Полуостров — это 122 тыс. км² плоской суши за Полярным кругом. В основном территория из льда, перемежающегося минеральными грунтами с плохими строительными свойствами. Сложные условия работы на полуострове во многом объясняют безуспешные попытки выйти на Ямал в 1980–1990-е гг.

В советский период, при планировании введения в хозяйственный оборот новых территорий, речь шла о создании территориально-производственных комплексов (ТПК) и входящих в них промышленных узлов. В постсоветский период возникло новое понятие — «кластер». Если интегратором ТПК выступала, в первую очередь, производственная инфраструктура, обязательной была технологическая связь между предприятиями, их вертикальная интеграция, то в кластерах интегрирующими факторами должны выступать инновации, информационно-коммуникационные сети. Предполагается, что в кластере главным фактором развития являются компетентные, творчески мыслящие люди. Поэтому именно на кластеры возлагается задача придать наукоемкий характер традиционному ресурсному освоению Крайнего Севера [8, с. 12-13].

При освоении Ямала учтен прежний негативный опыт решения социальных проблем, когда люди, приехавшие на освоение нефтегазовых месторождений, были лишены элементарных удобств. Согласно Стратегии-2020, высокая обеспеченность территории полезными ископаемыми должна служить предпосылкой для развития не только сырьевого сектора, но и всей социальной и производственной инфраструктуры Севера. Определенные шаги в этом направлении сделаны уже в 2000-е гг. С 1998 по 2009 г. на территории ЯНАО построено около 2 млн м² общей площади жилья, введены в эксплуатацию около 200 объектов образования, здравоохранения и культуры, оснащенные самым современным оборудованием. В бюджете автономии на среднесрочную и долгосрочную перспективу предусмотрены средства на возведение объектов соцкультбыта, сохранение и развитие самобытных промыслов коренных малочисленных народов Севера [6, с. 93-94].

Предполагаемая суммарная добыча по ЯНАО к 2020 г. должна составить 750 млрд м³ природного газа. Продукция будет реализована как в рамках проекта «Урал промышленный...» и для нужд страны в целом, так и за рубежом. Перспективы развития мирового энергетического рынка демонстрируют, что газ ЯНАО будет востребован и в Европе, и в странах атлантическо-тихоокеанского региона. По прогнозу Международного энергетического агентства, к 2020 г. в странах Европы спрос на газ достигнет отметки в 800 млрд м³, из них более 500 млрд м³ будут импортироваться. В странах атлантическо-тихоокеанского региона потребление природного газа возрастет до 660 млрд м³, из которых импортироваться будут более 200 млрд м³ [7, с. 205].

Как и в предыдущий период, основой промышленного роста ЯНАО останется добыча углеводородов, но порядок использования газа и нефти решено диверсифицировать за счет развития переработки. На полуострове Ямал запланировано создание нового российского центра по производству сжиженного природного газа (СПГ). Первый завод СПГ будет построен в районе бывшего поселка Сабетта (Ямальский район), служившего перевалочной базой для газовиков еще в советское время. К 2018 г., когда предполагается пустить завод в эксплуатацию, газовики должны обустроить промыслы и обеспечить необходимый объем бурения. Для транспортирования готовой продукции потребуется создание танкерного флота ледокольного класса. Бесперебойность поставок в арктических условиях должны обеспечить 4 ледокола и флотилия до 20 судов вместимостью 140–160 тыс. м³ газа. В Сабетте планируется крупный морской порт, строительство которого расценивается как начало возрождения Северного морского пути. Первые танкеры со сжиженным газом должны выйти из новой арктической гавани в 2018 г. За счет федерального бюджета будет обустроена акватория порта. Общий объем инвестиций — 900 млрд руб. [6, с. 94].

В полярном регионе предполагается и развитие нефтегазохимии. В Новом Уренгое идет строительство газохимического комплекса, который будет перерабатывать этансодержащий газ, из которого планируется производить 300 тыс. т полиэтилена. Предполагается, что закупать новоуренгойскую продукцию будут не только в регионах РФ, но и в странах СНГ, Европы и в Китае. Рассматривается также ряд проектов по производству метанола, полиэтиленов и полипропиленов на основе переработки попутного нефтяного газа.

ЯНАО — главный центр газодобычи РФ, но это и крупный нефтедобывающий район. Увеличение отбора нефти возможно на Комсомольском, Барсуковском, Харампурском, Северо-Губкинском и др. месторождениях. Есть в округе непочатые нефтяные месторождения — Ростовцевское и Русское, где прогнозные запасы сырья превышают 400 млн т [6, с. 94]. Существенный резерв — ачимовская толща Уренгойского региона, выявленные запасы которой сопоставимы с крупнейшими месторождениями нефти и газа РФ.

Для того, чтобы исполнению намеченных планов не помешали неблагоприятные факторы, связанные с мировым кризисом, развернувшимся с 2008 г. (падение цен на углеводороды, снижение инвестиций в ведущие отрасли экономики ЯНАО, колебания спроса на нефть и газ), предусмотрено 2 сценария развития нефтегазодобычи — инерционный и активный. В первом главная роль отводится полуострову Ямал, Тазовскому району и старосвоенным залежам Надым-Пур-Тазовского междуречья. Такой вариант не потребует существенного развития социальной инфраструктуры, т. к. разработкой природных ресурсов займутся в основном вахтовики. Второй сценарий предусматривает дальнейшее продвижение недропользователей на континентальный шельф северных морей и на восток ЯНАО. Доказанные запасы месторождений полуострова Ямал составляют 10,4 трлн м³, а с учетом ближайшего мелководного шельфа — 50 трлн [3, с. 13].

Планами энергетического строительства к 2020 г. предусмотрено введение в эксплуатацию Уренгойской и Тарко-Салинской ГРЭС, ГТЭС «Полярная» в Салехарде. В 2013–2016 гг. планируется проложить высоковольтную линию Надым — Салехард, построить электросетевое хозяйство в Лабитнангах, на станции Обская и в поселке Харп.

Ямал богат не только нефтью и газом, но и твердыми полезными ископаемыми (железная и хромовая руды, руды цветных и благородных металлов, бариты, фосфориты, строительный камень, отделочный гранит), позволяющими развивать горнорудное дело. Рудные месторождения Полярного Урала позволят добывать в год 16 млн т угля, 9 млн т железной, до 3,5 млн т хромовой, 1,4 млн т марганцевой руды, 2,5 млн т фосфоритов, 20 тыс. т жильного кварца, что должно решить сырьевую проблему промышленного Урала [9, с. 210-211]. А пока значительная часть полезных ископаемых завозится на уральские предприятия из Казахстана, Монголии и Украины, что существенно влияет на себестоимость и конкурентоспособность продукции. Наиболее развитый промышленный комплекс по производству стройматериалов находится сегодня в поселке Харп. В перспективе планируется создание Харпского горнопромышленного района. Пуровский и Красноселькупский районы должны стать базовой территорией для становления лесопромышленной отрасли.

Затраты на освоение полуострова Ямал оцениваются в 65 млрд долл. США [4, с. 307], но и эффект от реализации мегапроекта ожидается огромный. Импульс, который развитие базовых отраслей экономики ЯНАО придаст социальной и производственной инфраструктуре арктического региона, экономисты называют «импульсом сопутствующего развития». Власти округа понимают: у «Газпрома» широкие перспективные проекты, связанные с освоением полуострова (лицензии на разработку Бованенковского, Харасавэйского, Новопортовского, Крузенштернского, Северо-Тамбейского, Тасийского и Малыгинского месторождений принадлежат «Газпрому»). Тактика освоения газпромовских месторождений сегодня такова: сначала инфраструктура, налаженный быт и только затем производство. В соответствии с соглашением о сотрудничестве, компенсационные выплаты предприятий «Газпрома» муниципальным образованиям ЯНАО могут составить до 7,5 млрд руб. [5, с. 32]. Эти средства будут направлены на строительство жилья, детских садов, школы, интерната, больницы, котельных, электростанций, тепло- и электросетей, водопровода, комплексов по переработке оленины и рыбы, а также на рекультивацию пастбищ.

Сложности в реализации стратегии освоения Ямала может создать, по мнению ученых, отсутствие специальной структуры, на которую возлагались бы функции государственного регулирования и координации всего многообразия деятельности в Арктической зоне. Такая координирующая и объединяющая сила должна опираться на общегосударственные позиции, лишённые уз ведомственности и корпоративности, корректировать на постоянной основе стратегические задачи развития макрорегиона, искать методы их решения. Опыт СССР, США, Канады, Швеции и других арктических стран свидетель-

ствуется об эффективности концентрации координирующих функций в руках государства. Северу требуется более серьезная, чем в обжитых районах, помощь государства. При этом надо понимать, что Север — не бремя. Он — кормилец государства.

Стало уже привычным ругать «нефтяную и газовую иглу» страны, которая, дескать, мешает инновационному развитию экономики. Однако нефтегазовый комплекс является одним из важнейших мультипликаторов, так как создает спрос в смежных отраслях. Уверенное развитие России, рост благосостояния страны невозможны без масштабного освоения богатейших природных ресурсов Приполярного и Полярного Урала, включая полуостров Ямал. В случае затягивания разработки газовых ресурсов полуострова страна, по расчетам специалистов СО РАН, недополучит конечного продукта на сумму в 2,4 трлн руб., замедлится рост всей российской экономики [2, с. 73-74]. Очень важно, чтобы на новом этапе освоения месторождений была внимательно прочитана предыдущая история индустриализации уникального полярного региона.

Библиографический список

1. *Алексеев В. В.* Россия между индустриализмом и постиндустриализмом // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития: материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2008.
2. *Алёшина О.* Ямал не ждет // Нефть России. 2009. № 12.
3. *Дмитриевский А.* Доклад на V Международном форуме «Газ России-2007» // Газовый бизнес. 2008. № 1.
4. *Карпов В. П.* Уральская перспектива Тюменского нефтегазового Севера // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы X Всерос. науч. конф. В 2-х т. Екатеринбург, 2011. Т. 2.
5. *Карпов В. П.* Тюменский сектор Арктики: новый этап освоения // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 1.
6. *Карпов В. П.* Ямал в «Стратегии-2020» // Горные ведомости. 2012. № 2.
7. *Колесников А. А.* Газовая промышленность Ямала в социально-экономической системе страны // Проблемы модернизации сибирского Севера. Тюмень, 2011.
8. *Силин А. Н.* Регулирование социальных процессов на нефтегазовых предприятиях Российской Арктики и Субарктики. Тюмень, 2011.
9. *Тимошенко В. П.* Модернизационный потенциал мегапроекта «Урал промышленный — Урал Полярный» // Проблемы модернизации сибирского Севера. Тюмень, 2011.

V. P. Karpov

Doctor of Historical Sciences, Tyumen State Oil and Gas University (Tyumen, Russia)

Project «Industrial Urals — Polar Urals» — the chance of reindustrialization of the country?

The author considers problems of the federal project «Industrial Urals — Polar Urals» and contribution of the Yamal to the project realization. The role of natural resources in social and economic development of the state is analyzed. The paper studies perspectives of Polar Urals as a new center of Russian economic growth.

Key words: Polar Urals, Yamal, industry, resource potential

«СИБИРСКИЙ ГАЗ — СЕДОМУ УРАЛУ» (ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ В КОНТЕКСТЕ «УРАЛЬСКИХ ИНТЕРЕСОВ»)

В статье рассматривается один из возможных вариантов индустриального развития Тюменской области в 1950-е гг. и преодоления энергодефицита промышленных предприятий Урала, обеспеченного открытием газовых месторождений в Западной Сибири.

Ключевые слова: Тюменская область, Уральский экономический район, Березовское газовое месторождение, газопровод Игрим-Серов

В момент создания (1944 г.) Тюменская область являлась типичной сибирской глубинкой со слабо развитой промышленностью и сельским хозяйством. По многим экономическим показателям она уступала своим соседям, получившим мощный импульс промышленного развития в военные и послевоенные годы. В отличие от них на территории Тюменской области в этот период не было создано ни одного предприятия ведущих отраслей промышленности: горнорудной, угольной, металлургической, тяжелого и среднего машиностроения. Спустя десятилетие после образования Тюменская область обеспечивала менее 3 % общего объема промышленного производства в Уральском экономическом районе и занимала предпоследнее место по объему производства промышленной продукции на душу населения, опережая по этому показателю только Курганскую область [4, с. 96].

Экономическое отставание области объяснялось в т. ч. и экспериментами с районированием ее территории в предшествующий период. Окраинные районы Омской и Курганской областей и национальные округа, вошедшие в состав Тюменской области в 1944 г., ранее несколько раз передавались в административное подчинение соседних областей (Свердловской, Обско-Иртышской, Омской, Челябинской и Курганской) [1, с. 8–10]. Отсутствие достоверной информации о минерально-сырьевых ресурсах региона не позволяло определить экономический профиль области и наметить перспективы ее дальнейшего развития. В начале 1920-х гг. территорию будущей Тюменской области относили то к Западно-Сибирскому (1921 г.), то Уральскому экономическим районам (1923 г.). В последнем случае это объяснялось необходимостью расширения энергетической базы Урала за счет лесных ресурсов Западной Сибири и задачей ускорения экономического развития Тобольского Севера при помощи уральской индустрии.

При создании Тюменской области ее территория по сетке экономических районов Госплана СССР вошла в Западно-Сибирский экономический район [2, с. 3(2)]. По проекту Госэкономсовета о новом экономическом райо-

*Марина Валерьевна Комгорт

К.и.н., Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюмень, Россия; komgort@mail.ru

нировании СССР 1960 г. область планировали оставить в прежнем статусе. Однако представители региональной элиты убедительно доказывали проектировщикам необходимость изменения районирования, мотивируя это тем обстоятельством, что Тюменская область имеет исторически сложившиеся экономические связи с областями, входящими в состав Уральского экономического района. Действительно, из общего количества народнохозяйственных грузов и комплектующих изделий, поступавших в область по кооперированным поставкам, около 80 % ввозилось из промышленных районов Урала и Европейской части страны. В свою очередь, из Тюменской области в Уральский экономический район поставлялось от 60 до 90 % продукции сельского хозяйства и отгружалось в западном направлении почти 80 % лесопроизводства. При этом связи с областями Западно-Сибирского экономического района ограничивались, главным образом, завозом отсюда нефтепродуктов и каменного угля и не имели перспективы значительного расширения в будущем¹. Доводы оказались убедительными, и в результате пересмотра сетки экономических районов СССР в 1961 г. Уральский район был значительно расширен за счет включения в него Тюменской области.

В определенной степени принятию этого решения способствовало открытие в 1950-е гг. в непосредственной географической близости к Уралу Березово-Игримского газоносного района. Задача подготовки его к промышленной эксплуатации и строительство газопровода Березово-Свердловск определялась директивами по шестому пятилетнему плану на 1956–1960 гг. [6, с. 126]. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О дальнейшем развитии газовой промышленности и газоснабжения предприятий и городов СССР» от 15 августа 1958 г. предусматривало в числе прочих задач обеспечение в 1959–1965 гг. прироста промышленных запасов газа по Тюменской области в объеме 100 млрд м³ [6, с. 156].

В 1953–1961 гг. тюменские геологи провели здесь масштабные поисково-разведочные работы, направленные на выполнение партийных директив, партийно-правительственных постановлений и соответствующих министерских приказов по освоению Березовского месторождения. По мнению исследователей, на выбор основного направления поиска, сосредоточенного, как выяснилось позже, на периферии нефтегазоносной провинции, повлияла также и «архаичная структура топливного баланса страны», вынуждавшая правительство решать неотложные задачи преодоления «топливного голода» Среднего Урала и Кузбасса в ущерб перспективе [8, с. 15]. На максимальное использование месторождений Березовского газоносного района было ориентировано и руководство Средне-Уральского совнархоза, разработавшее планы перестройки топливного баланса региона с учетом подачи газа в города северного Урала: Серов, Ивдель, Североуральск, Краснотурьинск, Верхотурье, Качканар, Алапаевск и др.²

¹ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4138. Л. 175–176.

²ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 115. Л. 124–125.

Таким образом, государственные, ведомственные и региональные интересы обусловили ограничение географии поиска преимущественно западными районами Тюменской области, что, в свою очередь, на несколько лет задержало открытие месторождений нефтяного Приобья. Во второй половине 1950-х гг. тюменские геологи сконцентрировали основной объем работ в пределах Березовского, Кондинского, Октябрьского и Самаровского районов. В начале 1961 г. здесь были задействованы шесть из восьми экспедиций управления [7, с. 32].

Связанный производственными обязательствами и партийной дисциплиной начальник Тюменского геологического управления Ю. Г. Эрвье при обсуждении плана работ на 1961 г. уверенно подтвердил, что «управление идет по правильному пути», выполняя правительственные решения по освоению Березовского газоносного района. Его поддержал главный геолог управления Л. И. Ровнин, который, не отрицая перспективности всей Тюменской области, в то же время считал необходимым в ближайшие два года «сконцентрировать основные объемы работ вдоль трассы будущего газопровода»³. «Нам нужен газ в Зауралье... Поиски месторождений в этой зоне — задача номер один», — вновь доказывал он на партийно-хозяйственном активе ТГУ в феврале 1961 г. Серьезным предупреждением геологам (в случае невыполнения правительственных решений) прозвучало выступление на активе зампреда Средне-Уральского СНХ Е. И. Голдырева: «Если в ближайшее время запасы тюменского газа не будут увеличены до необходимого объема, то придется строить газопровод Газли-Свердловск»⁴.

Однако надежды на «большой» сибирский газ, способный удовлетворить энергетические потребности Урала, не оправдались. В 1953–1961 гг. в районе, тяготеющем к Березовскому месторождению, было выявлено десять аналогичных ему небольших газовых месторождений с общими запасами по трем категориям ($A+B+C_1$) в 50 млрд м³ [3, с. 1]. На фоне открытых к этому времени таких газовых гигантов как Североставропольское, Шебелинское и Газлинское месторождения «весьма небольшие газовые залежи Березовского района, лежащие вдали от потребителей, в необжитом краю с очень суровым климатом, среди болот и тайги, выглядели не очень-то привлекательно» [5, с. 101].

Только спустя десять лет после открытия Березовского месторождения был введен в эксплуатацию газопровод, построенный для газификации промышленных предприятий поселка, в т. ч. консервного комбината, кирпичного завода, пекарни, и восьми квартир. В 1963 г. началось сооружение первого магистрального газопровода Игрим-Серов. Задержка с началом его строительства объяснялась, в т. ч. и тем обстоятельством, что в Москве долго не могли решить проблему наиболее оптимального варианта транспортировки сибирского газа: в частности, обсуждался вопрос сжижения его на месте и перевозки в цистернах.

³Там же.

⁴Там же. Д. 150. Л. 88, 108.

Занятые на трассе газопровода строительные организации столкнулись с серьезными природными, организационными и техническими проблемами. Как признавался заместитель министра газовой промышленности Ю. И. Боксерман, «даже в пустынях Кузылкум и Каракумы ничего похожего не пришлось преодолевать, как приходится преодолевать при сооружении газопроводов и нефтепроводов в Тюменской области»⁵. В марте 1966 г. газопровод Игрим-Серов протяженностью 528 км был введен в строй, в сентябре он был продлен до Нижнего Тагила и закольцован с газопроводом Бухара-Урал.

Библиографический список

1. Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX) / под ред. В. П. Петровой. Тюмень, 2003.
2. Атлас Тюменской области. М.; Тюмень, 1971.
3. Геология нефти и газа. 1961. № 11.
4. Карпов В. П., Колева Г. Ю., Гаврилова Н. Ю., Комгорт М. В., Тимошенко А. И. Тюменский индустриальный «взрыв»: история мега-проекта. Тюмень, 2011.
5. Комгорт М. В. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция: история открытия. Тюмень, 2008.
6. Нефть и газ Тюмени в документах. 1901–1965. Т. 1. Свердловск, 1971.
7. От Березово до Ямбурга: 45 лет газовой промышленности Западной Сибири / под ред. Карпова В. П., Колевой Г. Ю. Тюмень, 2011.
8. Панарин С. М. Создание минеральной базы Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1961–1975 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995.

M. V. Komgort

Candidate of Historical Sciences, Tyumen State Oil and Gas University (Tyumen, Russia)

“Siberian Gas for the Grey Ural” (Tyumen Region in the context of “Ural interests”)

The author considers the one of potential ways of industrial development of the Tyumen Region in 1950s and overcoming the deficit of energy of Ural industrial enterprises, provided by the discovery of gas deposits in Western Siberia.

Key words: Tyumen Region, Ural economic region, Beryozovskoe gas field, gas pipeline Igrim-Serov

⁵ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4506. Л. 156.

ПРОГРАММА «СИБИРЬ» И РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

С организацией Сибирского отделения АН СССР в 1957 г. начался новый этап в изучении производительных сил восточных районов страны. В рамках программы «Сибирь» реализован комплексный подход применительно к изучению и развитию экономического потенциала региона.

Ключевые слова: Сибирское отделение АН СССР, производительные силы, Сибирский регион, программа «Сибирь»

Середина 1950-х гг. является тем рубежом, который означал новый этап в развитии академической науки Советского Союза [1]. Уровень исследований, достигнутый учеными восточных филиалов Академии наук, позволял выстраивать перспективные планы по их дальнейшему развитию. Руководство АН СССР предлагало испытанный вариант постепенного, эволюционного укрепления восточных филиалов с созданием единичных структур фундаментального профиля. Иную концепцию предложили ученые во главе с академиком М. А. Лаврентьевым.

В 1957 г. организовано Сибирское отделение Академии наук СССР. В основу его развития заложена знаменитая формула «Наука — кадры — производство», так называемый треугольник Лаврентьева [7]. Приоритетными задачами Сибирского отделения АН СССР являлись: комплексность входящих в его состав научных центров; организация фундаментальных и прикладных исследований; развитие инноваций; подготовка кадров по новейшим направлениям научного поиска; изучение и развитие производительных сил Сибири и Дальнего Востока. Эти задачи в исследуемый период творчески претворяли председатели Сибирского отделения академики М. А. Лаврентьев и Г. И. Марчук. Программа по созданию академического потенциала в восточных регионах была включена в число важнейших государственных проектов и реализовалась в ускоренные сроки. Решающую роль в успехе смелого эксперимента сыграло то обстоятельство, что ради становления нового научного центра десятки известных ученых Москвы, Ленинграда, Киева, Львова и других городов переехали в Сибирь вместе с учениками.

Организацию Сибирского отделения можно назвать одним из феноменов в истории отечественной науки середины XX в., определившим ее непосредственное участие в социально-экономическом и социокультурном развитии восточных регионов. Первоначальной базой для развития СО АН СССР стали подразделения Академии наук в Новосибирске, Красноярске, Иркутске, Якутске, дальневосточная группа НИУ (в дальнейшем она вошла в со-

*Наталья Александровна Куперштох
К.и.н., Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия; nataly.kuper@gmail.com

став Дальневосточного отделения АН СССР). В конце 1950-х — 1970-е гг. в результате активного развития сети учреждений оформились научные центры Сибирского отделения в Новосибирске, Томске, Красноярске, Иркутске, Улан-Удэ и Якутске. Со временем научные центры стали «опорными пунктами» академической науки на всей обширной территории Сибири [5, с. 378].

Содействие развитию производительных сил региона являлось одной из главнейших задач Сибирского отделения. Она решалась путем разработки стратегии экономического и социального развития отдельных территорий и Сибири в целом, обоснования крупных народнохозяйственных проектов, базирующихся на развитии богатейших природных ресурсов и использовании геополитического положения региона.

В 1977 г. по инициативе Президиума СО АН СССР и его председателя академика Г. И. Марчука была разработана «Программа научных исследований и разработок по комплексному использованию природных ресурсов и развитию производительных сил Сибири» (получившая краткое название — программа «Сибирь»), которая стала играть ведущую роль в определении перспектив модернизационного развития региона. В разработке и реализации программы «Сибирь» участвовала вся региональная элита. В областях и краях Сибири, в Якутской и Бурятской АССР состоялись партийно-хозяйственные активы с участием членов Президиума СО АН СССР. В результате их работы наука получила своеобразный социальный заказ, учитывающий потребности экономики отдельных районов.

После многочисленных согласований и обсуждений определились основные разделы программы «Сибирь» и их координаторы: минерально-сырьевой (академик А. А. Трофимук); биологический (академик Д. К. Беляев); экономический (академик А. Г. Аганбегян). В феврале 1978 г. эта программа была одобрена участниками Общего собрания СО АН СССР [3, с. 52]. То обстоятельство, что во главе программы «Сибирь» встали ученые, известные своим вкладом в фундаментальные проблемы науки и прикладные разработки в интересах развития регионов, уже на первом этапе предопределило четкую координацию действий по формированию отдельных направлений (блоков) программы.

По мере разработки структурной основы программы «Сибирь» становилось очевидным, что направления поиска не могли опираться только на исследования геологов, биологов и экономистов. В Сибирском регионе на повестке дня стояли вопросы, которые требовали комплексного подхода в их изучении. Привлечение новых участников программы — математиков, физиков, химиков, гуманитариев, специалистов-инженеров с производства позволило расширить тематику программы «Сибирь» и осуществлять проекты на междисциплинарной основе. Для этого имелись возможности. В 1975 г. в Сибирском отделении АН СССР числилось около 50 научно-исследовательских и опытно-конструкторских организаций и 16 тыс. научных и научно-технических работников¹.

¹НАСО. Ф. 10. Оп. 5. Д. 865. Л. 5.

В 1979 г. был сформирован Научный совет по программе «Сибирь» во главе с академиком А. А. Трофимук, который активно работал над усовершенствованием ее структуры. В 1980 г. шесть секций Научного совета (минеральных ресурсов, биологических ресурсов, регионально-экономических программ, программ особой сложности и масштаба, технических и технологических программ, «Энергетика Сибири») обеспечивали координацию исследований и разработок специалистов из различных ведомств.

Каждая секция объединяла программы, которые в совокупности и составляли комплексную мега-программу освоения природных ресурсов и развития производительных сил Сибири. Координаторами отдельных программ являлись признанные специалисты из академических и отраслевых институтов. В реализации программы «Сибирь» были задействованы практически все институты Сибирского отделения АН СССР. В 1980 г. она объединяла более 400 организаций из 60-ти министерств и ведомств², в дальнейшем их число продолжало возрастать. В процессе исследований складывались неформальные творческие коллективы из представителей академической, отраслевой и ведомственной науки, специалистов-производственников, которые обеспечивали реализацию инновационного цикла — от зарождения научной идеи до ее внедрения в производство.

Емкое определение программе «Сибирь» дал академик А. А. Трофимук: «Если бы понадобилось выделить главнейшую черту разработанной нами программы, определить ее внутренний смысл, то можно было бы для такой характеристики использовать одно слово — связь. Но не в обычном его значении, а в производственном и экономическом. В этом значении понятие «связь» прямо соотносится с понятием «комплексность», явлением, которое вне хозяйственных связей не существует... Высокая экономическая эффективность производства, развиваемого в Сибири, и есть одна из главных целей нашей программы» [8, с. 235–236].

Программа «Сибирь» в значительной степени определила тенденции социально-экономического развития Сибири. Секция минеральных ресурсов Сибири объединяла 14 программ: Нефть и газ Западной Сибири; Нефть и газ Восточной Сибири; Уголь Кузбасса; Угли Канско-Ачинского бассейна; Алмазы Якутии; Рудное золото Сибири; Благородные и редкие металлы, медь и никель Красноярского края (Норильский горно-металлургический комбинат); Цветные металлы Красноярского края; Цветные металлы Бурятской АССР (Озерное месторождение); Медные руды Удокана; Железные руды Сибири; Ультракалийевые алюмосиликатные руды Сыннырского месторождения; Фосфориты, апатиты и другое фосфатное сырье; Калийные соли.

Секция «Энергетика Сибири» состояла из трех программ: Топливо-энергетический комплекс Сибири; Методы производства электроэнергии и тепла и создание нового энергетического и электротехнического оборудования; Вторичные энергоресурсы [4, с. 29–30].

²Там же. Д. 1352. Л. 8.

Секция регионально-экономических программ определила основы формирования главных ТПК Сибири: Братско-Усть-Илимского, Нижне-Ангарского, Саянского, Верхне-Ленского, Южно-Якутского. Координатором секции являлся академик А. Г. Аганбегян, координатором программы «Южно-Якутский ТПК» выступил чл.-кор. АН СССР Н. В. Черский³. Кроме того, проблемы ТПК были включены в программы секции минеральных ресурсов: перспективы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) в качестве отдельного направления рассматривались в программе «Нефть и газ Западной Сибири»; КАТЭКа — в программе «Угли Канско-Ачинского бассейна» и т. д.

Ученые отстаивали принцип повышения уровня жизни сибиряков как необходимого условия развития экономики региона и планомерного регулирования демографических процессов. Вторым принципом комплексного развития Сибири было провозглашено достижение баланса добывающих и перерабатывающих отраслей в регионе при максимально возможной эффективности производства, сокращении транспортных затрат и т. п.

В программе «Сибирь» впервые был поставлен вопрос о комплексном решении экологических проблем. Проекты индустриального развития Сибирского региона в первой половине XX в. игнорировали вопросы экологии и рационального природопользования, поскольку масштабы региона позволяли до какой-то степени пренебрегать решением экологических проблем. Однако ученые прогнозировали их обострение. Особенно пагубное воздействие на окружающую среду оказывало энергетическое строительство, в ходе которого подвергались затоплению крупные площади лесных массивов и земельных угодий сельскохозяйственного назначения. Огромный урон территориям наносили нефте- и газоразработки, последствия которых были особенно пагубными для северной природы.

Ситуация с изучением проблем экологии стала меняться с организацией в Сибири академических институтов, в сферу интересов которых входило изучение богатейших природных ресурсов региона. В институтах Иркутска, Красноярска, Якутска, Улан-Удэ, Кемерово, Новосибирска был накоплен серьезный задел по их комплексному изучению. В справке, подготовленной в Госплан СССР в 1978 г., было названо 40 готовых к внедрению разработок институтов СО АН СССР, имеющих природоохранное значение. Дополнительным импульсом для развертывания исследований экологической направленности стало постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 1 декабря 1978 г. «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов».

Программа «Экология, охрана природной среды Сибири» (ее работу курировала секция программ особой сложности и масштаба) включала четыре подпрограммы: Общие вопросы оценки состояния и прогноза изменений природной среды; Рациональное использование природных ресурсов и охрана природной среды в связи с развитием производительных сил; Разработка

³Там же. Л. 65–75.

новых технологических методов и средств защиты природной среды от техногенных воздействий; Рациональное использование, реконструкция и охрана растительного и животного мира Сибири. Природоохранная тематика программы «Сибирь» впервые задавала ограничения при выборе стратегии освоения новых районов или использования минеральных и других ресурсов и включала три уровня проблем: общий и методический; отраслевой; региональный, которые были тесно увязаны между собой [6, с. 200–204].

Итоги реализации первого этапа работы по программе «Сибирь» были подведены на Всесоюзной конференции по развитию производительных сил Сибири (Новосибирск, 1980 г.). Ее участники приняли решение по переводу программы на новый этап развития, цель которого — расширить исследования и теснее увязать их с перспективными и текущими планами экономического развития страны и потребностями отдельных ведомств и субъектов [3, с. 52–53]. Конференция проходила в период, когда определялись долгосрочные планы развития страны. Поэтому, подводя итоги, важно было выдвинуть научно обоснованные предложения по дальнейшему развитию региона.

Опыт работы над отдельными блоками программы «Сибирь» как раз и давал представление, по каким приоритетным направлениям следует развивать производительные силы Сибири. Опыт реализации программы «Сибирь» позволил Сибирскому отделению АН СССР с 1980 г. возглавить разработку регионального раздела общесоюзной «Комплексной программы научно-технического прогресса» на 20-летний период.

Программа «Сибирь» оказалась эффективным механизмом организации совместных исследований и концентрации усилий на актуальных проблемах развития научно-технического прогресса в регионе и действовала с различной интенсивностью 17 лет (с 1978 по 1995 г.). Она предвосхитила появление многих организационных форм, появившихся в России в начале XXI в.: программно-целевое планирование исследовательских работ; интеграционные проекты; технологические платформы; эколого-экономические экспертизы крупных проектов; проведение мероприятий по выработке стратегии развития Сибири с участием представителей государственных органов страны, регионов Сибири, научных учреждений [2].

Таким образом, создание комплексных научных центров Сибирского отделения АН СССР означало реализацию новой концепции развития академической науки. Академики М. А. Лаврентьев, С. Л. Соболев, А. А. Трофимук, С. А. Христианович и их единомышленники предлагали в первую очередь развивать фундаментальные науки, в т. ч. междисциплинарного свойства, и на их основе предполагали получать прикладные результаты с выходом в практическую плоскость. Проведение серии конференций по изучению производительных сил Сибири и Дальнего Востока, международное сотрудничество в научно-технической сфере, реализация не имеющей аналогов комплексной программы «Сибирь», создание сети научно-внедренческих организаций, другие мероприятия позволили организовать изучение производительных сил региона в совершенно иных масштабах и на новом теоретическом и практическом уровне.

Библиографический список

1. *Артемов Е. Т.* Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006.
2. *Добрецов Н. Л., Ермиков В. Д.* Академия наук — слагаемые успеха сибирских научных школ // Наука в Сибири. 2012. № 22.
3. *Долголюк А. А.* Разработка и реализация программы «Сибирь» в 70–90-е гг. XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: «Отечественная история». 2006. № 2.
4. *Куперштох Н. А.* Интеграционная роль программы «Сибирь» в изучении производительных сил региона // История науки и техники. 2012. № 6.
5. *Куперштох Н. А.* Научные центры Сибирского отделения РАН. Новосибирск, 2006.
6. *Куперштох Н. А.* Проблемы природопользования и охраны окружающей среды в программе «Сибирь» // Проблемы территориальной организации природы и общества: материалы Всерос. науч. конф. Иркутск, 2012.
7. Российская академия наук. Сибирское отделение. Исторический очерк / под ред. Н. Л. Добрецова, В. А. Ламина. Новосибирск, 2007.
8. Российская академия наук. Сибирское отделение. Стратегия лидеров / под ред. В. И. Молодина. Новосибирск, 2007.

N. A. Kupershtokh

Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia)

The Program “Siberia” and the Development of the Economic Potential of the Siberian Region in the Second Half of the 20th Century

New stage in the study of the productive forces of the eastern regions of the country started after the foundation of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR in 1957. A complex approach to the studying and development of the economic potential of the region has implemented in a framework of the program “Siberia”.

Key words: Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, productive forces, Siberian region, program “Siberia”

ГЕНЕЗИС УРАЛЬСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ: ДИФФУЗИЯ И (ИЛИ) АДАПТАЦИЯ?

В статье анализируется процесс зарождения уральской металлургической промышленности с позиции теории диффузионизма. Дифференцируются понятия «диффузия» и «адаптация».

Ключевые слова: уральская металлургия, диффузия, адаптация

Факты передачи и адаптации технологического опыта в горно-металлургической отрасли привлекли внимание при анализе архивного материала еще в 1990-е гг. [5, с. 32–37]. Основатель династии рудознатцев С. Бабин на допросе у В. Н. Татищева в августе 1720 г. сообщил, что «учился он руду плавить... по записям иноземца Христиана Дробыша...»¹. Другие рудознатцы Ф. Мальцев и Б. Русаев указывали, что изучали мастерство поиска руд у подполковника Л. Нейдгарта на Казанском медеплавильном заводе.

Первые статьи уральских историков, посвященные диффузионизму, появились в 2000-х гг. и сначала просто вызвали интерес [1; 2; 3]. Дальнейшее осмысление механизмов диффузии привело к пересмотру некоторых уже сложившихся схем обобщения конкретно-исторического материала. По моему мнению, именно с позиции диффузионизма могут быть объяснены основные этапы колонизации и индустриализации Урала.

В 2011 г. по окончании одного из многочисленных исследовательских проектов ИИиА УрО РАН вышла книга «Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII — начало XX в.)» [4]. По моему мнению, книга — первый удачный опыт большого коллектива исследователей по обобщению фактов передачи производственных новаций и культурных особенностей из западноевропейских стран в Россию, объединенных единой теоретической платформой. В работе представлены теоретический и историографический разделы, даны определения основных понятий, на конкретно-историческом материале рассмотрены процессы выработки, заимствования и распространения инноваций в промышленности и социокультурной сфере, охарактеризованы агенты диффузии инноваций и механизмы внедрения нововведений. Исследовательский проект развивался непросто, и в итоговую работу вошли не все запланированные разделы. Тем не менее, появилась коллективная монография объемом более 25 п. л., концептуально объединившая разных авторов. Авторское творчество было ограничено, поэтому в книгу вошли, главным образом, факты передачи новаций, как наиболее приметного явления.

*Евгений Анатольевич Курлаев

К.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; kurlaev@e1.ru

¹ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4 а. Л. 13, 17 об, 707.

В 2013 г. появилась и критика как данной работы, так и теории диффузионизма в целом [7, с. 4–15]. Сам заголовок публикации «Антидиффузионизм, или о практической ценности исторических исследований» в авторитетном издании «Веси» указывает на масштаб поставленных задач. В роли критика выступил к.и.н. С. В. Устьянцев², который утверждает, что авторы монографии сознательно не включили материалы второй половины XVIII в. из-за ограниченности применяемой теории. Причина в другом. Этот период наименее изучен по первоисточникам.

С. В. Устьянцев пишет: «Фактических же материалов по истории создания новой техники и технологий здесь (в книге — *Е. К.*) нет, речь идет лишь о примерах и ситуациях, связанных с переносом из стран Западной Европы» [7, с. 5]. Отчасти критик прав. Чисто уральских открытий немного. Если они и были, их непросто выявить, даже постоянно работая с первоисточниками. Тем не менее, такие случаи имели место и они обозначены авторами коллективной монографии:

— «Некоторые факты свидетельствуют о том, что европейская (саксонская) техника выплавки меди на уральской почве настолько совершенствовалась местными мастерами, что можно говорить о самостоятельном ее развитии. Возможно, что в ряде случаев она опережала первоначальные образцы» [4, с. 94].

— «Известны также личные разработки Геннина, частью оригинальные, частью основанные на знакомстве с европейскими предприятиями» [4, с. 97].

— «...Бахорев выдавал в год по две-три «инвенции», основанные на механике водяного колеса. Это были оригинальной конструкции рудоподъемные машины для сверления и обточки пушек, рудные толчеи и промывальни» и др. [4, с. 99].

Только в разделе «Западноевропейские промышленные технологии в XVIII в.», посвященном генезису горно-металлургической отрасли, мы попытались вместить обнаруженные в первоисточниках первые упоминания о появлении и внедрении на Урале эпохальных изобретений в горно-металлургической и военной сферах: поршневых насосах, рудных толчеях, домнах с круглым сечением, чугунно-пушечном литье, плавке и очистке меди, изготовлении проволоки, фузей, холодного оружия, механизации оружейного производства, изготовлении и использовании пороха и др. [6].

Далее «антидиффузионист» С. В. Устьянцев уверенно уводит на второй план теорию диффузионизма вместе с многочисленными, в т. ч. и уральскими последователями, а на ее месте появляется авторская «теория адаптации». Критик противопоставляет адаптацию диффузионизму, используя популярную в народе забаву «пчелы против меда». Даже за словом «адаптация», упомянутым в заключении д.и.н. И. В. Побережниковым, критик усмотрел скрытую «дискуссию с автором первой теоретической главы д.и.н. Е. В. Алексеевой и содержанием основных разделов по технологическим ин-

²Устьянцев С. В., кандидат исторических наук, научный редактор управления по связям с общественностью ОАО «Научно-производственная корпорация “Уралвагонзавод”».

новациям, поскольку к изучению процессов адаптации их авторы даже не приступали» [7, с. 12].

В данном случае, Сергею Викторовичу желательно еще раз заглянуть в теоретический раздел, где Е. В. Алексеева подчеркивает необходимость «**специального** изучения адаптивности российской цивилизации» [4, с. 37], а адаптация является неотделимой составной частью диффузии инноваций. Е. В. Алексеева пишет: «Исторический подход к изучению инновации связан с анализом ее жизненного цикла, состоящего из генезиса, интродукции (сопряженной с усовершенствованиями), **адаптации** (включающей в себя реакцию отторжения, изменение, принятие), рутинизации, исчезновения» [4, с. 39].

Критик вопрошает: «Зачем теория диффузии уральским историкам?», ведь «...наибольший интерес представляет не теория диффузии идей и технологий (неважно, откуда и куда), но изучение механизмов их адаптации и применения в собственных интересах», при этом необходимо смещение акцентов от распространения к адаптации, что «обещает много как в научном, так и в **материальном** плане» [7, с. 12]. И здесь звучит, пожалуй, основная мысль и практичный подход производственника. Однако если уйти от материальной стороны вопроса, то в теории диффузионизма важно исследовать все этапы от появления инновации, ее продвижения «откуда и куда», адаптации в новой среде и, в конечном итоге, исчезновения.

Приведенные С. В. Устьянцевым примеры — паровоз, бомбардировщик Ту-4, пулемет «Максим» с матерчатыми лентами, вагоны американского типа и даже колеса Гриффина — примеры зарубежных заимствований. Сам критик отмечает поток иностранных технологий в нашу страну. Заимствования насчитывают тысячи эпизодов. И они имеют, за редким исключением, одностороннюю направленность. Поэтому устойчивая взаимосвязь Запад — Россия (центр — периферия), как бы непатриотично это звучало, существует веками. В отечественной истории было два коротких отрезка времени, когда ценой невероятных усилий и человеческих жертв в техническом отношении страна выходила на мировой уровень — «петровская» и «сталинская» эпохи.

В свою очередь, занимаясь конкретно-историческим исследованием зарождения уральской металлургии в период XVII — первой четверти XVIII вв., я попытался рассмотреть данный процесс через изучение распространения технологий (концепция диффузионизма) и появления производственных отраслей. Основываясь на конкретно-историческом материале, мне удалось разделить этот процесс на три «импульса» («фазы»), определивших формирование базовых отраслей промышленности: черной и цветной металлургии. Для каждой из фаз характерны свои уровни организации производства, управления и обучения.

В результате первого импульса, совпадающего с началом русского заселения и промышленного освоения территории Урала, в крае распространяются традиционные для железоделательных регионов России ремесленные навыки производства и обработки железа. Это — производство железа сыродутным (однстадийным) способом, переработка его ремесленниками в

кузницах под ручным молотом. Аграрную периферию обслуживали ремесленники, прослойка которых появились в XVI–XVII вв. в процессе заселения края. Ассортимент кузнечных изделий определялся потребностью колонизационных процессов, аграрными условиями ведения хозяйства. Со временем определились и государственные приоритеты развития металлообработки: производство и ремонт вооружения, обслуживание мельниц, строительство, солеварение, судостроение. Для этой фазы характерно появление стихийной формы поиска руд — рудознатчества.

С открытием железной руды в 1630 г. появляется первое специализированное государственное поселение металлургов — «Невьянское рудное и железное дело» (рудная слобода) — предтеча городов-заводов. В условиях ремесленного производства индивидуальное ученичество было оптимальной формой подготовки кадров. Ремесленные способы поиска руд, производства и обработки металла играли вспомогательную роль на аграрной стадии колонизации, но не исчезли позже в период распространения крупной металлургической промышленности в XVIII в.

Аграрное освоение края подготовило условия для второго импульса — создания на Урале в начале XVIII в. мануфактурной промышленности, ориентированной на производство чугуна и железа двухстадийным способом и литой чугунной военной продукции (черной металлургии). Доменная металлургия и обработка железа с использованием энергии воды требовали привлечения значительного количества рабочих рук и могли появиться только после предварительного освоения и заселения края.

Для расширения мануфактурного производства в сфере черной металлургии и военного производства на Урале приезжие московские и тульские мастера в экстренном порядке готовили специалистов различных профессий. На Урале распространились европейские формы организации производства и технологии изготовления чугуна, железа и военной продукции, появившиеся в Центральной России в первой половине XVII в. В 1701–1706 гг. на Урале заработали 4 металлургических завода, а в Тобольске — первый в России государственный оружейный завод, который в то время относился к комплексу уральских заводов. Деятельность мануфактур вовлекла местных ремесленников-металлургов в промышленное производство. На казенных заводах было организовано массовое обучение крестьян вспомогательным профессиям. Ремесленники изготавливали в своих мастерских мелкие железные изделия для заводов. Железоделательные мануфактуры вписались в территориально-административную структуру управления регионом, но оказали на нее влияние.

Государственная политика первоначально предполагала строительство заводов для обеспечения металлом и вооружением сибирских территорий, а в перспективе — отправку продукции на экспорт. Основание Невьянского завода планировалось «для защиты Сибирского царства». Начало строительства совпало с изменением геополитической ситуации и войнами. Каменский завод строился в условиях войны с Турцией, что сменило вектор предполагаемых поставок в направлении Азова и Астрахани. Неудачное начало войны

со Швецией полностью сориентировало заводские поставки в западном направлении.

Третий импульс распространения технологических инноваций связан с созданием цветной металлургии и горно-геологической отрасли. Горное дело и мастерство изготовления меди считались одними из сложных и искусных ремесел горно-металлургического производства, требующих специальных знаний и практического обучения. В этом случае иностранные знания сыграли ключевую роль. С XVII в. для поиска драгоценных металлов характерна организация специализированных экспедиций с неизменным участием иностранных специалистов. Экспедиции не организовывали для поиска меди и железа. Их посылали за золотом и серебром в любое место, находившееся в сфере влияния Российского государства и за ее пределами, независимо от затрат, климатических условий и угрозы военных столкновений.

Эффективному распространению третьего «импульса» на Урале способствовала государственная политика Петра I. В то время экономическая политика государства развивалась в русле идей меркантилизма и камерализма, где пополнение казны предполагалось и за счет обретения собственных источников драгоценных металлов. Поиск руд полиметаллов, разработка месторождений, выплавка меди и серебра становились одной из основных сфер применения иностранного опыта в России. Петр I сосредоточился на создании в отечестве цветной металлургии для укрепления финансово-денежной системы государства. В создании горно-геологической отрасли, цветной металлургии, передаче и внедрении технических знаний ведущую роль играли саксонцы.

Для третьей фазы характерно появление школ при казенных заводах, которые давали базовые знания для усвоения сложных производственных дисциплин и иностранного языка. С организацией горного дела и металлургией полиметаллов связано и появление централизованной специализированной системы управления (Приказ Рудного сыска, Рудный приказ, Рудная канцелярия, Берг-коллегия, Сибирский обербергамт).

К концу первой четверти XVIII в. все уральские металлургические предприятия были выведены из системы территориального подчинения и оказались в ведении новой региональной управленческой структуры Сибирского обербергамта. Государственная политика способствовала быстрому внедрению в горном деле и металлургии европейских организационных и технологических достижений. Итогом этих усилий стало появление уже к 1720-м г. вполне передовой, сравнимой с европейской, уральской горно-металлургической отрасли. Закончился этап генезиса уральской металлургии.

Представленная мною схема имеет явно технический уклон. Дальнейшее развитие этой концепции предполагает установление зависимости между распространением новых массовых технологий и изменениям в социально-экономической сфере региона.

Отмечу, что в период развития советской исторической науки проблемам заимствования и адаптации уделялось немного внимания. Разработка концепции диффузионизма — широчайшее поле деятельности для специалистов различных областей производства. Адаптация в теории диффузиониз-

ма — такая же неотъемлемая часть, как какой-либо из органов в едином человеческом организме. Поэтому противопоставлять их не имеет смысла: адаптация присуща диффузионизму, это его важнейшая часть. Изобилие примеров, приведенных С. В. Устьянцевым, показывает, что автор много работал и думал над проблемами адаптации, и, полагаю, что начало монографического исследования, посвященного внедрению инноваций на Урале, уже положено. Стоит лишь подчеркнуть, что для тщательного изучения инновационных процессов потребуется творческое сотрудничество теоретиков-историков, работающих с первоисточниками, и производственников-экспертов, знающих организацию производства и технологии.

Библиографический список

1. *Алексеев В. В., Нефедов С. А., Побережников И. В.* Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии // Урал. ист. вестн. Екатеринбург, 2000. № 5–6.
2. *Алексеева Е. В.* Европейская культура в имперской России: проникновение, распространение, синтез. Екатеринбург, 2006.
3. *Алексеева Е. В.* Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — начало XX в.). М., 2007.
4. Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII — начало XX в.) / под общ. ред. Е. В. Алексеевой. Екатеринбург, 2011.
5. *Курлаев Е. А.* Иностраный опыт в горном деле и производстве металла на Урале в XVII — начале XVIII в. // Россия и Западная Европа: взаимодействие индустриальных культур. 1700–1950: материалы Междунар. науч. конф. Т. II. Екатеринбург, 1997.
6. *Курлаев Е. А., Корепанов Н. С., Побережников И. В.* Техно-технологические инновации в горно-металлургическом производстве Урала в XVII–XVIII вв. Екатеринбург, 2011.
7. *Устьянцев С.* Антидиффузионизм, или о практической ценности исторических исследований // Веси. 2013. № 3.

E. A. Kurlaev

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)

The Genesis of the Ural Metallurgy: Diffusion and (or) the Adaptation?

The paper analyzes the process of genesis of the Ural metallurgy from the perspective of the Diffusion theory. The author differentiates the concepts of “diffusion” and “adaptation”.

Key words: Ural metallurgy, diffusion, adaptation

ИСТОРИКИ О ВЛИЯНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

В статье проанализированы труды историков по проблеме внешнеэкономических связей Урала со странами Западной Европы. Выявлены основные формы, масштабы и особенности хозяйственного взаимодействия региона с европейскими партнерами в начале XX в.

Ключевые слова: историческая наука, международные отношения, внешнеэкономические связи Урала

В начале XX в. возрастала конфликтность и соперничество в отношениях между великими европейскими державами. Главным противником Англии на мировой арене стала Германия, поскольку быстрое экономическое и военное развитие последней дало ей возможность претендовать на политический передел колониального мира, что вызывало противодействие владычицы морей — Великобритании. На Европейском континенте Германия соперничала с Францией, союзницей Англии. Россия также принимала участие в этой борьбе, но, несмотря на выгодное геостратегическое положение, ее промышленно-финансовый потенциал уступал как союзникам, так и конкурентам.

В Европе Россия стремилась предотвратить установление военно-политической гегемонии Германии, прекратить экспансию Австро-Венгрии и Германии на Балканах и установить контроль над средиземноморскими проливами. В 1890-е гг. укреплялся союз России с Францией, а после раздела сфер влияния в Средней Азии (1895 г.) постепенно смягчались отношения и с Англией.

Вполне закономерно стратегию России на мировой арене в значительной степени определяла внутривнутриполитическая ситуация. Основными задачами Российской внешнеполитической концепции являлось сохранение мира в Европе и обеспечение международных условий для быстрого экономического развития страны. Ситуация в стране после революции 1905 г. обусловила стремление российской дипломатии к расширению социальной опоры внешней политики страны путем привлечения, прежде всего, крупной буржуазии. Руководство страны осознавало зависимость успеха внешней политики от внутривнутриполитической стабильности и экономического роста.

К началу XX в., в результате развития международных финансовых связей, мир довольно четко разделился на страны экспортирующие и страны импортирующие капитал. Россия входила в число последних. Для решения задач вывода российского хозяйства из кризиса 1900–1903 гг., преодоления промышленной депрессии 1904–1909 гг. и поддержания экономического

*Лазарева Елена Владимировна

К.и.н., Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; levbugo@mail.ru

подъема, российское правительство осуществляло импорт капитала из европейских стран.

Главной формой ввоза капитала в Россию в начале XX в. являлись государственные займы, а основным кредитором — Франция. В трудах российских ученых присутствуют данные о размерах и условиях займов царского правительства [9]. Цифры внешнего публичного долга России к началу I Мировой войны (в 1913 г.) в публикациях варьируются от 8 млрд руб., по данным авторов исследования предпринимательства в России [13, с. 100] и петербургского экономиста И. М. Бобовича [2, с. 114], до 12,7 млрд руб., по оценкам уральского историка В. П. Мотревича [12, с. 246]. Несмотря на то, что опубликовано значительное количество документов по данной теме и частично эти сведения введены в научный оборот, современные исследователи отмечают закрытость архивных материалов по дореволюционному российскому государственному долгу [9, с. 68].

Подчеркнем, что после 1908 г. произошло резкое сокращение участия германских банков в выпуске русских железнодорожных облигаций. В канун I Мировой войны инициатива в этом отношении перешла к французским и английским банкам [1, с. 9].

Воздействие внешних займов на ход социально-экономического и политического развития страны, как отмечал К. Н. Тарновский, было достаточно пагубным. Это происходило потому, что огромные суммы уходили в качестве процентов по полученным займам, которые выплачивались за счет бюджетных поступлений, не соответствующих росту национального дохода. Повышение налогов вслед за заключением очередного займа за границей — установленная закономерность [16, с. 73].

Что касается ввоза в страну финансового капитала, в исторической литературе говорится, что в 1913 г. из 19 крупных банков России 11 были основаны на иностранном капитале, на них приходилось примерно $\frac{3}{4}$ средств или более 3 млрд руб. [5, с. 221]. По мнению Н. Ванага, заграничные банки вместе с подчиненными им русскими банками представляли компактные национальные группы, боровшиеся за преобладание в русской промышленности с другими национальными банковскими группами [3, с. 79]. Более того, он был убежден, что с упрочением влияния иностранного капитала на русскую банковскую систему инициатива полностью переходит на сторону иностранного, в первую очередь, «антантовского» капитала [3, с. 92].

По мнению исследователей, в отношениях российских и французских банковских групп, общность интересов в одних вопросах переплеталась с борьбой в других, имела место и взаимная корысть, которая была цементирующей основой коммерческих соглашений. Сущность взаимоотношений между русским и европейским финансовым капиталом К. Ф. Шаццлло определял именно как союз, а не безусловное подчинение [19, с. 77].

В отличие от финансовой сферы, во внешней торговле главным партнером России в начале XX в. оставалась Германия, с которой в 1894 г. был заключен торговый договор. Но в начале нового века российско-германские торгово-экономические отношения усложнились. Германия увеличила свои

претензии. В ответ на это Россия приняла антигерманский таможенный тариф (1903 г.). В 1904 г. торговая конвенция между двумя странами все же была подписана, но взаимные претензии не исчезли.

Анализируя проблемы прямых иностранных инвестиций, ученые отмечают, что масштабы сотрудничества иностранного капитала с российскими предпринимателями были неодинаковы на протяжении 1900–1913 гг. В условиях экономического кризиса 1900–1903 гг. произошел отток капитала, но в 1909–1913 гг. по абсолютным размерам западные средства перекрыли показатели начала XX в.

В работах И. М. Бобовича, А. В. Века, А. Г. Донгарова, Т. М. Тимошиной, Э. Г. Чумаченко и др., опубликованных в центральных издательствах, прослеживается следующая динамика западного инвестиционного участия. В начале XX в. иностранный предпринимательский капитал составлял около 900 млн руб., в 1913 г. — примерно 1,5 млрд руб. [8, с. 180], в 1915 г. — уже 2,2 млрд руб. [2, с. 115], а в 1917 г. — 2,5 млрд руб. [4, с. 667].

Уральские историки Е. В. Алексеева, А. Э. Бедель, Д. В. Гаврилов, А. В. Дмитриев, В. П. Мотревич, Л. В. Сапоговская, В. П. Тимошенко и др. на основании подсчета объема иностранного капитала, действовавшего в отечественной промышленности, установили, что в условиях мировой войны, наблюдалась тенденция его сокращения с 29 до 19 % [7, с. 15]. При этом, согласно данным исследований, в 1917 г. доля зарубежных инвестиций варьировалась в пределах 16–19,5 % [12; 15; 18].

К 1917 г. в промышленность России было вложено около 2,5 млрд руб. иностранного капитала. Эти средства распределялись следующим образом: Франция — 31 %, Англия — 24 %, Германия — 20 %, Бельгия — 13 %, США — 5 % [4, с. 668].

Особую роль прямые инвестиции играли в экономике Уральского региона. Проникновение британского капитала на Урал можно разделить на два этапа: первый из них приходился на начало XX в., второй — на годы предвоенного промышленного подъема [11, с. 21]. Особый интерес британского бизнеса, по мнению ученых, вызывали медное и золотоплатиновое производство. Об этом свидетельствуют и данные источников¹. Однако наряду с цветными металлами, хоть и в меньшей степени, британские компании занимались разработкой уральских железорудных месторождений².

В настоящее время научные труды экономической проблематики изобилуют сообщениями о контроле английских финансовых групп Кыштымской, Сысертской и Таналыкской корпораций [10, с. 122]. Перспективность развития цветной металлургии в этих районах была обусловлена наличием уникальных месторождений меди с высоким содержанием благородных металлов. Поэтому именно там возводились мощности по их комплексной

¹ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1622. Л. 15.

²Там же. Д. 1039. Л. 3.

переработке [7, с. 10]. С целью укрепления своего положения группа Гувера-Уркарта сблизилась с российскими банками [6, с. 164; 15, с. 59].

Другая английская фирма — Джонсон, Маттей и К^о купила в 1867 г. большое количество платины, скопившееся на Петербургском монетном дворе, благодаря чему стала монополистом на мировом платиновом рынке. Она диктовала цены уральским платинодобывающим предприятиям, поскольку имела в Англии мощный аффинажный завод и заключала долгосрочные договоры на поставку уральской платины [14, с. 66]. Кроме того, авторами отмечаются факты участия британских специалистов в разведке полезных ископаемых, к примеру, серного колчедана [6, с. 163], а также строительства и реконструкции заводов [10, с. 128].

В 1898 г. была образована Платинопромышленная компания анонимного общества, кредитовавшаяся французскими банками, для приобретения в Верхотурском уезде 150 приисков. Российское правительство предоставило этой компании режим наибольшего благоприятствования, так как она обещала осуществлять аффинажное производство в России, но впоследствии нарушила договоренность и построила платиноочистительный завод в пригороде Парижа — Сен-Дени [6, с. 159; 11, с. 20]. Л. В. Сапоговской было установлено, что под влиянием данной французской компании возникло монополистическое объединение в уральской платиновой промышленности [15, с. 107]. В ее же работах содержатся сведения и о деятельности на Урале «Франко-бельгийской анонимной компании», которая скупала или арендовала прииски и заключала договоры на продажу платины [15, с. 86]. Кроме того, Бельгия была очень заинтересована и в уральском золоте. В 1897 г. заявило о себе «Франко-бельгийское анонимное общество золотых приисков в Кочкаре» [6, с. 159]. Оно успешно работало в течении двадцати лет, не сокращая производство даже в ходе мировой войны³. Кроме того, в начале XX в. действовало бельгийское Общество Уральско-Троицких золотых промыслов. В 1908 г. было образовано в Брюсселе Анонимное общество для аренды золотых приисков.

По мнению уральских исследователей, в начале XX в. банковский и акционерный (в т. ч. западный) капитал завладел большинством горнозаводских округов, способствуя вызреванию предпосылок к преобразованию картелей и синдикатов в монополии высшего типа [6, с. 165]. С точки зрения В. П. Тимошенко, новаторский эксперимент по развитию связей с мировым рынком был удачным ответом на вызов времени. И нельзя не согласиться с ученым в том, что за досоветскую индустриализацию была заплачена приемлемая цена [17, с. 124–125].

Историки убеждены в том, что иностранный капитал восполнил дефицит финансовых средств, явившись тем самым катализатором технологического прогресса и экономического подъема уральской горнозаводской промышленности начала XX в. Однако значительная часть полученной прибыли вывозилась за рубеж, т. е. шла на развитие других стран.

³Там же. Д. 1622. Л. 15.

Анализируя проблему влияния международных отношений на внешне-экономические связи Урала начала XX в., нужно подчеркнуть, что в исторической литературе четко прослеживаются связи между внешнеполитическим курсом и основными внешнеэкономическими партнерами России. Размещение государственных и железнодорожных займов осуществлялось, главным образом, в военно-стратегических странах-партнерах. На них же приходилось более 70 % ввозимого инвестиционного капитала. Таким образом, внешнеполитический союз был во многом обусловлен экономическим взаимодействием на правительственном и предпринимательском уровне.

Библиографический список

1. *Ананьич Б. В., Лебедев С. К.* Участие банков в выпуске облигаций российских железнодорожных обществ (1860–1914 гг.) // Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX — начале XX вв. Л., 1987.
2. *Бобович И. М.* Экономическая история России. 1861–1914. Учеб. пособие. СПб., 1996.
3. *Ванаг Н. Н.* Финансовый капитал в России накануне мировой войны. М., 1925.
4. *Века А. В.* История России. М., 2003.
5. Выбор пути. История России 1861–1938 гг. Екатеринбург, 1995.
6. *Дмитриев А. В.* Иностраный капитал на Урале // Урал. 1993. № 4.
7. *Дмитриев А. В.* Проблемы использования зарубежных инвестиций в экономике Урала. Екатеринбург, 1996.
8. *Донгаров А. Г.* Иностраный капитал в России и СССР. М., 1990.
9. *Дьяконова И. А.* Довоенный публичный долг Российской империи // Финансы. 1998. № 6.
10. *Запарий В. В.* Черная металлургия Урала XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2001.
11. *Моисеев Г. С.* Цветная металлургия Урала (1917–1945 гг.). Екатеринбург, 2003.
12. *Мотревич В. П.* Экономическая история России. Екатеринбург, 2004.
13. Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX в. М., 1997.
14. *Рукосуев Е. Ю.* Золото и платина Урала: история добычи в конце XIX — начале XX в. Екатеринбург, 2004.
15. *Сапоговская Л. В.* Уральская горнозаводская промышленность на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург, 1993.
16. *Тарновский К. Н.* Социально-экономическая история России начала XX в. М., 1990.
17. *Тимошенко В. П.* Прорыв в новую эпоху? Внешнеэкономические факторы в развитии хозяйства Урала на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург, 2008.
18. *Тимошенко В. П., Бедель А. Э.* Опыт использования иностранных инвестиций в хозяйственном развитии страны. Екатеринбург, 1997.
19. *Шаццлло К. Ф.* Иностраный капитал и военно-морские программы России накануне I Мировой войны // Исторические записки. 1963. Т. 69.

E. V. Lazareva

Candidate of Historical Sciences, Ural Federal University (Yekaterinburg,) Russia

Historians about the Influence of International Relations on the External Economic Links of the Urals in the early 20th century

The article analyzes the works of historians on the problem of external economic relations of the Urals with Western Europe. The paper identifies the main forms, scale and specifics of economic interaction of the region with European partners in the early 20th century.

Key words: historical science, international relations, external economic links of the Urals

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И МОДЕРНИЗАЦИЯ

В статье анализируется научно-технический прогресс как историческое явление. Методологической основой для написания статьи послужили теории модернизации и постиндустриального общества. Эти теории позволяют определить роль научно-технического прогресса в цивилизационной динамике России.

Ключевые слова: наука, техника, технология, научно-технический прогресс, цивилизация, модернизация

Осмысление вопроса о роли научно-технического прогресса в цивилизационной динамике России невозможно без опоры на фундамент целого комплекса теорий, накопленных в истории социально-гуманитарной мысли во второй половине XX столетия и ставящих в качестве основной проблему соотношения новаций и традиций в цивилизационном процессе. В 1940–1950-е гг. возникла теория конвергенции, чуть позже, в 1950–1960-е гг., была создана теория модернизации, а теория конвергенции стала рассматриваться в качестве ее частного случая. В 1970-е гг. появилась теория постиндустриального общества, в 1990-е гг. вошла в научный оборот теория глобализации, являющаяся историческим преемником теории конвергенции. Использование накопленного потенциала социальных теорий позволяет представить плодотворную интерпретацию общественных трансформаций в цивилизационной динамике России в контексте конкретно-исторического анализа развития науки и техники [3, с. 303–304].

Научно-технический прогресс как социальный феномен отчетливо проявился в России уже в период протоиндустриализации (XVIII — первая половина XIX в.), когда осуществлялся переход от естественных производительных сил (индивидуальное аграрное и ремесленное производство) к общественным производительным силам, основанным на кооперации и разделении функций в процессе труда (мануфактурное производство). Протоиндустриализация заложила основы того, что преимущественное развитие земледелия на основе использования биологической энергии людей и животных, а также ручного производства изделий с глубокой переработкой (керамика, ткачество) должны были уйти в прошлое. В ходе протоиндустриализации появились такие металлургические базы страны, как Олонецкая (северо-запад), Каширско-Тулская (центр), Уральская. На этапе раннеиндустриальной модернизации (вторая половина XIX — начало XX в.) имел место промышленный переворот (переход к машинному, фабрично-заводскому производству). В конце 1920-х — 1930-е гг. была продолжена раннеиндустриальная модер-

*Виктор Эдуардович Лебедев

Д.и.н., Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; Lebedev_Viktor54@mail.ru

низация («сталинская модернизация»), что было связано с ускоренной индустриализацией [1].

В условиях раннеиндустриальной модернизации происходил переход от традиционной к индустриальной цивилизации. Он был связан с появлением техногенного общества, в котором наблюдались преимущественное развитие массового машинного производства, использующего небиологическую энергию, индустриализация процессов материального взаимодействия людей с природной и социальной средой, т. е. повсеместное распространение машинерии. Заводы и фабрики появились вместо ремесел, тракторы и комбайны — вместо быков и лошадей; паровозы, пароходы и автомобили — на путях сообщений; пушки и танки — на полях сражений.

В эпоху традиционных цивилизаций господствовала локальная структура (микроструктура) мира. В отличие от традиционных цивилизаций с доминированием в них природно-географического фактора развития, техногенные общества распространялись преимущественно в результате их экспансии на остальной мир. Научно-технический прогресс изменил соотношение целей и средств. Промышленное производство из средства стало целью. От его эффективности, уровня развития, от объема валового национального продукта стала зависеть значимость государства в международной иерархической системе, его способность влиять на ход мировых событий. Та цивилизация, которая доминировала в сфере производства, навязывала остальным свою идеологию и культуру как общечеловеческие.

На основе распространения социокультурных и технологических стандартов раннеиндустриальной модернизации происходил процесс универсализации мира. Так, несмотря на существенные различия общественных систем на Западе и СССР, использование западных технологий было одним из важных факторов создания крупной индустрии в нашей стране. Форсированная индустриализация в СССР осуществлялась в годы первых пятилеток не только за счет мобилизации внутренних ресурсов, но и получения западных технологий. В 1923–1933 гг. в тяжелой промышленности СССР было заключено 170 договоров о технической помощи с германскими, американскими, французскими, шведскими и др. компаниями [4, с. 227–233].

Хотя в рассматриваемый период наблюдалось количественное преобладание контрактов с германскими компаниями, страна нуждалась и в индустриальных гигантах американского типа. Такие крупнейшие предприятия, как Днепрогэс, Сталинградский и ряд др. тракторных заводов, Магнитогорский металлургический комбинат, Нижегородский (Горьковский) автозавод являлись предприятиями американского типа и происхождения. Компании International General Electric, Radio Corporation of America, Ford Motor Company, International Harvester, Dupont de Nemours были ведущими зарубежными партнерами СССР. Сталинградский тракторный завод, построенный в 1930 г., был сооружен в США, размонтирован, перевезен и собран под наблюдением американских инженеров. В его оборудовании участвовали более 80 американских машиностроительных компаний и несколько германских фирм.

Технологический проект Нижегородского автозавода выполнила компания Форда, строительный — американская компания Austin. АЗЛК построен в 1930 г. по образцу сборочных заводов Форда. Прототипом «Магнитки» стал принадлежащий компании U.S. Steel Corporation металлургический комбинат в г. Гэри (штат Индиана). Проектированием и строительством Днепрогэса занимались американская инженерно-строительная фирма Cooper Engineering Company и германская компания Siemens [6, с. 297–300]. Построенные с технической помощью западных фирм советские предприятия стали базой развития отечественной промышленности, распространения передового опыта и подготовки кадров.

В эпоху раннеиндустриальной модернизации мир впервые в истории стал единым, и более того — единообразным. На смену его локальной структуре пришла гомогенная макроструктура мира — ранняя цивилизационная конвергенция. Вместе с тем, в процессе утверждения гомогенной макроструктуры мира не могла не иметь место проблема соотношения локального и универсального.

В современной науке принято выделять три «входа» в современность (мировую индустриальную цивилизацию) с точки зрения географического аспекта модернизации: 1) страны Западной Европы, Австралия и Канада, в которых с рубежа XV–XVI столетий был запущен модернизационный процесс; 2) крупные страны, осуществляющие модернизацию на независимой национальной основе, к которым относятся Россия, Япония, Турция, страны Восточной Европы и др.; 3) развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки, где процесс перехода от традиционного к современному обществу сдвинут во времени. Он начался примерно с середины XIX в., а интеграция шла через систему колониализма и зависимости в качестве сырьевого придатка от «центра».

В России как стране второго «входа» в современность модернизация имела место с запозданием и обладала существенными особенностями по сравнению со странами первого «входа». Некоторые из них:

— форсированный, «догоняющий» характер скачкообразности развития по типу «квадратного колеса», меньшая степень органичности;

— импульс развития в значительной степени исходил извне — от мирового «центра», т. е. ушедшего вперед Запада, который выступал не только в качестве примера, но и угрозы. Внутренний экономический стимул возник в связи и со сравнением с Западом;

— источники накопления были связаны с усиленным налоговым обложением, а также с внешними и внутренними займами, что приводило к ужесточению эксплуатации трудящегося населения;

— большое значение имела способность национальной традиционной культуры приспособиться в короткие сроки к процессу изменений, перестроить социально-психологическое состояние массового сознания, сплотить население вокруг общенациональных ценностей [2, с. 326].

В ходе реализации различных вариантов «входа» в современную индустриальную цивилизацию закладывались предпосылки для формирования

единства мира в его многообразии. С середины XX в. происходит становление гетерогенной макроструктуры мира, что сопровождается переходом от симбиоза традиционных и современных социокультурных ценностей к их синтезу, представляющему собой форму современной цивилизационной конвергенции. Если симбиоз осуществлялся в результате преимущественно «имитационного» характера трансформации традиционных цивилизаций, то возникновению синтеза способствует образование среди западных стран собственных центров и образцов развития, не имитирующих Запад.

Современная цивилизационная конвергенция происходит в условиях новой глобальной революции в истории производительных сил — научно-технической революции (НТР), т. е. соединения производительного труда с научным знанием. Со второй половины 1950-х гг., когда развитие происходило под воздействием феномена позднеиндустриальной модернизации (переход к научно-инженерной организации труда и поточно-конвейерному производству), а ее стержнем стала НТР, передовые промышленные государства начали переживать подъем, связанный с техническим и технологическим перевооружением производства, возникновением новых высокотехнологичных промышленных отраслей. В этих условиях СССР вынужден был вновь встать на путь ускоренного развития. В результате имело место преимущественное развитие способов и средств производства с высокой долей научного и информационного обеспечения.

НТР закладывает материальные основы для новой географии модернизационных процессов, которая определяется уже не столько дихотомией «Запад и остальной мир», сколько нарастающим значением в реализации этих процессов отдельных регионов, этносов, меньшинств. При этом следует заметить, что еще не исчезла и роль Запада как «мирового центра», примера, но и угрозы для задержавшихся в своем развитии стран.

Если ранняя цивилизационная конвергенция характеризовалась единством мира в его единообразии, то для современного этапа цивилизационной конвергенции характерно многообразие центров и образцов развития. Их появление в немалой степени обуславливается изменениями технико-технологической и социальной направленности развития производства, задаваемыми НТР. Метахронный характер современного научно-технического прогресса (переход от индустриальной к научно-индустриальной стадии производства) проявляется в том, что отдельные регионы и страны несут в себе черты и прошлых, и современных тенденций развития, сосуществующих вместе. Традиционные производства, ориентированные на крупные предприятия, нуждались в сильной централизации административно-управленческого аппарата и концентрации производства. Гибкие производственные системы, робототехника, ЭВМ, внедряющиеся в современное хозяйство, особенно в так называемые отрасли высоких технологий, могут эффективнее использоваться на небольших предприятиях, обрабатывающих центрах, что вызывает к жизни тенденцию к деконцентрации производства. Обозначившаяся тенденция к «дисперсии» в размещении промышленно-производственного и научно-технического потенциалов требует и децентра-

лизации управления НТП, в связи с чем объективно возрастает «экономическая власть» отдельных регионов и стран [5, с. 191].

Формирование к началу третьего тысячелетия гетерогенной макроструктуры мира еще более актуализировало постановку проблемы соотношения локального и универсального. Так, Россия — евразийская страна и географически, и по составу населения. Но европейский и азиатский компоненты развития России возникают под влиянием не только внутреннего, но и внешнего источника, который преобладает. Глобальный вызов Запада заставляет Россию давать два взаимосвязанных ответа: вестернизироваться, модернизироваться и уходить в свою евразийскую континентальность. Модернизация, даже просто ее финальный и предельный образ, не предполагает превращение России в Запад. Во-первых, потому что евразийское «тело» тянет Россию назад от Европы, а, во-вторых, потому что западный путь уникален, он осуществился в определенном регионе в определенных условиях.

Попытки либерал-демократов в 1990-е гг. слепо скопировать этот путь обернулись массовой деиндустриализацией. В эти годы либерал-демократы, оказавшись у власти, вместо курса на постепенное завершение позднеиндустриальной модернизации (овладение высокими технологиями) поспешно взяли на вооружение концепцию постиндустриального общества, что привело к гибели половины индустриального потенциала страны, т. е. к ее деиндустриализации и ликвидации социального государства. Жертвой рыночных реформ в России стало рабочее население городов, Хотя этого трудно было ожидать по всем меркам и критериям эпохи модерна — население индустриальных центров связано с локомотивами индустрии.

Либерализм оказался тем самым учением, которое проводит селекцию людей внутри системы модерна и находит изгоев среди тех, кто уже поверил в свою принадлежность к современности. Поэтому Россия нуждается в модернизации, сохраняющей ее собственную сущность и идентичность. Последняя не может мыслиться только как славянская или русская, а раскрывается в терминах обширной евразийской территории и населяющего ее суперэтноса. Интересы России нельзя идентифицировать с интересами ни одной из образующих ее этнокультурных общностей, так как они наднациональны, следовательно, речь может идти только о геополитических координатах [7, с. 271–275].

В новом мире с его гетерогенной макроструктурой одним из определяющих мега-трендов, оказывающих влияние на модернизационные процессы в конкретных странах, выступает глобализация, отсчет которой ведут с начала 1990-х гг. Она определяет характер и направленность современного периода цивилизационной конвергенции и характеризуется тем, что экономика перестает быть национальной (ограниченной рамками одного государства), а становится мировой; такой же характер обретает экономический и финансовый рынок, а также разделение труда в его международном масштабе. За послевоенный период обороты международной торговли росли втрое быстрее, чем валовой внутренний продукт развитых стран, а объемы международных финансовых трансакций — вчетверо быстрее, чем торговые потоки. Парал-

тельно с этим коммуникации, средства массовой информации (особенно спутниковое телевидение) ведут к глобализации культуры, информации, науки. Глобальная экономика предполагает огромную роль в производстве науки и информационных технологий. Глобальный рынок формируется, прежде всего, наукоемким продуктом, новой экономикой, основанной на знании.

Глобальная экономика — это «клуб модернизированных» стран. Согласно ее логике, догонять и имитировать — значит обрекать себя на все более увеличивающееся отставание. В глобальную же экономику могут войти только чемпионы мирового развития, хотя бы в одном виде продукта, особенно уникального высокотехнологичного продукта. Например, мало что может измениться, если просто производить компьютеры, которые уже есть, только немного лучше, или немножко хуже. Это ведет к изолированности и замкнутости. Прорыв в глобальную экономику требует выступать с чем-то, чего нет на мировом рынке [7, с. 363].

Прорыв России в глобальную экономику в контексте современного научно-технического прогресса бесперспективен и исторически безнадежен, если она сконцентрирует усилия на любом относительно простом производстве, так как оно имеет относительно большие издержки. Новые технологии развиваются чрезвычайно ускоренно, и для тех, кто желает занять место в глобальной экономике, скорость технологического обновления чрезвычайно высока и обязательна. Россия может концентрироваться только на сложном производстве, чтобы реализовать имеющийся интеллектуальный потенциал и нейтрализовать обозначившиеся в условиях глобализации негативные факторы, связанные с отставанием в своем развитии от мирового центра.

Библиографический список

1. *Алексеев В. В.* Уральская металлургия в эпоху протоиндустриализации // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VI Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2004.
2. *Баженова Н. Н.* Изучение реформ 1860-70-х гг. в курсе истории России в контексте концепции модернизации // Историческое образование на современном этапе: проблемы и перспективы модернизации. X Междунар. ист.-пед. чтения. Екатеринбург, 2006.
3. *Добреньков В. И., Кравченко А. И.* История зарубежной социологии. М., 2005.
4. Индустриализация Советского Союза. Новые документы, новые факты, новые подходы / под ред. С. С. Хромова. Ч. II. М., 1999.
5. *Лебедев В. Э.* Научно-техническая политика региона: опыт формирования и реализации. Свердловск, 1991.
6. Россия и США: экономические отношения, 1917–1933: сб. документов. М., 1997.
7. *Федотова В. Г.* Хорошее общество. М., 2005.

V. E. Lebedev

Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia)

Scientific and Technical Progress and Modernization

The article analyzes the scientific and technical progress as a historical phenomenon. The methodological framework of the paper is based on the theories of modernization and postindustrial society. These theories allow determining the role of scientific and technical progress in the civilizational dynamics of Russia.

Key words: science, technics, technology, scientific and technical progress, civilization, modernization

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ В 1930–1950-е гг.

В статье рассматриваются особенности модернизационных процессов на Европейском Северо-Востоке. Предпринята попытка междисциплинарного анализа с учетом современных научных теорий.

Ключевые слова: индустриализация, модернизация, ГУЛАГ, мобилизационная экономика, хозяйственные стратегии

Догоняющая форсированная модернизация, осуществляемая в СССР, в литературе часто именуется «сталинской». Это связано с особенностью российской власти и политической культуры, которым в разной степени на разных этапах присущи авторитарные черты. Однако феномен догоняющей форсированной модернизации не является исключительно советским изобретением, а свойственен всей российской модернизации в целом. И. Валлерстайн указывал на логическую преемственность Сталинско-Виттевского курса догоняющей индустриализации, несмотря на разную фразеологию. Эту преемственность ученый усматривал в стратегических целях модернизации: создание военно-индустриальной империи [2, с. 33].

Российский тип модернизации можно отнести к модернизации неорганической [11, с. 32] (вторичной). Именно такой тип модернизации характерен для стран догоняющего развития. Внешним источником для такой модернизации служит успешный пример Запада. Это находит свое подтверждение в известной формуле советских времен «догнать и перегнать». Осуществляется такая модернизация «сверху», развитие идет неравномерно, механизм развития — мобилизация. Поэтому можно говорить о государственно-мобилизационной модели модернизации, осуществляемой в нашей стране до последнего времени.

Характер неорганической индустриализации на Европейском Северо-Востоке подтверждает и то, что в конце 1920-х гг. сама идея промышленного освоения территории с упором на угольную и нефтяную отрасль была продиктована принятием плана форсированной индустриализации, не опиралась на демографические и географические возможности региона, не была основана на местных традициях.

Главное богатство этого региона составлял лес. Промыслы, связанные с переработкой вторичных лесопроductов, были основным занятием местного населения, поскольку возможности для развития земледельческого производства в силу природно-климатических причин были крайне ограничены. Вместе с тем здесь исторически сформировались условия для развития лес-

*Любовь Анатольевна Максимова

К.и.н., Институт истории и права Сыктывкарского государственного университета, Сыктывкар, Россия; lmaks@syktsu.ru

ной промышленности. Для ее эффективного развития, как показывал опыт Швеции, Финляндии и др. стран, имелись огромные резервы. Наиболее дальновидные представители биржевых, земских, городских учреждений ставили вопрос о хозяйственной интеграции Европейского Севера и Западной Сибири [3, с. 16]. В ходе специального совещания членов Архангельского Общества изучения Русского Севера было высказано следующее предложение: чтобы Север оживал нормально «ему не следует задаваться грандиозными задачами строительства, рассчитывать на лежащие где-то тайные богатства и к ним приравнивать масштаб своей экономической программы. Лучше прогрессировать без скачков, без риска, увеличивать свои богатства постепенно...»¹.

Но стране, строящей социализм, нужны были полезные ископаемые, для разработки которых на Европейском Северо-Востоке не имелось ни материальных, ни финансовых предпосылок. Создание добывающих отраслей в регионе осуществлялось силами исправительно-трудовых лагерей. Заимствование и внедрение новых форм производства и освоения не явилось культивированием на готовой почве, оно стало экспериментом мобилизационного характера и частично механическим переносом системы, апробированной на строительстве Беломорканала и др. объектов.

Конкретно-исторические исследования индустриальных процессов в исследуемый период в регионе выявили как общие, так и особенные черты. В региональной модели индустриализации на первых этапах наблюдаются явные признаки протоиндустриализации, обусловленные как объективными, так и субъективными обстоятельствами. Это выразилось, прежде всего, в большом удельном весе ручного труда на лагерных производствах, в высокой себестоимости продукции.

Для того, чтобы судить о характере и результатах модернизации, необходимо определить исходный уровень этносоциального и промышленного развития Коми области. В Коми АО в середине 20-х гг. XX в. доминировало сельское и этнически однородное население, что являлось специфической чертой Коми. Другой ее специфической чертой являлась малая плотность населения в сравнении с Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губерниями, исключая Заполярье, что вполне закономерно для Северо-Восточной части региона. В частности, в Усть-Сысольском уезде плотность населения составляла 0,6 чел. на 1 кв. версту, в Яренском — 0,9. Для сравнения: в Грязоведском — 15,5, в Вологодском — 32,4 [6, с. 9]. Ведущая роль в народном хозяйстве Коми области принадлежала лесной промышленности, с преобладанием конно-ручного труда. Легкая промышленность была представлена лишь небольшими заводами местного значения (Сереговским солеваренным, Ньючимским чугунолитейным, Усть-Усинским консервным и Усть-Цилемским замшевым)².

Коми АО стала объектом колонизации и спецколонизации, проводившихся по инициативе центральных и местных властей в конце 1920-х гг. По

¹Известия Архангельского общества по изучению Русского Севера. 1910. № 12. С. 66.

²Коми АССР 60 лет: стат. сб. Сыктывкар, 1981. С. 4.

данным Н. М. Игнатовой, к октябрю 1930 г. спецпереселенцы в Коми АО составляли 19 % населения области [5, с. 65].

В конце 1930-х гг. среди участников спецколонизации стали доминировать заключенные. Проблема дефицита рабочей силы решалась путем направления в малообжитые районы огромного потока спецконтингента (спецпереселенцы, заключенные, административно высланные и др.), которых можно было в короткие сроки направить куда угодно и заставить выполнять любую самую тяжелую работу [14, с. 10]. В процессе освоения природных ресурсов на территории Республики Коми ГУЛАГом был создан мощный производственный комплекс. В разные годы исследуемого периода в освоении природных богатств было задействовано 19 самостоятельных структур: экспедиция ОГПУ, лагеря НКВД (МВД), управления лагерей НКВД (МВД) [8, с. 14-19].

В течение 1930–1950-х гг. помимо расширения системы лагерей на территории Коми АССР произошло несколько лагерных реорганизаций, обусловленных изменениями в отраслевой структуре промышленности Республики. Были выделены самостоятельные лагерные отделения, где была сосредоточена добыча нефти и газа, угля, радиевой воды, строительство железной дороги, сельскохозяйственное производство.

Что касается хозяйственных стратегий ГУЛАГа, то они не оставались неизменными. Это была тотальная индустриализация Северного края, в т. ч. Коми, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Управлением Северных лагерей особого назначения, которая сменилась установкой на комплексное освоение Печорского района единым многопрофильным лагерем Ухтпечлагом. А затем, во второй половине 1930-х гг., произошел поворот к производственной специализации более мелких, относительно компактных лагерей, обслуживающих различные промышленные отрасли, строительство железной дороги и др. Смена хозяйственных стратегий ГУЛАГа на Европейском Северо-Востоке обуславливалась необходимостью решения той или иной первоочередной экономической задачи и не была связана с переосмыслением опыта репрессивной политики. Хозяйственные стратегии ГУЛАГа определялись в центре: об этом свидетельствует длинный перечень постановлений ЦК ВКП (б), СНК, СТО, конкретизированных в приказах НКВД. Только за годы войны их вышло более 10³.

Стратегии эти были подчинены цели создания новой топливной базы на севере страны — это было нужно для обеспечения обороноспособности государства. Но при реализации спущенных сверху программ игнорировались интересы местного населения. И по инерции 30-х гг. XX в. так продолжалось вплоть до 1970-х гг. Соблюдения баланса интересов центра и окраин не существовало. К тому же все это осуществлялось случайными эмиссарами, не знавшими местных условий, которым были чужды местные традиции. Четкой комплексной концепции экономического, политического и культурного развития национального региона также не существовало.

³ГАРФ. Ф. 9401. Оп.1 а. Д. 91, 93, 110, 135, 140-143, 155, 164.

В лагерных хозяйствах также была создана ремонтно-техническая база для индустриализации, силами заключенных осуществлялось строительство железных дорог, портов и аэродромов [9, с. 72]. Железнодорожный лагерьный комплекс в Коми АССР обеспечил форсированное железнодорожное строительство, которое также осуществлялось лагерным методом. Ввод в эксплуатацию Северо-Печорской железной дороги в значительной мере обеспечил железнодорожным транспортом Европейский Северо-Восток СССР. Это сформировало благоприятные условия для социально-экономического развития региона, укрепления обороноспособности страны.

У истоков создания таких отраслей промышленности как нефтегазовая (Н. Н. Тихонович, В. В. Кудряшов, И. И. Стрижов), угольная (В. А. Хрущ, Прядкин), радиевая (Ш. И. Гинзбург, Ф. А. Торопов) стояли репрессированные ученые. Это позволило силами лагерей осуществить грандиозные хозяйственные проекты, аналогов которым в СССР до этого не было. Именно в лагерях была разработана и осуществлена на практике шахтная добыча тяжелой нефти — ценнейшего сырья для лакокрасочной промышленности. Именно в Коми было впервые начато получение радия из радиеносных вод в Ухтинском районе. Производство радия имело стратегическое значение для оборонной промышленности страны. Важнейшим экспериментом, осуществленным лагерями было и строительство подвешенного нефтепровода. Были и другие важные проекты, реализованные силами лагерей. Все это позволяет говорить об очевидных признаках модернизации и с точки зрения технологически прогрессивных новаций [7, с. 61]. Хозяйственная деятельность лагерей привела к тому, что из лесосырьевого придатка Республика Коми превратилась в топливно-энергетическую базу страны с развитой промышленностью.

В значительной мере за счет насильственной миграции населения решались и проблемы урбанизации. В 1959 г. в Республике проживало уже 815 тыс. чел. (вместо 225 тыс. в середине 1920-х гг.), из них 484 тыс. — в городах. Появились современные города: Ухта, Воркута, Печора и Инта⁴. В сфере урбанизации и градостроительства также имелась своя специфика [1, с. 69-79]. Место возникновения городов определялось наличием сырьевых запасов, либо сведений о потенциальных запасах природных ресурсов на конкретной территории. Так, Ухта возникла как центр нефтяной отрасли, Воркута и Инта — центры угольной промышленности, Печора — железнодорожный узел, Сосногорск — центр газопереработки, поселок Водный — центр радиевой отрасли.

В литературе представлено мнение, что государственно-мобилизационная модель модернизации не всегда была несостоятельной. Она дала позитивные результаты в 1930-е гг. (если абстрагироваться от ее социальной и политической цены) и сопровождалась отдельными принципиально важными успехами. Недостаточность этой модели была окончательно признана на первом этапе правления Л. И. Брежнева, что и вызвало к жизни косыгинские реформы [12, с. 5]. Аналогичные суждения имеются в зарубеж-

⁴Коми АССР 60 лет... С. 6.

ной литературе. В частности, И. Валлерстайн отмечал, что создание военно-индустриальной империи было достигнуто, причем где-то в 1960-х гг. даже население СССР, не говоря о внешнем мире, готово было признать, что страдания были не напрасны [2, с. 32]. Теодор фон Лауэ писал: «Все же надо признать, что послереволюционный режим с большой умелостью ухватил крупные задачи России, конечно, с еще большими крупными жертвами» [4, с. 232].

А. И. Патрушев акцентирует внимание на противоречивости и неоднозначности хода модернизации. Модернизация, по его мнению, это всего лишь общее понятие, это – идеальный тип, примеривая который к реальной истории надо учитывать, что этот процесс трансформации наполнен противоречиями, конфликтами, успехами и катастрофами, прогрессом и провалами варварства [10, с. 66]. А. Т. Тертышный и А. В. Трофимов указывают на явную оригинальность содержания, темпов и способов советской модернизации, отмечая, что в целом она вписывалась в традиционную мобилизационно-распределительную модель развития российского общества [13, с. 484].

При сопоставлении имеющиеся в литературе оценочные суждения о характере и методах индустриального освоения северных территорий СССР представляется возможным предположить, что в значительной степени сохраняется техногенный подход к анализу данной проблемы. В то же время сегодняшние реалии и перспективы дальнейшего освоения севера требуют активного использования антропологического подхода, чтобы избежать повторения прошлых ошибок.

Несмотря на широкомасштабную хозяйственную деятельность лагерей, имевшую определенные успехи в отдельные периоды в индустриализации края, в целом лагерную индустриализацию следует считать неэффективной. Она оказалась неспособной стать основой для создания высокоэффективной экономики.

Постиндустриальные реальности настоятельно требуют разработки совершенно новой модели освоения Европейского Северо-Востока. Эта модель должна окончательно преодолеть сохраняющееся до настоящего времени потребительское отношение Центра к северным территориям, в т. ч. и к Республике Коми. Одним из перспективных направлений развития региона является его превращение в субъект, а не только объект в сфере регулирования освоения природных ресурсов.

Библиографический список

1. Беловол А. А., Максимова Л. А. Градообразование в Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар, 2012.
2. Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика // Свободная мысль. 1996, № 5.
3. Власов А. В. Проблема индустриального развития регионов и роль государства в этом процессе (на примере русского севера) // Индустриализация в России. Информ. бюллетень науч. семинара. № 2. М., 1997.

4. *Гиндин И. Ф.* Концепция капиталистической индустриализации России в работах Теодора фон Лауэ // История СССР. 1971, № 4.
5. *Игнатова Н. М.* Осуществление политики спецпереселения и изменение в составе и численности спецпереселенцев — «бывших кулаков» в середине 1930-х — 1950-е гг. // Покаяние. Мартиролог. Т. 4, Ч. 2. Сыктывкар, 2001.
6. *Коротаев В. И.* На пороге демографической катастрофы: принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 30-е годы XX века. Архангельск, 2004.
7. *Максимова Л. А., Лямцева Л. В.* ГУЛАГ как фактор модернизации на Европейском Северо-Востоке. М., 2011.
8. *Максимова Л. А.* Индустриализация в Коми: опыт анализа. Сыктывкар, 2005.
9. *Максимова Л. А.* Лагеря и индустриальное освоение севера // Вестник Сыктывкарского университета. 1997. Вып. 2.
10. *Патрушев А. И.* Теории модернизации и их модернизация // Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 3. М., 2000.
11. *Пономарев М. В., Смирнов С. Ю.* Европейская индустриальная цивилизация в XIX в. «Закат Европы». М., 2000.
12. *Согрин В. В.* 1985–2005: три превращения современной России // Отечественная история. 2005. № 3.
13. *Тертышный А. Т., Трофимов А. В.* Россия: образы прошлого и смыслы настоящего. Екатеринбург, 2012.
14. *Упадышев Н. В.* ГУЛАГ на Архангельском Севере. 1919–1953 гг. Архангельск, 2004.

L. A. Maksimova

Candidate of Historical Sciences, Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russia)

Industrial Modernization on the European North-East in the 1930s — 1950s

The paper deals with the specific features of modernization processes of the European North-East. The author makes an attempt of interdisciplinary analysis using modern scientific theories.

Key words: industrialization, modernization, GULAG, mobilization economy, economic strategies

КОЛЕБАНИЯ РОЗНИЧНЫХ ЦЕН КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ УРОВНЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ГРАЖДАН СССР В 1947–1985 гг. (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Статья посвящена влиянию ценового фактора на самый приоритетный показатель уровня жизни населения. Автор исследовал данную зависимость на протяжении длительного исторического периода существования СССР — с первых послевоенных лет до начала радикальных социально-экономических реформ («перестройки»).

Ключевые слова: розничные цены, товары, дефицит, доходы и расходы, материальная обеспеченность

Первые послевоенные годы запечатлелись в памяти граждан СССР не только огромными трудностями послевоенного восстановления страны, но и несколькими последовательными снижениями розничных цен на товары первой необходимости. Таких снижений на продукты питания и промышленные товары в 1947–1954 гг. было произведено семь. Как и размещение государственных займов, они всегда сопровождались мощной пропагандистской кампанией. С экономической точки зрения, такое волонтаристское снижение цен, никак не согласованное с рынком, имело противоречивый эффект по отношению к городскому и сельскому населению. А это, в свою очередь, еще больше противопоставляло город селу и не способствовало декларируемому властями процессу «сглаживания» различия в качестве жизни этих двух категорий населения.

Противоречие это состояло в том, что, с одной стороны, городские жители имели явную выгоду от снижения цен (если не брать в расчет снижение объемов «колхозного» рынка). Но, с другой стороны, оно крайне болезненно затрагивало интересы крестьянства, так как следствием такого снижения было падение цен на продукцию их личных подсобных хозяйств — мясо, молоко, масло, овощи. При этом государство, забирая у колхозов продукцию за бесценок, тем самым создавало колхозникам непреодолимую конкуренцию, заставляя их реализовывать произведенные ими продукты по низким ценам. Неудивительно, что после очередного такого снижения цен в информации, отправленной в ЦК КПСС, сообщалось, что «существенных изменений цен на колхозных рынках не произошло, подвоз сельскохозяйственных продуктов небольшой»¹.

К тому же, одновременно со снижением цен, были введены ограничения на разовые покупки. Так, Постановлением Совмина СССР № 3867 от

*Владимир Николаевич Мамяченков

Д.и.н., Институт государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н.Ельцина, Екатеринбург, Россия; mamychenkov@mail.ru

¹ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 53. Д. 112. Л. 76.

14 декабря 1947 г. устанавливались следующие предельные нормы продажи продовольственных и промышленных товаров в одни руки: хлеба — 2, макарон и круп — 1, мясопродуктов — 1, соли — 1, колбас и копченостей — 0,5, сметаны — 0,5 и сахара — 0,5 кг, масла растительного — 400 г, керосина — 2 и молока — 1 л, яиц — 5 шт., хлопчатобумажных тканей — 6 м, ниток на катушках — одна катушка, чулок (носок) — две пары, обуви (кожаной, резиновой и т. д.) — по одной паре каждой, спичек — 2 коробка, мыла хозяйственного — 1 кусок [3, с. 35; 4, с. 98].

Вообще все послевоенные снижения розничных цен говорили еще не о повышении уровня благосостояния, а только о приближении к довоенному его уровню. Но чтобы доказать эту мысль и избежать при этом ошибок, необходимо учитывать в рассуждениях не только динамику товарных цен, но и динамику доходов населения, а также степень доступности товаров для граждан. Типичная ошибка исследователей обычно состояла в том, что они анализировали только первый из перечисленных нами факторов — динамику товарных цен. Действительно, даже в 1953 г. почти все розничные цены на продукты питания и промышленные товары были выше, чем в 1940 г. (см. табл.). Но, с другой стороны, и доходы граждан в 1953 г. были совсем другими. Немаловажно и то, что в первые послевоенные годы денежные доходы большинства граждан практически не росли или увеличивались медленно. Отсюда следует, что снижения цен в конце 1940-х — начале 1950-х гг. должны были бы выступать важным фактором повышения материального уровня жизни населения.

Таблица

**Розничные цены на основные продукты питания в России
в 1940 и 1953 гг., руб./кг**

Виды продуктов	Годы	
	1940	1953
Мука	2,00	2,25–3,25
Картофель	0,60	0,45
Сахар	5,50	10,05
Мясо	10,40	12,60
Молоко	2,30	2,43
Масло растительное	12,90	18,80
Яйцо, шт.	0,50	0,78

Таблица составлена по: *Алексеев В. В., Букин С. С.* Рост благосостояния рабочих Сибири в условиях строительства развитого социализма. Новосибирск, 1980. С. 97–98; *Уралов В. М.* Уровень жизни нашего народа в 1913–1993 гг.: аналитический справочник. М., 1995. С. 24–25.

Но здесь надо учитывать еще один важный фактор — доступность товаров для населения. Влияние этого фактора было крайне негативным и касалось значительной части населения страны: в большинстве городов и сел гражданам был доступен лишь предельно узкий ассортимент товаров широ-

кого потребления (исключение составляли Москва, Ленинград, столицы союзных республик и отдельные населенные пункты). Таким образом, ежегодные снижения цен еще не делали промтовары более доступными для многих граждан.

Вот характерное высказывание, сделанное Водочниковым, слесарем из Каменска-Уральского, в 1949 г. после очередного снижения: «Очень хорошо, что цены на многие товары вновь снижаются. Я уже предварительно подсчитал, что в течение трех месяцев могу вполне выделить необходимое количество средств на покупку велосипеда и радиоприемника, но где можно достать эти вещи? Их почти никогда не бывает в магазинах Каменска-Уральского, а поехать за ними в областной центр совершенно не имею возможности»². Такое положение сохранилось и в более поздние годы. Например, в 1957 г. товарооборот по Свердловску составил 4,2, а по области — 5,5 млрд руб., т. е. 76 % областного товарооборота приходилось на областной центр³. Таким образом, почти за любой серьезной покупкой жителям области надо было ехать в Свердловск.

Примерно такой же дефицит наблюдался и в продовольственной сфере, хотя объемы продаж вследствие снижения цен (в т. ч.) возрастали. Например, в 1951 г. населению Свердловской области было продано товаров на 250 млн руб. больше, чем в предыдущем, 1950-м. При этом потребление мяса, как сообщил Облстат, за год возросло на 44, колбасных изделий — на 28, сахара — на 24, жиров животных — на 16 и кондитерских изделий — на 15 %⁴. Но и этого роста (даже при условии достоверности приведенных цифр) было крайне недостаточно. Именно об этом говорят строки из архивного документа, датированного 1951 г.: «Несмотря на то, что в сравнении с IV кварталом 1950 г. увеличилась продажа продовольственных товаров в государственной торговой сети, ... спрос населения был неудовлетворен, т. к. поступление в это время сельскохозяйственных продуктов на колхозные рынки резко снизилось»⁵.

Для того, чтобы наглядно продемонстрировать рост покупательной способности населения в первые послевоенные годы, мы построили два графика (см. рис. 1-2). По этим графикам хорошо видно, какое количество отдельных продуктов питания граждане могли приобрести на свои доходы в разные годы. Они показывают динамику изменения покупательной способности рабочих семей Свердловской области. Например, молока рабочие семьи уже в 1947 г. могли покупать гораздо больше, чем в последнем предвоенном году. По другим же продуктам тенденция превышения уровня доходов 1940 г. четко обозначилась только 10 лет спустя — к 1950 г. Таким образом, уровень корреляции между снижениями цен и потреблением продуктов питания был довольно неоднозначным.

²ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 45. Д. 219. Л. 1-2.

³Там же. Оп. 58. Д. 196. Л. 12, 16, 79.

⁴Там же. Оп. 57. Д. 121. Л. 33.

⁵Там же. Оп. 49. Д. 136. Л. 34.

Среднедушевые количества молока, муки ржаной и яиц, которые могла приобрести семья рабочего промышленности Свердловской области на свой годовой доход в 1940-1953 гг.

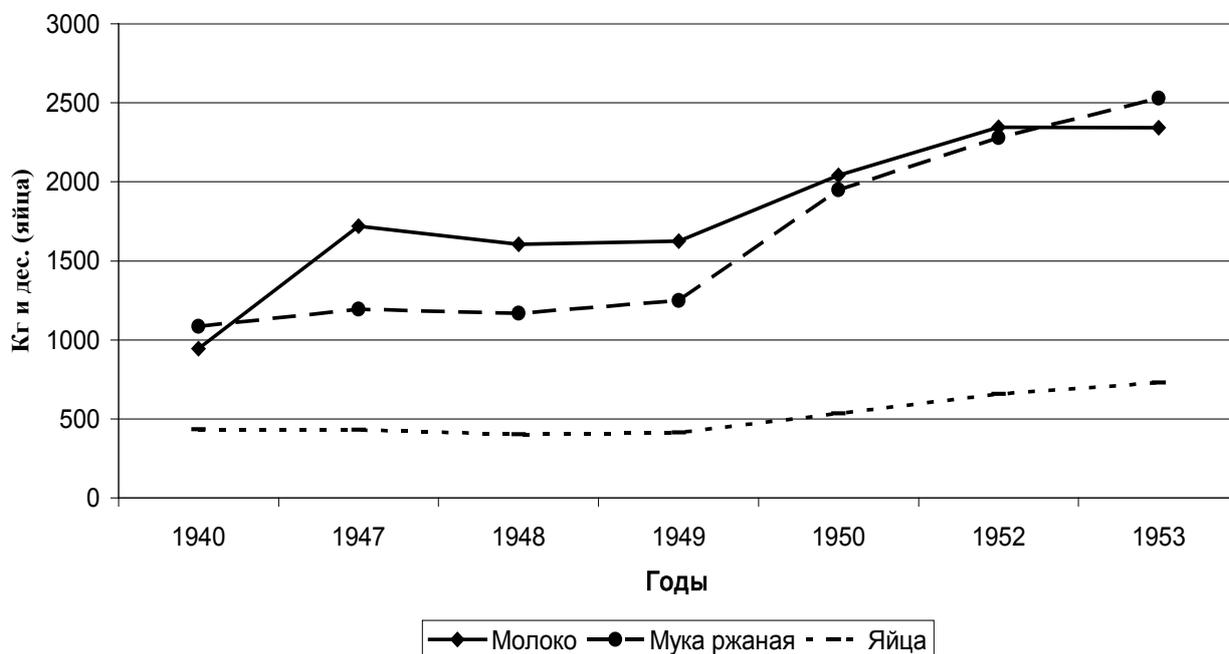

График составлен по: *Алексеев В. В., Букин С. С.* Указ. соч. С. 97–98; ГАСО. Ф. Р-1813. Д. 2789. Л. 5–6, 35; Динамические ряды по рабочим промышленности 1952–1968 гг.

Довоенный уровень потребления был достигнут в первую послевоенную пятилетку только по трем видам продуктов: по сахару — в 1948 г., а по мясопродуктам и кондитерским изделиям — в 1950-м (речь идет только о тех продуктах, потребление которых в годы войны снизилось). По другим подобным продуктам этот уровень был достигнут еще позже: по фруктам, ягодам и рыбопродуктам — в 1951-м, а по яйцам — только в 1953 г. В связи с этим нельзя не привести такой интересный факт: во время очередного снижения цен в 1949 г. на собрании работников хлебозавода в Свердловске кем-то из трудящихся был задан прямой вопрос: «Сколько нужно еще времени для установления цен довоенного времени?»⁶ Это высказывание говорит о том, что наиболее прозорливые граждане уже тогда оценивали снижение цен как пропагандистский прием советского правительства, создающий только видимость экономического благополучия.

⁶Там же. Оп. 45. Д. 219. Л. 41.

Среднедушевые количества сахара и мяса, которые могла приобрести семья рабочего промышленности Свердловской области на свой годовой доход в 1940-1953 гг.

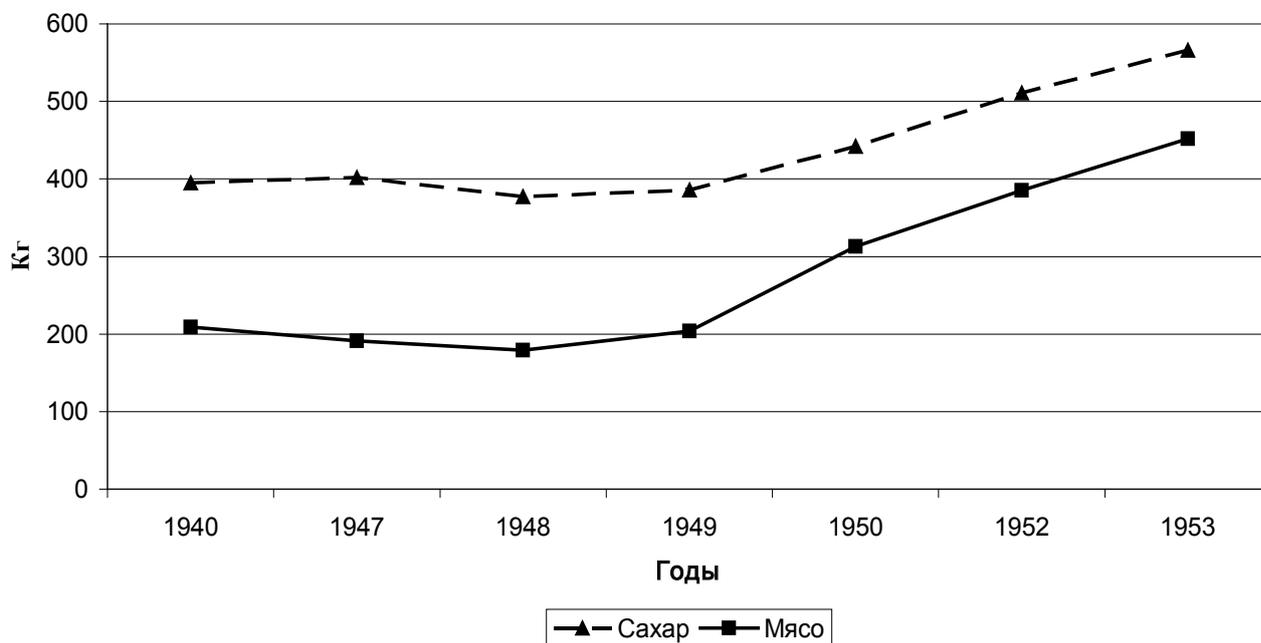

График составлен по: *Алексеев В. В., Букин С. С.* Указ. соч. С. 97–98; ГАСО. Ф. Р-1813. Д. 2789. Л. 5–6, 35; Динамические ряды по рабочим промышленности 1952–1968 гг.

Конечно, население приветствовало снижения цен, хотя ассортимент товаров в магазинах порой трудно было назвать даже недостаточным — в ряде случаев он был просто примитивным. С 1 апреля 1954 г. снова было объявлено об очередном снижении цен⁷ (как оказалось — последнем в истории страны; в дальнейшем цены в СССР только росли). Областные партийные власти сообщали в Москву: «Грудящиеся Свердловской области с большой радостью и чувством патриотической гордости встретили постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС «О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары»». Но завершилось сообщение уже в другом тоне: «Несмотря на оживление торговли, отсутствовали в продаже рыба свежая и соленая, колбасные изделия, картофель и овощи, недостаточно в продаже готового платья и трикотажа, совершенно не было радиоприемников, тюлекружевных изделий, эмалированной посуды, кроватей и мебели»⁸.

Можно сделать вполне очевидный вывод: важнейшим фактором, который во многом нивелировал снижение розничных цен, был перманентный товарный дефицит — неотъемлемый атрибут экономики командно-административного типа. Этот дефицит товаров широкого потребления со-

⁷Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) «О новом снижении розничных цен на продовольственные и промышленные товары» // Правда. 1954. 1 апр.

⁸ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 53. Д. 112. Л. 71, 74–76.

хранялся на протяжении всего исследуемого периода, хотя, конечно, менялась степень его остроты и несколько обновлялся перечень дефицитных товаров. Товарный дефицит часто был предметом обсуждений на различных партийно-хозяйственных совещаниях. Например, в 1958 г. на областном совещании работников торговли говорилось, что «...в магазинах не найдешь электроплитки, не найдешь керамики, и только двух сортов электролампочки», «...с оберточной бумагой также очень плохое положение»⁹.

Тотальный товарный дефицит и недостаточная эффективность экономического механизма в целом рано или поздно должны были привести к росту цен. Первое масштабное их повышение на продукты питания было произведено с 1 июня 1962 г.: постановлением Совмина и ЦК КПСС повышались розничные цены на мясомолочные продукты, в частности, на мясопродукты – в среднем на 30 и на масло животное — на 25 %. Такое существенное повышение на фоне и без того слабого и недостаточного обеспечения продуктами вызвало самую негативную реакцию населения, крайним проявлением которой стали события в Новочеркасске¹⁰. В ряде источников утверждается, что результатом этого повышения цен стало сокращение потребления населением мясомолочных продуктов [2, с. 164]. Это утверждение нам представляется достаточно спорным: по крайней мере, в Свердловской области в семьях рабочих и колхозников после 1961 г. потребление указанных продуктов практически не снизилось. Скорее, здесь можно говорить о стагнации потребления этих продуктов в первой половине 1960-х гг. Таким образом, рост их потребления был задержан повышением цен на пятилетие.

Подспудное повышение цен продолжалось и в дальнейшем. Так, на рубеже 1960–1970-х гг. на 100 % были повышены цены на услуги такси (с 10 до 20 коп. за км поездки), увеличилась стоимость авиабилетов, некоторых других товаров, работ и услуг. При этом цены нередко фактически повышались потому, что исчезали дешевые товары: вместо них безальтернативно предлагались аналогичные по качеству, но более дорогие. По повышенным ценам продавались и товары, имевшие государственный «Знак качества».

Второе масштабное повышение цен было произведено с 1 июля 1979 г. и касалось уже в основном предметов роскоши. Так, были повышены цены на изделия из серебра — на 95, изделия из золота, натурального меха, ковровые изделия — на 50, импортную гарнитурную мебель — на 30, легковые автомобили — на 18 %. Параллельно на 100 % повышались вечерние расценки в кафе и ресторанах. В одном из документов ЦК КПСС о повышении цен было сказано, что «...это вынужденные меры в связи с трудностями в сбалансировании роста денежных доходов населения с объемом производства товаров народного потребления и услуг, а также — необходимостью упорядочения торговли дефицитными товарами и усиления борьбы со спекуляцией и взяточничеством».

⁹Там же. Оп. 58. Д. 196. Л. 12, 16, 79.

¹⁰В этом городе 2 июня 1962 г. была расстреляна мирная демонстрация населения, протестовавшего против плохого обеспечения товарами первой необходимости. При этом было убито 26 и казнено по приговору суда 7 участников демонстрации. Общее число осужденных составило 105 чел. — В. М.

А. С. Черняев (будущий помощник первого Президента СССР М. С. Горбачева) по этому поводу записал в дневнике: «Скоро еще повысят цены на предметы роскоши: машины, мебель, меха, золото... По закону личной политекономии это сразу скажется на тех, кто покупает на рынке лук, репу, огурцы, картошку, а потом, по закону инфляции, и на ценах ширпотреба. ...Ни разу ни одно такое “мероприятие” не давало искомого эффекта: два-три месяца поступления в бюджет увеличиваются, а потом все опять “как было”, зато растут коррупция, цинизм, хищничество. Например, если раньше за мебельный гарнитур в магазине брали в лапу 10 % стоимости, то теперь уже 100 %... “С мест” идет поток писем, все более требовательный и угрожающий. Например, “не думайте, что у русского народа терпение беспредельно”...» [6, с. 366].

С началом 1980-х гг. цены росли уже перманентно (хотя поначалу и достаточно медленно), превратившись фактически уже в долговременный фактор влияния на материальные условия жизни населения. Так, в 1981–1985 гг. розничные цены на овощи возросли в среднем по стране на 4,4, хлеб — на 6,6, картофель — на 7,9, кондитерские изделия — на 11,6 %. За тот же период цены на телевизоры увеличились на 10, а хлопчатобумажные ткани — на 17,9 % [2, с. 167].

Библиографический список

1. Алексеев В. В., Букин С. С. Рост благосостояния рабочих Сибири в условиях строительства развитого социализма. Новосибирск, 1980.
2. Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006.
3. Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.
4. Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945–1985. М., 2007.
5. Уралов В. М. Уровень жизни нашего народа в 1913–1993 гг.: аналитический справочник. М., 1995.
6. Черняев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 гг. М., 2010.

V. N. Mamyachenkov

Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia)

Fluctuations of Retail Prices as a Factor of Changing of the Level of Material Security of the USSR Citizens in 1947–1985 (on the example of Sverdlovsk Region)

The article is devoted to the influence of price factor on the highest priority indicator of living standard. The author investigated this dependence throughout the long historical period of existence of the USSR — from the first post-war years prior to radical social and economic reforms («reorganization»).

Key words: retail prices, goods, deficiency, income and expenses, material security

СУКОННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX в.)

В статье рассказывается о зарождении и развитии фабричного производства сукна в Пермской губернии во второй половине XIX — начале XX в., о предпринимательской деятельности производителей сукна — купцов Андреевых, Злоказовых и Ушковых, а также о конкурентной борьбе между ними.

Ключевые слова: предпринимательство, фабричное производство сукна, Пермская губерния, конкуренция

Промышленное производство сукна на территории Пермской губернии длительное время не имело сколько-нибудь значительного масштаба. В середине первой половины XIX в. в губернии действовало лишь 2 фабрики, занимавшиеся производством сукна. Обе фабрики были собственностью В. А. Всеволожского. Первая фабрика, основанная в 1818 г., находилась в сельце Сивенском Оханского уезда, а вторая, пущенная в ход в 1826 г., располагалась близ Пожевского металлургического завода, находившегося в Соликамском уезде. Оба предприятия занимались производством грубого сукна, которое почти полностью шло на одежду для крестьян и мастеровых В. А. Всеволожского. На современников эти предприятия впечатления не произвели: они их нашли «маловажными»¹.

В условиях незначительного местного производства сукна потребность населения в нем долгое время удовлетворялась за счет привозных тканей, которые в основном доставлялись из Московской и Петербургской губерний. Во второй половине XIX в. началось активное проникновение на уральский рынок суконных тканей, произведенных на фабриках Гродненской и Петроковской губерний. Вышеназванные губернии были основными центрами российского сукноделия. Наиболее крупные предприятия были сосредоточены в Подмоскovie: 48 фабрик ежегодно выдавали продукции на 11,4 млн руб. 5 фабрик Петербургской губернии давали продукции на 2,4 млн руб. Производительность 162 фабрик Гродненской губернии равнялась 2,2 млн руб.² Еще один крупный центр сукноделия действовал в Царстве Польском. Только в Петроковской губернии имелась 121 фабрика: их совокупный объем производства равнялся на 2,1 млн руб.³

Сукно из Подмоскovie и других центров российского сукноделия, прежде чем попасть на Урал, проделывало весьма долгий путь. Значительные

*Владимир Петрович Микитюк

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; vmikitjuk@mail.ru

¹Состояние фабрик и заводов Пермской губернии в 1828 г. // Журнал мануфактур и торговли. 1830. № 8. С. 72.

²Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. СПб., 1887. С. 16.

³Там же. С. 647.

накладные расходы и наличие посредников являлись главными причинами дороговизны сукна на уральском рынке. Это обстоятельство и растущий спрос на сукно подтолкнули некоторых предпринимателей к сооружению суконных предприятий.

Первым конкретные шаги в данном направлении предпринял купец М. К. Ушков, известный уральский мукомол. Во второй половине 1850-х гг. он построил в селе Арамиле Екатеринбургского уезда предприятие, получившее название «Знаменская суконная фабрика». На первых порах оно было небольшим и по производственным площадям, и по объему производства, и по ассортименту выпускаемых изделий. М. К. Ушков постепенно расширял производство, улучшал фабричное оборудование. Кроме того, он сумел обеспечить свое предприятие сырьем — бараньей шерстью (джебагой), закупавшейся на территории Акмолинской и Семипалатинской областей.

Со временем фабрика М. К. Ушкова обрела репутацию солидного и процветающего предприятия. Из бараньей и верблюжьей шерсти оно производило сукно серого, черного и желтого цветов, а также драп, трико и твин. Готовая продукция сбывалась в Екатеринбурге и Москве, а также на Ирбитской, Крестовской и Нижегородской ярмарках. В 1870-е гг. объем производства на ушковской фабрике колебался от 150 до 182 тыс. аршин сукна. Иногда этот показатель увеличивался. Так, в 1872 г. предполагалось произвести до 300 тыс. аршин⁴. В 1872 г. М. К. Ушков составил духовное завещание. Согласно этому документу, его основное имущество, в т. ч. и суконное предприятие, переходило в нераздельное владение к сыновьям — Дмитрию, Евтихию, Константину и Льву. Наследники, выполняя волю отца, учредили торговый дом «Братья Ушковы» и продолжили эксплуатацию фабрики. Фирма некоторое время действовала вполне удачно, но затем ее положение осложнилось из-за периодического появления новых конкурентов.

В 1872 г. инвестиции в текстильную отрасль осуществил купец А. Г. Ушков, построивший суконную фабрику близ г. Шадринска. Не располагая солидными капиталами, А. Г. Ушков был вынужден действовать поэтапно, постепенно расширяя предприятие и модернизируя его оборудование. К середине 1880-х гг. на ушковской фабрике были установлены 11 чесальных машин, 3 мюль-машины и 80 ткацких станков. Это позволило довести объем производства до 100 тыс. аршин солдатского сукна. В денежном выражении объем производства оценивался в 80 тыс. руб.⁵

В конце 1870-х гг. суконное предприятие основали великобританские подданные В. Е., И. Е. и Ф. Е. Ятесы. Новая фабрика была размещена на окраине Екатеринбурга. В начале 1880-х гг. предприятие работало на полную мощность, а затем было остановлено. Короткий срок существования фабрики Ятесов объясняется давлением со стороны суконных фабрикантов Ушковых и Злоказовых. Известные виноторговцы Злоказовы в 1879 г. купили в Екатеринбурге бездействовавшую Надеждинскую мануфактурную фабрику

⁴ГАСО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 90. Л. 13 об.

⁵Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. СПб., 1887. С. 16.

Н. И. Севастьянова, произвели капитальный ремонт всех помещений, привезли и смонтировали оборудование. В начале 1880-х гг. Уральская суконная фабрика была пущена в ход и начала выпуск грубого сукна.

Таким образом, в начале 1880-х гг. в Пермской губернии действовали 4 суконные фабрики. Из них 1 находилась в Шадринском уезде, а остальные 3 — в Екатеринбургском уезде. Кроме того, в 1881 г. начала функционировать Никольская суконная фабрика Я. П. Андреева, расположенная в Туринском округе Тобольской губернии. Большая часть продукции нового предприятия продавалась в Пермской губернии. Немалая его часть привозилась в Екатеринбург. В 1883 г. читателям «Екатеринбургской недели» регулярно попадались на глаза рекламные объявления такого содержания: «Сукно вновь устроенной Никольской фабрики Я. П. Андреева поступило в продажу в Екатеринбурге в магазинах Ф. Ф. Соловьева, С. М. Бурдакова, Е. Е. Емельянова, а также оптом в своей конторе против женской гимназии»⁶.

Сооружение новых суконных фабрик привело к резкому обострению конкуренции, которая несколько ослаблялась неритмичной работой суконной фабрики Злоказовых. Предприниматели, стараясь исправить ситуацию, поставили во главе фабрики горного инженера И. И. Тибо-Бриньоля, который сумел устранить все недочеты и наладить ее бесперебойную работу. К концу 1880-х гг. на Уральской суконной фабрике было установлено большое количество разнообразного оборудования, в т. ч. 1 паровая машина в 50 л. с., 3 турбины общей мощностью в 150 л. с., а также 1 трепальная и 4 ваточные машины. Кроме того, на фабрике имелись 3 сельфактора на 900 веретен, 3 ватера на 600 веретен, 6 мочных и 1 ворсовальная машина, 70 ручных и 10 самоткацких станков и проч. оборудование. Это позволило Злоказовым ежегодно перерабатывать до 150 тыс. пуд. бараньей шерсти (джебаги) и ежедневно изготавливать до 500 аршин сукна⁷.

Обострение конкурентной борьбы привело к закрытию фабрики Ятесов, а также поставило в сложное положение торговый дом «Братья Ушковы», который не располагал необходимым оборотным капиталом. Фирма погрязла в долгах, достигших 880 тыс. руб. В 1877 г. по делам Ушковых было создано конкурсное управление, которое в течение 5,5 лет сумело расплатиться с большинством долгов. Оно передало кредиторам 561 тыс. руб. наличными и 250 тыс. аршин сукна. В 1882 г. конкурсное управление было ликвидировано, а Арамильская суконная фабрика была возвращена прежним владельцам, которые к этому времени ликвидировали торговый дом и учредили вместо него полное товарищество «Братья Ушковы».

Фабрика, вернувшаяся к прежним владельцам и без долгов, и без оборотного капитала, подвергалась все более массивному давлению конкурентов. Это вынудило Ушковых сократить объем производства и снизить численность трудового коллектива. Если в первой половине 1880-х гг. на

⁶Екатеринбургская неделя. 1883. 23 февр.

⁷Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. Екатеринбург. 1889. С. 752–753.

фабрике трудились 200 рабочих, то в 1890 г. трудовой коллектив сократился до 70 чел. Объем производства также заметно снизился: в 1890 г. было произведено всего 45 тыс. аршин сукна на 36 тыс. руб.⁸ Кроме того, братьям вновь пришлось прибегнуть к займам, которые удалось получить, заложив фабрику виноторговцу и винокуренному заводчику М. Ф. Рожнову. Своевременно расплатиться с кредитором Ушковым не удалось, и Арамильская суконная фабрика стала собственностью М. Ф. Рожнова.

Виноторговец не собирался заниматься суконным производством и в 1895 г. перепродал предприятие братьям Злоказовым, которые благодаря этой покупке превратились во владельцев 2 суконных фабрик и крупнейших производителей сукна в Пермской губернии. Некоторое время Злоказовы эксплуатировали оба предприятия, а затем решили сконцентрировать производство сукна в Арамиле. Первоначально это планировалось сделать очень быстро. В 1901 г. осведомленный житель Арамии свидетельствовал: В самом непродолжительном времени Уральская фабрика Злоказовых, находящаяся близ Екатеринбурга, будет переведена в наше село и будет составлять одну фабрику с существующей Знаменской⁹. Однако, в 1901–1903 гг. объединение фабрик, сопровождавшееся сооружением новых цехов и переносом оборудования из столицы Урала в Арамиле, не было завершено. Лишь в 1904–1905 гг. этот процесс был доведен до логического конца, и в Арамиле начало работать суконное предприятие, самое крупное во всем Урало-Сибирском регионе.

К этому времени у Злоказовых было только два конкурента: наследники Я. П. Андреева, фабрика которых по-прежнему находилась в Тобольской губернии, и А. Г. Ушков, переместивший в начале 1890-х гг. свое предприятие в с. Камышевское Екатеринбургского уезда. Все вышеназванные производители сукна сбывали основную массу продукции на ярмарках, в крупных городах и заводских поселках Пермской губернии. Немалая часть сукна поступала на Ирбитскую ярмарку. Сюда же привозилось сукно Никольской фабрики Андреевых. В 1893 г. Злоказовы привезли в Ирбит до 25 тыс. аршин сукна. Вся партия была продана еще до завершения деятельности ярмарки¹⁰.

Оптовые покупатели, убедившиеся в высоком качестве продукции местных сукноделов, не только скупали все привезенное на ярмарку сукно, но и делали закупки еще не произведенной продукции. Подобная практика именовалась закупками «на воду». В 1893 г. Злоказовы, продав 25 тыс. аршин сукна, одновременно получили немало заказов на будущие изделия. Благодаря этому все сукно, которое они могли произвести по 1 июня 1893 г., оказалось проданным в феврале того же года. Также обстояло дело с продукцией их основных конкурентов. Андреевы, продав наличное сукно, тоже набрали много заказов на будущее. Последних было так много, что Ан-

⁸Указатель фабрик и заводов Европейской России. Материалы для фабрично-заводской статистики. СПб., 1894. С. 19.

⁹Урал. 1901. 15 февр.

¹⁰Ирбитский ярмарочный листок. 1893. 18 февр.

дреевы 15 февраля 1893 г., т. е. за полмесяца до окончания ярмарки, прекратили прием заказов «на воду»¹¹.

С вводом в 1896 г. в строй железнодорожного участка Челябинск — Екатеринбург для сукноделов Пермской губернии наступили непростые времена. Присоединение к всероссийской железнодорожной сети сделало Средний Урал намного более доступным для продукции суконных фабрик Центральной России и Царства Польского. Активное проникновение на уральский рынок начали лодзинские суконные фабрики. Их продукция, менее качественная, чем изделия уральских сукноделов, продавалась по более низким ценам, нежели сукна Злоказовых, Ушковых и К^о.

Активное железнодорожное строительство принесло сукноделам Пермской губернии и другие проблемы, в т. ч. весьма крупные. Долгое время они без особых сложностей обеспечивали свои предприятия джебагой, закупаемой в Акмолинской и Семипалатинской областях. С постройкой новых железных дорог закупкой сырья в этих областях занялись сукноделы Московской и Петербургской губерний. Их предприятия в основном производили тонкое сукно, для производства которого не требовалась грубая шерсть. Реакцией местных животноводов на данную ситуацию стала ставка на тонкорунное овцеводство при одновременном сокращении поголовья баранов. В 1911 г. специалисты, констатируя рост поставок шерсти для производителей тонкого сукна, отметили, что на уральский рынок казахской шерсти «доставляется все меньше и меньше»¹².

Все эти обстоятельства негативно влияли на положение суконных фабрик Пермской губернии, заставляя их владельцев искать выход из сложившейся ситуации. Так, владельцы Арамильской фабрики, которой ежемесячно требовалось до 7 тыс. пуд. шерсти, к закупкам шерсти в Акмолинской, Семиреченской и Семипалатинской областях добавили приобретение аналогичного сырья на Кавказе¹³. Кроме того, сукноделы продолжали вести конкурентную борьбу, которая, в основном, сводилась к попыткам Злоказовых ослабить позиции соперников. В 1904 г. разорились Андреевы. Их суконная фабрика попала в руки конкурсного управления. В 1908 г. Злоказовы приобрели это предприятие и немедленно закрыли его.

К началу I Мировой войны в Пермской губернии действовало 2 суконные фабрики. Одна из них, Камышевская, принадлежала наследникам А. Г. Ушкова, а вторая, Арамильская, с 1910 г. являлась собственностью В. П. Злоказова. А. А. Ушкову, основному владельцу Камышевской фабрики, было сложно конкурировать с В. П. Злоказовым: он постепенно терял свои позиции на рынке, что вынуждало его сокращать объем производства сукна. В. П. Злоказов, напротив, расширял производство, делая это в основном за счет установки нового оборудования. В октябре 1914 г. на его фабрике имелось 16 комплектов чесальных машин «Контаню», 18 комплектов прядиль-

¹¹Ирбитский ярмарочный листок. 1893. 20 февр.

¹²Обзор Екатеринбургской товарной горнопромышленной биржи за 1911 год. Смета на 1912 год. Екатеринбург, 1912. С. 239.

¹³ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 160 а. Л. 13 об.

ных машин, 400 ручных ткацких станков и 93 самоткацких. Кроме того, на предприятии действовало необходимое количество валяльных, стригальных, моечных и сушильных машин. Это позволяло В. П. Злоказову ежегодно производить до 1 млн аршин сукна. Так, в 1913 г. фабрика Злоказова произвела 1 588 шт. одеял, 180 656 аршин бобрика, 277 869 аршин трико, 454 349 аршин грубого гладкого сукна. Всего было произведено 914 462 аршина сукна разных сортов¹⁴.

Давление конкурентов на пермских сукноделов продолжало расти, поэтому перспектива их дальнейшей деятельности становилась все более туманной. I Мировая война и крупные военные заказы на время облегчили положение суконных фабрик Пермской губернии. Скорее всего, после окончания войны пермским сукноделам вновь бы пришлось окунуться в борьбу с конкурентами. Шансов на победу у них было немного. Судьба распорядилась иначе. С установлением советской власти обе фабрики были национализированы: Камышевская вскоре была перепрофилирована, а Арамильская фабрика была превращена в одного из флагманов текстильной промышленности Урала.

Во второй половине XIX — начале XX в. в Пермской губернии было построено сравнительно немного суконных предприятий, часть из которых вскоре была закрыта. Суконная отрасль Пермской губернии, представленная небольшим количеством предприятий, тем не менее, сыграла заметную роль в насыщении урало-сибирского рынка грубым сукном и изделиями из него. Кроме того, она содействовала расширению экономических связей Пермской губернии с соседними и отдаленными регионами, а также помогла ослабить диспропорцию в развитии горнозаводского и негорнозаводского секторов губернской промышленности.

V. P. Mikityuk

Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)

The Cloth Industry of Perm Province (the Second Half of the 19th – Early 20th century)

The article describes the origin and development of factory production of cloth in the Perm region in the second half of the 19th — early 20th century. The author considers entrepreneurship of manufacturers of cloth – merchants Andreevy, Zlokazovy and Ushkovy as well as the competition between them.

Key words: entrepreneurship, factory production of cloth, Perm province, competition

¹⁴Там же. Л. 13.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ УРАЛ НА СТРАНИЦАХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ XIX–XXI ВВ.

В статье анализируются 35 учебников XIX–XXI вв., на страницах которых в исторической динамике рассматривается промышленное развитие Урала. Актуализируется проблема пониженного внимания авторов учебников к Уральскому региону в настоящее время.

Ключевые слова: Урал, промышленность, школьный учебник истории

Промышленный Урал играл и играет значимую роль в экономическом развитии страны, начиная с XVIII в. Цель данной публикации — показать, насколько полно отражена роль региона в учебных изданиях XIX–XXI вв. Источниковой базой для статьи послужили свыше 30 учебников истории, изданных в дореволюционный период, советское время и в условиях новой России.

Авторами школьных учебников в различные исторические эпохи были известные историки. Во второй половине XIX — начале XX в. в числе таковых можно назвать С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Д. И. Иловайского, С. Е. Рождественского, С. Ф. Платонова и др. Ни один из указанных авторов не занимался специально проблемами экономического развития России, поэтому страницы промышленной истории государства в их учебных трудах представлены достаточно скромно. Так, к примеру, в «Учебной книге русской истории» С. М. Соловьева (1859) встречается лишь одно предложение: «Что касается до мануфактурной промышленности, то до Петра мы встречаем ничтожное число заводов, тогда как после его смерти находим 233 фабрики и завода, казенных и частных» [31].

В учебнике Д. И. Иловайского (1875) представлен раздел «Естественные произведения, торговля и промышленность», в котором констатируется, что заводская и фабричная промышленность в XVII в. «была еще весьма мало распространена в Московском государстве и находилась большей частью в руках иностранцев. Первые железоплавильные заводы устроены в царствование Михаила Федоровича голландским купцом Винусом около Тулы» [15, с. 302]. Упоминания о Ницинском заводе, самом первом в России железодельном предприятии, построенном сыном боярским Иваном Шульгиным в 1629–1630 гг. на р. Нице (ныне — Ирбитский район Свердловской области) [34, с. 362], в данном издании нет. О развитии промышленности в эпоху Петра I в учебнике Д. И. Иловайского приведено единственное утверждение о том, что при Петре I было «основано более 200 фабрик и заводов» [15, с. 326].

*Изабелла Станиславовна Огоновская

К.и.н., Специализированный учебно-научный центр Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; izabella-irto@mail.ru

Вместе с тем в учебном издании С. Е. Рождественского (1895) выделен целый раздел из трех страниц под названием «Торговля и промышленность», в котором идет речь об утверждении берг-коллегии, мануфактур-коллегии, многих льготах для промышленников, освобожденных от разных пошлин и налогов, получивших право покупать крестьян к заводам и т. д. Единственная упомянутая в этом разделе фамилия — заводчик Демидов, который «пользовался особенным расположением и покровительством царя» [29, с. 335–336]. Дополнительного пояснения, кто такой Демидов и чем вызвано расположение царя к нему, в тексте нет. В учебнике В. О. Ключевского (1910) нам не удалось обнаружить упоминания о развитии промышленности вообще [19], а С. Ф. Платонов в «Учебнике русской истории для средней школы» (1917) один раз упоминает Урал, когда пишет о том, что при Петре I «были впервые оценены минеральные богатства Уральских гор» [27, с. 244].

Авторами советских учебников также были известные историки: А. М. Панкратова, М. В. Нечкина, И. Б. Берхин, И. А. Федосов, Б. А. Рыбаков. Из них только А. М. Панкратова опосредованно занималась проблемами экономического развития России¹. В целом же данный аспект в учебных изданиях этого периода был представлен гораздо шире. Так, А. М. Панкратова и ее соавторы писали (1962), что «большое количество казенных металлургических заводов было построено на Урале. Там же основал ряд заводов бывший тульский оружейный мастер Никита Демидов. Административным центром Урала был Екатеринбург (теперь Свердловск). Впоследствии он стал крупнейшим центром металлургического производства». Характеризуя экономическое развитие первой половины XIX в., эти же авторы отмечали, что центром «русской металлургии продолжал оставаться горнозаводской Урал, производство которого было основано на крепостном труде и отсталой технике» [24, с. 24, 151].

В учебнике М. В. Нечкиной и П. С. Лейбенгруба (1975), как и в учебнике Д. И. Иловайского, указано, что первые железодельные заводы были построены около Тулы и Калуги, и обозначено, что к 1725 г. в России насчитывалось свыше 200 различных мануфактур, что новые крупные железодельные заводы были построены в Олонецком крае, близ города Тулы, на Урале [23, с. 134, 174].

В указанном выше учебнике А. М. Панкратовой подробно рассказывается, что «первая в России железная дорога и первый отечественный паровоз были построены в 1833–1835 гг. на нижнетагильских заводах выдающимися русскими мастерами-новаторами Ефимом Алексеевичем Черепановым и его сыном Мироном Ефимовичем. Труды Черепановых поставили нашу страну в число первых четырех стран мира, которые ввели железные дороги с паровой тягой: Англия, Соединенные Штаты Америки, Франция и Россия». Далее

¹А. М. Панкратова занималась проблемами рабочего движения в России, историей западноевропейского пролетариата; М. В. Нечкина специализировалась на истории декабристов, революционных движений в России XIX в.; И. Б. Берхин занимался проблемами военной истории России и СССР, классовой борьбы в России в XIX — начале XX в.; сферой научных интересов И. А. Федосова было революционное движение в России во второй четверти XIX в., русская культура, история Московского университета; Б. А. Рыбаков изучал историю и культуру славян и Древней Руси.

следует классовая оценка действий правительства: «Но замечательный почин нижнетагильских механиков Черепановых не нашел поддержки со стороны крепостнического правительства. Раболепствуя перед границей, царское правительство предпочитало выписывать паровозы для первых железных дорог из Англии» [24, с. 154].

Во второй половине XIX в. уральская промышленность начала отставать. Конкуренцию ей составила промышленность Украины. Как указывали А. М. Панкратова и ее соавторы, с 90-х гг. XIX в. начала развиваться добыча криворожской железной руды, которая создала основу быстрого роста украинской металлургии. «В результате вложения в нее крупных франко-бельгийских капиталов украинская металлургия обогнала горнозаводской Урал» [24, с. 277]. Отметим, что иллюстрируя схожий вывод, современный автор М. Н. Зуев приводит следующие данные: доля промышленности Урала в металлургическом производстве России снизилась с 67 % в 70-х гг. до 28 % в 1900 г. [13, с. 9].

В учебнике Б. А. Рыбакова и его коллег (1985) несколько страниц текста посвящены экономическому развитию России в первой четверти XVIII в., присутствует фраза о том, что «за первую четверть XVIII столетия были открыты месторождения медной руды (главным образом на Урале) и пущены в ход медеплавильные предприятия». Здесь же приведен портрет Никиты Демидова работы неизвестного художника и надпись под ним: «Разбогатевший тульский оружейный мастер Никита Демидов при Петре I стал родоначальником династии крупнейших заводладельцев на Урале» [30, с. 206, 207].

В учебнике И. А. Федосова (1986) присутствуют два больших раздела, посвященные экономическому развитию России в первой и во второй половине XIX в., в которых идет речь о развитии промышленности в целом, промышленном перевороте и его завершении. История уральской промышленности XIX в. представлена в первом разделе картиной П. Худоярова «Кричный и листовый цех Нижнетагильского завода», во втором разделе — единственным предложением: «Старая металлургическая промышленность Урала, основанная на крепостном труде и рутинной технике, значительно отставала в своем развитии» [35, с. 47, 136].

В учебных изданиях новой России картина промышленной жизни России в целом и Урала, в частности, выглядит более разнообразно. В. И. Буганов и П. Н. Зырянов (1995) пишут, что в области промышленности «при Петре I появилось много нового. На первое место в металлургии выдвинулся быстро развивавшийся Урал. Старые районы, Тульский и Олонецкий, отходили на второй план. Впервые широко развернулась добыча меди на Урале и в Карелии». Характеризуя регион после Петра I, эти же авторы отмечают, что интенсивное развитие промышленности на Урале продолжалось, что некоторые металлургические предприятия имели внушительные размеры: «Самое крупное из них — Екатеринбургский завод на Урале — имело 37 цехов, выпускало железо разных сортов, сталь, медь, чугунное литье, проволоку, гвозди и др.». Они же констатируют, что в первой половине XIX в. горнозаводская и металлургическая промышленность России «размещалась в основном на Урале, Алтае и в

Забайкалье». Рассматривая проблему развития промышленности России в 1860–1870-е гг., эти авторы дают нелестную оценку уральским горнозаводчикам, которые, по их мнению, давно сомкнулись с верхами аристократии, привыкли проживать свои доходы в столицах или за границей и стали недостаточно вкладывать капиталовложения в предприятия. Результатом этого стало снижение производства железа в первые годы после отмены крепостного права, замедленные темпы развития уральской промышленности, а причиной — затянувшаяся перестройка уральской промышленности [3, с. 33, 79, 122, 222].

Н. Н. Лазукова и О. Н. Журавлева (2010) отмечают, что в конце XVIII в. Урал был основным центром отечественной металлургии. По выпуску и продаже чугуна Россия занимала одно из ведущих мест в мире. Добыча металла служила основой для развития других видов производства, например, оружейного, судостроительного [20, с. 10]. Подтверждая эту мысль, А. А. Данилов (2011) пишет о том, что в первой половине XIX в. уральская металлургия давала стране 82 % металла [7, с. 100]. Е. В. Пчелов (2002) отмечает, что «уральское железо обладало очень высоким качеством... было мягким и прочным, легко поддавалось ковке, а поэтому пользовалось спросом за границей» [28, с. 145].

Промышленный Урал 1900–1920-х гг. практически не представлен на страницах школьных учебников, и внимание авторов к этому региону возрождается только при рассмотрении процессов сталинской модернизации. Особое место не только в советских, но и учебниках постсоветского периода отведено годам первых пятилеток. Так, в книге для чтения и работы «Наш Союз (СССР)» (1930) целый раздел называется «За индустриализацию», и в нем наряду с фабриками Иваново-Вознесенска, заводом «Красное Сормово» упоминается и Урал: «Урал имеет громадные запасы железной руды. Здесь уже более 200 лет назад появились первые заводы по выплавке чугуна. В годы гражданской войны заводы эти были разрушены. Теперь Урал быстро оживает и из года в год повышает добычу железной руды и выплавку чугуна». Чуть далее по тексту на четырех страницах приводится очерк под названием «На уральском заводе». О каком заводе идет речь, понять трудно, однако присутствует фотография Нижне-Тагильского завода [22, с. 88, 91–94].

Практически во всех учебных изданиях в качестве достижений индустриализации названы пущенные в строй Уральский завод тяжелого машиностроения, Магнитогорский металлургический комбинат, химические комбинаты в Соликамске и Березниках, Уральский вагоностроительный завод, Среднеуральская ГЭС, Челябинский тракторный завод [2, с. 300; 11, с. 167, 169, 170; 12, с. 144; 14, с. 166; 25, с. 220, 227; 33, с. 173]. А. А. Данилов, Б. Г. Пашков отмечают и факт создания в СССР «второго угольно-металлургического центра», топливом для которого служил уголь Кузбасса, а руда доставлялась с Урала, из горы Магнитной [8, с. 170; 26, с. 190, 192–193].

В некоторых учебных изданиях присутствует и более подробная информация о некоторых гигантах пятилеток. Так, Л. Н. Жарова и И. А. Мишина (1992) пишут, что срок пуска Магнитогорского завода правительство сократило на год с тем, чтобы первые две домны дали металл

1 октября 1931 г. Вместо рабочего поселка было решено построить город Магнитогорск на 150 тыс. жителей. К Магнитке было приковано внимание всей страны, о ней ежедневно писали газеты. Составы шли с надписями: «Магнитогорск — вне очереди!», «Магнитка — доставка срочная!» [10, с. 278].

Авторы учебников 2000-х гг. стали представлять более реальную картину индустриализации. Так, О. В. Волобуев и его соавторы (2001) пишут, что крупные промышленные гиганты в годы первых пятилеток возводили специалисты, итээровцы, комсомольцы, вчерашние крестьяне, спецпереселенцы, политические и уголовные заключенные. «Строительные площадки казались гигантскими муравейниками, где люди копали землю лопатами, нагружали на деревянные повозки — знаменитые грабарки и бесконечной вереницей перемещали их с места на место. Жили в палатках, бараках... Работали в жару и лютый холод, в болотной топи и ледяной воде...» [4, с. 153, 154]. В более позднем учебнике этого же автора (2008) приведены воспоминания В. А. Каверина, приехавшего в Магнитогорск, чтобы собрать материал о том, как строился «социалистический город»: «Ясно видя прямую связь между ростом кладбища и ростом комбината, я как бы старался не видеть эту связь — и, стало быть, бродил по строительству с закрытыми глазами» [5, с. 164]. Н. В. Загладин и его соавторы (2010) констатируют, что «в годы первых пятилеток Главное управление лагерей (ГУЛАГ) ежегодно привлекало к принудительному труду около 1 млн заключенных, еще около 1 млн насчитывалось в спецпоселках» [12, с. 145].

Уральская промышленность в годы Великой Отечественной войны представлена на страницах школьных учебников разных эпох еще более развернуто. Коллектив авторов под руководством А. М. Панкратовой (1963) писал об этом периоде так: «В Магнитогорске были построены новые мощные домны. В Челябинске возник крупнейший металлургический комбинат. Многие старые заводы Урала были заново реконструированы. Урал превратился в мощный арсенал Советской Армии» [25, с. 273]. В учебнике под редакцией М. П. Кима (1977) приводились более конкретные данные: «Главным арсеналом страны был Урал. На его заводах производилось до 40 % всей военной продукции, 60 % средних и 100 % тяжелых танков. Только заводы Танкограда за время войны дали Красной Армии 18 тыс. танков и САУ, 48 тыс. танковых дизельных моторов. Урал производил танков и САУ больше, чем вся Германия вместе с оккупированными странами» [17, с. 81–82].

Практически во всех учебниках представлен сюжет об эвакуации промышленных предприятий, однако количество эвакуированных предприятий указывается разное: у А. М. Панкратовой речь идет о сотнях промышленных предприятий, эвакуированных на Восток, у М. П. Кима — о 1,5 тыс. предприятий, перебазированных на Урал, в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. О. В. Волобуев и В. А. Шестаков также оперирует цифрой 1 500 эвакуированных предприятий, при этом первый пишет об их переправке на Восток в целом, а второй — о предприятиях, перевезенных в Поволжье, на Урал и в Сибирь [4, с. 211; 17, с. 44; 25, с. 272; 36, с. 204]. Более солидную цифру (2 593 предприятия) называют А. А. Данилов, А. В. Филиппов (2009),

уточняя, что это количество эвакуированных на Восток предприятий в течение только июля–декабря 1941 г. [6, с. 374]. Конкретная цифра эвакуированных на Урал предприятий в изученных нами учебных изданиях не приводится. Вместе с тем уральский исследователь А. В. Сперанский пишет, что к осени 1942 г. на территории Урала были размещены более 830 предприятий [32, с. 267], т. е. почти $\frac{2}{3}$ перебазированных с запада и из центра страны предприятий.

История уральской промышленности в послевоенный период представлена на страницах школьных учебников совсем кратко. В. Д. Есаков и его соавторы (1988) отмечают, что в декабре 1949 г. на «Уралмаше» был создан сверхмощный шагающий экскаватор, заменявший труд семи тысяч землекопов, трудовая «биография» которого началась летом 1950 г. на строительстве Волго-Донского канала [9, с. 135]. В учебнике М. П. Кима (1977) встречаются сведения о том, что в 1950-е гг. на Урале вступил в строй действующих Орско-Халиловский металлургический комбинат, а в 1970-е гг. в Оренбургской области и Коми АССР осваивались новые источники газа [17, с. 221].

В современных учебниках можно встретить и ранее не использовавшуюся информацию. Так, В. А. Шестаков и его соавторы (2001) пишут, что в послевоенный период в СССР в исключительно сжатые сроки были созданы новые отрасли народного хозяйства — атомная промышленность, атомное машиностроение. К 1992 г. в СССР насчитывалось 47 поселений, отгороженных от внешнего мира заборами с колючей проволокой, сторожевыми вышками и контрольно-пропускными пунктами, в которых проживал 1,5 млн чел. (каждый сотый гражданин) [36, с. 247]. Это были «закрытые города», предприятия которых работали на атомную промышленность. Пять из них находились на Урале (Златоуст-36, Свердловск-44, Свердловск-45, Челябинск-40, Челябинск-70) [18, с. 399].

Промышленная история Урала в 1970–1980-е гг. в школьных учебниках выглядит совсем скромно по сравнению с разделами, посвященными освоению нефтяных и газовых месторождений Сибири, строительству сибирских электростанций. В учебниках 2000-х гг. в разделе «Современная Россия» (1990–2000-е гг.) промышленный Урал, как и другие экономические регионы в целом, не представлен [1; 16; 21].

На основании проанализированных учебников XIX–XXI вв. можно сделать следующие выводы: история промышленного развития Урала практически не представлена в дореволюционных учебниках, в содержании которых доминирует политическая история; экономический аспект более всего представлен в учебниках советского периода, в основу которых положено учение об общественно-экономических формациях; с XVIII в. Урал становится одним из ведущих промышленных районов страны, однако после отмены крепостного права уступает лидирующее положение Югу России; новый взлет уральской промышленности связан с годами первых пятилеток и в годы Великой Отечественной войны регион сыграл роль «опорного края державы»; в 1970–1980-е гг. он замедлил темпы промышленного развития, а в настоящее время не добился значимых успехов, которые могли бы заметить авторы школьных учебников отечественной истории.

Библиографический список

1. *Алексашикина Л. Н.* История. Россия и мир в XX — начале XXI в. 11 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений / Л. Н. Алексашикина, А. А. Данилов, Л. Г. Косулина. 4-е изд. М., 2008.
2. *Берхин И. Б.* История СССР: учеб. для 9 кл. / И. Б. Берхин, И. А. Федосов / под ред. чл.-кор. АН СССР М. П. Кима. Изд. первое. М., 1976.
3. *Буганов В. И.* История России, конец XVII—XIX в.: учеб. для 10 кл. общеобразоват. учреждений / В. И. Буганов, П. Н. Зырянов / под ред. А. Н. Сахарова. М., 1995.
4. *Волобуев О. В.* История России. XX в.: учеб. для 9 кл. общеобразоват. учеб. Заведений / О. В. Волобуев, В. В. Журавлев, А. П. Ненароков, А. Т. Степанищев. М., 2001.
5. *Волобуев О. В.* История России, XX — начало XXI в. 11 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений (базовый уровень) / О. В. Волобуев, С. В. Кулешов / под ред. И. Н. Данилевского. 3-е изд., испр. и доп. М., 2008.
6. *Данилов А. А.* История России, 1900–1945 гг. 11 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений / А. А. Данилов, А. С. Барсенков, М. М. Горинов / под ред. А. А. Данилова, А. В. Филиппова. М., 2009.
7. *Данилов А. А.* История России. 10 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч. 2. // А. А. Данилов, М. Ю. Брандт, М. М. Горинов и др. / под ред. А. А. Данилова. М., 2011.
8. *Данилов А. А.* История России, XX в.: учеб. кн. для 9 кл. общеобразоват. учреждений / А. А. Данилов, Л. Г. Косулина. М., 1995.
9. *Есаков В. Д.* История СССР: учеб. для 10 кл. сред. шк. / В. Д. Есаков, Ю. С. Кукшкин, А. П. Ненароков / под ред. Ю. С. Кукшкина. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1988.
10. *Жарова Л. Н.* История Отечества, 1900–1940 гг.: учеб. кн. для ст. классов сред. учеб. Заведений / Л. Н. Жарова, И. А. Мишина. М., 1992.
11. *Загладин Н. В.* История России, XX — начало XXI в. 9 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений / Н. В. Загладин, А. А. Данилов, Л. Г. Косулина, М. Ю. Брандт. 7-е изд. М., 2010.
12. *Загладин Н. В.* История России. XX в.: учеб. для 9 кл. общеобразоват. учреждений / Н. В. Загладин, С. Т. Минаков, С. И. Козленко, Ю. А. Петров. 8-е изд. М., 2010.
13. *Зуев М. Н.* История России. XX в. Пособие по отечественной истории для 10–11 кл. М., 1995.
14. *Измозик В. С.* История России: 11 кл.: учебник для учащихся общеобразоват. учреждений / В. С. Измозик, С. Н. Рудник / под общ. ред. Р. Ш. Ганелина. М., 2009.
15. *Иловайский Д.* Краткие очерки русской истории // Учебники дореволюционной России по истории / сост. Т. В. Естеферова. М., 1993.
16. История России, 1945–2007 гг.: 11 кл.: учеб. для учащихся общеобразоват. учреждений / под ред. А. А. Данилова. М., 2008.
17. История СССР (1938–1976): учеб. для 10 кл. / П. И. Потемкин, В. М. Балев,

- И. Б. Берхин, М. П. Ким / под ред. М. П. Кима. Изд. шестое, доп. М., 1977.
18. История Урала с древнейших времен до наших дней: учеб. для 10–11 кл. общеобразоват. учреждений / колл. авт. / под общ. ред. И. С. Огоновской, Н. Н. Попова. Екатеринбург, 2003.
19. *Ключевский В. О.* Краткое пособие по русской истории. Изд. 8-е. М., 1992.
20. *Лазукова Н. Н.* История России: 8 кл.: учебник для учащихся общеобразоват. учреждений / Н. Н. Лазукова, О. Н. Журавлева / под общ. ред. Р. Ш. Ганелина. М., 2010.
21. *Левандовский А. А.* История России, XX — начало XXI века. 11 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений: базовый уровень / А. А. Левандовский, Ю. А. Щетинов, С. В. Мироненко. 6-е изд. М., 2012.
22. Наш Союз (СССР): Книга для чтения и работы для IV года обучения / сост. Е. П. Литвиненко, Е. П. Шумова, А. В. Крассов, М. А. Крылова, Л. Г. Терехова / под ред. Л. В. Тереховой. Изд. девятое. М.; Л., 1930.
23. *Нечкина М. В.* История СССР: учеб. для 7 кл. / М. В. Нечкина, П. С. Лейбенгруб. Изд. десятое. М., 1975.
24. *Панкратова А. М.* История СССР: учеб. для 9 кл. средней школы / К. В. Базилевич, С. В. Бахрушин, А. М. Панкратова, А. В. Фохт. Изд. 21-е. М., 1962.
25. *Панкратова А. М.* История СССР: учеб. для 10 кл. средней школы / К. В. Базилевич, С. В. Бахрушин, А. М. Панкратова, А. В. Фохт. Изд. 22-е. М., 1963.
26. *Пашков Б. Г.* История России. XX век. 9 кл.: учеб. для общеобразоват. учеб. заведений. М., 2000.
27. *Платонов С. Ф.* Учебник русской истории для средней школы: курс систематический / подготовка текста, вст. ст., примеч. Н.П. Соколова. М., 1994.
28. *Пчелов Е. В.* История России. XVII–XVIII века: учеб. для 7 кл. основной школы. М., 2002.
29. *Рождественский С. Е.* Отечественная история в связи с всеобщей (средней и новой): курс средних учебных заведений / сост. и автор предисл. А. И. Уткин. М., 1997.
30. *Рыбаков Б. А.* История СССР: учеб. для 7 кл. средней школы / Б. А. Рыбаков, А. М. Сахаров, А. А. Преображенский, Б. И. Краснобаев / под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1985.
31. *Соловьев С. М.* Учебная книга русской истории. Гл. XL. Внутренняя деятельность Петра Великого. 1859 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/s/solowxew_sergej_mihajlowich/text_0120.shtml#39 (дата обращения 29.04.2013).
32. *Сперанский А. В.* Опорный край державы // Урал в панораме XX в. Екатеринбург, 2000.
33. *Сухов В. В.* История России, XX — начало XXI в. 9 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений / В. В. Сухов, А. Ю. Морозов, Э. Н. Абдулаев / под ред. И. Н. Данилевского, О. В. Волобуева. 3-е изд., стер. М., 2008.
34. Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998.

35. Федосов И. А. История СССР: учеб. для 8 кл. средней школы. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 1986.

36. Шестаков В. А. История Отечества, XX в.: учеб. для 9 кл. общеобразоват. учреждений / В. А. Шестаков, М. М. Горинов, Е. Е. Вяземский. М., 2001.

I. S. Ogonovskaya

Candidate of Historical Sciences, SESC (Specialized Educational Scientific Centre) of the Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia)

The Industrial Urals on the pages of school textbooks of XIX-XXI cc.

The issue of industrial development of the Urals in XVIII–XXI centuries is covered in school textbooks. The article analyzes 35 textbooks of XIX–XXI centuries, where the industry of the Urals is considered within the context of its historical dynamics. The paper highlights the problem of attention deficit towards the Ural region on behalf of textbook authors at the present time.

Key words: the Urals, industrial development, history textbooks

ДИСКУССИИ О СОДЕРЖАНИИ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ НА УРАЛЕ В ГОДЫ НЭПА

Статья посвящена анализу взглядов советских и российских историков на проблемы промышленной политики большевиков на Урале в годы нэпа.

Ключевые слова: дискуссии, промышленная политика, нэп (новая экономическая политика), историография, «старая школа»

Важным вопросом отечественной историографии является вопрос о наличии у большевиков промышленной политики в период нэпа. Впервые эта проблема была поставлена в работе Я. С. Розенфельда «Промышленная политика СССР (1917–1925)», опубликованной в 1926 г. Этот историографический источник является незаслуженно забытым в настоящее время. В. В. Алексеев и Л. В. Сапоговская, характеризуя историографию промышленной политики в России, пишут: «Экономической истории России посвящена огромная литература. Место же в ней исследований по проблеме промышленной политики явно непропорционально их объективному значению. Достаточно сказать, что едва ли наберется более десятка названий монографий по истории России в широкой хронологии от начала XVIII до конца XX в., где само это понятие фигурирует. Весьма ограничено и общее количество исследований, где промышленная политика являлась бы объектом изучения» [2, с. 15]. Среди перечисленных уважаемыми историками работ, посвященных промышленной политике, солидное исследование Я. С. Розенфельда отсутствует.

Экономист «старой школы», примкнувший к большевикам, Я. С. Розенфельд (1883–1973 гг.) в 1926–1939 гг. работал профессором Ленинградского политехнического института и являлся автором многих произведений по истории экономики России. Работа «Промышленная политика СССР (1917–1925)» считается главной книгой Я. С. Розенфельда. Автор вслед за экономистами того времени В. Милютиным, В. Сарабьяновым, В. Смушковым и др. рассматривал промышленную политику как неотъемлемую часть новой экономической политики. Характеризуя развитие промышленности в годы новой экономической политики, автор подробно остановился на организации государственной и частной промышленности, основательно разобрал промышленное законодательство, принятое в период нэпа, изучил финансовые вопросы развития промышленности и политику в области ценообразования, решение сырьевых и топливных вопросов, производительность советской промышленности. Не оставил без внимания Я. С. Розенфельд и социальные вопросы развития промышленности в годы

*Игорь Дмитриевич Панькин

К.и.н., Уральский государственный университет физической культуры, Челябинск, Россия; igor0303@mail.ru

новой экономической политики: формирование командных кадров советской промышленности, вопросы труда и его использования, заработной платы, участие профсоюзов в управлении производством. Он полагал, что дальнейшее развитие советской промышленности будет происходить именно на принципах нэпа. Когда советское руководство задумывало отказ от нэпа и поворот к индустриализации, автор писал, что разрешение экономических проблем, вставших перед советской страной в середине 1920-х гг., «возможно только при таком перераспределении народного дохода страны, которое, сохраняя за социалистической промышленностью ведущее начало в экономике страны, согласовано в то же время с одновременным быстрым развитием производительных сил деревни и с реконструкцией ее экономики. Такое разрешение основных проблем нашей экономики предполагает незыблемое сохранение основ нашей экономической политики, наметившей твердый курс на превращение СССР из страны аграрно-индустриальной в страну индустриально-аграрную» [9, с. 548].

В советской историографии 1930–1980-х гг. были заложены принципиальные подходы к решению данной проблемы, которые вытекали из марксистско-ленинской методологии. Эти подходы реализовывались в периодизации 20-х гг. XX столетия, которые делились на «восстановительный» и начало «реконструктивного» периодов в истории советского общества. Считалось, что первая половина 1920-х гг. была полностью потеряна для развития промышленности, поскольку в это время проводилась новая экономическая политика, которая традиционно связывалась с развитием сельского хозяйства, торговли и финансового сектора экономики. По словам С. А. Сергеева, в результате восстановительного периода наша страна добилась лишь восстановления народного хозяйства в довоенных размерах, преимущественно на старой, весьма отсталой технической основе. Соответственно, стояла задача безотлагательного преодоления технико-экономической отсталости СССР в самый кратчайший исторический срок [10, с. 14]. В. В. Фельдман писал: «В различных экономических районах восстановительные процессы имели свои особенности, связанные с исторически сложившимися здесь условиями, своеобразием структуры народного хозяйства, в развитии промышленности, технологии производства, условиях труда и быта» [12, с. 3]. В. С. Голубцов замечал: «Однако страна не могла восстанавливать ускоренным темпом сразу две крупные металлургические базы — Донбасс и Урал. Не хватало средств не только для развертывания строительства новых заводов, но и для реконструкции старых предприятий. Поэтому восстановительно-реконструктивные процессы в металлургической промышленности Урала затянулись до конца 20-х годов» [5, с. 224].

По нашему мнению, недооценка промышленного развития в годы нэпа требовалась советским историкам для того, чтобы доказать, каких огромных успехов советская промышленность достигла в годы социалистической индустриализации.

В коллективной работе, написанной известными советскими специалистами по проблемам нэпа В. П. Дмитренко, Ю. А. Поляковым и

Н. В. Щербанем, была особо выделена проблема «индустриализация и нэп». По мнению авторов, эта проблема была поставлена уже с момента перехода к нэпу и она определяла важнейшую стратегическую задачу этой политики, ее социальную окраску, основные закономерности развития. Нэп и индустриализация формировались и развивались как неотъемлемые составляющие части ленинского плана построения социализма. «Попытки... разорвать эту связь, изобразить теорию и практику индустриализации как отрицания нэпа, как замену его принципиально иным типом... экономического развития несостоятельны ни теоретически, ни конкретно-исторически», — подчеркнули историки [6, с. 128]. Исследователи считали, что во второй половине 1920-х гг. произошла лишь эволюция нэпа, изменение его главного направления и методов. Приоритетом теперь стало развитие крупной промышленности, поэтому назрела необходимость приведения нэпа в соответствие с принципиально иными, отличными от предшествующих этапов, объективными условиями хозяйственного строительства, что и было сделано в период с 1925–1926 по 1932 г.

В исторической науке отказ от традиционной советской трактовки процесса развития промышленности в 1920-е гг. стал происходить лишь в годы перестройки. В 1989 г. вышла книга уральского исследователя В. В. Фельдмана, посвященная развитию промышленности Урала в первой половине 1920-х гг. Выполненная традиционно, в историко-партийном ключе, данная книга в то же время содержала важный материал не только о восстановительных процессах, происходивших в уральской промышленности в период нэпа, но и о ее перестройке путем использования различных форм и методов товарно-денежных отношений, принципов хозяйственного расчета, а также о влиянии новой экономической политики на начавшиеся в промышленности реконструктивные процессы. Говоря о процессе восстановления уральской промышленности в первой половине 1920-х гг., В. В. Фельдман сделал важный вывод: «С первых дней мирного хозяйственного строительства на Урале было очевидно, что прежняя структура уральской промышленности не является образцом и восстанавливать ее такой, какой она была до 1917 г., нецелесообразно. Партийные организации, хозяйственные и советские органы стремились к тому, чтобы даже при отсутствии больших капиталовложений проводились такие изменения в структуре промышленности, которые обеспечивали бы наиболее полное использование всех материальных и природных ресурсов Урала в интересах социализма». Осуществить это без продуманной промышленной политики было невозможно.

Как и Я. С. Розенфельд, В. В. Фельдман отдавал должное новой экономической политике, на основе которой была восстановлена уральская промышленность. Суть нэпа он усматривал в «неразрывной связи развития социалистической промышленности, электрификации с социалистической перестройкой сельского хозяйства». Мы видим, что объединяет эти две книги, написанные в столь разные эпохи, уважительное отношение авторов к новой экономической политике. Это можно объяснить тем, что Я. С. Розенфельд своими глазами видел те преимущества, которые давал хозяйственный меха-

низм нэпа процессу восстановления советской промышленности. В. В. Фельдман опубликовал свою работу в то время, когда в перестроечной историографии складывалась «оптимистическая» концепция нэпа, и авторы были убеждены в наличии «нэповской» альтернативы сталинизму.

В современной историографии можно обнаружить сторонников различных подходов к проблеме наличия промышленной политики у Советского государства в годы нэпа. Е. Г. Анимица, Е. Б. Дворядкина пишут: «учитывая, что уральская промышленность в годы Гражданской войны была практически разрушена, то в 1921–1927 гг. в производственно-экономическом развитии Уральского региона стала активно осуществляться восстановительно-реконструктивная модель промышленной политики» [3, с. 300]. Справедливости ради, следует заметить, что данный термин был введен в научный оборот советскими историками.

В. И. Бакулин, характеризуя основные черты промышленной политики ВКП (б) 1920-х гг., отмечает ее принципиальное отличие от последующих шагов правящей партии в этой области. По его словам, эта политика в годы нэпа «носила научный характер. Всеобщим ее принципом было равенство на экономическую целесообразность промышленного развития, проверяемую рынком, на снижение издержек производства, себестоимости продукции советской индустрии» [4, с. 62]. А. И. Тимошенко, не оспаривая этот вывод, полагает, что только в начале 1920-х гг. «в советском государственном руководстве искренне проявлялось стремление использовать в управлении экономикой принципы научного предвидения. К плановой работе привлекались ведущие ученые и специалисты». По ее мнению, уже с середины 1920-х г., с переходом к осуществлению политики форсированной индустриализации, научные доводы перестали учитываться амбициозными политиками. Она пишет: «Ученые все в меньшей степени привлекались к выработке принципов и направлений промышленной политики. Она стала определяться исключительно политическим руководством» [11, с. 263].

В. В. Алексеев и Л. С. Сапоговская полагают, что изначально в рамках нэпа «промышленность была нацелена фактически исключительно на товарообмен между городом и деревней — производство сельскохозяйственного инвентаря и ширпотреба» [2, с. 49-50]. По словам В. В. Алексеева, нэп был отмечен «отказом от перспективных целей, концентрацией усилий на решении текущих задач, что неизбежно приводило к стихийному восстановлению дореволюционной структуры хозяйства на устаревшей технической базе». Автор пишет: «Нэп, способствуя росту производительности труда, все-таки не совершил прорыв в этой области, не начали осуществляться крупные научно-инвестиционные проекты. Выяснилось, что он не в состоянии развернуть широкомасштабную модернизацию» [1, с. 263].

Тем не менее, Е. Г. Анимица и Е. Б. Дворядкина особо обращают внимание на необходимость анализа промышленной политики, проводимой в 1920-е гг. на Урале. Они пишут, что поскольку особенности советской государственной промышленной политики определялась тем, что «борьба СССР за мировую гегемонию обусловила необходимость достижения максимально-

го прироста промышленной продукции, величина которого задавалась уровнем промышленного развития передовых западных стран», то «наиболее концентрированное выражение парадигма данной промышленной политики приобрела на Урале» [3, с. 300].

Другое мнение по поводу содержания промышленной политики в годы нэпа высказывают В. Д. Камынин и Е. А. Цыпина. Анализируя ленинское теоретическое наследие по проблемам нэпа, они видят его ключевой момент в том, что «это обходной, опосредованный (через широкое использование торговли и товарно-денежных отношений) путь к социализму. Подчеркнут вынужденный характер новой экономической политики, обусловленный отсутствием развитой промышленности. Сущностью нэпа являлась связь между промышленностью и сельским хозяйством на основе торговли и безвозмездного отчуждения части ресурсов деревни на восстановление промышленности (продналог) под руководством и контролем государства над экономикой, торговлей, рынком» [7, с. 59-60].

По нашему мнению, заключение данных авторов наиболее точно определяет суть содержания промышленной политики в годы нэпа. Нет оснований сомневаться в том, что промышленная политика осуществлялась в России в 1920-е гг. как на уровне всей страны, так и на региональном уровне. Об этом говорят документы руководящих органов партии и государства, анализ которых показывает, что от проведения промышленной политики советское руководство не отказывалось никогда. В решениях XII съезда РКП (б) (17–25 апреля 1923 г.) указывалось на необходимость основывать промышленную политику на рыночных механизмах. Было подчеркнуто, что «победоносной может оказаться только промышленность, которая дает больше, чем поглощает. Промышленность, живущая за счет бюджета, т. е. за счет сельского хозяйства, не могла бы создать устойчивой и длительной опоры для пролетарской диктатуры» [8, с. 412]. 2-5 декабря 1924 г. на совещании Президиума ВСНХ СССР с ВСНХ союзных республик прозвучал доклад Председателя ВСНХ Ф. Э. Дзержинского «Итоги работы и дальнейшие задачи промышленности», в котором была поставлена задача выработки и укрепления единой политики в промышленности, единой общей линии органов, руководящих промышленностью¹.

Об эффективности нэпа в области промышленного производства писал эмигрантский автор А. Эрлих. По его словам, «отступления от военного коммунизма к новой экономической политике, которое произошло почти одновременно с неудавшимся путчем в Центральной Германии и которое было совершено большевистским режимом под давлением опасности экономической катастрофы и политического переворота, оказалось эффективным самым неожиданным образом». Автор привел в подтверждение данного вывода многочисленные статистические источники [13, с. 21-22].

¹Торгово-промышленная газета. 1924. 3-7 дек.

Библиографический список

1. *Алексеев В. В.* Триумф и трагедия советской модернизации 30-х гг. XX в. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы X юбилейной Всеросс. науч. конф. В 2-х т. Екатеринбург, 2011. Т. 1.
2. *Алексеев В. В., Сапоговская Л. В.* Исторический опыт промышленной политики в России (краткий научно-практический очерк). Екатеринбург, 2000.
3. *Анимица Е. Г., Дворядкина Е. Б.* Промышленная политика и модели регионального развития // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв. Екатеринбург, 2006.
4. *Бакулин В. И.* Проблема регионального развития промышленности в политике большевиков (1917 — конец 20-х гг.) // Методология, историография и источниковедение изучения опыта регионального развития: тез. докл. Всесоюз. конф. В 2-х вып. Свердловск, 1990. Вып. I.
5. *Голубцов В. С.* Черная металлургия Урала в первые годы Советской власти (1917–1923 гг.). М., 1975.
6. *Дмитренко В. П., Поляков Ю. А., Щербань Н. В.* НЭп: Разработка и осуществление. М., 1982.
7. *Камынин В. Д., Цыпина Е. А.* Проблемы политической и экономической истории Урала в 20-е гг. XX в. в отечественной историографии. Екатеринбург, 2004.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970. Т. 2.
9. *Розенфельд Я. С.* Промышленная политика СССР (1917–1925). М., 1926.
10. *Сергеев С. А.* Социалистическая индустриализация Урала в годы предвоенных сталинских пятилеток. Свердловск, 1951.
11. *Тимошенко А. И.* Разработка проекта Урало-Кузнецкого комбината в рамках промышленной политики Советского государства (1920-е гг.) // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв.
12. *Фельдман В. В.* Восстановление промышленности на Урале в 1921–1926 гг. Свердловск, 1989.
13. *Эрлих А.* Дискуссии об индустриализации в СССР 1924–1928. М., 2010.

I. D. Pankin

Candidate of Historical Sciences, Ural State University of Physical Culture (Chelyabinsk, Russia)

Discussions on the Content of the Industrial Policy in the Urals during the Period of New Economic Policy

The paper presents an analysis of the views of Soviet and Russian historians on the problems of Bolsheviks' industrial policy during the New Economic Policy.

Key words: discussions, industrial policy, New Economic Policy, historiography, the “old school”

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ «КРАСНОГО» И «БЕЛОГО» ТЕРРОРА НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ¹

В статье раскрывается процесс становления и развития научных взглядов отечественных историков на проблему «красного» и «белого» террора в Сибири. Авторы анализируют методологию и результаты исследований советских и российских ученых.

Ключевые слова: террор, историографические исследования, Гражданская война, Сибирь.

На протяжении XX в. Россия пережила несколько масштабных волн социального протеста, среди которых особое место занимает мощная эскалация насилия эпохи Гражданской войны. Сибирь стала одним из тех регионов, где противостояние социальных групп и сопутствующие этому противостоянию террор и политические репрессии приобрели особый размах, остроту и жестокость. Начало указанных процессов относится к первому периоду существования Советской власти Сибири. Затем в период «демократической контрреволюции» и диктатуры Колчака террор и репрессии достигли своего апогея. Социальные конфликты продолжались и после падения колчаковского режима, охватывая не только «бывших», но и широкие слои крестьянства, городского населения. Этот последний этап в истории Гражданской войны в Сибири также явил крайние формы насилия, применявшиеся как сторонниками, так и противниками большевистской власти.

В Сибири революция и Гражданская война сопровождались не только масштабным террором, но и политическими репрессиями, которые выражались в применении властными институтами различных форм правового и внеправового принуждения к потенциальным противникам. Особенностью социального противостояния и политических репрессий периода Гражданской войны в Сибири является их характер, проявлением которого стала разработанная система законодательных мер, карательная политика государственных структур по отношению к любой форме сопротивления населения.

На современном этапе развития исторической науки, наряду с конкретно-историческими исследованиями по проблеме социального противостояния и террора, большую роль играет ее историографическое осмысление. В историо-

*Дмитрий Владимирович Плюйко
Аспирант, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия,
jan_boden@rambler.ru;

Андрей Владимирович Трофимов

Д.и.н., Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, 2519612@rambler.ru

¹Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-11-66004

графическом анализе нуждается литература по истории Гражданской войны, которая оценивает результаты репрессивных действий большевиков и белогвардейцев. Кроме того, исследование данной проблемы имеет существенное значение для понимания сущности и главных движущих сил «белого» и «красного» террора. Без обращения к историографии политических репрессий и террора невозможно полноценное изучение Гражданской войны в Сибири в целом.

Начиная с 1920-х гг. в отечественной историографии Гражданской войны, в силу существовавших идеологических установок, было принято писать только о «белом» терроре как основном методе правительства Колчака по подавлению восстаний крестьян, организованных бывшими офицерами армии Колчака. По мнению первых советских историков, именно восстания населения Сибири против власти «белых» правительств как раз и являются яркой иллюстрацией процесса социального противостояния. Но в связи с распадом СССР прежние идеологические установки ушли в прошлое, отечественная историография начала масштабные исследования советских карательных органов и населения, которое пострадало от их деятельности. Поэтому вполне естественным является факт наличия огромного количества работ по истории «белого» террора и меньший по объему массив литературы по истории «красного» террора. При этом надо отметить, что изучение социального противостояния и террора периода Гражданской войны помимо российских историков осуществлялось историками-эмигрантами и зарубежными исследователями.

Историографическое изучение террора и политических репрессий в Сибири было начато уже в 1920-х гг. Но эти работы по истории изучения проблем Гражданской войны были далеко не историографическими исследованиями в современном их понимании. Они были представлены рецензиями, предисловиями и обзорами литературы по истории революции и Гражданской войны. Зачастую авторами этих первых историографических работ были публицисты, партийные работники, историки или очевидцы и участники описываемых событий. Вследствие этого обстоятельства рецензии и обзоры содержали в себе или критику фактических ошибок, или одобрение высказываемых авторами оценочных суждений. обстоятельные замечания и обобщения теоретического характера имеются лишь в некоторых работах. Например, в рецензии, написанной В. Д. Вегманом на книгу Г. К. Гинса «Сибирь, союзники и Колчак», были отмечены особенности колчаковской внутренней политики, которые заключались в широком применении методов террора, запугивавших население и заставлявших его подчиняться властям. В. Д. Вегман обращает внимание на замалчивание Г. К. Гинсом карательных действий атамановщины и военных частей, которые подавляли восстания рабочих и сибирских партизан. По мнению В. Д. Вегмана, эти обстоятельства нельзя «отмечать мимоходом», так как они отражают сущность борьбы населения Сибири с режимом Колчака [2]. Подобные замечания были высказаны В. Д. Вегманом и Н. Е. Авдеевым в рецензиях на книги Е. Колосова и К. В. Сахарова, которые не отразили должным образом всю иллюзорность власти адмирала Колчака [1; 3; 4].

С середины 1930-х гг. резко падает интенсивность исторических и историографических исследований по истории «белого» террора. По нашему мне-

нию, это объясняется тем, что сталинская власть, как и политические противники большевиков в 1918-1919 гг., сама начинает активно применять карательные меры и террор по отношению к населению своей страны. По мнению А. Л. Литвина, первые наиболее ценные для историков исследования о красном терроре и политике государственной диктатуры большевиков были проведены С. П. Мельгуновым и авторами «Архива русской революции». В этих исследованиях впервые были приведены многочисленные факты террора и политических репрессий, которыми пользовались Красная Армия, Красная Гвардия, ВЧК, Части особого назначения для подавления оппозиции в обществе. Давая комментарий воспоминаниям пострадавших от красного террора, исследователи подтверждали, что слова В. И. Ленина о том, что «гражданская война немыслима ни без разрушений тягчайшего вида, ни без террора» никогда не расходились с реальной практикой государственного управления советской власти [6, с. 116-117].

Единственной серьезной историографической работой была статья И. И. Минца. По его мнению, в 1920-е гг. советскими историками выполнялась работа по сбору и первоначальной обработке большого архивного материала, который относился к истории Гражданской войны. Проблема террора и политических репрессий была упомянута И. И. Минцем только в связи с перечислением трудов по истории партизанского движения. Историком выделялась исключительная роль И. В. Сталина в организации исторической науки в СССР.

Изменения в историографическом осмыслении различных проблем Гражданской войны наступают со второй половины 1950-х гг. В это время появляется целая серия обобщающих историографических работ, где отмечались достижения историков, которые занимались изучением советского общества в целом и Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. В своих трудах историки рассматривали историографию Гражданской войны в целом, выявляли наиболее значительные труды и основные направления исследований. В историографических разделах отмечалось, что первоочередное внимание историки должны уделять проблемам борьбы рабочих и крестьян с антибольшевистскими правительствами, привлекать весь необходимый архивный материал и использовать в исследовании творчество В. И. Ленина.

На протяжении 1960–1970-х гг. быстрыми темпами развивается и сибирская историография Гражданской войны. Ю. В. Журовым, В. А. Кадейкиным, В. С. Познанским, И. М. Разгоном, М. Е. Плотниковой и В. И. Шишкиным ведется активное историографическое исследование различных проблем Гражданской войны в Сибири. В трудах вышеназванных историографов в качестве приоритетных проблем изучения Гражданской войны обозначены следующие: боевые действия Красной Армии, сущность колчаковщины и правительств «демократической контрреволюции», роль сибирского большевистского подполья как главного организатора борьбы рабочих и крестьян с антибольшевистскими правительствами, роль интервентов в Гражданской войне.

В монографии М. Е. Плотниковой проанализирована степень изученности ключевых проблем истории Гражданской войны на востоке России, исследовавшихся советскими историками 1920-х — первой половины 1930-х гг. К

числу таких проблем принадлежали классовая борьба рабочих и крестьян с контрреволюционными правительствами Сибири, роль большевиков в этой борьбе, природа антибольшевистских правительств Сибири. Обращаясь к исследованию этих сюжетов, советские историки параллельно освещали различные аспекты «белого» террора и политических репрессий противников советской власти.

Первые историографические труды советских историков конца 1950-х — начала 1960-х гг., в которых советские ученые лишь отчасти затронули тему карательной политики большевиков в Сибири, касались проблемы советского строительства после окончательной победы над Колчаком. Советскими историографами была подчеркнута важность вопросов, связанных с изучением борьбы рабочего класса и крестьян с контрреволюционными элементами. Под контрреволюционными элементами подразумевались чиновники, офицеры царской армии и промышленники.

Большинство историографических работ советского времени были написаны в рамках ленинского видения Гражданской войны. Поэтому историографы оценивали исторические труды через призму ленинской интерпретации событий. Это немаловажное обстоятельство подтверждают слова В. И. Шишкина: «успех в изучении различных проблем истории интервенции и гражданской войны в СССР во многом обусловлен тем, насколько глубоко и полно исследователи используют теоретическое наследие В. И. Ленина».

Серьезные изменения в историографических исследованиях, посвященных Гражданской войне в Сибири, произошли в 1990-е гг. Необходимо отметить, что историографы начали уделять большое внимание современному состоянию изучения проблем Гражданской войны в Сибири. По их мнению, изучение «белого» террора и политических репрессий в Сибири стало проводиться с привлечением недоступных ранее источников, которые позволили комплексно изучать такую проблему как борьба антибольшевистских правительств Сибири с партизанским и рабочим движением, последствия применения методов террора в этой борьбе. Главное обстоятельство постсоветских историографических исследований — это утрата монопольной роли ленинской методологии, в трудах историков теперь все чаще применяется историко-сравнительный метод.

В статьях И. В. Наумова историографическому исследованию была подвергнута такая важная проблема темы террора и политических репрессий в Сибири как атамановщина. Автором было заявлено, что к середине 1990-х гг. в историографии Гражданской войны в Сибири можно выделить отдельное направление, которое занимается изучением террора казачьих атаманов. Как считает И. В. Наумов, историков, занимающихся данной проблемой, можно разделить на две условные группы. Одни историки рассматривают атамановщину как неотъемлемую часть внутренней политики антибольшевистских правительств Сибири, т. е. атаманы как предводители военных отрядов, которые руководствовались приказами, исходящими от верховной власти. Другие историки отстаивают совершенно противоположную точку зрения, считая атаманов и их карательные отряды силой, которая разрушала изнутри «белое» движение

тем, что подвергала население несанкционированным властями карательным акциям.

В историографических работах В. И. Шишкина были раскрыты основные особенности, которые были присущи советской историографии Гражданской войны в Сибири [8; 9]. По его мнению, советские историки не случайно датировали завершение Гражданской войны в Сибири концом 1919 — началом 1920 гг. Диктат КПСС предписывал завершать исследования процессов Гражданской войны на событиях поражения армии Колчака и его расстрела. Данное обстоятельство существенно искажало реальную историческую картину и позволяло игнорировать «многочисленные факты вооруженной борьбы, которая в начале 1920-х гг. велась между местным населением, с одной стороны, и коммунистическими властями, — с другой» [8, с. 121.]. Это обстоятельство, по замечанию В. И. Шишкина, нашло отражение в библиографическом указателе «Сибирь и Дальний Восток в период Великой Октябрьской социалистической революции» [7]. Если сочинения, освещавшие ход борьбы рабочих и крестьян Сибири с антибольшевистскими правительствами насчитываются сотнями, то публикации, которые затрагивали вопросы насилия советских карательных органов, представлены в количестве двадцати изданий. Советскими историками была раскрыта фактическая, военная сторона крестьянского сопротивления коммунистическому режиму в Сибири. Но, по наблюдению В. И. Шишкина, исследователями были поверхностно вскрыты причины возникновения крестьянских мятежей и восстаний, которые проходили с 1920 по 1922 гг. в Западной и Восточной Сибири.

Проведенный обзор историографических исследований убеждает в том, что тема «красного» и «белого» террора позволяла выявлять специфические особенности управления обществом в период Гражданской войны на востоке России. Советскими историками 1920-х — начала 1930-х гг. проблема исследовалась не в полном объеме. Они, как непосредственные участники происходивших событий, рассматривали, как правило, террористические акции «белых», забывая о том, что насилие применялось и советскими карательными органами. С середины 1950-х гг. исследовательские усилия советских историков были направлены на выявление связи между карательными действиями атаманов и регулярной армии. «Белый» террор, по их мнению, служил основным средством при восстановлении капитализма в Сибири после свержения советской власти. Более объективное изучение социального противостояния и террора в годы Гражданской войны велось в середине 1980-х — 1990-е гг. Причинами этого являются определенная независимость исторической науки от идеологического контроля государственных органов, мировоззренческий и методологический плюрализм. Происходит переориентация исследовательских интересов, историки начинают активно изучать террор большевиков. Вместе с тем до сих пор не сложился «канон» научного и общественного восприятия трагической истории Гражданской войны, что осложняет самоидентификацию современного российского социума.

Библиографический список

1. *Авдеев Н. Е.* Рецензия на книгу Е. Колосова «Как это было» // Пролетарская революция. 1923. № 6-7.
2. *Вегман В. Д.* Рецензия на книгу Г. К. Гинса «Сибирь, союзники и Колчак» // Сибирские огни. 1922. № 5.
3. *Вегман В. Д.* Рецензия на книгу Е. Колосова «Как это было» // Сибирские огни. 1923. № 1-2.
4. *Вегман В. Д.* Рецензия на книгу К. В. Сахарова «Белая Сибирь» // Сибирские огни. 1924. № 4.
5. *Вегман В. Д.* Рецензия на сборник «Рабочая революция на Урале» // Сибирские огни. 1922. № 5. С. 40–52.
6. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 40.
7. Сибирь и Дальний Восток в период Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной военной интервенции и гражданской войны (март 1917-1920 гг.): библиографический указатель. Новосибирск, 1973.
8. *Шишкин В. И.* Гражданская война в Сибири (1920 г.) // Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 120–127.
9. *Шишкин В. И.* Западно-Сибирский мятеж 1921 года: историография вопроса // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории. Бахрушинские чтения: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2001.

D. V. Plyuyko

Postgraduate Student, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia)

A. V. Trofimov

Doctor of Historical Sciences, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia)

Historiographic Studies of “Red” and “White” Terror in the Territory of Siberia in the Years of the Civil War

The paper focuses on the process of formation and development of scientific views of domestic historians on a problem of “red” and “white” terror in Siberia. The authors analyze methodology and concrete results of investigations of both modern and Soviet researchers.

Key words: terror, historiographic studies, the Civil War, Siberia

ИЗУЧЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ УРАЛА И СИБИРИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1919 гг.)¹

В статье анализируются экономические исследования на Урале и в Сибири в период Гражданской войны, попытки властей реализовать некоторые проекты развития промышленности и транспорта в сложнейших политических и социально-экономических условиях.

Ключевые слова: Урал, Сибирь, проекты, исследования, промышленность, железнодорожное строительство, советская власть, антибольшевистские правительства

I Мировая война повысила стратегическое значение восточных регионов страны и активизировала изучение производительных сил. Начавшаяся в феврале 1917 г. революция не привела к свертыванию исследовательских программ. Несмотря на острейшую нехватку финансирования при Временном правительстве и советской власти эти работы были продолжены, реализовывались новые начинания. Эта тенденция после падения советской власти летом 1918 г. только преумножилась. Весной 1918 г. на Урал и в Сибирь из центра страны последовало несколько геологических экспедиций. Большинство прибывших геологов осталось для продолжения работы после антибольшевистского переворота. Более того, исследовательские силы региона преумножились эвакуацией на восток страны целого ряда учебных заведений и отдельными представителями научного сообщества, опасавшимися репрессий со стороны большевиков. Присутствие в составе Временного областного правительства Урала специалистов по промышленному производству, а в составе Временного Сибирского правительства и Российского правительства адмирала А. В. Колчака ученых, известных исследователей азиатской России, предопределило внимание власти к сохранению и приумножению научного потенциала, активному его использованию для расширения фундамента будущего освоения края. Исследовательскую работу осуществляло несколько центров, в разной степени взаимодействовавших между собой и поддерживаемых различными ведомствами.

Изучение состояния уральской промышленности было предпринято Уральским промышленным комитетом, учрежденным Временным областным правительством Урала по согласованию с Временным Сибирским правительством и Чехословацким комитетом. На протяжении осени 1918 г. им была проведена ревизия многих уральских заводских округов. Хотя работа носила печать оппонирования свергнутой советской власти, действия которой по управлению заводами подверглись критике, но огромное внимание пришлось уделить выявлению наиболее дефицитных материалов и сырья, от-

*Вадим Маркович Рынков

К.и.н., Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия; vadsvet@list.ru

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-01-00222а)

сутствие или недостаток которых становились причиной остановки заводов. Горный отдел Оренбургского войскового правительства осенью 1918 г. также отпускал средства на геолого-разведывательные и почвоведческие экспедиции, результаты которых могли иметь значение только в годы послевоенного экономического подъема [1, с. 380].

Первое масштабное межрегиональное обследование было предпринято по инициативе Министерства торговли и промышленности Временного Сибирского правительства осенью 1918 г. Приступая к делам, министерство ощутило необходимость разобраться, в каком состоянии находятся промышленные предприятия и что необходимо для скорейшего поднятия их производительности. Министерство организовало несколько комиссий по обследованию состояния заводских предприятий. Результаты их работы должны были предоставить материал для денационализации и кредитования. Такие обследования были проведены в горных округах Енисейской губернии, Томском горном округе, Киргизской степи, в Черемховском каменноугольном бассейне. На Урал были отправлены сразу две комиссии — в Кыштымский и Златоустовский горные округа. Наиболее крупная экспедиция — инженера Э. Э. Арендта по обследованию горных предприятий Приамурья и Приморья. В результате власть получила относительно полную картину состояния промышленности Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Но изучением действующих производств дело далеко не ограничивалось. В октябре 1918 г. под патронажем правительства возник Сибирский геологический комитет. Он объединил уже ведущиеся в нескольких регионах работы, часть из которых финансировалась еще советской властью, а часть — уже их противниками. Причем, несмотря на свое наименование, комитет оказывал интенсивную поддержку изучению Уральского региона. В частности, В. М. Фон-Дервиз осуществлял разведку золотоносных месторождений на Южном Урале, Н. Н. Тихонович — съемку глиноносного района близ Челябинска и нефтеносного в Казанской губернии, А. Н. Заварицкий вел исследования в Златоустовском горном округе, Высоцкий собирал информацию о платиновых породах в Нижнем Тагиле, Василевский исследовал глины в Пермской губернии по заказу артиллерийского ведомства, В. А. Вознесенский вел изыскания в Баженовских асбестово-изумрудных рудниках. Я. С. Эдельштейн обнаружил ряд месторождений золота в Минусинском уезде и создал его подробную геологическую карту, С. А. Докторович-Гребеницкий изучал водный бассейн р. Селенги, а М. М. Тетяев и Я. А. Макеров вели поиск месторождений олова и золота в Забайкалье. П. И. Преображенский обследовал месторождения углей в Тургайской области и вел съемку медных рудников АО Спасских медных руд в Киргизской степи. В. К. Котульский исследовал Рудный Алтай, несколько геологических экспедиций вели изучение недр Кузбасского угольного бассейна, А. Н. Криштофовов проводил исследования на о. Сахалин. В 1919 г. часть запланированных геологических партий не смогла выйти на полевые работы. Но М. А. Усов провел исследование угольных отложений на Анжерских коях, а Норильская экспедиция Н. Н. Урванцева привезла богатейший материал о полезных ископаемых на Нижнем Енисее и на Таймыре, ряд экс-

педиций проводили минералогические исследования в Минусинском уезде и на Черемховских коях² [2, с. 58–60, 64–65].

В антибольшевистском лагере активно шло строительство новых железнодорожных путей. Уральский регион, как прифронтовой, оно затронуло в наибольшей степени. В частности, за счет казны велось строительство Троицкой железной дороги до Орска и Орско-Оренбургской линии. Попыткам свернуть строительство воспротивилось Оренбургское войсковое правительство, требовавшее любой ценой завершить линию на Орск. В железной дороге были заинтересованы и уральские заводы. Надежды на оживление промышленности связывались с поставками по дороге угля из пос. Полтавское, а также дешевого хлеба из Верхнеуральского уезда. Средства на продолжение работ сначала выделил советский Наркомат путей сообщения. Осенью 1918 г., когда этот кредит оказался исчерпан, деньги изыскивали челябинский Комитет народной власти и войсковое правительство Оренбургского казачьего войска. Нашлись средства и для продолжения строительства восточной части линии Казань — Екатеринбург³.

Аналогичная ситуация сложилась со строительством Степной сибирской железной дороги Петропавловск — Кокчетав. Средства на работы выделило советское правительство в начале 1918 г., материалы и рабочие прибыли на место в начале июня и оказались уже при Временном Сибирском правительстве, которое и поддержало начало работ. Но исчерпание советского кредита затормозило работы, которые не удалось продолжить и на частные средства⁴.

Общественность и органы местного самоуправления ряда сибирских и уральских городов обратились к правительству с просьбой выделить средства на проведение изыскательных и подготовительных работ, связанных со строительством Северо-сибирской железной дороги Томск — Шадринск — Краснуфимск. Осенью 1918 г. на средства органов городского самоуправления изыскания вел инженер В. В. Клевезаль⁵. Проведение магистрали обосновывалось необходимостью перевести североуральские заводы с дров на кузбасский уголь, разгрузить транссибирскую магистраль и направить сибирское продовольствие непосредственно в Петроград и северные регионы России.

У Российского правительства нашлись средства на завершение проектов строительства новых железных дорог, само сооружение которых должно было начаться уже после войны. Были выделены специальные средства на анализ сельскохозяйственной переписи 1917 г. по губерниям и областям азиатской части страны. Непростая история сложилась с проектом Урало-Кузнецкого комбината. Весной 1918 г., в связи с потерей Украины и Донбасса по условиям Брестского мира, большой интерес к созданию единого ура-

²Известия Геологического комитета. 1918. Пг., 1919. С. 82–95; Отчет об исследованиях, проведенных геологическим комитетом в 1918 г. в Сибири и на Урале. Томск, 1919. С. 69–82; Отчет геологического комитета, 1918. Т. 38. № 1. Пг., 1923. С. 227–240; Усов М.А. История учреждения Сибгеокома // Известия Сибирского геологического комитета. Томск, 1920. Т. 1. Вып. 1. С. 2–38; Отчет о деятельности Сибирского геологического комитета за 1919 г. // Там же. 1921. Т. 1. Вып. 6. С. 2–3; Профессора Томского университета. Томск, 1998. Т. 2. С. 446.

³Исторический архив Омской области. Ф. Р-1858. Оп. 1. Д. 5. Л. 10–12; Д. 12. Л. 21.

⁴Там же. Д. 14. Л. 16–17об; Д. 20. Л. 13–13 об.

⁵Там же. Д. 37. Л. 1–2, 12–31.

ло-кузбасского металлургического комплекса проявил ВСНХ, отправивший в апреле большую группу геологов и геодезистов в Сибирь. Приступить к работе они смогли только после антибольшевистского переворота. В Томске ту же работу активизировало Общество сибирских инженеров, члены которого подготовили десятки записок по проблемам разработки кузнецкого угля для металлургического производства, в т. ч. на Урале [3, с. 125–128]. 14 марта 1919 г. Российское правительство специальным постановлением выделило средства на оплату исследовательских работ по разработке Урало-Кузнецкого проекта, приобретя все материалы в государственную собственность⁶. После войны ставка делалась на скорейшее создание крупного межрегионального металлургического комплекса.

Повышенное внимание уделялось изучению возможности использования Северного морского пути. Еще в августе–октябре 1918 г. в составе каравана судов в Обскую губу для переправки хлеба в Архангельскую губернию отправилась научная экспедиция Русского географического общества П. А. Диева и профессора И. П. Толмачева. Благодаря этому событию осенью 1918 г. из европейской части страны в Сибирь попал известный полярный исследователь и горячий сторонник эксплуатации Северного морского пути Д. Ф. Котельников. Его предложения по развертыванию ширококомасштабных исследований встретили не только сочувствие, но и активную материально-техническую поддержку со стороны сибирских властей. Российским правительством в 1919 г. был создан Комитет Северного морского пути. Д. Ф. Котельников возглавил дирекцию маяков и лоций. Его гидрографическая экспедиция в 1919 г. обследовала нижнее течение Оби, провела работы по изучению растительности нижнего Приобья. Огромное внимание уделялось Северному Уралу, склоны которого стали стратегическими важными путями, связывавшими два антибольшевистских региона — Азиатскую Россию и Северную область.

Активную научную деятельность проводило Западно-Сибирское отделение русского географического общества. Из членов других отделений общества, эвакуировавшихся в Омск, был создан Временный совет Русского географического общества. Ему удалось организовать только две комплексные экспедиции на Алтай. Зато в отсутствии средств он активизировал работу по подготовке и обсуждению докладов. В научной деятельности осени 1919 г., в связи с прибытием в Сибирь уральских инженеров, большое внимание уделялось хозяйственному взаимодействию двух соседних регионов.

В конце 1919 — начале 1920 г. было предпринято несколько попыток возродить в Сибири работу эвакуированных уральских предприятий. В частности, в 1920 г. в Забайкалье атаман Г. Е. Семенов предоставил служащим Верх-Исетского и Лысвенского горных округов возможность организовать работу местной промышленности с использованием квалифицированных специалистов и оборудования уральских заводов⁷.

Несмотря на то, что большинство исследовательских экспедиций испытывало сложности недофинансирования, а многие из них вообще не состоя-

⁶Правительственный вестник. Омск. 1919. 12 авг., 25 окт. Приложение.

⁷Вестник Забайкалья. Чита. 1920. 12 марта (документ не датирован); ГАЗК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–10; Ф. 17. Оп. 1. Д. 116. Л. 2, 5–5 об, 21–21 об.

лись по причине отсутствия средств, объем исследовательских работ в 1918–1919 гг. оказался чрезвычайно велик. Были не только продолжены и расширены начинания прежних лет, но и предпринят целый ряд новых исследовательских инициатив. Примечательно, что многие начинания времен I Мировой войны были профинансированы сначала Советским правительством, затем получили поддержку противников. Более того, противоборствовавшие стороны Гражданской войны находили средства и для реализации некоторых проектов. События революционных лет крепко связали Урал и Сибирь, активизировали исследовательскую мысль в направлении их более тесного индустриального взаимодействия. Никто из ученых, занятых исследованиями индустрии и недр Урала и Сибири, не подвергался гонениям.

С точки зрения логики Гражданской войны, эти действия государственной власти едва ли оправданы: они не отвечали задачам текущей мобилизации экономики на борьбу с военным противником. Власть изыскала инвестиции, хотя и небольшие, в долгосрочное стратегическое развитие востока России. Проведенные исследования позволили выяснить состояние экономики края в текущий момент. Но в большей степени они призваны были обеспечить наилучшее перспективное развитие экономики восточных регионов России. Именно поэтому в 1920–1930 гг. значительная часть проделанных в период Гражданской войны полевых и кабинетных исследований оказалась востребована в ходе подготовки и проведения индустриализации.

Библиографический список

1. *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006.
2. *Завалишин В. В.* Рождение геологической службы Сибири (1918–1922 гг.) // Вопросы истории науки и профессионального образования в Сибири: материалы к науч. конф. Новосибирск, 1969.
3. *Тимошенко А. И.* Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в. Концепции и решения. Новосибирск, 2007.

V. M. Rynkov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia)

Studying and Development of Productive Forces in the Urals and Siberia during the Civil War (1918–1919)

The article analyzes economical researches in the Urals and Siberia during the Civil War, the attempts of authorities to implement some projects of industry and transport development in the very difficult political and social-economical environment.

Key words: the Urals, Siberia, projects, researches, industry, railway construction, Soviet power, anti-Bolshevik governments

УРАЛ В ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО МЕТАЛЛОФИЗИКА Г. В. КУРДЮМОВА

В статье рассмотрены основные аспекты и результаты научной и научно-организационной деятельности Г. В. Курдюмова в периоды его пребывания на Урале.

Ключевые слова: металлофизика, Г. В. Курдюмов, Урал, военная промышленность, научно-техническая деятельность

Георгий Вячеславович Курдюмов — выдающийся ученый-металлофизик, один из создателей современного физического металловедения. Его исследования охватывали широкий круг проблем: кинетика и механизм фазовых превращений, процессы упрочнения сплавов, перераспределение атомов в решетке, влияние легирования на структуру и свойства сплавов и т. п. Он выполнил ряд основополагающих работ по изучению мартенситных превращений в кристаллических материалах, имеющих фундаментальное значение для теории фазовых превращений и практики термической обработки сталей и сплавов.

За свою долгую жизнь Г. В. Курдюмов работал в Петрограде (Ленинграде), Днепропетровске, Киеве, Москве. Но в свое время его жизнь была связана и с Уралом, в частности, с Магнитогорском и Екатеринбург (Свердловском). Анализ различных историографических источников, воспоминаний, архивных материалов дает возможность представить более точно эти страницы жизни и деятельности выдающегося металлофизика.

Первое пребывание Г. В. Курдюмова на Урале в начале 1930-х гг. было кратковременным и связанным с осуществлением идеи крупного советского физика и организатора науки А. Ф. Иоффе относительно создания новых научных центров в СССР. В декабре 1927 г. А. Ф. Иоффе в совместной с Н. Н. Семеновым статье отмечал: «В деле осуществления прочной связи институтов с заводами очень сильно мешает то, что практически все институты, вообще вся научно-исследовательская работа в СССР, сосредоточены в двух центрах — Москве и Ленинграде. Это очень опасное положение вещей, грозящее сорвать все дело при колоссальных размерах СССР..., тем более, что и вообще концентрировать всю научную базу страны вблизи от границы нецелесообразно». В качестве альтернативы А. Ф. Иоффе предложил следующее: «Совершенно необходимо создать, по крайней мере, еще три центра» [5, с. 53–57].

Реализация этой идеи привела к созданию трех новых физико-технических институтов: в Харькове, Свердловске и Днепропетровске. Кад-

*Варфоломей Степанович Савчук

Д.и.н., Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, Днепропетровск, Украина; varfolomey44@gmail.com

ровый состав этих институтов формировался в значительной мере из выпускников ленинградских вузов и специалистов.

Уральский физико-технический институт (ныне — Институт физики металлов УрО РАН) был основан по постановлению Президиума ВСНХ СССР от 17 мая 1931 г. № 294 «Об организации научно-исследовательской работы на Урале и в Сибири» [10]. В постановлении Президиума ВСНХ СССР речь шла о создании Института технической физики на базе выделенной из Ленинградского физико-технического института группы сотрудников (приказ по ЛФТИ от 20 января 1932 г. № 5). В состав этой группы входил и Г. В. Курдюмов. Позже он вспоминал: «Я возвратился из Германии в декабре 1930 г. Уже в начале 1931 г. в стенах ЛФТИ начал организовываться УралФТИ. В это время я был научным руководителем рентгенометаллографического отдела ЛФТИ. Весь мой отдел был включен в УралФТИ. В ноябре 1931 г. группа в составе: Н. Н. Давиденков, М. Г. Окнов, М. В. Якутович и я — ездила на Урал для связи с уральскими заводами и выбора места постройки УралФТИ в Свердловске. Я принимал участие в проектировании рентгеновского отдела этого института» [9, с. 411]. Одним из основных направлений научной деятельности института предполагалось изучение фазовых превращений в сплавах.

В книге, посвященной истории Института физики металлов УрО РАН, сообщается, что «в 1932 г. в группу по изучению фазовых превращений в сплавах были включены Г. В. Курдюмов, А. П. Комар, Я. И. Френкель, И. В. Исаичев», а также то, что «сотрудники института продолжали жить и работать в Ленинграде, так как в Свердловске не было ни здания института, ни жилья для сотрудников» [10, с. 6]. Это объясняет тот факт, что являясь уже сотрудником УрФТИ, Г. В. Курдюмов в марте 1932 г. по просьбе Б. Н. Финкельштейна, поддержанной А. Ф. Иоффе, приезжает в Днепропетровск, где создает в здании Днепропетровского физико-химико-математического института рентгеновскую лабораторию, которая действовала уже с мая этого года [7; 8; 9].

Эта трехмесячная командировка и предыдущая кратковременная командировка в мае 1931 г. дали возможность Г. В. Курдюмову ощутить, как он писал в автобиографии, «благожелательное отношение к науке днепропетровских руководителей» [9, с. 411]. Заинтересованность директора Днепропетровского филиала УФТИ Б. Н. Финкельштейна в специалисте такой высокой квалификации как Г. В. Курдюмов совпадала с решением Днепропетровского горкома партии. Последний в октябре 1931 г. принял следующее решение: «Имея в виду отсутствие руководства основным участком работы, то есть рентгенометаллографической группой, просить ЦК КП (б)У поставить вопрос перед ВСНХ СССР о выделении специалиста для руководства этой группой»¹. Сочетание всех этих факторов привело к тому, что Г. В. Курдюмов был назначен старшим физиком (руководителем) рентгенов-

¹Днепропетровский областной государственный архив. Ф. 18. Оп. 1. Д. 109. Л. 74–76. [О состоянии и перспективах развития Днепропетровского филиала УФТИ].

ской лаборатории Днепропетровского филиала УФТИ, а затем остался здесь работать.

Годы жизни и деятельности Г. В. Курдюмова в довоенный период в Днепропетровске детально исследованы в ряде работ [7; 8]. Война резко изменила его жизнь и снова привела на Урал, в Магнитогорск, куда был эвакуирован ДФТИ. Ядро института было сохранено по распоряжению И. Ф. Тевосяна, к которому с соответствующей просьбой обратился Г. В. Курдюмов. Институт продолжил свою работу на базе ЦЗЛ Магнитогорского металлургического комбината в составе трех лабораторий: рентгеновского анализа, кристаллизации, остаточных напряжений. Здесь сложилось сильное ядро ученых в составе Г. В. Курдюмова, В. И. Данилова, Г. И. Аксенова, Б. Н. Финкельштейна, А. М. Зубко, В. Ю. Неймарка, Е. З. Каминского, В. Я. Любова и др. [7].

В условиях войны Магнитогорск сделал все возможное для продолжения активной деятельности ДФТИ. В своих дневниках Г. В. Курдюмов отметил: «ММК было дано указание разместить лаборатории и мастерские института в здании ЦЗЛ, которое только что было построено... Несмотря на трудные условия, связанные с перемещением в Магнитогорск многих учреждений и предприятий, Магнитогорский металлургический комбинат предоставил квартиры сотрудникам и помещения для лабораторий. Благодаря этому институт уже с начала 1942 г. мог приступить к продолжению своей деятельности, сосредоточив свои силы, главным образом, на решение задач по обеспечению вооружением и боеприпасами Красной Армии, и направил свою тематику на решение вопросов, связанных с помощью фронту, проводил работы совместно с Броневым бюро, направленные на улучшение качества танковой стали, и с ЦЗЛ по разработке сталей для броневой брони снарядов» [2, с. 61].

Магнитогорский металлургический комбинат внес огромный вклад в создание новой военной техники, в изготовление новых образцов вооружения и т. п. По воспоминаниям В. Э. Дымшица, который в то время был руководителем треста «Магнитострой», «каждый третий снаряд, выпущенный по врагу, был изготовлен из металла Магнитки, каждый второй танк производства военного времени был одет в магнитогорскую броню» [4]. Диапазон военной продукции был чрезвычайно широк: бронелисты, башни для танков Т-34 и ИС-2, металл для снарядов и патронов и т. п.

Проблема танкового бронелиста была чрезвычайно актуальной. Сначала был успешно решен вопрос о производстве новых сортов броневых сталей. В своих воспоминаниях В. Э. Дымшиц отмечает тот факт, что на то время «мировая теория и практика металлургии не знали иных способов выплавки броневой стали, кроме одного — в малотоннажных мартенах с “кислым” подом» [4]. Но уже 15 октября 1941 г., впервые в мировой практике, на ММЗ удалось сварить броневую сталь в большегрузной мартеновской печи с основным подом [4]. Первый броневой лист, прокатанный впервые в мире на блюминге, был получен также на ММЗ. Координировало эту деятельность так называемое «Броневое бюро».

Однако возникла проблема качества броневой стали, в решении которой принимал участие и Г. В. Курдюмов. В автобиографии ученый впоследствии писал, что на Урале «проводил работы совместно с ЦЗЛ и цехами Магнитогорского металлургического комбината по повышению качества танковой брони, по разработке сталей — заменителей для деталей танков и для бронебойных снарядов. За эти работы удостоен вместе с сотрудниками премии Наркомата танковой промышленности (1943 г.)» [9, с. 409]. Из разных источников выясняется, что одной из важных проблем этой работы было решение так называемой шиферности броневой стали.

Работы проводились коллективом сотрудников, среди которых кроме Г. В. Курдюмова были такие известные ученые, как Н. Н. Доброхотов, В. Н. Свечников, И. Н. Францевич, П. Т. Емельяненко. В коллективе были объединены усилия ученых разных институтов, в частности, Института черной металлургии и Днепропетровского физико-технического института. Работы выполнялись на 16 оборонных предприятиях [3]. Исследования Г. В. Курдюмова легли в основу создания сталей с уникальным сочетанием прочности и вязкости.

Работы по улучшению качества брони, которые были проведены в эвакуации под руководством и при личном активном участии Г. В. Курдюмова, шли в разных направлениях и привели к значительным положительным результатам. Работы эти велись совместно с «Броневым бюро». Г. В. Курдюмов в своих дневниках так охарактеризовал их: «... Лабораторией фазовых превращений была проведена работа по изучению влияния напряжений на противоснарядную стойкость брони. В лаборатории кристаллизации было проведено, совместно с Броневым бюро, большое исследование по выявлению причин возникновения шиферного излома броневой стали. Работа помогла изыскать методы борьбы с шиферностью. Широкое исследование было произведено Энтиным по вопросу отпускной хрупкости — одному из наиболее актуальных вопросов термической обработки брони. В лаборатории фазовых превращений велись работы Каминским и Энтиным по разработке сталей-заменителей. Предложенная нами марка стали-заменителя для траков гусениц танка Т-34 показала высокие качества в работе танка» [9, с. 65].

Г. В. Курдюмов, находясь в эвакуации на Урале, вел также большую организационную деятельность по сосредоточению усилий ученых в деле помощи фронту. В Магнитогорске в период эвакуации находилось значительное число ученых. По инициативе Магнитогорского городского комитета ВКП (б), для того, чтобы целенаправленно использовать такой значительный научный потенциал, 14 декабря 1941 г. бюро горкома партии своим постановлением утвердило Комитет ученых помощи фронту (КУПФ). Он объединил ученых, работавших в различных областях науки и техники. Структурно комитет состоял из восьми секций: горная, металлургическая, механическая, медико-санитарная, вооружения, экономики, физики и химии [6]. К концу первого года существования Комитет объединял деятельность не менее

250 ученых и специалистов². В дальнейшем их численность возросла до 300 ученых и ведущих специалистов Магнитогорских металлургического комбината и горно-металлургического института [1].

В первом составе руководства Комитета Г. В. Курдюмов занимал должность заместителя председателя (председателем был главный инженер ММК Г. Ф. Михалевич). Заместителем председателя был также генерал-майор бронетанковых войск А. В. Борзиков [6]. Несколько позже Г. В. Курдюмов возглавил этот Комитет. В публикации 1942 г. речь идет также о «Совете научных работников» при Магнитогорском горкоме партии, в который входили Г. В. Курдюмов, Г. Ф. Михалевич и другие крупные ученые и специалисты, в частности, профессора Лелин, Монозон, Брук и др. [10].

Газета «Челябинский рабочий» за 24 января 1942 г. сообщала о первых действиях этого совета, которые ученые и специалисты считали наиболее важными на тот момент: «Совет, прежде всего, занялся разрешением проблемы увеличения выплавки стали, ускорения для этого процесса варки в мартеновских печах...». В совете была создана специальная секция, объединившая всех физиков, химиков и технологов Магнитогорска. Секция наметила «практически разрешить вопросы выработки фосфора из отходов производства и получения топлива с низкой температурой воспламенения... Горно-обогащительная секция начала свою работу с выявления минеральных сырьевых запасов для оборонного производства...»³.

Деятельность Г. В. Курдюмова, В. И. Данилова и других сотрудников ДФТИ в эвакуации была чрезвычайно плодотворной и привлекла внимание крупнейшего советского ученого — академика И. П. Бардина, который в то время был заместителем наркома черной металлургии. После коренного перелома в Великой Отечественной войне в Москве, в 1944 г., был создан Центральный научно-исследовательский институт черной металлургии (ЦНИИЧерМет), в который ДФТИ вошел как Институт металловедения и физики металлов и который возглавил Г. В. Курдюмов.

Библиографический список

1. Абу С. Магнитогорские ученые — фронту // Магнитогорский металл. 1975. 15 июля. С. 1–2.
2. Академик Георгий Вячеславович Курдюмов. Страницы жизни. Воспоминания. Итоги / отв. ред. Ю. А. Осипьян. М., 2004.
3. Большаков В. И., Тубольцев Л. Г., Врублевский В. В. Истоки становления научной тематики Института черной металлургии НАН Украины // Фундаментальные и прикладные проблемы черной металлургии: сб. науч. тр. Дніпропетровськ, 2004. Вип. 8. С. 1–21.
4. Дымишц В. Броневого стан. Записки строителя // Новый мир. 1985. № 6.

²ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 227. Л. 4.

³Фокин Т. Начало большой работы // Челябинский рабочий. 1942. 24 янв.

5. *Иоффе А. Ф., Семенов Н. Н.* Организация научно-исследовательского дела в промышленности СССР / Научно-организационная деятельность академика А. Ф. Иоффе: сб. докл. Л., 1980.
6. Комитет ученых помощи фронту // Энцикл. Челябинской области: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <http://chel-portal.ru/?site=encyclopedia>
7. *Савчук В. С.* Нариси з історії фізичних досліджень на Дніпропетровщині (1917–1935). Дніпропетровськ, 1997.
8. *Савчук В. С.* К истории становления металлофизики в Украине (днепропетровский период жизни и деятельности Г. В. Курдюмова) // Металлофизика и новейшие технологии. 1998. Т. 18, № 11. С. 71–79.
9. Физики о себе / АН СССР; Архив; сост. Московченко Н. Я., Савина Г. А.; отв. ред. Френкель В. Я. Л., 1990.
10. Физика металлов на Урале. История Института физики металлов в лицах. Екатеринбург, 2012.

V. S. Savchuk

Doctor of Historical Sciences, Oles Honchar Dnipropetrovsk National University (Dnepropetrovsk, Ukraine)

**The Urals in the Life and Activities of Outstanding Domestic physicist
G. V. Kurdyumov**

The author deals with the main aspects and results of scientific and scientific-organizational work of G.V. Kurdyumov in the periods of his stay in the Urals.

Key words: physics of metals, G.V. Kurdyumov, the Urals, military industry, scientific and technical work

ПАМЯТЬ О М. К. КУРАКО

В статье рассказывается о розыске музейными работниками неизвестных научных трудов выдающегося металлурга Михаила Константиновича Курако.

Ключевые слова: Кузнецкий металлургический комбинат, М. К. Курако

Командировка в Москву к дочери бывшего директора Кузнецкого металлургического комбината Б. Н. Жеребина Полетаевой Инне Борисовне была для меня полной неожиданностью, и собраться с мыслями я смогла только в самолете, когда начала набрасывать в блокноте план поездки.

Сложившиеся после смерти Бориса Николаевича обстоятельства, заставили Инну Борисовну распрощаться с квартирой, где она с отцом прожила долгие годы. Предстоял болезненный переезд, в результате которого многие вещи были утеряны. Для музеев сбор натуральных экспонатов — одно из основных направлений деятельности. Поэтому моей главной целью стал сбор мемориальных вещей, письменных источников, т. е. того, что при жизни Б. Н. Жеребина имело для него определенную значимость, а для нас представляло бы историческую и музейную ценность.

Знаменитый директор, непосредственный участник первого выпуска чугуна, профессор. Мне посчастливилось познакомиться с ним еще в 1992 г., когда Борис Николаевич приезжал на 60-летие комбината, и я брала у него интервью. Каждый раз, бывая в Новокузнецке (а он практически каждый год приезжал, чтобы побывать на могиле первой жены, которая очень рано умерла), он непременно заходил в музей — высокий, подтянутый, интеллигентный, в неизменном пенсне, со своей «спутницей» — тросточкой-ледорубом (подарок от польских горняков). Этот ледоруб сразу возник в моей памяти, и я мечтала, чтобы он оказался в целости и сохранности.

Предварительно созвонившись с Инной Борисовной, я прибыла по указанному адресу и вошла в квартиру. У вешалки стоял... ледоруб! Я была счастлива. Оказывается, передо мной у нее в гостях была представительница Томского Технологического института (которая также приехала за экспонатами) и трость она не взяла, сославшись на то, что «незачем показывать немощь человеческую». Предполагаю, что это был не музейщик — истинный хранитель никогда мимо такого раритета не пройдет.

Инна Борисовна очень тепло меня приняла и предоставила для изучения и отбора массу документов, папок, литературы, личных бумаг, фотографий и вещей Бориса Николаевича. В числе прочего в мои руки попала папка с названием «М. К. Курако».

Я, как пламенный поклонник Михаила Константиновича Курако, сразу углубилась в просмотр документов. И здесь меня ждала сенсационная наход-

*Наталья Васильевна Степанова

Музей Новокузнецкого металлургического завода, Новокузнецк, Россия

ка. В это невозможно было поверить: в моих руках оказалась тетрадка М. К. Курако — рукописный текст его брошюры «План доменного цеха», считавшийся безвозвратно утерянным.

Введу читателя в курс дела. В 1949 г. Елена Михайловна Полянская, директор научно-технического музея, беседовала с Казарновским Григорием Ефимовичем на разные темы, в т. ч. и о рукописи Курако. Дело в том, что в декабре 1926 г. Г. Е. Казарновский, ученик М. К. Курако, а впоследствии помощник главного инженера И. П. Бардина от Тельбессбюро, получил клеенчатую тетрадь в черной обложке. В этой тетради великий доменщик еще в 1912 г., находясь в Юзовке (ныне — г. Донецк), начал писать ряд статей о конструкции доменных печей.

Привожу запись этой беседы. «После его смерти (Курако — *Н. С.*) я с Хабаровым (А. А. Хабаров — заведующий доменным отделом проектного бюро Юзовского завода приехал в Кузбасс вместе с Курако в 1917 г. в качестве главного конструктора — *Н. С.*) имели намерение обработать записи и издать их в виде посмертного труда с авторством Курако. Рукопись у него была написана вчерне. Но мы этого не сделали. Начали, но не закончили. А потом все взгляды Курако и его учение были изложены другим его учеником — Гулыгой. Напечатаны статьи были под авторством Гулыги, со ссылками на Курако в журнале «Уголь и Железо» примерно в 1925–1927 гг. Отдельная брошюра о плане доменного цеха была издана в Енакиево, обработана Жестовским и Бардиным». Дальше в записи идет пометка Е. М. Полянской: «клеенчатая тетрадка Курако и сейчас находится у Казарновского».

В 1955 г. Григорий Ефимович скончался и был похоронен на Верхней колонии рядом с М. К. Курако. Куда последовал весь архив этого глубокого и уважаемого человека, которого на комбинате называли «ходячей энциклопедией», оставалось загадкой. Попробуем разобраться в жизненных перипетиях.

В архиве музея Новокузнецкого металлургического завода хранится стенограмма разговора с М. Ф. Жестовским, на руках у которого в Кузнецке в 1920 г. скончался Михаил Константинович. Она частично проливает свет на события более чем 80-летней давности. Замечу, что беседы с М. Ф. Жестовским, начальником доменного цеха Магнитогорского завода, были записаны писателем А. А. Беком в Магнитогорске в 1932–1934 гг. и удивительным образом попали к нам в музей как архив редакции «Истории фабрик и заводов», которая собирала материалы о Кузнецкстрое и о М. К. Курако:

«Банда Рогова в г. Кузнецке произвела бандитский террор. Было вырезано 700 человек. Инженеры, техники, и другие специалисты считались врагами народа и этой бандой уничтожались, в частности, пострадала квартира Курако, который в то время отсутствовал и находился на Гурьевском заводе. Самым обидным в погроме квартиры явилось уничтожение письменного труда «Конструкция доменных печей и доменный процесс», которым он упорно занимался. В редактировании этого труда мне пришлось принимать участие, как и другим работникам: Казарновскому, Лизунову, Владимирскому. Этот труд должен был явиться настольной книгой не только для инженеров-доменщиков молодых и старых, но и вообще для всякого специалиста и чело-

века, интересующегося доменным производством. Им была самым тщательным образом разработана история развития конструкций не только доменных печей, а каждой детали с приложением тех, по которым развивалась каждая часть доменных печей. Была специальная глава, посвященная тем авариям, которые происходили в доменном цехе на протяжении его работы, а также тем мерам борьбы, которые применялись им и другими на ряде заводов. Вся эволюция доменных печей, начиная с 1895 года и до написания этого труда — до 1919 года, была скомпонована в чрезвычайно простой, сжатой и удобно-понятной форме».

Из письма Г. Е. Казарновского писателю Константину Яковлевичу (фамилия, к сожалению, неизвестна): «чертежи М. К. Курако в конце концов поступили в архив Кузнецктсроя. Сохранились ли они сейчас, сказать не могу. На этих чертежах не было ни подписи, ни штампа, это были светокпии. Рукопись работы «План доменного цеха» я в свое время передал старейшему из учеников Курако, ныне вице-президенту АН СССР И. П. Бардину, некоторые черновики имеются у меня. Я стараюсь привести их в порядок, чтобы сдать их нашему краеведческому музею...» (1952 г.).

Григорий Ефимович, вероятно, не успел подготовить рукописи для передачи в музей, последние годы он болел. Павла Васильевна, жена Г. Е. Казарновского, жила в знаменитом доме на улице Metallургов, 25 на одной площадке с семьей Жеребиных и в одно прекрасное время передала им бесценную папку, в которой кроме рукописи доменщика имелся еще один документ — письмо жены Михаила Константиновича Курако.

В XXI веке найти письмо с адресом, фамилией и именем жены и дочери знаменитого металлурга! Текст этого письма можно назвать криком души, последней надеждой:

«Многоуважаемый т. Казарновский! Извините, что нарушаю Ваш покой и отнимаю дорогое время, но тяжелая нужда заставляет меня обратиться к Вам, как к другу и товарищу Курако Михаила Константиновича. Живется нам хуже, чем плохо. Я старый больной человек, силы уходят. Дочь моя Анна, если я умру, останется совершенно одна, без родных и друзей и без всяких материальных средств. Она очень застенчивый и самолюбимый человек, умрет, а не обратится за помощью ни к кому. Она работает на Сталинском металлургическом заводе, секретарем юридической части, но получает зарплату как рассыльная. Если возможно, помогите ради вашей дружбы с покойным Михаилом. Еще раз извините, глубокоуважаемый т. Казарновский. Остаюсь уважающая Вас, Янина Курако. 19 мая 1948 год».

Теперь остается только догадываться, что ответил ей Григорий Ефимович. Но пока вернемся назад, в 1930-е гг., к беседе с М. Ф. Жестовским: «Помню, когда я вернулся из Сибири на юг России, то до меня дошли слухи, что жена и дочь Михаила Константиновича бедствуют, и мы решили им помочь. Иван Павлович Бардин послал специального человека в Москву разыскать их, так как они тогда, в 1923 году, жили в Москве, а я и Бардин работали в Енакиеве. Когда я в 1920 году вернулся на Украину с Кузнецка, много народу ко мне приходило, и я самым подробнейшим образом рассказывал им о Константиновиче. Все требовали панихиду. В 1921 году была отслужена па-

нихида, все речи были посвящены его памяти. Это было чрезвычайно трудно и тяжело. Иван Павлович не выдержал, плакал, начал говорить речь, но не смог, остановился и бросил. Мы выручили его жену и дочь. Они были устроены в Юзовку. Его семья просили отдать им все, что от него осталось. Я помню, что у него сохранился ковер, архив чертежей, все это я продал «Сибуглю» и вырученные деньги передал жене».

Возьму на себя смелость предположить, что дальше события развивались следующим образом. И. П. Бардина в 1929 г. назначают главным инженером Кузнецкстроя, и его, безусловно, захватывает «планов громадьё». М. Ф. Жестовский покидает благословенную Украину и уезжает в Магнитогорск. Г. Е. Казарновский, помощник главного инженера Бардина, дни и ночи пропадает на гигантской стройке. О семье Курако, мало кто вспоминал.

В 1948 г. уже пожилому Григорию Ефимовичу приходит письмо от Янины Курако. Вероятно, он сразу сообщает об этом академику И. П. Бардину. Иван Павлович, несмотря на свой внешний угрюмый вид, был человек очень добрый и помогал многим своим родственникам, друзьям, сослуживцам (в архиве имеется немало свидетельств обращения к нему за помощью). Поэтому он не мог не отозваться на горестную просьбу.

Доказательством этой версии служит письмо личного секретаря депутата Верховного Совета академика И. П. Бардина Липской Олимпиады Николаевны, написанное в 1984 г. в адрес научно-технического музея: «Вот что значит ущербность: много лет по просьбе Ивана Павловича я переводила деньги семье Курако, насколько помнится в Сталино, а теперь адрес не помню, но попытаюсь навести справки».

Со дня смерти Ивана Павловича прошло 47 лет. Как сложилась жизнь Анны (дочери М. К. Курако) пока неизвестно. Но это дело времени. Я заметила одну закономерность: когда начинаешь глубоко заниматься историей и узнавать судьбы людей, неожиданно приходят письма от совершенно незнакомых людей, открываются личные архивы, которые помогают раскрыть много темных пятен в истории, т. е. происходит своего рода цепная реакция.

Две бесценные находки, которые долго хранились в скромной папочке с материалами Г. Е. Казарновского, нашли своего достойного хранителя и почитателя. Им стал научно-технический музей ОАО «НКМК», в котором сосредоточены редкие материалы по истории индустриализации Сибири. Эти новые экспонаты, несомненно, послужат основой для других открытий в богатейшей истории металлургии России.

N. V. Stepanova

Museum of Novokuznetsk Metallurgical Plant (Novokuznetsk, Russia)

The Memory of O. M. Kurako

The paper describes the museum staff searching for unknown scientific works of the outstanding metallurgist Mikhail Konstantinovich Kurako.

Key words: Kuznetsk Metallurgical Combine, M. K. Kurako

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРПРИТАЦИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ СТАЛИНСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НА УРАЛЕ

В статье дается краткая характеристика исследовательских проблем, возникающих в процессе изучения сталинской модернизации на Урале с помощью метода интерпретационного моделирования.

Ключевые слова: Урал, сталинская модернизация, моделирование, интерпретация, промышленный комплекс

Интерпретационное моделирование исторических объектов основано на теоретическом воспроизведении их содержания и внешних условий существования. Эвристическая ценность данного метода заключается в расширенных исследовательских возможностях интерпретации исторических процессов, учете разнообразных, в т. ч. латентных, факторов и формировании более корректных подходов к историческому исследованию.

В процессе интерпретационного моделирования сталинской модернизации на Урале следует учитывать ряд моментов: существование естественных процессов регионально-экономического развития, оформление идеологической концепции сверхцентрализации, косвенное влияние внешнеэкономических факторов на политику промышленной модернизации, воздействие социально-политических процессов на экономику региона.

К началу 1930-х гг. в развитии уральской промышленности обозначились две противоположные тенденции, ставшие результатом стремления власти изменить традиционную для Урала техническую направленность. С одной стороны, это складывание в рамках Уральского региона самостоятельно-производственного комплекса, способного органично объединить различные отрасли, связать их с производственной и социальной инфраструктурой и создать на этой базе возможность технологического роста.

С другой стороны, это отрицание естественных регионально-экономических связей и создание вместо них жесткой вертикали с помощью административно-бюрократических методов директивного планирования. Данная тенденция полностью соответствовала тоталитарной модели, оформившейся к началу 1930-х гг.

Попытка воплощения первого направления нашла отражение в «Генеральном плане хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективах первого пятилетия», подготовленном Уральской плановой комиссией облисполкома к июлю 1927 г. Главная идея этого плана заключалась в том, чтобы создать на Урале крупный индустриальный центр с законченным циклом промышленного производства от разработки сырья до выпуска готовой продукции.

*Владимир Станиславович Терехов

К.и.н, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина, Екатеринбург, Россия; terek-22@mail.ru

Более поздние попытки создания территориально-производственных комплексов (ТПК), например, Урало-Кузнецкого комбината, реализовывали модель региональных комплексов лишь отчасти. ТПК эпохи индустриализации являлись искусственными формированиями, сохранявшими жизнеспособность лишь благодаря системе централизованного управления и контроля. Основное развитие в них осуществлялось в направлении «от центра к регионам» в соответствии с изначально заданной стратегией. Региональные факторы учитывались ровно настолько, насколько это было необходимо для достижения единой цели. Отсутствие определенных условий в регионе вело не к изменению доктрины, а к попытке создания этих условий, зачастую ценой снижения эффективности.

Рубеж 1920–1930-х гг. характеризовался причудливым соединением гигантских замыслов по переустройству промышленности и мизерных возможностей их осуществления. Закономерным результатом нереального планирования становилась дестабилизация производственного процесса, охватившая основные отрасли уральской промышленности. Главной проблемой было отсутствие четкости взаимодействия смежных производств, что оказывалось особенно необходимым в условиях декларированного комплексного подхода. Увлекаясь долгосрочным стратегическим прогнозированием, тресты и заводоуправления порой не заботились о текущем планировании, перекладывая эти заботы на вышестоящие организации. Данное обстоятельство являлось следствием перехода к модели вертикального управления. Практически все недостатки уральской промышленности рубежа 1920–1930-х гг. так или иначе были связаны с системой централизованного управления. Примером может служить возникший в 1929 г. энергетический кризис на металлургических предприятиях треста «Уралмет» в Златоусте, Нижнем Тагиле и Кушве. Эту проблему можно было решить, подключив Златоустовский завод к Челябинскому энергоузлу и расширив Кушвинскую и Тагильскую электростанции. Из-за бездействия горизонтальных взаимосвязей вопрос решался в течение года.

Урал к началу 1930-х гг. уже обладал контурами будущих внутрирегиональных комплексов. Северо-Западный Урал в составе Вишерского, Соликамско-Березниковского, Верхнекамского и Пермского промышленных узлов располагал химическим сырьем, энергетическими ресурсами, рудой, лесными массивами и водными путями. В рамках УКК здесь должны были развиваться все виды химической промышленности, лесобумажная отрасль, цветная металлургия и обработка металлов.

Центральный горнозаводской Урал в составе Тагило-Кушвинско-Красноуральского, Свердловского, Чусовского и Синарского узлов должен был развивать черную, цветную металлургию, горнорудную промышленность, тяжелое и транспортное машиностроение.

В южной части Урала в составе Златоустовско-Бакало-Кусинского, Челябинского и Магнитогорского узлов предполагалось создание энергетического, металлургического, машиностроительного и химического комплекса.

Идея создания на Урале угольно-металлургической базы рассматривалась в рамках перспективного развития межрегионального производственно-

го комплекса — Урало-Кузнецкого комбината (УКК). Фундаментом УКК являлся замысел сочетания уральских железорудных месторождений с кузнецкими и карагандинскими запасами коксующегося угля. Общее перспективное планирование ставило целью связать между собой несколько «гигантских комбинатов-комплексов», включающих в себя (на техническом уровне) различные отрасли. УКК задумывался как база снабжения страны качественной сталью, чугуном, цветными металлами, продукцией металлоемкого машиностроения. При этом Уральский регион должен был играть роль ведущего звена УКК.

Общая картина состояния уральской промышленности к началу сталинской модернизации иллюстрирует зачаточное развитие комплексного подхода, опиравшегося в основном лишь на технократические принципы. Одним из необходимых условий этого процесса выступал так называемый «человеческий фактор», рассматривавшийся властью в узкорациональном смысле обеспеченности производственного процесса рабочей силой и специалистами. Основные показатели насыщенности технических специалистов в Уральском регионе (процентное соотношение инженеров и рабочих, удельный вес квалифицированных специалистов) оказывались хуже общесоюзных. Данный факт в начале 1930-х гг. интерпретировался однозначно — необходимо наращивать численность ИТР любыми способами, учитывая при этом специфику социального происхождения. В рамках интерпретационного моделирования следует иначе толковать количественные факторы социального развития. На первый план должны выходить не столько вопросы статистического порядка, сколько проблемы зависимости количественных данных от политики власти по отношению к инженерно-технической интеллигенции. В противном случае будет трудно понять, почему в условиях острой нехватки квалифицированных специалистов власть с такой легкостью устраняла талантливую инженерную «старую школу».

Интерпретационное моделирование позволяет учесть косвенное воздействие внешнеэкономических факторов на процесс сталинской модернизации. Известно, что развитие сложноорганизованных систем, к числу которых принадлежит экономика, происходит волнообразно. Для экономики это выражается в движении от подъема к кризису со всеми вытекающими из него последствиями. Разразившийся в 1929–1932 гг. мировой экономический кризис, охвативший включенные в мировой рынок страны и проявившийся в падении уровня производства и росте безработицы, оказал влияние и на нашу страну, хотя и с хронологической задержкой, вызванной автаркическими тенденциями тоталитарного режима.

Рыночная экономика капиталистических государств, не имевшая тогда эффективных регуляторов, оказалась не в состоянии погасить негативные последствия кризиса, что привело к необходимости изменения экономической политики. Советский Союз, несмотря на самоизоляцию, все же оказался в сфере влияния мирового кризиса. Основной статьей экспорта являлось зерно. Кризис привел к падению мировых цен, в т. ч. и на сельскохозяйственную продукцию, в результате чего наша страна лишилась значительной доли валютной поддержки процесса индустриальной модернизации. Иностранные

инвестиции властью не рассматривались в принципе, внутренние ресурсы оказались фактически исчерпанными уже к 1932 г., а промышленный рост по инерции продолжался, что вселяло уверенность в правильности курса.

Результатом стало достижение такого состояния экономики, когда промышленность была достаточно обеспечена производительными силами, но минимальный объем капиталовложений фактически не способствовал рентабельности производства. В условиях рыночной экономики это привело бы к росту безработицы. Командная экономика предложила свои методы решения данной проблемы. Ликвидация безработицы была декларирована еще в начале 1930-х гг. Возвращение к ней оказывалось невозможным по идеологическим мотивам. К тому же принятая в 1936 г. Конституция СССР гарантировала всеобщее право на труд. Созданная на рубеже 1920–1930-х гг. система подготовки индустриальных кадров стремительно набирала обороты и ежегодно выпускала тысячи инженеров и техников. Сокращение количества учебных заведений означало для власти снижение благоприятных показателей. Реагировать гибко на изменение конъюнктуры централизованная система была не в состоянии. Оставалось два пути. Либо признать существование латентной безработицы, когда работники формально считаются занятыми, но фактически не работают и получают минимальное вознаграждение, что, кстати, являлось реальностью того времени. Либо использовать силовые приемы для регуляции уровня занятости.

Власть предпочла второй путь, а потому усиление политических репрессий можно рассматривать и как реакцию на экономический кризис. В результате была создана резервная армия труда, усилиями которой обеспечивалась экономическая поддержка ресурсоемких проектов. Насколько эффективно было использование такой рабочей силы, вопрос особый. К тому же репрессии носили произвольный характер, и многие предприятия часто оказывались совсем лишенными специалистов и руководителей. И хотя на смену репрессированным быстро приходили новые люди, это не способствовало стабилизации.

Таким образом, метод интерпретационного моделирования позволяет проанализировать сталинскую модернизацию в достаточно широком диапазоне социально-исторических условий и выявить ряд факторов, оказавших серьезное влияние на протекание данного процесса.

V. S. Terekhov

Candidate of Historical Sciences, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia)

Research Opportunities of Interpretative Modeling of Stalinist modernization in the Urals

The author gives a brief description of research problems which arise in the study of Stalin's modernization in the Urals by the method of interpretive simulation.

Key words: the Urals, the Stalinist modernization, modeling, interpretation, industrial complex

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ СЕРЕДИНЫ XX в. И УРАЛЬСКИЙ ЭТОС

В статье анализируются характерные черты уральского этоса, понимаемого как неформализованный регулятор институционализированной социальной практики. Такой подход позволяет выявить качественные изменения, происходившие на Урале в контексте модернизационных процессов середины XX в.

Ключевые слова: модернизационные процессы, Урал, этос, середина XX в.

В русле поиска социокультурных кодов, находящихся в основе существования российской цивилизационной «матрицы», следует обратить внимание на содержание понятий и структур, позволяющих выявить степень преемственности, глубину эволюции и наличие революционных изменений в масштабе региональной (уральской) истории XX столетия. Протекание модернизационных процессов в середине XX в. определялось как общестрановыми трендами, так и региональными особенностями. Причем масштабность, глубина, скорость, эффективность этих процессов во многом зависели от «резонанса», вызываемого социально-экономическими трансформациями в социокультурной сфере, повседневной жизни людей.

Выявить некоторые аспекты этих изменений на региональном уровне позволяет обращение к категории этос, понимаемой как неформализованный регулятор институционализированной социальной практики, стиль жизни какой-либо общественной группы, ориентация ее культуры, принятая в ней иерархия ценностей. Понятие этос тесно увязывается и корреспондируется с понятиями качество жизни, стиль жизни, модели, стратегии поведения, жизненные стандарты, идентичность и т. п. Современные исследователи [3] отмечают, что определяющим концептом региональной идентичности уральцев была особая культурная миссия — миссия служения России, обусловившая формирование «уральского характера», т. е. ценностно-поведенческого комплекса, определяющего установки и поведение значительной части уральского населения, ставшего генетически и культурно-исторически выработанным феноменом, закрепленным поколениями людей в условиях специфической среды. «Уральцу» присущи: невозмутимое спокойствие и долготерпение в отношении тягот жизни; сдержанность, доходящая до суровости; выносливость; общинная взаимовыручка и взаимопомощь, «чувство локтя» и коллективизм; трудолюбие; религиозное «нестяжательство»; особая приверженность старине и традициям, консервативность взглядов; характерная сметли-

* Андрей Владимирович Трофимов

Д.и.н., Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия; 2519612@rambler.ru

вость, решительность, способность к самостоятельным решениям; свободолюбие; готовность к трудовому подвигу; патриотизм, «оборонное сознание»; осмысление благополучия своей судьбы только в контексте благополучия Родины и т. д.

Уральцами в середине XX в. были потомки рабочих и мастеров, в т. ч. многочисленные трудовые династии, чьи корни уходили во времена промышленного освоения Урала в XVIII–XIX столетия, и те, кто начал свои трудовые биографии в годы индустриализации 1930-х гг., а также был эвакуирован вместе с сотнями промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны и остался на Урале после ее окончания. Являясь регионом повышенной концентрации лагерных систем, Урал испытал все негативные последствия карательной политики государства. Лагерь Западного и Среднего Урала, служившие не только формой наказания, но ставшие образом жизни, оказали существенное влияние на все стороны общественного бытия края. Урал — место ссылки и эвакуации, что во многом определило своеобразие его этоса [6, с. 94–114]. Географическая эвакуация: Ленинград, Прибалтика, Украина, Москва способствовала привнесению западных, европейских элементов, включая профессиональные дискурсы и модели поведения. После войны Урал был определен и как место возвращения западной и восточной эмиграции (Шанхай, Харбин), которая сохранила русскую культуру, но с явственной экзотической прививкой. К 1950-м гг. Урал превратился в своеобразный «этнический котел». Традиционные национальности, живущие на Урале, в годы войны и послевоенное время были и добровольно, и насильственно дополнены. Это немцы Поволжья, принесшие свою культуру быта. Пленные немцы оставили «немецкий след» в архитектурном облике ряда уральских городов. Это крымские татары, корейцы, ассирийцы, внесшие восточный акцент в культуру Уральской провинции. Культурная эвакуация: театры, издательства, музеи, сообщества писателей определили необычайно высокую интенсивность культурной жизни нескольких десятилетий.

Современные исследователи отмечают [12; 13, с. 124; 14, с. 178–179], что в середине XX в. в Уральском регионе обеспечивалось простое воспроизводство рабочей силы. Со второй половины 1950-х гг. демографическое развитие края вступило в третью фазу демографического перехода, сопровождаемую ослаблением миграции из села в город, снижением темпов урбанизации, повышением интенсивности возвратных перемещений по мере усложнения пространственной структуры общества. В послевоенный период, и особенно в конце 1950-х гг., Урал потерял в неэквивалентном миграционном обороте с другими территориями СССР 2 992 тыс. чел., причем городское население региона за счет миграции выросло на 931 тыс., а сельское в результате безвозвратной миграции сократилось на 3 923 тыс. чел. Кроме этого, в результате старения населения кривая смертности постепенно начинает расти. С 1959 г. Урал утратил лидирующее положение по темпам прироста населения. В этот период также были отменены законы, запрещавшие депортированным выезжать за пределы территории вынужденного переселения.

Были сняты ограничения на выезд из сельской местности. Все это усилило миграционные процессы в регионе, сопровождавшиеся оттоком людей.

Значительное влияние на состояние общества оказывала холодная война. Урал превратился в один из центров создания новых видов вооружений, выполнение оборонных заказов стало главным показателем работы региона. В том, что именно Уральский регион стал «опорным краем державы» и одним из ведущих центров создания ракетно-ядерной триады, наряду с геополитическими, экономическими факторами значимую роль сыграл и уральский этос. Основательность, настойчивость, упорство при решении сложных производственных задач, высокий профессионализм, умноженный на творческое начало — эти сущностные черты «уральского этоса» попали в резонанс с деятельностью «харизматических лидеров» уральского ОПК, что обеспечило синергетический эффект. Так, академик Н. А. Семихатов, создатель систем управления ракет морского базирования, обращал внимание на особенности уральского народа, очень трудолюбивого и совершенно неиспорченного. На вопрос В. С. Губарева: «Что вы вкладываете в понятие “испорченный”?» Н. А. Семихатов ответил: «Я Москву знаю хорошо... До августа 1953-го был москвичом, а потом мне приходилось ездить туда достаточно часто... Я считаю, что Москва совершенно испорченный регион. Это своего рода какая-то популяция, которая не относится к России, хотя и управляет ею... На мой взгляд, Москва интересы России не представляет...» [2, с. 214].

Высокая ценность в сознании уральцев добросовестного труда сочеталась с установкой на социальную справедливость в его оплате. Уральские историки отметили [7; 8], что в ходе упорядочения заработной платы в СССР (1956–1962 гг.) в промышленности Урала практически повсеместно проводилось снижение тарифных разрядов. Были «упорядочены» льготы, которыми пользовалась часть рабочих, уменьшены размеры районных коэффициентов, отменены в ряде районов зональные надбавки, что привело к снижению заработной платы некоторых категорий трудящихся. В частности, на предприятиях Свердловской области из-за «уточнения границ районов Крайнего Севера» зарплата снизилась у 12 % рабочих. Причем снижение коснулось в основном квалифицированных рабочих, чей заработок превышал 150–200 руб.

Неоднозначные с точки зрения социальных последствий меры, обусловленные экономической необходимостью обеспечить опережающий рост производительности труда над ростом заработной платы, в целом были встречены с пониманием. Тем более, что уральцы видели вполне ощутимые результаты социальной политики государства. В ходе проведенного в стране в начале 1960-х гг. социологического исследования 76 % уральских респондентов отметили повышение уровня своей жизни за последние годы, 17 % признали, что он остался без изменений и лишь 7 % отметили его понижение [1, с. 125]. Хотя многие социальные проблемы до конца решить не удалось, они были значительно смягчены. В сфере здравоохранения реализация принципов доступности, бесплатности и профилактики, сочеталась с увеличением его финансирования, расширением сети медицинских учреждений, коечного фонда, ростом численности специалистов, укреплением материально-

технической базы и способствовала снижению уровня заболеваемости населения по ряду болезней и увеличению показателя естественного прироста населения. За счет увеличения капиталовложений на социальное обеспечение населения Южного Урала с 1953 по 1964 г. в 6 раз увеличились контингент получавших пенсии и размер данных выплат [5]. Проводилась значительная работа по санаторно-курортному лечению, переобучению и трудоустройству инвалидов и престарелых, устройству их в специализированные учреждения. Широкая программа развития коммунально-бытового хозяйства способствовала улучшению социальной сферы жизни населения региона. Увеличение капиталовложений позволило расширить сеть водопроводно-канализационного хозяйства, предприятий бытового обслуживания населения, улучшить благоустройство городов и рабочих поселков. В то же время эти изменения мало коснулись сельских жителей.

Вместе с тем темпы роста благосостояния в стране и на Урале хронически отставали от формирующихся в обществе стандартов потребления, что провоцировало перманентный дефицит, а основной характеристикой уровня жизни населения оставалась неудовлетворенность базовых потребностей. Уровень и динамика материальной обеспеченности населения Свердловской области имели более высокие, чем в среднем по стране, показатели, что объяснялось значительным уровнем развития промышленного производства и предопределяло более высокий уровень заработной платы населения и, соответственно, более высокие доходы и расходы. В структуре потребления населения приоритетными были расходы на питание, приобретение одежды и обуви, покупку алкогольных напитков и формирование вкладов [9]. В 1950–1960-е гг. на Урале происходил довольно быстрый рост потребления основных продуктов питания, который позднее сменился стагнацией и спадом. Индустриальный потенциал Свердловской области способствовал более активному решению жилищной проблемы, чем в целом по стране, в связи с чем менялось соотношение индивидуально-семейных и коллективно-массовых форм проведения свободного времени. Если во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. преобладали массовые активные формы проведения свободного времени, то с улучшением жилищных условий и распространением телевидения стали преобладать индивидуальные, пассивные формы проведения свободного времени. Вместе с тем в условиях прогрессирующей урбанизации решить жилищную проблему не удалось, что обусловило сохранение специфического «коммунального быта» как фактора в социальном становлении нескольких поколений уральцев.

Очевидно, что уральский этос включал в себя и не санкционированные государством экономические модели и социальные практики, девиантное поведение. Исследователи показали [15, с. 874–881], как в результате прихода к власти Хрущева, отказавшегося от крайних методов авторитарного правления, в стране стало зримо проявляться такое социальное явление, как жажда наживы, ранее явно не выраженное, а порой и сознательно заглушаемое. Использование различных путей, способствующих личному обогащению, было в эпоху Хрущева вызовом советской системе, утверждавшей идеи равенства,

уравнительности, стоицизма и отвергалось большей частью населения, не попавшей в номенклатурную обойму. Архивные документы свидетельствуют, что серьезной проблемой было злоупотребление алкоголем. Так, только за 8 месяцев 1958 г. в городах и селах Свердловской области было подобрано с улицы и в общественных местах 34 тыс. чел. — в среднем почти по 100 чел. в сутки. Только на таком крупном предприятии как Нижнетагильский металлургический комбинат за это время за пьянство были привлечены к административной ответственности 2 360 и доставлен в медвытрезвитель 751 чел. За 1957 г. по области за пьянство из партии были исключены 157 чел.¹ Асоциальное поведение во многом было связано с алкогольной традицией, усугубленной процессом урбанизации и распространением городского образа жизни.

Реконструкции социокультурных практик, существовавших в 1950–1960-е гг., выполненные современными исследователями в жанре истории повседневности и микроистории, позволяют лучше понять и представить реальную историческую среду существования уральского этоса [4; 10; 16]. Наличие конфликтных полей, свойственных позднесталинскому и послесталинскому времени способствовало появлению в конце 1940-х — начале 1950-х гг. ферментов разложения, которые в послесталинское десятилетие вызывают к жизни несколько разрушительных для сложившейся политической системы процессов: отчуждение от политической жизни множества молодых людей, протестные акты одиночек, во имя коммунистических принципов отвергающих партийную линию, десакрализацию власти и, наконец, глухое недовольство всем и всяческим начальством со стороны городских и сельских низов. Даже лучшее качество жизни, обеспеченное высшим руководством страны для жителей закрытых уральских городов (ЗАТО), не стало залогом однозначно положительного отношения населения к существующей власти. Широко внедряемый в общественное сознание «образ коммунизма» получил в уральском этосе различное отражение: оптимистическое стремление включиться в движение за коммунистический труд; потребительское ожидание реализации принципа «от каждого по способностям, каждому по потребностям» (особенно его второй части); скептическое восприятие, основанное на нелегком жизненном опыте. Официальные коммунистические перспективы выступали скорее как оболочка, и текст Программы партии воспринимался как своеобразное «откровение». В реальной жизни людей интересовали конкретные положения, связанные с обыденной стороной жизни.

В праздничной культуре уральского этоса в период «хрущевской оттепели» также произошли некоторые изменения [11, с. 73-85]. Вместе с другими типами и формами народного празднества, перешедшими из 1920–1930-х гг., появились новые праздники, которые демонстрировали всему миру окончательно сложившуюся новую историческую общность — советский народ, его образ жизни, духовные ценности и идеалы. В основе большинства советских праздников лежали значительные общенародные события прошлого и история строительства социалистического общества, появились новые праздни-

¹ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 58. Д. 120. Л. 4–5.

ные формы: посвящение в рабочий класс, хлебобобы и т. п.; чествования героев пятилеток, трудовых династий; конкурсы по профессиям; слеты передовиков производства, наставников молодежи; трудовые вахты, ударные недели, месячники, красные субботники и воскресники; декады «Наука — производству»; слеты рационализаторов и изобретателей; праздники первой зарплаты, проводы на пенсию.

В заключении отметим, что качественные характеристики уральского этоса в середине XX в. способствовали успешному протеканию модернизационных процессов, которые, в свою очередь, трансформировали стиль жизни, модели поведения и другие его компоненты.

Библиографический список

1. *Грушин Б. А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Эпоха Хрущева. М., 2001.
2. *Губарев В. С.* Секретные академики. М., 2008.
3. *Казакова Г. М.* Культура Южного Урала: локальный вариант регионального измерения. СПб., 2007.
4. *Лейбович О. Н.* В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. М., 2008.
5. *Леонтьева Е. А.* Социальная политика на Южном Урале в период правления Н. С. Хрущева (1953–1964 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013.
6. Литературная жизнь Урала XX века: литературоведческая концепция музейной экспозиции. Екатеринбург, 2008.
7. *Личман Б. В.* Уральская индустрия в экономической политике Советского государства второй половины 50-х — середины 80-х гг. Екатеринбург, 2007.
8. *Мартюшов Л. Н.* Промышленные рабочие Урала в 1955–1985 гг. Екатеринбург, 1999.
9. *Мамяченков В. Н.* Материальные условия жизни семей промышленных рабочих в 1953–1964 гг.: от Сталина до Брежнева: историко-экономическое исследование. Екатеринбург, 2010.
10. *Мельникова Н. В.* Атомный проект: власть в повседневной жизни закрытого города // Государство и народ в условиях социалистического эксперимента: опыт ретроспективного анализа. Екатеринбург, 2008.
11. *Мордасов А. А.* Праздничная культура Южного Урала в период «хрущевской оттепели» // Вестн. Челябинской государственной академии культуры и искусства. 2007. № 1(11). С. 73–85.
12. *Мотревич В. П.* Историческая демография России. Екатеринбург, 2007.
13. Население Урала. XX век. История демографического развития / А. И. Кузьмин, А. Г. Оруджиева, Г. Е. Корнилов и др. Екатеринбург, 1996.
14. Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998.
15. *Хазиев Р. А.* Будни зазеркалья социалистической экономики хрущевских времен // Вестн. Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 3. С. 874–881.

16. *Чащухин А. В.* Педагогический корпус в социальном пространстве формирующегося города (1950 — первая половина 1960-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006.

A. V. Trofimov

Doctor of Historical Sciences, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia)

Modernization processes of the middle of the XX century and the Ural ethos

The paper analyzes the characteristic features of the Ural ethos understood as the unformalized regulator of the institutionalized social practice. Such approach allows to reveal the high-quality changes, which were happening in the Urals in a context of modernization processes of the middle of the XX century.

Key words: modernization processes, the Urals, ethos, the middle of the XX century

ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРОДСКИХ УПРАВЛЕНИЙ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В СФЕРЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

В статье исследованы основные формы хозяйствования городских властей Тобольской губернии в сфере промышленности: муниципализация, концессия, подрядная система и др., отмечается, что лишь отдельным городам удалось обзавестись муниципальными предприятиями.

Ключевые слова: Тобольская губерния, промышленность, муниципализация, концессия, подрядная система, городские управления

На рубеже XIX–XX вв. строительство и эксплуатация городских предприятий и сооружений стали важной сферой приложения усилий и предприимчивости органов местного самоуправления. Городским властям, наряду с правом утверждения обязательных правил жизнедеятельности на своей территории, предоставлялось несколько юридических форм хозяйственного управления: муниципализация, концессия и подрядная система. Центральная власть особое значение придавала муниципализации. В 1897 г. МВД приняло специальный циркуляр, направленный на ускорение процесса муниципализации, который предписывал городским управлениям своими силами создавать промышленные предприятия и по возможности выкупать их у частных лиц, а за счет прибыли от их эксплуатации пополнять доходные статьи местных бюджетов [1].

Сущность концессии заключалась в следующем: городская управа заключала с предпринимателем контракт, по которому последний на свои средства открывал какое-либо предприятие, получал от его использования прибыль в течение определенного срока, по окончании которого предприятие выкупалось городским управлением, т. е. переходило в его ведение. В этом контексте, Главное управление по делам местного хозяйства МВД срочным циркуляром от 20 октября 1914 г. запросило у губернаторов сведения относительно сроков концессионных договоров городских управлений с частными лицами и обществами на устройство и эксплуатацию предприятий общего пользования. В связи с войной, города оказались не в состоянии воспользоваться правом выкупа тех предприятий, срок выкупа которых истекал в 1914 и 1915 гг. МВД, лишенное возможности оказать помощь городам, считало своевременным изыскать способы решения этого вопроса¹.

Следует признать, что промышленность городов Тобольской губернии как по количеству предприятий и рабочих на них, так и по объемам выпуска продукции, а, следовательно, и доходности заметно отставала от европейской России. Общественный деятель Н. М. Ядринцев отмечал: «техническая неумелость и фабричная непроизводительность Сибири поражает... громадный край, облада-

*Александр Борисович Храмцов

К.и.н., Тюменский государственный архитектурно-строительный университет, Тюмень, Россия; khramtsov_ab@bk.ru

¹ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1240. Л. 1–1 об.

ющий великими богатствами природы, не может продовольствовать себя своими собственными средствами. От гвоздя до деревянной ложки он нуждается во всем привозном и за все платит втридорога...» [4]. Тем не менее, общий экономический рост конца XIX в. дал толчок развитию и местной промышленности. Малые предприятия по производству различных товаров работали в 8-ми городах региона, за исключением северных поселений — Березова и Сургута (см. табл. 1). Например, если в 1895 г. в Тюмени насчитывалось всего 37 предприятий (в основном кожевенных, мыловаренных и салотопенных) с общей суммой производительности 1 034 404 руб., то в 1908 г. уже 61 — 2 568 423 руб.² [2, с. 123].

Таблица 1

Промышленность городов Тобольской губернии (1904 и 1913 гг.)

Город	1904 г.			1913 г.		
	Фабрик и заводов	Рабочих	Сумма производительности (в руб.)	Фабрик и заводов	Рабочих	Сумма производительности (в руб.)
Тюмень	53	1 176	3 062 698	82	1 793	3 054 024
Курган	33	234	911 736	49	508	1 061 600
Тара	22	153	141 850	25	158	291 963
Тобольск	57	295	281 863	92	595	1 750 712
Турунск	11	50	79 400	30	176	75 655
Тюкалинск	23	115	73 700	23	43	34 050
Ишим	54	166	285 900	43	227	3 149 054
Ялуторовск	18	18	645	18	41	208 000
Березов	—	—	—	—	—	—
Сургут	—	—	—	—	—	—
Всего	271	2 207	4 837 792	362	3 541	9 625 058

Таблица составлена по: Обзор Тобольской губернии за 1904 г. Тобольск, 1905. Ведомость № 2; Обзор Тобольской губернии за 1913 г. Тобольск, 1915. С. 15.

Владельцами промышленных предприятий в Тобольской губернии в большинстве своем являлись частные предприниматели. В частности, екатеринбургский мещанин Н. Д. Машаров в 1900 г. основал в Тюмени чугунолитейный завод, выпускавший чугунное литье, посуду, гвозди и др.; купец В. Логинов в 1904 г. получил от городской управы свидетельство о разрешении открыть спичечную фабрику, позднее преобразованную в фанерный комбинат. В Тюмени купцы держали 11 кожевенных предприятий. Росли объемы мукомольной промышленности: мельницы купцов А. И. Текутьева, И. П. Колокольникова, братьев Колмаковых вырабатывали несколько тысяч пудов муки в год. В южных уездах губернии (Ишимский, Курганский и Ялуторовский) интенсивно развивалось маслоделие. Высокие темпы развития получили судостроение и рыбопромышленность. В 1899 г. было создано Товарищество «Западно-Сибирского пароходства и торговли» путем слияния пароходных компаний: «Курбатов и Игнатов», «А. Трапезников и К°»,

²Список населенных мест Тобольской губернии. Тобольск, 1912. С. 15.

«А. Ф. Морозова наследница Е. Г. Морозова» и «Ф. С. Колмогорова наследники». В 1912 г. к товариществу присоединились ТД «И. Н. Корнилова наследники» и АО «Русско-Китайское общество пароходства и торговли». Компания осуществляла перевозку грузов и пассажиров по Оби, Иртышу, Тоболу и др. Накануне I Мировой войны его флот состоял из 52 пароходов и 200 барж, а основной капитал составлял 4,114 млн. руб.

Наиболее развитой отраслью местного хозяйства являлась скотопромышленность, чему способствовали климат и удобные пастбища южных уездов края. Забоем скота занимались купцы, мещане и зажиточные крестьяне. Реформа 1870 г. возложила на органы городского управления прямые обязанности заботиться о том, чтобы потребители мяса получали «таковое вполне доброкачественным и безвредным для здоровья», что привело к открытию в 8-ми городах Тобольской губернии муниципальных скотобоев [3]. Не менее быстрыми темпами развивалась лесопереработка. Тюменский голова А. И. Текутьев передал в ведение городской управы приобретенную им лесопилку, которая должна была удовлетворять как нужды городской управы по строительству общественных зданий, тротуаров, мостов и проч., так и пополнять доходную часть местного бюджета от исполнения частных заказов. К примеру, ее прибыль в 1910 г. составила 42 004 руб. (14,6 % всех доходов города)³.

Развитие местной промышленности заметно активизировалось благодаря устройству электричества. Доходность электрических станций подталкивала городские управления к выкупу их у частных компаний либо строительству собственных. Скажем, Тобольская городская управа предложила губернатору передать городу электростанцию губернского управления за 3 316 руб. 63 коп., на что он дал 28 октября 1914 г. согласие⁴. До февральской революции 1917 г. муниципальные электростанции действовали в трех городах региона (см. табл. 2).

Таблица 2

Городские электростанции Тобольской губернии в начале XX в.

Электростанция	Год начала эксплуатации	Первоначальная мощность, кВт	Мощность в 1917 г., кВт	Источник энергии	Собственник
Тюменская (стоимость 171 тыс. руб.)	1909	220	830	дрова	Тов-во «Тюменская Электрическая Станция», с 1 октября 1916 г. — Городская управа
Тобольская	1911	40	160	дрова	Городская управа
Курганская	1914	350	350	дрова	Городская управа

Таблица составлена по: ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 438. Л. 25–26 об; Д. 4. Л. 200–201 об; ГА в г. Тобольске. Ф. И-582. Оп. 1. Д. 440. Л. 8, 10; *Алексеев В. В.* Электрификация Сибири. Историческое исследование. Ч. 1.: 1885–1950 гг. Новосибирск, 1973. С. 40.

³Смета доходов и расходов города Тюмени на 1912 г. Тюмень, 1912. С. 30–31, 47.

⁴ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1233. Л. 557.

Открытие целого ряда предприятий и сооружений инициировали гласные городских собраний и служащие органов самоуправления. Городские думы Тобольской губернии, реализуя задачи «попечения и распоряжения по городскому хозяйству и благоустройству», постройку ряда дорогостоящих объектов инфраструктуры и индустрии (мостов, переправ, заведений, заводов, электростанций, водопровода, скотобоен и др.) сдавали в концессию. Активно использовались подряды. Подряд подразумевал «заказ» на поставки товаров и услуг для города или сдачу в аренду городской недвижимости без перехода права собственности. Этот способ признавался более удобным для города, как в организационном плане, так и выгодным в финансовом отношении. Городские управы периодически проводили торги (аукционы) на мощение и освещение улиц, очистку дымовых труб, поставку сена, керосина, дров, мяса, муки, сахара и других товаров первой необходимости, а также на сдачу в аренду участков городской земли, весов, торговых лавок, пристаней, прорубей, пастбищ, табунов, бань, балаганов, витрин, скверов и садов⁵.

Городские думы по частным заявлениям, как правило, принимали положительные решения. Например, Тобольская городская дума 7 августа 1914 г. по ходатайствам ТД Плотниковых и Товарищества Западно-Сибирского пароходства постановила: отдать им в арендное содержание береговые участки сроком на 12 лет с оплатой по 1 500 руб. и 3 500 руб. в год, соответственно; Ишимская городская дума 22 июня 1916 г. по прошению доверенного А. Н. Обедниковой постановила, что не встречает препятствий к установке нефтяного двигателя при ее колбасной мастерской. Аналогично дума не возражала относительно постройки крестьянином К. Щегловым салотопенно-мыловаренного заведения на арендованном у города участке земли, посчитав, что его проект может быть представлен в строительное отделение Тобольского губернского управления⁶.

Городские власти достаточно редко отказывали частным лицам в удовлетворении их просьб об открытии предприятий, аренде земли и т. п. Отказ мог быть вызван «запретом по закону», «общегородским интересом» или наличием у арендаторов долгов по оплате. Например, Ишимская городская дума отказала мещанину П. Ф. Желтышеву в покупке или аренде участка земли, т. к. «в недалеком будущем он может понадобится городу под постройку школы»; заявление купца А. А. Сыромятникова об отдаче ему участка земли под строительство пивоваренного завода Тобольская городская дума 3 июня 1914 г. оставила открытым «до проверки документов наследников Сыромятникова на аренду городской земли...»⁷.

В крупных городах региона на балансах управ состояли обширные перечни объектов инфраструктуры, предприятий и сооружений. В частности, Тюменская городская управа составляла подробный инвентарь своего недвижимого и движимого имущества с указанием стоимости, например: в

⁵ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 563; Д. 14. Л. 125, 127; Д. 45. Л. 1; Ф. И-2. Оп. 1. Д. 489 в. Л. 24–25 об; Д. 500. Л. 25–26, 36–37, 87 об; 108, 155–155 об.

⁶ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1233. Л. 394; Д. 1394. Л. 136, 146.

⁷Там же. Д. 1394. Л. 80; Д. 1233. Л. 287.

1902 г. ее собственность оценивалась в 495 645 руб., а в начале 1917 г. управа владела 48 объектами на общую сумму 76 459 365 руб., из них городская земля — 14 323 417 руб., водопровод — 8 400 000 руб., сиротское заведение — 4 259 275 руб., электростанция — 2 660 251 руб., больница — 2 643 722 руб.⁸

Городские власти, руководствуясь предписаниями МВД, постепенно приобретали объекты индустрии: мастерские, кишечные заведения, лесопильные и утилизационные заводы, скотобойни, электрические станции, водопроводы и др. В то же время, лишь крупные города губернии могли открывать или приобретать промышленные предприятия. В частности, Ишимская городская дума неоднократно обсуждала вопрос об изыскании средств для развития благоустройства и инфраструктуры. Все установленные законодательством налоги и сборы местная управа уже ввела. На заседании думы в апреле 1916 г. отмечалось, что «до сих пор город не имеет электрического освещения, водопровода, канализации, хорошей скотобойни и хороших дорожных сооружений», поэтому гласные постановили возбудить ходатайство о введении налога с грузов, ввозимых в город и вывозимых из него через железнодорожную станцию Ишим («попудный сбор»)⁹.

Долги городов по разным предметам местного хозяйства, скопившиеся к 1917 г., указывают на то, что процесс муниципализации частной индустрии тормозился из-за нехватки средств. Городские власти не могли избавиться от бюджетного дефицита. Скажем, задолженность Курганского городского управления только по хозяйственной части за 1901–1914 гг. составляла более 56 тыс. руб. (21 % от его годового бюджета). Лишь сургутские власти не имели долгов. Хотя здесь и не было промышленных предприятий¹⁰.

Следовательно, структура промышленности городов Тобольской губернии, главным образом, Тюмени, Тобольска и Кургана с развитием новых видов индустрии на рубеже XIX–XX вв. качественно менялась. Сфера, призванная обеспечивать жизнедеятельность горожан товарами и услугами, являлась полем для совместных действий частных предпринимателей и городских властей. Последние же из-за отсутствия средств и необходимости содержать объекты социальной инфраструктуры не могли планомерно развивать собственное производство, поэтому активно использовали такие формы хозяйствования как концессия и подряды. Лишь указанным городам удалось обзавестись муниципальными предприятиями (электростанции, лесопилки и скотобойни), приносящими ощутимый доход местным бюджетам.

⁸ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 229. Л. 66–71; Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 27. Л. 63–63 об.

⁹ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1394. Л. 70.

¹⁰Там же. Д. 1212. Л. 1, 58–60.

Библиографический список

1. Меренкова Е. Ю. Основные формы эксплуатации городских предприятий и сооружений органами городского самоуправления Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. // Вестн. Омского государственного университета. 2002. № 1. С. 54–57.
2. Очерки истории Тюменской области / под ред. В. М. Кружинова. Тюмень, 1994.
3. Храмов А. Б. Организация городских скотобоев в Тобольской губернии в конце XIX — начале XX в. // Индустриальная Россия: вчера, сегодня, завтра: материалы Всеросс. науч. конф. Екатеринбург, 2012. С. 94–99.
4. Ядринцев Н. М. Письма о сибирской жизни // Тюменский край и писатели XVII–XX вв. Екатеринбург, 1998. С. 326–327.

A. B. Khramtsov

Candidate of Historical Sciences, Tyumen State University of Architecture and Civil Engineering (Tyumen, Russia)

Forms of Economic Activities of City Departments of Tobolsk Province in the Industrial Sphere in the late XIX — early XX century

The paper studies the main forms of economic management of city authorities of Tobolsk province in industrial sphere: municipalization, concession, contract system, etc. The author observes that only some of the cities managed to get the municipal enterprises.

Key words: Tobolsk province, industry, municipalization, concession, contract system, city management departments

**РУССКИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЮВЕЛИРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
(X–XV вв.)**

В статье исследуются формы и технологии изготовления ювелирных украшений на Руси в X–XV вв.

Ключевые слова: древнерусские украшения, литье, ковка, волочение, тиснение, чеканка, гравировка, эмалирование

Появление первых украшений относится к древнейшему периоду истории человечества — палеолиту, когда произошли важнейшие изменения, сформировавшие человека в качестве социального существа: зародилось искусство, возникли религиозные представления. Украшения стали знаком принадлежности человека к определенной культурной общности, символом осознания своего места в мифологической структуре бытия, оберегом, амулетом, средством обратить на себя внимание. Именно поэтому украшения наиболее точно отражают древние верования и традиционные или усвоенные извне ремесленные приемы. Они аккумулируют эстетические ценности своего времени, являются определяющим звеном в цепи, связывающей частности в то целое, которое и называется стилем эпохи.

Ведущее место в искусстве создания украшений заняла тореутика (греч. *toreutikos* — искусный кузнец-ювелир, от *toreuo* — чеканю, вырезаю) — рельефная обработка изделий из металла. По древности происхождения она уступает только художественной керамике. Однако по числу уникальных образцов, шедевров различных эпох, по обилию художественных мотивов и разнообразию технических приемов тореутика значительно превосходит другие отрасли художественных ремесел. Именно произведения тореутики вследствие большого спроса в торговле становились источником распространения новых художественных идей и приемов [1; 4; 6].

С детства человек познает свое положение в структуре коллектива, его традиций, нормативных устоев поведения. На различных этапах истории место человека в этнической, социальной и половозрастной структуре общества определяло характер ювелирного убора, который человек мог и должен был носить. Тесно связанные с костюмом украшения, их форма и конструкция не только отражают существующую в обществе систему представлений о семантике строения человеческого тела, но и сами формируют физическую и духовную сущность человека.

*Павел Иванович Черноусов

К.технич.н., Московский государственный институт стали и сплавов, Москва, Россия; pich@pisem.net;

Олег Валентинович Голубев

К.технич.н., Московский государственный институт стали и сплавов, Москва, Россия

Семантические зоны размещения металлических украшений имеют определяющее значение и в системе древнерусского ювелирного убора. Украшения, так же как и вышивка, не размещались по костюму произвольно, они маркировали наиболее ответственные участки тела — запястья, ворот и подол костюма, через которые недоброжелательные силы могли пробраться под одежду и навредить. Особое значение имеет вертикальное расположение украшений в костюме. Представление об иерархии уровней в человеческом теле соотносится со строением Вселенной. Головной убор сопоставляется с небесным уровнем, поэтому с небесной символикой связаны височные кольца и серьги, изображения на древнерусских колтах. Зона груди представляет собой место перехода к земному и хтоническому уровням. Эти уровни «охраняли» (оберегали) цепи и браслеты с драконьими и змеиными головками и изображениями фантастических существ — бестий [2].

Творцами произведений декоративно-прикладного искусства являлись многочисленные ремесленники, составлявшие основную часть городского населения Древней Руси. Их называли «простая чадь» в отличие от «нарочитой чади» — бояр, дружинников, купцов. В соответствии с родом своих занятий ремесленники (ремесственники) селились в окраинных местах городов, образуя «улицы» и «концы». Концы были главными структурными подразделениями древнерусских городов и часто имели своих представителей (посадников) в органах городской власти.

«Кузнецы злату, серебру и меди» изготовляли украшения и принадлежности костюма, предметы культа, посуду, конскую сбрую, украшенное оружие. В последние десятилетия на средневековых славянских памятниках обнаружены обширные ремесленные ювелирные комплексы, найдены и исследованы наборы ювелирных инструментов, литейные формы, штампы и матрицы для тиснения, заготовки металла, готовые изделия и полуфабрикаты.

Современные археологи используют различные методики исследования: оптическую микроскопию; металлографический анализ ювелирных сплавов; применяют методы практической археологии к изготовлению ювелирных изделий. Это позволяет не только изучать отдельные типы ювелирных украшений, но и делать широкие исторические обобщения. Становится возможным рассмотрение истории развития славянского ювелирного дела в контексте глобальных мировых культурных процессов. При этом заимствование в славянском уборе ювелирных украшений рассматривается как признак восприимчивости к инновациям, касающимся не только моды на различные типы украшений, но и использования высоких ювелирных техник [4].

Русское ювелирное дело X–XVI вв. представлено огромным количеством материалов. Каждый женский курган содержит «женскую кузнь» (металлический ювелирный убор) — различное «многоценное сияющее узорочье», «гривную утварь» в количестве, определяющемся достатком владелицы. Вместе с тем о названиях древнерусских украшений до сих пор известно мало. Общеславянскую ювелирную терминологию представляют слова: перстень, гривна, монисто, венец, обруч, кольцо. Термин перстень известен с XI в. в значении украшения на пальце руки. Кольцо (кольце) встречается

значительно реже и часто означает ушное украшение. Древними названиями шейных украшений были (с XII в.): ожерелье (жерело — шея), гривна, монисто. Обруч (с XII в.) — украшение на руке. Позднее в обиход вошли слова запястье (браслет), наналек (перстень), ушники (серьги), рясна (бахрома). Из финских языков заимствовано слово сустуг в значении брошь, пряжка, фибула. Из германских языков почерпнуты термины: бармы — княжеское мужское ожерелье или оплечье; усерязь (серьга); колты (колтки) в значении головных украшений. Серьга (из тюркских языков) употребляется с XIV в. в значении мужского ушного украшения. Термины бусы и пуговица известны с XVII в. и также заимствованы. Еще позже в русском языке появились слова брошь, колье, кулон, медальон [2].

Ранний комплекс славянских ювелирных украшений сложился в VI–VIII вв. Он сформировался на базе древних антских традиций. Женский убор составили венчики из серебряной ленты, височные кольца, ожерелья из пластин различной геометрической формы, лунниц, колокольчиков, грушевидных бубенчиков, украшенных солярной символикой, гривны, литые и кованые браслеты.

Уникальной особенностью раннеславянского ювелирного дела является то, что им занимались женщины, которые сами готовили себе украшения, так же как вышивали узоры на одежде. Ювелирные изделия VI–VIII вв. выполнены в основном техникой литья по восковой модели. Для каждой вещи литейщица изготовляла уникальную восковую модель и по ней отливала изделие. Использовались преимущественно медные сплавы, изредка серебро и позолота. Металл плавился в маленьких глиняных тиглях. Для разлива служили глиняные льячки (от глагола «лить»), насаживавшиеся на деревянную рукоять. Льячки являются одной из самых частых находок литейных инструментов в женских могильниках. Позолота производилась технологией «жженого золота» — золотой амальгамы, приготовленной на ртути. Кроме литья применяласьковка проволоки и расплющивание серебра в тонкие листы.

С эпохой викингов (IX–X вв.) в славянские земли проникают скандинавские ювелирные украшения: подковообразные фибулы, цепи, подвески. Начинают широко использоваться золото и серебро, «матриархальная» монополия на литье прекращается, происходит взаимное обогащение славянского и скандинавского ювелирного дела. От славян в Скандинавию попадают лунницы, височные кольца, металлические бусы. В центрах совместного проживания скандинавов и славян (Ладоге, Гнездово, Новгороде) создаются вещи-гибриды [8; 10, с. 30–39].

В X в. в состав древнерусского ювелирного металлического убора входили перстни с зерненым щитком, серьги «волынского» типа, ожерелья, составленные из выпуклых медальонов, зерненных круглых, овальных и лопастных бус, подвесок-лунниц. Древнерусский ювелирный убор имел характерные территориальные особенности. С продвижением с юга Древней Руси на север в уборе возрастало количество и усиливалось разнообразие перстней и браслетов, увеличивалось число нагрудных украшений — подвесок, фибул и булавок.

Древнерусский ювелирный убор характеризуется определенной техникой изготовления украшений, включавшей тиснение, штамповку, зернь, скань. В XI в. Русь превращается в главный мировой центр производства зерненных украшений, которые начинают распространяться на территорию Центральной и Северной Европы. Скандинавские ювелиры перенимают русскую технику зерни для изготовления собственных украшений. Центром их производства становится Готланд. В XII в. готландские ювелиры начинают имитировать русские украшения с использованием скани [7].

Излюбленным украшением славянских женщин были височные кольца, разнообразные по форме и размерам. Их носили у висков по несколько с каждой стороны. Височные кольца нашивались на кожаную основу типа «наушников», крепились к металлическим цепочкам, тканым шнурам, кожаным лентам, нанизывались на венчики. Их вплетали в пряди волос, ими декорировали косы, уложенные вокруг головы. Перстневидные кольца свисали гирляндой и использовались в качестве «рясны». Височные кольца служили и серьгами. Причем такой способ ношения применялся вне зависимости от размеров украшений. В одном ухе могли носить по несколько колец. Только в XIV в. височные кольца вытесняются серьгами.

Серьги «волынского» типа возникли на базе аварских и болгарских ювелирных традиций. Это были дорогие украшения, которые носили в небольшом количестве (одна-две штуки). Для классического варианта «волынской» серьги характерна пятичастная тисненая подвеска, декорированная в средней части ромбами и треугольниками, выложенными мелкой зернью. Нижняя часть подвески украшалась крупной зернью.

В состав древнерусского ювелирного убора X–XI вв. входили оригинальные легкие тисненные бусины, украшенные зернью и сканью, за которыми закрепилось наименование «лопастных». Они состояли из четырех частей. В центре бусины помещался тисненый стержень с утолщением посередине, сквозь которое продевалась основа ожерелья. Вокруг стержня располагались три спаянные выпуклые тисненные лопасти, укрепленные по краям сканной проволокой. Лопастные бусы были редким типом украшений, их изготавливали в трех вариантах мастера трех ювелирных школ: на Волыни, в Польше и Волжской Булгарии [9].

Лунницы представляют собой привески в виде полумесяца, символизирующие луну, это самое типичное и наиболее распространенное славянское украшение. На Руси они получили широкое распространение в X в. и просуществовали до XIII в. Традиция изготовления подвесок-лунниц уходит вглубь тысячелетий. Разнообразные варианты лунниц широко представлены в памятниках бронзового века. В скифском уборе лунницы были широко распространены в VI–V вв. до н. э. Носили их в период античности, в римское время и в эпоху раннего средневековья.

Первые экземпляры лунниц в славянском уборе встречаются уже в VII в. и являются отголоском общеевразийской моды того времени. Они использовались в качестве подвесок к ожерельям, головным уборам, рясам, серьгам, гривнам, диадемам, височным кольцам. По технике изготовления средневековые славянские лунницы делятся на штампованно-филигранные и литые. Основным декором поверхности лунниц были зерновые полоски и треугольники.

Нагрудные и поясные привески были обязательным атрибутом древнерусского женского костюма. Привески носили на груди и на поясе, в составе ожерелий и отдельно — на ремешке или шнуре. Они играли роль амулетов-оберегов, имевших магический смысл. Среди привесок часты символы небесных светил: полумесяца и солнца; изображения символических животных и птиц. Амулеты заклинательной магии имели вид миниатюрных предметов быта: ложек, ключей, ножей, ковшей, гребней, игольников. Ложечки и ковшики являлись символом благосостояния, сытости, довольства. Подвески-ключи — символы богатства и его охраны. Часто в состав оберегов входил топор, который связывался с небесным огнем, т. е. с богом-громовником (Перуном).

Крест связывался с огнем и Солнцем. Важным солнечным символом было колесо (круг с лучами). Им с древнейших времен выражалась идея перемещения солнца по небосводу. К солнечным знакам относятся изображения многолучевой розетки и спиралей. Ромб был символом плодородия, перечеркнутый крестом ромб с точками являлся знаком дома, усадьбы. Популярностью пользовался триквестр (от латинского *tri-* (три) и *quetrus* (угольный)) — трехлучевая свастика, знак домашнего очага. Серебряные пластины, составлявшие поясные наборы, часто украшались тонким растительным орнаментом с лилиями-кринами.

Для славянской мифологии характерны образы «тотемных» животных — помощников человека. Это конь, бык, медведь, волк, гусь, ворон, сокол, лягушка, щука. Конек и уточка (гусь) — фигурки славянских племен, населявших среднюю русскую полосу, были сплошного литья, их хвосты образовывали прорезь с колечком для подвешивания. Петух — птица солнца, его пение отгоняло недобрую силу. Волк — символ удачи, известно древнее славянское поверье: «если волк перебежит дорогу, то это предвещает успех в начатом деле». Лев и барс изображались с «процветшим» или переходящим в плетение хвостом. По убеждению славян, сила животного заключалась в хвосте.

На браслетах изображались фантастические существа: драконы, грифоны, семарглы, василиски, русалки, сирины, кентавры. Они выступали в качестве благожелательных, охранительных символов. Наиболее часто встречаются изображения сирина и грифона. Сирин (сирена) — фантастическая «райская» птица, как правило, с женской головой. Образ сирина имеет прототипы в ближневосточной, античной, иранской и византийской мифологии. Русские мастера часто изображали деву-птицу в головном уборе, ее образ олицетворял охранительницу любви. Драконы, олицетворявшие Солн-

це, часто изображались с волчьими головами. Грифон имел голову, крылья и лапы орла, туловище льва или барса с хвостом-пальметтой. Грифон — образ, восходящий к античности и Древнему Востоку, связанный с идеей власти.

С появлением православия в состав металлического убора вошли христианские кресты. Различаются кресты-тельники, которые носили под одеждой, и кресты-складни (энколпионы), служившие вместилищем мощей, их носили поверх одежды [7; 9].

Особый род амулетов составляли «змеевики». Змея практически во всех мифологических системах выступает как символ, связываемый с плодородием, водой, дождем, женской производящей силой, с одной стороны, и домашним очагом, небесным огнем, мужским производящим началом, с другой. Змея оделяла любовными чарами и сексуальной активностью, покровительствовала беременным и младенцам. Изображения змей помещались на порогах домов, венчальной одежде, поясах. Зародившаяся в период энеолита традиция декорирования украшений изображениями змеи не утратила своей популярности и во времена средневековья.

На лицевой стороне амулетов-змеевиков помещались изображения Христа, Богородицы с младенцем, архангелов. На оборотной стороне — «змеиное гнездо» (либо модификация образа Медузы Горгоны) и круговая надпись, содержащая заклинания против болезней и лихорадок. Таким образом, змеевик в качестве универсального амулета эпохи двоеверия был очень удобен: с его помощью к языческому или христианскому богу можно было обратиться в зависимости от обстоятельств, повернув нужной стороной [2].

В эпоху средневековья поясом не только подпоясывали одежду. Вплоть до XVII в., когда на русской одежде появились карманы, к поясу подвешивали мелкие бытовые предметы: ножи, кресала, оселки, кошельки, сумки-калиты. Убранство пояса зависело от социального положения его владельца: крестьяне носили тканые, плетеные и простые кожаные ремешки, знать — драгоценные золотые пояса, которые передавали по наследству вместе с уделом и о которых специально упоминали в духовных грамотах.

Наборные воинские пояса в качестве особого предмета одежды сформировались в начале первого тысячелетия у кочевников Восточной Азии. В тюркском и монгольском эпосе отражена функция пояса в обрядах инициации: при переходе юноши в сообщество взрослых воинов его опоясывали боевым поясом. Долгое время устройство пояса определялось статусом его владельца в системе воинской иерархии. Прокопий Кессарийский в VI в. отмечал, что в Персии не позволено никому носить ни перстня золотого, ни пояса, ни пряжки, ни чего-либо подобного, если «оно не пожаловано царем».

На Руси широкое распространение ремennых украшений начинается в X в. В это время на полиэтнической основе (славяне, угры-фины, тюрки, скандинавы) формируется древнерусская знать и складывается древнерусская «дружинная культура», открытая внешним влияниям и включившая в себя элементы различной этнической окраски. Одним из наиболее ярких, социально значимых элементов «дружинной культуры» становится наборный пояс. Он состоял из следующих элементов: пряжки, обязательной принадлеж-

ностью которой являлись рамка и язычок; бляшки, закреплявшейся на ремне с помощью штифтов и заклепок; поясных наконечников, которые помещались на концах ремней; кольца, соединявшего отдельные части ремня и служившего для прикрепления мелких предметов; обоймы, закреплявшей концы ремней.

Древнерусские пояса были близки венгерским: один конец пояса свободно свисал, а другой застегивался пряжкой, укрепленной на дополнительном внутреннем ремешке. Ременные накладки, бляшки и поясные наконечники Древней Руси отличаются исключительным своеобразием, большая их часть не имеет прямых аналогий на других территориях, что подтверждает существование на Руси собственного производства ременной гарнитуры.

Бляшки часто украшали изображением лотоса в виде трилистника или пятилистника-крин, пальметты, виноградной лозы, плода граната. Особую группу составляют пряжки и накладки, украшенные скандинавской плетенкой в стиле Борре. Больше всего их в Гнездове; весьма показательно, что в скандинавской Бирке их значительно меньше. Это указывает на то, что наборный пояс входит в число заимствований скандинавов с территории Восточной Европы.

С XII в. вместе с отмиранием имевшей специфический облик «дружинной культуры» наборный пояс как атрибут воина-дружинника теряет свои первоначальные социальные функции [2; 9].

Не только украшения, аксессуары, детали костюма, но и другие изделия из цветных металлов пользовались на Руси большим спросом: предметы культа, весовые гирьки, знаки воинского достоинства — булавы.

Свинцовые «вислые» печати привешивались к древнерусским средневековым официальным документам вплоть до начала XVI в. Только в Новгороде их найдено более 1 500. Матрицы для печатей изготавливались художниками-торевтами и уничтожались во избежание злоупотреблений после смерти или смещения с административного поста владельца печати. Свои печати имели и ремесленные концы средневековых русских городов. Многие свинцовые печати признаются специалистами шедеврами средневековой торевтики.

Писала (стилосы, стили) использовали для письма по воску и бересте. Они представляли собой стержни (8–16 см длиной) с заостренным концом и почти обязательной лопаточкой на противоположном конце стержня. Писала изготавливали из бронзы, железа и кости. Железные писала, как правило, покрывались бронзой или серебристой полудой. Писала украшали фигурной резьбой или инкрустацией, а в основании лопаточки на стержне делали декоративное утолщение — яблоко или ряд валиков.

Известно название еще одного орудия письма — «шилльце». Это пригупленное металлическое или костяное острие. И шилльца и писала использовали для письма по воску или бересте и для разлиновки пергамена. Писалами и шилльцами писали на церах — дощечках, покрытых слоем воска. Они преимущественно использовались как материал для кратковременных записей. После того как записи становились ненужными, воск разглаживали об-

ратной стороной стиля, таким образом одна табличка использовалась много раз. Дороговизна пергамена, а потом и бумаги, была причиной, по которой дощечки, покрытые воском (вощечки), получили широкое распространение во всем средневековом мире. Для обеспечения сохранности записей в комплект к каждой дощечке прилагалась крышка такого же размера. В бортиках дощечек предусматривались два отверстия для соединения с крышкой и одно — для завязывания «блокнота» тесемкой.

Церы с азбукой употреблялись для обучения грамоте. На таких дощечках было легко исправить написанное, их можно было использовать практически бесконечно. Церы также использовали для записи краткосрочных счетов, писем, квитанций, регистров городских и рыночных сборов. Записи на восковых дощечках отнюдь не были такими недолговечными, как принято считать: наличие створок обеспечивало сохранность записанных на воске текстов. Церы можно было запечатывать, поэтому восковые тексты могли храниться гораздо дольше, чем записи на бересте [2].

Русские ювелиры использовали многочисленные приемы металлообработки: литье в жестких (преимущественно каменных) и пластичных формах (глина, песок), по плоской восковой модели с сохранением глиняной формы и по объемной восковой модели с потерей литейной формы; ковку (вытяжка, осадка, плющение, изгиб, скручивание); волочение и ковку проволоки и фигурного дрота (на наковальне с желобком); тиснение, чеканку, гравировку, паяние, золочение; выемчатое и перегородчатое эмалирование; шлифование и полирование.

В качестве наиболее распространенных ювелирных сплавов выступали бронзы (в т. ч. свинцовые), латуни (в т. ч. с добавками олова и свинца), свинцово-оловянные. В X–XI вв. широко использовались многокомпонентные сплавы с преобладанием цинка. В начале XII в. широкое распространение получило литье в имитационные формы, которое позволяло воспроизводить сложные дорогие ювелирные изделия из дешевых свинцово-оловянных сплавов. Эта технология получила название литья «навыплеск», потому что заливаемый в форму металл застывал тонким слоем, а его излишки выплескивались наружу. Такое литье давало возможность получать пустотелые легкие украшения. В результате в XIII–XV вв. наиболее распространенными ювелирными металлами становятся свинцово-оловянные сплавы и свинцовые бронзы [7; 8].

Библиографический список

1. *Аристов Н. Н.* Промышленность древней Руси. СПб., 1866.
2. *Археология. Древняя Русь. Быт и культура / под ред. Б. А. Рыбакова.* М., 1997.
3. *Гуцин А. С.* Памятники художественного ремесла древней Руси X–XIII вв. М.; Л., 1936.
4. *Забелин И. Е.* О металлическом производстве в России до конца XVII столетия. М., 1853.

5. Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.
6. Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.
7. Постникова-Лосева М. М. Русское ювелирное искусство, его центры и мастера XVI–XIX вв. М., 1974.
8. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1958.
9. Свирин А. Н. Ювелирное искусство Древней Руси XI–XVII вв. М., 1967.
10. Седов В. В. Одежда восточных славян в VI–IX вв. / Древняя одежда народов Восточной Европы. М, 1986.

P. I. Chernousov

Candidate of Historical Sciences, National University of Science and Technology MISiS (Moscow, Russia)

O. V. Golubev

Candidate of Technical Sciences, National University of Science and Technology MISiS (Moscow, Russia)

The Russian Medieval Jewelry Technologies (the 10–15th centuries)

The article studies the forms and technologies of jewelry production in ancient Russia in the 10–15th centuries.

Key words: ancient Russian jewelry, casting, forging, drawing, stamping, coining, engraving, enamelling

СРЕДСТВА СВЯЗИ В РОССИИ И НА УРАЛЕ В 1914–1917 гг.

В статье анализируется состояние и развитие средств связи и гражданской активности работников почтово-телеграфного ведомства в годы I Мировой войны и революции 1917 г.

Ключевые слова: электросвязь, телеграфный обмен, системный кризис инфраструктуры, революция 1917 г.

Мировая война в России и борьба за власть в 1917 г. разворачивались на фоне углубления экономического кризиса. Это обернулось деструктивными процессами и в информационных коммуникациях. Ухудшение действия скоростной связи и значительное сужение информационного пространства во многом определили социально-политические взаимоотношения царизма и Временного правительства с регионами и, на наш взгляд, стали одной из косвенных причин падения царского и Временного правительств. Проблемы технического состояния и развития средств связи, кризисных явлений в средствах связи в 1914–1917 гг. не получили должного освещения в отечественной историографии. Военная и социальная истории 1914–1916 гг. и политическая история 1917 г. полностью закрыли изучение данных вопросов.

В предкризисное, неустойчивое состояние средства связи вошли еще в годы I Мировой войны. Поскольку Российская армия не имела своей системы армейской связи, то всю нагрузку по обеспечению информационного обмена фронта и тыла, а также оперативной полевой связи между частями в прифронтовой полосе и на позициях, пришлось нести гражданским связистам — служащим почтово-телеграфного ведомства. За годы войны в армию ушло около 15 тыс. служащих Главного управления почт и телеграфов (из 51 тыс. на 01.01.1914), в прифронтовой зоне и на позициях было открыто 5 полевых почтово-телеграфных отделов, более 600 полевых контор. Усилиями 102 рабочих колонн связистов в 1914–1916 гг. было проложено более 75 тыс. верст проводов между Петроградом и фронтами. В армию было передано более 600 комплектов аппаратуры дальней телеграфной связи¹. Военные нагрузки оказались явно не по силам отечественным средствам связи: на протяжении 3 военных лет отрасль в тылу не получала необходимых средств, ремонты велись только на общероссийских, наиболее важных для государства магистралях. В это время все оборудование работало на полный износ, с 1916 г. прекратились и ремонтные работы, начался демонтаж аварийных ли-

*Геннадий Николаевич Шапошников

Д.и.н., Уральская государственная медицинская академия, Екатеринбург, Россия; hnshaposhnikov@yandex.ru

¹Краткие сведения о деятельности ГУПиТ в условиях текущей войны. Пг., 1917. С. 5, 7.

ний. Основные производственные фонды отрасли в 1913–1917 гг. сократились более чем в 5 раз².

Кризисные явления проявились и на коммуникациях Урала. Начиная с 1915 г. региональная электросвязь не удовлетворяла потребностей государственных служб. Даже местный телеграфный обмен между губернскими центрами, уездными городами и учреждениями края занимал по нескольку дней. Так, в 1916 г. на горнозаводском Урале выявился острый недостаток муки. Ее можно было подвести из Сибири, но не хватало порожних вагонов. Богословская железная дорога предоставила порожняк для перевозки продовольствия, но он стоял на ст. Косулино горнозаводской железной дороги, т. к. телеграфная связь между администрациями Богословской и Омской дорог заняла 5 дней. Та же картина наблюдалась и с телеграфными передачами по другим грузам [9, с. 25] (ситуация просто не мыслимая для начала XX в., когда электросвязь на железных дорогах края работала лучше гражданских телеграфов).

Исчерпывающую характеристику работы информационным коммуникациям в крае в 1914–1916 гг. дали сами уральские связисты. «Начало беспорядков в Потельведомстве (почтово-телеграфном ведомстве), — писали они в Главное управление почт и телеграфов, — было положено нашей общей неготовностью к работе в военных условиях. Это привело к катастрофическим последствиям. Уход лучших кадров и передача оборудования в военно-полевые учреждения способствовали тому, что своевременная доставка корреспонденции стала невозможной. В уральских городах связисты спали на рабочих местах, не уходили домой неделями, но справиться с работой не могли. Телеграфный обмен на Урале в годы войны удвоился, а линии и оборудование — сократились. Это привело к невиданным ранее явлениям: письма шли быстрее телеграмм, правительственные телеграммы лежали без движения. Важные государственные операции подвергались немислимым превращениям из-за плохой работы телеграфа. Распоряжения об отправке войск приходили позже сроков отправки»³.

Административные меры царизма по усилению пропускной способности средств связи, прежде всего, ограничение приема гражданской корреспонденции, расширение сети почтовых пунктов, работа всех учреждений связи в военном режиме, увеличение интенсификации труда связистов и др. позволили отрасли обеспечить минимальные информационные потребности фронта и тыла. При этом неспособность транспортно-информационной инфраструктуры Российской империи справиться с возросшими военными нагрузками и потребностями населения в годы войны стала одной из косвенных причин поражения России.

Во Временное правительство вошли лучшие представители российского бизнеса, цвет юридической мысли и политического истеблишмента. К сожалению, замечательные дипломаты, банкиры, предприниматели и лидеры российского либерализма оказались плохими хозяйственниками. Послефев-

²Подсчитано по: Россия в 1913 г. Стат.-док. справочник. СПб, 1995. С. 32, 43; Любович А. Основные моменты строительства народной связи 1917–1927 гг. // Жизнь и техника связи. 1927. № 11. С. 4.

³ГАРФ. Ф. 3527. Оп. 2. Д. 218. Л. 9.

ральский период ознаменовался серьезными структурными сдвигами в экономике. Возросли диспропорции в развитии отдельных секторов народного хозяйства, прекратилось обновление основного капитала, оборудование работало на полный износ. Топливный, сырьевой, транспортный кризисы подорвали основу материального производства страны и стали составной частью общенационального кризиса России.

Кризисное состояние переживала и информационная инфраструктура. Из-за отсутствия финансов и материальных ресурсов, приоритета политических проблем, министры Временного правительства не смогли выработать реальной антикризисной программы по поддержанию средств связи. Не смогли они обеспечить и достойного материального положения связистам, поддержать нормальные отношения с профсоюзами связистов. Фронтальное изучение протоколов заседаний Временного правительства весны–лета 1917 г. показывает, что министры решали проблемы связи в пожарном порядке, основной задачей оставалось изыскание средств для повышения заработной платы связистам⁴.

Все правительства, которые менялись у власти на протяжении марта–октября 1917 г., исходили из порочной системы царизма: связь должна была обслуживать интересы только высших органов власти и фронта. Весной эта политика маскировалась элементами популизма и революционной эйфории, летом — утонула в бесконечных дискуссиях и склоках с тремя профсоюзами связистов, осенью — привела к временному отключению от информационной трансляции целых регионов из-за аварийного состояния магистралей и плохой исполнительской дисциплины работников.

Кризис в коммуникациях нарастал постепенно, его механизм и движущие силы определялись общей экономической конъюнктурой, политической ситуацией, колебаниями общественных настроений в коллективах учреждений связи. Первоначально политика Временного правительства по развитию средств связи держалась на революционном популизме. Уже в первые недели революции последовали распоряжения об изъятии из учреждений связи всех символов прежней власти.

Из контор и отделений были вынесены бюсты и портреты особ царской семьи, флаги, геральдические символы и другие напоминания царизма. С 24 марта были отменены награждения орденами гражданских чиновников и производство в чины по гражданским ведомствам, а вместе с этим и униженные формы обращения к старшим по должности. Служащие ведомства получили право ношения мундира без ведомственных знаков различия в чинах. Эта мера способствовала формальному уравниванию всех связистов на рабочих местах. В обиход было введено обращение «гражданин». Позже вышел указ о ликвидации всех половых, национальных, сословных привилегий при переводе на более высокие должности и приеме на работу в учреждения связи. С апреля 1917 г. карьерный рост определялся только профессиональ-

⁴См.: Журналы заседаний Временного правительства. Архив новейшей истории. Т. 1 (март–апр. 1917 г.). М., 2001. С. 108, 161, 190, 194, 203; Т. 2. (май–июнь 1917 г.). М., 2002. С. 46, 137, 319, 369; Т. 3 (июль–авг. 1917 г.). М., 2004. С. 195.

ными навыками, организаторскими способностями, стажем работы. Особая присяга при приеме на работу в почтово-телеграфное ведомство осталась, но ее текст был изменен в либеральных традициях⁵.

На март пришлась и кампания кадровых ротаций. Многие руководящие работники, приверженцы царских порядков, вынуждены были покинуть службу. На Урале масштабы кадровых чисток были небольшими. Во всех уральских губерниях из контор ушли по политическим мотивам около двух десятков чиновников и инженеров, а основной состав связистов уже в первые дни революции присягнул новой власти. Отметим, что изгнание “царских са-трапов” не сопровождалось самосудами или физической расправой.

Кампания “чисток” была на порядок меньше, чем в горнозаводских округах, где с 42 заводов были изгнаны 142 специалиста, в т. ч. 14 управляющих заводами и 19 начальников цехов [8, с. 62]. Весной 1917 г., несмотря на революционные изменения, в отрасли продолжали действовать основные нормы Устава Российской империи по гражданской службе, хотя известный третий пункт статьи 788 об увольнении по “волчьему билету” уже не работал.

Пожалуй, главной мерой Временного правительства весны 1917 г. стала реорганизация системы управления отраслью. 5 мая 1917 г. вся сеть связи России была выделена из МВД и подчинена новому министерству — Министерству почт и телеграфов (МПиТ). Первым его министром стал видный политик и лидер умеренных социалистов И. Г. Церетели [3, с. 91].

Организация самостоятельного руководящего органа позволила создать определенные условия для ведомственной свободы отрасли, но не изменила системы финансирования: как и в царские времена, действовал остаточный принцип распределения средств. В 1917 г. отрасль получила всего 1,3 % от обыкновенных расходов госбюджета, что было явно недостаточно⁶. Даже текущие ремонты линий почти не велись.

Деструктивные процессы были усилены непродуманной политикой профсоюзов связистов, которая отличалась конфликтами с министерством, революционным обскурантизмом, явно завышенными требованиями по немедленному улучшению материального положения своих членов. Правительство объективно не могло выполнить всего, чего требовали лидеры профессиональных союзов. В 1917 г. общей тенденцией развития профдвижения России оставались синдикалистские устремления и завышенное осознание своей общественной значимости. В условиях нарастания экономического кризиса повсюду наблюдались попытки отстранить прежнюю администрацию от управления и передать управление производством профсоюзам.

Не избежали этого и связисты. Уже на Московском учредительном съезде многие депутаты призывали к установлению полного контроля за деятельностью администрации и передаче местным комитетам решения по кадровым и управленческим вопросам. Последнее вызывало отрицательную реакцию

⁵ГАСО. Ф. 555. Оп. 1. Д. 8. Л. 40, 42, 48.

⁶Подсчитано по: Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 312; Роспись общегосударственных доходов и расходов РСФСР на июль-декабрь 1918 г. М., 1919. С. 63.

Министерства почт и телеграфов, которое на заседании Временного правительства провело вопрос о запрещении Потельсоюзу (почтово-телеграфному профессиональному союзу) вмешиваться в административно-техническое управление сетью связи общего пользования России⁷.

В конце июня 1917 г. был опубликован указ министра почт и телеграфов “О продуктивности работы в почтово-телеграфном ведомстве”, в котором общее состояние связи в стране было характеризовано как критическое. Главной причиной кризиса министр назвал деструктивную работу профсоюзов связистов и невнимательное выполнение обязанностей служащими. И. Г. Церетели потребовал полного подчинения месткомов администрации⁸. Это спровоцировало и первое противостояние двух центров в отрасли: министерства и профсоюза. Оно сопровождалось борьбой амбиций, бесконечными торгами за те или иные привилегии, угрозами и др. В конечном итоге министр И. Г. Церетели обвинил профсоюзы в развале отрасли.

В ответ ЦК Потельсоюза впервые пригрозил правительству забастовкой. Антипрофсоюзные выпады министра-социалиста стали одной из причин его отставки. После событий 3–4 июля на этот пост был назначен меньшевик А. М. Никитин. При новом министре проводилась та же политика конфронтации. Главенство меньшевистских лидеров в Министерстве почт и телеграфов способствовало тому, что эта партия не пользовалась авторитетом среди связистов России.

Временное правительство не могло выделить необходимые средства и для обеспечения достойного прожиточного минимума работников связи. В результате недовольство росло. Не вдаваясь в перипетии борьбы профсоюзных лидеров, Министерства почт и телеграфов и лидеров Временного правительства, отметим, что первые, как и руководство ВИКЖЕЛЯ, вели свою игру, стремясь получить ряд ответственных постов в министерстве и администрации округов. Не случайно, что летом 1917 г. на одном из заседаний ЦК Почтово-телеграфного союза отмечалось, что положение сложилось почти безвыходное: администрация и служащие на местах уже не знают, кого слушать: министерство или ЦК Потель [1, с.147].

Противостояние двух центров усугубляло общую разруху в информационной инфраструктуре. При этом профсоюзные лидеры искренне считали, что они могут выправить дело, решить проблемы отрасли. Реализация анархо-синдикалистских устремлений лидеров профсоюза и его месткомов, усиление их организационно-производственных позиций ничего положительного дать не могли.

По крайней мере, ВИКЖЕЛЬ, который добился многих политических и иных выгод и реально влиял на политику МПС в это время, не смог исправить ситуацию на железных дорогах. На протяжении 1917 г. транспортно-информационная инфраструктура России входила в системный кризис.

⁷Журналы заседаний Временного правительства. Архив новейшей истории. Т. 1. С. 203; *Базилевич К. В.* Профессиональное движение работников связи в 1917–1918 гг. М., 1927. С. 85–86.

⁸ГАРФ. Ф. 6871. Оп. 1. Д. 541. Л. 3.

За годы I Мировой войны количество предприятий связи выросло в 1,5 раза за счет открытия почтовых пунктов простейшего типа при волостных правлениях. В 1917 г. их число сократилось по сравнению с 1916 г. в 2,7 раз. Местные власти из-за отсутствия средств отказывались содержать почтовые тракты и отделения связи, оплачивать работу почтальонов. Следствием этого стало и снижение почтового обмена — основного информационного канала населения в тылу и на фронте в то время. Критическое положение сложилось и в оперативной электросвязи. Только за 1917 г. количество телеграфных аппаратов на российских линиях сократилось в 3,6 раз (с 13,8 тыс. шт. в 1916 г. до 5 тыс. шт. в 1917 г.). До критической отметки упало число электрических элементов и других комплектующих, в два раза в сравнении с 1913 г. сократилась протяженность проводов на телеграфных магистралях. Падение телеграфного обмена началось в 1916 г., за год революции он снизился в 1,3 раза в сравнении с 1916 г. (с 157,5 тыс. телеграмм до 114,5 тыс.). Протяженность телеграфных проводов в 1917 г. составляла всего 80 %, а телеграфный обмен — 43 % от уровня 1913 г. Рост количества телеграфных аппаратов на протяжении всей войны обеспечивался не открытием новых станций или телефонных линий, но увеличением подключений телефонов на один провод.

Кризисные явления в отрасли и ухудшение материального положения вызвали недоверие к власти в коллективах учреждений связи. На одном из собраний в Петрограде в июле 1917 г. связисты освистали А. Ф. Керенского. В ходе дискуссии с главой Временного правительства связисты выдвинули экономические требования, прежде всего, повышение зарплаты. Когда Керенский попытался объяснить, что для этого у правительства нет средств, он был освистан. Это вызвало негодование новоиспеченного военного диктатора, он покинул зал под смех присутствующих и никогда больше не выступал перед связистами [7, с. 200]. Этот факт советские историки интерпретировали как рост политического и классово-пролетарского сознания в среде почтово-телеграфных служащих и даже как начало поворота к большевизму [3, с. 97; 5, с. 93].

В реальности события проходили иначе: большевистское влияние в среде связистов оставалось весьма небольшим. Их умами в это время владели эсеры. Представители этой партии входили и в состав администраций уральских почтово-телеграфных округов, в месткомы почт, телеграфов, телефонных и радио станций. Как вспоминал один из чиновников Верхнеуральской конторы, в управлении Самарского почтово-телеграфного округа преобладали эсеры. Вся литература, которую получали сотрудники Оренбургской, Троицкой, Верхнеуральской, Уфимской и др. контор, поступала из Самары. Она изображала большевиков исчадием ада. Первая большевистская ячейка в Самарском округе (в Самарской городской конторе) появилась только летом 1917 г. Она состояла из 3 чел. и работала нелегально [5, с. 87].

На Урале средства связи испытывали большие перегрузки: телефонный обмен в 1916–1917 гг. упал более чем в два раза, почтовые тракты в сельской местности не действовали. Волостные правления и крестьянские общины отказывались от их содержания. Почтовые отделения закрывались, почтовые вагоны из-за аварийного состояния не ходили. Связь работала с перебоями

даже в крупных городах. Положение усугублялось борьбой профсоюзных органов с чиновниками окружных администраций, кадровой «чехардой», текучестью работников. Трагическую ситуацию в учреждениях связи края описал один из инженеров, работавший в администрации Пермского округа: «Работать стало невозможно, когда появились Советы и месткомы», — писал он в МПиТ. «В их состав было избрано много неквалифицированных работников, чиновников низших разрядов, сторожей, почтальонов. Они охотно воспринимали льготы, выдвигали революционные лозунги, а деятельность администрации — парализована»⁹. Это способствовало падению дисциплины.

В трудовых коллективах нарастали конфликты, увеличивались кражи почтовых отправок и посылок, грубость по отношению к клиентам, а также использование служебного положения в личных целях (отправление телеграмм «вне очереди» за мзду и др.). С лета 1917 г. связисты Урала жили по принципу: почта и телеграф не для общества, а для служащих. Образную картину реализации этого лозунга нарисовал один из работников Пермской городской ПТК: «Контора по ночам не работает, на запросы не отвечает, дежурные уклоняются от приема. Телеграфисты ведут себя грубо, отказываются от работы, позволяют неуместные пререкания. Необходимо срочно прекратить произвол в приеме телеграмм во избежание массового их накопления» [4, с. 35].

Плохая работа связи вызывала много нареканий у клиентов и населения. Начиная с лета 1917 г. пресса различных политических направлений обрушила на Министерство почт и телеграфов и на работников связи шквал критики. «Революция принесла свободу, и ее ложное толкование, — писала одна из популярных московских газет, — в результате расстройство почтово-телеграфного дела усиливается. МПиТ уже завалено жалобами». «Россия стонет от почтово-телеграфного безобразия», — вторило ей другое издание. «Из 10 посланных открыток по почте в лучшем случае доходят одна-две. А сколько трагедий принесла посылка телеграмм почтой? Если до революции почта плохо, но работала, то сейчас (лето 1917 г. — *Г. Ш.*) вообще перестала. Положение с посылками писем и телеграмм хуже, чем во времена Николая I»¹⁰. Известная журналистка Теффи, с присущим ей сарказмом, предложила брать деньги с МПиТ, когда граждане прибегают к услугам этого ведомства, чтобы хоть как-то вознаградить их за те мучения, которые они испытывают при отправке корреспонденции¹¹.

В это время население перестало доверять сети связи общего пользования и прибегло к иным методам обмена и трансляции информации. Крупные хозяйственные и банковские структуры стали создавать свои каналы пересылки (посыльные, фельдъегерская связь и др.). В городах стали возникать частные предприятия по пересылке корреспонденции, причем объемы этого вида частной деятельности быстро росли. Население стало пересылать пись-

⁹Там же. Ф. 3527. Оп. 2. Д. 218. Л. 8.

¹⁰Московский листок. 1917. 29 июня; Речь. 1917. 28 июня; Русское слово. 1917. 16 июля.

¹¹Русское слово. 1917. 29 апр.

ма и др. корреспонденцию с оказией. В городах стали обычными объявления: «Еду в г. Оренбург, доставлю корреспонденции»¹².

Итак, вследствие непродуманной политики в отрасли, ухудшения материального положения связистов, общей слабости центральной власти, информационное поле и ресурсы Временного правительства в 1917 г. заметно уменьшились. Это наглядно проявилось в снижении объемов телеграфного и почтового обмена, массовом недовольстве населения работой телеграфов и почты. Осенью 1917 г. общенациональный кризис проявился и в том, что жители городов уже не доверяли государственным учреждениям связи и использовали альтернативные способы посылки и получения корреспонденции. Сужение информационного пространства, которым располагало Временное правительство во второй половине 1917 г., стало одной из косвенных причин его падения в октябре.

Библиографический список

1. *Базилевич К.* Профсоюзное движение работников связи (1917–1918). М., 1927.
2. *Волобуев П. В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962.
3. *Лебедев В. Н.* Участие связистов в революционном движении России. М., 1974.
4. Объединяя мир людей. Пермская связь. 60 лет. Пермь, 1998.
5. *Очевидец.* Профсоюз работников связи в октябре // Пройденный путь. Историко-политический и литературный сб., посвящ. X-летию октября. Верхнеуральск, 1927.
6. *Панкратова А. М.* Политическая борьба в Российском движении. 1917–1918 гг. Л., 1927.
7. *Пашкин.* Организация Союза почтово-телеграфных работников в 1917 г. М., 1927.
8. *Фельдман М. А.* Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург, 2001.
9. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы: в 2 т. Т. 2. М.; Л., 1957.

G. N. Shaposhnikov

Doctor of Historical Sciences, Ural State Medical Academy (Yekaterinburg, Russia)

Communication Facilities in Russia and in the Urals in 1914–1917

The article analyzes the state and development of communication facilities and civil activity of workers of the postal telegraph office during the World War I and the Revolution of 1917.

Key words: telecommunication, telegraph exchange, system crisis of infrastructure, the Revolution of 1917

¹²ГАРФ. Ф. 6871. Оп. 1. Д. 541. Л. 4.

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И РАБОЧЕГО
КЛАССА УРАЛА АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ ТАНЯЕВ (1898–1974 гг.) В
ОЦЕНКАХ ИСТОРИКОВ**

Статья посвящена изучению творчества А. П. Таяева, одного из первых исследователей-марксистов, давших социальную характеристику рабочего класса Урала. Оценка вклада А. П. Таяева в изучение промышленности Урала менялась в зависимости от политической ситуации и состояния российской исторической науки.

Ключевые слова: историография, промышленность Урала, рабочий класс

Творчество А. П. Таяева — одного из наиболее квалифицированных историков-марксистов 1920-х — начала 1930-х гг., внесшего огромный вклад в изучение промышленности и рабочего класса Урала, привлекает внимание историков всех поколений. Однако мнения исследователей об этом историке постоянно меняются.

В советское время творчество А. П. Таяева оценивалось, прежде всего, в связи с его оценкой социального облика уральского пролетариата. Его характеристика уральского рабочего как полурабочего-полукрестьянина была подвергнута резкой критике в конце 1920-х — начале 1930-х гг. После этого ученый вынужден был сменить проблематику своих научных исследований. В начале 1930-х гг. в журнале «Уральский коммунист» им был опубликован ряд статей о проблемах уральской промышленности в годы первой пятилетки [9; 10]. В дальнейшем советские исследователи всех поколений при характеристике творчества А. П. Таяева постоянно делали акцент именно на критике его мнения о социальном облике уральского пролетариата как полурабочем-полукрестьянине, расценивая это мнение как мелкобуржуазное [2, с. 188–190; 8, с. 15].

Наиболее подробно из всех советских историков проанализировала различные стороны деятельности А. П. Таяева на Урале, реконструировала его биографию и творческий путь Р. И. Голубцова. Она высоко оценивала А. П. Таяева как историка. Р. И. Голубцова писала: «На общем фоне вышедшей в 20-е гг. на Урале литературы значительно выделяются работы А. П. Таяева, в которых рассматриваются проблемы Октябрьской революции и гражданской войны». В соответствии с требованиями того времени, показателем уровня зрелости его исторической концепции Р. И. Голубцова считала то, «что он знал основные положения ленинской концепции Октябрьской революции и гражданской войны и стремился разработать их при-

*Шишкина Светлана Юрьевна

К.и.н., Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия; sveshishkina@yandex.ru

менительно к Уралу с использованием работ В. И. Ленина, отдельных их формулировок» [3, с. 54]. Автор отметила вклад А. П. Таяева в изучение военной промышленности Урала периода I Мировой и гражданской войн.

В то же время Р. И. Голубцова была человеком своего времени и не могла пройти мимо обвинений в адрес А. П. Таяева. По ее словам, наряду с ошибками фактического характера «имеются в исследованиях А. П. Таяева и серьезные ошибки методологического характера, в частности в определении социальной природы уральского рабочего». Она признавала точку зрения историка по этому вопросу «ошибочной» и подчеркивала, что «в данном случае А. П. Таяев попал под влияние буржуазной идеологии, допустил серьезное отступление от марксистско-ленинской методологии» [3, с. 55–56].

В годы «перестройки» Р. И. Голубцова попыталась смягчить свою позицию, отказавшись от обвинения в адрес А. П. Таяева по поводу «ошибок» методологического характера, а «ошибки» фактического характера попыталась объяснить объективными факторами: неразработанностью отдельных вопросов, отдаленностью Уральского региона от центра. Основную заслугу историка она видела в том, что «труды А. П. Таяева и опубликованный им комплекс источников по истории рабочего класса не только способствовали активизации научной работы в 1920–1930-е гг., но и широко использовались в последующие годы исследователями истории Октябрьской революции и гражданской войны на Урале» [4, с. 153].

Достаточно востребованной историческая концепция А. П. Таяева является в современной историографии. Развернутая характеристика этой концепции дана в книге уральских историографов Е. Б. Заболотного, В. Д. Камынина и А. Т. Тертышного. Авторы впервые попытались вписать воззрения ученого в общероссийский контекст, связав его имя с бурными дискуссиями второй половины 1920-х гг. о характере российского империализма, о предпосылках и характере Октябрьской революции. Проанализировав вклад ученого в изучение уральской экономики начала XX в., они сделали вывод о влиянии на взгляды А. П. Таяева представителей «денациональной школы» 1920-х гг. и, прежде всего, Н. Н. Ванага [5, с. 32–33]. Это мнение историографов противоречило взглядам на историческую концепцию А. П. Таяева, которую высказывал советский историк В. В. Адамов. По его словам, «когда первые советские ураловеды приступили к изучению истории монополистического капитала на Урале, им по ряду причин не удалось уловить особенности этого процесса. Вот почему такие исследователи, как А. П. Таяев, а затем и С. П. Сигов пришли к выводу, что акционирование горнозаводских владений явилось переломным моментом в истории горнозаводской промышленности в том смысле, что с ним был связан не только приток новых капиталов, но и ломка устарелого строя или, по выражению С. П. Сигова, “старого порядка” на Урале» [1, с. 255].

Подробно Е. Б. Заболотный, В. Д. Камынин и А. Т. Тертышный рассмотрели концепцию ученого о влиянии I Мировой войны на уральскую промышленность и пришли к выводу, что А. П. Таяев, как и другие историки-марксисты первого поколения, объяснял «наличие объективных предпо-

сылок Октябрьской революции прежде всего влиянием мировой войны на состояние экономики края» [5, с. 36]. Историографы показали влияние исторической концепции А. П. Таяева на последующие поколения историков Урала [5, с. 37].

В современной историографии имя А. П. Таяева часто упоминается в связи с его характеристикой социального облика уральского рабочего. М. А. Фельдман полагает, что этот ученый наиболее объективно охарактеризовал особенности рабочих Урала. Он считает, что А. П. Таяев своей характеристикой уральского рабочего как «полукрестьянина-полурабочего» «пытался выразить неоднородность горнозаводского населения в одной обобщающей формуле» [12, с. 12]. В. Д. Камынин, В. Д. Грунь и В. Л. Берсенев считают мнение А. П. Таяева по этому вопросу вполне марксистским. К тому же они подчеркивают, что «историк, признавая полукрестьянское, по сути, положение уральского рабочего, делал существенную оговорку, что оно не отрицало пролетарский характер рабочего движения в регионе, а мелкобуржуазной была лишь наиболее отсталая часть заводского населения» [7, с. 63].

Проанализировав статьи А. П. Таяева по истории уральской промышленности, опубликованные в журнале «Уральский коммунист» в начале 1930-х гг., М. А. Фельдман пришел к выводу о том, что ученый выступил в них с критикой плановых органов, которые разработали план «Большого Урала» с учетом требований И. В. Сталина об ускорении темпов индустриализации. Историк пишет: «Формально вся эта критика относилась к плановым органам Урала. Однако план “Большого Урала” впервые был обсужден на заседании Уральского областного комитета партии в сентябре 1929 г., а затем был утвержден пленумом обкома в апреле 1930 г. В январе 1930 г. этот план одобрил и президиум ВСНХ СССР — после чего он был включен в контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1930–1931 гг.» Автор заключает: «Таким образом, фактически критика утопии была направлена по достаточно конкретным адресам. Нам неизвестна подобная критическая статья (да еще и в партийном органе) в 1930 г. — в период утвердившейся власти сталинского режима» [11, с. 390].

Учитывая значимость исторической концепции А. П. Таяева для уральской историографии, приходится сожалеть, что очерк о А. П. Таяеве отсутствует в справочнике «Историки Урала» [6]. Мы согласны с мнением М. А. Фельдмана о том, что «тема творчества А. П. Таяева заслуживает специального исследования на уровне монографии или диссертации» [11, с. 388].

Библиографический список

1. *Адамов В. В.* Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // *Вопрос истории капиталистической России. Проблема многоукладности.* Свердловск, 1972.

2. *Васьковский О. А.* Советская историография гражданской войны на Урале (начало 1930-х — середина 1950-х гг.) // Ученые записки Урал. ун-та. 1969. № 72.
3. *Голубцова Р. И.* А. П. Тanyaев о проблемах Октябрьской революции и Гражданской войны на Урале // Историография истории Урала периода Октябрьской революции и Гражданской войны 1917–1920. Свердловск, 1984.
4. *Голубцова Р. И.* А. П. Тanyaев об участии трудящихся Урала в Октябрьской революции и Гражданской войне // Летописцы родного края (очерки об исследователях истории Урала). Свердловск, 1990.
5. *Заболотный Е. Б., Камынин В. Д., Тертышный А. Т.* Урал накануне великий потрясений 1917 года (историографический очерк). Тюмень, 1997.
6. *Историки Урала XVIII–XX вв.* Екатеринбург, 2003.
7. *Камынин В. Д., Грунь В. Д., Берсенев В. Л.* История рабочих Урала в 20–30-е гг. XX в. в отечественной историографии. М.; Екатеринбург, 2008.
8. *Селиванова Г. И.* Основные вопросы первой русской революции на Урале в исторической литературе 20 — начала 30-х гг. // Историография и источниковедение. Свердловск, 1976.
9. *Тanyaев А. П.* Проблема промышленных кадров для «Большого Урала» // Уральский коммунист. 1930. № 3–4; № 11–12.
10. *Тanyaев А. П.* Буржуазно-крепостническая тенденция в вопросе промышленной колонизации // Уральский коммунист. 1930. № 1.
11. *Фельдман М. А.* Последнее предупреждение: статьи А. П. Тanyaева в уральской печати в 1930-е гг. // Третьи Татищевские чтения. Екатеринбург, 2000.
12. *Фельдман М. А.* Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. (численность, состав, социальный облик). Екатеринбург, 2001.

S. U. Shishkina

Candidate of Historical Sciences, Tyumen State University (Tyumen, Russia)

Researcher of the industry and the working class of the Urals Tanyaev Alexander Petrovich (1898–1974) in the estimates of historians

The paper studies the creative work of A.P. Tanyaev, one of the first Marxist researchers, who gave social characteristic of the working class in the Urals. Evaluation of the contribution of A.P. Tanyaev to the studies of industry in the Ural region has varied depending on the political situation and the state of historical science in Russia.

Key words: historiography, Ural industry, working class

ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

УДК 94(47).06(908)

*Н. Д. Борщик**

ОСОБЕННОСТИ УЧЕТА ПОДДАННЫХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII СТОЛЕТИИ¹

В статье рассмотрена специфика обследований населения Российской империи местными чиновниками; указаны причины проведения и основные нормативы; изучены региональные особенности описаний.

Ключевые слова: историческая демография, учет населения, XVIII в.

Россия в XVIII столетии превратилась в мощное государство с имперским статусом, что закономерно потребовало поступательного развития ее демографических описаний. Актуальность научного осмысления исторического опыта осуществления учета населения обусловлена важнейшей ролью количественной информации в государственном управлении. Цифровые итоги учета населения дают возможность увидеть и оценить изменения, произошедшие с момента предыдущего обследования. Знание динамики перемен становится базой перспективных социальных прогнозов в стране. Учет населения в этом случае выступает не только как непосредственный статистический итог, но и как демографическое условие курса государственной политики на соединение всех институтов общества и государства.

С начала XVII в. в Курском крае помимо государственных поземельных и подворных описаний были проведены многочисленные местные обследования земельного фонда и жителей. Исследования автора показало, что это стало результатом быстрого устаревания итогов государственного учета. Цифровые итоги местных описаний были основой для определения размеров налогообложения податных категорий населения. Кроме того, они в определенной степени устраняли финансовые противоречия земледельцев и власти, возникавшие из-за постоянного притока населения в этот регион.

В дальнейшем проведение местных учетов целиком возлагалось на региональные власти. Главе региона вменялось в обязанность время от времени производить переписи дворов и населения с подробной фиксацией пола и возраста жителей, изменения в их числе, описанием усадьбы, земельных угодий и проч.

Центральные власти и в XVIII в. не оставляли надежд выяснить максимально точное количество жителей страны для справедливого распределения налогов. И если общегосударственная перепись 1710 г. и ее результаты в рам-

*Наталья Дмитриевна Борщик

Д.и.н., Курский государственный университет, Курск, Россия; arktur4@rambler.ru

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 13-11-46002

ках страны были признаны неудовлетворительными, то правительством предпринимались попытки сделать подсчет населения в отдельных регионах.

Южное порубежье Российской империи в первые десятилетия XVIII в. оставалось под пристальным наблюдением властей. Население продолжало прибывать на плодородные черноземы из центральных и северных районов страны; в условиях военных действий и постоянных рекрутских наборов в порубежных населенных пунктах скрывались бежавшие со службы драгуны, солдаты и проч. Хотя граница империи отодвинулась на юг, и Курский край уже не являлся порубежным регионом, здесь продолжали возникать новые населенные пункты, увеличивалась численность основанных ранее за счет переселенцев.

Для контроля процесса миграции на южное порубежье страны 24 августа 1713 г. вышел указ Сената «О переписи в Киевской и в Азовской губерниях новопостроенных сел и деревень». В указе отмечалось, что «в Киевскую и Азовскую губернию для переписки Белгородского и Севского розряда во всех городах и в слободских полках новопоселенных сел и деревень, которые по переписным книгам 710 году не написаны, послать царедворцов знатных и добрых людей, кому б можно было верить, а именно: в Киевскую трех, а в Азовскую двух человек»².

Далее в указе сообщалось, что командированным будут выданы указы, в которых был расписан порядок их действий, а именно: сразу после приезда в губернию необходимо было взять у киевского губернатора и у азовского ландрихтера списки населенных пунктов, «чьи новопоселенные села и деревни, или хотя и до тех переписных книг поселены, а в тех переписных книгах не написаны».

Переписчикам предписывалось «ехать в те города, где новопоселенные села и деревни», сразу по приезде «у помещиков и у вотчинников, а буде у помещиков и вотчинников нет, у прикащиков их и у старост взять сказки под смертною казнию». Взяв сказки, необходимо было «осмотреть и переписать всех налицо»: «те села и деревни в которых городах поселены, и сколько в них черкас и русских, и крепостные или пришлые, и буде крепостные, и с тех крепостей имать списки». Переписчики были обязаны «во время той переписи тех людей расспрашивать, сколь давно в те села и деревни пришли, и отколь, и не беглые ли драгуны и солдаты, или чьи люди и крепостные».

Если выяснялось, что жители «новопоселенных сел и деревень беглые драгуны и солдаты, или чьи беглые люди и крестьяне, и тех отсылать людей и крестьян с женами и с детьми и с их животы на прежние жилища, драгун и солдат в армию к генерал-фельдмаршалу графу Шереметеву». В отношении служилых переселенцев украинского происхождения предполагалось выяснить, «в каких они городах испомещены были и какую службу служили». После допроса предполагалось «ссылать их с женами и с детьми и с их животы на прежние их жилища, кто откуда пришел».

²Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. II. СПб., 1838. Т. V. С. 1713–1719.

Итогом деятельности переписчиков должны стать «переписные подлинники книги со всяким о том подлинным известием и с перечневыми выписками и табельми за своими руками, а учиняя, ехать к Москве, а приехав, подать в Канцелярию Правительствующего Сената немедленно». В указе сообщалось, что на нужды командированным из столицы царедворцам выделялось «бумаги по две стопы да по ведру чернил», обеспечивался за казенный счет проезд до Киева и Ельца соответственно (где «обретались» киевский губернатор и азовский ландрихтер). Переписчики предупреждались и об ответственности: «ежели они, будучи у того дела, учнут из каких взятков, или для каких своих прихотей чинить кому какую поноровку, и про то сыщется, и за то по розыску им учинено будет яко преступникам».

Аналогичный Сенатский указ «О переписке в Киевской и Азовской губерниях черкас и русских людей, об отсылке беглых крестьян на прежние жилища, а драгун и солдат в армию, и о присылке в Сенат переписных книг с табелями» вышел 28 сентября 1714 г. Губернаторам предписывалось: «велеть им в тех городах в Харькове, на Волуйке, в Чугуеве, в Золочеве у полковников и у старшин в селах и в деревнях переписывать всех налицо, и во время той переписки тех людей расспрашивать, сколь давно они в те села и деревни пришли, и отколь, и не беглые ли драгуны и солдаты, или чьи люди и крестьяне»³. В отношении «украинцов, служилых людей» было необходимо «допрашивать, в которых они городах испомещены были, и какую службу служили, и в которых годах в те села и деревни пришли, и какие с них оные помещики и старшина подати имали». По итогам переписи «тому всему учинить переписные книги со всяким о том подлинным известием и с перечневыми выписками (и табельми)».

Известны указы о проведении локальных переписей населения и в других регионах. Например, 30 сентября 1715 г. вышел указ «О переписке в Санктпетербургской и Архангелогородской губерниях около Белого и Мурманского морей по берегам и кругом озер Ладожского и Онежского и по Двине до Холмогор сел и деревень и в них мужескаго полу душ», который предписывал описать села и деревни от 15 верст и ближе от указанных географических объектов «и в них людей по именам мужеска полу и коликих лет, и те описные книги прислать в канцелярию Сената в скором времени»⁴.

Так как Петр I не признал результаты переписи 1710 г., то было решено провести новую перепись в 1715–1717 гг. Губернии были разделены на доли; в уездных городах, где не было крепости, гарнизона, комендантов и оберкомендантов, уездными правителями были ландраты — каждый над своей долей; при ландратском уездном управлении ландраты были только начальниками уездных жителей, управление же городами было предоставлено земским бургомистрам. Как начальник уездных жителей и крестьян, ландрат имел одной из своих главных обязанностей производство от времени до времени переписи дворов своей доли, с подробным обозначением разных видоизменений

³Там же. С. 125.

⁴Там же. С. 50-51.

в их числе, числа душ во дворе, пола и возраста, с описанием усадьбы, полей, угодий и т. д. Организованную правительством перепись населения в 1715 г., проведение которой целиком и полностью зависело от ландратов, стали называть соответственно «ландратской».

Видимо, практика проведения региональных подсчетов населения местными властями для собственных нужд дала неплохие результаты, поэтому правительство решилось на столь масштабную перепись населения страны, возложив организацию переписных работ и проведение самого учета на местные власти. В именном указе от 10 декабря 1715 г. «О переписи крестьянских, бобыльских и других дворов и в них людей» говорилось: «Великий государь указал: в губерниях ландратам переписать дворы крестьянские и бобыльские и других в них людей по именам против присланных в губернии его Великого государя указам, вправду без всякой утайки и понаровки; а переписав, те переписные книги и из них таблицы прислать в Канцелярию сената немедленно»⁵.

Помня о недостоверных результатах переписи населения 1710 г., вводился особый контроль за точностью сообщаемых с мест сведений, которые записывались в переписные книги: «а из уездов им ландратам не выезжать, понеже для свидетельства той их переписки, каково они переписывали, правдою ли, присланы будут другие люди». С. Ларионов о курских событиях сообщил, что «в 1715 году, городское правление имел он же стольник и уже черниговский комендант Вельяминов Зернов, потом думный дворянин Семен Протасьевич Неплюев, который и перепись делал»⁶.

Ландратские переписи учитывали не только мужское, но и женское население у всех жителей, за редким исключением, проставлялся возраст, указывались нетрудоспособные — увечные, слепые и проч. Исключительно важны переписные книги 1716 г., которые приводят сведения о жителях двора не только на текущий момент, но и дают сведения из предыдущих переписей 1710 и 1678 гг.

Итоги переписи населения Курска 1715 г., проведенной под руководством С. П. Неплюева, не обнаружены. Сохранилась переписная книга (ландратская) 1716 г. по Новооскольскому уезду⁷. Приведем примеры типичных записей в тексте данного документа: «Солдацкой службы Григорей Пофомов сын Зезюков 53 у него жена Агафья Григорева дочь 53 сын Селиверст 25 да невестки драгунския сыновья Веденихтова жена Афинья 30 у нее дочери Пелагея 13 Дарья 9 Иванова жена Марфа Микифарова дочь 30 у ней сын Гордей 10 лет. А после переписи 710 году во оной двор прибыло у Селиверста жена Ирина Никитина дочь 25 лет того ж села из двора Никиты Лыкова и по переписи 710 году писана. Да после переписи 710 году из одного двора убыло внук ево Нестер Веденитов сын году в 714 году умре внука Василиса 10 лет выдана замуж в том же селе за Афонася Монохина. А после переписи 710 году во

⁵Там же. С. 185.

⁶Описание Курского наместничества из древних и новых о нем известий, вкратце собранное Сергеем Ларионовым, того наместничества Верхней расправы прокурором. М., 1786. С. 21.

⁷РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 296. Л. 185-186.

оное село прибыло и с написанных по переписи 710 году салдацкой службы один двор в нем людей Сергей Кондратов сын Черкашенин 35 у него жена Агафья Васильева дочь 30 дети Фома 16 Дарья 15 Евдокея 10 лет писана во дворе Мирона Самойлова».

Сама перепись predetermined резко отрицательное отношение со стороны населения, и даже жесточайшие наказания за утайку не давали правительству желаемых результатов. Множество ошибок происходило из-за невежества и небрежности переписчиков, а также из-за взяток переписчикам за пропущенные дворы. С другой стороны, если взятки не давались, то пустые дворы записывались как жилые, были случаи пропусков целых деревень или одно и то же село переписывалось дважды.

В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) хранится «Переписная (ландратская) книга Курского уезда 1718 года». Приводим указ о проведении данного народоисчисления: «1718 году по указу великого государя... каковы присланы в Курск ис Киевской губернской канцелярии повелено в Курску комисару Федору Бехтееву прежние переписные книги 186-го и 710-го году освидетельствовать как наличное так и убылое и что сверх тех переписных книг прибыло дворового числа и людей по летам и оброчных и всяких статей и учиня о том переписные книги прислать в Киевскую губернскую канцелярию к отсылке в Санкт Петербурх»⁸.

Организация этой переписи также была возложена на местное руководство. Примечательно, что переписные книги, которые должны были быть составлены после учета населения 1715 г., в указе не упоминаются. Интересно, что результаты ландратской переписи 1715 г. правительству показались не вполне достоверными; в некоторые местности были отправлены царедворцы для проведения повторного учета населения. Например, указ от 18 июня 1716 г. «О посылке царедворцев в Нижегородскую губернию для переписи дворов вместо ландратов царедворцев» гласил: «Которые царедворцы в Нижегородской губернии определены для переписки вместо ландратов, Степан Киреев, Петр Вердеревской, Степан Карцев, и тем у той переписи быть по-прежнему; а в которые доли не определено, и в те для той переписки вместо ландратов послать из царедворцев Григория Никитина сына Левашова, Герасима Володимерова сына Есина, и оное дворовое число переписывать, как повелено ландратам, по преждепосланным указам вправду»⁹.

Несмотря на энергичные меры властей, перепись затянулась. В 1718 г. стало ясно, что итоговое число дворов не превышает итог переписи 1678 г. Это означало, что дальнейшая эксплуатация подворной системы не позволяет увеличивать доходы от прямого обложения и обеспечить тем самым возросшие потребности государства в средствах на военные нужды. Кризис подворного обложения, выразившийся в утайке «дворового числа», недоимках, усугублялся крайне несовершенной системой сбора налогов. Система подворного

⁸Там же. Д. 215. Л. 1.

⁹ПСЗ. Собр. II. СПб., 1838. Т. V. С. 474.

обложения перестала соответствовать тем задачам, которые она должна была решать.

«Ландратская» перепись показала еще худшие результаты: число дворов уменьшилось по сравнению с 1678 г. на одну треть. Такие результаты отчасти отражали действительное сокращение численности населения России вследствие войн и разорительных условий жизни, но в большей степени были результатом неверных сведений. Многие помещики старались преуменьшить число дворов, объединяя по нескольку податных дворов в один. Поэтому подворное налогообложение было заменено подушным, и, соответственно, были преобразованы и переписи. Эти периодические переписи явились предшественницами последующих ревизий; результаты их хранятся в РГАДА.

В дальнейшем из-за наступления ревизской эпохи регулярного учета, возложенного на региональные власти, наблюдался спад интереса к местным переписям населения. Исключение составили многочисленные описания населения и природных ресурсов как отдельных уездов, так и Курского наместничества в целом, выполненных в 1780–1790-х гг. должностными лицами уездных нижних земских судов, городничими и комендантами, уездными и губернскими землемерами, губернскими чиновниками [1].

Библиографический список

1. *Борщик Н. Д.* Использование итогов учета населения в описаниях Курского наместничества 1784–1785 гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы IX Всерос. науч. конф., посвящ. 85-летию д.и.н., профессора А. В. Бакунина. В 2-х т. Екатеринбург, 2009. Т. 1. С. 50–54.

N. D. Borschik

Doctor of Historical Sciences, Kursk State University (Kursk, Russia)

Specifics of Population Accounting in Russian Empire in the 18th century

The article considers the specifics of population surveys by local officials in the Russian Empire, shows the main reasons and standards of these surveys, studies the regional features of descriptions.

Key words: historical demography, population accounting, the 18th century

«Я ВОПИЮ О ЗАВУЧРАСПРЕД»: КАДРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УРАЛБЮРО ЦК РКП (б)¹

Статья посвящена кадровому аспекту деятельности Уралбюро ЦК РКП (б). Рассматривается влияние кадровой политики центральных органов власти на региональную систему управления, показаны причины кадрового дефицита и его влияние на эффективность функционирования региональной власти.

Ключевые слова: областное партийное бюро, кадровый вопрос, кадровая политика, советская система управления

В начале 1920-х гг. важным элементом формирующейся советской системы управления становятся региональные партийные структуры — областные бюро ЦК РКП (б), на которые были возложены функции координации и налаживания тесной связи между Центром и органами партийно-государственного и хозяйственного управления на периферии, создания надежной властной вертикали. В результате областные партийные структуры, по сути, становились представительствами ЦК РКП (б) на местах.

Решение о создании областных партийных бюро принимается на IX съезде РКП (б), и уже 8 апреля 1920 г., через три дня после закрытия съезда, пленум ЦК принял постановление «Об организации и составе Сибирского бюро ЦК РКП (б)» [2, с. 21], а также решение об организации Кавказского бюро ЦК РКП (б). 20 апреля 1920 г. в ЦК РКП (б) был рассмотрен вопрос «Об Уральском областном бюро ЦК» и утвержден его первый состав в лице В. А. Андроникова, Е. И. Бумажного и Г. Л. Пятакова [2, с. 20]. Таким образом, Уралбюро ЦК РКП (б) создается одним из первых, что свидетельствует о том, какое значение придавало центральное руководство страны Уральскому региону.

В итоге к началу 1922 г. было создано девять партийных областей, которыми руководили один ЦК, один областной комитет и семь областных бюро, а именно «ЦК КП (б) У, объединяющий работу 12 губернских организаций, Юго-востбюро ЦК с 7 губерниями и областями (Донская и Кубанская области, Терская губ., Ставропольская губ. и Кабардинская область, Горская и Дагестанская республики), Кавказский краевой комитет, объединяющий коммунистические партии Азербайджана, Армении, Грузии; Северо-западное бюро ЦК с губерниями Петроградской, Олонецкой, Карельской областью, Череповецкой, Новгородской и Псковской губерниями; Киргизский областной комитет с губерниями: Акмолинской, Актюбинской, Букеевской, Кустанайской, Оренбургской, Семипалатинской и Уральской; Уралбюро ЦК с гу-

*Сергей Викторович Воробьев

К.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; svorob.hist@gmail.com

¹Работа выполнена по бюджетной теме X.105 и программе ОИФН № 12-Т-6-1003

берниями: Екатеринбургской, Пермской и Челябинской²; Сиббюро ЦК и Дальбюро ЦК (работающее на территории Дальневосточной республики)»³. И, наконец, после XI партийного съезда 5 апреля 1922 г. создается Киргизское (Казахское) бюро ЦК РКП (б) [3, с. 75].

Эффективность деятельности новых региональных структур управления в значительной степени была связана с кадровым вопросом. Необходимо было укомплектовать создаваемые областные партийные бюро работоспособными руководящими работниками и опытными техническими специалистами. Однако в условиях повсеместного острого кадрового дефицита набор квалифицированных работников для этих органов на местах наталкивался на серьезные проблемы. В связи с этим центральное партийно-государственное руководство периодически проводило кампании по посылке работников центральных учреждений в провинцию. Однако подобные меры решали проблему лишь частично, их результативность была низкой.

Период деятельности Уралбюро ЦК РКП (б) включает в себя несколько этапов, каждый из которых связан со сменой его руководящего состава. Однако общей характерной чертой, объединяющей эти этапы, была хроническая проблема кадрового дефицита, которая временами фактически парализовала деятельность партийной структуры.

Негативную лепту в возникновение кадровых потрясений своими действиями вносила и Москва, периодически выдергивая с мест нужных ей работников даже без предварительного согласования с местным руководством. На такую порочную практику постоянных кадровых пертурбаций со стороны Центра, наносящих удар по региональным структурам управления (губернским, уездным), указывали прежние руководители Уралбюро ЦК РКП (б) еще в начале 1922 г. в связи с попыткой отзыва в Москву известного большевика, командующего Приуральским военным округом С. В. Мрачковского. Они заявили, что «Урал-Бюро считает отзыв ЦК РКП ответственных работников с Урала вообще и в особенности без ведома Урал-Бюро и без его мнения не нормальным»⁴. Однако подобная практика кадровых перебросок продолжала существовать и в дальнейшем.

В апреле 1922 г. участники областного совещания приняли постановление, в котором призвали высшее партийное руководство проводить более продуманную кадровую политику, которая исключит постоянную переброску партийных работников с места на место: «...работа Урал-Бюро может быть поставлена на должную высоту при условии командирования из Центра работников для постоянной работы на Урале на срок не менее 1-го года»⁵. В итоге через месяц Уралбюро ЦК РКП (б) вновь осталось без руководителя.

С уходом предыдущего руководителя Уралбюро ЦК РКП (б) происходил организационный и кадровый развал областной партийной структуры. Новому руководству приходилось с нуля выстраивать структуру управления

²Не указана Тюменская губерния, также входившая в сферу компетенции Уралбюро ЦК.

³Одиннадцатый съезд РКП (б): стенографич. отчет. М., 1961. С. 653.

⁴ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 2. Д. 23. Л. 17.

⁵ЦДОСО. Ф. 1449. Оп. 1. Д. 73. Л. 5.

и укомплектовывать штаты сотрудников, преодолевая невероятные сложности. В результате перманентные кадровые потрясения препятствовали нормальному организационному развитию областной партийной структуры.

Поэтому в течение длительного времени деятельность Уралбюро ЦК РКП (б) проходила под знаком постоянного кадрового голода и кадровой чехарды. Екатеринбургский губком в своих сообщениях в ЦК РКП (б) указывал на постоянную штатную неуккомплектованность и текучесть кадров руководящих работников этого органа. Губернские руководители отмечали слабый персональный состав областного партийного бюро. В нем отсутствовали партийные товарищи, «имена которых были бы достаточно авторитетны как для ответственных работников [выделено нами — С. В.], так и широких партийных кругов Урала»⁶. Подобное положение дел наносило серьезный удар по стремлению Уралбюро ЦК РКП (б) завоевать ключевые позиции в региональной системе власти.

Однако вскоре, в условиях усиливавшейся централизации партийно-государственной системы Советской России, положение областных бюро начинает меняться. Им отводится важная роль в укреплении властной партийной вертикали. В связи с этим с середины 1922 г. начинается период организационного и кадрового усиления Уралбюро ЦК РКП (б). Как отмечал Л. М. Каганович, являвшийся в то время заведующим организационно-распределительным отделом ЦК партии, «ЦК придавал большое значение Уральской парторганизации. После XI съезда ЦК счел нужным укрепить Уральское бюро ЦК и ввел в него тт. Голощекина, Харитонову, Бела Куна, Ломова и других» [1, с. 288]. Сначала руководителем Уралбюро ЦК РКП (б) был назначен Ф. И. Голощекин, но в середине июля он был отозван в распоряжение ЦК РКП (б), а во главе Уралбюро ЦК поставлен М. М. Харитонов.

Существенное внимание новый состав Уралбюро ЦК РКП (б) уделил созданию работоспособного аппарата областного бюро, положение которого было весьма плачевным. Новые члены областного бюро нашли вместо Уралбюро ЦК РКП (б) «в буквальном смысле пустое место. Аппарата не было совсем»⁷. Б. А. Васильев, ставший заведующим организационным отделом, в своих письмах руководителю Учетно-распределительного отдела ЦК РКП (б) С. И. Сырцову так описывал ситуацию: «По моему приезду я застал такое положение. Учетраспредом Уралбюро ЦК РКП заведует беспартийный спец — статистик из Губстатбюро (кончил два факультета). На мой вопрос бывш. зав. оргин[структурским отделом] т. Богораз о политической благонадежности этого гражданина, она ответила: “А кто же его знает, может быть и контрреволюционер”»⁸. К моменту приезда Б. А. Васильева на Урал «этот гражданин занимался тем, что составлял по анкетам характеристики областным партработникам. Когда я подошел к его столу, он как раз изучал материал для составления характеристики т. Харитонову»⁹. Попытка подыскать ему достойную за-

⁶Там же. Ф. 76. Оп. 1. Д. 79. Л. 24 об.

⁷Там же. Ф. 1449. Оп. 1. Д. 78. Л. 15.

⁸РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 699. Л. 6.

⁹Там же.

мену из числа местных коммунистов закончилась неудачей, оказалось, что «в Екатеринбургe нет подходящих». Подходящая кандидатура нашлась в Перми — заведующий организационным отделом губкома партии. Но пермские товарищи, видимо, не горели желанием отпускать ценного работника: «Но по всем данным Пермский Губком уперся его дать. Ответа что-то подозрительно долго нет. Надежда, твердая надежда может быть только на ЦК»¹⁰.

Б. А. Васильев предлагает С. И. Сырцову своего кандидата на должность заведующего учетно-распределительным отделом Уралбюро ЦК РКП (б): «...это т. Ильин бывший зав. уч[етно-]ст[атистического] [отдела] Тамбовского губкома (последнее время работал ответственным инструктором Губкома)». Но тут же выражает сомнение: «Но согласится ли он поехать безропотно на голодный Урал, что скажет Тамбовский Губком по этому поводу — сказать ничего не могу. Знаю только, что с т. Ильиным я ручаюсь за хорошую постановку уральского учраспреда. Но если т. Ильина нельзя — командуйте другого. Я вопию — о завучраспред. ЦК не должен оставить мой глас вопиющего в пустыне»¹¹. Этот крик души был вызван также и тем, что «и беспартийный спец, который [был] до сих пор, собирается уходить, и как беспартийного задержать мы его не можем»¹².

Другие структурные подразделения Уралбюро ЦК РКП (б) также не были укомплектованы руководящими работниками: «Столь же безнадежно обстоит дело с зав. п[од]о[отделом] печати аппарата Уралбюро и зав. п[од]о[отделом] пропаганды. По всем данным на Урале сейчас нет товарищей, которых можно было бы посадить на эти посты»¹³.

Помимо отсутствия руководящих кадров в губерниях, подконтрольных областному партийному бюро, наблюдался также дефицит технических сотрудников для учреждений власти. «В области большой недостаток партийных канцеляристов. Этим, между прочим, объясняется плохое состояние информации в парторганах и вообще плохое состояние партаппарата (на что все время указывает ЦК)». По этому поводу Уралбюро ЦК РКП (б) обращается в Москву с просьбой прислать таких специалистов на Урал: «первую голову для укрепления технического партаппарата в губкомах и укоммах», считая эту задачу вполне выполнимой, так как «в Москве и вообще в Центральной России конторских коммунистов, по-видимому, более чем достаточно»¹⁴.

Но кадровая поддержка со стороны центральных партийных органов не отличалась оперативностью и качеством. Тот же Б. А. Васильев, оценивая присланных из Цента работников, отмечает: «Я прилагаю список тов[арищей], полученных нами. Большинство из них большой пользы на Урале не принесут»¹⁵.

К тому же центральные инстанции далеко не всегда отличались обязательностью. Достигнутые договоренности и обещания, данные региональным

¹⁰Там же. Л. 6–6 об.

¹¹Там же. Л. 6 об.

¹²Там же. Л. 4.

¹³Там же. Л. 6 об.

¹⁴Там же. Л. 4–4 об.

¹⁵Там же. Л. 4 об.

органам власти относительно необходимых кадров, зачастую нарушались: нужные кандидатуры не посылались, сроки прибытия откомандированных не соблюдались. Это вызывало раздражение и недовольство местных руководителей. В июле 1923 г. ответственный секретарь Уралбюро ЦК РКП (б) М. М. Харитонов посылает в адрес Учетно-распределительного отдела ЦК РКП (б) гневную телеграмму: «Где обещанные работники по хозяйственной линии? Вы обязались дать для Уралплатины, для Лесного треста и для Химтреста или Золоторуды, а также для Ураласбеста. Разговоров с Вами у меня было много, а людей пока не видно <...> Где Гаевский, который должен был прибыть вместо Анучина? Напоминаю: дело с хозработниками у нас обстоит плохо. Если Вы не выполните данных обещаний, то нам никак не обеспечить ряд важнейших хозяйственных организаций. Жду результатов»¹⁶.

В ответ местные руководители платили Центру той же монетой, идя на радикальные меры в кадровых вопросах. Происходило своеобразное «перетягивание каната» между Центром и региональными властными структурами (партийными, советскими, хозяйственными) — работника не отпускали в распоряжение центральных органов до тех пор пока не получали замену. В этой ситуации отзываемый работник находился фактически на положении пленного.

Характерная ситуация произошла с А. И. Шульцем¹⁷ в августе 1923 г., который отзывался с Урала по просьбе народного комиссариата земледелия для назначения его на должность начальника Центрального управления лесов. Однако произошла «длительная заминка решения вопроса о переброске намеченных работников» — т. Зубарев, назначенный вместо Шульца, из Уфы в Екатеринбург не прибыл. Поэтому Уралбюро ЦК РКП (б) задержало А. И. Шульца в Екатеринбурге. Последнему удалось переправить в Москву письмо, в котором он сообщал: «...мое личное желание — переехать на работу по своей специальности в Москву. В связи с создавшимся положением Уралбюро воспретило мне даже поездку в Москву на выставку¹⁸, и заявило, что до получения ответа от ЦК на протест, мне не будет разрешен выезд за пределы области»¹⁹. По поводу создавшейся ситуации заместитель наркома земледелия РСФСР А. И. Свицерский был вынужден обратиться в Секретариат ЦК РКП (б) с просьбой о содействии в освобождении «пленника» и «телеграфно категорически предписать Уралбюро исполнить постановление Оргбюро о т. Шульце и беспрепятственно откомандировать его в Москву»²⁰.

Таким образом, кадровые проблемы Уралбюро ЦК РКП (б) носили перманентный характер и не были окончательно устранены до момента его реорганизации. Внешним фактором негативного характера являлась кадровая политика центральных партийных органов власти: постоянные перемещения, переброски работников с места на место, неспособность обеспечить террито-

¹⁶Там же. Л. 141.

¹⁷А. И. Шульц — советский государственный деятель, ученый, организатор науки; один из составителей Лесного кодекса РСФСР, первый директор (1929 г.) Государственного научно-исследовательского института лесного хозяйства (ГосНИИЛХ) (г. Ленинград).

¹⁸Имеется в виду Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка 1923 г.

¹⁹РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 699. Л. 135–135 об.

²⁰Там же. 135 об.

рии квалифицированными, дееспособными руководящими и техническими управленцами. Такие действия коммунистического руководства не носили злого умысла, а являлись вынужденной практикой, «латанием дыр» на тех территориях страны и в тех партийных и ведомственных структурах управления, где ситуация становилась совсем уж критической. Такая тактика кадрового выравнивания территорий неизбежно вносила дополнительный хаос в функционирование местных органов власти.

Ситуация усугублялась тем, что отсутствовала возможность укомплектовать региональные структуры управления местными кадрами. Кадровый резерв отсутствовал, не было и возможности обеспечить в условиях скудного финансового и материального обеспечения основной массе служащих в органах управления приемлемый уровень жизни.

В результате коммунистическое руководство в начале 1920-х гг. находилось в ситуации «кадровой ловушки» — специалисты-бюрократы из «бывших» были неблагонадежны или не хотели идти на службу к советской власти, а свои партийные и «социально близкие» были некомпетентны, не имели нужных знаний и опыта для работы в управленческом аппарате. Все это неблагоприятным образом отражалось на качестве функционирования советской системы управления, и она пребывала в ситуации кадровой анемии, особенно на региональном уровне.

Библиографический список

1. *Каганович Л. М.* Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 1997.
2. *Мельников В. П.* Областные бюро ЦК РКП (б). Из опыта КПСС по идейному и организационному укреплению местных партийных организаций (1920–1925 гг.). М., 1981.
3. *Петухова Н. Е.* Создание областных бюро ЦК РКП (б) и некоторые стороны их деятельности (1920–1922) // Вопросы истории КПСС. 1965. № 4.

S. V. Vorobev

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)

«I cry about Zavuchraspred»: Personnel Problems in the activity of the Uralburo of the Central Committee of RCP (b)

The article is devoted to personnel aspect of activity of Uralburo of the Central Committee of RCP (b). The author considers the influence of personnel policy of the central authorities on a regional management system and shows the reasons of personnel deficiency and its influence on efficiency of functioning of the regional power.

Key words: regional party bureau, personnel question, personnel policy, the Soviet system of administration

КАК СОЗДАЮТСЯ МИФЫ¹

В статье рассказывается о попытках фальсифицировать масштабы разрушений уральской промышленности колчаковцами при отступлении.

Ключевые слова: разрушение заводов, эвакуация, реэвакуация, исторические мифы.

В последние два десятилетия наша историческая наука все более политизируется и мифологизируется, заменяя объективные, достоверные данные на мифы, догадки и предположения. При этом нередко из-за незнания материала, неумения разобраться в источниках создаются мифы, «обогащающие», а на деле засоряющие, фальсифицирующие историческую науку.

Либеральные историки, объявив себя «продвинутыми», обладающими «конспирологическими» (тайноведческими) качествами, используя выхваченные из исторических работ отдельные факты и цифры и своеобразно истолковывая их, создают нужные им социологические схемы и делают угодные им выводы. Как правило, это делается для очернения истории советского периода, а применительно к периоду революции 1917 г. и Гражданской войны — к оправданию белогвардейцев и белого движения.

Недавно, в «дополнение» к довольно хорошо изученному историками периоду Гражданской войны на Урале в 1918–1919 гг., появился миф о невинности белого движения в нанесении ущерба уральской промышленности в период отступления колчаковских войск в Сибирь летом и осенью 1919 г. М. А. Фельдман утверждает, что «невозвратимый ущерб предприятиям уральской промышленности был невелик» и, не приводя каких-либо доказательств, делает вывод: «возложение на белое движение на порядок преувеличенного ущерба, нанесенного отступлением колчаковской армии летом 1919 г., должно было отвлечь внимание населения, в первую очередь рабочих, от размышлений о подлинных причинах Гражданской войны, реальных результатах национализации и политики “военного коммунизма” в целом, поддерживать в обществе атмосферу классовой ненависти, позволявшей существовать и оправдывать диктатуру большевистской партии под вывеской “диктатуры пролетариата”»².

Совершенно непонятно, как сведения об ущербе предприятиям при отступлении колчаковцев, наносимом ими на глазах рабочих и часто при открытом или скрытом сопротивлении рабочих, разрушение и разграбление колчаковцами при отступлении в Сибирь промышленных предприятий, заводов, затопление рудников, которые, как признает М. А. Фельдман, рабочие считали своими, своей «коллективной собственностью», могли отвлечь внимание населения и рабочих от размышлений «о подлинных причинах гражданской войны, реальных результатах национализации и политики “военного коммунизма”».

*Дмитрий Васильевич Гаврилов

Д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

¹Работа выполнена по бюджетной теме Х.105 и программе ОИФН № 12-Т-6-1003

²См. статью М. А. Фельдмана в этом сборнике.

поддерживать в обществе атмосферу классовой ненависти, позволявшую существовать и оправдывать диктатуру большевистской партии под вывеской “диктатуры пролетариата”». Скорее всего, злобствование и мародерство колчаковцев при отступлении в Сибирь еще более разжигали атмосферу классовой ненависти, восстанавливали население и рабочих против белогвардейцев и поддерживавших их интервентов.

Чтобы объективно оценить роль колчаковцев в разрушении уральской промышленности следует рассмотреть, в каком состоянии она находилась накануне начала Гражданской войны, при хозяйничании на Урале колчаковцев, что конкретно разрушили колчаковцы при отступлении.

Первая мировая война 1914–1918 гг. существенно подорвала экономический потенциал уральской металлургии. Произошло значительное снижение производства металлов, вызванное переводом многих производств на выпуск военной продукции, непродуманной мобилизацией значительной части заводских рабочих в армию, возникшими трудностями в заготовке руды и древесного топлива. Выплавка чугуна на уральских заводах с 55,77 млн пуд. в 1913 г. упала до 52,44 млн в 1914 г., 50,27 млн в 1915 г., 46,41 млн в 1916 г. и 44,09 млн пуд. в 1917 г., т. е. снизилась на 21 %. За этот же период выплавка меди уменьшилась на 39,2 %, добыча железной руды — на 21,3 %, добыча золота — на 70 %.

После Октябрьской революции 1917 г. и национализации металлургических заводов производство на них продолжало падать вследствие саботажа бывших заводоладельцев и их администрации, отсутствия финансирования, сырья и топлива, падения производственной дисциплины. К июлю 1918 г. из 89 имевшихся на Урале доменных печей действовала только 51, в мартеновском производстве из 88 печей работали 59. Летом 1918 г. Урал был охвачен Гражданской войной, большинство металлургических заводов были остановлены [1, с. 511, 514–515].

Белогвардейцы, с помощью чехословаков летом–осенью 1918 г. свергнувшие советскую власть на Урале, объявили о денационализации предприятий и пытались возобновить работу заводов, но это им не удалось. И. Ф. Плотников о хозяйничании на Урале в 1918–1919 гг. белогвардейцев и колчаковцев писал: «Хищническое хозяйничание временщиков-капиталистов, разграбление ими предприятий привели в конечном итоге к полной дезорганизации промышленного производства. Из каждых пяти уральских заводов действовал только один, да и то с неполной нагрузкой. Заводы постоянно оставались без топлива, сырья, материалов. Резко пало производство железа и стали. Катастрофически снижалась добыча угля. Развал наблюдался на железнодорожном транспорте» [10, с. 109].

Таким был Урал, когда Красная Армия летом 1919 г. развернула мощное наступление для изгнания колчаковцев с Урала. Летом–осенью 1919 г. колчаковцы, отступая с Урала, разрушали промышленные предприятия, транспорт, взрывали мосты, затопляли водой рудники и шахты, ломали все, что только смогли разбить, увозили с собой все, что могли увезти³.

Отступая, колчаковцы в бессильной злобе стремились нанести хозяйству оставляемых территорий наибольший урон. В периодической печати сообщалось, что убегая из Прикамья, они «сжигали целые села, топили, ломали и

жгли, секли население плетьюми, расстреливали рабочих...»⁴. Они отбирали у крестьян продовольствие, угоняли скот, что не могли увезти с собой — уничтожали, разрушали железнодорожное полотно, взрывали мосты и станционные постройки, разрушали и выводили из строя транспортные средства.

Только на Пермской железной дороге они взорвали 179 мостов, угнали в Сибирь большое количество паровозов и вагонов, сожгли при отступлении около двух тысяч вагонов. После изгнания колчаковцев современники повсюду видели на железных дорогах «обгорелые, сожженные вагоны, разрушенные паровозы». Они взорвали железнодорожные мосты через Каму у г. Перми и через р. Белую в Уфе, имевшие стратегическое значение. Колчаковцы сожгли почти весь камский речной флот, сгорело более 50 пароходов, 39 барж и дебаркадеров [6, с. 147].

Но осуществить тотальное разрушение оставляемых территорий, ввиду стремительного наступления красных и поспешного бегства колчаковцев, белогвардейцам не удалось. Быстрое наступление Красной Армии, угроза окружения, заставляли колчаковцев поспешно отступать на восток, бросая вооружение и награбленное имущество. Части Красной Армии захватили в Златоусте 3 тыс. пленных, 8 орудий, 32 пулемета, 1 бронепоезд, 30 паровозов и 600 вагонов. В Челябинске они захватили в плен 1 500 белогвардейских солдат и офицеров, 3 000 вагонов с углем и военным имуществом, 32 исправных паровоза, 1 бронепоезд, дивизионный лазарет [8, с. 165, 171]. При стремительном протекании боевых действий на металлургических заводах колчаковцы успели разрушить только некоторые печи и агрегаты и смогли увезти с собой только часть заводского имущества. Кроме того, они рассчитывали снова вернуться на Урал и распространяли слухи, что отступают потому, что «сибиряки намерены завлечь советские войска («мадьяр, латышей, китайцев») в глубь Сибири, чтобы их там уничтожить по примеру 1812 года» [8, с. 169].

Колчаковцы при отступлении не разрушали уральские заводы «полностью, до основания», как заявляли некоторые историки. Они не могли это сделать, так как для разрушения заводов «до основания» у них не было ни времени, ни сил, ни технических возможностей, да они и не ставили перед собой такой цели. Колчаковцы стремились вывести заводы из строя, что им и удалось. сделать: они оставляли в металлургических печах «козлов», разрушали оборудование, что должно было парализовать производственную деятельность заводов. В первую очередь выводились из строя силовые установки и электростанции. С паровых котлов, турбин, динамомашин снимались или разрушались арматура и основные части. Колчаковцы вывозили все, что смогли увезти — машины, станки, инструменты, приборы, чертежи и техническую документацию. Принудительно увозились квалифицированные рабочие и инженерно-технический персонал. По существу был разрушен железнодорожный транспорт.

Колчаковцам удалось нанести значительный ущерб металлургическим заводам и парализовать уральскую промышленность. Видный партийный и профсоюзный деятель А. А. Андреев, характеризуя обстановку на Урале после изгнания колчаковцев, 27 ноября 1919 г. писал: «Не работало ни одного завода, ни одного рудника, ни одной доменной печи. Горнозаводский Урал, на который мы устремляли надежды, по существу был мертв» [7, с. 382].

⁴Правда. 1919. 28 авг.

Наибольшие разрушения колчаковцы нанесли казенным и частновладельческим заводам, выпускавшим вооружение. Из металлургических заводов, разбросанных на огромной территории края, наиболее пострадали те, которые находились в зоне активных боевых действий или на линиях магистральных железных дорог.

Огромный урон был нанесен Пермскому пушечному (Мотовилихинскому) заводу. Колчаковцы сняли и увезли арматуру паровых котлов, распределительно-регулирующие устройства динамомашин и паровых турбин, важнейшие детали специальных станков, штампы, измерительный и калибровый инструмент, чертежи и другую документацию, вывели из строя металлографическую лабораторию. Спасая завод от разграбления, рабочие уносили ценное оборудование и закапывали его в лесу, после освобождения завода они принесли его обратно, припрятали и сохранили от грабежа колчаковцев много станков, сумели сохранить крупный запас стали в 1 млн пуд. [13, с. 277]. С завода были вывезены 320 инженеров, техников и мастеров, поле ухода колчаковцев на нем осталось только 4 инженера.

С Лысьвенского завода, выпускавшего артиллерийские снаряды, колчаковцы увезли прессы штамповочного и закройного цехов, станки, сварочные аппараты, инструменты, парораспределители паровой турбины на электростанции и много другого оборудования. Лысьвенский рабочий П. И. Студитов-Парфёнов писал: «Мрачную картину застали мы, вернувшись в родные края. Завод не работал. Колчаковцы разрушили все, что поддавалось разрушению. Часть ценного оборудования они пытались вывезти по железной дороге. Когда это сделать не удалось, подожгли железнодорожный состав, а некоторые вагоны взорвали»⁵. Рабочие не выполнили приказ демонтировать станки и погрузить их в вагоны, вынесли с завода и припрятали по домам многие ответственные детали оборудования и измерительные приборы.

Лариса Рейснер, побывавшая в Лысьвенском заводе спустя пять лет после отступления колчаковцев, в 1924 г., писала: «При Колчаке Лысьва потеряла много людей и похоронила две мартеновские печи... Печи погибли. Зрелище величайшей печали: в самом сердце живого завода — бескрышные стены, груды лома, обломки погибших машин, среди которых пробивается трава и осмеливаются расти какие-то жалкие полевые цветки...»⁶.

Подлинному разгрому подвергся Златоустовский завод, выпускавший холодное оружие и артиллерийские снаряды. Колчаковцы разрушили все энергетическое хозяйство завода, вывезли мощную турбину в 2 000 кВт, увезли лучшие станки, арматуру паровых котлов и гидравлические устройства прессо-вой фабрики, сняли со всех механизмов приводные ремни, вывезли производственно-техническую документацию. С завода были вывезены в Сибирь 600 вагонов с оборудованием и имуществом, около 1 800 чел. заводского персонала — 40 % служащих, в т. ч. 274 инженеров и техников, и 16 % рабочих. Был разорен Саткинский завод, с которого при отступлении белогвардейцы вывезли оборудование электростанции, детали паровых котлов, увели всех ло-

⁵Студитов-Парфёнов П. И. На защите Лысьвенского завода // В боях и походах: воспоминания участников гражданской войны на Урале. Свердловск, 1959. С. 114.

⁶Рейснер Л. Уголь, железо и живые люди. М.; Л., 1925. С. 26.

шадей с конного двора, сожгли центральный склад материальных ценностей, остановили и повредили доменные печи⁷ [7, с. 379–380].

Большому разорению подвергся Ижевский оружейный завод, на котором было разрушено оборудование, подорвана энергетическая база, увезены генераторы мощностью в 5 000 кВт. Воткинский завод пережил две эвакуации и две реэвакуации, часть оборудования была эвакуирована советскими властями в западные районы страны, другая часть оборудования вывезена отступавшими колчаковцами на восток, в Сибирь, при этом завод в значительной степени был разрушен и разграблен⁸ [14].

Серьезный ущерб был нанесен самому крупному на Урале в то время Надеждинскому металлургическому заводу, имевшему 7 доменных и 9 мартеновских печей, 22 прокатных стана, сильное энергетическое хозяйство. Часть наиболее ценного оборудования была вывезена колчаковцами в Сибирь, часть попорчена и разрушена, разрушены принадлежавшие заводу узкоколейные железные дороги, угнаны в Сибирь принадлежавшие заводу суда с Филькинской пристани. После хозяйничания белогвардейцев фактически осталось мертвое предприятие. Работала только одна домна, бездействовали прокатные производства, так как была выведена из строя электромашина «Тиссен», которая питала прокатные станы [4, с. 80].

С Чусовского металлургического завода колчаковцы вывезли более 9 вагонов оборудования, токарные станки, регуляторы паровых машин, измерительные приборы, запас цветных металлов. На Нижнетагильском металлургическом заводе были разрушены доменный и мартеновский цехи, остановлены прокатные цехи. На Миньярском заводе были выведены из строя калильные и пудлинговые печи, часть паровых машин и гидротурбин, из пяти прокатных станов уцелело только два — мелкосортный и среднесортный⁹.

Колчаковцами был полуразрушен Шайтанский (Васильево-Шайтанский) завод, затоплен Гологорский рудник. В Ревдинском заводе белогвардейцы хотели взорвать плотину, сжечь мосты, но это им не удалось. На Дегтярском медном руднике были затоплены шахты и карьеры. Сожжен один из цехов в Атигском заводе. Отступая из Екатеринбургa, колчаковцы разрушили и разграбили Верхисетский металлургический завод, в 1919 г. его цехи напоминали кладбище изуродованных машин и станков. Было разграблено оборудование Карабашского медеплавильного, Кыштымского чугунолитейного и Нижне-Кыштымского медеэлектролитного заводов, разрушены и затоплены медные рудники Соймановской долины — Карабашский и др., затоплены шахты на Челябинских угольных копях [8, с. 184; 9, с. 41; 12, с. 30].

Колчаковцами были разграблены и частично разрушены Алапаевский, Верхнесалдинский, Верхнесергинский, Верхнесинячихинский, Михайловский, Нижнесергинский, Невьянский, Уткинский, Староуткинский, Узянский, Усть-Катавский, Юрюзань-Ивановский и ряд других заводов. Подсчитано, что колчаковцы нанесли различный, больший или меньший, ущерб около 70 % уральских металлургических заводов [2, с. 97; 7, с. 380; 13, с. 277].

⁷Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: энцикл. Екатеринбург, 2001. С. 216, 415.

⁸Там же. С. 160, 224.

⁹Там же. С. 321, 342, 509.

После разгрома Колчака и освобождения Сибири была осуществлена реэвакуация вывезенного белогвардейцами оборудования, а также рабочих, служащих и инженерно-технических работников. Эта задача была не из легких, поскольку вывезенные с Урала оборудование и люди оказались разбросанными по разным городам и железнодорожным станциям обширной Сибири. Их находили в Омске, Томске, Барнауле, Бийске, Семипалатинске, Красноярске, Иркутске, Чите, Ачинске, Канске, Верхнеудинске и других местах. Большую роль в возвращении похищенного заводского имущества сыграли рабочий В. П. Сулимов, назначенный уполномоченным Уралсибкома по реэвакуации уральских заводов, и инженер В. Ф. Фидлер. Из Сибири были возвращены на Урал 384 вагона с оборудованием уральских заводов и 11,1 тыс. инженеров, техников, конторских работников, рабочих и членов их семей. Но было разыскано не все. Часто было невозможно определить, откуда что вывезено. Реэвакуированное оборудование не всегда находило себе применение, станки валялись разбросанными на территории заводов под открытым небом, ожидая своей очереди. Реэвакуация не возместила нанесенный предприятиям ущерб [1, с. 515; 3, с. 90–91; 13, с. 278].

В 1920 г. Главметалл провел анкетный опрос о состоянии оборудования 54 заводов Уральского региона, т. е. большей части металлургических заводов края. Весьма важно, что определение степени готовности оборудования было сделано самими заводами. Результаты исследования показывает таблица 1.

Таблица 1

Состояние оборудования металлургических заводов Урала в 1920 г.*

Наименование оборудования	Кол-во единиц оборудования	Состояние оборудования, %			Пригодность для производства, %	
		хорошее	удовлетворительное	негодное, требующее замены	годное	негодное
Доменные печи	56	50	42	8	92	8
Мартеновские печи	39	52	23	25	75	25
Сортовые станы	48	40	49	11	89	11
Паровые котлы	370	56	23	21	79	21
Двигатели внутреннего сгорания	17	43	45	12	88	12
Генераторы и динамомашинны	122	76	5	19	81	19
Поворотные краны	141	27	47	26	74	26
Компрессоры	10	10	80	10	90	10

*Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. С. 530–531; Металлопромышленность республики и ее нужды. М., 1922. С. 72–76, 80–81.

По подавляющей части наименований негодное, требующее замены оборудование составляло не более $\frac{1}{10}$. Наибольший удельный вес негодного оборудования дали поворотные краны (26 %), мартеновские печи (25 %), паровые котлы (21 %), генераторы и динамомашинны (19 %). Таким образом, 80–90 %

металлургического и энергетического оборудования этих заводов было пригодно к эксплуатации.

Причина, по которой не удалось после Гражданской войны сразу пустить в ход все заводы, заключалась не в отсутствии необходимого оборудования, а чаще всего в его неисправности, некомплектности, в т. ч. созданных разграблением колчаковцами, отсутствии сырья (руды), топлива (древесного и каменного угля), необходимого транспорта, финансовых средств, продовольствия, достаточного количества квалифицированных рабочих.

М. А. Фельдман, считая масштабы урона, нанесенного колчаковцами уральской промышленности «незначительными», в качестве доказательства приводит отрывок из работы С. П. Сигова, которого называет «глубоким исследователем горнозаводской промышленности». Однако интерпретирует этот отрывок он весьма своеобразно, произвольно исказив смысл.

С. П. Сигов писал: «...Мы нередко встречаемся с недостаточно дифференцированной оценкой тех разрушений, которые были нанесены Гражданской войной техническому оборудованию металлургических цехов (где они были сравнительно незначительны и не играли существенной роли в последующем восстановлении производства), и разрушений в других неметаллических (главным образом военных и силовых) цехах заводов. Разрушения, произведенные в военных и отчасти силовых цехах заводов, были в ряде случаев весьма серьезны...» [13, с. 276–277]. Из цитаты видно, что, по его данным, «сравнительно незначительные разрушения» были только в металлургических цехах, а в военных и силовых (энергетических) цехах разрушения «были в ряде случаев весьма серьезны».

С. П. Сигов обратил внимание на то, что «в большинстве заводов почти полностью эвакуировался административный и технический персонал, были увезены бухгалтерские книги, документы, планы и чертежи. Увезена часть квалифицированных рабочих..., увезены в некоторых случаях пишущие машинки и телефоны, попорчены...железнодорожные пути, затоплены некоторые рудники...и т. п.». «Разгром белогвардейцев, — констатировал Сигов, — касался не столько оборудования..., как всего аппарата управления и производства (курсив автора)» [13, с. 277], т. е. имел целью полностью парализовать уральскую промышленность.

Работа С. П. Сигова, при ее внимательном чтении, не свидетельствует, что урон, нанесенный колчаковцами уральской промышленности, был «незначительным».

Нельзя согласиться и с утверждениями М. А. Фельдмана, что с учетом возвращения на предприятия Урала части оборудования «реальная стоимость ущерба промышленности представляла существенно меньшую величину», и что разрушения колчаковцев не сыграли существенной роли в последующем восстановлении уральской промышленности. Возврат награбленного колчаковцами заводского имущества на Урал был неполным и бессистемным. Резэвакуация не возместила нанесенный предприятиям ущерб.

В 1913 г. на Урале действовали 96 металлургических заводов, летом 1918 г. — 73. После окончания Гражданской войны, при переходе к НЭПу, в 1922 г. из-за неисправности, некомплектности, устарелости оборудования

44 металлургических завода были поставлены на длительную консервацию, а затем, при переходе к выполнению первого пятилетнего плана, в 1925–1928 гг., демонтированы или перепрофилированы в машиностроительные, механические и т. п. предприятия. В 1928/1929 г., первом году первой пятилетки, на Урале остались действовать 33 металлургических завода.

В 1927/1928 г. уровень 1913 г. уральская металлургия достигла лишь по выплавке стали (104,6 % к 1913 г.). В 1927/1928 г., по сравнению с 1913 г., было произведено проката черных металлов — 98,3 %, чугуна — 75,6 %, черновой меди — 88 %, добыто железной руды — 64,1 %, медной руды — 70,5 %. [1, с. 534–535, 537, 569; 13, с. 282].

Кризис уральской промышленности, вызванный Первой мировой и Гражданской войнами, углубленный ее разгромом колчаковцами, привел к тому, что, несмотря на героический труд уральских рабочих, довоенный уровень производительности был достигнут уральской промышленностью (и только в целом, в основном) лишь в 1927/1928 г.

Стоимость общего ущерба, причиненного уральской промышленности колчаковцами, авторы изданной в 1939 г. книги «Разгром колчаковщины на Урале» оценили в 539,139 млн руб. [11, с. 13, 112]. В 1988 г. авторы первого тома «Истории народного хозяйства Урала (1917–1945 гг.)» установили, что ущерб, нанесенный сельскому хозяйству Урала колчаковцами, составлял 231,9 млн руб. [5, с. 38, 47]. М. А. Фельдман путем конспирологического чутья вычислил, что из общей суммы ущерба «приходилось на промышленность (вывезенное и испорченное оборудование) и транспорт» 174,7 млн руб. и сделал вывод, что «ущерб промышленности в период отступления колчаковских войск спустя полвека определялся советскими историками, по крайней мере, в четыре раза меньше, чем в 1939 г.», отражая «сдвиг» исторической науки в СССР «от полной идеологизации» к попыткам приблизиться «к научным знаниям». Элементарная небрежность и неумение владеть статистикой тех и других исследователей привели М. А. Фельдмана к выводу о «сдвиге исторической науки в СССР».

Дело в том, что историки 1939 и 1988 гг. оперировали не фактическими данными, а виртуальными, несуществующими величинами, позволявшими маневрировать ими в любую сторону. Следует вспомнить, в какой обстановке и почему возник вопрос об ущербе, нанесенном нашей стране колчаковцами и интервентами.

М. А. Фельдман осуждает советских историков за то, что стремясь «на порядок преувеличить ущерб», нанесенный колчаковцами, они подсчитывали не только материальные, но и косвенные убытки, нанесенные Уралу интервентами и их ставленниками — колчаковцами. Но у советских историков для этого имелись основательные причины.

В апреле–мае 1922 г. в Генуе состоялась международная конференция по экономическим и финансовым вопросам для изыскания мер «к экономическому восстановлению Центральной и Восточной Европы», на которой впервые участвовала советская делегация. Страны Антанты поставили условием признания СССР де-юре выполнение ряда требований — признать все долги царского и Временного правительств, вернуть иностранным капиталистам национализированные у них советской властью предприятия или возместить их стоимость на

общую сумму в 18,496 млрд золотых руб. Советская делегация выдвинула контр-претензии о возмещении Советскому государству убытков, причиненных иностранной интервенцией и блокадой в размере 39 млрд золотых руб.

Попытка с помощью дипломатического нажима на СССР добиться экономических и политических уступок — выплатить долги, возместить убытки иностранным инвесторам, отменить монополию внешней торговли и т. п. — окончились провалом. Более того, во время конференции советская делегация сумела договориться с германской делегацией и заключить с Германией Рапалльский договор о признании Германией СССР де-юре и установлении дипломатических отношений без всяких условий. Единый фронт капиталистических государств и экономическая блокада были прорваны. В 1924 г. все главные капиталистические страны без каких-либо предварительных условий установили с СССР дипломатические отношения.

Перед Генуэзской конференцией центральные и региональные власти, в т. ч. Уралпромбюро, подсчитывали убытки, причиненные интервенцией и блокадой, в число которых включались не только непосредственные, материальные, но, естественно, и косвенные убытки. Масштабы убытков уральской крупной (подчеркиваю — только крупной) промышленности Урала, причиненных Гражданской войной и интервенцией, по данным Уралпромбюро, показывает таблица 2.

Таблица 2

**Ущерб, нанесенный уральской промышленности
белогвардейцами и интервентами в 1918–1919 гг. (по довоенным ценам)***

Род промышленности	Прямой материальный ущерб			Косвенный ущерб	Итого
	Повреждения строений, оборудования и т. п.	Уничтожение естественных богатств	Прочие убытки, в т. ч. расходы на ре-эвакуацию	Убыток от сокращения производства	
Металлургическая	44 232 978	9 759 861	9 072 543	349 234 764	412 300 146
Горная	7 847 946	1 052 858	3 023 686	117 272 305	129 196 795
Химическая	2 585 400	1 684 540	600 000	17 211 546	22 081 486
Текстильная	705 584	Св. нет	Св. нет	20 433 250	21 138 834
Бумажная и лесная	850 000	«	«	23 365 250	24 215 250
Всего по Уралу	56 221 908	12 497 259	12 696 229	527 517 115	608 215 250

*Голубцов В. С. Материалы уральских органов ВСНХ об ущербе, нанесенном уральской промышленности в результате гражданской войны и интервенции // Из истории заводов и фабрик Урала. Свердловск, 1960. С. 100.

Как показывает таблица, по данным Уралпромбюро (не полным), прямой материальный ущерб, нанесенный уральской промышленности колчаковцами, составлял огромную по тем временам сумму — 81 415 396 золотых руб. (56 221 908 + 12 497 259 + 12 696 229 руб.), округленно — 81,415 млн руб. По

«подсчетом» М. А. Фельдмана, стремящегося «облагородить» колчаковцев, оправдать их зверства, разбой и мародерство, материальный ущерб, нанесенный уральской промышленности колчаковцами, якобы составлял 174,7 млн руб., т. е. был в 2,1 раза больше.

Непосредственные, материальные убытки, причиненные Уралу белогвардейцами, интервенцией и блокадой (повреждения строений, оборудования, готовых изделий и т. п., уничтожение естественных богатств и прочие убытки, включая расходы на эвакуацию), согласно подсчетам Уралпромбюро, составляли 81,415 млн руб. — 13,4 % (несколько более $\frac{1}{7}$) от подсчитанных общих убытков, остальные 86,6 % (почти $\frac{6}{7}$) отнесены к косвенным убыткам. И это было вполне справедливо. Контрпретензии СССР к странам Антанты о возмещении убытков (прямых и косвенных), причиненных колчаковцами, иностранной интервенцией и блокадой, соответствовали положениям международного права.

Утверждения М. А. Фельдмана о том, что «ущерб, нанесенный отступлением колчаковской армии», был «невелик», был «незначительным», что «советские историки на порядок преувеличили ущерб, нанесенный отступлением колчаковцев», — миф, который он неуклюже пытается внедрить в историческую науку.

Библиографический список

1. *Алексеев В. В., Гаврилов Д. В.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008.
2. *Голубцов В. С.* Материалы уральских органов ВСНХ об ущербе, нанесенном уральской промышленности в результате гражданской войны и интервенции // Из истории заводов и фабрик Урала. Свердловск, 1960. С. 96–101.
3. *Голубцов В. С.* Черная металлургия Урала в первые годы советской власти (1917–1923 гг.). М., 1975.
4. *Дзюбинский Л., Пудваль А.* Город Серов: Рассказ о городе и серовцах. Свердловск, 1972.
5. История народного хозяйства Урала (1917–1945 гг.). Свердловск, 1988. Ч. 1.
6. История Урала. Пермь, 1965. Т. 2.
7. Коммунисты Урала в годы гражданской войны. Свердловск, 1959.
8. *Лучевников П. С.* Гражданская война на Южном Урале. 1918–1919 гг. Челябинск, 1958.
9. Первоуральск. Свердловск, 1982.
10. *Плотников И. Ф.* Контрреволюционеры у власти // История Урала. Пермь, 1965. Т. 2. С. 101–120.
11. Разгром колчаковщины на Урале. Свердловск, 1939.
12. Ревдинские были. Свердловск, 1960.
13. *Сигов С. П.* Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. М., 1936.
14. *Шумилов Е. Ф.* Город на Иже. Ижевск, 1990.

D. V. Gavrilov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)

How the Myths are Created

The paper examines the extent of destruction of the Ural industry by Kolchak soldiers during the retreat.

Key words: evacuation, re-evacuation, destruction of plants, historical myths

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ КОМИ КРАЯ В XVIII в. И КРЕСТЬЯНСКАЯ ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ОБЩИНА

Статья посвящена истории индустриального развития в Коми крае в XVIII в. Показаны взаимодействия местного и выборного крестьянского управления и заводчиков, подчеркивается роль «мирского схода» при решении самых разнообразных вопросов.

Ключевые слова: Европейский Север, Яренский уезд, волость, община, крестьянское управление, индустриальное развитие

Исследование вопросов индустриального развития страны и регионов остается актуальным. С одной стороны, в региональной историографии накоплен богатейший материал по исследованию сюжетов, связанных с историей индустриального развития районов, краев и областей на различных исторических этапах. С другой — слабость теоретических и методологических разработок нередко приводит к неоднозначной оценке происходивших событий. Вместе с тем, появление в последнее время крупных работ по данному вопросу позволяет надеяться на лучшее. Речь, в первую очередь, идет о коллективной монографии «Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов» [6].

Изучение истории индустриализации в Коми крае имеет определенную традицию. В обобщающих работах по истории Республики Коми исследовались различные сюжеты, посвященные этому вопросу [2; 4; 5; 7]. Вместе с тем, до настоящего времени не стали предметом специального рассмотрения проблемы, связанные с анализом влияния индустриализации на хозяйственные системы, например, на такие как крестьянские поземельные общины.

Основными источниками для написания данной работы стали архивные документы, сосредоточенные в фондах Яренской воеводской канцелярии и Берг коллегии, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов¹. Неопубликованные документы представлены как краткими погодными записями о рассмотренных делах, так и конкретными делами. Практически все архивные документы включали не один, а несколько сюжетов.

«Коми край» — термин условный. Он получил свое название по имени народа, населявшего бассейны различных рек: Вычегды, Печоры, Двины и их притоков на северо-востоке страны. В административном отношении эта территория не оставалась неизменной. К началу изучаемого периода она входила, по реформам Петра I, в Архангелогородскую и Сибирскую губернии, которые делились на уезды. Губернатору подчинялись уездные власти. Од-

* Анна Капитоновна Гагиева

Д.и.н., Коми республиканская академия государственной службы и управления, Сыктывкар, Россия; gngkol2@mail.ru

¹РГАДА. Ф. 609. Оп. 1, 2, 3; Ф. 401. Оп. 1; Ф. 271. Оп. 1.

нако, в силу обширности территорий, руководить ими из губернского центра было сложно, поэтому в 1719 г. губернии были разделены на провинции. Архангельская губерния стала состоять из четырех провинций: Двинской (или Холмогорской), Вологодской, Великоустюжской и Галицкой. Уезды упразднились, вместо них вводились дистрикты. Однако на изучаемой территории дело свелось к переименованию уездов в дистрикты. Пустозерский дистрикт вошел в Двинскую губернию, Сольвычегодский и Яренский — в Великоустюжскую провинцию. Хлыновский дистрикт находился в составе Вятской провинции Сибирской губернии [3, с. 7–34].

В 1726 г. отменяется искусственное деление провинций на дистрикты и восстанавливается историческая административная единица — уезд. В 1727 г. городских магистратов полностью подчиняют губернаторам и воеводам, их компетенция была значительно сокращена. Система местного управления была закреплена специальной инструкцией от 12 сентября 1728 г. Она устранила неразбериху в местном управлении и административно-территориальном делении, порожденную реформой 1719–1720 гг. Органами управления и суда в губерниях стали губернаторы, а в провинциях и уездах, соответственно, провинциальные и уездные воеводы. Свои полномочия они осуществляли через канцелярии: губернские, провинциальные, уездные. Инструкция устанавливала строгую субординацию местных властей: уездный воевода подчинялся провинциальному, провинциальный — губернатору, губернатор — монарху и Сенату. Однако кардинального улучшения работы местного государственного аппарата не произошло. Отсутствие в период дворцовых переворотов стабильности в высшем эшелоне власти и сохранение административных и судебных функций в губерниях, провинциях и уездах в руках губернаторов и воевод превращало местный аппарат в неподконтрольный центру политический институт, что провоцировало произвол и взяточничество местных властей. Эта система местного управления просуществовала до середины 70-х гг. XVIII в. [3, с. 7–34].

7 ноября 1775 г. по «Учреждению о губерниях» произошла реорганизация административно-территориального деления страны. Она включала создание новых органов управления и судебную реформу. Административно-территориальными единицами отныне становились губернии и уезды. В основу их формирования был положен фискальный принцип. В губернии должно было проживать от 300 до 400 тыс. ревизских душ, а в уезде — 20–30 тыс. Новое административно-территориальное деление полностью игнорировало экономические связи отдельных земель и национальный состав их населения. Предполагалось создать около 50 губерний и 300 уездов.

Во главе губернии стоял губернатор, назначаемый и смещаемый монархом. В своей деятельности он опирался на губернское правление в составе губернского прокурора и двух советников. Губернатору принадлежала вся полнота исполнительной власти, контроль деятельности губернских учреждений и должностных лиц. Ему были подчинены все воинские части и команды, находившиеся на территории губернии. Всеми финансовыми во-

просами ведала Казенная палата, возглавляемая помощником губернатора — вице-губернатором. Две-три губернии обычно объединялись в наместничество во главе с наместником или генерал-губернатором — должностным лицом, назначавшимся Екатериной II и надзиравшим за всеми губернскими учреждениями.

Уездная администрация возглавлялась капитаном-исправником, избравшимся дворянством. При нем функционировал административный орган — нижний земский суд. Финансовым учреждением в уезде являлось уездное казначейство. Города выделялись в особые административные единицы. Административно-полицейские функции в городах осуществляли городничие, назначавшиеся центральной властью. Сфера полицейского управления была обширна: обеспечение «тишины и спокойствия», руководство пожарными командами, исполнение судебных решений, организация народных развлечений и празднеств, контроль за соблюдением порядка торговли и санитарным состоянием города. В 1790 г. на городские управы благочиния было возложено осуществление цензурных функций.

Яренский уезд был разделен на четыре части: Пысская волость отошла к Мезенскому уезду Архангельской области, четыре нижневычегодских волости — к Сольвычегодскому уезду Великоустюжской области, а на остальной территории были образованы Устьсысольский и Яренский уезды, относившиеся к Великоустюжской области. Территорию бывшего Пустозерского уезда включили в Мезенский уезд. В 1784 г. Архангельская область была преобразована в наместничество. В 1796 г. Архангельское и Вологодское наместничества преобразовали в губернию, Великоустюжская область была ликвидирована. В 1797 г. по указу Павла I проведена очередная реформа, в результате которой произошло укрупнение волостей. В результате в Яренском уезде осталось пять волостей, а в Устьсысольском — восемь [3]. Представленная выше административно-территориальная система не учитывала этнические особенности, но, следует признать, что она показала свою жизнеспособность до 1917 г.

Коми-зыряне издавна объединялись в крестьянские организации — волостные и деревенские общины, которые были относительно независимыми друг от друга и от государства. Это были хозяйственные системы, которые представляли собой сложный, многофункциональный хозяйственные комплексы. Их основными задачами на протяжении длительного времени были: сохранение общины как поземельной организации, передача следующим поколениям накопленного опыта хозяйственной деятельности и обеспечение нормальной жизнедеятельности каждого члена общины [1].

Начавшаяся в XVIII в. индустриализация Урала оказала существенное влияние на формирование инновационных индустриальных центров на изучаемой территории. В Яренском уезде в на р. Сысоле, где были обнаружены запасы болотной руды, в Пажгинской, Гривенской и Койгородской волостях были организованы три крупных железоделательных завода (в 1757 г. — Нючпасский, 1761 г. — Нювчимский, 1775 г. — Кажимский), которые давали значительную по тем временам продукцию. Каждый из них занимался вы-

плавкой чугуна и перековкой его в железо. Объемы выпускаемой ими продукции постоянно росли. В 1762 г. выковка железа на Нювчимском заводе составила 7 193, в 1795 г. — 34 827 пуд. На Кажимском заводе она возросла с 30 912 пуд. в 1770 г. до 56 084 пуд. в 1796 г. [7, с. 158–159].

Вышеназванные предприятия не только выпускали определенную продукцию, но и соединяли в региональном масштабе различные этнокультурные ландшафты, что приводило к неповторимости данного региона. Это проявлялось в том, что в изучаемое время профессиональными рабочими были привезенные русские мастеровые, так как среди местного населения специалистов подобного профиля не было. По данным Горного департамента, в 1799 г. на Нювчимском заводе было 126 работных и мастеровых людей, на Нючпасском — 3 мастеровых, на Кажимском — 35 мастеровых и 115 работных [7, с. 160–161]. В основном это были выходцы из Костромы, Тотьмы, Вологды. Они постепенно «вращались» в традиционную жизнь коми-зырян и становились «своими», перенимая не только обычаи коми-зырян, но и обучаясь коми языку.

Появление индустриального центра оказывало мощное влияние и на местное население близлежащих к заводам волостей. Коми-зыряне в изучаемое время занимались в основном неквалифицированным трудом: заготовкой дров, сена для лошадей, добычей руды, рубкой леса и другими видами работ. Кроме этого, в связи с тем, что заводы ставились на крестьянских землях, с которых необходимо было платить налоги, крестьянские «миры» вступали в контакты с администрацией заводов с целью получения с последних денег на уплату налогов. Так, крестьяне Гривенской волости заняли в 1758 г. через поверенных у заводовладельца Курочкина «300 рублей для оплаты доимок». При этом обязались «работать 4 года по 30 человек на новостроящихся Нючпасском и Кажимском заводах, каждый год по два месяца»². В том же году крестьяне Ужгинской волости заняли у того же владельца «900 рублей, обязавшись отработать их за 5 лет, работая в год по 50 человек, каждый по 91 дню»³.

Подобные договоры заключались ежегодно⁴. В случае, если крестьянские «миры» не выполняли своих обязательств, заводовладельцы через управляющих требовали возврата взятых сумм. Дело доходило до судебного разбирательства. В фонде Яренской воеводской канцелярии находится челобитная от владельца Кажимского и Нючпасского заводов о невыполнении населением более 30 волостей своих обязательств. Например, в 1780 г. только Нювчимская контора насчитывала 1 256 руб. долга на 255 крестьянах⁵. Аналогично поступали и крестьянские «миры». Если заводчики не платили причитающиеся суммы за пользование крестьянской землей, то крестьяне

²Там же. Ф. 609. Оп. 1. Д. 236. Л. 47 об – 48.

³Там же. Д. 48. Л. 3.

⁴Там же. Д. 236, 237, 238 и др.

⁵Там же. Д. 237. Л. 5–9.

через своих представителей отстаивали интересы «мира» в Яренской воеводской канцелярии⁶.

Индустриальное развитие в Коми крае подтолкнуло развитие новых производств. В изучаемое время начинается добыча нефти на реке Ухта, причем это был первый в России нефтяной промысел. Всего за исследуемый период здесь было добыто 270 пуд. 27 фунтов нефти, что составляло 38 % от общего объема добытой нефти по России⁷. Наряду с нефтяным заводом, на изучаемой территории действовал Сереговский солеваренный завод на реке Вымь, ведущий свою историю с XVI в., а также кирпичный и два винокуренных завода.

Таким образом, к уже существующим производствам на территории Коми края в XVIII в. добавились новые промышленные предприятия. Их появление было связано не только с потребностью в тех или иных продуктах производства, но и с модернизацией, начавшейся в изучаемое время на Урале и продолжившейся на периферии, в нашем случае — в Коми крае. Процесс освоения новых производств, строительство новых предприятий, расширение и освоение новых территорий приводили к созданию инновационных центров индустриализации. Они влияли на развитие крестьянских общин, которые благодаря высоким адаптивным свойствам оказались готовы приспособиваться к разным хозяйственным системам, подвергаясь при этом изменениям. Следует отметить, что модернизационные процессы в изучаемом регионе проходили при активном государственном вмешательстве.

Библиографический список

1. Гагиева А. К. Историография общины крестьян Коми края второй половины XVIII века // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. Вологда, 1992. С. 82–89.
2. Жеребцов И. Л. Коми край в XVIII — середине XIX в.: территория и население. Сыктывкар, 1998.
3. Жеребцов И. Л. У истоков национальной государственности // Республика Коми — 80 лет. Очерки, посвящ. 80-летию Республики Коми в составе Российской Федерации. Сыктывкар, 2001.
4. История Коми АССР. 2-е изд., доп. Сыктывкар, 1981.
5. История Коми с древнейших времен до конца XX в. В 2-х т. Сыктывкар, 2004.
6. Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков и др. Екатеринбург, 2011.
7. Очерки по истории Коми АССР. Т. 1. Сыктывкар, 1955.

⁶Там же. Д. 48, 63 и др.

⁷Подсчитано по: РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 2720. Л. 465–1801.

A. K. Gagieva

Doctor of Historical Sciences, The Komi Republican Academy of State Service and Administration (Syktyvkar, Russia)

Industrial Development of Komi Region in the 18th century and the Peasant Land Community

The paper is devoted to the history of the industrial development in Komi Region in the 18th century. The author shows the interaction between the local and elective peasant administration and factory-owners. The author underlines the role of “Mirskoy Shod” (Community Gathering) in solving of different problems.

Key words: European North, Yarensk uyezd, volost, community, peasant administration, industrial development

РЕОРГАНИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОВНАРХОЗОВСКИХ СТРУКТУР В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

В статье на основе архивных данных рассмотрен процесс реорганизации Уралоблсовнархоза. Основное внимание обращается на причины и итоги реорганизации.

Ключевые слова: индустриализация, Уралоблсовнархоз, совнархозовские структуры, реорганизация

Задачи индустриализации страны, определенные XIV съездом ВКП (б), требовали перестройки аппарата управления экономикой страны: при усилении отраслевого принципа управления промышленностью расширять права территориальных органов¹. С предложением о необходимости расширения прав местных органов выступил председатель Президиума ВСНХ В. Куйбышев. В августе 1926 г. в докладе «О необходимых изменениях и дополнениях в проекте реорганизации наркомата ВСНХ СССР» он говорил о начале совершенствования системы управления промышленностью².

Специально этими вопросами занимался I Пленум ВСНХ в феврале 1927 г., разработавший тезисы о системе управления промышленностью³. В марте 1927 г. было принято решение о реорганизации системы управления промышленностью. Важнейшей задачей в этот период стала задача углубленной и систематической увязки работы промышленности с экономикой районов. Ее осуществление было возможно только путем расширения прав территориальных органов.

В мае 1927 г. СНК СССР предложил ВСНХ разработать мероприятия, которые повышали бы роль местных Советов в управлении хозяйством. В апреле 1928 г. ВЦИК РСФСР утвердил «Положение о краевых (областных) съездах Советов и их исполкомах»⁴. Таким образом, был сделан акцент на повышение роли местных органов в решении центральных задач хозяйственного строительства.

В свете реализации этих задач была проведена новая реорганизация аппарата УралоблСНХ, которая проводилась под руководством нового председателя Президиума В. Андронникова⁵, сторонника командного стиля в управ-

*Василя Минсалиховна Гафурова

К.и.н., Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия; gvm_65@mail.ru

¹XIV съезд ВКП (б). 18–31 декабря 1925 г. // КПСС в резолюциях, решениях съездов. М., 1954. Ч. 2. С. 192–257.

²РГАЭ. Ф. 5446. Оп. 7. Д. 814(2). Л. 10–12.

³Известия ВЦИК. 1927. 15 марта.

⁴Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1928. № 70. С. 503.

⁵ГАСО. Ф. Р-339. Оп. 5. Д. 29. Л. 5; ЦДООСО. Ф. 9. Оп. 4. Д. 21. Л. 5.

лении, что еще раз подтверждает вывод о постепенной замене экономических методов хозяйствования на административно-командные. В 1927 г. была введена новая структура и штатное расписание⁶, в соответствии с которыми были определены Президиум и пять подразделений: АФУ, ПЭУ, военно-промышленный отдел, инспекция по охране промышленных предприятий и производственное управление. Общий штат сотрудников составлял 132 чел. По ходу работы были внесены определенные изменения в структуру. В составе УО СНХ был ликвидирован отдел военной промышленности и вместо него был создан отдел мобилизации промышленности⁷, так как приоритетными в этот период становятся задачи создания базы для тяжелой промышленности. Был восстановлен юридический отдел. В итоге незначительно увеличился штат управленцев (на 1 апреля 1928 г. он составлял 136 чел.)⁸.

Уже в сентябре 1928 г. Президиум Уралоблсовнархоза возбудил ходатайство перед Облисполкомом о пересмотре штатов УО СНХ в сторону увеличения. Причина — новые задачи, которые стояли перед промышленностью области в связи с начальным этапом индустриализации⁹. УО СНХ определил конкретные цифры по строительному, химическо-силикатному и энергетическому подотделам, Бюро труда и кустарной промышленности. Как считал Президиум, именно штаты этих подразделений должны быть увеличены. Обоснования были выдвинуты следующие: необходимость предупреждения дефектов в строительстве, а не их констатация (объем строительства увеличился в 2 раза по сравнению с 1926 г.); детальная проработка вопросов дальнейшего развития химической промышленности региона в свете новых хозяйственных задач; более эффективная и рациональная эксплуатация энергоресурсов и укрепление местной промышленности. Облисполком ходатайство не удовлетворил. Таким образом, сохранение совнархозовской системы в период нэпа позволяло предохранять управленческий аппарат от чрезмерного увеличения.

Однако вскоре в хозяйственной политике возобладала тенденция централизованного управления промышленностью по отраслям, что по-новому поставило вопрос об объеме и характере самостоятельности местных органов. Объясняется это тем, что к этому времени работа по восстановлению и реорганизации промышленности в некоторых отраслях была уже завершена, в других находилась на стадии завершения. Отраслевые союзные объединения были уже сформированы, управление наиболее важными отраслями производства было сконцентрировано в Центре. Была определена новая политическая задача: всемерное ускорение темпов индустриализации, при этом подчиненность предприятий не имела значения. Т. е. были созданы фактически все условия для ликвидации совнархозовской системы. Это подтверждает и принятое в апреле 1929 г. новое «Положение о ВСНХ СССР»¹⁰. В этом доку-

⁶ГАСО. Ф. Р-339. Оп. 5. Д. 28. Л. 78–81.

⁷Там же. Д. 295. Л. 99 об.

⁸Там же. Д. 23. Л. 285–293.

⁹ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 307. Л. 20.

¹⁰См.: Советы народного хозяйства и плановые органы в центре и на местах (1917–1932 гг.): сб. документов. М., 1957. С.188–196.

менте были определены задачи органов ВСНХ: регулирование промышленности на подведомственной территории, планирование государственной промышленности, управление состоявшими в ведении государственными предприятиями. Также были реорганизованы и местные СНХ. Отделы были заменены на сектора: функциональные и отраслевые.

Рассмотрением, разработкой и разрешением административно-финансовых и организационных работ по аппарату УО СНХ, разработкой штатного расписания и смет, учетом личного состава, устройством и ведением канцелярии занималось Управление делами¹¹.

Регулирование и направление финансовой политики всех организаций, подведомственных ОУ СНХ, осуществлял Финансовый сектор¹². Также он осуществлял наблюдение и контроль за финансовой деятельностью всех объединений, трестов, отдельных предприятий, входящих во все уральские объединения, но при этом находящиеся на территории Уральской области и подведомственных ВСНХ. Финансовый сектор принимал активное участие в проработке контрольных цифр в соответствующих отраслевых и функциональных секторах УО СНХ. Особо тесную связь в работе поддерживал с сектором учета и плановым сектором.

Руководство и постановку плановой работы в области промышленности осуществлял Плановый сектор, работа в котором строилась по отраслевому принципу (в составе сектора было 7 ответственных отраслевиков)¹³. Планирование велось по двум направлениям: перспективное и текущее, что соответствовало тем задачам, которые стояли перед народным хозяйством. Для наиболее правильного и рационального регулирования рабочего вопроса был образован сектор труда¹⁴.

Вопросами статистики занимался сектор учета, начальник контроля находился в непосредственном подчинении одного из заместителей председателя ОУ СНХ. Этот факт свидетельствовал о том, что данное направление в работе было одним из приоритетных в тот период¹⁵.

Начало индустриализации привело к необходимости установления тесных связей с иностранными партнерами. В связи с этим в составе Уралоблсовнархоза было создано абсолютно новое структурное подразделение — Иностранное Бюро, непосредственно подчиненное Президиуму Уралоблсовнархоза¹⁶. Оно вело работу по нескольким направлениям: во-первых, работа с иностранными специалистами; во-вторых, организация экспорта и импорта; в-третьих, оказание иностранной технической помощи предприятиям Урала. От работы Бюро зависела судьба многих предприятий, поэтому контроль за его деятельностью осуществлял Президиум УО СНХ.

Проведение индустриализации требовало и рационального использования сырьевых ресурсов. Для разработки и содействия практическому осу-

¹¹ГАСО. Ф. Р-339. Оп. 8. Д. 524. Л. 28.

¹²Там же. Л. 1.

¹³Там же. Л. 6.

¹⁴Там же. Л. 17.

¹⁵Там же. Л. 8.

¹⁶Там же. Л. 13

ществлению мероприятий, направленных на полное использование ресурсов и переход промышленности на более высокую технико-организационную ступень, был создан сектор рационализации производства¹⁷.

Для установления наиболее выгодных способов проведения реконструкции производства было создано НТУ (позже оно было переименовано в НИС)¹⁸. Его возглавлял заместитель председателя или член Президиума ОУ СНХ. Таким образом, первоначальная стадия индустриализации проводилась в соответствии с планом ГОЭЛРО, который предусматривал связь крупнейших отраслей производства с внешним рынком, учет новейших достижений мировой науки, необходимостью импорта оборудования, приглашения на льготных условиях инструкторов-специалистов¹⁹.

Новые хозяйственные задачи требовали большого количества квалифицированных специалистов. Вопросами планирования, регулирования подготовки новых административно-хозяйственных, инженерно-технических кадров и квалифицированных специалистов занимался сектор кадров²⁰.

Наряду с функциональными секторами были и отраслевые: горнорудный, металлопромышленности, химический и топливно-энергетический²¹. Общий контроль за своевременным и качественным выполнением заданий и поручений со стороны аппарата УО СНХ осуществляла контрольная группа. В помощь ей каждый сектор выделял в порядке совмещения одного из ответственных сотрудников. Контрольная группа работала при Президиуме УО СНХ²².

Таким образом, новая структура Уралоблсовнархоза еще раз подтвердила, что приоритетным в СССР становился принцип вертикального управления народным хозяйством при ограниченном допуске горизонтальных связей и местной инициативы. Данное сочетание оправдывало себя в условиях интенсивного хозяйственного строительства, помогая регионам более рационально использовать имеющиеся у них ресурсы.

В этот период продолжался процесс реорганизации промышленности, в ходе которой происходил перевод важнейших промышленных предприятий из местного в общесоюзное подчинение. Это заставило по-новому решать проблему роли и компетенции местных органов ВСНХ. Для разрешения этого вопроса в Свердловске, наряду с Москвой, Ленинградом и Харьковом, была создана специальная комиссия. В ее состав вошли руководители крупнейших предприятий региона. Комиссия должна была решить проблему регулирования взаимоотношений главков и ОСНХ.

Тщательное изучение проблемы показало, что в период социалистической индустриализации процесс централизации управления был неизбежным. Он основывался на объективных факторах: необычайно напряженные темпы

¹⁷Там же. Л. 29.

¹⁸Там же. Л. 22.

¹⁹План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. М., 1955. С. 42.

²⁰ГАСО. Ф. Р-339. Оп. 8. Д. 524. Л. 30.

²¹Там же. Л. 3, 15, 23, 27.

²²Там же. Л. 33.

промышленного развития требовали быстрой мобилизации всех внутренних ресурсов, обеспечить которую было под силу только единому централизованному управлению. При этом ОСНХ теряли свое значение и становились лишним звеном в складывающейся системе управления народным хозяйством. Общий итог данного процесса — превращение ОСНХ из органов управления промышленностью на местах в управления местной, в основном, мелкой промышленностью, что законодательно было подтверждено в июле 1929 г. принятием «Постановления о преобразовании Облсовнархозов в отделы исполкомов Советов»²³.

V. M. Gafurova

Candidate of Historical Sciences, Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov (Magnitogorsk, Russia)

Reorganization of Regional Structures of Economic Council as a part of Implementation of Tasks of Socialist Industrialization

The author considers the process of reorganization of Uraloblsovnarhoz (Ural Region Economic Council) on the basis of archival documents. The attention is focused on the reasons and results of the reorganization.

Key words: industrialization, Uraloblsovnarhoz (Ural Region Economic Council), the structures of National Economic Council, reorganization

²³Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1929. № 54. С. 532.

ИНЖЕНЕРЫ-ПРАКТИКАНТЫ УРАЛМАША В СОВЕТСКО- ГЕРМАНСКОМ ИНДУСТРИАЛЬНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ НАЧАЛА 1930-х гг.

В статье рассматривается практика «инотехпомощи» и командирования специалистов Уралмаша в Германию в первой половине 1930-х гг. и ее элиминирование в ситуации начавшихся политических репрессий.

Ключевые слова: индустриальное сотрудничество, практиканты, Уралмаш, Германия, техническая интеллигенция, политические репрессии

Непродолжительное сотрудничество уральских индустриальных «строек социализма» с Германией имело лабильный и многосторонний характер. Оно обеспечивалось с конца 1920-х по середину 1930-х гг. соглашениями о поставках, лицензиях и локальными договорами о так называемой «инотехпомощи». В целом в «инопомощи» для СССР доля советско-германских соглашений достигала 42 % через посредничество системы бюро, отделов и управлений, а также государственных трестов, объединений (ЦБТМ, ГОМЗА, ВОМТ [2], Главметалл, Металлбюро, Спецсталь и др.), подконтрольных ВСНХ, а затем НКТП СССР. Привлечение «инотехпомощи» и освоение иностранной техники шло одновременно различными путями, из которых основными, помимо договоров о техпомощи с фирмами, являлись привлечение иноспециалистов на индивидуальных условиях и командировки собственных кадров за границу «на техучебу» по годовым планам-квотам.

Руководство иностранного сектора НКТП СССР подчеркивало, что положительная «практика последних лет показала, что для быстрой и полной наладки и освоения новых для нас производств наиболее эффективное использование технического опыта иностранных фирм происходит главным образом путем посылки на заграничные предприятия наших инженеров, мастеров и высококвалифицированных рабочих для практической работы на длительный срок (3–4 месяца) непосредственно в цехах, лабораториях и научно-исследовательских учреждениях инофирм. Наши работники, повышая свою квалификацию, в то же время «получают» на месте те важные для нас материалы и данные, которые инофирмы сознательно от нас скрывают. Практически работая на налаженных заграничных предприятиях и в лабораториях, наши работники гораздо быстрее осваивают технологические процессы и методы работы, что не удается обычно быстро и полно получить от инструкторов и специалистов фирм во время их работы на наших предприятиях» [7, с. 226–250].

*Сергей Иванович Дубинин

Д.филол.н., Самарский государственный университет, Самара, Россия; doubinin@mail.ru

Наиболее эффективно результаты заграничных командировок на практике сказались в черной металлургии (выпуск высококачественных сталей), в военной и электротехнической промышленности, в тяжелом и общем машиностроении. Например, в 1933 г. 43 % всех германских командировок закономерно приходилось на машиностроительную отрасль. Состав инокомандированных в 1930–1933 гг. балансировался в строгих пропорциях при партийной квоте в 61 % (члены и кандидаты в члены ВКП (б)): инженеры и техники (64 %), мастера и рабочие (27,5 %), «хозяйственники» (8,5 %) [7, с. 252–297].

Пик индустриальных отношений СССР — Германия пришелся на 1932 г., но после прихода к власти нацистов сотрудничество при объективном сохранении очевидных взаимовыгодных интересов резко пошло на спад, вступив в 1934 г. как и в политической сфере (резкая «пропагандистская война») в ситуацию «прагматического балансирования» и последующего разрыва. Для УЗТМ эта опосредованная ВСНХ-НКТП кооперация в первую очередь налаживалась с традиционно сотрудничавшими с Россией крупными фирмами *Krupp AG* (не случайно Уралмаш называли «советский Крупп») и *AEG*, с *DEMAG* и с другими менее значительными предприятиями, поставлявшими только оборудование и не имевшими прямых договоров о техпомощи. Корпорации *Krupp* и *DEMAG* были в основном сосредоточены в Рурской области и отличались активностью, успешностью на советском рынке в условиях преодоления Германией мирового экономического кризиса и внутригерманской конкуренции в получении заказов в СССР. По договоренности с *KRUPP AG* «совспецы» (за период действия соглашения 1929–1934 гг. было принято 365 чел.) могли, например, даже зачисляться в персонал предприятия или научно-исследовательского подразделения, имели консультантов.

Сценарии и детали сотрудничества УЗТМ с германскими фирмами пока относительно мало исследованы [1; 3, с. 13–18; 4, с. 92–97.]. Они были разработаны еще на «Уралмашинстрое» и активно воплощались во время поездки в Германию директора строительства А. П. Банникова и группы инженеров в конце 1929 — начале 1930 гг. по направлению СТО СССР (в первую очередь интерес представляли предприятия Круппа). О продуктивности вояжей уралмашевцев в Германию на заводы Круппа вспоминал один из первых авторов отзывов инженер-механик А. П. Кулаков, отмечавший, что даже при наличии на производствах старого оборудования, стесненных площадей крупновцы добиваются высоких технологических показателей за счет квалифицированных кадров, подготовки, модернизированных измерительных технологий, нормирования и производственно-трудовой дисциплины [8, с. 72–73].

Уралмашевцы, как и все командируемые группами специалисты (номинаризовавшиеся в документах «практикантами», «инженерами-экспертами»), направлялись по мотивированным заявкам, что стимулировало их квалификацию и кадровый рост. Они контролировались берлинским отделом торгпредства СССР (кураторы-уполномоченные от ВСНХ-НКТП в конце 1920-х — начале 1930-х гг. проф. К. П. Григорович, П. Я. Виткус, М. П. Попов, В. С. Емельянов и др.), имея проездные документы от «Интуриста» и ор-

ганизационную поддержку от контор советско-германских фирм (DEROP, TORGPROM и др.). Двухсторонние сложности по организации поездок были обусловлены недофинансированием, а также тем, что некоторые фирмы и консорциумы, например, *DEMAG*, не имели представительств в СССР, действовали через «русские отделы», не фиксировали в нередко краткосрочных соглашениях конкретно служебную, техническую и патентную поддержку приезжающих.

Информативные воспоминания о пребывании «совспецов» в Рурской области в первой половине 1930-х гг. оставил В. С. Емельянов. Он отмечает их контакты с незнакомой «несоветской» действительностью, условиями труда в промышленности, с «чуждыми» ментальностью и повседневностью, фиксирует личные связи с немецкими коллегами и столкновения с белоэмигрантами, конфронтацию с проявлениями нацистской диктатуры и с радикальной сменой ценностей в Третьем Рейхе, рецепцию новаций и экономического роста в ситуации начавшейся милитаризации. Это нередко ломало пропагандистские представления о «родине Маркса и Энгельса», о революционности германского пролетариата и повсеместном влиянии КПГ, о телеологии экономического кризиса в Германии [6, с. 65–223].

Ежегодная квота для УЗТМ при посылке командированных в Германию составляла до 4-х специалистов разного профиля. Попадая в смешанные группы с коллегами из других регионов, они активно общались, усваивали межпредметные связи и опыт советской индустриальной сферы. Работа их как «практикантов» включала не только наблюдения за новыми технологиями, оборудованием, копирование и эскизирование, но и осмысление и оптимальное последующее приложение опыта в условиях развития и модернизации УЗТМ. Командированные нуждались в индивидуальных программах пребывания, посещая по несколько объектов, но не обладали достаточной подготовкой, в частности, языковой (разговорный немецкий, знание терминов, технологического дискурса), что требовало от них значительной личной инициативы и мобильности. Знание немецкого языка будущие «стажеры» могли получить на курсах при Свердловском (Уральском) индустриальном институте или в живом общении с немецкоязычными специалистами-коллегами: на УЗТМ в период 1928–1941 гг. работало около 140 граждан Германии и 25 из Австрии, многие из которых компактно проживали в поселке Соцгорода (ул. Ильича, д. 7.).

Инженеры УЗТМ как «наблюдатели-экспериментаторы» осваивали и копировали в Германии технологии для быстрого или аналогового применения, при совершенствовании стандартов, измерительных технологий, конструкторских работ на импортном оборудовании, при ремонте. В ситуации ускоренного строительства и форсирования многопрофильного производства (1928–1933 гг.) с пуском УЗТМ, аварий, частого отсутствия импортной технической документации, поломок требовалась оперативное техсопровождение, в обеспечении которого роль и творческое начало «германских практикантов» трудно переоценить.

Наиболее ценные аналитические сведения командированных уралмашевцев архивировались и отражены централизованно в разнообразных ведомственных отчетах, сводках иносектора и отдела инотехпомощи ВСНХ, техотдела и сектора производственно-технической пропаганды НКТП СССР¹. Они публиковались для служебного пользования (Центральный институт технико-экономической информации) и распределялись по отделам НКТП. Пропагандистское освещение инокомандировки получали в центральной² и в местной периодике и партийной публицистике. Это областная газета «Уральский рабочий», имевшая в начале 1930-х гг. в Берлине корреспондента, издания УЗТМ: газеты «На стройке» (с 1930 г.), «Сталинец» (с 1931 г.), «За уральский блюминг (ЗУБ)» (с 1932 г.), «За тяжелое машиностроение» (с 1935 г.), где появлялись заметки командированных уралмашевцев.

Опыт и материалы побывавших в Германии специалистов прорабатывались через систему кружков техучебы, совещаний, конференций, составляя основу публикаций в заводской периодике и в специализированных журналах «УЗТМ: производственно-технический журнал» (изд. с 1933 г.) и «Технический вестник УЗТМ» (изд. с 1934 г.), где также размещались переводные статьи немецких техников, обзоры германских технологий и публикаций. В связи с практикой командировок возрос приток научно-технической документации и информации на Уралмаш непосредственно из Германии, нуждавшийся в обработке и рецепции. Так, в 1934–1935 гг. научно-техническая библиотека УЗТМ получала 26 наименований только немецкой периодики, в т. ч. ведомственной («*Technische Mitteilungen KRUPP*» и др.).

Среди командированных от Уралмаша значительной была группа инженеров-электриков, побывавших в Германии к середине 1930-х гг. (Ш. Ш. Музафаров, В. И. Попов, С. А. Кремер, А. Верещагин, В. И. Котов и др.). Кандидатуры командируемых утверждались почти за полгода до поездки «тройкой» (начцеха, секретарь партячейки, предцехкома) и передавались в центральные органы. Материальные затраты на поездки были значительны, но они окупались объемом полученных знаний и навыков, особенно в аспекте гибкой модернизации и оптимизации производства, в чем нуждался Уралмаш как гигантский одновременно строившийся и функционировавший комбинат, насыщенный иностранными технологиями, оборудованием.

Так, например, начальник сетей и подстанций ТЭЦ УЗТМ Владимир Илларионович Котов (1908–1939) имел в ходе четырехмесячной поездки весной 1934 г. возможность посетить кроме Берлина, как места приписки практикантов, и Эссена — «метрополию Круппа», индустриальные Гамбург, Аахен, Дюссельдорф и Бенрат, где размещались основные производства *DEMAG*, а также провинциальный Зауэрланд. Последняя поездка была связана с интересом к малым предприятиям региона по производству электрооборудования в конгломерате городков Хальвер — Шальксмюле — Люденшайд («*Winkhaus*», „*Berker*“, „*Jung*“, „*Busch-Jaeger Elektro*“ и др.). В плане своих

¹См.: РГАЭ. Ф. 1637, 9205, 7297.

²См.: спецвыпуск о УЗТМ журнала «Наши достижения». 1933. № 9.

узкоспециальных интересов (электросети, устройства, соединяющие ЭС с приемниками-потребителями, ЛЭП, подстанции, сети и кабели) он осмотрел известную ГЭС на озере Мёнезее. Гибкие, модернизируемые технологии этих мобильных производств произвели впечатление на воспитанного в плано-распределительной системе инициативного «совспеца» и были востребованы на УЗТМ (гидроагрегаты на запрудных ГЭС в системе резервного энергоснабжения, новейшие производства розеток, релейных систем, изоляторов и др.) [10, S. 16].

Однако потенциалу и опыту инокомандированных уралмашевцев не суждено было реализоваться полностью. Уже к 1934 г. вступили в стадию элиминирования отношения Уралмаша с германскими фирмами-партнерами, где введение принципов «фюрерства» в милитаризируемой экономике лишали их самостоятельности в кооперации с СССР. В Рурской области, где размещались основные фирмы-партнеры УЗТМ, как в стратегически важном для нацистов регионе, особенно сильна была их антибольшевистская пропаганда. Это наряду с заключением двустороннего германо-польского пакта (01.1934 г.), ухудшавшим условия транзита командированных из СССР в Германию, осложнило работу «совспецов». Наконец, летом 1934 г. *KRUPP AG* в одностороннем порядке расторг базовый договор с Металлбюро НКТП СССР.

Во второй половине 1934 г. на УЗТМ началась волна политических репрессий, охватившая также специалистов, побывавших в фашистской Германии. Так, уже летом 1934 г. на масштабном открытом процессе «о пожаре в кузнечно-прессовом цехе и вредителях на УЗТМ» впервые широко прозвучала «немецко-фашистская тема». Заводская партийная публицистика клеймила германские технологии и предприятия как «подрывные и фашистские», отрицая опыт сотрудничества с Германией, обвиняя германские фирмы в использовании внутренней классовой борьбы, в вербовке и шпионаже. Репрессивная практика Свердловского УНКВД к 1935 г., стимулируемая парторганами, лишила созданный большими усилиями кадровый состав ИТР Уралмаша его значительной части [5, с. 66–75].

Политика эскалации репрессий против специалистов, получивших подготовку в Германии, негативно сказалась на работе УЗТМ в целом, на его научно-технической базе во второй половине 1930-х гг. — в период продолжавшейся оптимизации, перестройки (выпуск военной продукции) и модернизации производства. Уникальный опыт, полученный командированными в Германию специалистами УЗТМ, даже тех, кто пережил репрессии, оказался невостребованным, а созданный кадровый потенциал был рассеян.

Библиографический список

1. Агеев С. С., Бриль Ю. Г. Неизвестный Уралмаш: история и судьбы. Екатеринбург, 2003.
2. ВОМТ. Оргуправление. Указатель. М., 1931.

3. *Дубинин С. И.* Парадоксы советско-германских индустриальных связей 1930-х гг.: Уралмаш — Рурская область // Вестн. гуманитарного института ТолГУ. Тольятти, 2010. № 2(8).
4. *Дубинин С. И.* Человек, система и эпоха: инженеры Уралмаша в советско-германском сотрудничестве 1930-х гг. // Историческая наука и историческое образование как факторы гуманизации общества / ред. Г. Е. Корнилов. Екатеринбург, 2012.
5. *Дубинин С. И.* «Дело сдать в архив»: практика политических репрессий на Уралмаше в первой половине 1930-х гг. // Актуализация исторического знания и историческое образование в современном обществе / ред. Г. Е. Корнилов. Екатеринбург, 2013. Ч. 2.
6. *Емельянов В. С.* О времени, о товарищах, о себе. 2-е изд. М., 1974.
7. Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы / ред. С. С. Хромов. М., 1999. Ч. 2.
8. *Кулаков А. П.* Второй втуз // Наши достижения. М., 1933. № 9.
9. Общество и власть: 1930-е гг. / отв. ред. А. К. Соколов. М., 1998.
10. *Maafß D.* Verhängnisvolle Reise zum Möhnesee // Soester Anzeiger. Soest, 2013. № 31.12.

S. I. Dubinin

Doctor of Philological Sciences, Samara State University (Samara, Russia)

Engineers-Trainees of Uralmash in the Soviet-German Industrial Cooperation in the early 1930s

The article deals with the practice of seconding experts of Uralmash to Germany in the first half of 1930s, its forms and its elimination in the situation of the started political repression.

Key words: industrial cooperation, trainees, Uralmash, Germany, technical intellectuals, political repression

ДЕМОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЭКОНОМИКЕ УРАЛА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ¹

В статье исследуется воздействие активной фазы Гражданской войны (1918–1920 гг.) на состояние экономики Уральского региона. На основе данных социально-экономической статистики автор делает вывод о демодернизационном характере происходивших процессов.

Ключевые слова: история России, Гражданская война, Урал, экономика, демодернизация

Гражданская война стала кульминацией социальных и военных потрясений, постигших российское общество в первой четверти XX в. Она втянула в свою орбиту всю страну, все социальные слои и группы, разрушила все сферы жизни общества. С точки зрения модернизационной парадигмы исторического процесса, события 1917–1921 гг. представляют собой «смуту», народный бунт против модернизации, аналогичный «пугачевщине» XVIII столетия. Носившая верхушечный характер российская модернизация была непонятна основной массе населения. Она не принесла ему ощутимых выгод, повышения уровня благосостояния или социального статуса. Скорее наоборот, разрушая не только экономические, но и нравственные устои традиционного российского общества, она несла с собой ломку векового общинного уклада, пауперизацию значительной части мелких товаропроизводителей, насаждение психологии и морали индивидуализма. Поэтому для большинства простых россиян, насильственно втягиваемых в рыночные отношения, к которым они не были готовы ни психологически, ни интеллектуально, модернизация была чем-то чуждым, враждебным, «нерусским» [8, с. 471]. Отсюда чрезвычайная острота, ожесточенность и продолжительность вооруженного противостояния, приведшего страну в целом и Уральский регион в частности к экономической и социокультурной катастрофе.

Гражданская война нанесла тяжелейший удар по экономике края. Общий причиненный ущерб оценивался советскими историками и экономистами более чем в 539 млн руб. [5, с. 38]. Уже к концу 1918 г. в одном только Южно-Екатеринбургском горном округе бездействовали 125 предприятий из 205 [2, с. 203]. После завершения в регионе активных боевых действий ситуация в промышленности была удручающей: объем производства в 1920 г. со-

*Алексей Викторович Иванов

К.и.н., Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия; ivanovav55@yandex.ru

¹Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 12-11-66004)

ставлял лишь 12 % от уровня 1913 г. [5, с. 38]. Становой хребет уральской индустрии — металлургия — была на грани полного краха: на 1 октября 1921 г. давали металл лишь 3 доменные печи. Даже к началу 1923 г. из 73 уральских металлургических и металлообрабатывающих заводов не работали 32, а на 41 действующем функционировали только отдельные производства [1, с. 88]. В топливной промышленности произошли структурные изменения, позволяющие говорить о ее деградации. Дезорганизация работы Кизеловских и Челябинских угольных копей вынудили власти возобновить широкомасштабные заготовки древесного топлива, ставшего основным энергетическим ресурсом региона. Всего в 1919–1920 гг. на Урале было заготовлено и использовано почти 1,2 млн кубических сажень дров [5, с. 42].

Приводимые М. А. Фельдманом данные о численности рабочих, занятых в промышленности Урала, дают основания вести речь об общем и структурном кризисе отрасли. Так, общее количество рабочих, задействованных в крупной промышленности Уральского экономического района, в 1922 г. составляло лишь 43,7 % от уровня 1913 г. [9, с. 414]. При этом наибольшее сокращение числа занятых произошло в горнодобывающей и пищевой (более чем в 4 раза), металлургической (в 2 раза), бумажной (в 1,9 раза), легкой и химической (в 1,6 раза) [9, с. 415]. Наряду с сокращением общей численности индустриальных рабочих произошло резкое падение уровня их квалификации. Безусловно, свою роль в этом процессе сыграл целый комплекс факторов социального и военно-политического характера (мобилизации в армии воюющих сторон, эвакуация части рабочих с отступающими войсками белых, выдвигание многих рабочих на работу в партийные и советские органы и т. п.). Однако факт остается фактом: если в 1917 г. 71,5 % занятых в крупной промышленности Урала составляли квалифицированные рабочие, то к концу 1921 г. их доля упала до 49,7 % [9, с. 97–98]. Другим показателем демодернизации уральской промышленности была аграризация рабочего класса. В 1920 г. 73 % рабочих региона имели пашенные угодья; для сравнения: в 1916 г. — 45 % [9, с. 97]. Этот процесс был не только следствием остановки предприятий. На действующих заводах рабочие также возвращались к аграрному труду, дабы спастись от поразившего страну голода.

Не менее плачевным было состояние транспортной инфраструктуры. Если путевое хозяйство удалось восстановить достаточно быстро, то восполнить потери подвижного состава было крайне сложно. За период Гражданской войны Урал потерял до 75 % локомотивов и вагонов [5, с. 43]. Практически полностью был уничтожен речной флот Камского бассейна. Дезорганизация транспорта усугубляла и без того тяжелое положение промышленных предприятий, нарушая кооперационные связи, срывая подвоз сырья и материалов, поставки готовой продукции. Города и рабочие поселки испытывали острый дефицит продовольствия.

Серьезный урон был нанесен аграрному сектору экономики региона. Посевные площади в 1919 г. сократились по сравнению с 1917 на 19,3 %, количество рабочих лошадей — на 14,5 %, а общее поголовье скота — на 26 % [5, с. 46–47]. Приведенные количественные показатели не в полной мере отражают картину деградации сельского хозяйства, гораздо более впечатляющими являются качественные. Поскольку с начала I Мировой войны техническая база практически не обновлялась и не пополнялась, общее количество используемых сельскохозяйственных орудий и машин составляло лишь 40 % от довоенного уровня. Следствием этого стала примитивизация аграрного труда: в 1920 г. 14 % крестьянских дворов вообще не имели инвентаря; удельный вес плугов в общем количестве пахотных орудий составлял 34,6 %, а металлических борон — всего 2 % [5, с. 48]. Сокращение численности трудоспособных мужчин, занятых в аграрном секторе, нехватка рабочего скота и ухудшение качества обработки земли привели к снижению средней урожайности зерновых в регионе почти вдвое [5, с. 50].

Анализ социально-экономической структуры уральской деревни периода Гражданской войны дает основание говорить о ее архаизации. Реализация Декрета о земле на первом этапе аграрной революции не обеспечила уральскому крестьянству существенного повышения земельной обеспеченности. Хотя так называемые «земли нетрудового пользования» в уральских губерниях и составляли довольно значительный массив (частновладельческие — 20,7 %, церковные, монастырские, кабинетские, госучреждений и проч. — 28,2 % от общей земельной площади), но в основном они были заняты лесами, промышленными предприятиями, рудниками. Доля частновладельческой пашни, например, в Вятской и Пермской губерниях составляла лишь 0,4 % [6, с. 100]. Свободной земли явно не хватало даже для удовлетворения запросов безземельных и малоземельных крестьян. Началась конфискация земельных угодий зажиточной части деревни. Многие крестьянские хозяйства искусственно дробились, чтобы не попасть в категорию «кулацких» и тем самым избежать повышенного налогообложения.

Советские историки, оценивая эффективность аграрной политики советской власти, утверждали, что ее результатом стало повышение социально-экономического статуса российского крестьянства, выразившееся в так называемом «осереднячивании» деревни, т. е. в превращении среднего крестьянства в численно преобладающий слой сельского населения. В действительности же дело обстояло совершенно иначе. Во всех уральских губерниях, за исключением Оренбургской, социально-экономическая динамика в аграрном секторе имела следующую характерную особенность: с 1917 по 1920 г. значительно выросла доля малосеющих (до 4 десятин, т. е. меньше потребительской нормы), однолошадных и однокоровных хозяйств. Это наглядно подтверждает таблица, составленная на основе данных, приводимых в различных источниках.

**Социально-экономическая динамика крестьянских хозяйств Урала в
1917–1920 гг.**

Губерния	Категория хозяйств	% к общему количеству хозяйств	
		1917 г.	1920 г.
Вятская ²	с посевом до 4 десятин	36,6	54,7
	с 1 лошастью	61,6	74,6
	с 1 коровой	49,7	65,1
Пермская	с посевом до 4 десятин	56,3	76,6
	с 1 лошастью	52,6	65,8
	с 1 коровой	43,9	63,8
Екатеринбургская	с посевом до 4 десятин	49,5	58,0
	с 1 лошастью	29,2	41,9
	с 1 коровой	42,5	57,7
Оренбургская	с посевом до 4 десятин	27,8	30,1
	с 1 лошастью	20,8	26,8
	с 1 коровой	41,3	46,2

Таблица составлена по: *Телицын В. Л.* Сквозь тернии «военного коммунизма»: крестьянское хозяйство Урала в 1917–1921 гг. М., 1998. С. 155-156; *Шарапов Г. В.* Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции (1917–1920 гг.). М., 1961. С. 179–180.

Анализ приведенных в ней цифр показывает, что во всех губерниях, кроме Оренбургской, доля крестьянских дворов, имевших посевные площади меньше установленного хозяйственного минимума, составляла большинство, причем в Пермской губернии — подавляющее. Абсолютное большинство хозяйств Вятской, Пермской и Екатеринбургской губерний располагали лишь одной лошастью и коровой либо не имели скота вовсе. Таким образом, данные о земельной обеспеченности, о наличии в хозяйствах рабочего и продуктивного скота не позволяют сделать вывод об «осереднячивании» уральской деревни. В уральской деревне действительно имел место процесс социально-экономического нивелирования, но происходил он не на среднем, а на низшем уровне [3; 4]. Его результатом было тотальное обеднение крестьянских хозяйств, снижение их продуктивности и товарности. Произошла натурализация сельского хозяйства, ставшая следствием не только указанных выше экономических трудностей, но и продовольственной политики государства, основанной на принципах «военного коммунизма».

Изложенные выше факты дают основания для вывода о том, что в период Гражданской войны в экономике Урала имели место процессы демодернизации, в сферу которых были вовлечены все основные отрасли народного хозяйства — промышленность, транспорт, сельское хозяйство. Экономика региона в результате была отброшена на несколько десятилетий назад. В повестку дня вставал не только вопрос о хозяйственном «ренессансе», но и

²По Вятской губернии приведены данные за 1919 г.

о завершении индустриальной модернизации Урала, прерванной I Мировой и Гражданской войнами.

Библиографический список

1. *Гаврилов Д. В.* Модернизационный взлет Урала в конце XIX — начале XX вв. // Модернизационные процессы в металлургии Урала XVII–XXI вв. Екатеринбург, 2005. С. 40–93.
2. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале / О. А. Васьковский, М. А. Молодцыгин, Я. Л. Ниренбург и др. Свердловск, 1969.
3. *Иванов А. В.* Отречемся от старого мифа? (О дезавуировании тезиса об «осереднячивании» деревни как результате аграрных преобразований советской власти в 1917–1920 гг.) // История в подробностях. 2010. № 4. С. 66–74.
4. *Иванов А. В.* Социально-экономическая трансформация уральской деревни в 1917–1920 гг.: дискуссионные вопросы // Известия Уральского государственного экономического университета. 2012. № 2. С. 141–146.
5. История народного хозяйства Урала (1917–1945): в 2 ч. Свердловск, 1988. Ч. 1.
6. *Телицын В. Л.* «Помещичья собственность на землю отменяется без всякого выкупа...» // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. М., 1993. Вып. 1. Ч. 1. С. 99–106.
7. *Телицын В. Л.* Сквозь тернии «военного коммунизма»: крестьянское хозяйство Урала в 1917–1921 гг. М., 1998.
8. *Тертышный А. Т., Трофимов А. В.* Россия: образы прошлого и смыслы настоящего. Екатеринбург, 2012.
9. *Фельдман М. А.* Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург, 2001.
10. *Шарапов Г. В.* Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции (1917–1920 гг.). М., 1961.

A. V. Ivanov

Candidate of Historical Sciences, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia)

Demodernization in the economy of the Urals during the Civil War

The paper deals with the impact of the active phase of the Civil War (1918–1920) on the economy of the Ural region. The author concludes on the basis of socio-economic statistics, that processes, which took place, had the demodernization nature.

Key words: Russian history, Civil war, the Urals, economy, demodernization

ЭМИГРАНТЫ-СОЦИАЛИСТЫ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ» О ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ В 1920-е гг.

Статья посвящена эмигрантской парадигме политического развития России в 1920-е гг. Рассматриваются взгляды авторов на возможную эволюцию советской политической системы под влиянием нэпа, перспективы «советского термидора», соотношение диктатуры и демократии, место и роль Советов, внутривнутрипартийную борьбу, складывание однопартийной системы и т. д.

Ключевые слова: История России, 1920-е гг., политическое развитие, эмиграция

В концептуальном осмыслении политических процессов, происшедших в советской стране в 1920-е гг., сложилось две основных парадигмы. Первая была сформулирована лидерами большевистской партии и носила официально-охранительный характер по отношению к формировавшейся советской политической системе, базировалась на признании приоритета классовой борьбы и ее обострения в процессе социалистического строительства, руководящей роли коммунистической партии в политической системе советского общества. В течение нэповского десятилетия взгляды лидеров большевиков на советскую политическую систему эволюционировали под влиянием изменения политических реалий. Часть руководителей советского государства, находившаяся в оппозиции к «генеральной» линии партии, высказывала критические соображения по некоторым вопросам, но в целом это не меняло вектор политического развития страны.

Другая парадигма политического развития страны в 1920-е гг. была предложена руководителями и активными функционерами социалистических партий, активно критиковавшими политику большевиков, практику того политического режима, который был установлен в стране большевиками после прихода к власти и удерживался ими после окончания Гражданской войны. Важной частью данной парадигмы являются взгляды эмигрантов. Российские эмигранты 1917–1929 гг. были непосредственными участниками политических событий того времени, и их наблюдения, мнения и оценки, опубликованные за границей, являются важным историографическим источником по интересующему нас периоду. Идеи и мнения эмигрантов-социалистов в 1920-е гг. были опубликованы в газетах и журналах разной политической направленности — «Современных записках», «Воле России», «Днях», «Революционной России», «Голосе России», «Социалисте-революционере», «Социалистическом вестнике», «Заре», «Записках социал-демократа» и др.

*Елена Анатольевна Игишева

Д.и.н., Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия; teapoli3103@mail.ru

Проблематика эмигрантских публикаций о политическом развитии советской страны в 1920-е гг. чрезвычайно разнообразна. Большая часть — это реакция на различные общественно-политические события — Кронштадтский мятеж, процесс по делу эсеров, изъятие церковных ценностей в пользу голодающих в 1921–1922 гг., репрессии против клира и мирян и проч. Эмигрантские авторы уделили внимание и вопросам возможной эволюции советской политической системы под влиянием нэпа. Обсуждали перспективы «советского термидора», соотношение диктатуры и демократии, место и роль Советов, внутривластную борьбу, репрессивную сущность советской политической системы и т. д. Следует отметить, что российские политики и публицисты, оказавшиеся в эмиграции, открыто высказывали свои взгляды на политические процессы, происходившие в 1920-е гг. При их анализе видно, что среди эмигрантов-социалистов не было полного единства в обсуждаемых вопросах.

Меньшевики в 1922 г. заявили о принципиальном отказе от насильственных методов свержения большевиков, поскольку видели возможность постепенной демократизации большевистского режима, замены его «демократической республикой, возможно советского типа» [5, с. 390]. Некоторые представители меньшевистской партии под влиянием первых нэповских преобразований признавали эволюцию советского экономического и политического строя. Так, П. Гарви с удовлетворением отмечал «...неизбежность капиталистического развития русской экономики» [3, с. 27]. По мнению Д. Ю. Далина, с введением нэпа советское государство получало свое подлинное назначение — утверждать капитализм в России [4, с. 45]. Автор полагал, что с установлением в России экономического плюрализма большевики допустят и политический плюрализм, продолжив сотрудничество с представителями других социалистических партий в Советах, которое было во время Гражданской войны, что неизбежно приведет к перерождению однопартийной диктатуры в России [4, с. 48].

Деятели эсеровской партии останавливались на противоречиях между экономическим и политическим развитием советской страны в 1920-е гг. Е. А. Сталинский указывал на существенное расхождение между экономическим фундаментом, социальным строением России и большевизмом, между складывающимся соотношением классовых сил и условием необходимости сохранения командных высот [12, с. 124]. В. М. Чернов полагал, что устранить противоречия между политикой и экономикой можно было двумя путями: либо вслед за нэпом повести столь же либеральную политическую линию, либо, оставаясь верными прежней политике, вернуться на старые экономические пути [25].

В переходе страны к нэпу эмигранты-социалисты видели возможность «большевистского термидора». Ю. О. Мартов говорил о нэпе как об «экономическом термидоре», дорога от которого ведет к 18 брюмера [7, с. 11]. Д. Ю. Далин предсказывал скорый приход Бонапарта, который, опираясь на крестьянство, расправится с большевиками. По его предположениям, это будет «контрреволюционер», но «не реставратор» [4, с. 61–62]. В. М. Чернов

отмечал самобытность русского термидора, поскольку «большевистский термидор созрел именно в голове самого кремлевского Робеспьера, и он сам погнался к нему свою, еще порой недоуменно упирающуюся паству» [22, с. 10].

Лишь малая часть эмигрантов в начале 1920-х гг. не строила иллюзий по поводу возможного перерождения большевизма под влиянием экономических реформ. Так, эсер В. Суровцев прозорливо высказывал мнение о том, что введение нэпа есть маневр, отступление под давлением крайней необходимости. Главным противоречием нэпа он считал сохранение диктатуры пролетариата — в новых условиях она теряет свою социальную сущность, превращаясь в самодовлеющую бюрократическую машину [14, с. 2]. Он считал усиление диктатуры в советском государстве делом ближайшего времени.

В работах эмигрантских публицистов содержалась оценка правящей в России партии и проводимой ею политики. Большинство авторов проявляло крайнюю степень неприязни, связывало все беды, которые обрушились на Россию, с приходом большевиков к власти. В. М. Чернов называл их «величайшими оппортунистами». В то же время, он обращал внимание на полную неспособность большевизма к компромиссам и коалициям, крайнюю централизацию и вождизм, склонность к авантюризму и социальному экспериментированию, принципиальный политический аморализм [18].

Эмигрантские публицисты изучали все перипетии той борьбой, которая развернулась в 1920-е гг. внутри большевистской партии. Ее накал лидеры эмиграции также объясняли противоречиями между экономической и политической составляющими нэпа. Коммунистическая партия, стремясь сохранить монополию на власть, вынуждена была учитывать интересы различных социальных групп, что провоцировало в ней идейные разногласия. По мнению меньшевика С. К. Моисеева, фракционные выступления в коммунистической партии отражали реакцию «наиболее здоровой части» на «давящее со всех сторон мещанское мелкобуржуазное окружение», «с которым они не могли справиться» [10, с. 16]. Определенную вину за сложившуюся ситуацию В. М. Чернов возлагал на лидеров оппозиции. По его словам, «... оппозиция является ныне жертвой того порядка вещей, над установлением которого всего больше потрудились сами же ее главари, пожинаяющие теперь, что посеяли, создавая систему большевистской диктатуры» [24, с. 3]. При этом в работах эмигрантских авторов признавалось, что, несмотря на утрату монолитности в большевистских рядах, партия в целом сохраняла свою жизнеспособность.

Высказывались различные соображения по поводу причин сохранявшегося единства большевистской партии, несмотря на наличие различных фракций и внутрипартийных дискуссий. В. М. Чернов в значительной мере связывал это с личными качествами В. И. Ленина, для которого существовала лишь «одна добродетель: воля к власти для осуществления... своей программы. Одно преступление: нерешительность, упускающая шансы успеха» [20, с. 30]. Е. А. Сталинский полагал, что личное влияние В. И. Ленина было огромно, но оно не навязывалось силой и принималось всеми большевиками

добровольно. По его мнению, определенная свобода дискуссий в партии В. И. Ленину не мешала, а каждый раз демонстрировала его способность убеждать и одерживать победы [11, с. 149].

Среди иных причин невозможности партийного раскола В. М. Чернов указывал то, что «внутри большевистской партии нет силы, способной коренным образом преобразовать ее» [17, с. 26]. Г. И. Шрейдер полагал, что пока дискуссии ведутся внутри самой большевистской партии, это не опасно для партии, ее монополии на власть. По его словам, «реальная опасность... краха диктатуры» заключается в перенесении внутрипартийной борьбы в область советскую, ведении открытой критики на советских съездах партийных директив, апелляции стране [27, с. 26]. Следует отметить, что в отличие от других сюжетов, характеристика внутрипартийной оппозиции была слабым местом эмиграции. Не всегда четко представлялось, кто против кого выступает, переоценивались силы и значение оппозиции, ее способность кардинально изменить ситуацию в стране.

Касаясь межпартийных отношений, В. М. Чернов охарактеризовал тактику большевики, которую они использовали по отношению к своим политическим соперникам. По его наблюдениям, все начиналось с «заигрывания с оппозиционным меньшинством конкурирующей партии», которому большевики делают целый ряд крупных политических уступок и даже подставляют свое «крыло». Это провоцировало раскол в оппозиционной партии, начиналась «ее тактическая агония... процессы мучительного разложения и распада» [19, с. 3–4]. Он расценивал проведенный большевиками в 1922 г. процесс над эсерами не только как кульминационный момент многолетнего противостояния большевиков и социалистов, но и как борьбу за пути дальнейшего развития страны, «великую историческую тяжбу между... демократическим социализмом и авторитарным коммунизмом» [21, с. 31].

Эмигранты-социалисты дали свою оценку советской политической системы и ее эволюции под влиянием нэпа. Особое внимание они уделяли Советам — органам, в деятельности которых сами принимали участие вплоть до начала 1920-х гг. Часть из них оценивали проведенную большевиками реформу советской политической системы в целом позитивно. Е. А. Сталинский говорил об активном привлечении в Советы беспартийных крестьян как о начале советской демократии и «начале политического нэпа» [13, с. 141]. В. М. Вишняк считал, что большевистская партия и Советы взаимодополняют друг друга, создавая единство и целостность советской политической системы [2, с. 390].

Значительная же часть эмигрантов не возлагала больших надежд на Советы. Г. И. Шрейдер рассматривал свободно избранные волисполкомы как составную часть бюрократического аппарата СССР и полагал, что подлинное демократическое самоуправление в рамках коммунистической диктатуры невозможно. По его мнению, Советы были нужны большевикам для того, чтобы создать видимость народного характера власти. На самом же деле они являлись чисто техническим аппаратом в руках партии, ибо выборная система позволяла ей контролировать состав Советов исключительно в партийных

целях [26, с. 75–76]. В. М. Чернов полагал, что оживление Советов невозможно без введения многопартийности, предвыборной борьбы за представительство в них. Однако пойти на это большевики не могут, поскольку это означало бы возрождение буржуазно-парламентского строя [16, с. 16].

Многие эмигрантские публицисты обращали внимание на террористическую (якобинскую) сущность Советского государства. В. М. Чернов, говоря о деятельности ВЧК, подчеркивал, что большевики перенесли в практику политической жизни «целиком все методы войны» и военные способы управления обществом. По его мнению, «из святого святых большевистского Госполитуправления эта скверна и нечистота концентрическими кругами распространяется по коммунистической партии, заражая и разлагая весь организм» [23, с. 14]. В эмигрантской печати высказывалось критическое отношение к деятельности советских правоохранительных органов [1; 8; 9; 15]. Ю. О. Мартов уже в 1922 г. обратил внимание на всемогущие этих органов. Он писал: «На почве развивающегося капиталистического производства военная и гражданская бюрократия, а не коммунистическая партия явится той организованной силой, которая использует неорганизованность граждан для своего собственного возвышения во имя сильной надклассовой власти, мирно улаживающей все классовые противоречия» [6, с. 7].

Таким образом, в эмигрантской литературе 1920-х гг. была дана всесторонняя критика политической системы, созданной большевиками. Большинство эмигрантских авторов указывало на формальный характер советского законодательства, не соблюдавшегося на практике, централизацию управления страной, переход к диктатуре партии, дублирование функций Советов партийными органами, усиление бюрократии. К концу 1920-х гг. происходит сужение информационной базы о Советской стране, утрачиваются иллюзии о скором падении власти большевиков, что сказывается на снижении интереса эмиграции к политическим аспектам развития СССР.

Библиографический список

1. *Арцыбашев М.* Обвинительный акт коммунизму. Пекин, 1925.
2. *Вишняк М. В.* На Родине: (Советы и право) // *Современные записки.* 1923. № 14.
3. *Гарви П.* Закат большевизма: десять лет диктатуры. Рига, 1928.
4. *Далин Д.* После войн и революций. Берлин, 1922.
5. *Дан Ф.* Борьба за демократию // *Социалистический вестник.* 1922. № 20.
6. *Мартов Л.* Диалектика диктатуры // *Социалистический вестник.* 1922. № 3.
7. *Мартов Л.* Ленин против коммунизма // *Социалистический вестник.* 1921. № 10.
8. *Мартов Ю. О.* Мировой большевизм. Берлин, 1923.
9. *Мельгунов С. П.* Красный террор в России 1918–1923. М., 1990.
10. *Моисеев С. К.* К юбилею комсомола // *Социалистический вестник.* 1929. № 2.
11. *Сталинский Е. А.* Власть Сталина // *Воля России.* 1929. № 10–11.

12. *Сталинский Е. А.* Куда идет большевизм? // Воля России. 1927. № 10.
13. *Сталинский Е. А.* Советская демократия (на внутреннем фронте большевизма) // Воля России. 1925. № 12.
14. *Суровцев В.* Эволюционируют ли большевики? // Воля России. 1922. № 7.
15. Че-ка: Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. Берлин, 1922.
16. *Чернов В. М.* В царстве мертвых душ // Революционная Россия. 1927. № 57-58.
17. *Чернов В. М.* Вокруг советского «Центра Центров» (Второе письмо из Москвы) // Революционная Россия. 1924. № 33–34.
18. *Чернов В. М.* Гипноз успеха // Народное дело. 1920. 5 дек.
19. *Чернов В. М.* Их тактика // Революционная Россия. 1921. № 3.
20. *Чернов В. М.* Ленин // Воля России. 1924. № 3.
21. *Чернов В. М.* Лицом к лицу // Революционная Россия. 1922. № 20.
22. *Чернов В. М.* Параллели и контрасты (мысли о русском термидоре) // Воля России. 1922. № 1.
23. *Чернов В. М.* Подражатели Судейкина // Революционная Россия. 1924. № 35-36.
24. *Чернов В. М.* Разложение диктатуры // Революционная Россия. 1927. № 62.
25. *Чернов В. М.* Расслоение большевизма // Голос России. 1922. 25 авг.
26. *Шрейдер Г. И.* Диктатура, рабочие и крестьяне в советской системе // Революционная Россия. 1929. № 75–76.
27. *Шрейдер Г. И.* Перспективы коммунистической диктатуры. Революционная Россия. 1927. № 59–60.

Е. А. Igisheva

Doctor of Historical Sciences, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia)

Emigrants-Socialists of the “First Wave” about the Questions of Russian Political Development in the 1920s

The article is devoted to emigrant paradigm of Russian political development in the 1920s. The author studies views of writers on possible evolution of soviet political system under the influence of NEP (New Economic Policy), prospects of the “Soviet Thermidor”, correlation of dictatorship and democracy, place and role of Soviets, inner-party struggle, forming of the one-party system, etc.

Key words: Russian history, the 1920s, political development, emigration

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В
ОРЕНБУРГЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.¹**

На примере обществ взаимопомощи анализируется процесс профессионализации в губернском городе Оренбурге в конце XIX — начале XX в. Показано, что представителей многих профессиональных групп городского населения Оренбурга в значительной степени объединяли профессиональные и нравственные интересы, общества взаимопомощи были близки к благотворительным ассоциациям.

Ключевые слова: профессионализация, общества взаимопомощи, Оренбург, профессия, рабочие, приказчики, инженеры, техники, книгопечатники, медики

Степень исследованности профессиональных обществ, существовавших на Урале в конце XIX — начале XX в., в исторической науке неодинакова. Комплексно изучены сформированные по профессиональному признаку общественные организации, действовавшие в этот период в городах Пермской губернии [1, с. 122–144]. Менее исследованы процессы профессионализации и функционирование соответствующих организаций на Южном Урале в конце XIX — начале XX в., за исключением обществ взаимопомощи учителей [2, с. 394–401]. Цель доклада — на материалах губернского города Оренбурга конца XIX — начала XX в. проанализировать процесс профессионализации на примере эволюции общественной жизни горожан, что особенно рельефно проявилось благодаря функционированию обществ взаимопомощи, созданных представителями отдельных профессиональных групп (торговых служащих, учителей, медицинских работников, технической интеллигенции).

Представителей средних слоев городского населения Оренбурга заметно сплачивали профессиональные интересы. К причинам создания обществ взаимопомощи относились причины материального порядка (материальные трудности, отсутствие гарантий социальной защиты), нравственные установки (желание помочь своим братьям по цеху) и социокультурные мотивы (повышение требований к образовательному и профессиональному уровню своих членов). Сказывался рост профессиональной идентичности горожан в ходе социальной дифференциации и рационализации, обусловленных эволюцией капиталистического общества.

*Елена Юрьевна Казакова-Апкаримова

Д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; istor@uran.ru

¹Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 33, проект № 12-П-6-1012 «Урал в контексте российской цивилизации: геоэкономические, институционально-политические, социокультурные традиции и трансформации (теоретико-методологические подходы к изучению)»

Показательно соответствующее отражение процесса профессионализации в законодательстве начала XX в. В именном высочайшем указе правительствующему сенату от 4 марта 1906 г. «О временных правилах об обществах и союзах» регламентировались открытие и деятельность профессиональных обществ, которые «имели целью выяснение и согласование экономических интересов, улучшение условий труда своих членов или поднятие производительности принадлежащих им предприятий»².

Спектр обществ взаимопомощи в Оренбурге в конце XIX — начале XX в. был достаточно широким. В Оренбурге находилось правление Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных школах Оренбургской губернии, которое занималось выдачей ссуд и пособий, поиском занятий для своих членов, издавало ежемесячный «Учительский вестник» [3, с. 150]. Общество вспоможения книгопечатников являлось объединением рабочих печатного и переплетного дела, общество ставило перед собой цель — содействие улучшению материальных и нравственных условий членов общества. Общество владельцев и арендаторов мукомольных и проsoобдирных мельниц функционировало с целью создания нормального развития мельничного дела и достижения солидарности в отношениях найма рабочих и установления нормальных отношений между хозяевами и рабочими [3, с. 152]. Союз мельничных рабочих ставил задачи: улучшение материального и правового положения, содействие духовному развитию, защита интересов и материальная поддержка рабочих [3, с. 153]. Общество взаимного вспоможения приказчиков города Оренбурга направляло свои усилия на улучшение материального положения своих членов, обучение их детей, занималось выдачей ссуд и пособий, устройством образовательных курсов.

Сходные задачи ставил перед собой Союз приказчиков и конторщиков: улучшение материального и правового положения своих членов, содействие их умственному и профессиональному развитию, защита их интересов и оказание материальной поддержки [3, с. 151–152]. В архивном деле об утверждении устава профессионального общества приказчиков и конторщиков г. Оренбурга содержатся документы, свидетельствующие о том, что это общество открылось не с первой попытки его учредителей. В журнале Оренбургского губернского по делам об обществах присутствия от 9 декабря 1906 г. фиксировалось решение — в регистрации «Профессионального Общества приказчиков и конторщиков г. Оренбурга» отказать «вследствие допущенных Уставом этого Общества существенных нарушений п. 5 и 7 разд. 2 Высочайше утвержденных Правил 4 марта 1906 года»³. После устранения замечаний учредители смогли добиться разрешения на его создание. В 1911 г. было зарегистрировано Общество взаимопомощи помощников врачей в г. Оренбурге⁴.

Общество взаимного вспоможения приказчиков г. Оренбург стало одним из первых обществ профессионального типа в Оренбургском крае. Его

² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. III. Т. 26. № 27479.

³ ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 169. Л. 5.

⁴ Там же. Оп. 4. Д. 10/8. Л. 4.

устав был утвержден Министром Внутренних Дел 17 декабря 1887 г. Фактически открытие общества состоялось 6 февраля 1888 г.⁵ Со временем общество превратилось в достаточно многочисленную для того времени общественную организацию. К 1 января 1901 г. в обществе состояло: членов почетных — 11, членов-соревнователей — 9, действительных членов — 209⁶. Численный состав общества взаимного вспоможения приказчиков г. Оренбурга оставался достаточно стабильным. Например, к 1 января 1913 г. в обществе насчитывалось: почетных членов — 10, членов соревнователей — 7, действительных членов — 209. На общем собрании общественников 19 февраля 1913 г. почетным членом общества был избран епископ Оренбургский и Тургайский⁷.

Общество выдавало пособия нуждающимся в материальной поддержке членам. Так, в 1900 г. единовременные пособия были выданы действительным членам А. В. Ильину в размере 50 руб., А. И. Шишкину — в том же размере. В том же году временное периодическое пособие было назначено вдове умершего действительного члена А. И. Баныкина А. В. Баныкиной, составившее 110 руб.⁸ В 1898 г. общество взаимного вспоможения приказчиков открыло торговую школу в Оренбурге. В 1900 г. школа состояла из четырех отделений, в которых обучались дети из семейств действительных членов общества (40 мальчиков и девочек) и «посторонние мальчики и девочки (53 учащихся). Дети членов общества обучались в школе бесплатно, другие же ученики платили по 2 руб. в год⁹.

Общество взаимного вспоможения приказчиков г. Оренбурга с готовностью откликалось на значимые события в жизни страны и города. В 1913 г. оренбуржцы отмечали юбилейные даты: столетие Отечественной войны и трехсотлетие Дома Романовых. 21 февраля 1913 г. по случаю исполнившегося 300-летия Дома Романовых общество постановило «отслужить в доме общества благодарственный молебен, устроить днем увеселение для учеников начальной школы с раздачей подарков и вечером иллюминировать дом общества.

Общественники часто назначали благотворительные стипендии по случаю юбилейных событий. 19 февраля 1913 г. в реальном училище для учащегося (ребенка одного из «беднейших» членов общества) была учреждена «Романовская» стипендия. 2 сентября 1912 г. Общество взаимного вспоможения приказчиков г. Оренбурга решило установить 4 «Бородинские» стипендии для беднейших учеников (детей членов общества) при торговой школе. Кроме того, еще 14 апреля 1896 г. «в ознаменование для Священного Коронования Их императорских Величеств государя Императора и Государыни

⁵26-ой отчет общества взаимного вспоможения приказчиков г. Оренбурга за 1913 г. Оренбург. 1914. С. 22.

⁶13-ый годичный отчет общества взаимного вспоможения приказчиков г. Оренбурга за 1900 г. Оренбург, 1901. С. 11.

⁷26-ой отчет общества взаимного вспоможения... С. 22, 43.

⁸13-ый годичный отчет общества взаимного вспоможения... С. 11.

⁹Там же. С. 8.

императрицы» было принято решение о назначении стипендии во 2-ом городском училище. 6 февраля 1911 г. общество постановило учредить стипендию во 2-ой женской гимназии в память 50-летия «Освобождения крестьян от крепостной зависимости» 19 февраля 1861 г.¹⁰

Общества взаимопомощи наряду с социально-экономическими задачами осуществляли функции организации досуга и повышения культуры своих членов. 5 июля 1911 г. открылся Клуб общества взаимного вспомоществования приказчиков в г. Оренбурге¹¹. Для повышения квалификации своих членов общество взаимного вспоможения приказчиков г. Оренбурга устраивало бухгалтерские курсы. В 1900 г. полный шестимесячный курс бухгалтерии из записавшихся 19 прошли 8 чел. Кроме того, при обществе существовала библиотека, в которой на 1 января 1900 г. имелось книг и журналов в количестве 1 424 тома¹². К 1 января 1913 г. количество томов в библиотеке общества увеличилось до 2 205¹³.

О сближающих горожан нравственных интересах, основанных на ценностях православия, свидетельствует следующий исторический факт, освещавшийся в периодике: 9 декабря 1907 г. в 11 часов дня в квартире общества взаимного вспоможения книгопечатников состоялось освящение иконы во имя Св. Троицы, купленной на добровольные пожертвования членов общества. После освящения иконы предполагалось устроить чрезвычайное общее собрание членов общества для решения двух вопросов. Общественники хотели обсудить возможность «ассигнования вспомогательных средств, испрашиваемых группой типографических рабочих, на устройство елки для детей типографских рабочих и типографских учеников» и решить вопрос о выдаче ссуды члену общества Маркелову¹⁴.

По инициативе фельдшеров Горского, Агламазова и Колокольцева в городе появилось новое общество — Оренбургское общество взаимопомощи помощников врачей. Устав Оренбургского общества взаимопомощи помощников врачей был рассмотрен Оренбургским губернским по делам обществ присутствием, положительное решение о разрешении открытия общества было принято 12 февраля 1911 г., общество было внесено в реестр обществ и союзов по Оренбургской губернии¹⁵. О численном составе его членов свидетельствуют данные на начало 1914 г.: почетных членов состояло к 1 января 1914 г. — 2, действительных членов — 120, членов-соревнователей — 16¹⁶.

В отчете о деятельности Оренбургского общества взаимопомощи помощников врачей за 1914 г. отмечалось: «Организованность среднего меди-

¹⁰26-ой отчет общества взаимного вспоможения... С. 135.

¹¹ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 10/8. Л. 4 об.

¹²13-ый годичный отчет общества взаимного вспоможения... С. 9–10.

¹³26-ой отчет общества взаимного вспоможения... С. 24.

¹⁴Оренбургская газета. 1907. 9 дек. № 3021. С. 3.

¹⁵ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 204. Л. 20.

¹⁶Там же. Л. 3 об–4.

цинского персонала нашего степного края в Общество слишком мала, большею частью вследствие неудовлетворительной поставки медико-санитарного дела, также общей захолустности края. Введение земства в Оренбургской губернии, улучшение медицинской части в Оренбургском казачьем войске и Тургайской области, а также приведение намеченных уже железных дорог увеличит фельдшерско-акушерский персонал в нашем крае и привлечет в нашу среду лучшие силы».

В отчете о деятельности Оренбургского общества взаимопомощи помощников врачей за 1914 г. сообщалось, что деятельность общества в отчетном году «была направлена по пути к намеченным целям предшествующих лет»: открыть лечебницу, учредить ночные дежурства фельдшерско-акушерского персонала, открыть аптекарский магазин. Однако попытки общества осуществить намеченные планы в первые 3 года существования общества были неудачными. В 1914 г. ситуация изменилась в лучшую сторону. Обществу «после больших усилий» удалось построить свою кумысолечебницу при станции Бер-Чогур (Ташкентской железной дороги). В отчете говорилось: «Для начинающего жить общества это очень и очень отрадное явление. Этот шаг закрепить существование общества, даст ему облик жизнедеятельного и послужит дальнейшему процветанию его».

Вспыхнувшая во второй половине 1914 г. I Мировая война отодвинула все остальное на второй план и поставила для фельдшерско-акушерского персонала, как и для всех граждан Империи, одну задачу: «защиту неприкосновенности и чести России». Далее следовали слова: «Мы по характеру специальности должны все силы положить на помощь страждущим на поле брани и в организациях по всей России, а также позаботиться о пострадавших от войны и их семьях». На общем собрании членов общества 26 октября 1914 г. было принято постановление учредить при правлении общества фонд помощи семьям пострадавших от войны фельдшеров, ассигновать на первое время в означенный фонд 50 руб. и открыть прием добровольных пожертвований¹⁷. Принципиально важные решения принимались обычно на общем собрании членов общества, в 1914 г., например, созывались 5 общих собраний: 23 февраля, 9 марта, 15 июня, 22 июня и 26 октября, только 15 июня общее собрание не состоялось «за неприбытием требуемого уставом числа членов». Текущие дела решало правление общества.

В общественной жизни не обходилось и без трудностей: «Темным пятном в жизни общества являлось сложение с себя полномочий председателя общества А. К. Горским», вызванное конфликтом с бывшим секретарем П. И. Третьяковым и другим членом К. М. Кучерявым. В отчете Оренбургского общества взаимопомощи помощников врачей за 1914 г. говорилось: «Но надеемся, что суд чести и годичное общее собрание уладят эти недоразумения и во всяком случае общество не пострадает от личных счетов от-

¹⁷Там же. Л. 3 об–4 об.

дельных членов. Обязанности председателя в течение 1914 года нес товарищ председателя Михаил Васильевич Агламазов, фельдшер Ташкентской железной дороги»¹⁸. В данной связи примечательно наличие такого института в фельдшерской среде, как суд чести. К слову сказать, подобные общественные институты создавались и среди учителей.

В 1915 г. вопрос о легализации общества инженеров и техников на Южном Урале перед губернской администрацией поставили учредители общества: инженер А. К. Залесский — начальник службы тяги Ташкентской дороги, инженер А. Б. Каменский — начальник главных мастерских Ташкентской дороги, инженер Н. Е. Евдюков — заведующий городской электрической станцией, инженер Семенов — владелец технической конторы. Целью общества провозглашалась «в настоящее время исключительно техническая помощь всем организациям, работающим на нужды войны»¹⁹. Район действия общества предполагалось ограничить Оренбургской губернией и Тургайской областью. В дальнейшем предусматривалась организация Технического общества по уставу, уже утвержденному для других обществ.

Патриотический подъем был заметен во всех сферах общественной жизни, о чем 7 августа 1915 г. на общем собрании инженеров и техников, проживающих в Оренбурге, докладывал инженер А. Б. Каменский, подчеркивая факт увеличения производительности главных мастерских за первый год войны. Если до войны паровоз находился в капитальном ремонте 3 месяца, то в условиях чрезвычайного военного времени — до 60 дней, пассажирский вагон ремонтировался раньше до 4-х месяцев, во время войны — до 50–60 дней.

На этом же собрании было принято положение о Бюро инженеров «для выработки вопросов технического характера на помощь местным комитетам Военно-Промышленных организаций по снабжению армии средствами обороны и для предоставления знаний технических сил другим этим организациям, которые будут утверждены», предполагалось просить его утверждения, подчеркивалось, что «Бюро инженеров есть чисто профессиональная организация, не входящая ни в одну из организаций, но обслуживающая всех, если они будут легализованы». Формулировалась следующая цель создания Бюро инженеров — «помощь техническими знаниями всем легализованным организациям для выработки и исполнения средств обороны страны». В состав Бюро инженеров могли входить все инженеры г. Оренбурга, изъявившие письменное согласие с этой целью. Для организации Бюро были выбраны инженеры: Н. Е. Евдюков, А. К. Залесский, Н. Н. Семенов и Н. В. Щепнин²⁰.

Идея создания Оренбургского общества инженеров и техников оправдала себя. Военно-промышленный комитет обращался за услугами к членам этого общества. Например, в январе 1917 г. Оренбургскому губернатору сообщалось, что на общем собрании Оренбургского Общества инженеров и техников, состоявшемся 11 декабря 1916 г., были «переизбраны представите-

¹⁸Там же.

¹⁹Там же. Оп. 1. Д. 208. Л. 1–1 об.

²⁰Там же. Л. 3–4 об.

лями от Общества в Военно-Промышленный Комитет инженер А. Н. Бобовский и техник А. К. Бесядовский, бывшие представителями в ВПК от Бюро инженеров и техников в виду желания ВПК иметь в среде своей представителей от Бюро инженеров и техников»²¹.

Рассмотренный материал позволяет заключить, что в конце XIX — начале XX в. в Оренбурге общества взаимопомощи занимали особую нишу в социальном пространстве уральского города. Спектр обществ взаимопомощи в Оренбурге отличался широтой. Они отстаивали интересы различных профессиональных групп (приказчиков, торговых служащих, учителей, инженеров и техников, рабочих, медиков), содействовали повышению профессиональной культуры горожан. Показательно, что не только общества взаимопомощи, созданные интеллигенцией, но и большинство обществ, сформированных представителями других городских слоев, ставили перед собой задачи повышения уровня культуры своих членов. Наряду с оказанием материальной помощи они активно содействовали развитию новых форм общественного досуга, повышению грамотности и образования. Можно видеть, что принадлежность к профессиональной общественной организации становилась мощным средством социальной идентификации отдельных профессиональных групп. Общества взаимопомощи представляли собой инструментальную модель общественной организации с некоторыми экспрессивными функциями, способствуя удовлетворению социальных потребностей своих членов, укреплению чувства взаимной поддержки и взаимопомощи, удовлетворению стремления к профессиональному и шире социальному одобрению, росту уважения и доверия по отношению друг к другу, расширению профессионального кругозора. Анализ направлений деятельности обществ взаимопомощи, функционировавших в Оренбурге в конце XIX — начале XX в., позволяет сделать вывод о близости этих общественных организаций к благотворительным ассоциациям.

Библиографический список

1. Казакова-Анкаримова Е. Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале во второй половине XIX — начале XX в. Екатеринбург, 2008.
2. Казакова-Анкаримова Е. Ю. Формирование профессионально-педагогической культуры и общественные организации учителей Урала в конце XIX — начале XX в. // Шестые Большаковские Чтения. Культура Оренбургского края: история и современность: научно-образовательный и культурно-просветительный альманах / науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург, 2013. С. 394-401.
3. Райский П. Д. Путеводитель по городу Оренбургу. Оренбург, 2000.

²¹Там же. Л. 5.

E. Yu. Kazakova-Apkarimova

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)

**Professional Public Organizations in Orenburg
in the late 19th — early 20th century**

The paper analyzes the process of professionalization in the provincial city of Orenburg in the late 19th — early 20th century on the example of mutual assistance societies. It is shown that members of many professional groups of urban population were largely united by professional and moral interests. The author made a conclusion about the proximity of mutual assistance societies to charitable associations.

Key words: professionalization, mutual assistance societies, Orenburg, profession, workers, clerks, engineers, technicians, book printers, the medical profession

ДИСКУРС О ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ УРАЛЬСКИХ РАБОЧИХ В 1920–1930-х гг.

В статье анализируются дискуссии, которые происходят в исторической науке России на рубеже XX–XXI вв. по вопросу о социокультурных последствиях индустриализации Урала. Рассматриваются точки зрения ученых на изменения в социальном облике уральских рабочих, прежде всего на тенденции в развитии землепользования.

Ключевые слова: историография, индустриализация, облик рабочих Урала, проблема землепользования рабочих

При анализе современной литературы, в которой рассматривается проблема социальных последствий индустриальной модернизации Уральского региона в 1920–1930-е гг., обращает на себя внимание имеющиеся серьезные различия в подходах к этой многослойной проблеме. Интенсивное индустриальное развитие прежде всего сказалось на облике и положении того социального слоя советского общества, который, с одной стороны, являлся создателем материальных ценностей в период строительства основ социалистического общества, а с другой — сильнее всего испытал на себе последствия данного процесса. Речь идет о рабочих Урала, которые своим героическим трудом на стройках социализма, заслужили честь стать объектом пристального внимания исследователей. Часть авторов предпочитает писать об изменениях социального облика уральских рабочих в процессе социалистической индустриализации [5; 8], другие пишут о социокультурных изменениях облика рабочих Урала [10]. При этом все авторы апеллируют к практически одним и тем же характеристикам.

С. П. Постников и М. А. Фельдман считают, что «в 90-е гг. XX в. темы истории рабочего класса в целом, в том числе и социокультурного облика трудящихся, оказались на главном направлении научных исследований не только историков, но и философов, политологов, культурологов» [10, с. 3]. Эта тенденция междисциплинарного подхода к данной проблеме сохраняется и в настоящее время. В основе дискуссии ученых лежит проблема того, насколько «сталинская модернизация» привела к изменению традиционного уклада уральских рабочих. Исследователи судят об этом, в частности, по изменениям в развитии землепользования уральского рабочего. В контексте изучаемой проблемы автора данной статьи интересуют, во-первых, новые теоретические подходы при ее рассмотрении, во-вторых, поиски историками ответов на вопрос о влиянии связи рабочего с землей на его облик и тенденции в развитии землепользования уральских рабочих в 1920–1930-е гг.

*Владимир Дмитриевич Камынин

Д.и.н., Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; kamynin@yandex.ru

Для современной историографии характерны новые теоретические подходы к решению проблемы землепользования рабочих. Важное замечание сделал голландский историк М. Ван дер Линден, призвав соединить рабочую историю с историей домашнего хозяйства, поскольку российские ученые не предпринимали серьезных попыток установить связь между семейным положением, домашним хозяйством и поведением рабочих в различных ситуациях. Автор пишет: «Результаты исторических исследований свидетельствуют, что лишь некоторая часть рабочего населения склонна организовываться в качестве рабочих и оказывать сопротивление по мере того, как в бюджете домашних хозяйств возрастает доля оплаты за наемный труд. Несмотря на усиливавшуюся зависимость от заработной платы, вовлечение домашних хозяйств рабочего класса в рабочее движение всегда отчасти определяется другими факторами, такими, например, как рынок труда, трудовые отношения, государственная политика, этнические и религиозные расхождения» [3, с. 259–260].

Комментируя это замечание, А. К. Соколов пишет: «Для российской истории понятие домашнего хозяйства должно быть значительно расширено вследствие сохранения более сложных семейно-родственных, общинных и прочих архаичных форм бытия. Домашнее хозяйство — это исторически изменяющаяся форма родственных отношений, включающих совместное использование средств существования, полученных из разных источников, за счет чего может достигаться значительная экономия средств». По словам автора, «часто ведение домашнего хозяйства диктуется лишь необходимостью совместного выживания перед лицом многочисленных трудностей. Доходы от домашнего хозяйства складываются из оплаты труда его членов (в денежной и натуральной формах), пенсий, средств от реализации продуктов с огородов, садовых участков, от сбора грибов и ягод, сдачи в наем помещений, различных пособий, выплат и т. д. Сюда же следует отнести нелегальные заработки (спекуляция, воровство и т. п.)» [11, с. 135].

Уральские ученые обратились к исследованию домашних хозяйств уральских рабочих с начала 1990-х гг. М. Н. Денисевич полагает, что в 1920-е гг. они «носили ярко выраженный потребительский характер». По его наблюдениям, каждая рабочая семья в годы нэпа продавала лишь 5 % валовой продукции, в т. ч. 1,9 % зерна, 3,8 % овощей, 5,2 % дров, 7,3 % продукции животноводства, 4,6 % яиц. Автор считает, что в соответствии с потребительским уклоном хозяйств формировалось и потребление. Он подсчитал, что собственное производство зерновых обеспечивало потребности семьи уральского рабочего на 4–5 %, овощей на 66 %, молочных продуктов и продуктов животноводства на 80–90 %, мяса на 11,5 %. Чистый доход от индивидуального хозяйства составлял 12,9 %. Историк пришел к выводу, что лишь $\frac{1}{8}$ потребительского бюджета удовлетворялась поступлениями от своего хозяйства, $\frac{3}{4}$ дохода приходилось на заработную плату [4, с. 38].

По мнению Е. Б. Заболотного и А. С. Кармазина, еще одно достижение современной науки заключается в том, что многие авторы связь рабочих с землей «не рассматривают в качестве исключительной особенности именно

Урала» [5, с. 86]. Можно сослаться на работу А. И. Черных, который пишет, что аграризация была одной из составляющих процесса деклассирования рабочего класса после окончания Гражданской войны и была характерна не только для Урала [16, с. 108]. С. П. Постников и М. А. Фельдман подсчитали, что к 1926 г. в РСФСР насчитывалось 18,9 % семей промышленных рабочих, имевших землю сельскохозяйственного пользования [10, с. 201].

По нашему мнению, еще одним теоретическим достижением современной науки следует признать то, что ученые указывают на длительное сохранение связи рабочих различных регионов России с землей в советское время. При характеристике факторов, оказывавших влияние на сохранение этой тенденции, некоторые авторы опираются на достижения дореволюционной историографии. С. П. Постников и М. А. Фельдман пишут, что «тот природно-климатический фактор в истории России, о котором столь много писали С. М. Соловьев и В. О. Ключевский, наглядно проявился в роли земельных участков, личного хозяйства рабочих России в целом» [10, с. 398]. М. Н. Денисевич подчеркивает, что «связь рабочих с землей зависела от различных факторов: исторических традиций, природно-климатических, экономико-географических условий» [4, с. 37].

Исследователи едины в том, что связь с землей оказывала влияние на социальный облик уральских рабочих. Однако степень этого влияния, а главное — его последствия для облика рабочего, историки оценивают по-разному. Ответ на этот вопрос в годы «перестройки» и в настоящее время является различным. В период «перестройки» А. В. Бакунин отрицательно оценивал сохранение связи с землей у уральских рабочих в годы первой пятилетки, писал о распространении «мелкобуржуазной психологии среди части рабочих». По его словам, «сравнительно невысокий уровень материального благосостояния, безусловно, отражался на формировании уральского рабочего класса, его численности, структуре и квалификации. Исходные характеристики рабочей силы, с которыми Урал вступил в полосу реконструкции, мало способствовали решению грандиозных задач индустриализации края в сжатые сроки. Распространение мелкобуржуазной психологии среди части рабочих, их подвижность, безработица и связанные с нею льготы и пособия, низкий общеобразовательный и квалификационный уровни нередко тормозили формирование рабочих коллективов» [6, с. 109].

Часть исследователей предложила более дифференцированно подходить к оценке этой особенности уральского пролетариата. В. В. Фельдман, с одной стороны, положительно оценивал наличие земли у рабочих Урала для сохранения рабочих кадров в условиях хозяйственной разрухи. Он писал: «В отличие от Москвы, Петрограда, Донбасса, на Урале рабочие занимались своим хозяйством, оставаясь в горнозаводских поселках. В таких небольших хозяйствах, как правило, отсутствовал необходимый инвентарь, мало было рабочего скота. Но все же они давали возможность пережить тяжелое время» [12, с. 110]. Историк указывал, что землепользование «продолжало существовать ценой огромных усилий тружеников Урала, несмотря на то, что мешало росту квалификации рабочих, повышению их политической сознатель-

ности, способствовало сохранению в рабочей среде мелкобуржуазных настроений» [12, с. 112]. М. Н. Денисевич считал, что для периода нэпа связь рабочих с землей была несомненно положительным явлением для Урала. По его словам, «традиционные связи коренных уральских рабочих с землей сохранили кадровый потенциал от деклассирования в трудный восстановительный период, облегчили проблему продовольственного снабжения быстро растущих промышленных центров» [4, с. 38].

Для современных историков, стоящих на либеральных позициях, характерна однозначно положительная оценка связи рабочих с землей на протяжении всего периода 1920–1930-х гг. М. А. Фельдман пишет: «Свой дом с подворьем, напоминающим малую крепость; своя продовольственная база на огороде у дома и в поле; знание, что и где укрывает лес-кормилец, — все это порождало твердость, основательность, неуступчивость рабочего уральского характера» [14, с. 194]. Удмуртские исследователи указывают на то, что «наличие собственности, домов и участков земли под пасеки, пашню, покосы, выгоны и огороды, мелкого и крупного рогатого скота и производственного инвентаря» дают основание отнести ижевских рабочих «к особому типу пролетариата» [7, с. 119]. Л. Н. Бехтерева отмечает, что «важной особенностью и отличительной чертой большей части ижевцев-рабочих, как впрочем и уральских в целом, являлась их связь с сельским хозяйством. Они имели свои дома и кустарные мастерские, землю, занимались ее обработкой, содержали мелкий и крупный рогатый скот, часть земли сдавали в аренду». По мнению автора, «интересы и потребности таких рабочих не выходили за рамки традиционных: значительную часть свободного времени они уделяли личному хозяйству, используя также труд домочадцев» [1, с. 172].

Острая дискуссия в уральской историографии проходит по вопросу о тенденциях развития землепользования уральских рабочих в 1920–1930-е гг. Большинство современных исследователей пишет о гораздо более длительном периоде сохранения землепользования уральских рабочих, чем это считалось ранее. Изучая социальные характеристики уральских рабочих в годы нэпа, исследователи признают, что в этот период землепользование уральских рабочих имело тенденцию к увеличению. По словам В. В. Фельдмана, хозяйство рабочего «в течение 1922–1926 гг. все время увеличивалось. Отсутствие каких-либо ограничений в пользовании землей нередко приводило к расширению хозяйства за счет лесов, закрепленных за заводами (главным образом, металлургическими), использовавших лес как строительный материал и топливо» [12, с. 111]. М. А. Фельдман отмечает: «Начало 20-х гг. усилило степень аграризации рабочего класса на Урале. Число рабочих, имевших посевы, увеличилось с 45 % в 1916 г. до 73 % в 1920 г. и продолжало расти в 1921–1923 гг.» [13, с. 158].

Авторы считают, что этот процесс в период нэпа проходил и в дальнейшем. При этом они ссылаются на проведенное в 1926/27 г. обследование рабочих бюджетов. В нем содержались данные о том, что 74,2 % семей горнозаводских мастеровых владели земельными наделами, 83,2 % держали корову, у 55,4 % имелась в распоряжении лошадь [2, с. 23–24]. Однако, если

для М. А. Фельдмана эти результаты стали подтверждением того факта, что землепользование у рабочих Урала было значительно выше, чем у рабочих других районов страны [13, с. 274], то М. Н. Денисевич считает, что их «нельзя экстраполировать на весь Урал, так как бюджетные обследования охватывали в основном сельскохозяйственные районы. В стороне остались крупные промышленные центры: Свердловск, Нижний Тагил, Лысьва, Надеждинск, Златоуст и др.» [4, с. 37]. Исследователи проведенного бюджетного обследования попытались определить, какие именно слои уральских рабочих были сильнее связаны с землей. М. А. Фельдман считает, что авторы обследования «не только отметили важность личного хозяйства уральских рабочих, но и обратили внимание на то обстоятельство, что повышение размеров заработка не ведет к отрыву от сельскохозяйственных занятий». По его словам, это означало, что «в большей степени с личными хозяйствами были связаны именно кадровые рабочие региона» [13, с. 274]. Это признает и М. Н. Денисевич, который отмечает, что «по мере восстановления промышленности и пополнения рабочего класса выходцами из деревни росло число беспосевных хозяйств. По горнозаводскому Уралу удельный вес беспосевных хозяйств составлял в 1925 г. 29,8 %, в 1926 г. 34,8 %, в 1927 г. 36,3 %» [4, с. 38].

М. А. Фельдман предлагает пересмотреть мнение некоторых исследователей, которые пришли к выводу о том, что землепользование уральских рабочих начало сокращаться уже в годы первой пятилетки. Он критикует методику анализа, которую предложил в свое время пермский исследователь В. Г. Черемных [15, с. 324], и обращает внимание на то, что «в 1929–1932 гг. произошло удвоение рабочего класса региона. При отсутствии роста числа земельных участков, слой владельцев посевов, покосов и огородов в определенной степени растворился в массе новых рабочих. За вычетом последних, нетрудно заметить, что около половины “старых” рабочих, несмотря на все формы давления властей, продолжали оставаться держателями земли» [13, с. 276]. С нашей точки зрения, М. А. Фельдман упускает из виду один очень важный момент о том, что в связи с проводимой политикой коллективизации в 1930 г. было принято решение провести коллективизацию 80 % индивидуальных хозяйств рабочих [9, с. 61]. М. Н. Денисевич по этому поводу пишет: «Периодическая печать, архивные материалы свидетельствуют о насильственном и преждевременном отрыве коренных рабочих Урала от традиционных форм землепользования» [4, с. 42].

Е. Б. Заболотный и А. С. Кармазин считают, что «в работах современных исследователей впервые была подвергнута научному анализу динамика землепользования уральских рабочих в годы второй и третьей пятилеток» [5, с. 88]. Некоторые авторы не соглашаются с мнением советских историков о том, что в годы второй пятилетки землепользование уральских рабочих практически исчезло. М. А. Фельдман пишет о том, что последствия голода 1932–1933 гг. для рабочего класса заставили власти «пойти на уступки и постановление правительства в январе 1934 г. о развертывании индивидуального рабочего огородничества следует рассматривать не как вынужденную реакцию

на опасность голодных бунтов, но и как осознание неуступчивости позиции рабочего» [13, с. 276].

М. Н. Денисевич указывает, что в годы второй пятилетки произошло изменение формы рабочего землепользования. Вместо индивидуальных хозяйств, обобществленных в ходе коллективизации, стало развиваться индивидуальное рабочее огородничество. Он пишет: «С середины 30-х гг. индивидуальное огородничество превратилось в основной вид землепользования рабочих и служащих». По его подсчетам, в 1940 г. 37,4 % рабочих Урала владели огородами [4, с. 71, 87]. Исследователи обращают внимание на высокую эффективность домашнего хозяйства уральского рабочего к концу 1930-х гг. По данным М. А. Фельдмана, в домашнем хозяйстве уральских рабочих в годы третьей пятилетки производилось 56,6 % потребляемого картофеля, 25 % овощей, 67,7 % молока, 14,5 % мяса [13, с. 277]. М. Н. Денисевич пишет: что «в 1940 г. на долю личных хозяйств населения Урала приходилась большая часть производства мяса, молока, картофеля, яиц, шерсти» [4, с. 77].

Оценивая тенденции землепользования уральских рабочих на протяжении всех 1920–1930-х гг. и степень влияния этой черты на их социальный облик, можно согласиться с мнением современных авторов о том, что к концу 1930-х гг. «процесс “вымывания” черт хозяина, продолжателя крестьянских традиций сохранения знаний о труде, природе, отношений в быту, вопреки идеологическому давлению сверху не был завершен» [10, с. 209].

Библиографический список

1. Бехтерева Л. Н. Опыт реконструкции психологии рабочих ижевских заводов Удмуртии 1920-х гг. // Отечественная история. 2000. № 2. С. 170–177.
2. Бюджеты рабочих и служащих. М., 1929. Вып. 1. Бюджет рабочей семьи в 1922–1927 гг.
3. Ван дер Линден М. Соединяя историю домашнего хозяйства с рабочей историей // Конец рабочей истории? М., 1996. С. 243–261.
4. Денисевич М. Н. Индивидуальные хозяйства Урала (1930–1985 гг.). Екатеринбург, 1991.
5. Заболотный Е. Б., Кармазин А. С. Современные исследователи об особенностях социального облика рабочих Урала в 20–30-е гг. XX в. // Россия в XX в.: история и историография. Екатеринбург, 2004. Вып. II. С. 68–89.
6. История народного хозяйства Урала. Свердловск, 1989. Ч. 1 (1917–1945).
7. История Удмуртии: XX в. Ижевск, 2005.
8. Камынин В. Д., Грунь В. Д., Берсенева В. Л. История рабочих Урала в 20-30-е гг. XX в. в отечественной историографии. М.; Екатеринбург, 2008.
9. Масленников. Коллективизация хозяйств рабочих // Уральский коммунист. 1939. № 3–4. С. 60–64.
10. Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.). Екатеринбург, 2006.
11. Соколов А. К. Перспективы изучения рабочей истории в современной России // Отечественная история. 2003. № 5. С. 130–139.

12. *Фельдман В. В.* Восстановление промышленности на Урале (1921–1926 гг.). Свердловск, 1989.
13. *Фельдман М. А.* Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. (численность, состав, социальный облик). Екатеринбург, 2001.
14. *Фельдман М. А.* К вопросу о землепользовании рабочих Урала в первые десятилетия XX в. // Вопросы истории Урала. № 19. Екатеринбург, 2006. С. 174–198.
15. *Черемных В. Г.* Рабочий класса Урала в годы первой пятилетки // Из истории рабочего класса Урала. Пермь, 1961. С. 324–348.
16. *Черных А. И.* Становление России Советской. 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998.

V. D. Kamynin

Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia)

The Discourse about the Land Use of Ural Workers in 1920–1930s

The paper analyzes the discussions taking place in the Russian historical science at the turn of the XX–XXI centuries concerning the socio-cultural consequences of the industrialization of the Urals. The author considers the scientists' points of view about changes in the social image of Ural workers, primarily, the trends in land use.

Key words: historiography, industrialization, the image of Ural workers, the problem of land use by workers

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА МЕДИ НА УРАЛЕ В 1970–1980-х гг.

В статье дается характеристика технико-технологических процессов на крупнейших предприятиях Урала в 70–80-х гг. XX в. Указаны прогрессивные изменения и ошибки, приведшие к отставанию медной отрасли Урала от производства в передовых странах мира.

Ключевые слова: цветная металлургия, медная промышленность, реконструкция, модернизационные процессы, руды, экология, шихта, автоматизация технологических процессов

В 1970–1980-х гг. Урал продолжал оставаться одним из основных районов цветной металлургии страны. Медная промышленность, самая старая, самая сложившаяся подотрасль цветной металлургии среди других производств цветных металлов, отличалась огромным опытом и большим потенциалом в развитии. В эти десятилетия в отрасли происходили модернизационные процессы. Главными направлениями в развитии техники и технологий стали: разработка и внедрение рациональных технологий обогащения руд, новых месторождений, схем рудоподготовки, включавших предварительную концентрацию руд с использованием радиометрических и гравитационных методов обогащения, малоотходных технологий и режимов селективной флотации медных, медно-цинковых и полиметаллических руд; комбинированных технологических схем переработки труднообогатимых забалансовых медно-цинковых руд, лежалых хвостов с получением богатых концентратов, промпродуктов и последующей их переработкой с использованием пиро- и гидromеталлургических процессов, эффективных методов интенсификации флотационного процесса (электрохимических, аэрационных, тепловых, газового кондиционирования, активации флотореагентов и т. п.); новых флотационных реагентов для обогащения полиметаллических и комплексных руд.

Повышение технического уровня металлургического производства меди 1970–1980-х гг. осуществлялось главным образом за счет автогенных процессов плавки концентратов, обеспечивавших снижение энергетических затрат на 20–40 %, утилизацию серы из отходящих газов, использование вторичных энергоресурсов. Основным перспективным направлением развития стало внедрение автогенных процессов плавки сульфид-сырья.

На Среднеуральском медеплавильном заводе внедрение комплекса плавки медных и медно-цинковых концентратов печи жидкой ванны (ПЖВ) обеспечило извлечение меди до 97,2 %. Переводились на автогенные процес-

*Марина Геннадьевна Кириллова

Аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; k.marine@mail.ru

сы Красноуральский, Карабашский и Медногорский комбинаты, их доля на этих предприятиях должна была возрасти до 70 %.

Внедрение автогенных процессов позволило повысить производительность плавильных агрегатов, внедрить комплексную механизацию и автоматизацию технологических процессов, повысить извлечение ценных компонентов, осуществить полную утилизацию серы. На Кировградском и Красноуральском медькомбинатах осваивались установки по переработке отвальных шлаков газо-электротермическим способом с извлечением меди в штейн, цинка в возгоны, получением медистого чугуна и шлакофосфата. Совершенствование процесса конвертирования было направлено на внедрение более мощных конвертеров (80–100 т), их герметизацию, механизацию вспомогательных операций, улучшение контроля.

На всех стадиях металлургического производства были произведены усовершенствования: расширены площади печей, увеличены объемы конвертеров и объемы дутья, внедрены природный газ, обогащенное кислородом дутье, улучшена подготовка шихты, проведен большой комплекс работ, повышавших надежность и продолжительность службы частей и целых агрегатов, повышена мощность и скорость мостовых кранов, стали использоваться ковши большой емкости. На конверторах и печах внедрены водоохлаждаемые элементы, применены электрообогревательные отстойники, сифонный выпуск шлаков, механизированный разлив металла, выполнены мероприятия по улучшению условий труда, по ликвидации загазованности, механизации тяжелых и трудоемких работ.

Все более актуальной становилась замена стандартного процесса на базе отражательной плавки более интенсивной и эффективной технологией с учетом комплексности использования ценных компонентов перерабатываемого сырья. Расширялось внедрение автоматических систем управления и контроля, проводились реконструкция переделов с установкой оборудования большой мощности, модернизация оборудования и внедрение комплексной механизации и автоматизации, обеспечивающих степень механизации труда до 75 %. В металлургии появлялись новые средства измерения температуры, массы, химического состава, промежуточных и конечных продуктов, шлаков, запыленности отходящих газов. Появились возможности автоклавной технологии для переработки полиметаллического низкосортного сырья, полупродуктов производства, штейнов автогенной плавки, а со временем медных концентратов, особенно полиметаллических (медно-цинковых, медно-свинцово-цинковых) концентратов и промпродуктов [8, с. 267, 273].

Повышение комплексности использования сырья осуществлялось за счет повышения степени утилизации серы отходящих газов, совершенствования пылеочистки, вовлечения в производство отходов смежных производств (шахтная плавка клинкера на Медногорском и Карабашском комбинатах, переработка низкосортного вторсырья на Кировградском медеплавильном комбинате, использование золотосодержащих флюсов при конвертировании, производство серной кислоты и суперфосфата на Среднеуральском медеплавильном заводе).

Министерство цветной металлургии СССР уделяло большое внимание решению экологических проблем предприятий медной подотрасли. Так, в соответствии с общеотраслевым Планом развития на 1971–1973 гг., Красноуральскому медеплавильному комбинату необходимо было реконструировать и расширить металлургическое производство, а также ускорить создание санитарно-защитной зоны в г. Красноуральске; Кировградскому медеплавильному комбинату — ускорить окончание работ по строительству канализации и очистных сооружений в г. Кировграде; Среднеуральскому медеплавильному заводу — решить вопрос финансирования, проектирования и строительства очистных сооружений (очистка сточных вод от мышьяка, воздушного бассейна от сернистых газов)¹.

На медеплавильных предприятиях Урала в 1970–1980-х гг. получила значительное развитие химическая ветвь производства. На Среднеуральском медеплавильном заводе и Красноуральском комбинате впервые на Урале организован выпуск двойного гранулированного суперфосфата, черновой бронзы, некоторых редких металлов, освоены технология и оборудование для производства гальваностойкой электролитической медной фольги, удовлетворявшей требованиям в производстве радиоэлектроники.

Медная промышленность Урала была основным поставщиком пиритных концентратов для производства серной кислоты на предприятиях химической промышленности. Но пиритные концентраты — не только серосодержащее сырье, в них много других ценных компонентов: железа, меди, цинка, золота, серебра, германия и редких элементов. Не менее ценны были отвальные шлаки и пиритные огарки. Из них можно было извлекать железо, цветные и благородные металлы, получать строительные материалы. Нередко содержание меди, цинка, благородных и редких металлов в них было не меньше, чем в некоторых бедных рудах. Нужны были более совершенные экономические рычаги для побуждения предприятий к заинтересованности в повышении комплексности использования минерального сырья [3, с. 213].

Важные технико-технологические сдвиги произошли в рафинировании меди. На медноэлектролитных заводах происходила замена стационарных анодных печей на наклоняющиеся емкостью 250–300 т, внедрение агрегатов непрерывного рафинирования и автоматизированных систем разлива анодной меди, расширение применения шахтных печей, механизация операций, очистка электролита от примесей с выделением мышьяковистых кеков, безосновное получение катодной меди. Были освоены технологии кучного выщелачивания, плавки катодов в шахтной печи, пакетирования катодов, внедрены отечественные машины для сборки матричных основ. В электролизе меди внедрялись устройства и системы обнаружения коротких замыканий в электролизных ваннах, автоматизация вспомогательных работ (сдирка, правка, сборка катодных основ). Увеличились выпуск медной катанки, производство порошков меди и ее сплавов.

¹ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 75. Д. 231. Л. 31–35.

Значительно увеличилась производственная мощность всех ведущих медеплавильных предприятий. На Кировградском медеплавильном комбинате внедрена переработка вторичных материалов методом пироселекции, организовано производство черновой бронзы из конверторных шлаков, освоены многие уникальные аппараты и технологии, среди них: подогрев вторичного воздуха на шахтных печах, медеразливочные комплексы с получением крупногабаритных слитков массой более тонны, электрообогреваемые отстойники для шахтных печей, водоохлаждаемые напыльники конвертеров и шатры шахтных печей, вдувание оборотных пылей в расплав конвертора. Завершилась реконструкция здания плавильного цеха, установлены мощные 80-тонные мостовые краны, построены крытые склады вторсырья, улучшена его подготовка и механизирована загрузка в печь, установлены миксер (200 т) и вторая машина по розливу крупногабаритных слитков, освоены извлечение олова из черновой бронзы, переработка отвальных шлаков² [7, с. 267–269].

На Красноуральском медеплавильном комбинате проведена реконструкция суперфосфатного производства, обеспечившая увеличение выпуска продукции в 3 раза, впервые в отечественной практике внедрен конвертор с боковым отводом газов, существенно модернизирована отражательная плавка (введено газомазутное отопление, установлен котел-утилизатор тоннельного типа, внедрена очистка от пыли отходящих газов), освоен конвертор с боковым отсосом газов, произведены работы по реконструкции горелочных устройств и модернизации отдельных элементов отражательной печи, узла грануляции отвального шлака, произведена замена двухклетьевого подъема на скипклетьевой (шахта «Северная Ольховка», рудник им. III Интернационала), реконструирована обогатительная фабрика, внедрена система АСУТП (1972 г.), начато освоение руд Волковского месторождения (1981 г.)³.

В 1979–1980 гг. на медеплавильном комбинате в горном производстве были внедрены поэтажное обрушение с рациональными параметрами на руднике им. III Интернационала, системы разработки этажного принудительного обрушения с увеличением объемов компенсационного пространства на Турьинском руднике. На обогатительной фабрике комбината были внедрены коллективно-селективные схемы обогащения руд с применением новых реагентов, автоматизирована перекачка реагентов на базе ультразвуковых приборов типа «Сигнал-10», освоены газовоздушные калориферы. Также были усовершенствованы технологические схемы измельчения, классификации, флотации медных руд за счет установки трех продуктовых гидроциклонов с регулируемым патрубком тонкого слива. В результате проведенного комплекса работ извлечение меди в медный концентрат составил 87,9 %, что на 3,44 % выше уровня⁴.

²Там же. Оп. 95. Д. 261. Л. 79.

³Там же. Л. 84.

⁴Там же. Л. 85.

В 1975 г. завершился третий этап реконструкции Среднеуральского медеплавильного завода (СУМЗа). На заводе внедрялись прогрессивные способы шихтоподготовки, обжиг шихты в кипящем слое, стало применяться дутье, обогащенное кислородом, модернизированы основные металлургические агрегаты, освоено производство серной кислоты и двойного суперфосфата. Был построен цех по производству 1 млн т двойного гранулированного суперфосфата, возрос выпуск цинковых концентратов, начала использоваться новая система сернокислотного производства, построен уникальный цех по очистке промстоков от мышьяка, на завод пришел природный газ. В 1978 г. закончилась реконструкция сернокислотного цеха по схеме «двойное констатирование — двойная абсорбция». Цех стал самым крупным в стране производителем олеума [4].

СУМЗ превратился в один из крупнейших заводов страны по выплавке меди из первичного сырья. Он имел три печи кипящего слоя площадью поды 16 м² каждая, плавильный передел с двумя отражательными печами, четыре 80-тонных конвертера, отделение подготовки флюсов, подсушки и смешения шихты, разливки меди, системы очистки обжиговых газов перед поступлением их в сернокислотное производство. Завод производил в год 130 тыс. т черновой меди, 940 тыс. т серной кислоты, 1 млн т суперфосфатных удобрений, 11 тыс. т бутилового ксантогената. Утилизируются газы обжиговых печей и конвертеров, обогатительная фабрика достигла мощности 2,6 млн т руды в год⁵.

Однако на заводе сохранялись проблемы утилизации газов отражательной плавки, использования отвалов фосфогипса, отвальных шлаков, хвостов обогащения, на предприятии стал ощущаться дефицит сырья. Завод приступил к строительству нового плавильного комплекса с использованием процесса плавки в жидкой ванне (100 тыс. т меди в год). Предполагалось получение меди в форме анодов, усилилась работа по утилизации газов, содержащих серу. Была запланирована реконструкция сернокислотного производства, кислородной станции, утилизация редкометалльных пылей, организация оборотного водоснабжения.

Медногорский медно-серный комбинат, после того как в 1976 г. было отработано Блявинское месторождение, стал перерабатывать сырье с различных рудников, что существенно ухудшило работу плавильного цеха (уменьшились проплав, извлечение серы, меди), снизилось производство серной кислоты. К 1978 г. комбинат стал убыточным. Вовлечение в переработку некондиционного сырья вызвало нарушение производства серы вплоть до остановки цеха по ее получению. Из 12 рудных печей были оставлены три, отходящие газы направляли в сернокислотный цех. Институтом Унипромедь прорабатывались варианты реконструкции завода с полной утилизацией серосодержащих газов, с использованием автогенной шахтной плавки на дутье, обогащенном кислородом, и плавки в жидкой ванне, но они не были реализованы [5].

⁵Там же. Д. 259. Л. 101.

В 1975 г. на базе Пышминского медноэлектролитного завода создан Уральский комбинат по электролитическому рафинированию и обработке меди — «Уралэлектромедь». На комбинате было внедрено огневое рафинирование меди в печах большой емкости и электролитическое рафинирование меди при повышенных плотностях тока с использованием реверса тока, применена шахтная плавка катодов, организовано производство медной электролитической фольги, пущен крупнейший в Европе цех медных порошков производительностью 12 тыс. т в год⁶ [1, с. 19, 23, 25-31, 35; 6, с. 123–146]. Однако на комбинате сохранялись проблемы с внедрением цеха медных порошков (сроки запуска, способы разгрузки порошка из ванн), химзащитой конструкций, освоением новых мощностей⁷.

Кыштымский медноэлектролитный завод находился в состоянии непрерывной реконструкции. В 1970 г. он был объединен с Карабашским горнометаллургическим комбинатом, и это замедлило темпы его реконструкции. В 1973 г. было принято решение о строительстве на заводе нового электролитного цеха по выпуску 75 тыс. т катодов в год. Однако в результате многочисленных согласований и дискуссий проблема строительства нового цеха затянулась на 20 лет. В феврале 1975 г. завод был введен в состав комбината «Уралэлектромедь». На нем были усилены вспомогательные производства, организовано масштабное производство тонкомерной фольги, введен режим ее производства с нерастворимым анодом и титановым барабан-катодом. Медьэлектролитный шлам перерабатывался и поставлялся комбинату «Уралэлектромедь» [2, с. 213].

Таким образом, уральская медная промышленность в 1970–1980-х гг. добилась серьезных успехов. Но именно в эти годы предприятия медной промышленности страны в техническом отношении намного и ощутимо отстали от передовых зарубежных фирм. Технологии производства меди оставались очень энергоматериалоемкими, экологически несовершенными, сохранялось невысокое извлечение сопутствующих металлов и полезных компонентов в товарную продукцию. Усилилось загрязнение окружающей среды, что ухудшало экологическую ситуацию в регионе, создавало некомфортные, а в отдельных случаях даже опасные условия для жизни населения.

В связи с этим основными направлениями в развитии уральской медной металлургии стали: необходимость ускоренного ввода в действие новых рудных месторождений, проведение коренной реконструкции металлургических цехов с внедрением автогенных процессов, полная утилизация отходящих газов, модернизация оборудования обогатительных переделов, более полное использование компонентов рудного сырья на всех стадиях, включая использование отходов производства, накопленных в предыдущие годы.

⁶Там же. Оп. 98. Д. 330. Л. 31.

⁷Там же. Оп. 95. Д. 259. Л. 95.

Библиографический список

1. АО «Уралэлектромедь» — 65 лет // Цветные металлы. М. 1999. № 5.
2. Запарий В. В., Гаврилов Д. В. Цветная металлургия Урала в 1860–1980-е гг. // Модернизационные процессы в металлургии Урала XVII–XXI вв. Екатеринбург. 2006.
3. История народного хозяйства Урала. Ч. 2.
4. Набойченко С. С., Гаврилов Д. В., Умнов Б. А. Среднеуральский медеплавильный завод (СУМЗ) // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: энцикл. Екатеринбург, 2001. С. 439–440.
5. Набойченко С. С., Щербаков В. В. Медногорский медно-серный комбинат // Металлургические заводы Урала... С. 317–318.
6. Никитина Л. Н., Шубин Н. П. Уралэлектромедь: страницы истории. Екатеринбург. 1997.
7. Терёбынькин М. Ю., Набойченко С. С. Кировградский медеплавильный комбинат // Металлургические заводы Урала... С. 267–269.
8. Фирсов В. Я., Мартынова В. Н. Медь Урала. Екатеринбург, 1995.

M. G. Kirillova

Postgraduate student, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia)

Technical and Technological Features of Copper Production in the Urals in 1970–1980s

The paper presents a characteristic of technical and technological processes on the largest Ural enterprises in 1970–1980s. The author identifies the progressive changes and mistakes, which led to the backlog of the Ural copper industry from the production of the world leading countries.

Key words: nonferrous metallurgy, copper industry, reconstruction, modernization processes, ores, ecology, furnace charge, technological processes automation

ИЕРАРХИЯ ВЛАСТИ В ВОСПРИЯТИИ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЕМ И ЖАЛОБ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ (1950-е гг.))

На основе анализа крестьянских писем и жалоб, написанных в 1950-е гг., исследуется проблема отношения крестьянства к власти. Выявлены различия в степени доверия центральному и местному руководству, обозначены причины неоднозначного отношения крестьян к власти.

Ключевые слова: история повседневности, СССР, отношение к власти, крестьянство, письма и жалобы населения

Проблематика взаимоотношения крестьянства и власти не является новой для отечественной историографии, как в ее советском измерении, так и на современном этапе развития. Тем не менее, применительно к периоду 1950-х гг. в отечественном гуманитарном дискурсе рассмотрение проблемы взаимоотношений в системе «власть — крестьянство» зачастую ограничивается разбором правительственных мероприятий в крестьянском секторе и анализом отношения крестьян к центральной политической власти (одобрение — неприятие существующего политического режима — открытый протест). Отношение крестьянства к центральной власти без должной аргументации экстраполируется на районный и поселковый уровень администрации. В результате этого «власть», независимо от ее полномочий и авторитетности, предстает монолитной, а отношение крестьянства к властямущим преподносится константой без альтернатив и оценочных оттенков. Хотя, как справедливо отмечают М. А. Безнин и Т. М. Димони, «в крестьянском менталитете власть не являлась однородной» [1, с. 163], в результате чего отношение и степень доверия крестьян к власти центральной и власти местной не были идентичны. Рассмотрение иерархии отношения крестьян к различным уровням власти и является целью данной работы, реализованной на основе писем и жалоб сельского населения Свердловской области в органы власти, написанных в 1950-е гг.

Многие отечественные исследователи отмечают, что высший уровень государственной власти был той инстанцией, решения которой всегда рассматривались как справедливые и единственно верные, обладая большой силой воздействия на колхозников [3; 7]. Проведенный анализ писем сельского населения в центральные органы власти подтверждает справедливость этих выводов. Обращение крестьян в высшие инстанции зачастую персонифицировано и письма адресованы «лично» министрам, депутатам, а нередко и к самим руководителям страны. При этом стилистика обращений часто нефор-

*Марина Александровна Клинова
К.и.н., Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия;
marinaklinowa@yandex.ru

мальная, как, например «дорогой наш отец», «отец и любимый вождь», «отец и защитник», «любимый учитель», «единственная наша опора» и т. д. Такое «сыновье» обращение свидетельствует об искреннем доверии к центральной власти, а также о патриархальности крестьянского мышления, в котором, как отмечает Н. Н. Козлова, государство воспринимается как большая семья [6]. В то же время такая «неформальность» обращения не свидетельствует об упрощении и девальвации статуса властямущих в крестьянском восприятии. Скорее наоборот, представители центральной власти наделяются качествами сверхлюдей–небожителей, дистанцированных от суеты повседневных будней и житейских забот. Так, обращаясь с жалобой к М. И. Калинину, колхозники колхоза имени Крупской Свердловской области пишут: «...мы вынуждены оторвать вас от большого государственного дела, дабы обратить ваше внимание на себя»¹. Также представляет интерес письмо депутата Юдинского сельсовета Ирбитского района Свердловской области Семеновы Полины Григорьевны, которая, обращаясь к председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Швернику, начинает свое письмо словами: «Прошу Вас извинить меня за мое письмо, которым я побеспокою Вас...», а завершает его строчками, как нельзя лучше иллюстрирующими отношение к центральной власти: «...я еще не заслужила, чтоб видеть членов правительства и говорить с ними»².

В одной из своих работ Т. М. Димони приходит к выводу, что «доверие, испытываемое к высшей партийной и государственной власти, проецировалось крестьянами и на районных партийных работников..., а районная власть, в свою очередь, проецировала на себя сакральность центральной власти и по этому принципу стремилась строить свои взаимоотношения с населением [3]. В контексте проводимого исследования мы можем лишь отчасти согласиться с выводом Т. М. Димони. В частности, вторая составляющая данной гипотезы, относительно поведенческой модели районной власти, находит убедительное фактическое подтверждение в анализируемых материалах писем крестьян Свердловской области, в то время как первая часть заявленного тезиса о проецировании на районных управленцев сакрального отношения к верховной власти видится не вполне убедительной. Предпринятый анализ источников позволяет утверждать обратное — в крестьянских письмах районная власть предстает одним из основных виновников всех бед и проблем крестьянской жизни, злоупотребляя своими полномочиями и занимаясь казнокрадством: «руководители к потребностям населения глухи, идет жизнь района как-нибудь и самоуспокоились», «местное начальство занимается самовластием», «работники райсовета и райкома не умеряют аппетит» и проч.³ Более того, в крестьянском восприятии именно районные руководители были виновны в увеличении налогового бремени и многочисленных бюрократических проволочках, «намеренно искажая решения и постановления центральной власти», направленные на улучшение колхозной жизни.

¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5536. Л. 249.

² Там же. Д. 5703. Л. 209.

³ Там же. Д. 6762. Л. 30, 188, 199; Д. 6763 Л. 9–10.

Специфичным было отношение крестьян к представителям местной власти. Официально в колхозах страны существовала демократия, решения принимались коллегиально, сохранялась идентичность социально-экономического и политического статуса колхозников. Но фактически внутриколхозная демократия имела исключительно формальный характер. Колхозная верхушка — председатель колхоза, члены правления, директор МТС, бригадиры — обладала большими привилегиями и правами по сравнению с рядовыми колхозниками. Реальный правовой статус этой группы был гораздо шире, чем формальный. Властный ресурс колхозной элиты реализовывался в распределении колхозных работ и должностей, при организации трудовых повинностей на лесозаготовках, при записи трудодней и распределении денежных и натуральных авансов, а также в штрафных санкциях.

В контексте распределения властных полномочий более весомой фигурой советского колхозного социума, безусловно, являлся председатель колхоза. Многие исследователи отмечают, что руководители колхозов зачастую демонстрировали авторитарный стиль управления и принимали единоличные решения, что противоречило уставным нормам сельхозартела [1; 4; 5]. Поэтому достаточное количество жалоб от колхозников различных областей страны, отправленных в Центр, посвящено просьбам «принять меры», «оказать помощь», «убрать с дороги», «разобраться» и «призвать к порядку» именно «зарвавшихся» и «обнаглевших» руководителей колхозов. Крестьяне сообщают: «председатель оторвался от колхозной массы и ведет себя в управлении колхозов не как избранник колхозной массы, а как диктатор», «разбазаривает колхозное добро», «оскорбляет и сквернословит», «председатель избивает колхозников», «своим сродственникам предоставил условия лучше, чем остальным»⁴. Проведенный анализ писем и жалоб сельского населения Свердловской области позволяет утверждать, что крестьяне, обращаясь «за справедливостью» к центральной власти, опасались преследований за критику со стороны местной администрации: «не говорите, кто Вам пишет, они даже по писанине узнают, нам будет горе нас повешают», «возможно за это письмо меня посадят», «сдадут под суд», «исключат из партии»⁵.

В то же время власть председателя и колхозной администрации не была абсолютной и безграничной. Так, в жалобах описаны такие факты: «один фронтовик хотел выбросить из окна сельсовета председателя сельсовета... за то, что тот несправедливо поступал с его семьей», «поругался с председателем и ударил его», «председателя сняли с работы... исключили из партии», «сняли по результатам голосования колхозников... исключили из колхоза», «посадили на два года»⁶. М. А. Безнин и Т. М. Димони приводят факты нападения и покушения на представителей колхозной администрации, и даже убийства председателя колхоза [1]. Приведенные факты позволяют отчасти

⁴Там же. Оп. 1. Д. 5694. Л. 28, 159 об; Д. 5697. Л. 354; Д. 5698. Л. 82, 102, 105; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 287. Л. 109, 117–118; Д. 288. Л. 35, 84, 88; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 504. Л. 14; Д. 511. Л. 107–108; Д. 585. Л. 5–6.

⁵ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5538. Л. 246 об, 253; Д. 5703. Л. 207, 209.

⁶Там же. Д. 5539. Л. 99 об, 100 об; Д. 5701. Л. 106–107; Д. 5848. Л. 30, 232; Д. 5850. Л. 38; РГАСПИ Ф. 17. Оп. 121. Д. 504. Л. 29–31; Д. 585. Л. 8.

согласиться с мнением Н. М. Глумной, которая, изучая проблему отношения колхозников к труду на материалах европейского севера, приходит к выводу, что колхозные управленцы часто демонстрировали полное бессилие в деле наведения порядка в коллективах [2, с. 270].

Проведенный анализ материалов писем и жалоб крестьян Свердловской области позволяет утверждать, что в восприятии колхозников должность председателя не всегда ассоциировались именно с советской (политической) властью. Об этом свидетельствуют вопросы, заданные жителями Свердловской области в 1946 г. на собраниях и лекциях: «А председатель колхоза это советская власть?»⁷. В то же время должности секретаря сельсовета, сотрудника исполкома воспринимались крестьянами иначе: «советская работа», «советская должность». Соответственно и отношение к ним было иным: «можно ли их критиковать в стенной печати?»⁸.

Председатель воспринимался скорее как ответственный в первую очередь за сельскохозяйственные работы, их организацию и координацию: «ему доверено коллективное хозяйство, которое он должен беречь, хранить, как зеницу ока, не допускать хищений»⁹. Именно качества хозяйственника, с точки зрения крестьян, считались необходимыми для занятия должности председателя колхоза: «нашему колхозу необходим руководитель колхоза агроном, то есть опытный мужик, чтобы колхоз имел всестороннее развитие хозяйства»¹⁰. Председатель избирался общим собранием колхозников, а не назначался из Центра, поэтому воспринимался колхозниками скорее как «один из своих», и сакрализация верховной власти, характерная для крестьянского менталитета, не распространялась на эту должность.

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу о неоднозначном восприятии власти сельским населением региона в 1950-е гг. Только на высший уровень власти — максимально удаленный от крестьянства (как в территориальном, так и в социальном плане) — проецировался ореол сакральности и непогрешимости. Отношение к представителям региональной администрации было качественно иным: районные управленцы, обладая в глазах сельских жителей значительным авторитетом, тем не менее, воспринимались достаточно негативно, как «искажители» постановлений Центра, а должность председателя колхоза вообще не гарантировала успешной реализации властвования, не обладая в восприятии крестьянства непреложным авторитетом, в связи с чем отношение к председателю колхоза целиком зависело от личных качеств колхозника, занимающего данную должность. В целом, выявленная иерархия крестьянского восприятия властимущих, позволяет говорить об амбивалентном отношении населения к власти: патриархальном, по отношению к власти верховной и достаточно критичном (а порой неуважительном и негативном) по отношению к местной, «ближней» администрации.

⁷ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 176. Л. 58.

⁸Там же. Л. 62 об.

⁹ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5700. Л. 211.

¹⁰Там же. Д. 5844. Л. 82.

Библиографический список

1. *Безнин М. А., Димони Т. М.* Крестьянство и власть в России в конце 1930-х — 1950-е гг. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996.
2. *Глумная М. Н.* Отношение к труду в колхозах Европейского Севера России в конце 1920-х — 1930-х гг. // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007.
3. *Димони Т. М.* Власть в северной деревне 1940–1950 гг.: художественный дискурс // Крестьянство и власть на Европейском Севере России: материалы научной конференции. Вологда, 2003.
4. *Зубкова Е. Ю.* Мир мнений советского человека 1945–1948 гг. // Отечественная история. 1998. № 4.
5. *Изюмова Л. В.* Колхозный социум 1930–1960-х гг.: социальная трансформация, идентификация и престиж // Известия Уральского государственного университета. 2008. № 59.
6. *Козлова Н. Н.* Крестьянский сын: опыт // Социологические исследования. 1994. № 6.
7. *Сомов В. А.* И. В. Сталин как руководитель государства в восприятии советский людей в годы Великой Отечественной войны (по материалам писем граждан) // Вестн. Российского университета дружбы народов. Сер.: «История России». 2007. № 2.

M. A. Klinova

Candidate of Historical Sciences, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia)

The Hierarchy of Power in the Perception of Collective-farm Peasantry (on the Material of Letters and Complaints of Rural Population of Sverdlovsk Region (the 1950s))

The article focuses on the study of the problem of the peasantry's attitude towards the government on the basis of the analysis of peasants' letters and complaints written during the 1950s. The author revealed the differences in the degree of peasantry's trust in the central government and local authorities; the reasons of the varied attitude towards the government were identified.

Key words: everyday life history, USSR, attitude towards the government, peasantry, letters and complaints from the public

БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ МЕДЕПЛАВИЛЬНЫЙ ЗАВОД МАТВЕЯ МЯСНИКОВА: РАЗВИТИЕ И МОДЕРНИЗАЦИЯ

Статья посвящена истории становления и развития Благовещенского медеплавильного завода. Исследованы обеспечение предприятия сырьем, рабочей силой, эффективность производства на разных этапах его существования.

Ключевые слова: Южный Урал, горнозаводское предпринимательство, Благовещенский медеплавильный завод, модернизация

Горнозаводское освоение региона началось в середине XVIII в. Пока шли мощные башкирские восстания о строительстве горных заводов на Южном Урале не могло быть и речи. К этому времени на Среднем Урале казна и частные предприниматели приобрели опыт строительства крупных железоделательных и медеплавильных заводов. С подавлением башкирского восстания 1736-1740 гг. в пределы Южного Урала ринулись такие крупные представители горнозаводского предпринимательства, как Демидовы, Осокины, Строгановы, Масаловы; более мелкие предприниматели из купцов — Красильниковы, Иноземцевы; представители дворянской элиты — Шуваловы, Сиверс, Ягужинский; местные мелкие дворяне — Рычков, Тевкелев. Но самую значительную роль в горнозаводском освоении Южного Урала во второй половине XVIII в. сыграли симбирские купцы Твердышевы и Мясниковы. Их семейная компания менее чем за 40 лет (с 1745 по 1784 г.) построила 8 железоделательных и 9 медеплавильных заводов. На заводах компании во второй половине XVIII в. было выплавлено 7 246 055 пуд. чугуна и 1 790 199 пуд. меди, что составляло 23,3 % уральского чугуна и 22,4 % уральской меди. По утверждению некоторых исследователей, компания Твердышевых и Мясниковых в горнозаводском освоении Южного Урала сыграла такую же выдающуюся роль, какую сыграла для Среднего Урала династия Демидовых [4, с. 366–392; 7, с. 81, 99–101, 183–184; 10, с. 289, 430; 11].

И. Б. Твердышев вовлек в сферу горнозаводского предпринимательства своих братьев. Младший брат Петр помогал в горнозаводском предпринимательстве Твердышевых, но рано умер. Средний из братьев — Яков — почти безвыездно находился при Воскресенском заводе, служившем административным центром компании, осуществлял общее руководство деятельностью заводов. В отличие от Твердышевых, братья Мясниковы не захотели или не смогли объединить свои усилия. И. С. Мясников являлся бессменным компаньоном Твердышевых, а его младший брат Матвей вел самостоятельное горнозаводское предпринимательство.

*Салават Назирович Кулбахтин

К.и.н., Башкирский государственный университет, Уфа, Россия; bbb81@mail.ru

М. С. Мясников в 1755 г. добился разрешения Берг-коллегии на постройку медеплавильного завода на р. Укашлы (Потеха), правом притоке р. Белой. Позволительный указ Берг-коллегии от 11 декабря 1755 г. определил трехлетний срок на строительство, в течение которого предприниматель освобождался от десятинного налога.

В фондах Берг-коллегии Российского архива древних актов сохранились отчет заводской канцелярии и заключение Берг-коллегии, где указана конкретная дата пуска Потехинского (Благовещенского) медеплавильного завода симбирского купца Матвея Семеновича Мясникова¹. Точная дата пуска Благовещенского завода имеется также в полугодовых отчетах уральских заводов в канцелярии Главного правления уральских казенных заводов². Согласно этим источникам, Благовещенский завод был построен в 1756 г., 16 августа 1757 г. дал первую плавку меди. Завод получил название Мясниковский или Потехинский по названию реки Потехи (Укашлы). В 1783 г. новая владелица завода И. Я. Хлебникова построила церковь во имя Благовещения Господня, после чего завод стали называть Благовещенским³.

Мясников приобрел под заводы значительную площадь земли. В ведомости, составленной 28 августа 1761 г. в канцелярии Главного правления симбирских, казанских и оренбургских заводов, отмечается: «А под тот завод окружность ко оному заводу, земля с лесами и другими угодьями куплена в 1756 году 31-го числа мая Уфимского уезду у отставного вахмистра князя Василия Уракова да того же Уфимского уезду, Кули-Минской волости у башкирцев сотника Канакая с товарищи»⁴.

26 июня 1760 г. М. С. Мясников в Уфимской провинциальной канцелярии заключил купчую запись с отставным старшиной Каршинской волости Казанской дороги Шарипом Мряковым «с товарищами» об отдаче в оброчное владение рыбных ловель по обе стороны реки Белой. Мирские люди в количестве 56 чел. согласились за 25 руб. ежегодной кортомы отдать с последующим переводом в собственность заводовладельца огромную территорию «рыбной ловли», куда входили аремы, лесные и сенокосные угодья вдоль рек Курть, Карт, Слази, Елань-Тамак, Юкасил, Биза, заливы и затоны озер Ара-Куль, Маркарда, Кандрав, Кулешкуль. В указанных землях М. С. Мясников приобрел право не только на ловлю рыб и щипанья хмеля, но «в лесу бревна рубить и лубья снимать, и сена косить на содержание скота безвозбранно и беззапретно», построить «в удобных местах зимовок и балаганов»⁵. За нарушение условий купли-продажи башкиры обязались выплатить заводовладельцу «неустойку в размере 500 рублей»⁶. На следующий день М. С. Мясников дал башкирам встречную запись с обещанием соблюдать условия торгового договора, за нарушение которых он обязался выплатить неустойку «денег

¹РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1158; Кн. 1197. Л. 217.

²ГАСО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 20. Л. 16–17.

³РГАДА. Ф. 271. Кн. 1158. Л. 346; Кн. 1197. Л. 217.

⁴ГИМ ОПИ. Ф. 445 (Фонд Соймоновых). Д. 26. Л. 38.

⁵РГАДА. Ф. 452. Д. 372. Л. 14 об.

⁶Там же. Л. 15 об.

50 рублей»⁷. Общая стоимость приобретенной земли составила 475 руб. с ежегодным погашением 25 руб. в течение 19 лет.

Землю для Благовещенского завода продолжали приобретать и новые владельцы Хлебниковы. 22 февраля 1783 г. вдова покойного генерал-лейтенанта-аудитора П. К. Хлебникова Ирина Яковлевна и ее сын, лейб-гвардии Преображенского полка сержант Николай в гражданской палате от крепостных дел Уфимского наместничества оформили купчую с выборными башкирами деревень Азнай, Сапар, Каскын, Биккул, Канкай и Муйнак Кульили-Минской волости старшины Башира Тоймасова, деревни Изякбаш Ислы-Минской волости команды старшины Ибрагима Мрясева на луга по реке Белой. Земля, приобретенная заводовладельцами за 650 руб., шла широкой полосой от истока Устьяминского озера по левому берегу р. Белой через Якишименский мост, Кускильдино болото, арему Кайманлы до Минского истока и примыкала к прежде приобретенным заводским владениям. Башкиры обязались с другими покупателями дело не иметь, «Хлебникову, детей и наследников ее... от таких скупщиков очищать и ни до каких убытков в том не довести», а «с пошлины и со всеми причитавшимися убытки по ее, Хлебниковой, детей и наследников скаски заплатить все сполна безоговорочно». Согласно купчей, Хлебникова, ее дети и их наследники приобрели право «сенные покосы продать, закладывать и крепостями укрепить» [8, с. 139–141].

Через несколько месяцев Хлебниковым удалось расширить свои владения по левому берегу р. Белой. 29 января 1784 г. в Уфимской гражданской палате по крепостным делам И. Я. Хлебникова заключила купчую сделку с мирскими людьми Ислы-Минской волости владения башкирских старшин Башира Тоймасова и Ибрагима Мрясева. Огромная земельная площадь в бассейнах Большой и Малый Узьяк, речек Каннлы, Тумуртка, Кирлавяз, Кусаяз, Чика, Маманды, Ашкинлы, озера Тугуряк Кундузлы, с горой Улюктау и Каракименской степью была продана за 1 400 руб. Башкиры приняли на себя те же обязательства: не нарушать условий договора, не совершать сделку с другими покупателями и заплатить все расходы сделки за свой счет [8, с. 150–152]. В результате все левобережье р. Белой от северных окраин г. Уфы до Благовещенского завода оказались в собственности заводовладельцев.

Благовещенский завод был типичным предприятием XVIII в. Плотина завода длиной 80, шириной 10 сажень по верху и высотой 12 аршин была укреплена деревянными свинками, с лицевой стороны снизу до середины выложена серым бутовым камнем. При полном скопе воды глубина пруда достигала 7 аршин, разлив при весеннем половодье — 1,25 версты.

Медеплавильная деревянная фабрика состояла из двух деревянных корпусов, где были размещены плавильные печи [3, с. 265]. В источниках XVIII в. и в исторической литературе говорится о 8 печах. Но сам М. С. Мясников в 1760 г. писал, что «через неусыпные... труды построил 5 медеплавильных печей и получил 5 тыс. пуд. штыковой меди»⁸. Видимо, первоначально были постро-

⁷Там же. Л. 16 об.

⁸Там же. Ф. 271. Кн. 1197. Л. 217.

ны и до 1760 г. действовали 5 плавильных печей. В конце XVIII в. на заводе было 8 печей, из них 4 находились в одном корпусе фабрики. В другом корпусе вместе с 4 плавильными печами размещались шплейзофенный горн, нагревательная печь для разбивки меди в штыки, мусорная толчея с 4 пестами. Печи и горны приводились в действие 8 цилиндрическими деревянными мехами. Размеры и конструкции печей были типичными для медеплавильных заводов Южного Урала: высота — $7\frac{1}{2}$, ширина в колоше — $2\frac{1}{2}$ и распаре — 1 аршин. Фурма установилась на 6° . На одной печи в сутки проплавливали от 250 до 350 пуд. руды. Одну засыпку плавил в течение одних суток. В сутки получали от 8,5 до 12,5 пуд. чугуноватой меди и 5-6 пуд. медноватого чугуна.

Чугуноватую медь перечищали на шплейзофенном горне. На одну плавку в горн клали от 130 до 140 пуд. чугуноватой меди. Слив осуществляли 1 раз в сутки, получали от 111 до 118 пуд. гаркупфера (черная медь) и от 20 до 25 пуд. медноватого сока. Медноватый чугун перечищали на том же шплейзофенном горне, в том же составе мусора с той лишь разницей, что при чистке чугуноватой меди фурма ставилась на 7° , медноватого чугуна — горизонтально. На одну плавку клали 110–120 пуд. медноватого чугуна и получали 15–18 пуд. гаркупфера (черной меди). Разливку гаркупфера в штыковую медь производили в специальном горне. В него в одну плавку клали от 12 до 14 пуд. гаркупфера и получали от 11 пуд. 34 фунтов до 13 пуд. 29 фунтов штыковой меди. Процесс рафинирования продолжался 2 часа, в сутки осуществляли до 12 сливов. Медноватый сок по мере скопления отправляли на переплавку в медеплавильную печь. При одной медеплавильной печи в одну смену работали 1 мастер-плавильщик, 2 работника, соковоз и рудовоз. У шплейзофенного горна при очистке чугуноватой меди работали 1 мастер, 2 подмастерья и 1 работник, при разливке штыковатой меди — 1 работник.

На одной производственной площадке с плавильными фабриками находилась кричная фабрика дляковки чугуна, доставляемого с Нязе-Петровского завода в разном ассортименте. В фабрике были установлены 4 горна и 2 молота, приводимые в действие 4 цилиндрическими деревянными мехами. Чугун перековывали в железо для заводских и рудничных нужд. В кричной фабрике в одну смену работали 1 мастер, 1 подмастерье и 1 работник. В неделю выковывалось 45–50 пуд. железа⁹.

При Благовещенском медеплавильном заводе была деревянная кузница с 4 горнами, меховая, мусорная изба, амбары для хранения меди, чугуна и железа, 2 сарая для угля, 2 — для глины и песка, 1 сарай для флюса, 3 погреба для дегтя, мукомольная мельница с 1 поставом, караульное помещение. При 2-х господских домах находились заводская контора и конюшня на 20 стойл. В заводском поселке были каменная церковь Благовещения Господня с приделами Николая Чудотворца и Иоанна-воина, госпиталь на 6 коек, аптека, училище. В поселке в 1809 г. было 454 обывательских дома с населением 1 289 душ м. п. и 1 320 душ ж. п. [3, с. 267].

⁹О кричной железоделательной фабрике в литературе не упоминается.

Ниже завода на той же р. Потехе была построена еще одна плотина, которая в официальных документах не фигурировала. Ее в 1809 г. обнаружил берг-инспектор П. Е. Томилов и назвал Нижне-Благовещенским медеплавильным заводом. Плотина имела длину 12, ширину 5 сажен и высоту 9 ½ аршин. При полном скопе воды ее глубина доходила до 5 аршин, разлив пруда — до 300 сажен. При плотине находилась фабрика с толчеей с 5 пестами, мусорная толчея с молотом для разбивки флюсового камня, мукомольная деревянная мельница на 2-х поставах и караульная изба [3, с. 267].

Руду на Благовещенский завод доставляли с Каргалинского, Санзинского, Ашкадарского, Шатырдыкского, Изятского, Тяттерского и Сабаевского рудников. Рудники находились на расстоянии от 20 до 350 верст. Руда располагалась гнездами и жилами в горнокаменных породах: траппе, порфире, роговом сланце в затверделом виде. В 100 пуд. руды содержалось 3–4 пуд. меди и 1,5 пуд. медистого чугуна. К началу XIX в. содержание меди в руде упало до 3,2 %.

Благовещенский завод с первых лет действия сумел набрать оптимальный уровень своей производительности и последовательно поднимал ее. Уже на четвертый год своего действия (1760 г.) завод выплавил 5 192 пуд. меди и уровень ежегодного производства меди в пределах 5–7 тыс. пуд. сохранил до 70-х гг. XVIII в. [13, с. 140–142].

М. С. Мясников умер в 1766 г., оставив сыну Ивану Матвеевичу Благовещенский медеплавильный завод и огромные долги, которые по векселям кредиторов составляли 57 525 руб. Только ежегодные проценты и начисления превышали 10 800 руб., а чистая прибыль завода составляла лишь 1 200 руб. в год. Кредиторы добивались продажи завода с аукциона, обвиняли нового владельца в бездарности. Берг-коллегия и канцелярия Главного правления уральских заводов принимали непоследовательные, половинчатые меры. При малоопытном хозяине это привело к разрушению завода. 4 июля 1772 г. Благовещенский медеплавильный завод был продан с аукциона за 147 тыс. руб. генерал-аудитор-лейтенанту П. К. Хлебникову¹⁰ [10, с. 290–291, 493].

Во время Крестьянской войны завод не подвергался разрушению и сожжению. На заводе находилась карательная команда полковника А. Я. Якубовича численностью до 3 тыс. чел. Отрезанный от провинциального центра г. Уфы повстанческими отрядами, он находился в блокаде. В рапорте капитана Г. Кардашевского подполковнику И. И. Михельсону от 29 марта 1774 г. сообщается, что «злодейская толпа, оставя три пушки», из района деревни Красный Яр бежала «к заводу Мясникова» [6, с. 117]. Блокада завода продолжалась до лета 1774 г. 12 июля генерал-майор П. М. Голицин рапортовал главнокомандующему карательными войсками Ф. Ф. Щербатову, что он послал подкрепление полковнику Якубовичу для снятия блокады Благовещенского завода [6, с. 207–208].

После Крестьянской войны завод возобновил производство в 1776 г. и дал 1 493 пуд. меди. В 1778 г. завод довел плавку до 9 195, в 1780 г. — до 11 881 пуд. Уровень производства в 8–9 тыс. пуд. меди в год стабильно сохранялся до 1786 г. В 1788 г. производительность завода резко упала до 4 465 пуд.,

¹⁰РГАДА. Ф. 248. Д. 3944. Л. 182, 183, 184–1983; Ф. 271. Кн. 49. Л. 110–111.

в 1790–1795 гг. ежегодная выплавка меди составляла 3–5 тыс. пуд. В 1796–1797 гг. производительность завода упала до 2 тыс. пуд., 1798 г. выровнялась и составляла 3,5–5,5 тыс. пуд. в год, и этот уровень сохранялся до 30-х гг. XIX в. [13, с. 163–189].

Первоначально Хлебникову удалось наладить производство меди и довести производительность завода до 8–9 тыс. пуд. в год. Однако новый владелец завода испытывал финансовые затруднения. В 1775 г. он заложил Благовещенский завод Я. С. Петрову за 200 тыс. руб. с условием погашения долга в течение трех лет. При невыполнении этих условий по истечении срока заимодавец становился владельцем завода¹¹. Хлебников умер в 1779 г., так и не рассчитавшись с долгами. Петров решил воспользоваться условиями кредита и присвоить завод. Споры продолжались 24 года и завершились в 1803 г. брачными контрактами: единственная дочь Петрова Ирина вышла замуж за подполковника Н. П. Хлебникова, тоже единственного сына заводовладельца. Завод сохранился за Хлебниковыми.

После кончины генерал-аудитор-лейтенанта П. К. Хлебникова владельцем Благовещенского медеплавильного завода стала его вдова Ирина Яковлевна с сыном Николаем и дочерью Анной. За годы ее правления завод каких-либо заметных позитивных или негативных изменений не испытывал. Единственно, за годы владения заводом И. Я. Хлебникова расширила заводское земельное правление за счет покупки вотчинных земель у башкир Кыркули-Минской волости. По сведениям Берг-коллегии 1797 г., владельцем Благовещенского завода зафиксирован сын Петра Кирилловича и Ирины Яковлевны Хлебниковых, гвардии прапорщик Н. П. Хлебников. По сведениям берг-инспектора А. Е. Томилова, в 1808 г. владельцем завода была дочь П. К. и И. Я. Хлебниковых, статская советница А. П. Полторацкая [3, с. 38].

В 1835 г. завод выкупил Д. В. Дашков. Он умер в 1839 г. Завод перешел во владение сыновей, потомственных дворян Дмитрия и Андрея Дмитриевичей Дашковых [1, с. 421–422]. Братья Дашковы были представителями прогрессивного течения русского дворянства рубежа XIX–XX вв. Они принимали активнейшее участие в формировании и дальнейшей деятельности земского учреждения в Рязанской, позже — Уфимской губернии, были инициаторами и меценатами в становлении и дальнейшем развитии земского образования. Широко образованные, прогрессивно мыслящие и ведущие образ жизни типичных представителей российских меценатов рубежа XIX–XX вв., Дашковы, несмотря на явный упадок своего хозяйства, сделали много полезного в развитии народного образования, библиотечного дела и других отраслей культурно-образовательного развития края [4, с. 372–378].

В 1867 г., во время обследования уральских казенных заводов академиком В. П. Безобразовым, владелец Благовещенского медеплавильного завода А. Д. Дашков подал ему записку: «Взгляд на медеплавильное дело в Уфимской губернии вообще и на Благовещенском заводе (Дашковых) в особенности», где дается подробное описание заводских дел, в т. ч. о добыче и доставке руды. «Число закрытых медеплавильных заводов и настоящее бедственное положение

¹¹ Там же. Ф. 271. Кн. 2123. Л. 1098–1128.

тех, которые еще существуют в северной части Уфимской губернии, — писал А. Д. Дашков, — свидетельствует, что известные до сих пор месторождения руды недостаточны и что продолжение горного дела в этой местности невозможно...». По сообщению заводовладельца, в начале функционирования завода «проплавливали главным образом руду из рудников Стерлитамакского и Белебеевского уездов, в Каргалинской же степи завод владел только 12-тью рудничными отводами». В силу полного истощения своих рудников «завод вынужден был в начале XIX в. уменьшить производство и неминуемо закрыться». Но в 30-х гг. XIX в. владельцы Благовещенского завода приобрели 15 каргалинских рудников Вознесенского медеплавильного завода, разрушенного повстанцами во время Крестьянской войны 1773–1775 гг. В зиму 1865–1866 г. с Каргалинских рудников было перевезено 70 тыс. пуд. руды¹².

После отмены крепостного права положение завода резко ухудшилось. В 1861 г. у заводовладельцев Дашковых было 1 511 душ помещичьих и 2 154 душ заводских крестьян. Из них, согласно уставным грамотам, лишь 432 заводских и 1 118 помещичьих крестьян получили надел и остались при заводе. Основная масса заводских крестьян отказалась принять уставные грамоты, из них 1 527 чел. переселились в Томскую губернию, 588 перевелись мещанами в Уфу, Стерлитамак, Бирск и Белебей, что составляло 57,7 % [12, с. 198]. Выезд большей части заводского населения обострил проблему обеспечения Благовещенского завода рабочей силой. Поэтому заводовладельцы значительно расширили сферы применения вольнонаемного труда за счет местного населения, особенно на добыче руды.

В своей «Записке» А. Д. Дашков пишет, что заводские крестьяне «...руды не возили, а вся перевозка делалась башкирцами и чувашами Белебеевского и Стерлитамакского уездов, отчего завод постоянно находился в зависимости от этого населения, от урожая кормов и от состояния дорог и погоды». Вновь приобретенные каргалинские рудники разрабатывались тоже башкирами и чувашами близлежащих населенных пунктов. А. Д. Дашков писал, что «в рудниках работают исключительно башкирцы, нанятые в окрестностях завода в Уфимском уезде по контрактам, засвидетельствованным в Башкирских Волостных правлениях, сроком на 6 и на 12 месяцев, с тем чтобы отработать 25 дней или уроков в месяц». Перевозкой руды с Каргалинских рудников на завод «занимались башкирцы, живущие по реке Деме, и чувашаи Стерлитамакского уезда». На меже Стерлитамакского и Белебеевского уездов был устроен перевалочный пункт близ чувашской деревни Уязбашево, «куда возчики перевозят руду с рудников до пункта, а другие уже доставляют руду на завод».

На рудниках башкиры зарабатывали за месяц от 2 руб. 50 коп. до 4 руб., на содержание получали «1,5 пуда ржаной и 0,5 пуда пшеничной муки, 3 ф. соли, 20 ф. мяса, 2 пары лаптей и 0,5 пары рукавиц, в месяц на каждого рудника». О массовом вовлечении башкир и других нерусских народов края в сферу добычи и перевозки медной руды на Благовещенский завод отмечается и в материалах Генерального межевания 1797 г.¹³

¹²Безобразов В. П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. Приложение 10-е. СПб., 1869. С. 149–162.

¹³РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 929. Л. 121, 123; Д. 1881. Л. 1.

А. Д. Дашков в 1860 г. для обеспечения населения работой и средством для их проживания открыл «Механическое заведение гг. Дашковых» по производству веялок, сортировок, пожарных машин и других сельскохозяйственных земледельческих орудий [4, с. 387]. «Механическое заведение гг. Дашковых» имело литейный цех с двумя вагранками, которые приводились в действие двумя водяными колесами. Всего было занято 52 рабочих. В 1873 г. было выпущено 38 веялок, в 1874 г. — 102. Веялки продавали в Уфе, Мензелинске, Казани и Самаре¹⁴.

Кроме того, для обеспечения жизнедеятельности своего хозяйства Дашков сдавал крестьянам в аренду усадьбы, пашенные земли, сенокосные угодья и лес. Сдача земельных и лесных угодий в аренду приносила заводовладельцу ежегодный доход в 19 тыс. руб. [12, с. 199]. Сам завод в 80-х гг. XIX в. был убыточным. Состояние Благовещенского завода и его злободневные проблемы ярко и полно описаны в воспоминаниях врача С. Я. Елпатьевского, сосланного в Уфимскую губернию за революционную деятельность и прослужившего в течение 4-х лет (1880–1884 гг.) в Благовещенском заводе. По его признанию, Благовещенский завод «давно перестал быть заводом в смысле определителя местной жизни». Чугунолитейный и медеплавильный завод Дашковых, «судя по постройкам, когда-то работавшим во всю, хирел и постепенно умирал, — писал С. Е. Елпатьевский, — завод переходил на изготовление сельскохозяйственных орудий, а сами хозяева занимались благотворительностью в пользу заводского населения и во благо губернии»¹⁵. В 1897 г. Благовещенский медеплавильный завод окончательно был закрыт [5, с. 478].

В годы I Мировой войны в «Механическом заведении» Благовещенского завода продолжали выпускать веялки и другое сельское оборудование, параллельно изготавливали фургоны, двуколки, артиллерийские сани¹⁶. Национализированный в 1917 г. завод продолжал свою работу и в 1919 г. стал номерным заводом № 2. В 1925 г. он перешел к производству сельхозмашин; в 1930 г. стал заводом банно-прачечного оборудования им. П. В. Точисского.

В 1941 г. Благовещенский завод был объявлен городом районного подчинения. С началом Великой Отечественной войны туда был эвакуирован Туапсинский механический завод. Приняв оборудования эвакуированного завода, он начал выпускать нефтепромысловые оборудования, боеприпасы и вооружения. Таким образом, завод стал машиностроительным. С 1942 г. под названием номерного завода № 128 здесь начали производство трубопроводной арматуры из чугуна и бронзы. Возрожденный в предвоенные годы Благовещенский завод и его рабочие внесли достойный вклад в Победу нашей Родины над немецкими фашистами.

В 1948 г. заводу возвращен статус машиностроительного, было освоено электросталелитейное производство по изготовлению арматуры из нержавеющей марки стали. В 1964 г. завод получил название и статус Благовещенского арматурного завода. На нем освоен выпуск низколегированной стали, выдерживающей при эксплуатации атмосферную температуру до — 60 °С. В 70–90-х гг. XX в. продукцию завода поставляли в 36 стран Европы, Азии, Африки и Южной Америки [2, с. 501–502; 9].

¹⁴Материалы Общего собрания членов Уфимского Губернского статистического комитета. 27 июля 1877. С. 18.

¹⁵Елпатьевский С. Я. Воспоминания за 50 лет. Л., 1922. С. 83–89.

¹⁶ЦИА РБ. Ф. 138-2. Д. 606. Л. 1056.

В годы постсоветской деиндустриализации Благовещенский завод не подвергался негативным воздействиям разрушительных экономических реформ 1990-х гг. Город Благовещенский стал площадкой крупных строек. Помимо функционирующих заводов железобетонных изделий, биохимкомбината и других предприятий возникли ЗАО «Эколес», ГУП Благовещенский химкомбинат, маслосыродельный завод. Самым крупным и значительным для России стало строительство ОАО «Полиэф».

Библиографический список

1. *Азаматова Г. Б.* Дашковы // Башкирская энциклопедия. Т. 2. Уфа, 2006. С. 421–422.
2. Башкирская энциклопедия. Т. 1. Уфа, 2005.
3. Горнозаводская промышленность Урала с рубежа XVIII–XIX вв. Свердловск, 1956.
4. *Гудков Г. Ф., Гудкова З. И.* Из истории южноуральских горных заводов XVIII–XIX вв. Ч. 1. Уфа, 1985.
5. История Урала в период капитализма. М., 1990.
6. Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. Уфа, 1975.
7. *Кулбахтин Н. М.* Горнозаводская промышленность в Башкортостане. XVIII в. Уфа, 2000.
8. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. М., 1960.
9. *Мещеряков В. Е.* Благовещенский арматурный завод: история и современность (очерки). Уфа, 2001.
10. *Павленко Н. И.* История металлургии Урала в России XVIII в.: заводы и заводладельцы. М., 1963.
11. *Спирин В. С., Мещеряков В. Е.* Старейший завод в Башкирии. Уфа, 1969.
12. *Усманов А. Н.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период 60–90-х гг. XIX в. М., 1981.
13. *Черноухов А. В.* История медеплавильной промышленности России X–XX вв. Свердловск, 1988.

S. N. Kulbakhtin

Candidate of Historical Sciences, Bashkir State University (Ufa, Russia)

Blagoveschensk Copper Smeltery of Matvey Myasnikov: Development and Modernization

The paper is devoted to the history of establishment and development of the Blagoveschensk copper smeltery. The author studies the raw material and labor force providing of the plant and the production efficiency during the different periods of its existence.

Key words: South Ural, mining business, Blagoveschensk copper smeltery, modernization

МОДЕРНИЗАЦИЯ МЕДЕПЛАВИЛЬНЫХ ЗАВОДОВ КОМПАНИИ ТВЕРДЫШЕВЫХ И МЯСНИКОВЫХ

В статье освещается роль симбирских предпринимателей в горнозаводском освоении Южного Урала, техническое оснащение, производственный цикл и судьба основанных ими медеплавильных заводов.

Ключевые слова: Южный Урал, горнозаводская промышленность, медеплавильные заводы, модернизация

Южный Урал в середине XVIII в. стал объектом интенсивного горнозаводского освоения. Характерным для региона был полный отказ казны от строительства горных заводов. Формирование горнозаводской промышленности на Южном Урале целиком легло на партикулярных предпринимателей. В крае появились целые династии горнозаводчиков из купцов, столичных и местных дворян. В бурном развитии южноуральской горнозаводской промышленности заметную роль сыграли Демидовы, Осокины, Масаловы, Красильниковы, Строгановы, Шуваловы. Но наиболее значительную роль в развитии металлургии Южного Урала сыграла горнозаводская компания симбирских купцов Твердышевых и Мясниковых.

Уральская промышленность прошла все этапы модернизации, характерные для России. Медеплавильные заводы симбирских купцов Твердышевых и Мясниковых имели свои особенности, но одновременно были типичными для XVIII в.: вододействуемые и древесноугольные. Заводы выделялись крупными размерами и передовым техническим оснащением, но не отличались принципиальной технической схемой.

Руду для заводов компании добывали по одинаковой для XVIII в. технологии. Основная масса рудников находилась в Каргалинской степи, на расстоянии 250–350 верст от заводов. Из нескольких десятков рудников, принадлежавших заводу, разрабатывались поочередно 4–5 рудников. В летнее время руду добывали ямами или развалами. В зависимости от плотности руды ее добывали кайлами, используя клинья, ломы или производили порохо-стрельную работу. Если руда была небольшой плотности, ее добывали кайлами. Если она лежала плотной цельной массой, то использовали клинья и ломы. Особенно плотную массу руды разрушали порохо-стрельным способом.

*Назир Мурзабаевич Кулбахтин

Д.и.н., Башкирский государственный университет, Уфа, Россия;

Салават Назирович Кулбахтин

К.и.н., Башкирский государственный университет, Уфа, Россия; bbb81@mail.ru

При кайловой работе рудокop отламывал куски руды кайлом, затем разбивал их балдой на более мелкие куски. При клинковой работе железный клин загоняли в руду балдой и отрывали руду глыбой, которую затем разбивали тоже на мелкие куски. Более крупные глыбы руды весом до 100 пуд. и более отрывали ломами. При этом работала бригада из 20 и более рудокopов. При добыче особо плотной руды в породе двуручными бурами выбуривали отверстия, туда закладывали порох в патроне и взрывали. Порохострельная добыча руды считалась наиболее передовым способом для XVIII в. Одним взрывом отрывали глыбу весом до 500 пуд. [1, с. 22–23].

В отличие от железной руды медная залежала глубоко, поэтому ее добывали шахтным способом: предварительно определяли наличие руды, затем рыли шахту длиной около 1 сажени и шириной в 2 аршина. Дойдя до руды, начинали добычу. В случае, если руда залежала не широко, то вели горизонтальную выработку. Выработка изгибалась по направлениям, следуя по местам залегания руды. При горизонтальной выработке штольни укреплялись деревянными брусьями. При вертикальной выработке крепи не применялись. Глубина шахт на уральских месторождениях доходила до 15 сажен (32 м) [2, с. 43].

При горизонтальной выработке откатка руды и породы к шахте производилась тачками. Руду и породу по шахте поднимали бадьями, которые вмещали груз до 30 пуд. В них же поднимались и спускались в шахту сами рудодобывчики. Если работа в штольнях производилась слишком далеко от шахты, то ее оставляли и рыли другую. Когда рудные пласты подходили близко к поверхности земли, добытую руду выкатывали тележками, на которых устанавливали специальные деревянные лари емкостью до 200–300 пуд. Добытую руду обогащали и обжигали на месте добычи. Для этого складывали специальную кучу из 700 бревен смешанного леса. Куча называлась пожегом. В один пожег складывали до 200 тыс. пуд. руды. Пожег одной кучи продолжался 7–12 дней.

Технология добычи руды в течение XVIII в. изменилась незначительно. Весь процесс добычи — выломка, доставка из шахты или штольни вверх, ее перевозка, погрузка и выгрузка, осуществлялись вручную. Первоначально и откачка воды производилась вручную ведрами и бадьями. С приходом В. И. Геннина на Урал в деле добычи руды был наведен порядок. Были обследованы все старые рудники, составлены их карты и чертежи, организована их планомерная разработка, введена сортировка руды на местах добычи и в лабораториях, нормирован рабочий день, разработан штат, распределены рабочие и контрольные функции. Относительно внедрения новой технологии добычи руды и при Геннине мало что было сделано. Любопытно отметить, что в «Описании уральских и сибирских заводов» Геннина отсутствует раздел о добыче руды. По мере развертывания горнозаводского строительства на Урале шире стали использовать порохострельный способ и внедряли «васкеркуншты», т. е. откачку воды из шахт насосами.

Почти без изменения оставалась технология заготовки леса и углежжения. Операции по этим сферам горнозаводской промышленности требовали большого количества рабочей силы. Даже в середине XIX в. они поглощали около половины работников заводов. Так, в 1829 г. в Юрюзань-Ивановском горном округе на куренных работах было занято 892 чел. из 1 795, что составляло 51 % работников, в Катав-Ивановском округе — 1 068 из 2 955 (47 %), в 1859 г. в Архангельском округе — 793 из 1 431 работника (55 %)¹ [7, с. 41].

Углежжение производилось кабаным способом, господствовавшим на всех заводах Урала в XVIII–XIX вв. Все операции совершались вручную, были крайне трудоемкими, нередко опасными для здоровья и жизни работников. Из бревен в два яруса складывалась круглая куча диаметром 20–30 сажен, ее обкладывали дерном и рыхлой землей. При этом оставляли специальные «окна», через которые поджигали кучу. Пожог дров продолжался 8–10 дней, после чего приступали к разломке кучи. Для этого с одного бока кучи снимали крышу и выгребали уголь, затем переходили на второй, третий, четвертый бок и т. д.

Время углежжения на различных заводах было разное, осенью или весной–летом. Осенью кладку кучи производили с 1 по 15 сентября, жжение угля — с середины сентября до середины октября. Весной эта операция занимала время с начала мая и продолжалась до середины июля. Так, на Симском заводе кучу складывали с 9 мая по 9 июня, жжение — с 20 июня до 15 июля [1, с. 26–28].

Руду после обжига на рудниках доставляли для плавки на медеплавильные заводы. По определению Геннина, медеплавильные фабрики должны были иметь размеры «...длиною 13, шириною 8 сажен, в которой бы сажени было 7 футов английские, прибавя к тому ширины по длине всей плавильны для пространства 1 сажен 4 фута, и при том же возможно, ежели за благо возмица, зделать под одну кровлю камеры приборной, караульную и мусорную»².

Медеплавильные заводы компании были крупнейшими на Южном Урале и значительно превосходили своими размерами предписания Геннина. Для наглядности можно привести подробное описание Покровского медеплавильного завода³. Медеплавильная фабрика завода имела длину 34 сажени, ширину — 8 сажен 2 аршина. Высота завода до кровли составляла 1,5 сажени, до конька — 4 сажени. Внутри фабрики были установлены 7 печей в длину по 11,5 и в ширину по 8 футов. Высота печей до трубы составляла 2 сажени, вместе с трубами — по 7 сажен 2 аршина. На заводах компании, как и на всем Урале, плавильные печи устанавливались попарно

¹РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 170. Л. 25 об; ЦГИА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 505. Л. 119.

²Геннин В. И. Описание уральских и сибирских заводов. 1735. М., 1937. С. 397.

³Опись Покровского медеплавильного завода обнаружена нами в РГАДА. Ф. 19 («Финансы»). Оп. 1. Д. 97. Л. 1–85.

под одну трубу. На Покровском заводе наблюдается отклонение от этих правил: каждая печь имела собственную трубу.

Кроме плавильных печей в помещении фабрики находились гармахерский и штыковой горны размерами в длину и ширину по 8 аршин с четвертью, высотой по 1 сажени до трубы и по 7 сажен до конца трубы. Каждый горн имел в задней стенке по железной фурме, по одной паре деревянных мехов с вододействуемыми колесами. Внутри медеплавильной фабрики находились вододействуемый чугунный молот весом 8 пуд. для разбивки руды и извести, а рядом с ним — деревянные тиски, окованные железом. Под молотом — деревянный стул, обитый 10 железными обручами. Вододействуемые колеса находились в деревянных кожуках, срубленных из бревен в лапу размером 2,5*2,5 сажен высотой в 6 аршин.

Оборудования других медеплавильных заводов компании были типичными: плавильные печи, гармахерские и шплейзофенные горны, расковочные молоты, деревянные меха, плющильные станы, мусорные толчеи. Все они приводились в действие вододействуемыми колесами. В таблице 1 приведены данные технического оснащения медеплавильных заводов компании.

Таблица 1

Техническое оснащение медеплавильных заводов (1797 г.)

№	Заводы	Горны					Расковочные молоты	Рудники	
		Медеплавильные фабрики	Медеплавильные печи	Шплейзофенные	Гармахерские	Штыковые		Всего	в т. ч. действующие
1	Архангельский	1	4	2	2	2	—	132	12
2	Богоявленский	2	8	3	3	—	2	122	16
3	Верхоторский	2	5	3	3	—	3	126	14
4	Воскресенский	2	7	3	3	1	2	153	4
5	Преображенский	2	6	4	—	—	3	80	12
6	Покровский	1	7	1	1	—	1	—	—

Таблица составлена по: РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 97. Л. 6–13; Ф. 271. Оп. 1. Кн. 726. Л. 974–982; Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII–XIX вв. Свердловск, 1956. С. 38–43, 258, 259, 261, 263–266.

Кроме того, в каждом медеплавильном заводе были мукомольная и лесопильная мельницы, кузница, амбар для изготовления кирпича. На Нижне-Верхоторском вспомогательном заводе к началу XIX в. сохранялись по одному шплейзофенному, гармахерскому, штыковому, кричному и якорному горну [4, с. 261–262].

Технологическая схема плавки руды и получения меди на заводах компании осуществлялась по принципиальной схеме для уральских заводов

XVIII в. После обжига на руднике руда проходила плавку в косой плавильной печи (крумофен), которая являлась важнейшим звеном медеплавильного завода. Продукт, полученный в плавильной печи, назывался роштейном, содержал кроме меди значительное количество серы в сплаве с железом и другими металлами. Роштейн подвергался обжигу в шплейзофенном горне. Полученный продукт проходил обжиг в гармахерском горне, где полностью отделялось железо и выжигались серные примеси. Полученная после этого ряда очистки «черная медь» выдерживала ручную ковку и шла на выделку предметов домашнего обихода, но расковку под вододействующим молотом не выдерживала и не годилась для изготовления изделий особой ответственности. Поэтому она проходила рафинирование в высокой печи или на специальных горнах. Полученную чистую медь разливали в «штыки». Она называлась «штыковой» медью, годилась для отливки пушек, колоколов и других ответственных изделий.

Медеплавильные заводы компании в течение XVIII в. модернизации не подвергались. Принципиальная технологическая схема производства сохранилась. Техническое оснащение заводов менялось незаметно. На отдельных заводах строили дополнительные печи по мере сокращения рудных запасов, меняли призматические деревянные меха на вертикальные цилиндрические деревянные или чугунные меха. Заводы компании часто переходили из рук в руки между внуками и правнуками И. С. Мясникова. В результате распалась единая система управления. Каждый новый владелец в целях увеличения прибыли вводил в заводское производство «модное» техническое новшество. Так, по данным 1806 г., на Воскресенском и Верхоторском заводах действовали по 2 вагранки с оборудованием для подогрева воздуха [7, с. 48]. В 1830 г. владелица Архангельского медеплавильного завода А. И. Лаваль (1811–1886 гг., внучка И. С. Мясникова) на речке Аксын построили вторую плотину, что способствовало решению проблемы обеспечения завода водой в течение круглого года и резкому повышению его производительности. В 1846 г. она достигла максимального объема — 14 тыс. пуд. меди, в последующие годы постепенно снижалась: 1859 г. — 13 591 пуд., в 1861 г. — 11 421 пуд., в 1862 г. — 10 540 пуд.⁴

На Верхоторском и Воскресенском заводах внедрение вагранок также способствовало резкому увеличению производства чистой меди, что сопровождалось сокращением расхода древесного угля и улучшением качества меди. Если раньше черную медь обжигали последовательно в шплейзофенном и гармахерском горнах, для получения 100 пуд. штыковой меди расходовалось 300 пуд. древесного угля, то при использовании шахтной печи (вагранки) — не более 165 пуд. [8, с. 375]. На указанных заводах было установлено по 2 вагранки. В результате этим заводам в условиях кризиса уральской металлургии удалось сохранить высокий уровень производства меди. В 1838 г.

⁴Памятная книжка для русских горных людей на 1862 г. СПб., 1862; на 1863 г. СПб., 1863. С. 99.

член Оренбургского губернского статистического комитета Я. В. Ханьков писал, что Верхоторский и Воскресенский заводы «начали постепенно улучшаться и, наконец, в настоящее время, по достоинству меди своей стали наряду с лучшими плавильнями Европы. Пример этот был только исключением всеместного расстройства горного дела»⁵.

Реформа 1861 г. сыграла серьезную негативную роль в развитии горно-заводской промышленности Урала. Медеплавильные заводы наследников Твердышевых и Мясниковых понесли большие потери рабочей силы. Введение уставных грамот способствовало оттоку значительной части заводских крестьян и вызвало волнения среди оставшихся. В этих критических исторических условиях правительство и заводоладельцы нашли выход в акционировании металлургических предприятий с привлечением финансового и торгового капитала отечественных и европейских банков и торговых компаний. В сферу акционирования попали Преображенский, Воскресенский и Верхоторский горные округа М. В. Пашкова.

Одной из первых к акционированию южноуральских горнозаводских округов подключилась английская компания «Прогден, Леббок и К^о». В 1870 г. она выкупила у наследников М. В. Пашкова Воскресенский и Преображенский медеплавильные заводы. Однако в 1871 г. она перепродала заводы другой английской компании «Русская медь», которая энергично взялась за их модернизацию. На Преображенском заводе были установлены сильные паровые машины и введен мокрый способ получения меди из местных галечных руд, шахтные печи переделаны на конические. На Каргалинских рудниках устроили механический подъем руды из шахт, установили насосы для откачки воды, проложили рельсовые пути для откатки руды [6, с. 202]. В результате производительность заводы значительно повысилась. Если в 1867 г. было выплавлено 162 пуд. чистой меди, а в 1868–1871 гг. завод не функционировал, то в 1872 г. было выплавлено 1 021 пуд., а в 1879 г. — 3 592 пуд. [10, с. 157].

О Воскресенском медеплавильном заводе после его модернизации компанией «Русская медь» яркое описание дал горный инженер М. Белоусов, который посетил его в 1878 г. К тому времени на заводе действовали 6 шахтных печей, осуществлялась мокрая обработка руды, при заводе была литейная и прокатная фабрики для выделки листовой меди. Все производственные здания завода были кирпичные. В итоге производительность Воскресенского завода резко поднялась с 5 808 пуд. меди в 1870 г. до 17 016 пуд. в 1884 г. [10, с. 157].

Аналогичной модернизации подвергался и Верхоторский медеплавильный завод. В 1870–1880-е гг. завод испытывал заметное оживление, его производительность составляла 7–9 тыс. пуд. меди в год. В 1887 г. на заводе бы-

⁵Ханьков Я. Обзорение рудного производства частных оренбургских заводов в 1838 г. // Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1840. С. 53, 54.

ло произведено 10 600, в 1889 г. — 12 600, в 1889 г. — 15 201, в 1890 г. — 18 521 пуд. меди.

Архангельский и Богоявленский заводы наследников знаменитых симбирских предпринимателей разделили общую судьбу южноуральских медеплавильных предприятий. Испытав значительный подъем производительности в 30–50-х гг. XIX в., когда ежегодный выпуск меди составлял для Архангельского завода 10–17 тыс., а для Богоявленского — 10–19 тыс. пуд., в 80-х гг. они резко сократили производство.

Первая волна модернизации медеплавильных заводов способствовала резкому подъему их производительности. Однако это оказалось временной реанимацией обреченной отрасли южноуральской горнозаводской промышленности. Пореформенный период стал временем падения медеплавильного производства на Урале, которое проходило на фоне подъема мировой медеплавильной промышленности, сопровождалось падением цен на мировом рынке. На уральских заводах резко возросла себестоимость меди. Помимо общих объективных причин падения медеплавильной промышленности Урала для заводов компании определяющим было истощение рудных запасов. После выработки рудников Каргалинских степей заводладельцы пытались разрабатывать местные рудники. Однако использование низкосортной руды с малым содержанием меди было убыточным, и владельцы были вынуждены закрывать заводы. Преображенский медеплавильный завод прекратил производство меди в 1884 г., Богоявленский — в 1887 г., Архангельский — в 1891 г., Воскресенский — в 1895 г.⁶ Дольше всех продержался Верхоторский завод, который был закрыт в 1913 г.

Прекратив производство меди, владельцы этих заводов предпринимали усилия по их использованию в других профилях. В 1890 г. английская компания «Русская медь» продала обратно Преображенский и Воскресенский заводы В. А. Пашкову [3, с. 113–114]. В 1895 г. на площадке старого завода была построена небольшая доменная печь для выплавки бурого железняка, найденного в 10 верстах от завода [5, с. 83]. Первую плавку чугуна завод дал в 1897 г. В «Списке» заводов Уфимской губернии в 1900 г. Воскресенский завод именуется как «чугунно-железный и стальной», с числом рабочих 1 720 чел. Владелец завода оставался В. А. Пашков. Завод проработал до весны 1912 г. [11, с. 214]. Данных о перепрофилировании Верхоторского медеплавильного завода в железолитейный в источниках и литературе нам обнаружить не удалось.

В чугуноплавильный был переделан и Архангельский медеплавильный завод. Группа московских фабрикантов-пряделщиков основали «Уфимское акционерное общество» для эксплуатации месторождения железной руды в Стерлитамакском уезде. 10 декабря 1908 г. устав «Общества» был утвержден.

⁶Есть сведения, что в начале XX в. Преображенский завод продолжал производство меди. В 1912 г. на заводе было зафиксировано 50 рабочих, которые занимались выплавкой меди. См.: Список фабрик и заводов Российской империи. СПб., 1912. С. 298.

Состав учредителей «Общества» быстро расширялся. К середине 1899 г. их стало около 70 чел. Среди них были банкирский дом «Н. В. Юнкер и К^о», общество «Понфик, Аренс и К^о» и др. Приобрели землю общей площадью 106 012 десятин. Предполагалось построить чугуноплавильный завод производительностью 1,5 млн пуд. чугуна в год [3, с. 100]. В декабре 1899 г. завод дал первую плавку чугуна.

Новый чугуноплавильный завод был построен в 2 верстах к юго-востоку от старого. Завод сохранил прежнее название. Описание Архангельского чугуноплавильного завода позволяет представить степень технического развития и модернизации черной металлургии Южного Урала на рубеже XIX–XX вв. Завод имел 2 доменные печи с 3-мя воздухонагревателями системы Каупера. Таким образом, сохранился доменный способ переплавки руды, но применялся целый ряд новых достижений в этой сфере отрасли: газоочиститель, воздуходувная машина, вертикальный колошниковый подъемник, 4 паровых котла, рудодробилка, насосные установки, электрическое освещение от динамомашин. Последняя работала от гидротурбины на плотине старого завода. Завод имел механическую мастерскую, химическую лабораторию и т. д. [6, с. 79].

Архангельский чугуноплавильный завод работал на доброкачественном буром железняке, хотя и не доступном открытым разработкам. Муллакаевский и Бишевские рудники находились в 26–34 верстах от завода. В 1900 г. завод дал 500 тыс. пуд. чугуна, в 1901 г. — 900 тыс. пуд. Однако новому мощному, прекрасно оснащенному чугуноплавильному заводу суждено было функционировать не долго. Общеуральский кризис оказал негативное воздействие на производство завода. Себестоимость продукции (54,5 коп. за пуд чугуна) оказалась выше рыночной стоимости (49,5 коп.). Таким образом, производство чугуна оказалось убыточным, что привело к резкому сокращению: в 1902 г. было выплавлено 624 тыс. пуд. чугуна, в 1903 г. — 283 тыс. В том же 1903 г. акционерное общество стало несостоятельным, завод был закрыт, а рудники заброшены [9, с. 83].

Совершенно иной оказалась судьба Богоявленского медеплавильного завода. В 1887 г. на нем была прекращена плавка меди. В 1893 г. В. А. Пашков переоборудовал завод как стекловаренный (стекольный)⁷. Однако существует и другое мнение об основании Богоявленского стекольного завода. В «Оренбургских губернских ведомостях» 1865 г. говорится, что генерал А. В. Пашков в собственном имении 12 июля 1865 г. открыл вновь построенный Александрийско-Богоявленский стекольный завод⁸. Спустя 2 года, т. е. в 1867 г., на этом заводе работало 80 работников⁹. Трудно под-

⁷Горные заводы, рудники и месторождения полезных ископаемых в Уфимской губернии. Уфа, 1898. С. 24.

⁸Оренбургские губернские ведомости. 1865. № 31. С. 217.

⁹Менделеев Д. А. Статистический атлас главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской России с поименным списком фабрик и заводов / сост. по свед. Департамента торговли и мануфактуры за 1867 г. СПб., 1873. С. 106.

вергать сомнению данные сведения, так как источники слишком серьезные, официальные. Возможно, А. В. Пашков на территории старого медеплавильного завода заложил самостоятельный стекольный завод, который был запущен в 1893 г. На такую мысль наводит и тот факт, что медеплавильная фабрика Богоявленского завода по описаниям пермского берг-инспектора П. Е. Томилова в 1809 г. была деревянная и располагалась на 3 корпусах [4, с. 258]. Сохранившиеся до наших времен здания Богоявленского стекольного завода являются добротными зданиями из красного кирпича. Деревянные здания старого медеплавильного завода не сохранились.

На Богоявленском стекольном заводе А. В. Пашкова производили оконное, листовое, русское и бемское стекло. Производительность завода была высокой: ежегодно изготавливалось по 75 тыс. м² русского и по 40 тыс. м² бемского стекла. Главное управление находилось в Петербурге, склады располагались в Уфе, Стерлитамаке, Оренбурге, Самаре, Казани, Томске, Нижнем Новгороде [5, с. 104].

В 1916 г. на Богоявленском стекольном заводе работали 573 чел. Рабочий коллектив отмечался сплоченностью, имел крепкую большевистскую партийную организацию, много старых подпольных работников. Уже весной 1917 г. они отобрали у заводовладельца земли площадью около 40 тыс. десятин и поделили между заводскими крестьянами. На заводе установили рабочий контроль. Когда А. В. Пашков старался перевести заводскую казну за границу, рабочие направили к Ленину делегацию и сорвали затею заводовладельца. В годы Гражданской войны рабочие Богоявленского завода составили костяк знаменитой рабочей армии Блюхера¹⁰.

В 1924 г. на базе Богоявленского стекольного завода был основан Красноусольский стекольный завод по производству оконного стекла. В 1973-1991 гг. завод входил в состав объединения «Салаватстекло». В 1996 г. был перепрофилирован на производстве стеклотары из бесцветного стекла различной емкости около 20 наименований. С 1999 г. — ГУП, с 2002 г. — ОАО. В 2007 г. ликвидирован. Богоявленский медеплавильный завод был последним функционирующим предприятием из медеплавильных заводов симбирских купцов Твердышевых и Мясниковых, основанных в XVIII в. на Южном Урале.

Таким образом, медеплавильные заводы компании Твердышевых и Мясниковых прошли характерные уральской горнозаводской промышленности этапы модернизации. Но каждому из них был определен свой исторический путь и своя оригинальная судьба.

¹⁰Шойхит М. Э. Из воспоминаний председателя партбюро полка // На Южном Урале. М., 1958. С. 189, 331.

Библиографический список

1. *Аносов П. П.* Систематическое описание заводского производства Златоустовского завода // Аносов П.П. Собр. соч. М., 1954.
2. *Бакланов Н. Б.* Техника металлургического производства XVIII века на Урале. М., 1935.
3. *Буранов Ю. А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861-1917). М., 1982.
4. Горнозаводская промышленность Урала с рубежа XVIII–XIX вв. Свердловск, 1956.
5. *Гудков Г. Ф., Гудкова З. И.* Из истории южноуральских горных заводов XVIII-XIX вв. Ч. 1. Уфа, 1985.
6. Металлургические заводы на территории СССР с XVII в. до 1917 г. Чугун. Железо. Сталь. Медь / под. общ. ред. акад. М. А. Павлова. М.; Л., 1937.
7. *Мударисов Р. З.* Горнозаводская промышленность Южного Урала в первой половине XIX в. Уфа, 1998.
8. Очерки истории техники в России с древнейших времен до 60-х гг. XIX в. М., 1978.
9. *Тахаев Х. Я.* Природные условия и ресурсы Башкирской АССР. Экономико-географическая характеристика. Уфа, 1959.
10. *Черноухов А. В.* История медеплавильной промышленности России XVII–XIX вв. Свердловск, 1988.
11. Энциклопедия предпринимательства Башкортостана. Уфа, 2006.

N. M. Kulbakhtin

Doctor of Historical Sciences, Bashkir State University (Ufa, Russia)

S. N. Kulbakhtin

Candidate of Historical Sciences, Bashkir State University (Ufa, Russia)

Modernization of Copper Smelting Plants of Tverdyshevy and Myasnikovy Company

The paper analyzes the role of Simbirsk entrepreneurs in mining industrial development of the South Urals, considers the technical equipment, production cycle and the fate of factories they had established.

Key words: South Urals, mining industry, copper smelting factories, modernization

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ГОРНОПРОМЫШЛЕННЫЙ ГЕНОМ» ДЛЯ АНАЛИЗА ЭВОЛЮЦИИ ГОРНЫХ ОКРУГОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ¹

Статья посвящена определению термина «горнопромышленный геном» на примере истории алтайского производственно-территориального комплекса.

Ключевые слова: «горнопромышленный геном», алтайский производственно-территориальный комплекс, земельно-арендная отрасль

Изучение административно-хозяйственных и социокультурных процессов в крупных человеческих системах ставит задачу анализа и описания сложных эволюционных явлений, которые включают в себя огромные пласты различных отношений, связей и структур. В процессе исследования трансформаций алтайского производственно-территориального комплекса и смены его хозяйственной доминанты во второй половине XIX — начале XX в. перед нами встала проблема осмысления одного из таких явлений, которому в своем диссертационном исследовании и в публикациях мы дали определение «горнопромышленный геном» [1; 2, с. 50; 3, с. 36; 5 с. 169, 172, 185].

Колывано-Воскресенский (Алтайский) горный округ возник в середине XVIII в. и существовал до середины 90-х гг. XIX в. как горнопромышленный регион. Горно-металлургический сектор являлся системообразующим элементом для формирования алтайского производственно-территориального комплекса, определяя развитие остальных структурных сегментов. Горная промышленность доминировала и оказывала воздействие на развитие других отраслей округа. Приоритет горнозаводской промышленности результативался второстепенным и вспомогательным отношением ко всем остальным ресурсам региона. Лес воспринимался как топливо и строительный материал для горно-металлургических заводов, а земельное имущество оценивалось с точки зрения защиты весьма эфемерных и аморфных интересов Кабинета Его Императорского Величества и горной промышленности. Несмотря на определенную схожесть в эксплуатации ресурсов, добыча строительных материалов (известняк, камень) также не представляла интерес в период формирования Алтайского горного округа, подвергаясь воздействию со стороны крестьянства и заводского начальства.

Становление округа на базе горной промышленности и ее доминирование, сложившиеся в связи с этим восприятие кабинетского чиновничества и специфика административно-хозяйственного пространства — все это форми-

*Алексей Евгеньевич Кухаренко

К.и.н., Барнаул, Россия; lexh-1984@mail.ru

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-11-22007 а(р)

ровало «горнопромышленный геном округа», на платформе которого происходила его дальнейшая эволюция. Подчеркнем, что структура «генома» не ограничивалась административно-хозяйственными и нормативными отношениями, а включала в себя также социокультурные и психологические компоненты, мировоззрение, стереотипы, менталитет, сложившиеся привычки деятельности и мышления.

На наш взгляд, термин «геном» выступает эффективным теоретико-методологическим инструментом для изучения различных исторических явлений и эволюционных процессов, включая в себя исследовательское понимание единства «ноосферы». «Горнопромышленный геном» в свою очередь способен помочь в понимании эволюционной динамики горных округов Российской империи, как помог нам в исследовании трансформаций алтайского производственно-территориального комплекса во второй половине XIX — начале XX в.

В дореформенный период развития алтайского производственно-территориального комплекса горнозаводская доминанта являлась основой для формирования «генома» округа, создавая его базовые характеристики и основания. Происходило стабильное накопление «горнопромышленных генов» и закрепление их признаков в административно-хозяйственном и социокультурном пространстве региона. Мутации были незначительными и не приводили к радикальным трансформациям. Например, в 40-х гг. XIX в. возникла устойчивая управленческая структура по заведованию лесами, но лесозаготовка вплоть до 90-х гг. XIX в. не воспринималась как самостоятельное направление хозяйственной деятельности и получения прибыли. В свою очередь «геном» порождал воспроизводство соответствующих институтов, внутренние и внешние изменения в структуре округа, а также обеспечивал наследственную и преемственную стабильность алтайского производственно-территориального комплекса.

Аналитическое выделение и исследование «горнопромышленного генома» наиболее эффективно в кризисные и динамичные моменты, т. е. в процессе серьезных трансформаций, распада прежних систем и появления новых, а также на стыке взаимодействия «генома» со своими мутациями. По этой причине особенности «генома», его структура и влияние на эволюцию алтайского производственно-территориального комплекса особенно ярко проявлялись во второй половине XIX — начале XX в., когда происходила смена хозяйственной доминанты округа, а сам «горнопромышленный геном» подвергался радикальным мутациям.

Во второй половине XIX в. под воздействием различных трансформационно-модернизационных процессов происходили качественные сдвиги в эволюции округа и в структуре «горнопромышленного генома». В результате капиталистическая модернизация алтайского производственно-территориального комплекса от закрытого хозяйства, основанного на принудительном труде и имевшего монопрофильную горнозаводскую направленность, трансформировалась к открытой административно-хозяйственной си-

стеме, построенной на использовании вольнонаемной рабочей силы и диверсифицированной структуры хозяйства, т. е. эксплуатации различных природных ресурсов региона (лес, земля, недра, соляные озера, реки и водоемы).

На арену административно-хозяйственного пространства округа во второй половине XIX в. вышли земельно-арендная, лесная, соляная отрасли, подушно-оброчные отношения и переселенческое движение. С точки зрения «горнопромышленного генома» алтайского производственно-территориального комплекса все эти направления представляли собой достаточно серьезные мутации. Длительное время они не являлись угрозой сложившемуся «геному» и не воспринимались как самостоятельные сегменты, но накапливались, вызревали и меняли изнутри «горнопромышленный геном» округа. Земельно-арендная отрасль стала оцениваться как самостоятельная деятельность по получению прибыли только в 80-е гг., а лесная отрасль — с 90-х гг. XIX в. Таким образом, в 80–90-е гг. XIX в. наступил перелом хозяйственной доминанты, что было закреплено рядом нормативных и административных мер. В частности, реформа 1896 г. исключила из названия округа слово «горный», а кабинетское управление стало в большей степени ориентироваться на эксплуатацию земельно-лесных ресурсов региона.

«Горнопромышленный геном» серьезно мутировал, но продолжал свое существование даже после официальной смены хозяйственных ориентиров в середине 90-х гг. XIX в., сохранив прежние «гены»: продолжавшиеся горные работы в округе на средства ведомства; сохранение собственности Кабинета на недра округа во второй половине XIX — начале XX в.; наличие устойчивой исторической и мировоззренческой традиции восприятия округа кабинетскими чиновниками как горного. Такая мировоззренческая установка передавалась от одного поколения администрации к другому, воспроизводя соответствующие модели понимания сути алтайского производственно-территориального комплекса, его прошлого и перспектив развития. Геном заключался в сложной совокупности норм, правил, законодательных актов, предписаний, традиций, мировоззренческих представлений, трансформационных социально-экономических и культурно-исторических процессов — во всем том, что осталось от прежнего исторического периода доминирования горной промышленности в округе и продолжало оказывать влияние на его развитие.

В пореформенные годы земельная политики Кабинета, с одной стороны, отличалась повышенным стремлением сохранить в своих руках контроль над землепользованием округа, с другой — прохладным, побочным отношением к своему земельному имуществу. Одной из причин такого противоречия было как раз влияние «горнопромышленного генома». Земельное имущество не представляло ценности как средство самостоятельной эксплуатации и дополнительной прибыли, а выступало объектом вспомогательного использования для нужд горной промышленности и гипотетическим местом расположения горных промыслов. Поэтому, первые арендные статьи должны были устраиваться только на землях, которые не представляли ценности для дея-

тельности заводов, рудников, золотых промыслов и для их хозяйственных надобностей. Теоретически под такую категорию попадали практически все земельные ресурсы, особенно лучшие ее части, которые распределялись среди служащих и рабочих заводов. Это сильно сдерживало развитие земельно-арендного хозяйства.

Логичным следствием подобного проявления «горнопромышленного генома» стала нормативная практика по отношению к арендным статьям. С самых первых шагов в становлении земельно-арендной отрасли в договоры и контракты с арендаторами стал вноситься специальный пункт, по которому арендная земля должна быть в любой момент отобрана администрацией обратно, если она понадобится для горных промыслов как в качестве вспомогательного объекта, так и для непосредственной горной разработки. Данная норма продолжала существовать в договорах вплоть до 1917 г., когда революционные события ликвидировали само кабинетское хозяйство. Абсурдность и неблагоприятное влияние на земельно-арендную отрасль такой «перестраховки» были очевидны даже для многих чиновников. Однако, кабинетская администрация до последнего надеялась на гипотетическое будущее горной отрасли, негативно и неоправданно воздействуя на общее развитие округа. Небольшой кусок земли мог понадобиться через десятки и сотни лет или вообще оказаться невостребованным, а арендные статьи существовали в невыгодных условиях уже в настоящем и ближайшем будущем. По этой же причине Кабинет вплоть до второго десятилетия XX в. неблагоприятно относился к долгосрочным арендным контрактам, так как это могло повредить эфемерным интересам горного хозяйства.

Это оборачивалось перекосами в эволюции алтайского производственно-территориального комплекса и конкретно земельно-арендной отрасли, а также непосредственными финансовыми потерями для администрации, инвестиционной непривлекательностью, противоречивостью и нестабильностью арендных отношений. В результате сдерживалось хозяйственное развитие округа и происходило серьезное истощение земельного фонда, с чем Кабинет столкнулся уже во второй половине XIX в. На наш взгляд, данная ситуация — это яркий пример проявления «горнопромышленного генома».

Влияние «генома» по отношению к земельно-арендной отрасли особенно сильно сказывалось в сфере промышленной аренды и в первую очередь затрагивало интересы обрабатывающей отрасли в регионе. Помимо вышеуказанных аспектов развитие промышленности беспокоило кабинетскую администрацию с точки зрения сохранности лесных ресурсов, которые были важны для горнозаводского производства. В округе длительное время существовал запрет на открытие «требующих огненного действия» заведений, что было вызвано потребностью охраны лесных массивов для нужд горно-металлургического сектора экономики. Ярким проявлением «горнопромышленного генома» являлись договоры с арендаторами, по которым они должны были «снести строения без всякого со стороны горного ведомства вознаграждения», если участок был надобен администрации «для каких-либо»

назначений или в случае обнаружения полезных ископаемых. Это касалось даже крупных заводов с солидными финансовыми оборотами. Землю под промышленное заведение отводили на неопределенное время, чтобы в любой момент отказать в аренде² [6, с. 28]. Все это ставило арендаторов в потенциально невыгодные условия, которые в основном формировались исходя из абстрактных, предполагаемых, по большей части подстраховочных и эфемерных перспектив горного хозяйства. Наличие четкой зависимости между развитием промышленных оброчных статей в округе и заботой администрации о сохранности лесных массивов — характерная черта хозяйственной и нормативной политики ведомства вплоть до 1917 г.

Постепенно «горнопромышленные гены» мутировали, менялись взгляды Кабинета в отношении развития края и роли горной промышленности. Показательным в этом отношении является восприятие лесных и земельных ресурсов округа как самостоятельного объекта эксплуатации, что приводило к отказу от прежних норм, например, запрета «огнедействующих» предприятий. Но в целом, Кабинет агрессивно и успешно отстаивал свои интересы в монопольном распоряжении землями, лесами и сохранении попечительской власти над населением, что являлось прямым следствием «горнопромышленного генома» самого округа и стремления ведомства обеспечить земельными, лесными, водными, трудовыми ресурсами и контролем над их использованием интересы горно-металлургической промышленности.

Геном — это совокупность наследственного материала, от которого невозможно просто отказаться или ликвидировать. Психологические, ментальные и социокультурные компоненты «горнопромышленного генома» переплетались с административно-хозяйственными и нормативными элементами, создавая весьма устойчивые к изменениям структуры.

По этой причине Кабинет долго не мог выйти за пределы горнопромышленных мировоззренческих установок, несмотря на объективные возможности изменить подход к земельно-лесному и горному хозяйствам, способствовать их сбалансированному развитию и более рациональной эксплуатации. Косность и стереотипность мышления кабинетских чиновников во второй половине XIX в. отмечалась многими современниками и ярко прослеживается по архивным материалам. Примечательно, что «горнопромышленный геном» коренился не только в головах кабинетских служащих, но и в восприятии алтайского региона в сознании высшей бюрократии в целом [5, с. 185]. Ситуация начала быстро меняться только с 80–90-х гг. XIX в., а полная смена модели управления алтайским производственно-территориальным комплексом в сторону диверсификации и интенсификации административно-хозяйственного пространства произошла только в 1907–1917 гг.

Особо примечательно влияние «горнопромышленного генома» в период 1907–1917 гг., когда наблюдался процесс ликвидации горной отрасли и был сделан качественный рывок в сторону диверсификации хозяйственной структуры округа. В это время земельно-лесное хозяйство стало финансовой

²ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 167. Л. 17, 22–23.

основой алтайского производственно-территориального комплекса, а добыча полезных ископаемых — одним из элементов общей структуры хозяйствования, в т. ч. и с помощью привлечения частного предпринимательства. Казалось бы «горнопромышленный геном» уже не должен оказывать серьезного воздействия на развитие округа, тем не менее, его влияние по-прежнему было существенным. Самым главным был тот факт, что Кабинет сохранил за собой исключительное право на недра округа³ и не собирался от него отказываться. Владение недрами было сохранено, даже несмотря на землеустройство и процесс эрозии единой платформы собственности округа и принципа неотчуждаемости кабинетских земель [4, с. 44–61]. Ведомство по-прежнему рассчитывало использовать данный ресурс для развития горного хозяйства в округе и возлагало на него большие надежды. В связи с этим, в среде высшего кабинетского чиновничества регулярно проскальзывали мысли о том, что Кабинет в перспективе будет заниматься развитием горной промышленности самостоятельно или с помощью частного капитала.

Таким образом, несмотря на все мутации, «горнопромышленные гены» сохраняли свое влияние, хотя сам «геном» серьезно изменил свою структуру. Требовалась существенно большая совокупность мутаций и их более длительное закрепление на временном отрезке, чтобы «горнопромышленные гены» перестали оказывать такое сильное воздействие на развитие округа, а внутреннее и внешнее содержание алтайского производственно-территориального комплекса определяли бы «земельно-лесные гены». При этом полное исчезновение горнопромышленных компонентов в геноме невозможно даже при самых значительных мутациях и изменениях. Они остаются в историческом поле ноосферы как первоначальная основа, утратив прежнее влияние и оказавшись под воздействием новых генов. Это еще одно подтверждение правомерности методологического употребления термина «геном», который понимается как совокупность наследственного материала. Даже в современном развитии Алтайского края, Новосибирской области и других связанных общей историей территорий можно констатировать присутствие «горнопромышленного генома».

Библиографический список

1. *Кухаренко А. Е.* Административно-хозяйственная политика Кабинета Его Императорского Величества в земельно-арендной отрасли Алтайского горного округа (1855-1896 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2011.
2. *Кухаренко А. Е.* Кабинет Его Императорского Величества и алтайский производственно-территориальный комплекс в системе государственного управления // Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии (XVIII — начало XX в.). Барнаул, 2012.

³РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Д. 69. Л. 5 об.

3. *Кухаренко А. Е.* Теоретико-методологические подходы и результаты исследования административно-хозяйственной политики Кабинета в земельно-арендной отрасли // Кабинетская модель управления хозяйством и эксплуатации природных ресурсов Алтая в XVIII — начале XX в. Барнаул, 2011.
4. *Кухаренко А. Е., Соболева Т. Н.* К вопросу об «эрозии единой платформы собственности и принципа неотчуждаемости кабинетских земель» в Алтайском округе // Кабинетская модель управления хозяйством...
5. *Кухаренко А. Е., Соболева Т. Н., Афанасьев П. А.* Смена модели эксплуатации природных ресурсов Алтая под воздействием модернизационных процессов во второй половине XIX — начале XX в. // Эксплуатация природных ресурсов Алтая...
6. Материалы по исследованию арендного хозяйства в Алтайском округе / С. П. Швецов. Т. 1. Барнаул, 1896.

A. E. Kukharenko

Candidate of Historical Sciences, (Barnaul, Russia)

The Use of the Term “Mining Genome” to Analyze the Mining Districts’ Evolution in the Russian Empire

The article is devoted to the definition of the term “mining genome” in relation to the Altai industrial-territorial complex’s history.

Key words: “mining genome”, Altai industrial-territorial complex, land-rent branch

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ НА МАШИНО-СТРОИТЕЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ УРАЛА (1966–1970 гг.)

Статья посвящена вопросам организации социалистического соревнования трудящихся на машиностроительных предприятиях Урала в 1966–1970 гг. Показано влияние экономической политики, проводившейся в исследуемый период, на формы и методы соревнования.

Ключевые слова: Социалистическое соревнование, машиностроение, Урал, восьмая пятилетка

В исследуемый период важным фактором, обусловившим возрастание роли соревнования в развитии трудовой активности масс, послужил перевод экономики Урала на путь интенсивного развития. В этих условиях стало недостаточно добиваться только увеличения производства, необходимо было активно участвовать в поисках глубинных резервов повышения эффективности экономики.

Плодотворно сказалось на развитии соревнования машиностроителей Урала повышение на предприятиях культуры производства, поскольку расширение организационно-технических возможностей для высокопроизводительной работы и развития творческой активности масс является важнейшим условием совершенствования соревнования. Повышение культуры производства способствовало формированию определенной нравственно-психологической основы для проявления инициативы: чувствуя заботу о себе, люди проникались большей ответственностью перед коллективом.

Выполнение производственных планов, внедрение новой техники, повышение производительности труда, улучшение качества продукции, широкое распространение передового производственного опыта — именно эти задачи определяли содержание соревнования машиностроителей Урала в годы восьмой пятилетки. Широкий размах получило соревнование за досрочное выполнение плановых производственных заданий. В Челябинской области инициатором соревнования за выполнение заданий восьмой пятилетки в четыре года был Герой Социалистического Труда слесарь-лекальщик Златоустовского завода им. В. И. Ленина И. А. Чечуров. В Свердловской области — коллектив бригады токарей-карусельщиков Уралэлектротяжмашзавода, возглавляемый С. А. Топорковым. Патриотический почин новаторов был подхвачен 114 бригадами и 2 тыс. рабочих этого предприятия¹.

Массовым стало соревнование на машиностроительных предприятиях Челябинской области, развернувшееся по почину И. А. Чечурова. Особое

*Ольга Константиновна Максимова

К.и.н., Уральская государственная сельскохозяйственная академия, Екатеринбург, Россия; o.k.maksimova@mail.ru

¹Челябинский рабочий. 1966. 20 июля; ГАСО. Ф. 311. Оп. 6. Д. 337. Л. 104.

внимание здесь уделяли экономическому обоснованию обязательств, что делало их жизненными и реально выполнимыми. В итоге свыше 4 тыс. рабочих этого завода досрочно выполнили задание пятилетки. Сам же инициатор движения — И. А. Чечуров за 4 года выполнил 10 годовых норм². К апрелю 1970 г. более 130 тыс. рабочих промышленных предприятий Челябинской области и свыше 100 тыс. рабочих Свердловска рапортовали о досрочном выполнении пятилетних планов³.

В восьмой пятилетке соревнование за повышение производительности труда обогатилось новыми чертами, в которых нашла отражение инициатива масс. Широкий размах получило соревнование за выполнение производственных заданий на основе комплексных планов повышения производительности труда. Девизом соревнующихся стало не просто сделать больше. Суть инициативы состояла в комплексном подходе к увеличению выпуска продукции. Для этого надо было всесторонне изучить и оценить производственные, технические, экономические резервы. Рост уровня технико-экономической подготовки трудящихся явился основой развертывания их инициативы и повышения роли соревнования в развитии производства. На Уралвагонзаводе инициатором соревнования за высокие темпы роста производительности труда выступил коллектив корпуса 200. В Челябинской области инициатором соревнования на основе комплексных планов повышения производительности труда и ускорения технического прогресса стали токарь Кусинского машиностроительного завода Г. Варганов и сверловщица ЧТЗ М. Мороз⁴.

Составление и выполнение личных комплексных планов требовало от рабочих учета всех элементов роста эффективности производства. Разъяснительная работа, оказание помощи рабочим сыграли значительную роль в массовом вовлечении трудящихся в эту форму соревнования. Более 11 тыс. тракторостроителей Челябинска разработали комплексные планы и активно боролись за их осуществление. Внедрение свыше 21 тыс. мероприятий по комплексным планам в значительной степени обеспечило перевыполнение коллективом ЧТЗ обязательств по росту производительности труда более чем в 1,5 раза⁵.

Однако проверка, проведенная в 1967 г. Челябинским обкомом профсоюза на предприятиях машиностроения, показала, что не во всех трудовых коллективах, в т. ч. на заводе им. С. М. Кирова, уделяли внимание гласности соревнования. На заводе обсудили итоги проверки и разработали мероприятия по устранению недостатков. Гласность стала сопровождать весь процесс соревнования. Так, в цехе № 10 был создан специальный экран, на котором отмечались успехи тех, кто трудился по личным планам повышения производительности труда. Красные полосы отражали текущие итоги работы каж-

² Политический информатор. Челябинск. 1970. № 7. С. 11.

³ Челябинский рабочий. 1970. 7 дек.; Вечерний Свердловск. 1970. 6 нояб.

⁴ ГАСО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 68. Л. 19; Архив Челябинского облсовпрофа (АЧОСПС). Ф. 1693. Оп. 1. Д. 134. Л. 10.

⁵ АЧОСПС. Ф. 27. Оп. 1. Д. 123. Л. 68; Челябинский рабочий. 1970. 3 дек.

дого участника движения. Это позволяло в любой момент определить место каждого в соревновании. Устранение недостатков в организации соревнования положительно сказалось на его результатах. В 1969 г. многие трудящиеся, работавшие по личным планам, трудились в счет 1971 г. В итоге в 1970 г. за счет роста производительности труда выпуск продукции на заводе увеличился на 30,3 %⁶.

Инициативу трудящихся по составлению личных планов поддержали тысячи машиностроителей Свердловской и Челябинской областей. Если к 1967 г. на предприятиях Челябинска было разработано 4 975 таких планов, то к началу 1970 г. по личным и бригадным планам повышения производительности труда и технического прогресса работало более 15 тыс. чел. Они в немалой степени обеспечили трудовые успехи своих коллективов. В марте 1970 г. 10 предприятий Челябинской области рапортовали о досрочном выполнении пятилетки. В Свердловской области к концу 1969 г. каждое третье предприятие машиностроительной промышленности достигло уровня производительности труда, запланированного на конец пятилетки⁷.

На машиностроительных предприятиях Урала была проведена серьезная работа среди трудящихся по вовлечению их в движение за экономию и бережливость, которое давало не только большие экономические выгоды, но имело нравственный, воспитательный характер. Инициаторами этого соревнования в Челябинской области выступили коллективы ЧТЗ, УралАЗа и трубопрокатного завода, в Свердловской — Уралвагонзавода и Северского трубного завода. Большую роль в развитии движения за экономию и бережливость сыграли ежегодно проводимые смотры. В 1966 г. смотры экономии были проведены на большинстве машиностроительных предприятий Челябинской области. Трудящиеся активно вносили предложения по экономии используемых материалов. Так, литейщица Златоустовского завода им. В. И. Ленина Ванюкова предложила использовать отходы от полистирола для изготовления мелких деталей. Электромонтеры Павлушин, Тимошевский и Волокитин решили штамповать мелкие детали на обычных, а не на мощных прессах. Это помогло сберечь значительное количество электроэнергии. В 1966 г. на машиностроительных предприятиях области было сэкономлено 47 тыс. т металла вместо 39 предусмотренных обязательствами⁸.

Значительный опыт по руководству соревнованием за экономию и бережливость был накоплен на Челябинском тракторном заводе. Трудящиеся Челябинского тракторного завода выпустили в 1966 г. сверх плана 500 тракторов, из них 250 — на сэкономленном металле, и внесли в заводской фонд сверхплановой экономии 100 тыс. руб.⁹ Чтобы опыт передовиков стал достоянием всех, на заводе были созданы 9 постоянно действующих семинаров для рабочих. В течение 1969–1970 гг. их слушатели познакомились с работой 11 лучших трудовых коллективов по организации движения за

⁶ Политический агитатор. Челябинск. 1969. № 17. С. 16; Политический информатор. 1970. № 14. С. 8.

⁷ АЧОСПС. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 119. Л. 97; Д. 115. Л. 50; Урал. рабочий. 1970. 16 янв.

⁸ Челябинский рабочий. 1967. 5 янв.

⁹ Там же. 1966. 12 окт.

экономии и бережливость. В результате оно получило широкий размах. Многие тракторостроители поддержали инициативу коллектива кузнечного цеха — к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина работать на сэкономленных материалах. За успехи в соревновании 5 900 рабочих предприятия были награждены юбилейными медалями¹⁰.

Большая работа по совершенствованию соревнования за экономию и бережливость проводилась на Уралвагонзаводе. Возросла роль договорных форм, когда участники соревнований имели конкретных партнеров. Так, активно соревновались коллективы вагонсборочного и полускатно-тележечного цехов¹¹. Договорные формы обеспечивали большую состязательность соревнующихся. Около 1 700 вагоностроителей первыми в области открыли лицевые счета экономии [2, с. 58]. Уже за первые 2 года и 9 месяцев держатели лицевых счетов сэкономили более 2 млн руб., тогда как за все предшествующие годы семилетки по лицевым счетам было сэкономлено материальных ценностей на 2 млн 900 тыс. руб. К концу исследуемого периода 4 тыс. рабочих этого завода имели богатые лицевые счета экономии¹².

Инициатива вагоностроителей получила поддержку на многих машиностроительных предприятиях Свердловской области. Так, на Уралмашзаводе соревнование по лицевым счетам год от года приобретало все больший размах: если в 1966 г. 2 тыс. рабочих имели лицевые счета, то в 1970 г. — 11 тыс. чел., т. е. каждый четвертый работающий на заводе. Трудящиеся УЗТМ внесли весомый вклад в общенародную копилку. Только за 1969 г. держателями лицевых счетов было сэкономлено более 1,5 млн руб.¹³ Все коллективы машиностроительных предприятий Свердловской области поддерживали инициативу работать один день в апреле на сэкономленном сырье, материалах, электроэнергии¹⁴. Коллективы многих предприятий страны по почину свердловчан включились в соревнование на основе лицевых счетов экономии.

На сдвиги в направлениях соревнования значительное влияние оказала проводимая в годы восьмой пятилетки экономическая реформа. Замена показателя валовой продукции показателем реализованной, введение надбавок к ценам за производство продукции повышенного качества и спроса усилили материальную заинтересованность коллективов в выпуске высококачественной продукции. На решение этой важнейшей задачи была направлена творческая мысль участников соревнования машиностроительных предприятий Урала. В годы восьмой пятилетки были найдены новые действенные формы работы по активизации соревнования за повышение качества продукции.

На Уралэлектротяжмаше в 1966 г. при подведении итогов соревнования был введен новый показатель — коэффициент качества, стимулировавший трудящихся бороться за улучшение качества продукции. Администра-

¹⁰ АЧОСПС. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 111. Л. 5, 11.

¹¹ Урал. рабочий. 1966. 18 янв.; Машиностроитель. 1967. 1 февр.

¹² ГАСО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 68. Л. 20; Урал. рабочий. 1966. 19 янв.; Политическая агитация. 1969. № 22. С. 15.

¹³ Политическая агитация. 1971. № 19. С. 17; ГАСО. Ф. 311. Оп. 6. Д. 302. Л. 279.

¹⁴ Архив Свердловского облсовпрофа (АСОСПС). Ф. 311. Оп. 1. Д. 68. Л. 21, 158.

циям и общественным организациям удалось добиться массовости соревнования: в нем участвовало 4 046 чел. От его участников поступило 2 541 предложение, из них 1 311 были внедрены в производство и дали 489,2 тыс. руб. экономии. Так, новый показатель оказался хорошим стимулом для усиления борьбы за выпуск продукции отличного качества. Потери от брака по сравнению с соответствующим показателем 1965 г. снизились на 21 %, а 542 чел. получили право работать с личным клеймом¹⁵.

Повышению качества выпускаемой продукции на УЗТМ во многом способствовало развернувшееся в годы восьмой пятилетки соревнование уралмашевцев с трудящимися Ново-Краматорского завода [3, с. 187]. В договорах коллективов предприятий проблемам качества отводилось важное место. Почин уралмашевцев, возродивших начинание первых лет индустриализации — «перекличку заводов», подхватили металлурги «Запорожстали», Череповецкого металлургического завода, тракторостроители Минска, Челябинска и других заводов.

Большой опыт борьбы за качество продукции был накоплен на Копейском машиностроительном заводе им. С. М. Кирова. Действительной формой активизации соревнования стали заводские смотры качества. Так, в 1970 г. рабочие цеха № 10 в ходе смотра внесли 50 предложений, 36 из них были внедрены. Здесь на всех участках были оформлены графики работы, на которых ежедневно отмечались дефекты, допущенные рабочими. У соревнующихся все полнее проявлялось стремление к самоконтролю. В этом цехе 16 чел. получили личное клеймо. В целом на заводе постоянно увеличивалось число трудящихся и бригад, получавших право пользоваться клеймом ОТК. Это позволяло высвободить значительное количество работников технического контроля, и они переходили на другие участки производства. Так, высокое качество работы позволяло как бы автоматически решить многие другие актуальные социально-экономические проблемы. В результате значительно сократились потери от брака: если в 1964 г. они составляли 0,97 % к объему валовой продукции, то в 1970 — 0,31 %. 90 % всей продукции на заводе сдавалось с первого предъявления. Горные машины, выпускаемые Копейским заводом им. С. М. Кирова, были в числе первых в области, получивших Знак качества¹⁶.

Широкое распространение на уральских предприятиях получила инициатива трудящихся Саратова, разработавших систему бездефектного изготовления продукции. В 1967 г. эта система активно внедрялась более чем на 100 заводах Свердловска¹⁷. Образцы высококачественной работы показывали коллективы Уралвагонзавода, Ирбитского мотоциклетного, Челябинского радиозавода, УралАЗа, Свердловского завода кислородного машиностроения, на которых свыше 90 % продукции сдавалось с первого предъявления, а на турбомоторном заводе 80 % выпускаемых турбин был присвоен государ-

¹⁵ГАСО. Ф. 311. Оп. 6. Д. 337. Л. 109; Д. 248. Л. 101; Урал. рабочий. 1967. 1 дек.

¹⁶Челябинский рабочий. 1970. 10 окт.; АЧОСПС. Ф. 27. Оп. 1. Д. 118. Л. 17.

¹⁷Правда. 1967. 2 дек.

ственный Знак качества. Уралхиммашзавод был первым предприятием химической промышленности страны, на продукции которого стоял этот знак¹⁸.

Однако на большинстве машиностроительных предприятий Челябинской области борьба за повышение качества продукции не приняла широкий размах, что отрицательно сказалось на производственных результатах коллективов. По-прежнему на машиностроительных предприятиях Челябинской области были велики потери от брака. В 1970 г. они составили 34,5 млн руб. (0,6 % себестоимости валовой продукции). За годы восьмой пятилетки только 5 изделий машиностроения Челябинской области были удостоены Знака качества, в то время как в Свердловской области Знак качества был присвоен 27 видам продукции машиностроительных предприятий¹⁹ [4, с. 95].

На многих машиностроительных предприятиях Челябинской области по-прежнему наиболее распространенным направлением соревнования оставалось перевыполнение плана по количественным, объемным показателям. Заинтересованность в перевыполнении задания снижала внимание к качеству продукции, экономии материалов, затрудняла введение технически обоснованных норм выработки. Однако на ведущих предприятиях машиностроения Среднего и Южного Урала произошли существенные сдвиги в направлениях соревнования, оно все больше подчинялось задачам интенсификации общественного производства. В исследуемый период возросло и количество соревнующихся. Это можно видеть из таблицы 1. Количество соревнующихся на машиностроительных предприятиях Свердловской области увеличилось на 6,3 %, в Челябинской — на 2,9 %.

Таблица 1

Рост численности участников соревнования на машиностроительных предприятиях Урала, %

	1965	1970
Удельный вес соревнующихся в общей численности рабочих и служащих СССР	71,6	77,8
Удельный вес соревнующихся в общей численности рабочих и служащих машиностроения Урала	$\frac{77,2^*}{89,1}$	$\frac{83,5}{92}$

*В числителе — данные по Свердловской области
В знаменателе — данные по Челябинской области

Таблица составлена по: *Ежов В. А., Ваксер А. З., Труфанов И. П.* Рабочий класс СССР в годы девятой пятилетки. Л., 1978. С. 133; ГАСО. Ф. 2059. Оп. 2. Д. 53. Л. 144; Оп. 1. Д. 389. Л. 43.

Однако на некоторых машиностроительных предприятиях допускались просчеты в руководстве соревнованием. Это проявилось, например, в стремлении как можно больше вовлечь в движение рабочих и инженерно-технических работников без создания необходимых для того условий. Несвоевременно подводились итоги соревнования, недостаточно использова-

¹⁸АСОСПС. Ф. 311. Оп. 1. Д. 90. Л. 172; Политическая агитация. 1969. № 9. С. 14.

¹⁹Челябинский рабочий. 1971. 25 февр.

лись моральные и материальные стимулы для поощрения участников движения, принимались неконкретные обязательства²⁰. Сдерживали подъем трудовой активности машиностроителей Урала в исследуемый период медленные темпы сокращения неквалифицированного, тяжелого физического труда. По-прежнему оставался значительным разрыв в уровне механизации основных и вспомогательных работ. Труд рабочих вспомогательного производства был механизирован в 2 раза ниже, чем основного. Во вспомогательных службах только на машиностроительных и металлообрабатывающих заводах Свердловской области в исследуемый период было занято свыше 50 тыс. чел. [4, с. 99].

Библиографический список

1. *Ежов В. А., Ваксер А. З., Труфанов И. П.* Рабочий класс СССР в годы девятой пятилетки. Л, 1978.
2. *Потапов И. И., Герасимов А. А.* Соревнование — эффективность и качество. Свердловск, 1977.
3. Рабочий класс СССР. 1966–1970. М., 1979.
4. *Рябов А. П., Скулкин М. Р.* Некоторые проблемы повышения эффективности производства. Свердловск, 1971.

О. К. Maksimova

Candidate of Historical Sciences, Ural State Agricultural Academy (Yekaterinburg, Russia)

Socialist Emulation on the Ural Mechanical Engineering Plants (1966–1970)

The paper considers the organization of socialist emulation of workers on the Ural mechanical engineering plants in 1966–1970. The author shows the influence of economic policy of this period on the forms and methods of the emulation.

Key words: Socialist emulation, mechanical engineering, the Urals, the eighth five-year plan

²⁰ГАСО. Ф. 2059. Оп. 1. Д. 391. Л. 30; Оп. 6. Д. 302. Л. 282; Оп. 2. Д. 51. Л. 91; АЧОСПС. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 106. Л. 40.

БЮДЖЕТНЫЕ СИСТЕМЫ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XXI в.

В статье исследуются традиции и современное значение региональных и местных бюджетов в общегосударственной финансовой системе страны, их взаимоотношения с федеральным (государственным) бюджетом России.

Ключевые слова: история финансовой и бюджетной политики, земские сборы, местные и региональные налоги, межбюджетные отношения

Современный этап налоговой и бюджетной реформ в Российской Федерации выделяется высокой динамичностью. При этом бюджетно-налоговый федерализм как форма бюджетного устройства в федеративном государстве предполагает реальное участие всех звеньев бюджетной системы в едином бюджетном и налоговом процессах, в равной степени ориентированном и на учет общегосударственных интересов, и на реализацию интересов субъектов Российской Федерации. Данная проблема является предметом исследования главным образом экономистов и правоведов.

Многоуровневая бюджетная система дореволюционной России получила некоторое логическое завершение после проведения буржуазных реформ 1860–1870-х гг. В 1864 г. в 43 губерниях Европейской России при организации местных всеобщих органов власти — земств — были введены губернские и уездные земские сборы и повинности. Тем самым было положено начало разделению бюджетов России на несколько уровней. Казенные налоги (поземельный сбор, промысловый налог, квартирный налог, акцизы, фискальные монополии, пошлины и др.) являлись основным источником пополнения государственного бюджета. Губернские и уездные земские сборы, по сути, составили бюджет регионов. В конце XIX — начале XX в. приоритетными направлениями в деятельности земств стали просвещение и здравоохранение¹.

Больших масштабов в пореформенный период достигли местные мирские сборы городских и сельских обществ. Например, если до 1905 г. мирские сборы с крестьянства Среднего Поволжья были заметно меньше казенных, то с отменой выкупных платежей в 1906–1907 гг. их тяжесть сравнялась. В то же время поступление мирских сборов превышало земские платежи в среднем в 1,4 раза. Источники отмечают достаточно стабильную выплату крестьянами мирских налогов даже в годы неурожая, что говорит об их приоритете для сельского населения в отличие от казенных и земских сборов [6, с. 90–93].

В конце XIX — начале XX в. в структуре мирских расходов сельских обществ произошли изменения, связанные с относительным ростом сборов.

*Олег Иванович Марискин

Д.и.н., Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, Саранск, Россия; mariskinoi@mail.ru

¹Доходы и расходы земств 40 губерний по сметам за 1913 г. Пг., 1915. с. LXXXVII.

Доля, идущая на содержание волостного и сельского административного аппарата, сократилась и составила 27 % в 1905 г. (в 1881 г. — 45,3 %). Более 9 % из мирских сумм составляли расходы на народное образование и столько же на религиозные потребности, около 8 % тратилось на уплату казенных, земских и других сборов, 5 % — на подводную повинность. В этот период значительно возросли сборы, использовавшиеся на покрытие сельскохозяйственных расходов (более 15 %)².

Конституция 1918 г. установила федеративное устройство РСФСР и заложила основы бюджетного устройства государства. Принцип централизации всех финансов выразился в установлении единства государственного бюджета и всей финансовой системы Российской Федерации, включении государственных доходов и расходов в общегосударственный бюджет. Вместе с тем в Конституции предусматривалось разделение государственного и территориальных бюджетов (бюджетов автономных республик и областей), т. е. разделение государственных и территориальных доходов и расходов.

Чрезмерный выпуск бумажных денег в годы «военного коммунизма» и Гражданской войны привел к расстройству государственных финансов. Доля прямых налогов в доходах Советского государства из-за чрезмерной эмиссии и расстройства государственных финансов значительно сокращалась: в 1918 г. — 75,9 %, 1919 — 5,7, в 1920 — 0,1 %³.

С образованием в 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик и принятием в 1924 г. Конституции СССР были внесены изменения в бюджетную систему: образуется государственный бюджет СССР, в который вошли государственные бюджеты социалистических республик, составлявших СССР, создается союзный бюджет, на который было возложено финансовое обеспечение общесоюзных нужд и мероприятий. Местные бюджеты (автономных республик, краевые, областные, городские, районные, сельские) не включались в состав бюджетов союзных республик и в государственный бюджет СССР [3, с. 74].

До конца 1920-х гг. по обычаю сельская община имела право на самообложение — мирские сборы. В 1926/27 гг. на территории РСФСР самостоятельный бюджет имели всего 1 815 сельсоветов (3,2 %). Общая сумма их бюджетов составляла 15,6 млн руб. Бюджет же сельских земельных обществ исчислялся в 70 млн руб. (по другим данным, в 80–100 млн руб. и более) [2, с. 128–129].

Со второй половины 1920-х гг. была усилена целенаправленная политика государства по расширению прав сельсоветов за счет ущемления прав общин. 14 марта 1927 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили «Положение об общих собраниях (сходках) граждан в сельских поселениях», по которому сельсоветам предоставлялись права руководителя и главного организатора

²Мирские доходы и расходы крестьян за 1891 г. в 50-ти губерниях Европейской России. СПб., 1895. с. XIX, XXXI; Мирские доходы и расходы за 1905 г. по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1909. с. XXXII, XXXIX.

³Народный комиссариат финансов (1917–1922). М., 1922. С. 51–54.

хозяйственно-политической жизни в селе. Постановлением от 24 августа 1927 г. ЦИК и СНК СССР «О самообложении населения»⁴ вводилось обязательное самообложение для всех граждан данного селения. Перечень местных культурных и хозяйственных нужд, на удовлетворение которых могло устанавливаться такое самообложение, содержался в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 7 января 1928 г. «О порядке самообложения населения»⁵. Сюда относились устройство и хозяйственное содержание учреждений культуры, просвещения, здравоохранения и социального обеспечения, а также учреждений по развитию сельского хозяйства; строительство и ремонт дорог и мостов; противопожарная охрана; благоустройство и охрана селений. Сборы на нужды административного характера строго воспрещались.

21 декабря 1931 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О республиканских и местных бюджетах», направленное на укрепление республиканского и местного звеньев бюджетной системы. Им стала передаваться часть государственных доходов — налога с оборота, поступлений от реализации государственных займов и др. Передача этих средств осуществлялась в порядке бюджетного регулирования в виде процентных отчислений от общегосударственных налогов и доходов, ставших регулирующими источниками для балансирования территориальных бюджетов [8, с. 104]. В дальнейшем этот принцип стал распространяться на другие общегосударственные источники.

Окончательное формирование бюджетной системы СССР связано с Конституцией 1936 г. Усиление централизованного начала в управлении народным хозяйством и финансами государства нашло отражение в ст. 14 Конституции СССР, где было зафиксировано, что к ведению союзных органов власти относилось не только утверждение государственного бюджета СССР и отчета о его исполнении, но и установление налогов, поступавших в союзный бюджет, бюджеты союзных республик и местные бюджеты.

Завершение централизации бюджетной системы СССР произошло в 1938 г. с принятием Второй сессией Верховного Совета СССР решения о включении в Единый государственный бюджет СССР местных бюджетов (начиная от первичного звена — сельского бюджета), а также бюджета государственного социального страхования [7, с. 174].

Таким образом, в конце 1920-х — 1930-е гг. советское правительство последовательно проводило политику централизованного управления и планирования народного хозяйства, в ущерб развитию товарно-денежных отношений и формированию хозяйственного механизма. Государственная собственность на средства производства в период социалистической плановой экономики определила роль государственного бюджета как бюджета всего народного хозяйства, централизовавшего и использовавшего значительную часть национального дохода. Бюджет стал основным координирующим планом образования и использования общегосударственного фонда денежных средств.

⁴СЗ СССР. 1927. № 57. Ст. 509.

⁵СУ РСФСР. 1928. № 8. Ст. 73; 2, Л. 24.

В СССР утверждался Государственный бюджет СССР, в состав которого входили союзный бюджет, находившийся на верхнем уровне бюджетной системы, и государственные бюджеты союзных республик. В свою очередь, в состав последних включались республиканские бюджеты союзных республик, государственные бюджеты автономных республик и местные бюджеты. К местным бюджетам относились: краевые, областные, включая бюджеты автономных областей (в краях), окружные бюджеты национальных или автономных округов (в областях), бюджеты городов республиканского (союзных республик, АССР), краевого, областного подчинения, районов. Низовым уровнем местных бюджетов являлись бюджеты внутригородских районов, городов районного подчинения, бюджеты поселков, сельских Советов (сельские бюджеты).

К 1990-м гг. в бюджетную систему СССР входили союзный бюджет, 15 бюджетов союзных республик, 20 бюджетов автономных республик и 51 336 местных бюджетов. В союзном бюджете сосредоточивалось более половины средств государственного бюджета страны: в 1988 г. — 55,4 % доходов бюджетной системы страны, включая бюджет социального страхования [4, с. 160].

Становление федеративной системы бюджетно-налоговых отношений в современной России началось с принятия в октябре-декабре 1991 г. федеральных законов об основах налоговой системы и об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса, утвердивших принципы и механизмы формирования и взаимодействия бюджетов разных уровней власти.

Принятый 10 октября 1991 г. республиканский закон «Об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса в РСФСР» устанавливал иной вид бюджетного устройства страны. Предусматривалось, что бюджетная система РСФСР представляет совокупность республиканского бюджета РСФСР (в Конституции 1993 г. он получил название федеральный), республиканских бюджетов республик в составе РСФСР, бюджетов национально-государственных и административно-территориальных образований РСФСР. При этом все бюджеты, входившие в бюджетную систему РСФСР, объявлялись самостоятельными [4, с. 160].

Главным (верхним) звеном современной бюджетной системы Российской Федерации является федеральный бюджет. На нижестоящих, территориальных уровнях бюджетной системы формируются самостоятельные бюджеты, не входящие в состав вышестоящих бюджетов. Вторым (средним) уровнем являются республиканские бюджеты республик; краевые бюджеты краев; областные бюджеты областей; областной бюджет автономной области; окружные бюджеты автономных округов; городские бюджеты городов федерального значения (Москвы и Санкт-Петербурга). Третий уровень — местные бюджеты (городские бюджеты городов краевого, областного значения; районные бюджеты районов; внутригородские районные бюджеты; городские бюджеты городов районного значения; бюджеты поселков; бюджеты сельских администраций, объединяющие несколько сельских поселений).

Закон от 10 октября 1991 г. предусматривал составление консолидированного бюджета, представлявшего собой свод бюджетов соответствующей территории, не подлежащий утверждению, а используемый для расчетов и анализа. Российскому государству срочно требовалось создать и свою систему формирования доходной части бюджета. Именно в тот период была осуществлена широкомасштабная комплексная налоговая реформа, были подготовлены и приняты основополагающие налоговые законы Российской Федерации: «О налоге на добавленную стоимость» от 6 декабря 1991 г., «О подоходном налоге с физических лиц» от 7 декабря 1991 г., «О налоге на прибыль предприятий и организаций» и «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» от 27 декабря 1991 г.

Период становления российского бюджетно-налогового федерализма (1991–1993 гг.) являлся исключительно динамичным и внутренне противоречивым. Он характеризовался «стихийными» поисками путей реальной децентрализации бюджетно-налоговой системы в интересах Федерации и ее субъектов, политически, экономически и социально приемлемых темпов и масштабов этого процесса. Однако в полной мере, как отмечают многие исследователи, не удалось обеспечить согласованное разграничение бюджетно-налоговых полномочий и ответственности органов власти разных уровней. Становление системы распределения налоговых доходов по бюджетам разных уровней столкнулось с серьезными препятствиями и было поддержано не всеми субъектами Федерации. Именно тогда Башкортостан, Татарстан, Чечня и Якутия, препятствуя перечислению в федеральный бюджет собранных на их территории налогов, фактически перешли на одноканальный бюджетно-налоговый режим [1, с. 8]. Аналогичные попытки предпринимались в те годы и другими регионами, из-за чего этот период называли «бюджетной войной центра и регионов».

Налоговый сепаратизм усугубляло подписание в 1994 г. соглашения, позволившее Татарстану и Башкортостану зачислять в свой бюджет дополнительные поступления от федеральных налогов (в частности, 100 % акцизов). Подобным было и решение Народного Хурала республики Калмыкии, в результате которого в августе 1998 г. в бюджет республики были незаконно перечислены 236 млн руб. [5].

В 1994 г. были произведены кардинальные изменения в механизме горизонтального бюджетного выравнивания. Были введены единые нормативы отчислений от основных федеральных налогов в бюджеты субъектов Федерации. Принципиально новым в регулировании межбюджетных отношений стало создание федерального целевого бюджетного Фонда финансовой поддержки субъектов Федерации — регионов (ФФПР), средства (трансферы) которого впервые должны были распределяться на основе формулы и расходоваться в соответствии с единой для всех регионов методикой. Право на получение трансфертов из ФФПР ежегодно получали 70-80 субъектов Федерации из 89 [1, с. 19].

В то же время реформа слабо коснулась субрегиональных отношений. Субъекты Федерации продолжали строить свои отношения с местными бюд-

жетами так же, как и в советский период. Начиная с 1995 г. постепенно увеличивалось число регионов, где в составе регионального бюджета создавался и распределялся на формализованной основе Фонд финансовой поддержки муниципальных образований, велся поиск оптимальных вариантов межбюджетных отношений.

В 1996 г. в рамках действующего законодательства в Республике Мордовия начала формироваться своя нормативно-правовая база, регулирующая и закрепляющая права органов местного самоуправления. Данная система соответствовала общепринятым в России нормам построения межбюджетных отношений, но по механизму финансового взаимодействия между бюджетами разного уровня существенно отличалась от повсеместно применяемой в стране.

Механизм взаимодействия между всеми субъектами межбюджетных отношений был основан на следующих подходах: самостоятельный бюджет каждому муниципальному образованию независимо от его уровня; нормативный подход к определению расходов; четкое разграничение расходных полномочий и доходных источников между республиканским бюджетом, бюджетами муниципальных образований и местных сообществ; начисления и выплаты из вышестоящего бюджета несамодостаточным территориям — в зависимости от выполнения набора показателей социально-экономического развития; стабильность системы межбюджетных отношений.

Доходная база дотационным территориям строилась на двух основных источниках: непосредственное поступление собственных доходов, в т. ч. регулирующих доходов, и заработанные перечисления из вышестоящего бюджета. Если местными налогами не обеспечивалось надлежащее исполнение расходных полномочий, то за районами закреплялись в полном объеме поступления от налога с продаж, налога на имущество предприятий и организаций, а также от регулирующих федеральных налогов — единого налога на вмененный доход, налога на прибыль, налога на доходы физических лиц, акцизов, собираемых на территории республики. В доходной части бюджета сельских и поселковых администраций, кроме того, предусмотрен дополнительный доходный источник — отчисления от налога на прибыль и подоходного налога, перечисляемых перерабатывающими предприятиями в части доли закупок на данной территории молока, мяса, сахарной свеклы и других видов сельскохозяйственной продукции.

С 1 января 2006 г. в Республике Мордовия вступили в силу положения федерального законодательства в части организации местного самоуправления и межбюджетных отношений, определяющие порядок установления дополнительных нормативов отчислений от регулирующих доходов и формирующие четкую систему межбюджетных трансфертов.

Согласно Бюджетному кодексу РФ, субъекты Федерации должны иметь равные права во взаимоотношениях с федеральным бюджетом, а местные бюджеты — равные права во взаимоотношениях с бюджетом субъекта Федерации (региональным бюджетом). На практике это положение не всегда соблюдалось. Так, до 2002 г. Республики Татарстан и Башкортостан имели

повышенные нормативы отчислений от некоторых федеральных налогов по сравнению с другими субъектами Федерации и лишь затем они вошли в общедифедеральное правовое поле межбюджетных отношений. Но при этом им были предусмотрены федеральные программы по социально-экономическому развитию с ежегодным выделением средств из федерального бюджета.

Таким образом, дальнейшее совершенствование бюджетно-налогового федерализма в Российской Федерации должно строиться на принципе эффективной и справедливой системы межбюджетных отношений, законодательно закреплённой, основанной на единых принципах, стабильных и предсказуемых финансовых взаимоотношениях между центральными, региональными и местными органами власти.

Библиографический список

1. Бюджетный федерализм в России: проблемы, теория, опыт / И. Трунин, А. Золотарева, С. Синельникова и др. М., 2001.
2. Данилов В. П. Об исторических судьбах русской крестьянской общины // Ежегодник по аграрной истории: Проблемы истории русской общины. Вологда, 1976.
3. Дьяченко В. П. История финансов СССР (1917–1950 гг.). М., 1978.
4. История Министерства финансов России: в 4 т. М., 2002. Т. IV.
5. Лавров А., Христенко В. Экономика и политика российского бюджетного федерализма (27 ноября 1998 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minfin.ru>
6. Марискин О. И. Государево тягло. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX — первой трети XX в. (по материалам Среднего Поволжья). Саранск, 2004.
7. Плотников К. Н. Очерки истории бюджета советского государства. М., 1954.
8. Ровинский Н. Н. Государственный бюджет СССР. Л., 1949.

O. I. Mariskin

Doctor of Historical Sciences, N.P. Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia)

Budgetary Systems in Russia in the Second Half of the 19th — Early 20th Century

The article considers traditions and modern value of regional and local budgets in the national financial system and their relationship with the federal (state) budget of Russia.

Key words: history of financial and budgetary policy, district fees, local and regional taxes, interbudgetary relations

РАЗВИТИЕ ТАНКОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

Статья раскрывает основные этапы развития танковой промышленности СССР в условиях Великой Отечественной войны, показываются география танковых предприятий, динамика производства, переход на новые технологии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Народный комиссариат танковой промышленности, танки, самоходные артиллерийские установки

Советская танковая промышленность прошла длинный и тяжелый путь в годы II Мировой войны. В течение 1939 — первой половины 1941 г. танковые заводы страны разрабатывают и внедряют в серийное производство новые модели танков, значительно расширяется география танковой промышленности за счет восточных предприятий. Все предприятия, занятые в изготовлении танков, концентрировались в трех производственных центрах. Первый находился в Ленинграде. Здесь размещались Кировский завод (тяжелые танки КВ-1 и КВ-2) и Ленинградский машиностроительный завод № 174 им. К. Е. Ворошилова (легкие танки Т-50).

Второй центр танковой промышленности был основан на Украине. Это Харьковский паровозостроительный завод им. Коминтерна № 183 (ХПЗ), где были разработаны и внедрены в серийное производство в 1940 г. знаменитые средние танки Т-34. Кроме ХПЗ здесь располагался моторостроительный завод № 75, выпускавший танковые дизельные двигатели В-2. Третий центр располагался в районе Москвы и основывался на автомобилестроении: сборочный завод № 37 выпускал легкие машины из деталей, поставляемых Горьковским автозаводом (ГАЗ). В 1940 г. завод перешел на выпуск легких танков-амфибий Т-40.

После начала II Мировой войны, в середине 1940 г., советское руководство принимает решение о существенном расширении производственной базы танкостроения за счет машиностроительных и металлообрабатывающих предприятий Поволжья и Урала. В Сталинграде, на Сталинградском тракторном заводе (СТЗ), начинается подготовка сборочного производства танков Т-34. Тяжелые танки серии «КВ» и топливную аппаратуру к дизельным двигателям было решено изготавливать на Челябинском тракторном заводе (ЧТЗ), а корпуса — на заводе № 78 Наркомата боеприпасов (НКБ)². Таким образом, география танковой промышленности страны начинает расширяться за счет формирования двух новых центров по производству средних (Сталинград) и тяжелых (Челябинск) танков.

*Никита Николаевич Мельников

К.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; kit2007@e1.ru

¹Работа выполнена по бюджетной теме X.105 и программе ОИФН № 12-Т-6-1003

²ОГАЧО. Ф. Р-792. Оп. 1. Д. 57. Л. 59–85.

Но Великая Отечественная война серьезным образом изменила новую, находившуюся в стадии формирования, структуру танкостроительной отрасли. В течение первых дней войны руководство страны решило значительно расширить восточные производственные центры танковой промышленности за счет новых машиностроительных предприятий и подключения местных металлургических заводов к производству брони.

Сталинградские предприятия получают государственное задание, предписывающее увеличить выпуск средних танков Т-34. Но производственная база Т-34 продолжает увеличение за счет подключения к выпуску среднего танка предприятий Горьковской области: судостроительный завод «Красное Сормово» начинает подготовку сборочного производства Т-34, Кулебакский металлургический завод — корпусного производства.

ЧТЗ резко увеличивает танковое производство. На основании постановления ГКО, во второй половине июля 1941 г. ленинградцы командировали на ЧТЗ часть своих ведущих конструкторов и специалистов по производству танков во главе с заместителем главного конструктора Кировского завода Н. Л. Духовым, выслали большое количество специальной оснастки, приспособлений и инструментов, изготовили для челябинцев ряд сложных заготовок и деталей танков. Таким образом, в первые месяцы войны ЧТЗ увеличил выпуск танков с 21 шт. во II квартале до 75 шт. в III квартале 1941 г., т. е. более чем в три раза [1].

Во второй половине 1941 — первой половине 1942 г. СССР теряет крупнейшие танковые предприятия на западе страны и вынужден развивать танковое производство в восточных районах, прежде всего на Урале. Именно восточные металлургические и машиностроительные заводы стали главным фактором оснащения Красной Армии бронетанковой техникой с конца 1941 г.

Таблица 1

Производство танков и САУ в 1941 — в первой половине 1945 г.

	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г. (I–II кв.)	Всего	
Танки и САУ	6 440	24 704	23 925	28 958	15 097	99 124	
	тяжелые	1 358	2 578	2 034	4 764	3 030	13 762
	средние	3 014	12 527	16 581	17 041	8 505	57 668
	легкие	2 068	9 599	5 310	7 155	3 562	27 694
Танки	6 440	24 653	19 942	16 898	8 755	76 688	
	тяжелые	1 358	2 553	719	2 250	1 520	8 400
	средние	3 014	12 527	15 821	14 648	7 235	53 245
	легкие	2 068	9 573	3 402	—	—	15 043
САУ	—	51	3 983	12 060	6 342	22 436	
	тяжелые	—	25	1 315	2 512	1 510	5 362
	средние	—	—	760	2 393	1 270	4 423
	легкие	—	26	1 908	7 155	3 562	12 651

Таблица составлена по: РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 728. Л. 162–164.

Промышленность за годы войны дала действующей армии такое количество бронетехники, что этого оказалось достаточно для победы над фашистской Германией. В марте 1944 г. профессор, генерал-майор бронетанковых войск Н. И. Груздев на заседании танковой секции технического совета НКТП СССР, говоря о проблемах оснащения войск новой техникой, высказал следующую мысль: «Смысл перевооружения состоит в том, чтобы сделать технику врага на поле боя неполноценной, т. е. заставить противника отказаться от действующей техники — произвести перевооружение, следовательно, временно, но резко сократить выпуск продукции для фронта... [Но] Чтобы перевооружение прошло быстро, необходимо иметь заранее отработанные типы агрегатов»³.

Вооруженные силы Советского Союза на протяжении всей войны имели в своем составе относительно ограниченное количество различных типов бронетехники, причем в основном это были образцы, разработанные еще в довоенный период и в течение войны подвергавшиеся только дальнейшей модернизации. Это касается легких и средних танков и самоходно-артиллерийских установок (САУ) на их основе, которые стали выпускаться с конца 1942 г.

Советская танковая промышленность, в отличие от промышленности Германии и стран-союзников по антигитлеровской коалиции, в течение войны смогла ограничиться внедрением в серийное производство только одной новой модели. Все остальные модели танков были или разработкой довоенного периода (КВ-1, Т-34, Т-40), или дальнейшей их модификацией (КВ-1с, КВ-85, Т-34-85, Т-60, Т-70, Т-80), или являлись самоходной установкой на основе серийной модели (СУ-152, СУ-122, СУ-85, СУ-100, СУ-76), а, значит, не требовали серьезных изменений производственного процесса.

Из данных таблицы 1, рис. 1–2 видно, что советская танковая промышленность уже в 1942 г. выпустила наибольшее количество танков. Это был период, когда в первой половине года эвакуированная на восток танковая промышленность находилась в стадии восстановления, а летом были потеряны крупнейший на тот момент производитель танка Т-34 — Сталинградский тракторный завод (СТЗ) и предприятия-смежники.

Однако этот показатель оказался достигнут во многом за счет повышения доли легких танков (около 40 % в общем объеме производства). Уже в следующем 1943 г. их полностью снимают с производства, а доля легких машин продолжает сохраняться только за счет САУ на базе легкого Т-70, запущенных в серийное производство в конце 1942 г. В связи с переориентацией на легкие самоходки вместо танков их производство резко увеличивается в 1944 г. по сравнению с предыдущим годом.

³РГАЭ. Ф. 8252. Оп. 1. Д. 331. Л. 7–8.

Производство танков в СССР в 1941 — первой половине 1945 г.

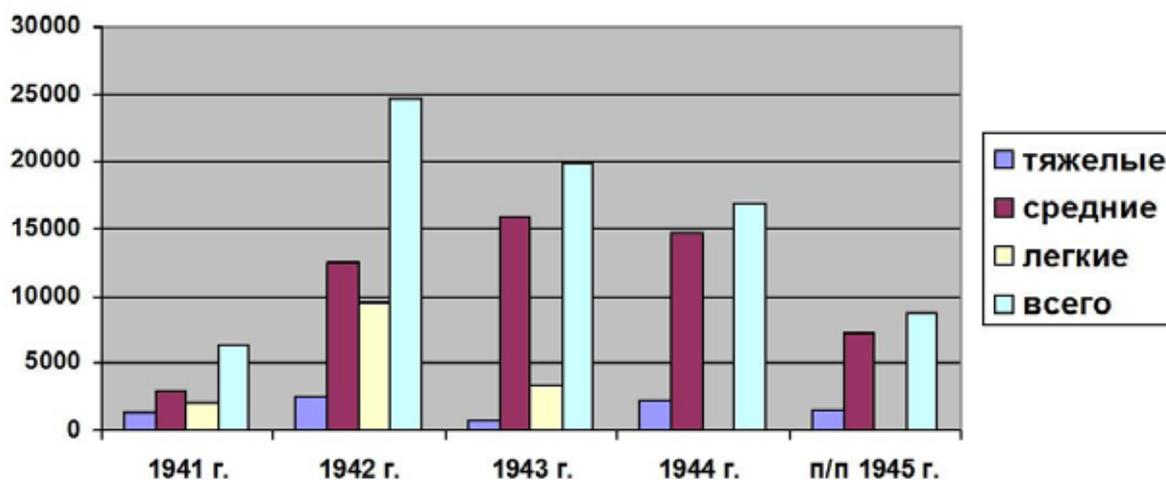

Диаграмма составлена по: РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 728. Л. 162–164.

Производство танков и САУ в СССР в 1941 — первой половине 1945 г.

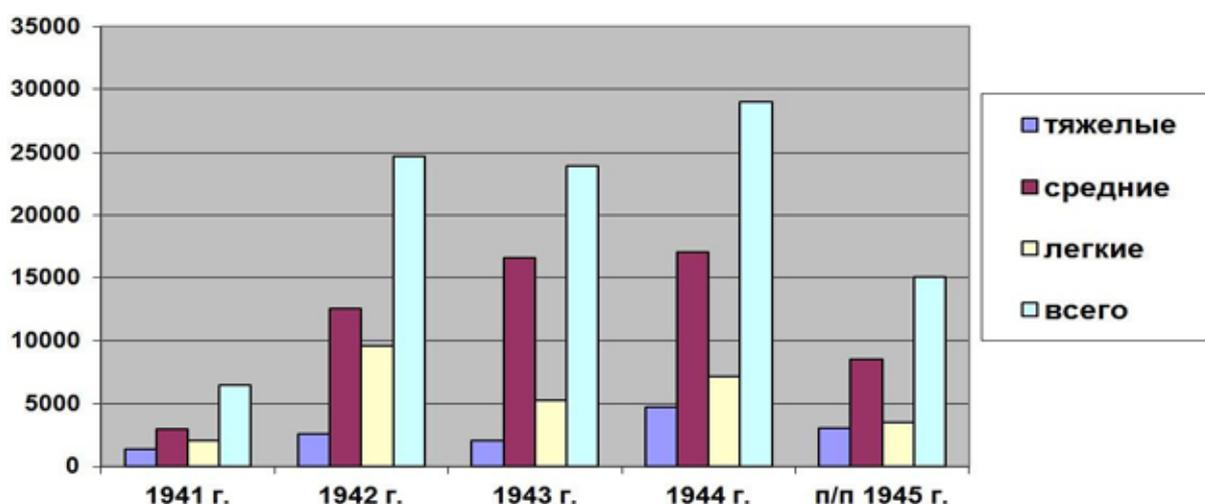

Диаграмма составлена по: РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 728. Л. 162–164.

Единственным танком, который с учетом всех модификаций (включая САУ на его базе) прошел всю войну, был средний Т-34. Его производство непрерывно росло до 1943 г. В 1942 г., после потери СТЗ, танковая промышленность смогла продолжить рост выпуска среднего танка за счет подключения к его производству Уральского завода тяжелого машиностроения (УЗТМ) и челябинского Кировского завода (бывший Челябинский тракторный завод).

В конце 1943 г. УЗТМ прекращает выпуск Т-34 и сосредотачивается на выпуске противотанковых САУ на его базе (СУ-85 и СУ-100). В начале 1944 г. Кировский завод также прекращает производство среднего танка, а

все свои мощности сосредотачивает на производстве тяжелых машин серии ИС (тяжелый танк ИС-2, самоходные установки ИСУ-152 и ИСУ-122). Это стало причиной общего сокращения производства средних танков в 1944 г., но с учетом выпуска СУ-85 и СУ-100 общий рост производства средних машин не прекратился (см. рис. 2).

Танки и САУ серии ИС стали единственными машинами, которые были приняты на вооружение и серийно производились уже в ходе войны, что полностью подтверждает мысль Н. И. Груздева о пагубности полного перевооружения. Рис. 1–2 наглядно иллюстрируют этот тезис. В 1943 г., когда Кировский завод начинает активную разработку и подготовку новой серии ИС, резко сокращается выпуск тяжелых машин. Однако здесь нужно учитывать следующий момент: во второй половине 1942 г. завод сосредотачивается на выпуске среднего танка Т-34. Следовательно, большая часть мощностей предприятия была задействована не на создании нового тяжелого танка, а на производстве среднего.

Решение правительства сохранить общий объем производства Т-34 во второй половине 1942 г. имело далеко идущие последствия. Приказом по НКТП Уралмашу и Кировскому заводу предписывалось в течение августа 1942 г. подготовить производство и с сентября начать выпуск Т-34. В целях обеспечения новой программы на УЗТМ прекращалось производство корпуса КВ и в состав предприятия, в качестве филиала, включался завод № 37 НКТП (так перестало существовать головное предприятие по производству легких танков). Для Кировского завода план выпуска тяжелых танков значительно сократился⁴.

На свердловском и челябинском танковых предприятиях сложилась ситуация, напоминая события конца 1941 — начала 1942 г., когда в экстренном порядке необходимо было внедрить технологию, изготовить оснастку и наладить серийный выпуск новой, ранее незнакомой продукции. Хотя прежняя программа была существенно сокращена, уральским предприятиям так и не удалось выполнить переход на запланированные объемы выпуска среднего танка в установленные наркоматом сроки⁵. В сложившейся обстановке выход был найден не в сокращении программы, а в интенсификации производственных процессов.

Во-первых, с февраля 1943 г. заводы, имевшие корпусное производство, осуществляют переход с отливки в песчаную форму на технологию отливки в кокиль (металлическую форму). Благодаря применению кокильного литья в 2–3 раза увеличилась производительность, снизился брак и расход кислорода и ацетилен. Более того, такая деталь корпуса приобрела более высокие механические свойства, а ее бронестойкость была увеличена на 15 %⁶.

⁴ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 25. Л. 644.

⁵Там же. Д. 26. Л. 1058–1059, 1173, 1243; Д. 66. Л. 15–16; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 292. Л. 57; Оп. 7. Д. 311. Л. 46–47.

⁶ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 67. Л. 89, 118, 123–129; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 288. Л. 95.

Во-вторых, в течение 1943 г. заводы внедряют в массовое производство автоматическую сварку по методу академика Е. О. Патона (метод был разработан еще в 1940 г.). Его новизна заключалась в том, что, с одной стороны, метод позволял резко повысить производительность труда и увеличить скорость сварки в несколько раз, а, с другой стороны, сокращал в разы потребность в сварщиках (см. табл. 2). Приказом наркома танковой промышленности И. М. Зальцмана № 200с от 28 марта 1943 г. определялось количество и срок установки аппаратов автосварки на бронекорпусных заводах наркомата⁷.

Таблица 2

Результат внедрения автоматической сварки на УТЗ № 183 (по отдельным операциям)

1. Рост производительности труда

Узел корпуса	Затраченное количество часов на сварку одной единицы		Рост производительности труда
	автоматическая	ручная	
Сектор погона башни	0,79	5,1	в 6,5 раз
Борт с днищами подкрылков	2,5	15,4	в 6,0 раз

2. Сокращение потребности в рабочей силе

Узел корпуса	Количество сварщиков		Экономия рабочей силы, %
	автоматическая	ручная	
Сектор погона башни	0,07	0,5	86
Борт с днищами подкрылков	0,22	1,4	84

Таблица составлена по: История танкостроения на УТЗ № 183. Т. 2. Кн. 1. С. 132 // Коллекция документов музея УВЗ.

И, в-третьих, применение конвейерно-поточного метода производства. Переход на поточную и конвейерную организацию производства позволил не только значительно сократить потребность в рабочих кадрах и облегчить их труд, но и в среднем снизить квалификацию работников. Была изжита штурмовщина, когда предприятия стали выпускать продукцию более ритмично, а выполнение графика производства стало нормой. Из данных таблицы 3 видно, что если в 1942 г. около половины машин изготовлялось в третьей декаде месяца, то в 1943–1944 гг. ритмичность выпуска танков на заводе № 183 была почти идеальной.

Таблица 3

Ритмичность выпуска танков на УТЗ им. Коминтерна, % к итогу

декада	1942 г.		1943 г.		1944 г.	
	июль	декабрь	июль	декабрь	июль	декабрь
I	8,0	20,6	27,4	30,6	30,2	31,5
II	36,0	31,4	30,2	30,6	31,3	32,4
III	56,0	48,0	42,4	38,8	38,5	37,1

Таблица составлена по: Антупьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 174.

⁷ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 36. Л. 407–413.

Динамика выпуска танков Т-34

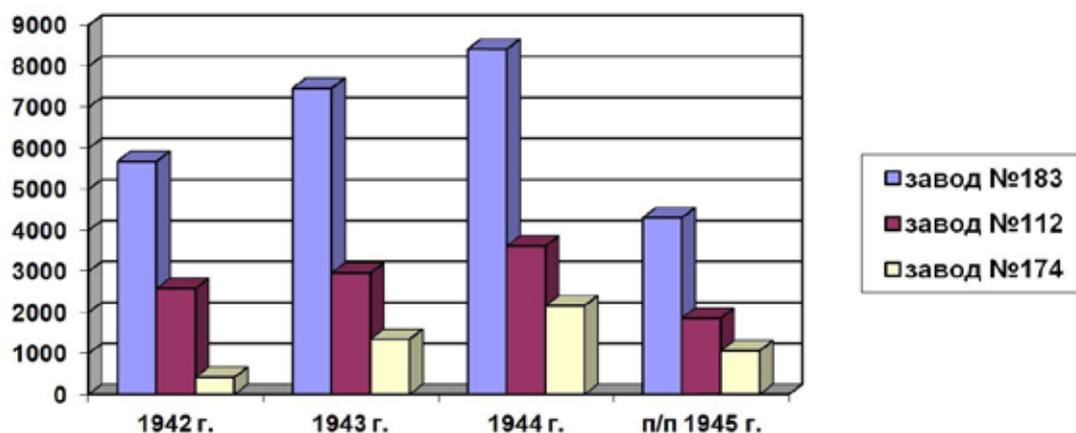

Диаграмма составлена по: РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 728. Л. 162–164.

Рис. 3 показывают, что заводы, выпускавшие Т-34, с 1942 по 1944 г. непрерывно увеличивали выпуск средних танков. При этом, если данные за первое полугодие 1945 г. увеличить в два раза, то окажется, что начиная с 1944 г. рост производства средних танков на этих предприятиях фактически остановился. Следовательно, в течение 1942 г. танковые заводы еще могли наращивать свое производство за счет экстенсивных методов: восстановление эвакуируемых мощностей, привлечение новых работников, расширение станочного парка и т. д. Но к концу года эта возможность была исчерпана. Предприятия были вынуждены искать новые подходы к возможности роста производства. Постепенно внедряя новые методы, танковые предприятия во второй половине 1943 г. выходят на качественно новый уровень производства, когда все установленные планы регулярно выполняются.

На той же конференции Н. И. Груздевым были подведены итоги развития мирового танкостроения к весне 1944 г. Дизельный двигатель В-2 и его модификации, форма корпуса Т-34, ширина траков гусеницы, торсионная индивидуальная подвеска советских танков, по мнению Н. И. Груздева, «являются элементами передовой техники и служат объектом подражания». До лета 1943 г. в вопросах танкостроения военно-техническая мысль Красной Армии являлась лидирующей, а основные тактико-технические данные советских танков были наиболее отработанными. Однако с появлением на поле боя новых образцов бронетехники противника и союзников это абсолютное лидерство было утеряно. Трансмиссия, элементы ходовой части (амортизаторы), механизмы поворота башни, стабилизирующие устройства наиболее отработаны были в зарубежных машинах. Но в то же время во всех странах (в т. ч. и в СССР) диапазон мощностей моторных установок не соответствовал требованиям дальнейшего совершенствования танков⁸.

⁸РГАЭ. Ф. 8252. Оп. 1. Д. 331. Л. 8.

После развертывания танкового производства на востоке страны, поволжские, уральские и западносибирские заводы в условиях восстановления эвакуированных мощностей и становления нового производства неминуемо столкнулись с проблемой низкого качества выпускаемых танков. Наркомат танковой промышленности в этих условиях вынужден был резко снизить уровень требований к изготовленной технике. С 15 января 1942 г. для военпредов ГАБТУ КА на танковых заводах устанавливались следующие требования для сдачи танков военпредам:

- каждый десятый танк Т-34 и КВ и каждый пятый танк Т-60 подвергался пятикилометровому пробегу по выбору военпреда;
- на каждом танке Т-60 и каждом десятом танке Т-34 и КВ производился отстрел пушки, кроме того, на каждом танке подвергались отстрелу пулеметы.

Для увеличения количества поступавших в действующую армию танков военпреду разрешалось принимать машины без наличия некоторых приборов и агрегатов при условии их отсутствия на заводе, в т. ч.: спидометров, башенных вентиляторов (в зимнее время), моторов поворота башни, переговорных устройств (при условии их замены сигнальными лампами), запасных бачков, раций и т. д.⁹

Но уже через год, весной 1943 г., заводской пробег для всех танков составил 30 км, военпредовский — 50 км. Каждый сотый принятый танк подвергался испытательному пробегу: КВ и Т-34 — 300 км, Т-70 — 200 км. Гарантийному пробегу в 2 000 км подвергался танк по выбору военпреда два раза в месяц (на заводе № 183 — один танк в месяц, что говорит о более низком качестве машин этого предприятия). На дизельных заводах гарантийные испытания проводились раз в месяц¹⁰. Однако уже в августе 1943 г. продолжительность испытаний гарантийным пробегом для всех типов танков были снижены: вместо 2 000 км танки испытывались пробегом на 1 000 км. Таким же расстоянием испытывались все опытные образцы¹¹. Резкое увеличение требований к изготавливаемой технике ярко свидетельствует о возросшем качестве продукции предприятий танковой промышленности.

Общей проблемой для танковых заводов стало несоответствие трудоемкости изготовления того или иного вида продукции довоенным нормам и нормам передовых предприятий, действовавших в условиях войны. Так, в начале 1942 г. трудоемкость изготовления танка Т-60 на свердловском заводе № 37 составляла 2 500 часов, а на заводе № 264 — 4 700. На изготовление дизельного мотора В-2 на заводе № 76 уходило 2 700 часов, на челябинском Кировском заводе — 1 800 часов, но известно, что до войны харьковский завод № 75 производил В-2 за 600 часов (ровно в 4,5 раза меньше, чем на заводе № 76). При этом Наркомат танковой промышленности СССР в приказе от 16 января 1942 г. констатировал, что вместо усовершенствования технологии

⁹ГАСО. Ф. Р-262. Оп.1. Д. 35. Л. 224; ОГАЧО. Ф. Р-792. Оп. 3. Д. 8. Л. 45.

¹⁰ГАСО. Ф. Р-262. Оп.1. Д. 36. Л. 401; Д. 40. Л. 21, 65.

¹¹Там же. Д. 37. Л. 1147.

руководство танковых предприятий стремится выполнить план путем увеличения станков и рабочих¹².

К весне 1943 г. разница в трудоемкости изготовления одних и тех же машин была значительно снижена, хотя все еще оставалась существенной. Так, трудоемкость мотора В-2 на заводе № 76 была на 26 % больше, чем на Кировском заводе, трудоемкость танка Т-34 на заводе № 112 (Горький) была в 1,8 раза больше, чем на заводе № 183. Происходило это от того, что в системе наркомата танковой промышленности отсутствовал достаточно хорошо организованный обмен техническим опытом, одни и те же вопросы решались заводами различно, изолированно друг от друга и не всегда качественно, что приводило к большим потерям.

Для преодоления этих недостатков предполагалось создание в системе НКТП СССР специальных научно-исследовательских институтов (НИИ), работающих над совершенствованием технологии производства. Основой для подобного НИИ должны были послужить Центральный научно-исследовательский институт технологии машиностроения Наркомтяжмаша СССР и работающее при наркомате станкостроения Бюро технических нормативов¹³. В целом принятые меры по устранению разницы трудоемкости изготовления дали положительный эффект. На рис. 4–5 видно, что трудоемкость изготовления комплектов корпусов Т-34 в течение войны была снижена в 1,5–2 раза. Но в то же время, производительность на головном предприятии по производству Т-34 заводе № 183 была выше в 1,2–1,5 раза, чем на других предприятиях.

Рис. 4

Изменение трудоемкости изготовления корпуса и башни Т-34 (часов)

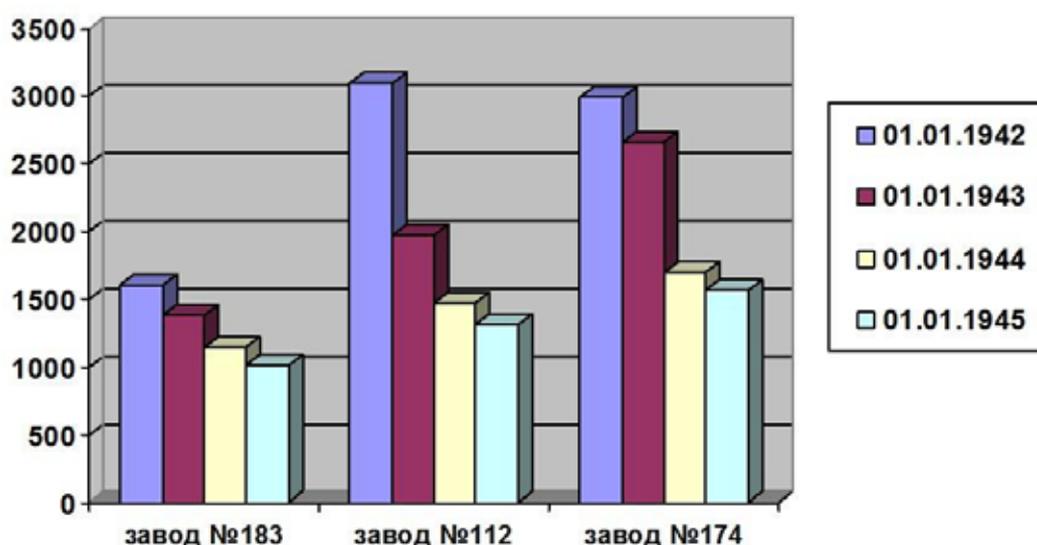

Диаграмма составлена по: РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 728. Л. 162–164.

¹²Там же. Д. 24. Л. 78.

¹³РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 1. Д. 363. Л. 3–4.

Изменение трудоемкости изготовления Т-34 без башни и корпуса (часов)

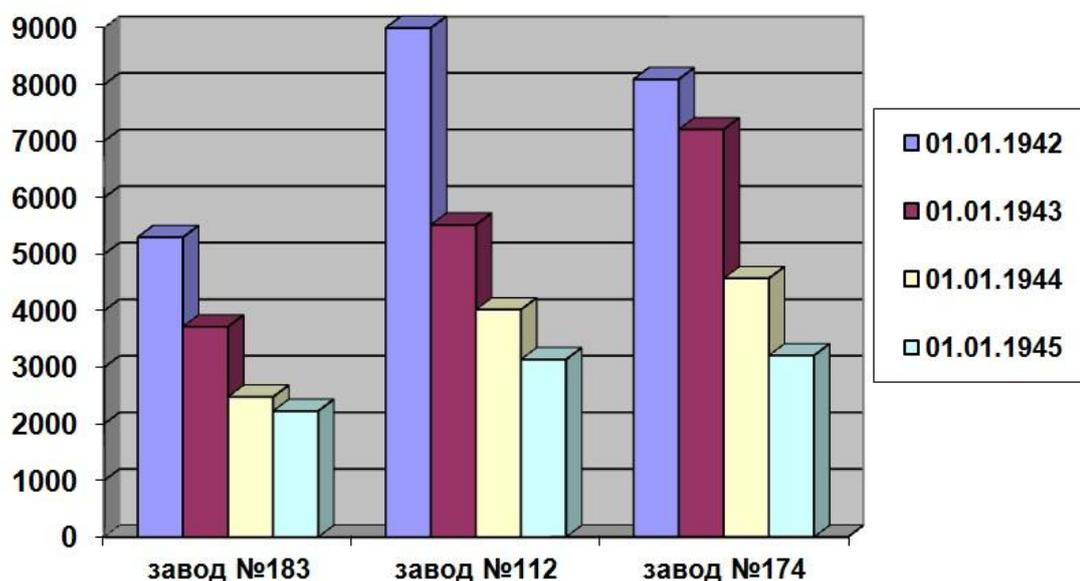

Диаграмма составлена по: РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 728. Л. 162–164.

Одним из важнейших показателей боеспособности танковых частей в условиях II Мировой войны является наличие радиоаппаратуры в боевых машинах. Но значительная часть танков, выпускаемых советской танковой промышленностью в годы войны, радиостанциями не обеспечивалась. В приказе № 269сс от 10 мая 1943 г. нарком И. М. Зальцман констатировал, что выпуск радиостанций значительно отстает от выпуска танков, поэтому половина танков радиостанциями не оснащается. И только с ноября 1943 г. советские танки стали полностью укомплектовываться приемопередаточными станциями (приказ наркома танковой промышленности В. А. Малышева № 660с от 4 ноября 1943 г.)¹⁴.

Все годы войны танковая промышленность постоянно срывала производство запасных частей для боевых машин. Особенно остро эта проблема встала в период восстановления эвакуированных мощностей. Впоследствии острота вопроса была снижена, но полностью проблема снята не была. Так, программа февраля 1942 г. по запасным частям была выполнена: Кировским заводом — на 56 %, заводом № 183 — на 44 %, заводом № 37 — на 33 %. В апреле танковые заводы выполнили план по запчастям на 70 %. И хотя в июне часть заводов смогла даже перевыполнить это задание, основные предприятия отрасли опять сорвали план: Кировский завод его выполнил на 63,3 %, завод № 183 — на 58,2 %¹⁵. В июле план по наркомату был выполнен

¹⁴ГАСО. Ф. Р-262. Оп.1. Д. 36. Л. 530; Д. 38. Л. 1439.

¹⁵ОГАЧО. Ф. Р-792. Оп. 3. Д. 9. Л. 11, 106, 186.

уже на 89 %, но уже в августе программа первой половины месяца была выполнена на 28,2 %¹⁶.

Примечательно, что в деле борьбы за четкое выполнение графика выпуска запасных частей наркомат не применял репрессивных санкций. В основном использовались поощрительные меры воздействия. Так, в мае 1942 г. выходит приказ В. А. Малышева, где в частности указывалось, что заводу, выполнившему план по запчастям, полагалась премия в размере 3 % от стоимости заказа¹⁷. Согласно приказу по наркомату танковой промышленности № 123сс от 18 февраля 1943 г., заводу засчитывались в производственный план каждые 2 танка из 3 восстановленных как новые, при условии, что завод выполнил задание по запчастям. В результате частью предприятий задание было выполнено и уже в мартовскую программу они смогли включить: завод № 183 — 20 танков Т-34, Кировский завод — 16 танков Т-34 и 8 КВ, завод № 76 — 50 моторов. Но, в то же время, УЗТМ лишился такой возможности, так как не смог выполнить план производства запасных частей¹⁸.

В целом развитие танковой промышленности Урала в годы войны имело как положительные, так и отрицательные стороны. Пытаясь восполнить огромные потери в живой силе и технике на фронтах Великой Отечественной войны, советское правительство требовало от танковой промышленности, прежде всего, повышения количества выпускаемой бронетехники, не уделяя при этом надлежащего внимания качественной составляющей. Отсутствие должного внимания к качеству боевых машин приводило к тому, что в действующую армию поставлялись танки, часто не отвечавшие предъявляемым запросам. И это при том, что тактико-технические требования в условиях войны были значительно ниже довоенных.

Столь слабое внимание наркомата к производству запасных частей для боевых машин можно объяснить только нежеланием командования развивать ремонт поврежденной техники. Наличие брака в корпусах и отдельных агрегатах танков приводило к поломке машин еще до ввода в бой и, как следствие, значительно снижали боеспособность танковых и самоходных частей Советского Союза. Однако техника шла на фронт непрерывным, постоянно увеличивающимся потоком, и это в значительной мере компенсировало боевые потери и снижало значимость ремонтных частей на фронте.

Более того, техника, отправляемая в действующие части, была далеко не самого лучшего качества. Уралмаш вплоть до конца войны продолжал получать рекламации на свои машины. В первой половине 1945 г. гарантийный пробег на 1 000 км выдержали 33,3 % испытываемых машин, а большие контрольные испытания на 300 км — только 25 %¹⁹. По сообщению военпреда Уралмашзавода Гайда, командированного на фронт в начале 1945 г., в полку, где он находился, за время первого трехсоткилометрового марша по причинам производственного брака из строя вышло 8 самоходных установок СУ-

¹⁶ГАСО. Ф. Р-262. Оп.1. Д. 25. Л. 824.

¹⁷ОГАЧО. Ф. Р-792. Оп. 3. Д. 9. Л. 69.

¹⁸ГАСО. Ф. Р-262. Оп.1. Д. 35. Л. 229; Д. 36. Л. 418.

¹⁹ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 743. Л. 106.

100 (полк СУ-100 состоял из 16 машин, следовательно, потеряно было до 50 % САУ)²⁰.

Кировскому заводу на полную отработку танка серии ИС потребовалось больше года (ноябрь 1943 — декабрь 1944 г.), тогда как на заданный объем производства предприятие вышло уже в июле 1944 г. Завод № 76 только к концу 1944 г. вышел на бездефектное производство двигателей В-2. Тяжелое положение с качеством продукции оказалось на УТЗ № 183 в Нижнем Тагиле. В 1942 г. количество бездефектных машин, представленных военпредам, составило 5–7 %, в 1943 г. — 14 %, в 1944 г. — 29 %, в 1945 г. — 49 %²¹. Таким образом, даже в конце войны количество бракованных машин, предъявляемых для приемки на ведущем заводе страны по производству среднего танка Т-34, составляло от половины до двух третей.

Уже в конце войны советские танкостроители отчасти признали порочность такой практики. Н. И. Груздев, говоря о направлениях в деле совершенствования танковой техники, в частности, констатировал следующее: «Нередко высказывались взгляды о том, “жизнь” машины кратковременна, а потому машины надо делать кое как, лишь бы побольше. Война показала, что в бою хороши лишь те танки, которые хорошо сделаны»²².

Но необходимо отметить огромный положительный момент подобного способа производства. Постепенно наращивая количество выпускаемых танков (особенно после перехода на конвейерно-поточный метод производства), одновременно, хотя и неоправданно медленно, шло повышение качества выпускаемых машин.

Библиографический список

1. *Валеев Р. Р.* Рекорды Челябинского тракторного завода // Военно-исторический журнал. 2003. № 3. С. 13–15.

N. N. Melnikov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)

The Results of the Development of the Soviet Tank Industry in the Great Patriotic War

The article reveals the main stages of the Soviet tank industry development in the conditions of the Great Patriotic War: geography of tank plants, dynamics of their production, characteristics of production sphere, transition to new technologies, the quality of products.

Key words: the Great Patriotic War, tank industry, tanks, self-propelled artillery, People's Commissariat for Tank Industry

²⁰Там же. Л. 24.

²¹История танкостроения на УТЗ №183. Т. 2. Кн. 2. С. 236 // Фонд музея УВЗ.

²²РГАЭ. Ф. 8252. Оп. 1. Д. 331. Л. 6.

ТЕХНИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНИ КОМИ АССР В 1930-е — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х гг.

Статья содержит анализ динамики механизации аграрного производства колхозного села Коми АССР в контексте форсированной модернизации советского общества, проводимой в 30–40-е гг. XX в. Показано влияние государственной аграрной политики и Великой Отечественной войны на данный процесс.

Ключевые слова: Колхозная деревня, механизация, государственная аграрная политика, коллективизация, индустриализация, Великая Отечественная война

В процессе форсированной модернизации российского общества и экономики, проводимом в советский период в форме индустриализации, механизация трудоемких процессов в сельскохозяйственном производстве имела ключевое государственное значение и входила в спектр актуальных политических задач, как составная часть масштабного плана промышленного перевооружения экономики СССР. Официальная доктрина строительства социализма и коммунизма, реализуемая в СССР, предусматривала, что коммунистическое общество может быть построено «только на основе гигантского развития производства»¹.

В дополнение к политической актуальности, механизация аграрного производства имела и сугубо практическое значение. Процесс ускоренной урбанизации, сопровождавший промышленный бум в СССР, остро ставил вопрос обеспечения граждан продовольствием и иной продукцией аграрного производства. Это было актуально и для Коми АССР. В рассматриваемые годы в республике появлялись и бурно росли новые города, быстрыми темпами развивалась угольная, нефтяная, лесная и газо-сажевая промышленность. Численность промышленных рабочих в Коми АССР с 1940 по 1954 г. выросла в 4,5 раза². При этом сельскохозяйственная продукция собственного производства покрывала потребности в питании населения: по картофелю не более чем на 20 %, овощам — 21 %, молоку — на 31 %³. Недостающий объем продуктов приходилось завозить из-за пределов региона, что было экономически невыгодно. Способ решения данной проблемы власть видела в экстренной интенсификации сельскохозяйственного производства путем механизации и электрификации наиболее трудоемких из присущих ему технологических процессов.

*Дмитрий Владимирович Милохин

К.и.н., Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия; dvmilohin@yandex.ru

¹См., например: К светлым вершинам коммунизма // Красное знамя. 1958. 1 янв.

²ГУ РК «НАРК». Ф. 1329. Оп. 1. Д. 1246. Л. 1.

³Там же.

Начало внедрения машин и промышленно изготовленных механизмов в аграрную сферу Коми области было положено в 1930-е гг., в ходе проведения сплошной коллективизации, когда в 1932 г. в селе Визинга была организована первая государственная машинно-тракторная станция (МТС), а в 1934 г. — вторая — Порубская МТС.

Специфика советской колхозной системы состояла в том, что практически вся крупная сельскохозяйственная техника на селе концентрировалась в машинно-тракторных станциях (МТС) — государственных (бюджетных) предприятиях, являясь собственностью государства⁴. Машинно-тракторные станции имели статус «основы материально-технической базы колхозного производства» [6, с. 311]. Это не было случайным обстоятельством. Процесс механизации (т. е. замены конно-ручного труда — машинным) финансировался и координировался государством и поэтому затрагивал только общественный («социалистический») сектор сельского хозяйства. Согласно официальной точке зрения тех лет, именно крупные аграрные предприятия позволяли эффективно использовать сельскохозяйственные машины и механизмы, что было необходимым условием для перевода всей аграрной подсистемы на индустриальную основу.

К концу 1930-х гг. политика властей, направленная на усиленную механизацию села, принесла значимые результаты. Число МТС в области к 1937 г. увеличилось до 14, они обслуживали 29 % колхозов, имевших 72 % колхозных посевов. Капиталовложения союзного бюджета на создание и функционирование машинно-тракторных станций Коми области возросли с 87,3 тыс. руб. в 1933 г. до 2 777 тыс. руб. в 1937 г. (в 31,8 раза) [6, с. 311]. Количество тракторов за те же годы возросло с 45 до 390 ед., их мощность возросла в 17 раз [3, с. 229]. Появились и зерновые комбайны, грузовые машины, иная техника. Объем полевых тракторных работ возрос за вторую пятилетку с 4,9 тыс. до 93,8 тыс. гектаров, или более чем в 19 раз.

К началу 1940-х гг. успехи в процессе механизации аграрного производства были усилены и закреплены. Накануне Великой Отечественной войны машинно-тракторных станций в Коми АССР насчитывалось уже 16⁵.

В 1940 г. МТС обслуживали 59 % колхозов, посевные площади которых составляли 77,1 % всех посевов колхозного сектора. С 1937 по 1940 г. количество тракторов увеличилось с 390 до 681 условных 15-сильных ед., а число грузовых автомобилей — со 128 до 247, комбайнов — с 18 до 74, тракторных плугов — с 467 до 524, тракторных сеялок — с 57 до 124⁶ [4]. Мощность тракторного парка МТС за эти годы увеличилась с 6,2 тыс. до 10,9 тыс. лошадиных сил⁷. Объем тракторных работ, выполненных МТС, увеличился (в переводе на мягкую пахоту) с 94 тыс. га в 1937 г. до 154 тыс. га в 1940 г., т. е. на 57 % [3, с. 290].

⁴Колхозы, в свою очередь, не являлись государственными организациями, хотя и считались социалистическими предприятиями, имевшими статус «кооперативно-колхозной социалистической собственности».

⁵За новый Север. 1946. 31 июля.

⁶Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 359.

⁷Коми АССР за 40 лет: стат. сб. Сыктывкар, 1961. С. 50.

Однако столь положительная тенденция была прервана Великой Отечественной войной, которая, как известно, нанесла колоссальный ущерб всему народному хозяйству Союза ССР. В целом по Союзу ССР множество тракторов и автомашин было мобилизовано на оборонные нужды. Два тракторных завода были захвачены и разрушены агрессорами, а остальные — перепрофилированы на производство танков и другой военной техники. В итоге за четыре года (1942–1945) сельское хозяйство, в масштабах всей страны, получило в восемь раз меньше тракторов (в условном 15-сильном исчислении), чем за соответствующий предвоенный промежуток, в 100 раз меньше комбайнов, в 10 — автомашин и т. д. [5, с. 25]. Уровень механизации не только не возрастал, но и в некоторой степени снизился.

Хотя территория Коми АССР не подверглась вторжению агрессоров и на протяжении всего периода военных действий находилась в числе тыловых районов страны, тем не менее, чрезвычайные условия военной экономики негативно сказались на условиях хозяйствования, экономике колхозов республики. Ущерб, понесенный ими за годы войны, был значительным. Многие колхозы демографически и экономически ослабли: резко сократилась материально-техническая база, значительно уменьшилось число людей, занятых в колхозном производстве. Урожайность основных сельскохозяйственных культур и продуктивность скота в сравнении с довоенными годами снизились. За годы войны количество грузовых автомобилей, принадлежавших колхозам сократилось со 112 до 11 ед., т. е. более чем в 10 раз, конных плугов уменьшилось на 7,8 тыс. шт. (36,7 %), борон — на 1 тыс. 250 шт. (26,6 %), зерновых сеялок — на 98 шт. (13,1 %) и т. д.

Поэтому ситуация с развитием механизации сельского хозяйства Коми республики оставалась сложной. В Коми АССР в первом послевоенном 1946 г. число артелей, пользовавшихся услугами 17 МТС, составило 413 хозяйств из 673, имевших 80 % всей посевной площади. Как видно, рост был незначительным. Несмотря на открытие в 1942 г. в Коми АССР семнадцатой по счету машинно-тракторной станции, техникой она была обеспечена за счет других путем ее перераспределения. При этом технический парк МТС, не пополнявшийся за годы войны, оказался к ее окончанию предельно изношенным⁸. Выпущенная до второй половины 1940-х гг. техника не отличалась высоким качеством. В те годы отечественными заводами выпускалось восемь различных типов и марок тракторов, большинство из которых представляли копии устаревших американских моделей. Кроме множества технических недостатков они отличались чрезвычайно высоким потреблением топлива и были очень неэкономичны [1, с. 125]. Основная масса техники была завезена в республику в период с 1933 по 1940 г. и с тех пор практически не обновлялась. В силу этого ухудшилась за годы войны и эффективность ее использования.

Применение имевшихся сельскохозяйственных машин затруднялось и тем, что в системе МТС республики ощущались нехватка и низкая квалифи-

⁸ГУ РК «НАРК». Ф. 140. Оп. 2. Д. 2696. Л. 63.

кация кадров механизаторов, отсутствовала должная ремонтная база, ощущался острый дефицит запасных частей, горюче-смазочных материалов, не хватало прицепных сельскохозяйственных орудий⁹. При устранении поломок техники зачастую приходилось применять совершенно негодные, восстановленные с нарушением требуемой технологии запчасти. Хроническими недостатками в деятельности МТС являлись: высокая стоимость ремонта и необеспеченность МТС типовыми постройками (гаражами и мастерскими)¹⁰.

Достаточно отметить, что в 1946 г. на все 17 МТС республики приходилась всего одна мастерская капитального ремонта. В ней также не хватало необходимого оборудования, механизаторские кадры не отличались высокой квалификацией, поэтому качество починки и наладки техники было неудовлетворительным. К 1946 г. среднегодовая численность рабочих МТС снизилась на 35 % от уровня 1940 г., а укомплектованность трактористами составляла 58,7 % от необходимого количества, что приводило к простоям техники, ее неэффективному использованию¹¹.

В силу этого к началу восстановительного периода значительно ухудшились основные показатели деятельности машинно-тракторных станций. Например, среднегодовая выработка на один условный 15-сильный трактор, в переводе на мягкую пахоту, сократилась в два раза: с 237 га в 1940 г. до 118 в 1946 г., на один условный 15-ти футовый комбайн — на 48 %, с 98 га до 51,1.

При этом такой важный экономический показатель как себестоимость работ МТС составила в 1946 г. 83,47 руб. на 1 га мягкой пахоты, против 44,02 руб. в 1940 г., увеличившись почти в два раза.

Общий объем работ, выполненных за годы войны силами МТС Коми АССР также значительно снизился — до 91 тыс. га мягкой пахоты в 1946 г., против 154 тыс. га в 1940 г. Указанные негативные факторы были характерны для всей страны [2, с. 30].

Недостаток и снижение эффективности использования техники не могли быть восполнены ростом живого тягла в колхозах республики. Количество рабочих лошадей, несколько сократившись в 1946 г. — до 20,4 тыс. голов, против 20,6 тыс. в 1940 г., оставалось практически на довоенном уровне¹², при значительном росте посевных площадей.

В то же время в развитии МТС Коми АССР следует отметить и некоторые положительные моменты. Общий парк основных сельскохозяйственных машин увеличился. Так, если в 1940 г. в МТС имелось 652,5 тракторов в условном 15-сильном исчислении и 38,7 15-футовых комбайна, то в 1946 г. — уже 775,5 условных тракторов и 69 комбайнов. Таким образом, общая тяговая мощность тракторного парка выросла, соответственно, с 10,2 тыс. лошадиных сил до 11,6 тыс.

⁹Там же.

¹⁰Там же. Д. 4842. Л. 34.

¹¹Народное хозяйство Коми АССР: стат. сб. Сыктывкар, 1957. С. 95.

¹²РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1219. Л. 72.

В 1946 г. в среднем на одну станцию приходилось 24 обслуживаемых колхоза и 3 тыс. 872 га посева. По отдельным МТС количество обслуживаемых колхозов разнилось от 11 (Мохченская МТС Ижемского района) до 49 (Визингская МТС Сысольского района), а размер посевной площади — от 1 тыс. 775 га (Гамская МТС, Усть-Вымский район) до 9 тыс. 520 га (Визингская МТС).

Не обслуживались силами машинно-тракторных станций в 1946 г. колхозы следующих шести административных районов республики: Троицко-Печорского, Удорского, Ухтинского, Усть-Цилемского, Усть-Усинского и Кожвинского¹³.

Одним из показателей некоторого улучшения материально-производственной базы МТС является увеличение их производственных фондов. Основные фонды МТС Коми АССР на конец 1946 г. составляли 13,4 млн руб. против 11,8 в 1940 г. С другой стороны, к крайне негативным факторам следует отнести то обстоятельство, что к началу 1946 г. ни одна из МТС Коми АССР не была электрифицирована.

Наиболее механизированными в сельском хозяйстве республики были работы в полеводстве, несмотря на то, что ведущей аграрной отраслью Коми АССР являлось животноводство (прежде всего молочное). Но даже и в полеводстве, к началу восстановительного периода, большую часть работ колхозам приходилось проводить собственными силами, используя конно-ручной труд. Так, например, в 1946 г. такой вид сельскохозяйственных работ, как боронование в один след, колхозы самостоятельно провели на площади 84,7 тыс. га, а МТС, только на — 21,0 тыс. га, т. е. в четыре раза меньше. Такие важнейшие, с точки зрения агротехники, виды полевых работ, как рядовой сев, культивация, обработка паров, взмет зяби также были механизированы совершенно недостаточно, а на уборке урожая, сенокошении и силосовании техника МТС фактически не использовалась.

За период 1940-1946 гг. уровень механизации сева зерновых в колхозах снизился с 9,6 % до 8,5 от общей площади сева, а уборка зерновых комбайнами — с 7,4 % до 3,1, соответственно. Большие трудности испытывали колхозы республики с механизацией трудоемких процессов в животноводстве. В данной сфере МТС помогали им чрезвычайно слабо.

Электроэнергией пользовалось ничтожно малое число коллективных хозяйств — 9 артелей, т. е. 1,3 % от их общего числа. Электричество при этом шло, прежде всего, на бытовые нужды, а не на производственные. Подверглось значительному снижению число и вместимость основных хозяйственных построек и сооружений. Так, на 3,2 тыс. скотомест сократилась емкость колхозных конюшен, на 690 скотомест-коровников, на 8 тыс. т — зернохранилищ, на 4,2 тыс. т — картофелехранилищ, вместимость силосных башен сократилась в 13 раз. С другой стороны, наблюдался весьма ощутимый рост количества и вместимости телятников, свинарников, овчарен.

¹³ГУ РК «НАРК». Ф. 140. Оп. 2. Д. 2681. Л. 47.

Итак, можно сделать вывод, что в 1930-е гг. благодаря государственной политике по усиленной механизации аграрного производства наблюдался значительный прогресс в применении машин и механизмов в сельском хозяйстве Коми АССР. В деревне появились невиданная ранее техника — тракторы, грузовые автомобили, комбайны и проч., а также инфраструктура ее технического обслуживания. При всех имевшихся недостатках темпы промышленного перевооружения села и внедрения на его основе новых способов хозяйствования были весьма высоки. Однако за период военного времени всему сельскому хозяйству, в т. ч. и колхозам Коми АССР, был нанесен значительный ущерб. Снизились все основные показатели производства, ослабла материально-техническая база МТС и артелей. Процесс механизации аграрного производства, начатый в 1930-е гг. и широко развернутый к началу 1940-х гг. был фактически прерван.

Библиографический список

1. Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 гг. М., 1972.
2. История крестьянства СССР. М., 1988. Т. IV.
3. Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1962. Т. II.
4. Сметанин А. Ф. Колхозы и колхозное крестьянство Коми АССР в предвоенные годы (1938 — июнь 1941): дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1985.
5. Советская деревня в первые послевоенные годы. М., 1978.
6. Сурина Л. И. Борьба за организационно-хозяйственное укрепление колхозов // История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. Сыктывкар, 1978.

D. V. Milokhin

Candidate of Historical Sciences, Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the RAS

Technical Modernization of the Collective Farm Village of Komi ASSR in 1930 — the first half of the 1940s

The paper presents an analysis of the dynamics of mechanization of agricultural production of the collective farm village in Komi ASSR in the context of forced modernization of Soviet society in 1930 — the first half of the 1940s. The author shows the effects of the state agricultural policy and the Great Patriotic War on this process.

Key words: collective farm village, mechanization, state agricultural policy, collectivization, industrialization, the Great Patriotic War

СОСТАВ УРАЛЬСКИХ ГОРНОЗАВОДЧИКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

В статье представлена общая характеристика социального и статусного состава владельцев уральских горнозаводских округов во второй половине XIX — начале XX в., определяются основные тенденции в динамике состава, повлекшие переход заводов во владение акционерных обществ.

Ключевые слова: Урал, горнозаводская промышленность, горнозаводчики, акционерные компании, частное предпринимательство

Динамично менявшиеся под воздействием модернизационных процессов условия и облик горнозаводской промышленности Урала во второй половине XIX — начале XX в. не могли не вызвать перемен в составе и облике заводладельцев. Проведенное нами исследование показывает, что с 1861 по 1917 г. в этой роли побывали 430 чел., 296 (69 %) из них принадлежали к «старинным» родам, занявшимся горнозаводским предпринимательством на Урале еще в XVIII в., 58 (14 %) — к родам, которые сформировались в первой половине XIX в., 76 чел. (17 %) вошли в состав уральских заводчиков после 1861 г. при покупке округов или создании новых. По сравнению с составом заводчиков первой половины XIX в. количество представителей «старинных» родов сократилось на 16 %, на столько же увеличилось число «новых» заводчиков (в основном за счет владельцев новых хозяйств, зачастую составлявших компании из нескольких лиц).

Полуторавековая история уральской горнозаводской промышленности и новые веяния в ее развитии после 1861 г. отразились на социальном составе заводчиков. В целом среди них были 364 российских дворянина (85 % от их общего количества), 25 почетных граждан и купцов первой гильдии (6 %), 22 купца второй и третьей гильдий (4,5 %), один мещанин (0,2 %) и пять крестьян (1,2 %). Кроме того, владельцами уральских заводов состояли американец и семь британцев, а также пять лиц, сословный статус которых трудно определить. К «старинным» родам принадлежали 294 (81 %) дворянина и два почетных гражданина. Остальные представители разных сословий и иностранцы относились к «новым» заводчикам, состав которых отличался большей разнородностью. Среди дворян значилось 78 титулованных особ, 86 % которых представляли «старинные» роды владельцев.

Высокую долю дворянского и аристократического «слоя» можно считать особенностью состава уральских заводчиков на фоне состава предпринимателей в других отраслях промышленности или регионах России. Это во многом оказалось следствием нобилитации, затронувшей крупнейшие роды

*Евгений Георгиевич Неклюдов

Д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; ntplant9@mail.ru

заводчиков (потомков Н. Д. Демидова, С. Я. Яковлева, И. С. Мясникова, А. Ф. Турчанинова, Л. И. Расторгуева, В. Н. Рукавишникова и др.). Начавшись еще в XVIII в., этот процесс продолжался в течение всего XIX в., захватывая все новые роды заводчиков. Хотя после 1861 г. дворянский статус уже не давал особых привилегий владельцам, он сохранял престижность, по-прежнему выступая критерием состоявшейся личной карьеры и значимости рода. Принадлежность к этому сословию накладывала и особый отпечаток на облик заводладельцев, препятствуя в той или иной степени «профессионализации» их предпринимательских занятий.

В составе заводчиков оказалось и достаточно много женщин (185 чел., или 43%). Но только четыре из них приобрели заводы, причем лишь одна (О. Н. Рошефор) сделала это по собственной инициативе. Другими, по-видимому, руководили их мужья: министр юстиции Д. В. Дашков (супруг Е. В. Пашковой, еще в 1835 г. купившей Благовещенский завод), статс-секретарь А. А. Половцов (супруг Н. М. Юневой, приобретшей в 1884 г. Богословский округ, а в 1894 г. — Сосьвинский), К. Э. Белосельский-Белозерский (супруг Н. Д. Скобелевой, которая в 1891 г. купила Юрюзанские заводы и через 10 лет подарила их мужу). Остальные владелицы наследовали заводы, после чего, как правило, передоверяли обременительные обязанности по управлению ими родственникам или наемным специалистам.

К «старинным» заводчикам относились 37 военных и штатских генералов, 49 жен генералов; 24 чел. имели придворные чины. Среди них были посол (Е. П. Демидов), губернаторы (А. Г. Строганов, А. Н. Всеволожский, А. Н. Мосолов), члены Государственного совета (А. Г. и С. Г. Строгановы, Н. П. Балашов, С. А. Мордвинов), экс-министр (А. Г. Строганов) и супруги министров (Е. В. Дашкова, Е. А. Тимашева, Е. А. Воронцова-Дашкова). Председателями губернских земских собраний и земских управ избирались А. Н. Всеволожский, А. А. Турчанинов и А. П. Шувалов, губернскими предводителями дворянства — М. В. Всеволожский, А. А. Турчанинов, А. П. и П. П. Шуваловы. В состав «старинных» заводчиков входили директор Императорских театров и Эрмитажа И. А. Всеволожский, киевский городской голова П. П. Демидов, президент Московского общества истории и древностей российских и воспитатель цесаревича С. Г. Строганов.

Среди «новых» заводчиков количество высокопоставленных чиновников закономерно снижается: всего семь штатских генералов (и еще пять жен генералов). Но вместе с тем и здесь были члены Государственного совета (В. Н. Охотников, В. А. Бутлеров) и Британского парламента (А. Броден, Д. Ланкастер, Ф. Э. Б. Бомонт), петербургский городской голова В. А. Ратьков-Рожнов, председатель Петербургской земской губернской управы В. В. Меллер-Закомельский, посол С. А. Поклевский-Козелл. Уральскими заводчиками во второй половине XIX — начале XX в. стали представители новых предпринимательских родов России (Асеевы, Башмаковы, Бенардаки, Берги, Державы, Злоказовы, Каменские, Пастуховы, Поклевские-Козелл, Ратьковы-Рожновы, Рукавишниковы, Солодовниковы, Хлудовы).

Среди заводчиков оказались и крупнейшие в России меценаты и благотворители: И. П. Балашов, П. В. Берг, С. П. фон Дервиз, С. С. Абамелек-Лазарев, Н. П. Пастухов, А. Ф. Поклевский-Козелл, Н. М. Половцова, Н. В. Рукавишников, Д. П. Соломирский, С. Г. Строганов, В. А. Хлудов и др.

Как можно судить по динамике состава, количество и «старинных», и «новых» родов заводчиков после 1861 г. заметно сократилось. Так, из состава 12 «старинных» (от трех до восьми колен) родов полностью выбыли пять (Всеволожские, Мосоловы, потомки А. Ф. Турчанинова, Губины, Лебедевы). Потомки С. Я. Яковлева, Голицыны и по одной ветви Демидовых (из трех) и Шуваловых стали акционерами, как и две (из шести) ветвей потомков И. С. Мясникова (Белосельские-Белозерские, Балашовы). Из девяти родов (от двух до трех колен) и четырех лиц (они не передавали заводы по наследству и не составляли родов заводчиков), которые стали владельцами горнозаводских округов в первой половине XIX в., никто не сохранил заводы в своем владении. Дворянские роды Бенардаки, Пономаревых и Шелашниковых, купеческие роды Коровиных и Подъячевых, не сумев закрепиться в уральской промышленности, выбыли в результате закрытия или продажи заводов.

«Одворянившиеся» потомки купцов Расторгуевых, Ярцовых, Пастуховых и Рукавишниковых после акционирования принадлежавших им округов стали владельцами акций. Из состава «новых» заводчиков, начавших свою деятельность на Урале после 1861 г., выбыли (двухколенные) дворянские роды Башмаковых, Поклевских-Козелл, Ратьковых-Рожновых, купеческие роды Каменских, Злоказовых, Беляковых и Белиньковых, крестьян Шамоных, а также род британских дворян Бродген. Продажей, закрытием или реквизицией заводов завершилось горнозаводское предпринимательство 25 владельцев, не составивших родов; шесть таких владельцев стали акционерами. Очевидно, что сложные условия развития промышленности придали особый динамизм группе «новых» заводчиков.

Хотя общее количество заводчиков по сравнению с предыдущим периодом увеличилось почти на треть (324 чел. в 1800–1861 гг., 430 — в 1861–1917/19 гг.), число владельцев в «рубежные» годы значительно (в 12 раз) уменьшилось (с 83 чел. в 1861 г. до 7 чел. в 1917/19 гг.). Из «старинных» родов ко времени национализации полноправными заводчиками остались лишь граф С. А. Строганов (Пермский майорат с Билимбаевско-Уткинскими заводами), княгиня М. П. Абамелек-Лазарева и ее племянник граф И. С. Мещерский (совладельцы Кизеловских заводов) и графиня Е. А. Воронцова-Дашкова (Юго-Камский округ). Они принадлежали к богатейшим аристократическим фамилиям, чем во многом и объяснялось столь продолжительное владение (без продажи или акционирования). Из «новых» заводчиков это были князь С. Е. Львов (Пожевский округ), В. А. Бутлеров (Кажимский округ) и М. В. Асеев (Зигаинский округ), ставшие заводчиками уже в XX в. Известно, что некоторые из этих владельцев (в частности, С. Е. Львов и наследники С. С. Абамелек-Лазарева) в 1910-е гг. готовы были отказаться от своего права владения заводами в пользу акционерных об-

ществ. Неакционированный Ревдинский округ П. Г. Солодовникова был реквизирован во время I Мировой войны, а Никольский завод продан Злоказовыми кооперативному союзу в 1919 г.

Остальные уральские горнозаводские округа находились во владении акционерных обществ или в долгосрочной аренде у них (фактически приравненной к владению). Вместе с тем участниками этих обществ могли числиться и бывшие заводовладельцы. Таковыми ко времени акционирования оставались «нижнетагильские» наследники П. П. Демидова, «верх-исетские», «алапаевские» и «невьянские» потомки С. Я. Яковлева, «лысьвенские» наследники П. П. Шувалова и «нытвенский» С. М. Голицын, «симские» Балашовы и «катав-юрюзанские» Белосельские-Белозерские, «омутнинские» Пастуховы, «кыштымские» потомки Л. И. Расторгуева, «авзяно-петровские» Бенардаки, «невьянско-алапаевские» Рукавишниковы, «шайтанские» Берги, «сысертский» Д. П. Соломирский, «инзеровский» С. П. фон Дервиз и «богословская» Н. М. Половцова. Однако их доля во владении акциями и роль в управлении постепенно снижались и переходили при продажах или эмиссиях к крупным банкам или банковско-промышленным группам. По-видимому, еще до национализации вышли из состава акционеров Д. П. Соломирский, Пастуховы и Бенардаки. Акции Южно-Уральского анонимного металлургического общества (Усть-Катавский завод), принадлежавшие К. Э. Белосельскому-Белозерскому, в 1910 г. были обращены на погашение его долгов.

Действовавшие Белорецко-Кагинский и Сергинско-Уфалейский округа находились во владении акционерных обществ без участия прежних владельцев со времени их учреждения. Изначально акционерным компаниям принадлежали и два новых горнозаводских хозяйства — Порожское (Уральское электрометаллургическое товарищество) и Таналык-Баймакское (Южно-Уральское горнопромышленное общество), которые продолжали действовать вплоть до национализации. Таким образом, к этому моменту 20 горнозаводских хозяйств из 28 (72 %), находившихся в ведении Уральского горного управления, принадлежали уже акционерным обществам.

Акционирование являлось вполне закономерным следствием нового индустриального этапа в развитии уральской горнозаводской промышленности, требовавшего большей оперативности управления предприятиями и огромных капиталовложений. Заводчиками оно рассматривалось как вынужденный, но, пожалуй, и самый эффективный способ преодоления все нараставших трудностей. Однако, способствуя решению многих проблем, акционирование имело неизбежное при любом его варианте следствие: оно лишало заводчиков статуса владельцев, передавая его акционерным компаниям как сообществам владельцев акций. Большинство бывших заводчиков теряли свои позиции в учрежденных ими (или с их участием) закрытых или открытых акционерных компаниях, уступая ведущие позиции крупным банкам или банковско-промышленным группам. Именно за такими акционерными обществами, на наш взгляд, было будущее уральской горнозаводской промыш-

ленности, если бы в России сохранились условия для развития частного предпринимательства.

Общая эволюция уральских заводчиков, таким образом, в целом повторяла типичный для крупного предпринимательства путь от индивидуальных владельцев — организаторов производства, характерных для периода становления промышленности, до акционерных обществ в роли владельцев, что свойственно периоду развитой промышленной деятельности. На своем заключительном, прерванном революцией и национализацией этапе истории уральской горнозаводской промышленности, эволюция образа владельца, как представляется, близилась к своему естественному завершению: большинство частных горнозаводских хозяйств переходили к акционерным обществам с доминированием в их составе крупных промышленных или финансовых организаций. Уральские заводчики постепенно утрачивали свой персонафицированный облик, и их место занимали корпорации собственников акций, которые состояли из людей, многие из которых не имели «родовой связи» с заводами.

E. G. Neklyudov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)

The Ural mine owners in the second half of the 19th — early 20th century

The article presents a general description of the social and status composition of the Ural mine owners in the second half of the 19th — early 20th century. The author identifies the main trends in the dynamics of this composition, which led to a transition of factories in ownership of joint stock companies.

Key words: the Urals, mining industry, mine owners, joint stock companies, private enterprise

НЕПРЕМЕННЫЕ РАБОТНИКИ НА ЕКАТЕРИНБУРГСКИХ ГОРНЫХ ЗАВОДАХ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

В статье говорится об отмене системы приписки государственных крестьян к уральским горным заводам, место которых в начале XIX в. заняли неперменные работники, выделенные из среды тех же крестьян и выполнявшие на заводах вспомогательные виды работ.

Ключевые слова: Урал, горные заводы, приписные крестьяне, неперменные работники

9 ноября 1800 г. императором Павлом I было издано постановление «Об укомплектовании горных заводов неперменными мастеровыми»¹. Как говорилось в указе: «Блаженство верноподданных Нам народов, есть первая цель Наших попечений». Исходя из этого, император принял решение освободить от заводских работ приписных крестьян и привести в возможное совершенство горные производства, как одну из главнейших отраслей внутреннего благосостояния и внешней коммерции. Было указано: укомплектовать уральские заводы, «единожды навсегда», вместо приписных крестьян неперменными мастеровыми по расчету сделанному в Берг-коллегии по 58 чел. годных работников с детьми с 1000 душ приписных крестьян. Эту замену предполагалось провести постепенно в течение четырех лет, начиная с 1802 г. Выбрать неперменных мастеровых из своей среды должны были сами приписные крестьяне, они должны были быть не старше 40 лет и годными к горным работам. Тех из них кто будет назначен в разряд конных работников, крестьянская община должна была снабдить двумя лошадьми с упряжью. Все крестьяне, переходящие в категорию неперменных мастеровых, освобождались от рекрутской повинности, их вновь рожденные дети поступали в эту же категорию работников. Неperменные работники и их семьи должны были получать от заводов бесплатно провиант: мастеровому по два пуда, жене его по полтора, детям мужского пола до 12 лет, а женского до 15 лет по одному пуду в месяц. Пешим мастеровым должны были платить жалования по 20 руб. в год, а конному сверх того по 25 руб. на ремонт упряжи и снаряжения и выделять покос.

Однако вскоре Павел I был убит, и приводить в жизнь это решение пришлось уже его сыну императору Александру I. 23 июня 1803 г. императору был представлен на утверждение совместный доклад министра финансов А. И. Васильева и министра внутренних дел В. П. Кочубея «О назначении неперменных работников для замены крестьян к заводам Уральского

*Евгений Юрьевич Рукосуев

К.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; rukosuev@mail.ru

¹Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. I. Т. 26. № 19641.

хребта приписанным»². В докладе указывалось на тягостное состояние приписных к заводам крестьян и на необходимость освободить местные Горные начальства от полицейских и судебных функций, «как им несвойственных». Указывалось также, что в настоящее время приписанных к горным заводам крестьян состоит по последней ревизии при казенных заводах 241 253, при партикулярных — 70 965, а всего вообще — 312 218 чел., которые выполняют такие работы как рубка куренных дров, разломка куч и возка из куреней на заводы угля, рубка дров для обжига флюсов, перевозка с рудников добытой руды на заводы, а также «песков и всяких флюсов, к проплавке руд потребных», а также починка плотин в том случае, когда «те плотины от наводнения или пожара повреждены будут».

Оба министра поддержали предложение, высказанное в 1800 г. бывшим главным директором Берг-коллегии М. Ф. Соймоновым, на основании которого и был составлен указ Павла I о замене приписных крестьян непременно мастерами из тех же крестьян, которые бы выполняли за них все работы при заводах. В качестве примера были показаны Гороблагодатские и Камские заводы, «как самые важнейшие и обширнейшие», для работы на которых «вместо 65 160 душ приписных крестьян, потребно для всех работ только 3 305 человек, или двадцатая доля всего числа душ, 973 должны быть с двумя лошадьми каждый, а 2 332 без оных, и первым возить в завод дрова, уголь, руды и флюсы, а последним рубить дрова, класть их в кучи и пережигать в уголь».

28 февраля 1806 г. появляется Сенатский указ «О повинностях заводских крестьян»³, в котором указывалось к выполнению каких работ могут привлекаться непременно работники, а 15 марта 1807 г. утверждается доклад министра финансов А. И. Васильева «О наполнении горных заводов хребта Уральского мастерами и рабочими людьми, также непременно работниками взамен приписных к оным крестьян»⁴. Согласно докладу, чтобы освободить от работ 217 115 душ приписных крестьян, необходимо было на казенных и частных заводах иметь 13 484 чел. постоянных работников; если же заводы Демидовых откажутся от постоянных работников, то их будет необходимо только 12 152 чел. Кроме того для выполнения работ, связанных непосредственно с заводским производством, на казенных заводах Урала было необходимо 4 366 чел. Получалось, что вместо приписных крестьян (для выполнения их работ и для заполнения вакансий на заводах) необходимо 16 518 чел. постоянных и постоянных работников. В ближайших же к заводам селениях проживало в это время 16 552 ревизские души, которые могли быть переведены в новую категорию работников.

Этим же указом было утверждено «Положение для постоянных работников при горных заводах». Согласно этого Положения, постоянным работникам давались все права мастеровых и рабочих людей при казенных горных заводах. Их дети также становились мастерами. Все постоянные работники разделялись на пеших и конных. Каждый конный постоянный

²Там же. Т. 27. № 20815.

³Там же. Т. 29. № 22039.

⁴Там же. № 22497.

работник обязан был иметь две лошади с полным набором необходимой упряжи, ему заводская контора должна была выделять покос, дающий достаточно сена для прокормления трех лошадей. Все неперенные работники при каждом заводе должны были разделяться на сотни и десятки, а также иметь старшину для конных и старшину для пеших неперенных работников. Старшины, сотники и десятники выбирались ежегодно самими работниками. Старшин утверждал Горный начальник, а десятников и сотников — управитель завода.

Неперенные работники должны были выполнять те же работы, которые раньше выполняли приписные крестьяне. Объемы работ, выполняемых пешим работником в течение года, должны были определяться Горным начальником каждый год в зависимости от местных обстоятельств, времени года, состояния рабочих людей и качества работы. Конные работники должны были работать не более 8 месяцев или 240 рабочих дней. Каждый неперенный работник получал, как это было предусмотрено еще в 1800 г., бесплатно провиант на себя и свою семью и жалование 20 руб. в год. Конный работник сверх того получал на содержание двух лошадей 25 руб. на ремонт упряжи и 120 пудов овса в год, рассчитывая на каждый рабочий день и на каждую лошадь по 10 фунтов (всего на 8 месяцев или 240 дней в году). Срок службы рабочих лошадей был определен в 5 лет, после чего заводская контора должна была купить для работника новых.

Почти через 20 лет после введения на горных заводах Урала института неперенных работников, когда эта система обеспечения заводов вспомогательным персоналом полностью сформировалась, и стало ясно, с какими трудностями им приходится сталкиваться, горный начальник Екатеринбургских заводов О. Осипов направил 29 августа 1825 г. служебную записку министру финансов Е. Ф. Канкрину «О неперенных работниках, причисленных к Екатеринбургским заводам целыми селениями, имеющих нужды для подкрепления своего состояния»⁵. О. Осипов собрал жалобы, которые поступали в его канцелярию от подчиненных ему неперенных работников, живших в окрестностях Екатеринбурга, и составил перечень тех проблем, с которыми сталкивались неперенные работники в повседневной жизни и труде.

В большинстве своем система организации труда неперенных работников соответствовала основным нормам Положения 1807 г., они превратились в категорию людей занятых исключительно на вспомогательных заводских работах — пешие работники «работают такое число дней в году, какое по потребности заводов местных материалов причтётся, конные употребляются в перевозке на 240 дней, как узаконено в положении о неперенных работниках»⁶. С весны и до осени они были заняты добычей и перевозкой золотоносного песка, руды и угля. В это же, летнее, время приходилось ремонтировать дороги, в зимнее — заготавливать и перевозить лесные материалы, в связи с чем люди не могли заготовить для самих себя и своего скота хлеб и сено. Клажу угольных куч также требовалось производить в страдное время.

⁵РГИА. Ф. 43. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.

⁶Там же. Л. 11 об–13 об.

Несмотря на то, что они получали жалование, провиант и фураж, этого было недостаточно, чтобы полностью обеспечить семьи, работники постоянно требовали их увеличения в связи с ростом цен.

На покупку лошадей конным работникам полагалось отпускать через каждые пять лет по 40 руб., но при этом не учитывалось, что за прошедшие годы цена на рабочих лошадей возросла. На ремонт упряжи отпускалось по 25 руб. в год, у них должны были быть положенные по штату сани, телеги, короба, хомуты и прочие принадлежащие к упряжи вещи. Конные работники, в случае гибели лошади раньше пяти положенных лет от несчастного случая, не получали за это компенсации и вынуждены были исполнять казенные заводские работы на своих лошадях или брать лошадей у других в наем, либо нанимать вольнонаемных, от чего несли убытки и приходили в крайнее изнурение⁷.

Селения непременных работников находились вокруг Екатеринбурга, и О. Осипов указал также на особенности труда и жизни в отдельных населенных пунктах. Так, через Арамилское селение пролегал тракт на Златоустовские заводы, Челябинск и Оренбург, поэтому проезжающие чиновники считали нормальным требовать себе лошадей на прогон. Арамилские и бобровские непременные работники жаловались, что для выполнения лесных работ и заготовки угля для Каменского завода им приходится проходить до Каменского завода 75 верст, и от завода в курени еще 80 верст, всего до 155 верст и обратно прямым ходом 100 верст, не получая за проход никакой платы от казны. Кроме того, через реку Пышму не было надежной переправы, поэтому, преодолевая ее вброд, работники часто топили там свои съестные припасы и вещи, а также лошадей и телеги, простаивая на переправе сутки и более. Поэтому просили от работ для Каменского завода их освободить. Каменские же непременные работники, наоборот, просили освободить их от работ по перевозке золотых песков на Березовских золотых промыслах, которые были далеко от их завода, но практически рядом с Арамилем и Бобровским⁸.

В 1907 г. по Бобровскому селению были причислены в непременные работники 67 чел., потом из малолеток вновь было причислено 119 чел., которым на обзаведение домами от казны денег не дали. Из престарелых непременных работников этого селения каждый год по два человека наряжались в лесообъездчики, которые не получали за это провиант и жалование⁹.

По Уктусскому, Екатеринбургскому, Горнощитскому, Шарташскому и Сарапульскому участкам непременные работники не имели в достаточном количестве пахоты и сенокосных мест, «почему в пропитании и отправлении казенных работ находят себя не все». В селении Пышма также было мало пахотных мест, и жители получали пропитание, покупая хлеб на рынке. В селениях Мостовском, Решётском и Макаровском вовсе не имелось пахотных земель, но расположенные там военные караулы требовали «содержания и прокормления»¹⁰.

⁷Там же. Л. 11, 17.

⁸Там же. Л. 14-15.

⁹Там же. Л. 15 об-16 об.

¹⁰Там же. Л. 17 об, 19.

Непременным работникам запрещалось заниматься торговлей, поэтому значительную долю жалоб занимали прошения «позволить оную, так как по случаю малоимения хлебопашенных земель и прочих угодий, хотят в свободное время заняться ремеслами: мыловарение, сыромятный, кожевенный и маслобойный и продавать их. Производить торг пригонными лошадьми и рогатым скотом и продажей прочих припасов и товаров, дозволенных Проектом горного положения и Положением о непременных работниках»¹¹. В связи с этим, работники просили выдавать им увольнительные билеты от местного начальства для поездок в уездных казначействах, с целью получения там плакатных паспортов на право заниматься торговлей с уплатой пошлины.

Самые радикальные требования были у непременных работников, проживавших в Екатеринбурге и селе Шарташ. Они просили причислить их к мещанскому сословию, так как «они издревле занимаются торговлей разной, как то пригоном скота, привозом съестных и прочих жизненных припасов и различных кожевенных изделий, в чем претерпевают стеснение от Екатеринбургской городской думы». При этом екатеринбургские непременные работники «не имели ни сенокосных, ни пахотных мест и никаких особенных угодий, исправляют все городские повинности на равных с купцами и мещанами»¹².

Таким образом, в начале XIX в. на Урале была ликвидирована система приписки государственных крестьян к горным заводам, их место заняли непременные работники, которых требовалось значительно меньше. Оставаясь в составе крестьянского сословия, они практически не занимались сельскохозяйственным трудом, получая основной заработок от выполнения различных вспомогательных работ в горнозаводском хозяйстве. Собранные горным начальником Екатеринбургских заводов О. Осиповым в 1825 г. жалобы местных непременных работников позволяют понять те проблемы, трудности и притеснения, с которыми они сталкивались в ходе выполнения заводских работ и в своей повседневной жизни.

E. Yu. Rukosuev

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)

Indispensable Workers at the Yekaterinburg Mining Factories in the 1st Quarter of the 19th Century

The article focuses on the abolition of the bonded labor system of the state peasants on the Ural mining plants in the early 19th century and replacing ascribed peasants by indispensable workers selected from among the same peasants for carrying out ancillary works on the factories.

Key words: the Urals, mining plants, ascribed peasants, indispensable workers

¹¹Там же. Л. 15 об.

¹²Там же. Л. 18-18 об.

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ БАШКИРСКОЙ АССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х — НАЧАЛЕ 1960-х гг.: ОСОБЕННОСТИ, ПРОТИВОРЕЧИЯ¹

В статье рассматривается развитие промышленности Башкирии в послевоенное двадцатилетие. Показываются сложности и противоречия индустриального строительства на территории республики в эти годы.

Ключевые слова: промышленность, послевоенный период, регион

До войны и в военный период промышленность Башкирской АССР развивалась достаточно быстрыми темпами и достигла серьезных успехов. Наряду с традиционными отраслями, в основном в тяжелой индустрии, возникли и новые — нефтедобывающая, нефтеперерабатывающая. Это обеспечило в послевоенный период серьезную базу для дальнейшего ускоренного роста экономики, более интенсивного освоения природных ресурсов республики.

В марте 1946 г. Верховный Совет БАССР принял пятилетний план, в котором были поставлены задачи восстановления, перевода на мирный лад и дальнейшего развития народного хозяйства республики. Объем производства промышленной продукции к 1950 г. должен был превзойти довоенный уровень в 4 раза. В связи с этим предполагался рост капиталовложений в народное хозяйство². Однако перестройка промышленности на производство мирной продукции несколько затянулась. План 1946 г. был выполнен на 91 %, 1947 г. — на 97 %. Снижались показатели выпуска валовой продукции промышленности. Причинами сложившегося в отрасли положения стали сильная изношенность оборудования, нехватка электроэнергии, сырья и материалов. Но особенно острой являлась нехватка рабочей силы. Только в Уфе в 1946 г. не хватало 19 тыс. рабочих [3, с. 457].

На XXIV пленуме Башкирского обкома ВКП (б) в июне 1946 г. был обсужден вопрос об улучшении деятельности парторганизаций по выполнению задач четвертой пятилетки. В принятом постановлении подчеркивалось, что «пятилетний план на 1946-1950 гг. выдвинул перед областной парторганизацией новые задачи по развитию промышленности, потребовал быстрой перестройки и улучшения работы всех парторганизаций по мобилизации трудящихся республики на успешное выполнение этих задач». На пленуме было обращено серьезное внимание на имевшиеся недостатки в работе промышленных предприятий, в частности, на текучесть кадров. Так, в 1945 г. и за

*Рима Нугамановна Сулейманова

Д.и.н., Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, Уфа, Россия; rnsulejman@mail.ru

¹Статья подготовлена в рамках выполнения Программы ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории»

²1-я сессия Верховного Совета Башкирской АССР второго созыва: стенографич. отчет. Уфа, 1947. С. 53.

4 квартала 1946 г. с завода № 26 в Уфе ушло более 11 тыс. рабочих, в т. ч. дезертировало свыше 3,1 тыс. чел. Большая текучесть наблюдалась на предприятиях Черниковска, Уфы, Стерлитамака. На пленуме также говорилось, что заводы медленно переходят на производство мирной продукции, плохо организуют труд рабочих, ввиду чего снизилась их зарплата, руководители предприятий не уделяют серьезного внимания улучшению быта рабочих³.

В послевоенный период центральные и местные органы большое внимание уделяли развитию нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности. На эти цели было направлено более половины капиталовложений, выделенных государством республике [1, с. 105]. В декабре 1948 г. ЦК ВКП (б) заслушал отчет Башкирского обкома партии. Принятое на нем постановление стало предметом обсуждения на пленуме Башкирского обкома партии в конце января 1949 г., где развитие нефтяной и химической промышленности было определено одной из важных стратегических задач республики⁴. В связи с этим местные органы взяли под полный контроль деятельность предприятий отрасли. Так, в ноябре 1949 г. пленум обкома партии заслушал отчет о работе объединения «Башнефть»⁵, через год — треста «Туймазанефть»⁶. Основное внимание было уделено преодолению недостатков в их работе, успешному выполнению плановых заданий. Принятые меры оказали позитивное влияние на развитие отрасли в целом: ускорились темпы добычи и переработки нефти, улучшились общие показатели производства валовой продукции. К концу четвертой пятилетки переработка нефти возросла в несколько раз по сравнению с предыдущими годами⁷. В 1952 г. по этому показателю Башкирия вышла на первое место в стране⁸.

Быстрыми темпами в этот период развивалась химическая промышленность. Необходимые для этого предпосылки были созданы еще до войны и в годы войны. Построенные в Уфе и Стерлитамаке предприятия отрасли в послевоенные годы были реконструированы и расширены. Возникли новые предприятия в Салавате, Уфе, Тумазах [4, с. 68]. На основе нефтепереработки началось развитие новой отрасли промышленности — нефтехимии. В итоге к концу четвертой пятилетки выпуск валовой продукции химической промышленности возрос почти в 2 раза⁹.

Перестройка с целью производства продукции для мирного времени коснулась и других отраслей индустрии: черной металлургии, машиностроения, строительства, энергетики. Предприятия этих отраслей в ходе перестройки испытывали большие трудности, связанные с коренными переменами производственных и технологических процессов, началом выпуска новых видов продукции. Это требовало времени и больших усилий рабочих, инже-

³ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 26. Д. 52. Л. 213.

⁴Резолюции областных конференций Башкирской партийной организации и пленумов обкома КПСС (1941–1960 гг.). Уфа, 1962. С. 338.

⁵Там же. С. 339.

⁶ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 1979. Л. 58.

⁷Красная Башкирия. 1951. 14 февр.

⁸ЦИА РБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 589. Л. 100.

⁹Народное хозяйство и культурное строительство Башкирской АССР: стат. сб. Уфа, 1964. С. 38.

нерно-технических работников. Всего за годы пятилетки в республике было построено и вошло в строй действующих 57 крупных промышленных предприятий, цехов и производств.

Но не во всех отраслях индустрии Башкирии положение было благополучным. В отраслях группы «Б» существовала неравномерность развития, особенно в местной и кооперативной промышленности. На их развитие были заложены средства, на которые были построены и введены в строй 403 предприятия и производства, освоены 35 новых изделий. В итоге объем валовой продукции местной промышленности увеличился почти на 58 % по сравнению с 1940 г. Возрос выпуск некоторых товаров народного потребления, в частности, шерстяных тканей, кожаной обуви, кондитерских изделий, сливочного и животного масла и др. В то же время производство чулочно-носочных и трикотажных изделий, муки и других продуктов питания к 1950 г. значительно отставало от довоенного уровня [2, с. 36]. Это вызывало перебои в торговле этими товарами, создавало большие очереди. Выделяемых на республику советским правительством фондов дефицитных товаров было недостаточным. Так, в 1954 г. получило большой резонанс недовольство населения (а это в основном рабочие и их семьи) города Черниковска — крупного промышленного центра республики — продовольственным снабжением, особенно мукой. Люди возлагали вину за сложившееся положение на местные органы¹⁰. Для его разрешения руководство республики обратилось в правительство РСФСР. Подобные случаи были не единичными и имели место в Уфе, Стерлитамаке, Ишимбае и Салавате.

В целом в годы первой послевоенной пятилетки итоги индустриального развития БАССР были значительными. Плановые задания оказались выполнены. Это было достигнуто благодаря невероятным усилиям и самоотверженному труду сотен тысяч людей. Но имелись и серьезные недостатки. Основная задача послевоенного времени — перестроиться на выпуск мирной продукции — не решалась промышленностью должным образом. Как и прежде на первое место выдвигались запросы и интересы военно-промышленного комплекса. Недостаточное внимание уделялось развитию отраслей, специализирующихся на выпуске товаров народного потребления. В итоге это вызывало массовое недовольство населения. Трудноразрешимой оставалась задача обновления оборудования во всех отраслях промышленности. Возводившиеся предприятия строились без учета природоохранных мероприятий.

В годы пятой пятилетки ведущими отраслями в Башкирии оставались нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая. Предусматривалось увеличить добычу нефти в 3 раза. Высокие темпы развития отводились также машиностроению, цветной металлургии, легкой и пищевой промышленности [3, с. 478]. Благодаря мерам центральных и местных органов власти по развитию индустрии республики, самоотверженному труду рабочих, инженерно-технических работников предприятий объем валовой продукции промыш-

¹⁰ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 1906. Л. 1.

ленности республики в пятой пятилетке возрос в 2,2 раза¹¹. В ноябре 1953 г. ЦК КПСС, заслушав отчет Башкирского обкома партии, отметив его работу неудовлетворительной, указал на слабое руководство развитием промышленности. Особое внимание было обращено на недостаточные темпы развития отраслей группы «Б», производящих продукцию потребления, — легкой, пищевой, перерабатывающей, местной, что отражалось на материально-бытовом положении людей и их настроениях. В эти годы на собраниях предприятий все чаще стали звучать критические выступления. Так, в сентябре 1952 г. на собрании партактива Кировского района г. Уфы были высказаны замечания в адрес Министерства нефтяной промышленности СССР, местных органов и министерств о недостаточном внимании к развитию промышленных предприятий, улучшению планирования заданий для предприятий, подготовке квалифицированных рабочих, в частности через школы ФЗО¹². На собрании завода № 680 г. Уфы рабочий Музафаров заявил: «завод работает неритмично, совершенно затихла работа по внедрению новых методов труда»¹³. На Ново-Уфимском нефтеперерабатывающем заводе коммунист Герасимов на отчетно-выборном партийном собрании заявил: «руководство завода — директор, секретарь парторганизации, мало бывают в цехах, плохо знают о том, как живут и трудятся рабочие. Они больше отсиживаются в кабинетах»¹⁴.

В республиканских газетах в эти годы также регулярно выходили статьи критического характера, в которых поднимались острые насущные проблемы: «За что рабочие критиковали заводской комитет» (1947), «Нет заботы о быте молодых рабочих» (1948), «Когда ослаблено руководство промышленностью», «Не поддерживают новаторов производства» (1949), «Забывают о нуждах буровиков» (1950), «Создать рабочим все условия для труда и отдыха» (1953), «О произволе директора и либерализме партийных органов (письмо коммуниста)» (1956), «Загазованность и здоровье» (1964) и др.

В целом в послевоенный период восстановление и наращивание промышленного потенциала Башкирии шло довольно быстрыми темпами. В основном это характеризовало тяжелую и добывающую промышленность, хотя наблюдалось заметное отставание отраслей, производивших продукцию для удовлетворения насущных потребностей населения. Это создало серьезную базу для дальнейшего роста промышленности, более интенсивного освоения богатых месторождений полезных ископаемых в республике. Разработка новых месторождений нефти и газа в 1950–1960-е гг. определила форсированное развитие нефтеперерабатывающей промышленности. В 1965 г. в БАССР было добыто 40,7 млн т нефти, что оказалось в 27 раз больше, чем в довоенном 1940 г., а доля республики в общесоюзной добыче выросла до 17 %¹⁵. Это позволило ей стать вторым по значению нефтяным районом страны.

¹¹ Советская Башкирия. 1956. 1 янв.

¹² ЦАОО РБ. Ф. 8827. Оп. 1. Д. 149. Л. 117, 118, 121.

¹³ Там же. Д. 138. Л. 13.

¹⁴ Там же. Л. 17.

¹⁵ Народное хозяйство Башкирской АССР (1917–1967 гг.): стат. сб. Уфа, 1967. С. 55.

Резкое увеличение добычи нефти послужило основой развития таких отраслей как нефтепереработка, нефтехимия и химия. В течение 1950–1960-х гг. в строй действующих вошли такие предприятия, как Ново-Уфимский и Уфимский нефтеперерабатывающие заводы, Салаватский нефтехимический комбинат, Уфимский завод синтетического спирта и др. Это стимулировало дальнейшее развитие электроэнергетики, машиностроения и металлообработки. В результате целенаправленного освоения сырьевых ресурсов уже к концу 1950-х — началу 1960-х гг. в Башкирии сложилась промышленная специализация, соответствующая ее природно-экономическим возможностям и направленная на увеличение вклада республики в индустриальную мощь страны. Преимущественное развитие получили ведущие отрасли тяжелой промышленности. В 1965 г. на долю нефтедобычи, нефтепереработки, нефтехимии, химии, электроэнергетики, машиностроения и металлообработки приходилось 64,5 % промышленной продукции БАССР. Именно они определяли ее технический уровень и индустриальную специализацию. В то же время недостаточное развитие отраслей, специализировавшихся на производстве предметов потребления, сохранялось и в эти годы.

Количественные и структурные изменения в промышленности сопровождались изменениями ее организации. В 1957 г. развернулся переход от отраслевого управления экономикой к территориальному. В БАССР был создан Башкирский совнархоз, в подчинение которого было передано 226 предприятий. Была предпринята попытка создания объединений на базе родственных производств, что повышало финансово-экономические возможности, стимулировало специализацию предприятий. Среди таковых следует выделить крупные производственные объединения «Башнефть», «Башнефтехимзаводы». Эти меры сыграли определенную роль в ускорении темпов развития промышленности республики. Однако они не могли изменить существующую экономическую систему и политику. Сохранялась отчужденность производителя от собственности и результатов своего труда. Очевидными становились недостатки этих преобразований, экстенсивность экономического роста. Территориальное управление промышленностью затрудняло связи между экономическими районами, порождало местничество, сдерживало процессы межобластного сотрудничества.

При осуществлении экономической реформы, особенно в ведущих отраслях промышленности, в качестве базы для распространения опыта Щекинского химкомбината по увеличению выпуска продукции с меньшей численностью работников в республике было выбрано объединение «Башнефтехимзаводы». В итоге численность объединения уменьшилась, а производительность труда выросла. Этот опыт способствовал выявлению новых резервов для повышения производительности труда и эффективности производства в объединении. Однако в последующем из-за противоречивости и непоследовательности экономической реформы предприятия, переведенные на новые условия, столкнулись с серьезными трудностями: на условиях реформы работали не только лучшие, но и отстающие предприятия, многие из них

не были готовы к реформе и не сумели перестроить свою работу в соответствии с новыми требованиями.

Таким образом, индустриальное развитие Башкирской АССР в 1945–1964 гг. было противоречивым. С одной стороны, его характеризовали общий промышленный рост, развитие многоотраслевой структуры, увеличение численности рабочих, особенно его национального состава, ускорение урбанизационных процессов, развитие научно-технической революции. Эти процессы определили перспективные направления индустриального развития республики на последующие периоды.

С другой стороны, ему были присущи традиционные черты советской экономики: для достижения «высоких темпов развития», «выполнения и перевыполнения плановых заданий» широко применялся труд спецконтингента, сельского населения, женщин, что было вызвано острой нехваткой рабочей силы, особенно квалифицированных кадров; использовались методы внеэкономического стимулирования труда; росли диспропорции между отраслями группы «А» и «Б»; строительство новых и реконструкция существовавших предприятий осуществлялись экстенсивными методами, ценой людских потерь, техногенных и экологических издержек.

Библиографический список

1. Вопросы истории Башкирии. Вып. 2. Уфа, 1972.
2. История Башкортостана. 1917–1990-е гг.: в 2-х т. Т. 2. Уфа, 2005.
3. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 2 (Советский период). Уфа, 1966
4. Улин В., Янгуразов А. Развитие промышленности Башкирии. Уфа, 1958.

R. N. Suleymanova

Doctor of Historical Sciences, Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of the RAS (Ufa, Russia)

Industrial Development of the Bashkir ASSR in the Second Half of the 1940s — Early 1960s: Features, Contradictions

The paper considers the development of the industry in Bashkiria during the postwar twenty years. The author shows the difficulties and contradictions of industrial construction on the territory of the republic during this period.

Key words: industry, postwar period, region

«БЕЖЕНСТВО ОКАЗАЛО ПОДАВЛЯЮЩЕЕ И РАЗЛАГАЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ НА МНОГИХ...»: ИЗ ОПЫТА РОССИИ 1914–1917 гг.¹

Статья посвящена истории российского беженства 1914–1917 гг. и, в частности, связанной с ним проблеме роста проституции. Рассматривается общественная дискуссия вокруг этого вопроса, а также попытки борьбы с торговлей «живым товаром», которые, однако, действительного эффекта так и не возымели.

Ключевые слова: I Мировая война, беженцы, проституция, общественность

В начале 1916 г. на театральных подмостках Российской Империи не без успеха шла постановка «Беженцы: Дети разоренного края»². Не отличавшаяся особыми художественными достоинствами, она брала прежде всего своей злободневностью. Сюжет настоящей «драмы на современную тему» был построен вокруг истории семейства неких Рудзевичей, уроженцев Лифляндской губернии, бежавших от войны, как и тысячи им подобных жителей западных губерний России. При этом, как и тысячи им подобных беженцев, герои произведения оказались вдали друг от друга. Дочери Рудзевича, Аля и Янина, оставшись один на один с жестокой действительностью, тут же угодили в притон некой Амалии Карловны Штрекен, после чего первая из девушек «от сильного потрясения тихо помешалась». Непоправимого, однако, не случилось: отец и возлюбленные вовремя пришли на помощь «бедным одиноким девушкам», после чего, «...рыдая, обнялись все». «Кончились для них испытания среди чужих — забрезжила заря спасения. С верою они стали ждать момента, когда победоносная русская рать, отогнав врагов, вернет им их родной кров... Победа придет — поменьше бы было среди нас гнусных людей, пользующихся для своих выгод великой бедой, — побольше бы единения всех, сплывающих в труде и борьбе ради святой войны за освобождение родины и Европы от гнева тевтонов. Победа придет!..», — торжественно заканчивалась эта история³.

Помимо характерного для своего времени германофобского пафоса — даже фамилия *madam*, хозяйки публичного дома, была немецкой, — ретроспективное произведение демонстрировало крайнюю озабоченность российской общественности проблемой превращения беззащитных беженок в «живой товар».

«Жалея беженок, не раз
Вздыхали вы... И, вспоминая
Красу покинутого края,
Провозглашали много фраз

*Наталья Викторовна Суржикова

К.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; snvplus@mail.ru

¹Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-00151а

²Беженцы (Дети разоренного края) // Алтайское дело. 1916. 23 февр. С. 1; Беженцы (Дети разоренного края) // Пермские ведомости. 1916. 14 апр. С. 1.

³Беженцы (Дети разоренного края) / Драма на современную тему в 5-и частях; драматический сюжет Г. И. Либкен / постановка С. Я. Веселовского. СПб., 1915. С. 17, 20.

О том, что “беженка — несчастна”,
Что “участь беженки — опасна”,
Что “спета песенка твоя,
Бедняжка-беженка моя”!.. —

констатировал автор стихотворения «Гост беженки», некий Михаил П., свидетельствуя о той же самой озабоченности той же самой российской общественности⁴. В условиях, когда всеми покинутые и лишенные средств к существованию девушки и женщины наводнили внутренние районы страны, веские причины волноваться действительно были. Выбор, который предоставлялся неимущим беженкам, не отличался множественностью своих вариантов, заключааясь между панелью и суицидом. В этой связи совсем не удивительно, что газеты того времени так часто сообщали о самоубийствах именно беженок, а не беженцев. «24 ноября в 12 часу дня повесилась беженка Улиания Свица 18 лет. Свица прибыла из Киевской губернии. Труп помещен в анатомический театр», — обыденно и сухо сообщала газета «Пермские ведомости» 26 ноября 1915 г.⁵ Годом позже о ставших привычными попытках суицида среди беженок корреспондировал из Киева журнал «Жизнь беженцев»: «За вчерашний день в городе зарегистрировано два случая покушения на самоубийство среди беженцев. Первый случай имел место в д. № 12 по Фроловской ул., где с целью лишиться себя жизни выпила большую дозу сулемы молодая девушка-беженка Н. Крисницкая. Отравившаяся в тяжелом состоянии отвезена в карете скорой помощи в Александровскую больницу. Второй случай имел место на Тарасовской ул. в д. 14, покушалась на самоубийство беженка Анна Ивасечко, 26 лет. Покушавшейся оказано пособие скорой помощью, после чего она оставлена в своей квартире в удовлетворительном состоянии. Как в первом, так и во втором случае причиной покушения являются тяжелые условия жизни»⁶.

Однако, выбирая между жизнью и смертью, принять решение в пользу последней смелости хватало далеко не у всех, в результате чего несчастные беженки одна за другой пополняли ряды жертв порока. «Озлобленная, выбитая из колеи трудовой наладившейся жизни, совершенно материально необеспеченная беженка, по прибытии в Пермь тщетно ищет себе трудового места и в тисках страшной нужды бьется, бьется до тех пор, пока не оставляют ее силы, и голод не заставляет ее кинуться в страшную пропасть, именующуюся всем знакомым словом “проституция”...», — характеризовала уральская пресса типичную для беженок ситуацию морального падения, для пущей убедительности приводя рассказ уроженки с. Рыкачева Ковенской губернии, О-вой: «Муж мой работал зимой в городе, занимался извозом, а весной оба мы крестьянствовали. Детей у нас нет. Ныне перед уборкой хлеба пришлось бежать, потому, слышно, немец должен скоро быть. Не знаю, с умыслом ли, а может быть в самом деле, а Степан, муж мой то есть, на одной станции большой вышел и в вагон больше не возвратился. Ну, поплакала я, потужила, что бросил, да ведь слезами горю не поможешь. Денег у меня не было ни одного грошика, всю дорогу милостыней жила. Приехала сюда, тоже добрые

⁴ Михаил П. Гост беженки // Жизнь и суд. 1915. № 49. С. 8.

⁵ Самоубийство беженки // Пермские ведомости. 1915. 26 нояб. С. 3.

⁶ Тяжелая жизнь беженцев // Жизнь беженцев. 1916. № 10 (6 нояб.). С. 15.

люди помогли; стала место искать. В одно место пришла, оказалась неподходяща: по-господски готовить не умею, служить в прислугах никогда не приходилось, ну и пришлось мне место оставить. Таким манером я четыре места переменяла: всё неподходяща оказывалась. Денег, конечно, нет, жить надо, с голоду умирать не хочется. Ну и решила я “туда” идти...»⁷.

Сообразно с архивными источниками, от просто озабоченности к реальным мерам борьбы с попытками вовлечения беженок в проституцию приступили в первую очередь в Петрограде. Осуществление этой миссии взяли на себя Римско-католическое общество охранения женщин и Российское общество защиты женщин. Первая из названных организаций учредила в столице два убежища на 125 девушек, нуждавшихся в охранении, «сверх существующего для семейств, где молодые девушки находятся под надзором своих родителей, проживающих вместе с ними». В свою очередь Российское общество защиты женщин открыло специально для молодых беженок убежище Принцессы Альтенбургской, рассчитанное на 15 чел., и устроило для них же 50 мест в уже существовавших приютах. Помимо того, заметив, что «наиболее опасным моментом в смысле вовлечения в проституцию является прибытие неопытной девушки в чужой город», Российское общество защиты женщин совместно с национальными беженскими организациями практиковало «патрулирование» вокзалов, на которые прибывали беженки⁸. Аналогичная практика, между тем, существовала и на периферии. Так, в Перми с августа–сентября 1915 г. на вокзале также регулярно дежурили весьма почтенные дамы: З. И. Хлусевич — по понедельникам, Д. М. Оссовская — по вторникам, Н. А. Деви — по средам, К. И. Артемова — по четвергам, М. М. Ткач — по пятницам и Ф. И. Шипулинская — по субботам⁹.

Осенью 1915 г., когда беженская проблема стала особенно острой, сопровождаясь в т. ч. и ростом проституции, опыт петроградских — и, видимо, не только петроградских — общественников стал предметом обсуждения Комиссии о духовных нуждах беженцев, созданной по решению Особого совещания по устройству беженцев. «Сообразив изложенное выше», указанная комиссия, возглавлявшаяся правоведем А. Ф. Кони, выработала весьма пространный документ, который предписывал: «1) дело ограждения беженок от впадения в проституцию должно быть возложено на Общества защиты женщин и охранения женщин в лице Всероссийского общества [защиты женщин] и Петроградского римско-католического общества одновременно с комитетом национальных организаций для помощи беженцам, причем желательно открытие отделений сих обществ в возможно большем числе городов средней и восточной России; 2) наиболее успешным средством к достижению целей борьбы с вовлечением в проституцию является учреждение проводников и проводниц преимущественно в поездах железных дорог с поручением им регистрации беженцев в пути и обращения особого внимания на деятельность подозрительных лиц по вербовке молодых женщин и девушек. Для сего представляется желательным по возможности обеспечить сим лицам даровой проезд и путевое довольствие и обратиться с призывом к учащейся

⁷Среди беженцев // Пермские ведомости. 1915. 10 дек. С. 3.

⁸ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 771. Л. 1 об.

⁹Дежурство дам // Пермские ведомости. 1915. 19 сент. С. 3.

молодежи, а также к свободным от других занятий лицам из общества о принятии на себя звания проводников и проводниц при наличии имеющих быть выработанными условий; 3) для развития деятельности различных организаций по борьбе с вовлечением в проституцию им по мере и в пределах надобности должна быть оказываема материальная поддержка из сумм, находящихся в распоряжении Особого совещания [по устройству беженцев] и Главноуполномоченных фронта, а также тыла, если в распоряжение последних будет ассигнована особая сумма; 4) для помощи сим организациям на местах их деятельности желательное обращение Особого совещания [по устройству беженцев] через министра внутренних дел к начальникам губерний о зависящем с их стороны содействии к принимаемым организациями мерам; 5) для действительного ограждения женщин и девушек от опасности, представляемой сводничеством, необходимо применение карательных за сводничество постановлений, содержащихся в статьях 524–527 Угол[овного] Улож[ения], для чего желательное обращение к министру юстиции о незамедлительном проведении в законодательном порядке этой меры; 6) в тех же целях представляется желательным выработка министерством юстиции законопроекта о признании безнравственными и, следовательно, недействительными имущественных сделок, направленных к поставлению в безвыходное положение женщин, вовлекаемых в проституцию, с предоставлением Обществу защиты женщин и национальным организациям прав, аналогичных с правами Общества защиты детей от жестокого обращения; 7) в виду необходимости охранения семейного начала среди беженцев, в значительной степени парализующего соблазны со стороны вовлекающих в проституцию, представляется целесообразным передать вопрос о сем в комиссию по общим вопросам, как относящийся к упорядочению движения и расселения беженцев...»¹⁰.

Воплотиться в жизнь в одночасье все эти рекомендации, естественно, не могли, почему на ниве ограждения беженок от вовлечения в проституцию продвинулись далее тактики малых дел так и не удалось. При этом общественность все более и более склонялась к мысли о том, что самым действенным средством борьбы с вышеназванным злом являлось прежде всего трудоустройство беженок. Отражая эту тенденцию, «Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах» в феврале 1916 г. информировал: «14 февраля состоялось открытие убежища для беженок (Забайкальский, 5), устроенного на средства Татианинского комитета Лигой равноправия женщин. На открытии присутствовали: председатель комитета А. Б. Нейдгарт, попечитель убежища князь Г. Ю. Тарханов, председательница Лиги равноправия женщин П. Н. Шишкина-Явейн и много членов. Цель устройства убежища — дать трудовую помощь беженкам. С этой целью Лига устраивает столовую, где будут обучаться беженки кулинарному искусству и прислуживать, получая себе доход. При убежище организуются: мастерская для шитья белья, в которой уже работает до 20 беженок, переписка на машинках, кооперативные курсы и т. д. Общежитие рассчитано на 70 человек. Татианинский комитет ассигновал на это дело 15 000 р., из которых истрачено 8 000 р.»¹¹.

¹⁰ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 771. Л. 3-4.

¹¹Открытие убежища // Вестн. Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 8–9 (21–28 февр.). С. 11.

Почин столичных общественников получил развитие на периферии, о чем в мае 1916 г. сообщал все тот же «Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах»: «Среди жителей Глиняны Львовской губернии немало кустарей-ткачей, изделия которых отличаются изяществом и прочностью... В настоящее время в Екатеринославе находится группа уроженок этого местечка. Это беженки-галичанки. Молодые девушки в возрасте 16–17 лет в совершенстве постигли ткацкое искусство. Русский беженский комитет, принявший беженку в одном из своих общежитий, предполагает устроить в Екатеринославе особую ткацкую мастерскую. К работе, кроме 10 находящихся здесь галичанок из Галиции, предполагено привлечь их подруг, поселившихся теперь в разных пунктах Павлоградского уезда»¹².

Месяцем ранее, в апреле 1916 г., признав, что «беженство оказало подавляющее и разлагающее влияние на многих», к проблеме все более и более распространявшейся проституции, а с нею и венерических заболеваний, обратились участники Внеочередного Пироговского Съезда врачей и представителей врачебно-санитарных организаций земств и городов. При этом они признали, что проблема «женщин улицы» — проблема не только женская. Л. М. Горовиц-Власова, одна из первых русских женщин-микробиологов, в этой связи подчеркивала: «... Самые драконовские меры по отношению к проституткам (вплоть до потопления их сотнями при Генрихе III, изгнания из целого ряда городов во Франции, Австрии, Шотландии и пр.) и самые суровые меры регламентации никогда не приводили к цели. С другой стороны статистика показывает, что там, где восторжествовала доктрина аболиционизма¹³, роста венерических заболеваний отнюдь не наблюдалось. Борьба с венерическими заболеваниями должна вестись в совершенно другой плоскости — путем воспитательного воздействия и уничтожения несообразностей двойной половой этики. Несомненно, пропаганда взглядов, что общение с проститутками дело зазорное, и что половая распущенность мужчины заслуживает такого же осуждения, как и распущенность женщины — такая пропаганда понизила бы заболеваемость венерическими болезнями гораздо более, чем самые усердные облавы на проститутку. Столь же полезно было бы распространение сведений о том, что относительное половое воздержание не содержит в себе, с медицинской точки зрения, ничего вредного для мужского организма, как и для женского»¹⁴.

Однако делить ответственность за проституцию с вовлеченными в нее беженками российские мужчины явно не торопились, а потому, как подметил П. Гетрелл, на этот счет «гораздо легче было давать всякие рекомендации, чем воплотить их в жизнь» [1, с. 122]. Как результат проституция среди беженок продолжала процветать, свидетельства чего содержали в себе самые неожиданные источники, вплоть до воспоминаний немецкого военнопленного Э. Двингера, автора широко известной специалистам книги «Армия за колючей проволокой»:

¹²Беженки-ткачихи // Вестн. Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 19 (22 мая). С. 12.

¹³Здесь имеется в виду «разновидность» аболиционизма, связанная с борьбой за отмену полицейской регламентации проституции и ее легализацию.

¹⁴Труды Внеочередного Пироговского Съезда врачей и представителей врачебно-санитарных организаций земств и городов по врачебно-санитарным вопросам в связи с условиями настоящего времени. М., 1917. С. 33, 49, 50.

«На вокзалах теперь мы нередко встречаем длинные составы беженцев... Они уже многие месяцы с детьми и скарбом ютятся в вагонах... Есть тут одна из беженок, славная штучка — молоденькая, хорошенькая, здоровая... С наступлением сумерек раздается пронзительный сигнал к отправке. В последний момент Брюнн с дальней стороны втягивает в вагон простоватую девицу. Часовой делает вид, будто спит. Девушка, зябко подрагивая, оборачивается во все стороны... Брюнн резко хватает ее за обе руки, тянет на нижние нары... Когда на рассвете я поворачиваюсь, вижу белеющую плоть девушки. На ее теле почти ничего нет. И на коленях перед ней уже не Брюнн. Это уже четвертый, шестой или восьмой...» [2, с. 101–103].

Очевидно, таким образом, что официальная мораль в воюющем обществе, страдающем различными недугами (включая беженство и связанное с ним развитие проституции), сдавала позиции, а с нею неумолимо сдавало позиции и само воюющее общество, кардинальные трансформации которого стали делом недалекого будущего.

Библиографический список

1. *Gatrell P.* A Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I. Bloomington & Indianapolis, 1999.
2. *Двингер Э.* Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг. М., 2004.

N. V. Surzhikova

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS

«Refugeedom Has Made an Overwhelming and Demoralizing Impact on the Many...»: Russia's Experience of 1914–1917

The article is devoted to the history of Russian refugeedom of 1914–1917 and, in particular, to the related problem of the growth of prostitution. The author considers the public debate on this issue and the attempts to struggle against the «living goods» trade, which proved to be of no effect.

Key words: World War I, refugees, prostitution, the public

ЗАВЕДУЮЩИЕ ПРОМЫШЛЕННО-ТРАНСПОРТНЫМ ОТДЕЛОМ СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВКП (б) В 1930-е гг.: СОЦИАЛЬНО- ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ

В статье проанализирован социально-профессиональный портрет заведующих промышленно-транспортным отделом Свердловского обкома ВКП (б) в период индустриализации 1930-х гг., изучены источники и методы их рекрутизации, сфера компетенции.

Ключевые слова: партийно-государственная система власти, Свердловский обком ВКП (б), индустриализация

С периодом индустриализации связан важный этап в истории уральской промышленности. Благодаря произведенным масштабным технико-экономическим преобразованиям Урал к началу Великой Отечественной войны стал одним из наиболее передовых индустриальных центров СССР [1, с. 3–4].

Большая ответственность за претворение в жизнь планов по индустриализации края лежала на региональных органах партийно-государственной системы власти. Именно партийные органы, в чьих руках сосредотачивалась немалая власть, были обязаны подняться над узковедомственными интересами, компетентно отстаивать в центральных и высших органах власти интересы регионального развития, грамотно осуществлять контроль над использованием выделенных материально-технических ресурсов.

Производственно-отраслевые отделы в обкомах и крайкомах ВКП (б) были созданы под флагом борьбы с так называемой «функциональщиной» – функциональным принципом построения аппаратов партийных комитетов, когда, к примеру, агитационно-массовый или организационно-инструкторский отделы вели работу во всех отраслях промышленности, в сельском хозяйстве, на транспорте, в социально-культурной сфере, в системе торговли и т. д. Структуру аппаратов партийных комитетов, от центрального до местных, решено было перестроить по производственному принципу. На местах среди прочих были созданы промышленно-транспортные отделы, в аппарате Центрального комитета — самостоятельные промышленный и транспортный отделы. Эти важные преобразования были закреплены в резолюции XVII партийного съезда, принятой в феврале 1934 г. Сферу компетенции новых отделов очертил в своем докладе член Политбюро и Оргбюро ЦК, секретарь ЦК ВКП (б), фактически занимавший вторую позицию в партии

* Андрей Валерьевич Сушков

К.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; suschkow@mail.ru;

Елена Ивановна Яркова

К.и.н., Центр документации общественных организаций Свердловской области, Екатеринбург, Россия; ele-yarko@yandex.ru

после И. В. Сталина, Л. М. Каганович: «Промышленный отдел охватит тяжелую, легкую, лесную и пищевую промышленность, работу в коммунальном хозяйстве, местной промышленности и кустарной кооперации. Транспортный отдел охватит работу на железных дорогах, водном транспорте, гражданской авиации, автогужевом транспорте»¹. И хотя Каганович имел в виду отделы в ЦК, аналогичными полномочиями были наделены промышленно-транспортные отделы на местах.

Перестройка структуры партийных комитетов значительно повысила роль заведующих отделами. Количество секретарей в обкомах и крайкомах после съезда партии существенно сократилось (в Свердловске их осталось лишь двое вместо недавних пяти), секретариаты были упразднены, а разработка и внесение на бюро вопросов были возложены непосредственно на заотделами².

С момента образования промышленно-транспортного отдела в Свердловском обкоме ВКП (б) в начале 1934 г. его заведующим стал кабаковский ставленник Георгий Георгиевич Ян. Индустриализация на Урале ставила хозяина кабинета, заведующего промышленно-транспортным отделом, в один ряд с руководителями области, что было закреплено на формальном уровне: первый секретарь обкома ВКП (б) И. Д. Кабаков включил Г. Г. Яна в состав членов бюро обкома партии (вскоре Ян попал «под сокращение», был переведен в кандидаты, но на его властных полномочиях это никак не отразилось)³.

По должности Яну полагалось курировать возведение таких индустриальных гигантов как Уралмаш в Свердловске, вагоностроительный и металлургический заводы в Нижнем Тагиле, трубный в Первоуральске, медеплавильный в Ревде, целлюлозно-бумажный комбинат в Краснокамске и др. Недавно пущенные в эксплуатацию предприятия, такие как Красноуральский медеплавильный завод, «Уралэлектромашина», Березовский химический комбинат также требовали к себе повышенного внимания. Не говоря уже о старых демидовских заводах, горнодобывающих предприятиях, системе Уралэнерго, железнодорожном транспорте, лесозаготовительной промышленности и проч., и проч. Бесконечные проблемы в строительстве, трудности в налаживании производства («Красноуральский комбинат пять лет пускаем, и никак не можем пустить, — признавал в 1934 г. сам Кабаков. — Не было ни одного месяца, чтобы он выполнил производственную программу»⁴), перебои в работе железнодорожного транспорта, частые аварии и крушения не помешали Кабакову презентовать Яна как одну из значимых фигур в областных властных структурах. Имя Яна носил кинотеатр в центре Молотово (напомним, что так именовалась в то время знаменитая Мотовилиха близ Перми), городе, где в местном горкоме партии он секретарствовал аж два года (!), в честь заведующего отделом устраивались демонстрации с оркестром

¹XVII съезд ВКП (б). 26 января — 10 февраля 1934 г.: стенографич. отчет. М., 1934. С. 561, 650–652, 672.

²Там же. С. 672; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 16. Л. 1.

³ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 17. Л. 128; Оп. 13. Д. 13. Л. 164.

⁴Там же. Оп. 12. Д. 5. Л. 149.

и возгласами: «Да здравствует Ян!», «Ура!». Ян отвечал взаимностью и весьма преуспел в восхвалениях областного первого секретаря [3, с. 16–17]⁵.

Если внимательно присмотреться к фигуре заведующего отделом, то можно заметить ряд весьма характерных для того времени деталей. К моменту назначения на эту должность за плечами у сорокадвухлетнего Г. Г. Яна из общего и технического образования было оконченное двухклассное железнодорожное училище в Минеральных водах, шестимесячные курсы паровозных машинистов в Одессе и три года рабфака в Ростове-на-Дону. Партийно-политическое было представлено более солидно — полугодовыми курсами марксизма-ленинизма при ЦИК СССР в Москве. Трудовая биография Яна в чем-то была схожа с кабаковской. Слесарь паровозного депо и машинист до революции, участник Гражданской войны в 1920-м был направлен на ответственную партийную работу — назначен инспектором рабоче-крестьянской инспекции Северо-Кавказских железных дорог. Затем возглавлял райкомы партии в Ростове-на-Дону, а после окончания в 1930 г. курсов марксизма-ленинизма был послан на Урал, в г. Молотово секретарем парткома Мотовилихинского завода, спустя восемь месяцев был утвержден ответственным секретарем Молотовского горкома ВКП (б). Вторую половину 1933 г. Ян трудился в Магнитогорске в качестве председателя так называемой районной комиссии по чистке. И постепенно набирал вес в глазах областного секретаря. Не случайно в январе 1934-го в составе внушительной группы делегатов от свердловской областной парторганизации Ян отправился в столицу на XVII съезд ВКП (б)⁶.

Даже простое перечисление должностей Яна показывает, что непосредственно на производстве после Гражданской войны он не проработал ни дня. Конечно, на уровне машиниста он имел какое-то представление о функционировании железнодорожного транспорта, но львиная доля его биографии была связана все же с организационно-партийной и партийно-пропагандистской деятельностью. И в этом свете неслучайным выглядит возмущение Яна на пленуме обкома ВКП (б) в марте 1934 г.: «Я несколько дней сижу заведующим промышленно-транспортным отделом. Ко мне приходят секретари и исключительно разговаривают о хозяйстве, а о партийно-массовой работе, о низовой [партийной — *авт.*] работе никто не говорит. А ведь казалось, что секретарь обязан прийти в обком и рассказать о партийно-массовой работе»⁷.

Образование также было явно недостаточным для того, чтобы с обкомовских вершин со знанием дела курировать бурно развивающуюся промышленность. Правда, с 1932 г. еще в Молотово Г. Г. Ян пытался учиться в техническом вузе, после переезда в Свердловск перешел на факультет особого назначения при Уралмашзаводе, обслуживавшийся силами преподавателей Уральского индустриального института, планировал стать дипломиро-

⁵Там же. Оп. 15. Д. 26. Л. 100.

⁶Там же. Оп. 20. Д. 6866. Л. 1, 1 об, 7, 7 об; Урал. рабочий. 1934. 24 янв.

⁷ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 12. Л. 35.

ванным инженером-металлургом по мартеновскому производству⁸. Но, безусловно, говорить о полноценном образовании важного обкомовского чиновника не приходится.

Высокие должности не явились помехой Г. Г. Яну для учебы в институте, и даже не отразились на длительности его обучения. Окончание института пришлось на лето 1937 г., и чтобы заполучить долгожданные корочки инженера ему оставалось лишь защитить дипломную работу. Однако драматические события, развернувшиеся тем временем в Свердловске, — отставка и арест Кабакова, — отодвинули эти заботы на задний план. Все кабаковские ближайшие соратники, включая Яна, всерьез озаботились тем, как избежать подобной участи и завоевать доверие у нового хозяина области. На знаменитом «антикабаковском» пленуме обкома ВКП (б) в мае 1937 г. Ян среди прочих решительно отмежевался от своего бывшего патрона. «...Как мы могли прозевать врагов народа и такую акулу как Кабаков и другие», — возмущался на пленуме Ян, называя Кабакова двурушником и требуя выкорчевать «кабаковские корешки». «Ошибок у меня, товарищи, очень много, слепым я оказался, но я думаю, что я исправлюсь и оправдаю доверие ЦК партии и таким, каким я был до настоящего времени, не буду, — перемежал он раскаяния с заверениями в своей «профпригодности». — Буду немного позубастей, и требовать буду больше, а зубы у меня все 36 целы, несмотря на мой возраст»⁹.

Зубы заведующего отделом, надо полагать, недолго оставались целыми, потому как ни Яну, ни остальным кабаковским приспешникам спастись не удалось. В ходе пленума обкома Г. Г. Яна открыто обвинили в поверхностном руководстве промышленностью. В частности, первый секретарь Новолялинского райкома ВКП (б) П. М. Щербаков рассказал, как ему в район на лесозаготовки были завезены около сотни тракторов, но они быстро вышли из строя. Когда районный секретарь обратился к Яну за помощью в тягловой силе, то в ответ услышал: «...Есть у вас стахановцы, выполняющие [план на] 200–300 %, сделайте так, чтобы все выполняли 200–300 %, и тогда не надо будет лошадей». «Тысячи колхозников остаются без зарплаты в лесу, — дополнял печальную картину с лесозаготовками в области секретарь Режевского райкома ВКП (б) З. В. Игнатенко. — Звонишь, телеграмму пишешь, результатов никаких». «Промотдел — это радиопереклички, накрутить, нагнать, — характеризовал Щербаков стиль и методы работы Яна, — но чтобы приехать, проанализировать, вскрыть ошибки райкома, помочь ему? И я думаю, что Ян не знает, где Лялинский район находится, хотя много раз проезжал мимо по пути в Кабаковский район»¹⁰.

То были досадные, но лишь мелкие уколы. Куда более серьезными последствиями грозила гневная отповедь из уст начальника областного УНКВД Д. М. Дмитриева, которая могла заставить трепетать любого партийного чиновника: «Товарищ Ян заведует одним из ответственных отделов обкома партии, но не существует этого отдела, и нет товарища Яна. <...> Постоянное

⁸Там же. Оп. 20. Д. 6866. Л. 7.

⁹Там же. Оп. 15. Д. 26. Л. 45, 49.

¹⁰Там же. Л. 30, 40.

замазывание и никакой постановки вопросов, которые являются актуальными. Когда, где, назовите Вы серьезные вопросы о состоянии промышленности, чтобы Вы ставили на бюро. Не было этого. У Вас связи нет с предприятиями, Вы не знаете, что там делается. Не зная их жизни, как Вы можете руководить? Вы просто представляете собой пустое место, товарищ Ян»¹¹.

На имя нового первого секретаря Свердловского обкома ВКП (б) Абрама Яковлевича Столяра со всех концов страны, даже с весьма отдаленных от Урала районов, посыпались заявления, суть которых сводилась к контактам Г. Г. Яна с руководителями, объявленными «врагами народа» и арестованными (а таких нашлось немало) за покровительство Яна «противникам советской власти», его попытки пристроить их после «разоблачения» на номенклатурные должности¹². В начале июня 1937 г. Столяр подписал постановление бюро обкома, посвященное исключительно заведующему промышленно-транспортным отделом. Его формулировки, как и следовало ожидать, не предвещали ничего хорошего: «В связи с тем, что т. Ян, работая зав. промтранспортным отделом обкома ВКП (б), проявил исключительную слепоту и беспечность, не сумел вскрыть и разоблачить вредительской и диверсионной работы на предприятиях Свердловской области, не вел никакой борьбы с имеющимися на предприятиях безобразиями и по существу являлся слепым орудием в руках врагов народа в их преступной работе, снять т. Яна с работы зав. промтранспортным отделом обкома ВКП (б) и вывести его из состава кандидатов в члены бюро обкома»¹³.

11 июня Ян был доставлен в «апартаменты товарища Дмитриева», как в своем кругу партийные секретари именовали областное Управление НКВД. Под пытками Ян сознался, что являлся членом контрреволюционной организации правых на Урале и по ее заданиям проводил подпольную контрреволюционную работу, был информирован о террористических и диверсионных планах организации, предпринимал попытки скрыть следы совершенных диверсионных актов, расставлял участников организации в основных промышленных районах, отдавал директивы срывать планы по лесосплаву. Следствие было недолгим. Спустя два месяца со дня ареста, 13 августа, в Свердловске на закрытом судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР Г. Г. Ян признал свою вину, и был приговорен к расстрелу с конфискацией имущества. В тот же день приговор был приведен в исполнение¹⁴.

А. Я. Столяр привез с собой в Свердловск бывшего первого секретаря Кировского горкома ВКП (б) сорокаоднолетнего Алексея Петровича Грачева, которого на I пленуме обкома в июне 1937 г. провел заведующим промышленно-транспортным отделом и членом бюро обкома. По опыту работы Грачев мало чем отличался от своего предшественника, из которого в тот момент следователи НКВД выбивали нужные показания: в послужном списке Грачева преобладали в основном партийные, меньше — советские и профсоюзные должно-

¹¹ Там же. Л. 182.

¹² Там же. Оп. 20. Д. 6866. Л. 11–13.

¹³ Там же. Оп. 15. Д. 55. Л. 135 об.

¹⁴ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 21056. Л. 4, 21, 30–35, 51–53; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 37.

сти. А по образованию он вовсе значительно уступал Яну: оно ограничивалось лишь начальной железнодорожной школой и тульскими вечерними курсами партактива [6, с. 105–106]¹⁵. «Конечно, человек, работающий на городском хозяйстве в таком небольшом городе как Киров, — впоследствии говорил о себе Грачев на пленуме обкома, — поставить [меня] на промышленный отдел такой большой области как Свердловская, промышленности которой я в глаза не видал, — ясно, что мне было трудно»¹⁶. Грачев клялся, что осознавал свою некомпетентность, и изначально просился на меньшую работу — на председательство в Свердловском горсовете, но якобы получил категорический отказ: «Нет, говорят, в промышленный отдел надо»¹⁶.

Возглавлять отдел Грачеву довелось лишь четыре месяца: в октябре 1937 г. А. Я. Столяр переместил его на освободившееся место председателя облисполкома. Кресло же заведующего промотделом в течение длительного времени оставалось вакантным: ни на утверждение бюро обкома, ни на голосование состоявшегося под занавес 1937 г. пленума обкома областной первый секретарь новую кандидатуру так и не внес. Обязанности эти, судя по документам, временно исполнял инструктор промышленно-транспортного отдела обкома Петр Иванович Малолетов. По спискам сотрудников обкома на 1 января 1938 г. он даже проходил заведующим отделом, однако официально продолжал числиться рядовым инструктором. Конец этой двусмысленности А. Я. Столяр положил лишь 5 февраля 1938 г., когда бюро обкома назначило П. И. Малолетова заведующим отделом. Ближайший пленум обкома, состоявшийся в конце марта 1938 г., на закате столяровского правления, открытым голосованием утвердил решение бюро¹⁷.

Фигура тридцатитрехлетнего заведующего промышленно-транспортным отделом разительно выделялась на фоне предшественников не только молодостью, но, самое главное, уровнем образования и опытом работы. Выпускник факультета производственного машиностроения Ленинградского индустриального института 1936 г., инженер-механик Петр Иванович Малолетов по распределению был направлен в Молотово на 172-й завод, знаменитый Мотовилихинский, выпускавший артиллерийские системы и снаряды, экскаваторы и электрические драги. Завод возглавлял сорокапятилетний Петр Константинович Премудров, «Петр Великий», как величали его в заводской среде. Премудров был весьма знатной персоной среди пермской элиты, его имя носил городской цирк в Молотово, его торжественные встречи на вокзале по поводу возвращения с сочинского курорта напоминали праздничное действо, в котором был задействован едва ли не весь имевшийся в городе легковой автотранспорт. Сам директор разъезжал на роскошном семиместном американском «Линкольне» — подарке наркома Г. К. Орджоникидзе. Казалось, что дистанция между двумя заводскими фигурами — молодого инженера и директора — была непреодолимой [7, с. 5–6; 3, с. 15]¹⁸.

¹⁵ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 29. Л. 3.

¹⁶Там же. Оп. 33. Д. 12. Л. 104.

¹⁷Там же. Д. 351. Л. 3; Д. 21. Л. 71 об; Д. 10. Л. 82–84.

¹⁸Там же. Оп. 42. Д. 1479. Л. 3–3 об, 12.

1937-й год все поставил с ног на голову. И вот доселе никому неизвестный инженер, рядовой член ВКП (б) Малолетов на заводском закрытом партсобрании в начале августа позволяет себе нелестно охарактеризовать доклад Премудрова, которого тут же исключают из партии, а следом снимают с должности. Спустя несколько дней после партсобрании бывший директор завода и молодой инженер переезжают в областной центр — в Свердловск: первый в качестве подследственного ГУГБ НКВД для допросов, второй — для работы инструктором в промышленно-транспортном отделе обкома ВКП (б). Спустя еще полгода П. К. Премудров был расстрелян как участник «контрреволюционной террористической организации правых», а П. И. Малолетов становится весьма заметной фигурой в областном руководстве [7, с. 8–9; 2, с. 254]¹⁹.

Но весной 1938 г. настал черед команды Столяра покинуть политическую сцену. И хотя Малолетова нельзя было причислить к полноправным членам этой команды, новый областной секретарь К. Н. Валухин не решился оставить выдвигенца Столяра в обкоме ВКП (б). Так как заметных грехов за заводделом не водилось, Валухин переместил его заведующим отделом в Свердловский горком ВКП (б), но и там надолго не задержал: в том же году Малолетов перешел с партийной работы на хозяйственную — устроился на Уралмашзавод заместителем начальника цеха. На этой относительно невысокой должности он благополучно пережил очередную кадровую перетряску в руководстве области, став, таким образом, первым заведующим отделом, не пострадавшим от репрессий²⁰.

На вакантное место заведующего отделом Валухин выдвинул 35-летнего первого секретаря Лысьвенского горкома ВКП (б), инженера-строителя по образованию, Максима Михайловича Русанова. По окончании в 1936 г. строительного факультета Уральского индустриального института, М. М. Русанов был оставлен на том же факультете заместителем декана. Правда, занимал эту должность Русанов всего лишь полгода, до осени 1936-го, когда стал работать здесь же в Свердловске рядовым инженером-строителем объединения «Востокотеплострой». Спустя еще несколько месяцев пошел на повышение — был назначен начальником проектной конторы. Массовые репрессии круто изменили жизнь недавнего выпускника. В сентябре 1937-го волею партийных органов он был направлен за несколько сот километров северо-западнее областного центра в небольшой городок Лысьву, где был назначен на место арестованного и впоследствии расстрелянного первого секретаря местного горкома ВКП (б) В. Н. Козлова. По данным, которыми располагал К. Н. Валухин, с возложенными обязанностями новый первый секретарь Лысьвенского горкома справлялся успешно, и это стало определяющим для решения о его переводе на значимую должность в обком партии²¹.

Минул лишь год с небольшим, как Кабаков был свергнут с руководства области, но не только формальная процедура, а и сама атмосфера, в которых проходили кадровые назначения, кардинальным образом изменилась. Если

¹⁹Там же. Оп. 15. Д. 62. Л. 16 об.

²⁰Там же. Оп. 42. Д. 1479. Л. 3 об, 12.

²¹ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 19. Д. 4099. Л. 2, 5–5 об, 7 об; ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 13. Л. 7.

раньше за партийные посты бились, старались выслужиться перед начальством, подхалимничали и интриговали, то сейчас высоких партийных постов стремились избегать, страшась ответственности, с ужасом озираясь на печальную судьбу предшественников. Не стал исключением Максим Михайлович Русанов. Когда на I пленуме обкома в середине июня 1938 г. только что избранный третьим секретарем обкома Н. И. Гусаров предложил избрать Русанова на подведомственный ему пост заведующего промышленно-транспортным отделом, тот принялся отказываться от высокого доверия: «Товарищи, я не много на партийной работе, всего девять месяцев, и с этой работой я справиться не смогу. Выпущен из учебного заведения два года [назад]». Тем не менее, попытка у Русанова взять самоотвод не удалась. Один из участников пленума отверг его доводы: «Товарищ Русанов может быть и мало находится на партийной работе, но все-таки был на городской парторганизации, потом он инженер, экономику Свердловской области он знает, он здесь и учился, поэтому желательно ввести его в аппарат обкома партии». В итоге, 54 голосами из 59 присутствовавших на пленуме членов обкома М. М. Русанов был избран заведующим промышленно-транспортным отделом. И одновременно, согласно давно заведенной традиции, введен в состав членов бюро обкома ВКП (б)²².

На пленуме К. Н. Валухин попытался напутствовать нового заведующего отделом, но получилось это у профессионального энкавэдэшника весьма невнятно: «Аппарат обкома комплектовался из очень молодых партийных работников, и наша задача, чтобы аппарат обкома превратить в партийный аппарат. Наши отделы по существу занимались советской работой, а не занимались вопросами партийной работы»²³. Под «советской работой» Валухин, вероятно, имел в виду работу хозяйственную, но чем еще, как ни повседневной помощью промышленным предприятиям и железнодорожному транспорту в материально-техническом обеспечении, снабжении топливом и электроэнергией, комплектовании профессиональными кадрами и т. д. должен был заниматься отраслевой отдел обкома? Исключительно красивыми речами, развертыванием пропагандистской работы на местах невозможно было сдвинуть с мертвой точки строительство металлургических заводов в Нижнем Тагиле и Ревде, добиться выполнения плановых заданий и снижения брака на Уралмаше, Первоуральском новотрубном, Уральском вагоностроительном и старых демидовских заводах.

Русанову, как и его предшественнику Малолетову, на заведовании отделом довелось пробыть лишь несколько месяцев, правда, причина его отставки была совершенно иной. Решением Политбюро ЦК ВКП (б) в октябре 1938 г. из состава Свердловской была выделена в самостоятельную Пермская область. Первым секретарем оргбюро ЦК ВКП (б) по Пермской области (иначе говоря — и. о. первого секретаря пока еще несуществующего обкома) Москва назначила Н. И. Гусарова, успевшего за последние несколько меся-

²²ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 13. Л. 2, 13–14.

²³Там же. Л. 7.

цев дважды посидеть в кресле второго секретаря Свердловского горкома партии, а в промежутке побывать третьим секретарем обкома. Вместе с Гусаровым в Пермь из Свердловска перебрались председатель облисполкома Ф. К. Семенов и два заведующих отделами обкома: промышленно-транспортным — М. М. Русанов, и сельскохозяйственным — С. А. Пашеев. В Перми Русанов занял ту же должность, что и в Свердловске, а после ликвидации отдела весной 1939 г. был утвержден заместителем заведующего отделом кадров обкома ВКП (б). Когда осенью того же года, согласно решению Политбюро, промышленный отдел в Пермском обкоме был воссоздан, Н. И. Гусаров счел за благо вернуть прежнего заведующего [4, с. 102]²⁴.

После отбытия Русанова из Свердловска исполнение обязанностей заведующего отделом Валухин возложил на действующего заместителя заведующего Ивана Николаевича Фокина. Временно, так как на состоявшемся в середине декабря 1938 г. пленуме обкома Валухин не внес его кандидатуру на утверждение в этой должности. Помимо завпротделом вакантными с октября месяца оставались куда более важные должности председателя облисполкома и второго секретаря Свердловского горкома партии. Вскоре зашаталось кресло под самим Валухиным, и ему стало уже не до заведующего отделом. В конечном счете, благодаря очередной смене областного начальства и последующим событиям Фокин сохранил временное исполнение обязанностей на достаточно длительный период.

Камнем преткновения для карьерного роста тридцатидвухлетнего Ивана Николаевича Фокина стали его анкетные данные. Его образовательный уровень выглядел по тем временам весьма солидно, но совершенно не годился для заведования промышленным отделом. В начале 1920-х гг. Иван Фокин окончил профтехническую школу в поселке Михайловского завода Екатеринбургской губернии, в 1930-м получил среднее партийно-политическое образование — окончил Урало-Сибирский комвуз Свердловске, а в 1938-м — высшее, окончил Экономический институт Красной профессуры в Москве по специальности «преподаватель политэкономии высшей школы». Иначе говоря, высшее техническое образование у Фокина отсутствовало, и этим он заметно проигрывал двум предыдущим заведующим, окончившим индустриальные институты.

Опыт работы на производстве также не был сильной стороной Фокина. По окончании профтехшколы он шесть лет стоял у станка на заводах, затем, по окончании комвуза и службы в армии, полгода работал на Верх-Исетском заводе помощником директора (вероятнее всего — по кадровым вопросам), два года — начальником отдела организации труда заводоуправления Нижнесергинского металлургического завода, и несколько месяцев — старшим экономистом в тресте «Востокосталь», откуда уехал на учебу в Москву. Поэтому, хоть и трудился Фокин непосредственно на заводах и трестах, опыт административно-хозяйственной работы у него практически отсутствовал²⁵.

²⁴ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 19. Д. 4099. Л. 2, 9, 14–15; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 17. Л. 4.

²⁵ЦДООСО. Ф. 10. Оп. 5. Д. 1213. Л. 1–2; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 95. Д. 1065. Л. 2, 2 об.

Прибывший в Свердловск В. М. Андрианов, равно как и его предшественник К. Н. Валухин, постигавший в это время азы свиноводства, не видел И. Н. Фокина в роли заведующего промышленно-транспортным отделом. На эту должность новый глава области выдвинул тридцатитрехлетнего директора Свердловского горного института, выпускника Московского горного института имени Сталина, разумеется — горного инженера по образованию Ивана Лукича Митракова. Его перевод в обком ВКП (б) был официально оформлен постановлением бюро обкома от 26 января 1939 г. Серьезность намерений Андрианова подчеркивала направленная в ЦК ВКП (б) просьба утвердить это кадровое назначение. Но спустя ровно месяц Андрианов передумал и решил назначить Митракова на другую остававшуюся длительное время вакантной должность — председателем облисполкома, с освобождением от работы в обкоме партии²⁶. Вероятнее всего, Андрианов не просто решил закрыть более важную вакансию в областном руководстве, а поступил так, исходя из информации, полученной в цековских кулуарах, а именно — о запланированной на ближайшее время ликвидации промышленно-транспортного отдела. В пользу этой версии свидетельствует тот факт, что первый секретарь не озаботился подбором иной кандидатуры, а оставил исполнение обязанностей заведующего за И. Н. Фокиным.

На состоявшемся в марте 1939 г. XVIII съезде ВКП (б) была одобрена новая структура областных комитетов партии, места в которой промышленно-транспортным отделам не нашлось. Обоснование для столь решительных изменений в партаппаратах озвучил в своем докладе «Изменения в Уставе ВКП (б)» кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК партии А. А. Жданов: «Производственно-отраслевые отделы ныне не знают, чем им, собственно, надо заниматься, допускают подмену хозорганов, конкурируют с ними, а это порождает обезличку и безответственность в работе»²⁷.

Отдел в Свердловском обкоме был расформирован. В конце апреля 1939 г. И. Н. Фокин был отправлен в очередной месячный отпуск, после которого был освобожден от работы в обкоме ВКП (б). Новое начальственное кресло, которое ему было предложено после выхода из отпуска, было весьма далеким от той сферы, которой ему прежде приходилось заниматься: в июне 1939 г. решением бюро обкома он был утвержден... заведующим отделом искусств Свердловского облисполкома. Вероятно, Андрианов исходил из полученного Фокиным партийно-пропагандистского образования.

Поле деятельности большинства остальных сотрудников бывшего отдела изменилось не столь кардинальным образом. Многие инструкторы решениями бюро обкома были распределены по секторам отдела кадров обкома. Среди них были И. И. Русский — будущий заведующий топливным отделом обкома, М. И. Горбунов — будущий первый секретарь Нижнетагильского горкома ВКП (б). В отдел кадров были переведены также работники из других ликвидированных отделов обкома: отдела школ и науки, культпро-

²⁶ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 28. Д. 1480. Л. 11, 14.

²⁷XVIII съезд ВКП (б). 10–21 марта 1939 г.: стенографич. отчет. М., 1939. С. 532.

светотдела, совторготдела. В отделе кадров появились даже такие экзотические подразделения, как сектор кадров топлива, энергетики и нерудных ископаемых во главе с И. И. Русским²⁸.

Ошибочность принятого решения о ликвидации промышленных отделов обнаружилась достаточно быстро, ведь секретари обкомов партии, отвечавшие за промышленность, лишились ближайшего помощника в лице заведующего отделом, а вместе с ним — подручного обкомовского аппарата. К примеру, у второго секретаря Свердловского обкома Ф. Д. Навозова, курировавшего аграрную сферу, в подчинении имелся сельскохозяйственный отдел обкома, у секретаря по кадрам Г. Г. Попова — отдел кадров, у секретаря по пропаганде и агитации Е. Ф. Кольшева — одноименный обкомовский отдел. А вот третий секретарь обкома А. С. Некрылов, курировавший промышленность, в рабочей повседневности вынужден был получать информацию и отдавать необходимые распоряжения непосредственно секретарям местных партийных органов и хозяйственным руководителям (правда, городским и районным секретарям весьма импонировало, что они имеют дело напрямую с третьим секретарем обкома). И это негативно сказывалось на оперативности в принятии решений на обкомовском уровне, выводило из-под «обкомовского глаза» многочисленные предприятия, ведь одному секретарю обкома, даже такому молодому, талантливому и активному как Некрылов, было не по силам охватить все отраслевое многообразие среднеуральской промышленности.

Уже спустя полгода после съезда партии, осенью 1939-го, в Москве в спешном порядке принялись за исправление допущенной ошибки. Отрицательные последствия произведенной реорганизации были столь очевидны, что маятник решительно качнулся в противоположную сторону. Воссозданный отдел не имел прежней приставки «транспортный», так как почти одновременно с ним был организован самостоятельный транспортный отдел. Кроме промышленного и транспортного организовывались другие отраслевые отделы, ранее которых в Свердловском обкоме не было: топливной промышленности, цветной металлургии, лесной промышленности, машиностроения²⁹.

Таким образом, социально-профессиональный портрет заведующих промышленно-транспортным отделом обкома в 1930-е гг. претерпел существенные трансформации. Детальное рассмотрение этого портрета подтверждает тезис о том, что важнейшим итогом сталинской кадровой революции второй половины 1930-х гг. стало резкое повышение образовательного и профессионального уровня партийно-государственной номенклатуры [5, с. 59–61]. Те, кого отличал низкий уровень образования и профессиональной компетентности, попали под маховик политических репрессий и были физически уничтожены (Г. Г. Ян и А. П. Грачев). Несмотря на проблемы организационно-кадрового характера, производственно-отраслевые отделы в период индустриализации 1930-х гг. доказали свое право на существование во властных структурах. Впоследствии, в годы Великой Отечественной войны,

²⁸ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 48. Д. 3072. Л. 3 об, 20 об, 21; Оп. 34. Д. 292. Л. 15–17 об.

²⁹Там же. Оп. 34. Д. 292. Л. 78 об–84.

им будет суждено сыграть большую роль в организации работы среднеуральской промышленности.

Библиографический список

1. *Антуфьев А. А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992.
2. Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Ч. 3. Т. 4. Пермь, 2005.
3. *Лейбович О., Колдушко А.* А жертвы кто? Культовые практики местной номенклатуры до большого террора // Ретроспектива. Пермский историко-архивный журнал. 2008. № 1(6).
4. *Сушков А. В.* Руководители города Свердловска: первые секретари горкома ВКП (б)–КПСС (1932–1991), вторые секретари горкома ВКП (б) (1937–1950): историко-биографический справочник. Екатеринбург, 2007.
5. *Сушков А. В., Михалев Н. А., Пьянков С. А.* Средний Урал в системе Урало-Кузнецкого комбината: проблемы строительства Новотагильского металлургического завода в 1930-е гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 25 (279). История. Вып. 52.
6. *Сушков А. В., Разинков С. Л.* Руководители Свердловской области: первые секретари обкома ВКП (б)–КПСС и председатели облисполкома. 1934–1991: Биографический справочник. Екатеринбург, 2003.
7. *Шабалин В.* Спаситель Мотовилихи. О директоре завода им. Молотова Петре Константиновиче Премудрове // Ретроспектива. Историко-архивный журнал [г. Пермь]. 2012. № 1.

A. V. Sushkov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)

E. I. Yarkova

Candidate of Historical Sciences, Centre for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region (Yekaterinburg, Russia)

Heads of the Industrial-transport Department of Sverdlovsk Regional Party Committee of the Communist (Bolshevik) Party of the Soviet Union in the 1930s: Social-professional Portrait

The article gives the analysis of the social-professional portrait of heads of the industrial-transport department of the Sverdlovsk regional party committee of the Communist (Bolshevik) Party of the Soviet Union during the industrialization period of 1930s. The authors consider sources and methods of the party officials recruiting as well as the width of their executive discretion.

Key words: the party-state power system, Sverdlovsk regional party committee of the Communist (Bolshevik) Party of the Soviet Union, industrialization

К ВОПРОСУ О РАЗРУШЕНИИ ПРЕДПРИЯТИЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА В ПЕРИОД ОТСТУПЛЕНИЯ КОЛЧАКОВСКИХ ВОЙСК

Статья посвящена проблеме оценки размеров ущерба промышленности Урала в годы Гражданской войны. Прослежена динамика оценок ущерба на протяжении советского периода истории; дана характеристика потерь промышленности и рабочих кадров Урала.

Ключевые слова: Урал, Гражданская война, промышленность, рабочие кадры, ущерб

В ряду немногочисленных исторических трудов предвоенного времени, юбилейное издание 1939 г., посвященное 20-летию освобождения Урала от колчаковских войск, с ярко выраженным историко-партийным характером, приобрело черты официоза. Внесенные в литературу данные о разрушенных белогвардейцами при отступлении летом 1919 г. 70 % всех заводов Урала и нанесенном ущербе промышленности в 539 млн 139 тыс. руб. [13, с. 13, 112] вошли в учебники. Эти цифры приводились историками не только в конце 1930-1980-х гг., но встречаются и в постсоветской литературе [9, с. 87].

С этого времени в уральскую историографию прочно вошел тезис о масштабном разрушении предприятий промышленности Урала в период отступления колчаковских войск. Характерным примером оценки событий лета 1919 г. можно считать статью Т. Ф. Кобылкина (1970 г.), в которой сообщалось, что, отступая под ударами Красной Армии, белогвардейцы, осуществляя заранее намеченные планы разрушения уральской промышленности, вывели из строя почти 70 % всех заводов Урала. В глубь Сибири было отправлено имущество Пермского, Лысьвенского, Златоустовского и многих других заводов. Не разрушенные врагом предприятия стояли из-за отсутствия рабочих, топлива, сырья. Ущерб, нанесенный колчаковцами уральской промышленности, исчислялся, по мнению автора, в 608 932 511 руб. золотом [7, с. 31].

В конце 1980-х гг. А. П. Абрамовский и В. С. Скробов — авторы соответствующего (1917–1920 гг.) раздела первой части «Истории народного хозяйства Урала» — более сдержанно оценивали ситуацию в экономике региона во второй половине 1919 г. По их мнению, отступая под ударами Красной Армии, колчаковцы стремились вывести из строя промышленные предприятия. Однако стремительное наступление Красной Армии, противодействие

*Михаил Аркадьевич Фельдман

Д.и.н., Уральский институт — филиал РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия; feldman-mih@yandex.ru

уральских рабочих не позволили колчаковцам осуществить свои планы. Так, рабочие Пермского пушечного завода сумели сберечь много ценных станков и более 1 млн пуд. стали [6, с. 37].

Следует сказать, что и при отступлении красных летом 1918 г. рабочие ряда заводов (например, Надеждинского, Богословского) отказались грузить вагоны и не позволили вывезти заводскую продукцию, включая снаряды¹. В этом явлении отразились не столько симпатии рабочих к одному из враждующих лагерей, сколько отношение рабочих к своим предприятиям, как коллективной собственности, усиленное национализацией первых месяцев 1918 г. Телеграмма Областного Совета Уральской области от 14 августа 1918 г. местным Советам предупреждала, что при отступлении Красной Армии с территории Урала «разрушение заводов недопустимо»². Однако не следует ни недооценивать позитивное значение телеграммы Областного Совета, ни переоценивать ее содержание: к 14 августа красные уже покинули Уфу, Челябинск, Екатеринбург, ряд расположенных неподалеку заводов [4, с. 20, 21, 26, 27]. Что же касается Надеждинского, Богословского заводов — они были заняты белыми в октябре 1918 г. На очевидном хаотичном характере «красной эвакуации» сказалось и то, что проблемы вывоза оборудования были поручены самым различным органам: Советам, Деловым Советам, профсоюзам, действующим децентрализованно и в условиях стремительного приближения боевых действий³.

А. П. Абрамовский и В. С. Скробов, ущерб, нанесенный экономике Урала, исчисляли суммой в 539 млн 139 тыс. руб., ссылаясь при этом на все тот же источник 1939 г. — «Разгром колчаковщины на Урале». Судя по тексту первой части «Истории народного хозяйства Урала», указанную величину потерь составляли: вывезенные с рудников Урала и Сибири драгоценные металлы на сумму 114,5 млн руб.; прямой материальный ущерб, нанесенный сельскому хозяйству Урала в 231,9 млн руб.; оставшиеся 174,7 млн руб. [6, с. 37, 47] приходились на промышленность (вывезенное и испорченное оборудование) и транспорт.

Не трудно заметить, что ущерб промышленности в период отступления колчаковских войск спустя полвека определялся советскими историками, по крайней мере, в четыре раза меньше, чем в 1939 г., отражая сдвиг исторической науки в СССР. Характерно, что тот же Т. Ф. Кобылкин отмечал, что основная часть вывезенного колчаковцами оборудования была оперативно возвращена советскими органами. В короткий срок, с 18 февраля по 22 марта 1920 г., из Восточной Сибири на Урал было отправлено 11 эшелонов с оборудованием уральских заводов. К концу 1920 г. основные восстановительные работы были завершены [7, с. 39].

¹ГАСО. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 24. Л. 33–33 об.

²Там же. Д. 10. Л. 1.

³Там же. Ф. 2601. Оп. 1. Д. 151. Л. 36.

Однако речь шла не только о восстановлении производственных мощностей. А. П. Абрамовский и В. С. Скробов обоснованно отметили: уже осенью 1919 г. возобновили работу многие заводы Урала, действовали 14 доменных и 16 мартеновских печей, 49 прокатных станков, т. е. не менее $\frac{1}{3}$ металлургических агрегатов, работавших в июле 1918 г. [6, с. 38, 39]. Военная экономика Советской России во многом опиралась на промышленные ресурсы Урала. Наибольших успехов в 1919–1920 гг. добились ведущие оборонные заводы Урала. Так, в декабре 1919 г. Пермский пушечный завод достиг уровня 1915–1916 гг. (!), в 1920 г. — выпустил 283 орудия и 563 комплектов запасных частей к ним, 10,3 тыс. снарядов крупного калибра и прочее вооружение [6, с. 40].

Ижевский завод в 1920 г. по среднемесячному выпуску винтовок был близок к уровню июня 1918 г. За 1919–1920 гг. ижевские оружейники дали Красной Армии 445 720 винтовок, что составило половину их выпуска в стране [8, с. 41]. Всего же во второй половине 1919–1920 гг. заказы военного ведомства выполняли 477 заводов и фабрик Урала [6, с. 39, 40]. В 1920/1921 хозяйственном году валовая продукция каменноугольной промышленности Урала составила 82,5 % от уровня 1913 г. (правда, при удвоении числа занятых) [6, с. 77]. Наряду с этим, за осень 1919 г. было восстановлено большинство поврежденных мостов через реки Урала, и к ноябрю 1920 г. средняя скорость движения поездов составила 14 верст, при довоенной скорости 35 верст в час [6, с. 43–44].

Указав, что «на занятой врагом территории из каждых 5 уральских заводов работал только один» [6, с. 39], А. П. Абрамовский и В. С. Скробов, по сути, дезавуировали утверждение: «белые вывели из строя почти 70 % всех заводов Урала». Добавим к этому, что в современной литературе, посвященной истории Колчаковской армии и белым правительствам на Востоке страны [5] не содержатся факты, подтверждающие наличие заранее намеченных планов разрушения уральской промышленности.

Тезис о «спланированном и масштабном разрушении предприятий промышленности» в литературе советского периода мирно сосуществовал с положениями о неорганизованном и хаотичном отступлении белогвардейских войск с Урала, по сути, не оставлявшем времени для подрывных операций. Так, в ходе Екатеринбургской операции 5–20 июля 1919 г. в результате стремительного броска дивизии красных под командованием В.М. Азина, белые оказались не в состоянии отправить даже эшелоны с ранеными [11, с. 3–12]. Аналогичными были и результаты Челябинской операции 17 июля — 4 августа 1919 г. (включая восстание 6 тыс. рабочих в Челябинске 24 июля 1919 г.): из-за вынужденного отказа колчаковцев от организованной эвакуации все подготовленные ценности, оборудование ряда предприятий (3 тыс. вагонов) остались на месте [10, с. 3–101]. Реввоенсовет 5-ой армии сообщал В. И. Ленину 1 августа 1919 г. (т. е. по «горячим следам» событий):

«Урал захвачен врасплох, заводы почти не тронуты Колчаком, а часть вывезенного им из заводов захвачена...» [12, с. 17].

Возвращение значительной части оборудования и восстановление испорченных станков и механизмов позволяют сделать вывод о том, что невозратимый ущерб предприятиям уральской промышленности был невелик. Сопоставление приведенных данных указывало не на разрушительные последствия белого отступления, а на куда более очевидные причины разрухи: отсутствие топлива, сырья, квалифицированной рабочей силы.

Подобный вывод был внесен в научную литературу еще в 1936 г. глубоким исследователем горнозаводской промышленности — С. П. Сиговым. По его мнению, повреждения техническому оборудованию металлургических цехов были сравнительно незначительны и не играли существенной роли в последующем восстановлении производства...» [14, с. 276–277]. В Пермских пушечных заводах из 80 имевшихся паровых котлов с 78 была снята арматура; были вывезены часть заводского оборудования, материалы; с Лысьвенского металлургического завода — увезена часть прессов и станков, сварочные аппараты. Вместе с тем, отмечал С. П. Сигов, разрушения, произведенные в военных и отчасти силовых цехах заводов, были в ряде случаев весьма серьезны, но и здесь стремительное отступление белых войск помешало осуществить план эвакуации. «Будучи в дальнейшем реэвакуировано, увезенное с заводов оборудование, в условиях того момента, в большинстве случаев не находило себе применение» [14, с. 277].

Последствия белой эвакуации, подчеркивал С. П. Сигов, «касались не столько оборудования, сколько аппарата управления производства, начиная с канцелярских принадлежностей до увода всего квалифицированного состава работников» [14, с. 278]. С. П. Сигов считал, что «разрушения (лета 1919 г.) имели весьма существенное значение с точки зрения тех возможностей, которые создавало установленное на заводах в военный период оборудование» [14, с. 278]. Иными словами, ущерб от отступления белых войск рассчитывался исходя из потенциальных потерь неработающих предприятий Урала. Это подтверждает сводная ведомость убытков уральской промышленности в результате Гражданской войны и интервенции, опубликованная В. С. Голубцовым в 1960 г. Отталкиваясь от данных об ущербе от Гражданской войны, собранных работниками ВСНХ по единой анкетной ведомости с предприятий Урала в 1924 г., В. С. Голубцов привел общую сумму потерь промышленности — 608,215 млн руб. по довоенным ценам. Однако 87 % этой суммы — 527,5 млн руб. составляли потенциальные убытки от сокращения производства промышленной продукции Урала в ходе военных действий в 1918-1919 гг., т.е. косвенные потери; 12,7 млн руб. составили расходы на реэвакуацию. 56,2 млн руб. приходилось на стоимость поврежденных заводских зданий, оборудования, вывезенного сырья и готовых изделий, а еще 12,5 млн руб. — на «уничтожение естественных богатств на поверхности и в недрах земли» [2, с. 100].

По категории «ущерб от отступления белых войск» в ведомости зафиксированы 68,7 млн. руб. или 11 % от 608,2 млн руб. С учетом возвращения на предприятия Урала значительной части оборудования реальная стоимость ущерба промышленности представляла существенно меньшую величину.

Изучение документов, соседствующих со сводной ведомостью убытков в том же деле, свидетельствует, во-первых, о произвольном включении в разряд ущерба от потерь Гражданской войны «вырубок недостигшего спелости леса вблизи гужевых дорог»⁴; стоимости непрофильных работ по ремонту боевой техники на заводах Урала⁵; средств, отпущенных на помощь семьям погибших красноармейцев⁶ и т. д. Во-вторых, содержание приказа ВСНХ от 27 июля 1924 г. № 517/с о проведении подобного подсчета акцентировало внимание именно на стоимости произведенной продукции в период 1918–1922 г.⁷

Подсчеты убытков уральской промышленности в результате Гражданской войны и интервенции опирались на официальный документ «Претензии России к государствам, ответственным за интервенцию и блокаду (май 1922)», в котором общая величина претензий к странам Антанты исчислялась из суммы прямых убытков по металлопромышленности всей страны в 116 млн руб. и косвенных (сокращения производства) на 1 630 млн руб. [1, с. 100].

Возложение на белое движение на порядок преувеличенного ущерба, нанесенного отступлением колчаковской армии летом 1919 г., должно было отвлечь внимание населения, в первую очередь рабочих, от размышлений о подлинных причинах Гражданской войны, реальных результатах национализации и политики «военного коммунизма» в целом; поддерживать в обществе атмосферу классовой ненависти, позволявшей существовать и оправдывать диктатуру большевистской партии под вывеской «диктатуры пролетариата».

Библиографический список

1. Внешняя политика СССР. Т. 2. М., 1944.
2. Голубцов В. С. Материалы уральских органов ВСНХ об ущербе, нанесенном уральской промышленности в результате гражданской войны и интервенции // Из истории заводов и фабрик Урала. Вып. 1. Свердловск, 1960.
3. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969.
4. Дубленных В. С. Белая армия на Урале. Екатеринбург, 2008.
5. Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М., 2006.

⁴Там же. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 1486. Л. 38.

⁵Там же. Л. 50–51.

⁶Там же. Л. 55–56.

⁷Там же. Л. 4–8.

6. История народного хозяйства Урала (1917–1945 гг.). Ч. 1. Свердловск, 1988.
7. *Кобылкин Т. Ф.* На путях возрождения тяжелой промышленности Урала (июль 1919 — декабрь 1920 гг.) // Труды УПИ. № 179. 1970.
8. *Лахман А. И.* Во имя революции. Рабочие Вятской губернии в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918–1920 гг.). Киров, 1981.
9. *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.
10. *Плотников И. Ф.* Большевики во главе антиколчаковских выступлений рабочих Урала летом 1919 г. // Большевистские организации Урала в период Октябрьской революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.). Свердловск, 1981.
11. *Плотников И. Ф.* О времени и обстоятельствах освобождения Екатеринбурга от колчаковцев // Из истории социалистического строительства на Урале. Свердловск, 1976.
12. *Плотников И. Ф.* Об особенностях и значении вооруженной борьбы уральских рабочих в тылу колчаковских войск // Формирование и развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма (1917–1937). Свердловск, 1982.
13. Разгром колчаковщины на Урале. Свердловск, 1939.
14. *Сигов С. П.* Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936.

M. A. Feldman

Doctor of Historical Sciences, Ural Institute – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Yekaterinburg, Russia)

To the Question of Destruction of Ural Industrial Enterprises during the Kolchak's Troops Retreat

The paper deals with the problem of damage assessment of the Ural industry during the Civil War. The author traces the dynamics of damage assessments over the whole Soviet period and gives the characteristic of loss of industry and workers in the Urals.

Key words: the Urals, Civil War, industry, workers, damage

ФИНАНСИРОВАНИЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ УРАЛЬСКОГО СЕЛА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

В статье на основе разнообразных источников анализируется финансирование уральской деревни в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Основное внимание обращается на финансирование индустриализации села, прежде всего, его социалистического сектора.

Ключевые слова: финансирование, Урал, сельское хозяйство, индустриализация

Модернизация экономики в 1930-е гг. коснулась и села. За короткий срок предстояло осуществить радикальную индустриализацию сельскохозяйственного производства: обновить основные фонды, обеспечить село современной техникой и орудиями труда. 1929/30 г. стал переломным в социалистическом строительстве села. Для осуществления модернизации деревни требовались колоссальные средства. Если в предыдущие годы постепенно снижалась финансовая помощь индивидуальному крестьянству, то теперь практически все средства были брошены на общественный сектор и в первую очередь на развитие колхозов, а также на создание совхозов. Интересен в этом отношении опыт организации финансирования деревни в индустриальном Уральском регионе.

Капитальные вложения в объекты сельского хозяйства Уральской области составляли в 1928/29 г. — 37 млн руб., в 1929/30 г. — 130 млн руб.¹ По другим данным, вложения в сельское хозяйство Уральской области достигли в 1928 г. 23,8 млн руб., в следующем году — 41,7 млн руб. и в 1930 г. — 140,1 млн руб.²

В сравнении с капитальными вложениями в другие отрасли уральской экономики вложения в село были не столь значительными. В 1926/27 г. капитальные вложения в сельское хозяйство составляли 7,3 % от всех вложений, в 1929/30 г. — 21,5 %, а в основном — в пределах 12–13,6 %³.

Сопоставление данных СССР и Уральской области показывает следующее. Основная часть капиталовложений в конце 1920-х гг. направлялась на приобретение мертвого инвентаря, включавшего производственный сельхозинвентарь, тракторы и транспортные средства. Так, в 1928 г. 40 % средств по стране предназначалось именно на эти цели, из них треть — на приобре-

*Владимир Викторович Филатов

Д.и.н., Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия; v.philatov@mail.ru

¹Уральский коммунист. 1930. № 2. С. 9; Урал. рабочий. 1930. 31 янв.

²Отчет о деятельности Уралоблисполкома VII созыва (1929 — февраль 1931 г.) к VIII съезду Советов. Свердловск, 1931. С. 61.

³Социалистическое строительство Урала за 15 лет (основные показатели). Свердловск, 1932. С. 39; ЦДО-ОСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 286. Л. 134.

тение сельскохозяйственных машин. Однако в 1930 г. удельный вес этих капитальных вложений сократился до пятой части, сравнявшись с показателями по сельскому строительству, размеры ассигнований на которое выросли по сравнению с 1928 г. вдвое.

Широк разброс показателей различных источников по капиталовложениям в создание сельскохозяйственной индустрии — строительство, прежде всего, предприятий, перерабатывающих на месте полученную в селе продукцию. По одним данным, в 1926/27 г. в Уральской области на эти цели выделялось 1,2 % капиталовложений, в 1928/29 г. — 6,9 %; по другим — также произошел рост, но уже с 7,6 до 16,7 %. Имеются и третьи показатели, которые фиксируют первоначальное выделение 10,8 % средств, а к 1932 г. снижение до 6,7 %. Союзные источники показывают рост с 2,9 % в 1928 г. до 4,1 % в 1930 г. [11, с. 204]. Также незначительные суммы выделялись на электрификацию села. Как союзные, так и уральские показатели свидетельствуют о слабом развитии этой отрасли сельского хозяйства начального этапа социалистических преобразований.

В 1930 г. радикальные трансформации происходили в Башкирии. Так, сумма всех капиталовложений в башкирское сельское хозяйство равнялась около 30 млн руб.⁴ Другие данные свидетельствуют, что капиталовложения в сельское хозяйство Башкирии составили в 1929/30 г. 18 млн руб., тогда как в предыдущем году — 9,6 млн руб. 40 % этой суммы выделялось на приобретение тракторов и другой сельхозтехники [1, с. 45].

За 1927/28–1929/30 гг. расходы бюджета Башкирии на сельское хозяйство были неравномерными. Если в 1927/28 г. они составляли 2,8 млн руб., то в следующем году — 2 млн руб., а в 1929/30 г. (вместе с особым кварталом) — 3,8 млн руб. Примерно столько же выделялось бюджетных средств и в 1931 г.⁵

Для сравнения с Уральским регионом, в Сибирском крае также наращивались ассигнования в село. Вложения в сельское хозяйство Сибири в 1928/29 г. равнялись 81,4 млн руб., а кредиты достигли 45 млн руб., тогда как в 1926/27 г. вложения доходили до 47,9 млн руб., а кредиты — 27,8 млн руб. [8, с. 216]. По другим данным, госвложения в сельское хозяйство Сибирского края в 1928/29 г. были в пределах 62,7 млн руб., а в 1929/30 г. — 94,7 млн руб. [7, с. 153].

В 1931 г. доходы народного хозяйства Уральской области находились на уровне 1 540,5 млн руб., в т. ч. средства обобществленных хозяйств составляли 501,8 млн руб. (32,6 %). Расходы народного хозяйства определялись в сумму 1 747,8 млн руб., из них на развитие сельского хозяйства направлялось 188,3 млн руб. (10,8 %)⁶. Все же аграрная экономика в индустриальном крае занимала далеко не ведущие позиции. Необходимо иметь в виду, что немалые средства из деревни направлялись на нужды промышленности Урала и страны [8]. Капиталовложения в основные фонды сельского хозяйства в

⁴Красная Башкирия. 1930. 7 нояб.

⁵ЦИА РБ. Ф. 472. Оп. 6. Д. 644. Л. 59.

⁶Отчет о деятельности... С. 112.

Уральской области за 1930–1931 гг. увеличились с 61,3 млн руб. до 140,1 млн руб. (в 2,3 раза)⁷.

Капитальные вложения в аграрную экономику Уральской области к 1932 г. должны были достичь 200,2 млн руб., в т. ч. в колхозы — 62,9 млн руб., из них на организацию территории — 2,6 млн руб., на энергетику — 0,3 млн руб., на сельхозмашины — 9,7 млн руб., на строительство в растениеводстве — 6,6 млн руб., на животноводство — 6,1 млн руб., на строительство в животноводстве — 2,9 млн руб., на сельхозиндустрию — 5,2 млн руб. Во вложениях задействовались собственные средства организаций — 35,8 млн руб. и долгосрочные кредиты — 27 млн руб.⁸

На финансирование совхозов в Уральской области в 1931 г. выделялось 137,9 млн руб., оборотных средств — 55,6 млн руб., в т. ч. на организацию территории — 15,9 млн руб., на энергетику — 13,1 млн руб., на мертвый инвентарь — 14,2 млн руб., на обслуживание — 1,1 млн руб., на растениеводство — 4,5 млн руб., на животноводство — 2,5 млн руб., постройки — 0,6 млн руб.⁹

Но не всегда вложенные средства полностью использовались. В 1930 г. в уральском селе намечалось построить объектов на 524 тыс руб., а фактическое вложение составило 68 %, в следующем году на эти цели выделялось 1 003 тыс. руб., но реально построили лишь половину намеченного (46,4 %)¹⁰.

По сравнению с 1929 г. в 1931 г. финансирование капиталовложений в башкирскую деревню возросло в 4,5 раза. В 1930 г. наибольшую долю вложений получили колхозы, тогда как в 1931 г. — совхозы. В совхозное производство направлялось в 1931 г. денег в 16,8 раза больше, чем в 1929 г.¹¹

Чаще денежные средства вкладывались в мертвый инвентарь и энергетику. На втором месте по значимости было развитие животноводства, которое в республике заняло ведущее место в структуре сельскохозяйственного производства. Несколько особняком стояло распределение средств в 1930 г., когда значительная часть была направлена на подъем растениеводства и организацию территории. Появление первых колхозов и совхозов диктовало выделение ассигнований на обустройство территории.

Архивные сведения расходятся с показателями других источников. По данным Р. Бикбаева, капвложения в башкирскую деревню увеличились с 9 млн руб. в 1928/29 г. и 18,2 млн руб. в 1930 г. до 42,3 млн руб. в 1931 г.¹²

В 1932 г. можно было подводить некоторые итоги финансирования аграрной экономики. В год окончания первой пятилетки сельское хозяйство страны и Урала получило значительно больше средств, чем в предыдущие годы.

⁷История коллективизации сельского хозяйства Урала (1927–1937). Сб. документов и материалов. Пермь, 1983. С. 143.

⁸Материалы к контрольным цифрам хозяйства Урала на 1931 г. Свердловск, 1931. С. 59.

⁹ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 495. Л. 39.

¹⁰Два года борьбы за социалистическую реконструкцию сельского хозяйства на Урале. Материал к отчету Уралобкома на XI областной партконференции. Свердловск, 1932. С. 31.

¹¹ЦИА РБ. Ф. 472. Оп. 6. Д. 646. Л. 56 а.

¹²Два года борьбы за социалистическую реконструкцию... С. 73.

В аграрном секторе экономики Уральского региона за годы пятилетки произошли существенные изменения. Капиталовложения в основные фонды увеличились с 61 млн руб. в 1930 г. до 140 млн руб. в 1932 г. С 1929 по 1932 г. в сельское хозяйство Уральской области было вложено 350 млн руб.¹³

Вложения в аграрный сектор Уральской области в 1929 г. составляли 27 млн руб., в 1930 г. — 61 млн руб., в 1931 г. — 140 млн руб., в 1932 г. — 122,6 млн руб.¹⁴ По другим данным, капитальные вложения в сельское хозяйство области составили в 1932 г. 146,8 млн руб.¹⁵

Имеются также сведения, по которым капитальные вложения в село в Уральской области поднялись с 27 млн руб. в 1929 г. до 145 млн руб. в 1932 г. На строительство совхозов и колхозов было затрачено 197 млн руб., в строительство колхозов и МТС вложили 135 млн руб.¹⁶

Существуют показатели, по которым в 1928 г. в сельское хозяйство Уральской области было вложено 28 млн руб., а в конце пятилетки — в 5,2 раза больше. В 1929 г. было выделено капиталовложений на развитие колхозов и совхозов в сумме 1,7 млн руб., в 1932 г. — 94,6 млн руб. (в 55,7 раза больше), а всего за пятилетку получили 196,4 млн руб.¹⁷

За первую пятилетку капиталовложения в село в Уральской области достигли 374,9 млн руб.¹⁸, тогда как по стране — 10,8 млрд руб. [6, с. 252]. В то время одной из главных задач для уральского села была задача обеспечения сельскохозяйственными машинами, поэтому выделяемые средства направлялись на их приобретение. Не менее значимым для деревни было создание сельскохозяйственной индустрии, развитие растениеводства и животноводства. За 1929-1932 гг. уральское село получило 428,5 млн руб., из них 46,1 % направлялось в колхозы [5, с. 29].

По сведениям Н. Ефременкова, в 1929 г. государство направило в колхозы Уральской области 1,7 млн руб., в 1930 г. — 19,1 млн руб., в 1931 г. — 82 млн руб., а в 1932 г. — 94,6 млн руб. Всего же за это время капиталовложения достигли 428,5 млн руб. против 285 млн руб. в предыдущее пятилетие [4, с. 32]. Капитальные вложения в уральские МТС в 1930 г. находились в пределах 4 млн руб., а в 1932 г. — 112 млн руб. [3, с. 68].

Важные изменения происходили в механизации производственных процессов. Здесь вложения превысили запланированные показатели в 1,7 раза. При этом по сравнению с 1928/28 г. в конце пятилетки они увеличились в 5,5 раза, больше всего по транспорту (рост 9,3 раза). Особо впечатляющие результаты были достигнуты в строительстве, где удельный вес вложений неуклонно увеличивался.

В Уральской области почти половина капиталовложений (44,6 %) была направлена на покупку сельхозинвентаря, но в 1932 г. произошло снижение до 18,3 %. По разным данным, на механизацию было израсходовано в

¹³ XI Уральская областная конференция ВКП (б): стенографич. отчет. Свердловск, 1932. С. 353.

¹⁴ ГАСО. Ф. 241. Оп. 3. Д. 35. Л. 85.

¹⁵ Там же. Оп. 2. Д. 2028. Л. 10.

¹⁶ Хозяйство Урала. 1933. № 1-2. С. 12.

¹⁷ ГАСО. Ф. 241. Оп. 2. Д. 2028. Л. 10, 33.

¹⁸ Там же. Д. 1955. Л. 20.

1928 г. от 37 до 50,8 % всех ассигнований. По одному из источников видно, что капиталовложения в сельское строительство возросли с 1928/29 г. по 1932 г. в 2,7 раза. Однако, по другим показателям, только за 1928–1930 гг. эти вложения увеличились в 4 раза, хотя по сравнению с предыдущими данными их удельный вес во всех ассигнованиях в сельское хозяйство был ниже (18,3 % и 41,8 %) [11, с. 204].

Капитальные вложения в сельское хозяйство Уральской области в течение 1926/27–1932 гг. постоянно возрастали. На фоне же всех вложений в народное хозяйство темпы роста капиталовложений в сельское хозяйство отставали до 1929/30 г. В 1929/30 г. темпы резко увеличились, а затем вновь стали уменьшаться. Лишь в 1932 г. по отношению к 1927/28–1928/29 гг. и к 1931 г. они были выше. Кстати, темпы роста вложений в целом в народное хозяйство области упали на десятую часть.

Удельный вес капитальных вложений по всем вложениям в народное хозяйство находился в пределах от 11,7 % (1931 г.) до 21,5 % (1929/30 г.). Столь значительные капиталовложения в 1929/30 г. были вызваны началом массовой коллективизации, когда для формирования новых колхозов требовались немалые средства¹⁹.

На финансирование сельского хозяйства в Башкирии в 1932 г. выделялось 3 млн руб.²⁰ В Башкирии капиталовложения в совхозы в 1929 г. составляли 1,8 млн руб., в 1930 г. — 2,7 млн руб., в 1931 г. — 29,5 млн руб. и в 1932 г. — 24 млн руб.²¹

Итак, фактический материал свидетельствует о значительных изменениях в аграрном секторе экономики, проходивших в стране и в Уральском регионе. Немалые средства были направлены в деревню. Патриархальное село нуждалось в современной технике, инновациях, в агротехнических мероприятиях, прогрессе в животноводстве и многое было сделано [7, с. 111–118].

Необходимо отметить, что финансирование этих и других необходимых для деревни мероприятий увеличивалось параллельно со структурными переменами в субъектах хозяйствования. Разрушение единоличных хозяйств и создание колхозно-государственного сектора преследовало не только цель создания крупных хозяйствующих субъектов, что являлось общемировой тенденцией развития сельскохозяйственного производства, но и привнесения в модернизацию классовых, идеологических принципов искоренения индивидуалистической, буржуазной психологии крестьянства.

Затраты на переустройство сельского хозяйства являлись значительными, но вкладываемые средства не всегда использовались рационально. По ряду позиций Уральский регион отставал от других регионов страны не только в получении необходимых денежных вливаний, но и в обеспечении техникой, скотом, строительными материалами.

¹⁹Социалистическое строительство Урала... С. 38.

²⁰Социалистическое хозяйство Башкирии. 1933. № 3–4. С. 90.

²¹Материалы к докладу правительства Башкирской АССР на III-й сессии ВЦИК XV созыва. Уфа, 1932. С. 56.

Библиографический список

1. Башкирская АССР за 15 лет. Уфа, 1934.
2. Бикбаев Р. А. Решающий этап колхозного строительства в Башкирии // Из истории партийных организаций Урала. Вып. 4. Свердловск, 1966.
3. Власова Л. П., Ефременков Н. В. Социально-экономические изменения в уральской деревне в результате коллективизации сельского хозяйства // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Сб. 3. Свердловск, 1972.
4. Ефременков Н. В. Колхозное строительство на Урале в 1931–1932 гг. // Из истории коллективизации сельского хозяйства. Ученые записки УрГУ. Сер.: «История». Вып. 14. Свердловск, 1967.
5. История народного хозяйства Урала. В 2 ч. Свердловск, 1988. Ч. 1.
6. Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1939.
7. Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927–1937 гг.). Томск, 1972.
8. Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917–1937 гг. Новосибирск, 1983.
9. Филатов В. В. Сельскохозяйственное производство на Урале в конце 1920-х — начале 1940-х гг.: противоречия трансформации. Магнитогорск, 2006.
10. Филатов В. В. Уральское село, 1927–1941 гг.: продуктовые и денежные повинности. Магнитогорск, 2007.
11. Филатов В. В. Уральское село, 1927–1941 гг.: финансирование. Магнитогорск, 2013.

V. V. Filatov

Doctor of Historical Sciences, Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov (Magnitogorsk, Russia)

Financing of the Ural Village Industrialization in the Initial Period of Collectivization

On the basis of various sources the article analyzes financing of the Ural village at the end of 1920s — beginning of 1930s. Great attention is paid to financing of the village industrialization and, primarily, its socialistic centre.

Key words: financing, the Urals, agriculture, industrialization

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

УДК 314.148(470.51)''17/18''

Т. А. Васина*

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В БЕМЫШЕВСКОМ ЗА- ВОДЕ В КОНЦЕ XVIII–XIX вв.

На примере крестьян Бемышевского завода Вятской губернии анализируются демографические процессы конца XVIII–XIX вв. Исследованы половозрастные показатели смертности, сезонность рождений, смертей и венчаний, словная принадлежность заключивших брак, общая демографическая динамика.

Ключевые слова: историческая демография, горнозаводское население, православные, брачность, рождаемость, смертность

Бемышевский медеплавильный завод Елабужского уезда Вятской губернии был основан в 1756 г. балахнинскими купцами Ф. Ф. и В. И. Осокиными, с 1777 г. принадлежал помещику Е. А. Лебедеву. Предприятие действовало на основе посессионного права. Первые рабочие кадры составили русские крепостные Кунгурских соляных промыслов Осокиных. В 1763 г. их насчитывалось 289 душ мужского пола и 305 — женского. К их числу было присоединено 13 новокрещенных башкир [1, с. 105; 5, с. 117; 6, с. 187]. В 1797 г. заводу принадлежало 464 крепостных [2]. К 1816 г. их численность увеличилась до 554 чел. [4, с. 161]. В 1860 г. на предприятии был зарегистрирован 731 крепостной [2]. Завод отличался слабой сырьевой базой: согласно А. А. Александрову, «руда извлекалась обычно с небольшой глубины, но из многих рудников. Вначале их было 182, а в 1797 г. — 216, причем выработанными считались 212 рудников... В 1860 г. на учете значились 200 рудников, из них действовали только 12» [1, с. 102]. В итоге кризис уральской промышленности конца XIX в. привел к закрытию производства в 1882 г. Рабочий поселок на протяжении существования предприятия оставался небольшим: в конце XIX в. здесь насчитывалось 2 150 жителей и 335 дворов [9].

Православное население Бемышевского завода первоначально относилось к приходу Свято-Троицкой церкви в с. Куваки (освящена в 1772 г.). В 1825 г. вместо этой обветшавшей церкви в заводском поселке на средства Е. А. Лебедева и прихожан построен новый каменный храм. По данным на 1829 г., приход включал, кроме Бемышевского завода, еще 25 сельских населенных пунктов [8, с. 52]. Таким образом, горнозаводское население составляло лишь относительно небольшую часть прихожан. К примеру, в 1890 г. на заводских крестьян приходился 21 % крещений и отпеваний в приходе. Кроме них в церковном округе числились крестьяне, военнослужащие (солдаты), дворовые, «новокрещены» и «старокрещены» сельской округи, также в Свято-Троицкой церкви совершали таинства мещане Казани, Елабуги, Мамадыша, Арска, Балахны и других городов.

*Татьяна Анатольевна Васина

К.и.н., Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, Ижевск, Россия; tatjasch@mail.ru

В данной статье рассматриваются демографические процессы на примере основной категории жителей Бемышевского завода — крепостных заводских крестьян (в метриках конца XVIII в. называемых «старорусскими», в переходный после отмены крепостного права период — временнообязанными, затем освобожденными от крепостного труда). Источниками послужили метрики Свято-Троицкой церкви за 1781–1895 гг.

Результаты выполненных расчетов рождаемости и смертности крестьян Бемышевского завода отражены в таблице 1.

Таблица 1

Демографические процессы у крестьян Бемышевского завода в конце XVIII–XIX вв.

Годы	На 100 мальчиков рождалось девочек	На 100 мужчин умирало женщин	На 100 родившихся м. п. приходилось умерших м. п.	На 100 родившихся ж. п. приходилось умерших ж. п.	На 100 родившихся приходилось умерших об. п.
1781	57,14	150,00	14,29	37,50	22,73
1785	33,33	66,67	33,33	66,67	41,67
1789	100,00	27,27	157,14	42,86	100,00
1795	63,64	44,44	81,82	57,14	72,22
1799	100,00	350,00	28,57	100,00	64,29
1805	115,39	115,39	50,00	50,00	50,00
1810	75,00	88,89	90,00	106,67	97,14
1815	105,56	50,00	77,78	36,84	56,76
1820	85,29	130,00	29,41	44,83	36,51
1825	87,80	144,44	21,95	36,11	28,57
1830	68,29	75,00	117,07	128,57	121,74
1835	135,71	225,00	28,57	47,37	39,39
1840	84,38	80,95	65,63	62,96	64,41
1845	71,67	86,67	50,00	60,47	54,37
1850	122,00	81,82	66,00	44,26	54,05
1855	117,95	158,33	30,77	41,30	36,47
1860	91,43	79,17	68,57	59,38	64,18
1865	124,24	121,43	84,85	82,93	83,78
1870	105,45	100,00	40,00	37,93	38,94
1880	124,56	113,16	66,67	60,56	63,28
1886	113,21	102,56	73,58	66,67	69,91
1890	85,71	216,67	53,57	135,42	91,35
1895	85,00	82,35	56,67	54,90	55,86

Таблица составлена по: ЦГА УР. Ф. 72. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–3, 4 об–5, 28–31, 33–34 об, 63–65, 67–68, 76–81 об, 83 об–85, 110–119 об, 123–124 об, 209–217 об, 222 об–225 об; Д. 30. Л. 1–9, 14–19 об, 91–99, 105–110, 193–202, 205–210; Д. 31. Л. 53–69, 75–82, 221–236 об, 243–251 об; Д. 32. Л. 196–233 об, 240–248 об; Д. 34. Л. 1–51, 71 об–93; Д. 35. Л. 82–128, 153–180; Д. 36. Л. 1–49, 68–95; Д. 38. Л. 3–56, 65–94; Д. 40. Л. 134–214 об, 240–300; Д. 42. Л. 1–56 об, 68–102 об; Д. 44. Л. 131–186, 205–235 об; Д. 49. Л. 1–101, 128–185; Д. 52. Л. 1–130, 158–238 об, 615–675; Д. 56. Л. 1–85, 107–166; Д. 60. Л. 1–106.

Во-первых, проанализировано соотношение родившихся по признаку пола. Замечено, что в изучаемый период у крестьян Бемьшевского завода наблюдались периодические спады и подъемы числа родившихся девочек по отношению к количеству рожденных мальчиков. Так, девочек родилось больше в 1805, 1815, 1835, 1850, 1855, 1865, 1870, 1880, 1886 гг., одинаковое с мальчиками количество — в 1789 и 1799 гг., а средняя цифра за 1781–1895 гг. составила 93,60 девочек на 100 мальчиков.

Во-вторых, изучено соотношение умерших по полу. На протяжении конца XVIII–XIX вв. также наблюдались маятниковые колебания смертности женской части населения по отношению к мужской. Так, женщин умерло больше в 1781, 1799, 1805, 1820, 1825, 1835, 1855, 1865, 1880, 1886, 1890 гг. Среднее арифметическое за 1781–1895 гг. (116,97 умерших ж. п. на 100 умерших м. п.) говорит о большей смертности женщин в приходе.

В-третьих, отмечен преимущественно положительный демографический баланс мужской части крестьян, за исключением 1789 и 1830 гг. Средний за изучаемый период показатель (60,27 умерших м. п. на 100 родившихся мальчиков) говорит о достаточно высоком уровне смертности мужского населения.

В-четвертых, в таблице 1 отражен демографический баланс женской части православных жителей. Аналогично демографический баланс оставался преимущественно положительным на протяжении всего изучаемого периода, кроме 1799 г. (нулевой прирост), 1810, 1830, 1890 гг. (убыль). Средняя цифра за 1781–1895 гг. составила 63,54 умерших ж. п. на 100 родившихся девочек и свидетельствует о незначительных темпах прироста женского населения (который немного отставал от прироста жителей м. п.).

В-пятых, была прослежена общая демографическая динамика крестьян (обоего пола) Бемьшевского завода. Демографический баланс оставался преимущественно положительным, кроме 1789 г. (нулевой прирост) и 1830 г. (убыль). В среднем за 1781–1895 гг. на 100 родившихся приходилось 61,20 умерших.

Незаконнорожденные у заводских крестьян встречались редко: по одному младенцу в 1820 и 1825 гг. (1,59 и 1,30 % от числа родившихся), по два — в 1860 и 1865 гг. (2,99 и 2,70 %), три — в 1880 г. (2,34 %). Мертворожденные у заводских крестьян зафиксированы в 1855 г. (2 младенца), 1865 г. (3 младенца), 1886 г. (3 младенца) и 1895 г. (1 ребенок). Близнецы в заводском поселке отмечались часто: по одной паре в 1890 и 1895 гг., по две — в 1845 и 1860 гг., по три — в 1855 и 1880 гг., по четыре — в 1865 и 1886 гг., пять — в 1870 г.

Сезонность рождаемости во многом зависела от времени вступления в брак, регулируемого церковными правилами. Расчеты показали, что подъемы рождений у крестьян Бемьшевского завода на протяжении 1781–1895 гг. могли наблюдаться в различные месяцы, но в большинстве случаев максимумы рождений и мальчиков, и девочек приходились на январь, частично на март и октябрь. Анализ сезонности смертности показал, что подъемы смертей аналогично наблюдались в различные месяцы, но максимумы у мужчин чаще всего приходились на январь и август, у женщин — на август и апрель.

Распределение смертей по временам года в первую очередь зависело от детской смертности, которая численно преобладала. Причинами могли служить трудные роды, сезонные простудные или инфекционные заболевания, отдельные эпидемии.

На основе метрических книг были проанализированы половозрастные показатели смертности заводских крестьян с проведением 5-летней градации возрастных категорий. Замечено, что, начиная с XIX в., большинство людей умирало в детстве (в конце XVIII в. детская смертность, вероятно, фиксировалась плохо). В среднем за 1805–1895 гг. младенцы в возрасте до 1 года составляли 41,54 % от числа умерших м. п. и 40,39 % — ж. п. Наибольших величин этот показатель достигал в 1820 г., когда младенцы м. п. насчитывали 70,00 % от количества умерших мужчин, а также в 1870 г. — для женской части населения (девочки до 1 года составили 63,64 % от числа умерших ж. п.). Наименьших величин этот показатель достигал в 1805 г. (мальчики до 1 года насчитывали 7,69 % от умерших м. п.) и в 1810 г. (девочки до 1 года насчитывали 12,5 % от умерших ж. п.). В возрастной категории от 1 года до 4 лет среднее арифметическое за 1805–1895 гг. равнялось следующим цифрам: мальчики насчитывали 16,37 % от числа умерших м. п., девочки — 19,26 % соответственно от числа умерших ж. п. В возрасте 100 лет выявлен 1 умерший человек.

Здесь проявилось сходство Бемышевского завода с основными центрами металлургии Уральского региона. Согласно исследованиям И. П. Мокерова и А. И. Кузьмина, отличительными чертами демографических процессов на Урале были высокий уровень детской смертности и так называемой «бесполезной рождаемости», незначительные различия между удельным весом умерших в юности и в пожилом возрасте, компенсация больших потерь от смертности за счет высокой рождаемости [7, с. 13–16]. Согласно С. В. Голиковой, «для детского возраста был характерен так называемый «парадокс» детской смертности. Если для взрослого с возрастом вероятность умереть увеличивалась, то для ребенка она, наоборот, падала. В традиционном обществе эта «парадоксальность» усиливалась благодаря огромному размаху детской смертности» [3, с. 90].

Данные метрических книг позволили исследовать сезонность венчаний. Согласно проведенным расчетам, наибольшее число браков в поселке Бемышевского завода в 1781–1895 гг. заключалось в зимний период (январь — февраль) — 43,94 % всех учтенных венчаний, на втором месте по численности были осенние браки (сентябрь–ноябрь) — 25,35 % венчаний, в весенний период (апрель–май) было заключено 21,13 % браков, наименьшее число венчаний приходилось на лето (июнь–июль) — 9,58 %. В марте и декабре венчаний не было по причине поста.

Представляет интерес сословная принадлежность вступивших в брак в заводском поселке. Как видно из таблицы 2, основная масса венчаний (в среднем 76,34 % учтенных браков за 1781–1895 гг.) приходилась на крестьян Бемышевского завода, заметную долю (19,44 %) составляли смешанные пары (заводские крестьяне и лица гражданского и военного ведомств — крестьяне сельской округи, мещане, военнослужащие), причем преобладали браки за-

водских крестьян с крестьянами ближайших деревень (14,09 %). Меньшую долю составляли венчания других, немногочисленных, групп населения заводского поселка.

Таблица 2

Сословная принадлежность вступивших в брак в поселке Бемышевского завода в 1781–1895 гг.

Категория	Сословия	Кол-во пар	%	в т. ч. 2-й брак	в т. ч. 3-й брак
Горнозаводское население	Крестьяне Бемышевского завода	271	76,34	26 (9,59 %)	—
	Крестьяне Бемышевского завода + крестьяне Кушвинского и др. предприятий	5	1,41	2 (40,00 %)	—
	Итого	276	77,75	28 (10,14 %)	0
Смешанные пары	Крестьяне + военнослужащие (унтер-офицеры, солдаты) Бемышевского завода	16	4,51	6 (37,50 %)	—
	Крестьяне Бемышевского завода + крестьяне сельской округи	50	14,09	8 (16,00 %)	1 (2,00 %)
	Крестьяне Бемышевского завода + мещане Казани	2	0,56	—	—
	Крестьяне Бемышевского завода + сельские писари	1	0,28	—	—
	Итого	69	19,44	14 (20,29 %)	1 (1,45 %)
Другие группы жителей заводского поселка	Духовенство Бемышевского завода + духовенство городское и сельское	2	0,56	—	—
	Духовенство Бемышевского завода + крестьяне сельской округи	1	0,28	—	—
	Военнослужащие (солдаты и унтер-офицеры) Бемышевского завода	1	0,28	1 (100,00 %)	—
	Солдаты Бемышевского завода + крестьяне Нижнетурина завода	1	0,28	1 (100,00 %)	—
	Солдаты Бемышевского завода + крестьяне сельской округи	3	0,85	1 (33,33 %)	—
	Мещане Елабуги, проживавшие в Бемышевском заводе + крестьяне сельской округи	1	0,28	—	—
	Временно проживающие в Бемышевском заводе государственные крестьяне + крестьяне сельской округи	1	0,28	—	—
	Итого	10	2,81	3 (30,00 %)	0
	Всего	355			

Таблица составлена по: ЦГА УР. Ф. 72. Оп. 1. Д. 29. Л. 3 об–4 об, 31 об–33, 65 об–66 об, 81 об–83 об, 120–122, 218–222; Д. 30. Л. 10–13, 100–104 об, 203–204; Д. 31. Л. 70–74 об, 237–241; Д. 32. Л. 234–239 об; Д. 34. Л. 52 об–70; Д. 35. Л. 129–152; Д. 36. Л. 50–67; Д. 38. Л. 57–64 об; Д. 40. Л. 215–239 об; Д. 42. Л. 57–67 об; Д. 44. Л. 187–204 об; Д. 49. Л. 102–127; Д. 52. Л. 131–156; Д. 56. Л. 86–106; Д. 60. Л. 107–139.

В большинстве случаев брак был первым для жениха и невесты. Например, в 1886 г. венчались первым браком крестьянин Бемышевского завода Я. Ф. Мурашев (21 год, православный) и «крестьянская девица» этого же завода П. К. Терентьева (24 года, православная)¹. Повторные браки были более распространены среди смешанных пар (см. табл. 2), а в целом насчитывали 12,68 % от учтенного числа венчаний за 1781–1895 гг. Как правило, вдовцы женились на девушках (21 случай, или 46,67 % от рассмотренного числа повторных браков), в меньшей степени — на вдовах (18 случаев, 40,00 %), реже заключались браки отроков с вдовами (6 случаев, 13,33 % повторных браков). Третий брак (вдовец и вдова) выявлен всего один (0,28 % общего числа венчаний за период) (см. табл. 2).

Исследование возраста вступления в брак в Бемышевском заводе затруднено, поскольку сведения метрических книг отрывочны, в частности, в 1799–1835 гг. возраст венчавшихся в ведомостях не указывался. Изучение доступных данных показало, что в большинстве исследованных молодых супружеских пар (55,50 %) жених был старше невесты (разница в возрасте составляла от 1 года до 18 лет), в 24,50 % венчаний невеста была старше жениха (на 1–12 лет), в 20,00 % случаях супруги были одного возраста.

Абсолютный брачный возраст (в котором заключалось наибольшее число браков) составлял 18–25 лет для лиц м. п. (93,65 % случаев) и 18–24 года для лиц ж. п. (92,06 %). Средний возраст вступления в первый брак: у молодых людей — 21,34 (от 17 до 41 года), у девушек — 20,36 лет (от 15 до 32 лет). Средний возраст вступления во второй брак: у мужчин — 36,38 (от 20 до 63 лет), у женщин — 37,45 (от 25 до 53 лет). Возраст вступления в третий брак у мужчин — 31 год (один случай). Причем на протяжении изучаемого периода средний возраст вступления в первый брак постепенно повышался: у молодых людей он насчитывал в 1781 г. — 18,9 лет, в 1795 г. — 19,3, 1850 г. — 20,4, 1860 г. — 22,2, 1870 г. — 21,4, 1886 г. — 22,2, 1895 г. — 21,8; у девушек в 1781 г. — 18,9, в 1795 г. — 19,0, 1850 г. — 20,5, 1860 г. — 19,9, 1870 г. — 20,0, 1886 г. — 21,2, 1895 г. — 20,5.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что на протяжении конца XVIII–XIX вв. демографические процессы в Бемышевском заводе характеризовались резкими колебаниями уровней рождаемости и смертности. В среднем за период у заводских крестьян девочек рождалось немного меньше, чем мальчиков, а женщин умирало больше, чем мужчин. Увеличение смертности наблюдалось в разные сезоны, но чаще всего зимой, в конце лета и частично весной. Обращает на себя внимание превалирование детской смертности. Тем не менее, скорость воспроизводства населения способствовала сохранению в изучаемый период преимущественно положительного демографического баланса, хотя наличествовал высокий уровень смертности. Браки жителями заводского поселка заключались в относительно раннем возрасте, по правилам православного вероисповедания, как в пределах своей социальной группы (заводские крестьяне), так и с крестьянами ближайших деревень. На

¹ЦГА УР. Ф. 72. Оп. 1. Д. 52. Л. 139 об.

протяжении изучаемого периода возраст вступления в первый брак постепенно повышался. В целом, сохранение высокого уровня рождаемости и смертности говорит о господстве в изучаемый период традиционного типа воспроизводства населения.

Библиографический список

1. Александров А. А. Из истории Бемышевского медеплавильного завода // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX в. Ижевск, 1981. С. 98–122.
2. Гаврилов Д. В. Бемышевский медеплавильный завод // Metallургические заводы Урала XVII–XX вв.: энцикл. / гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург, 2001. С. 66–67.
3. Голикова С. В. Семья горнозаводского населения Урала XVIII–XIX вв.: демографические процессы и традиции. Екатеринбург, 2001.
4. Гришкина М. В. Удмуртия в эпоху феодализма (конец XV — первая половина XIX в.). Ижевск, 1994.
5. История Удмуртии: Конец XV — начало XX в. / под ред. К. И. Куликова. Ижевск, 2004.
6. Луппов П. Н. К истории медеплавильного Бемышевского завода // Записки УдНИИ. Ижевск, 1936. Вып. 6. С. 187–196.
7. Мокеров И. П., Кузьмин А. И. Экономико-демографическое развитие семьи / отв. ред. Б. С. Павлов. М., 1990.
8. Православные храмы Удмуртии: справочник-указатель / науч. ред. А. А. Тронин. Ижевск, 2000.
9. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1891. Т. III.

T. A. Vasina

Candidate of Historical Sciences, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the RAS (Izhevsk, Russia)

Demographic Processes in Bemys Plant in the late 18th–19th centuries

The paper considers the demographic processes of the late 18th–19th centuries on the example of factory peasants of the Bemys plant of Vyatka province. The author analyzes gender and age mortality rates, seasonality of births, deaths and weddings, social class of brides and bridegrooms, the general demographic dynamics on the basis of the Holy Trinity Church metrics.

Key words: historical demography, population of mining plants, Orthodox Christians, matrimony, birth rate, mortality rate

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: ПУТЬ С ПЕРИФЕРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ К СОБСТВЕННОЙ ВЕРСИИ ИСТОРИИ

Статья содержит анализ условий, которые позволили источникам личного происхождения переместиться с периферии исторического знания в его сердцевину, а также препятствий, возникающих при попытках создать на их основе новую версию прошлого.

Ключевые слова: источники личного происхождения, прошлое как ресурс, антропологически ориентированная история, концепции архивирования, приемы историописания

В процессе осмысления источниковой базы современных исторических исследований наметилась тенденция переоценки статуса и значимости источников личного происхождения. Историографические открытия последних лет во многом основывались на этих — иначе называемых «частными» или «субъективными» — источниках. Предпочтение, отдаваемое им в исследованиях, вносит изменения в режим контакта общества со свидетельствами своего прошлого, прежде всего, историка с источником. Информационные ресурсы исторической науки значительно пополнились, трансформируется их структура, а вместе с ней представление о ценности источников официально и личного происхождения [3].

В пользу личного свидетельства изменяется идеология институтов памяти. Эго-источники по сравнению с архивными документами подлежали другому режиму хранения [4, с. 9–10]. Государственные архивохранилища не содержат личные фонды «простых людей». Обладатели таких источников также считали их ненужным «хламом» истории, мало имеющим отношение к науке. Подобное, по большей части добровольное, забвение текстов личного происхождения людьми поставило огромный пласт ценнейшей информации за рамки истории. Пересмотр «политики памяти» бросает вызов традиционной концепции архивирования, помогает личным «бумагам» выйти из «тени», перестать подчиняться логике забвения. Люди начинают более осознанно относиться к «свидетельствам о себе».

Обращение к сохранившимся индивидуальным свидетельствам стимулировала девальвация доверия к схематизму «большой» истории. Историки вдруг заметили, что человек оказался «примесью» дистиллированной версии прошлого и как ненужное был извлечен из нее. Им пришлось признать, что построение более сложных представлений о былом вместо молчания людей, даже «красноречивого», требует их внятной речи. Антропологически ориен-

*Светлана Викторовна Голикова

Д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; avokilog@mail.ru

тированная история в условиях распада глобальных объяснительных схем, гибели «больших нарративов» учит вслушиваться в голоса людей из прошлого. Антропологический поворот, выразившейся в истории осознанием того, что эта научная дисциплина, прежде всего, является историей людей, привел к поиску новых источников знаний о прошлом, включению их в источниковую базу, к ее расширению и усложнению. Эго-источники виделись в качестве «естественного» средства по заполнению лакун официоза. С ними увеличивается степень полноценной репрезентации исторического опыта. Вместе с другими свидетельствами минувшего они обеспечивают возможность множественных способов воспоминания и понимания прошедшего времени. Их потенциал позволяет выявить как многообразие культур и жизненных укладов, так и многогранность ценностных ориентаций и мотиваций людей разного пола, возраста, статуса, не воспринимать событие, явление в качестве монолита.

Подключение к историческому опыту отдельных лиц дает возможность осуществить «присвоение» прошлого в иных условиях — «совладание» с ним с учетом разнообразных личных свидетельств. Потеря официозом привилегии на интерпретацию прошлого и привлечение эго-источников привело к тому, что история больше не пишется как отстраненная, она не должна оставлять нас равнодушными, а напротив, ошеломлять, вызывать эффект потрясения, смятение чувств. Историоризация частной и личной жизни повышает у сообщества историков и у читающей публики чувствительность к восприятию прошлого, способствует постановке вопроса о цене, заплаченной за развитие по прогрессивному пути [1]. Железная поступь прогресса умеет обходиться без сантиментов. У нее и «маленького человека» разные, иногда диаметрально противоположные, «правды»: они представляют собой двуликий Янус оптимистической трагедии истории. При работе с материалами о человеческой индивидуальности чувства оказываются востребованы также благодаря широко применяемому приему «вчувствования» (эмпатии).

Человеческое измерение истории ставит на службу исследователю авторитет очевидца и участника события, позволяет найти «слабые звенья» в официальной версии прошлого, выявить ее дисбаланс. Внимание к обычной человеческой жизни (частной и повседневной), не связанной с какими-либо великими событиями, но составляющей, тем не менее, основу существования человечества, стало способом, с помощью которого пытаются преодолеть принципиальную ограниченность и тенденциозность в отображении прошлого. Таким образом, дискуссии о приемлемых формах историописания неизбежно упираются в споры о природе и значении источников [2, с. 581]. Теоретизирование по этому поводу связано с увеличением количества и разнообразия как самих источников, так и контекстов их использования.

Выстраивание истории «снизу вверх» свидетельствует не только о пополнении информационных ресурсов исторической науки, но и о глобальной трансформации их видового разнообразия и соотношения, обеспечивающей более сложные формы рецепции исторического знания. Долгое время источники личного происхождения в исследованиях и в источниковедческой клас-

сификации, основанной на упрощенном понимании документальности, занимали маргинальные, периферийные позиции. Нередко они воспринимались в качестве курьезов и анекдотов, «наивного письма». Низкое место в источниковедческой иерархии не позволяло им быть объектом внимания публикаторов. Самое большее, на что могли претендовать содержащиеся в них эмоциональные записи, — проиллюстрировать события, которые авторы исторических сочинений относили к особо негативным или, напротив, позитивным. Их было принято использовать в качестве дополнительного источника, подтверждающего (или оттеняющего) информацию, добытую и извлеченную различными средствами исторической аналитики из других типов источников (которая и признавалась подлинно важной). При вспомогательной роли вопрос о достоверности и репрезентативности содержащейся в них информации стоял не особо остро. Затем они получили комментирующее значение, поскольку неоднократно и по разным поводам было выяснено, что эго-источники содержат сведения, которые не отражены в источниках других типов, например, официальных документах. Таким образом, ученые все чаще стали привлекать их для своих изысканий, они наконец-то оказались востребованными наукой и обществом.

На данном этапе формирование корпуса источников личного происхождения, образовавшихся в процессе жизни и деятельности отдельного лица, рода или семьи, становится приоритетным направлением пополнения источниковой базы исторических исследований. Публикаторский бум им пока не грозит, но интерес к этой категории текстов растет с каждым годом. Их использование превратилось в респектабельное занятие, поскольку они перестали восприниматься в качестве «аутсайдеров». Новые трактовки документальности привели к понижению статуса официальных документов. Став далеко не единственными и не главными, а «одними из», они утратили монополию на трансляцию знания. Сегодня историк имеет возможность (и должен) произвести сравнение их данных с другими типами источников. Пересмотр иерархии и степени объективности источников ставит под вопрос концептуальные основы их происхождения, они также подлежат переосмыслению, поскольку категории, лежащие в основе создания и упорядочения исторических источников, формировались под действием представлений о том, как должно исследовать прошлое.

В связи с такой, непривычной для традиционной историографии постановкой вопроса возникает ряд проблем. В источнике личного происхождения с точки зрения способов создания знания о прошлом нужно «раскрыть» производство первичных смыслов, обеспечить трансляцию, интерпретацию его данных и проанализировать их на подлинность, достоверность, репрезентативность. Однако историки предпочитают ограничиваться хорошо известной декларацией: в эго-источниках сквозь призму личного восприятия отражена эпоха. Механизм этого явления (далеко неоднозначный и разнообразный), относится к исследовательской «кухне», которую, как ни странно, многие авторы стараются оставить за рамками своих текстов.

Сегодняшний интерес к эго-источникам продиктован не столько их способностью доносить до нас прошлое, в которой, в общем-то, уже не сомневаются, сколько желанием понять пределы заложенного в них информационного потенциала и разработать соответствующие приемы исторического письма. Установка на субъективность пока мало стыкуется с претензиями на научность. Вопрос о прошлом как ресурсе выглядит здесь по-другому: оно воспринимается как личный ресурс (особенно в мемуаристике), но и как ресурс отдельной личности, который берет на вооружение историческое знание, пытаясь из общего собрания частных историй выстроить непротиворечивую версию. Кроме того, в источниках личного происхождения обязательные этапы внутренней критики — установление верификации, репрезентации, полноты содержащихся в них сведений — работают не в полную меру или не приемлемы вовсе. Тогда что будет входить в состав критики этих источников, прежде всего внутренней? Что сделает версию основанной на них истории легитимной? Особую актуальность получают давнишние «проклятые» вопросы: как увидеть общее за частным и при этом сохранить конкретику индивидуального опыта. Допустимо ли строить обобщение на единичных свидетельствах, ведь поступок одного человека нельзя предпочесть поведению других людей и отказать ему в репрезентативности по сравнению с другими акторами истории. Как верифицировать воспоминания, записанные спустя много лет после событий, тем более дошедшие до нас «через вторые руки». Вопрос сводится не к тому, доверять ли личному, частному опыту, а к тому, как грамотно использовать эти свидетельства («грамотность» пока чаще всего определяется методом «от противного», т. е. историк «чувствует» какой-то подвох, смутно определяя его природу).

Историография наших дней продолжает дебатировать методы изучения восприятия личностью окружающего мира, исторических событий и явлений. Обсуждение подобных сюжетов связано с проблематикой исторического опыта, в частности, с уяснением культурных механизмов, отвечающих за переживание подлинности соприкосновения с прошлым. Версия истории по источникам личного происхождения это пока еще во многом «незнаемая» история, история «в себе», история, заключенная внутри источника, ее еще надо «вынуть» оттуда и нарративизировать, возможно, внося изменения в традиционные приемы изложения.

Библиографический список

1. *Добренко Е.* Вслушиваясь в письмо, читая голос. (Обзор исследований по истории сталинизма) // Новое литературное обозрение. 2012. № 117.
2. *Мазур Л. Н.* Методы исторического исследования: учеб. пособие. Екатеринбург, 2010.
3. Статус документа: окончательная бумажка или отчужденное свидетельство / ред И. М. Каспэ. М., 2013.
4. Устные материалы в архивах: проблемы отбора, хранения и доступа // Антропологический форум. 2012. № 17.

S. V. Golikova

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)

Sources of a personal origin: way from the periphery of historical knowledge to the own version of history

The paper contains the analysis of conditions which allowed the sources of a personal origin to move from the periphery of historical knowledge to its core. The author also considers the obstacles to attempts to create the new version of the past on the basis of sources of a personal origin.

Key words: sources of a personal origin, the past as a resource, anthropologically oriented history, archiving concepts, techniques of historical writing

«ИМЯ ЕГО БУДЕТ ВЫРЕЗАНО ЗОЛОТЫМИ БУКВАМИ В ПАМЯТИ ГОРОДА...» (О ГОРНОМ ИНЖЕНЕРЕ Н. С. МИХЕЕВЕ)

В статье рассматривается общественное движение за создание на Урале высшего технического учебного заведения в конце XIX — начале XX в. Освещается роль горного инженера Н. С. Михеева в принятии решения об открытии Горного института в Екатеринбурге.

Ключевые слова: высшее образование, горный институт, общественное движение

В истории Урала сохранилось немало имен государственных и общественных деятелей, которые оказали заметное влияние на развитие региона. Рост личной и общественной активности в этом процессе стал особенно заметным во второй половине XIX в. Этому способствовало расширение образования и усиление местной элиты, вставшей во главе земских и городских органов самоуправления. Общественные структуры были наиболее активны в выявлении насущных проблем Урала, искали пути выхода из многолетнего экономического кризиса, в котором оказался край после отмены крепостного права.

В культурном слое уральского общества к концу XIX в. сложилось твердое убеждение в том, что Уралу необходим «умственный центр», который помог бы ему выйти из технической и экономической отсталости. На Урале развернулось общественное движение за создание в крае политехнического института. Конкурентами в вопросе о размещении будущего вуза стали две уральские столицы — Пермь и Екатеринбург. Борьба общественных сил этих двух городов была довольно жаркой, ее перипетии оживленно обсуждались на страницах местных газет и журналов. Газетная полемика и документы центральных ведомств дают представление о том, какие личности решили исход борьбы.

Впервые вопрос об учреждении на Урале высшего учебного заведения был поднят в Екатеринбурге. На заседании городской думы 27 сентября 1896 г. с докладом от городской управы, которой тогда руководил инженер-технолог Иван Семенович Бурдаков, выступил гласный Дмитриев. Он предложил возбудить перед высшими властями ходатайство об открытии в Екатеринбурге высшего горнозаводского училища с планом преподавания по образцу Императорского Московского инженерного училища ведомства Министерства путей сообщения. Докладчик считал, что это заведение не откажутся субсидировать крупные горнозаводчики¹. Вопрос о создании в Екатеринбурге горного института был вынесен на обсуждение VII (1899 г.) и VIII (1900 г.) съездов уральских горнопромышленников, которые состоялись в Екатеринбурге.

*Людмила Александровна Дашкевич

Д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; ldash54@mail.ru

¹Хроника // Екатеринбургская неделя. 1896. № 39. 6 окт.

У участников съездов, которые в большинстве своем были горными инженерами, представлявшими интересы заводов, идея создания на Урале высшего горного учебного заведения нашла понимание [2, с. 168–170]. Но никаких финансовых обещаний они дать не могли. Вопрос о содействии учреждению на Урале высшего учебного заведения был отправлен в Санкт-Петербург, «на распоряжение» совета уполномоченных заводладельцев. Те же, обсудив предложенный вопрос и «соображаясь» со взглядами хозяев, не признали возможным оказать материальное содействие проектируемому училищу. В своем извещении от 31 марта 1899 г. уполномоченные писали, что учреждение политехникума на Урале является «преждевременным и едва ли осуществимым»². Ход делу, таким образом, был закрыт.

Следующий шаг в организации уральского горного института сделало городское управление Перми. В 1909 г. оно составило ходатайство к Министру торговли и промышленности об учреждении политехнического института не в Екатеринбурге, а в губернском центре. Пермская городская дума готова была ассигновать в распоряжение правительства на устройство политехникума 200 тыс. руб., а также отвести под постройку зданий 12 тыс. кв. сажен земли, что оценивалось еще в 120 тыс. руб. Ходатайство было отправлено в Санкт-Петербург 5 февраля 1910 г.³ На заседании Пермской городской думы встал вопрос о том, стоит ли направлять в Петербург для поддержки ходатайства «в подлежащих учреждениях» особую делегацию. Посоветовавшись, гласные решили сэкономить и обойтись силами Ивана Григорьевича Каменского, который жил в Петербурге и представлял Пермское земство в Государственном совете.

Этой оплошностью немедленно воспользовалось городское управление Екатеринбурга, ближайшего соперника Перми в деле организации высшего учебного заведения. 23 апреля 1910 г. екатеринбургский городской голова А. Е. Обухов собрал экстренное заседание городской думы и поставил вопрос об открытии уральского политехникума в Екатеринбурге⁴. Дума высказалась за ассигнование на эти цели 300 тыс. руб. Городских общественников поддержало уездное земство, оно постановило выделить на строительство вуза 200 тыс. руб. Пермское губернское земство, не указывая конкретно, в каком уральском городе будет расположен будущий вуз, обещало еще 500 тыс. руб.

В декабре 1910 г. большая екатеринбургская «депутация» отправилась с ходатайством в Петербург. Ей удалось посетить почти все ведомства, от которых зависело решение вопроса об учреждении в городе высшей школы. Пермский голова П. А. Рябинин отмечал позднее в одном из своих интервью, что мероприятие екатеринбуржцев имело успех среди высших чиновников, после него в пользу Перми осталось всего 25 % голосов, остальные были отданы Екатеринбургу⁵.

²РГИА. Ф. 1287. Оп. 23. Д. 2642. Л. 18 об.

³Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5826. Л. 1.

⁴Хроника // Уральская жизнь. 1910. № 85. 16 апр.

⁵К вопросу об уральском политехникуме // Уральская жизнь. 1911. № 36. 15 февр.

Борьба на этом, однако, не закончилась. В январе 1911 г. Пермь противопоставила екатеринбургскому ходатайству новую докладную записку, политическим козырем которой было решение о присвоении политехническому институту имени Александра II «в ознаменование истекающего пятидесятилетия освобождения крестьян от крепостной зависимости» [1, с. 3–39]. Пермь обошла Екатеринбург и в ассигнованиях на устройство будущего вуза, пообещав выделить из городских сумм 500 тыс. руб. и из средств Пермского уездного земства еще 200 тыс. руб.⁶ Решение вопроса о размещении института, таким образом, снова отодвинулось.

Окончательно проблема была решена на заседании междуведомственного совещания, которое состоялось в мае 1911 г. под руководством Министра народного просвещения Л. А. Кассо. Екатеринбург представили на заседании городской голова Александр Евлампьевич Обухов и горный инженер Николай Степанович Михеев, Пермь — брат владельца Пожевских заводов, князь Георгий Евгеньевич Львов (будущий глава Временного правительства). Пермский делегат убеждал собравшихся чиновников в необходимости учредить политехникум в Перми, отдавая при этом приоритет сельскохозяйственному образованию. Екатеринбургцы же защищали тезис о размещении вуза в их городе, считая первоочередным создание горного и лесного отделений. После прений совещание признало, что «Урал нуждается не столько в улучшении сельского хозяйства, сколько в правильной и планомерной эксплуатации его горных богатств»⁷. С этой целью решено было учредить политехникум в Екатеринбурге, а высшее сельскохозяйственное учебное заведение — в Самаре.

Екатеринбург встречал победителей с восторгом. 21 июня 1911 г. состоялось очередное заседание городской думы, на котором выступил с отчетным докладом городской голова А. Е. Обухов. Он рассказал гласным о ходе дебатов на междуведомственном совещании и подчеркнул при этом значение выступления перед министрами горного инженера Н. С. Михеева. По мнению А. Е. Обухова, «все сделала» докладная записка, составленная инженером, и подготовленная им карта с указанием уральских промышленных предприятий. Эти документы некоторые министры, члены междуведомственной комиссии, оценили как настоящий научный труд, они убедили присутствовавших, что сама природа указывает на необходимость открытия политехникума не в Перми, а в Екатеринбурге. Городской голова предложил поблагодарить Н. С. Михеева за труды и заявил, что «имя его будет вырезано золотыми буквами в памяти города»⁸. Собрание встретило это заявление аплодисментами и вставанием.

К сожалению, сейчас имя Николая Степановича Михеева забыто. Мне удалось восстановить лишь некоторые страницы его биографии по страницам газеты «Уральская жизнь» и архивным документам. Судя по материалам местной прессы, Николай Степанович, как и многие другие

⁶РГИА. Ф. 573. Оп. 16. Д. 22614. Л. 1.

⁷Совещание о высшей школе // Уральская жизнь. 1911. № 126. 14 июня.

⁸Собрание городской думы // Там же. 1911. № 134. 23 июня.

горные инженеры Урала, сочетал производственную и общественную деятельность. В 1909 г. екатеринбургское уездное земство отправило его в Пермь на совещание губернского земства, которое решало вопрос о создании в крае высшего учебного заведения. Активное и компетентное участие в обсуждении этого вопроса выделило Н. С. Михеева среди других земских гласных. Именно ему собрание поручило написать докладную записку, которая изложила бы мотивы открытия на Урале политехникума. Записка была подготовлена и после небольших исправлений одобрена совещанием.

В своем документе Н. С. Михеев откликнулся на споры о состоянии инженерной подготовки в стране. На страницах технической печати еще в 1880-е гг. встал вопрос о том, «энциклопедист» или узкий специалист нужен российской промышленности. Автор земской записки стоял за приближение преподавания к практике местной промышленности⁹. Он писал, что выпускникам Санкт-Петербургского горного института, попавшим на Урал, приходилось тратить много времени на ознакомление с особенностями заводского дела, совершая при этом неизбежные ошибки, «со всеми их иногда и тяжелыми последствиями для дела»¹⁰. Институт выпускал совсем не тех специалистов, которые были нужны Уралу. Это обстоятельство сыграло немалую роль в том, что у местных промышленников сложилось отрицательное отношение к горным инженерам и они предпочитали «различных практиков и техников — людей, часто несведущих и, благодаря отсутствию инженерных знаний, нередко губящих самое надежное дело»¹¹.

Одну из главных задач местных инженеров Н. С. Михеев видел в систематическом изучении геологических богатств Урала, для чего также нужно было близко познакомиться с местным характером рудоносности края, весьма сложным и во многих отношениях своеобразным. Горными изысканиями на Урале занимались в то время лишь «наездами» члены Петербургского геологического комитета, которые ни по своим задачам, ни по размерам средств не претендовали на детальные геологические исследования региона. Открытия месторождений полезных ископаемых при такой организации дела были случайными, и пользы от подобных исследований не видели на Урале «очень и очень многие горнопромышленники»¹².

Мало отрадного видел Н. С. Михеев и в организации на Урале лесного хозяйства, которое составляло, по его мнению, одну из главных особенностей уральской металлургии. Лес хищнически вырубался, не велись мероприятия по возобновлению лесных площадей, многие ценные сорта дерева расходовались нерационально, «не давая промышленникам тех выгод, которые явились бы при научно поставленной организации лесного дела»¹³.

Н. С. Михеев признавал и другие причины кризиса уральской промышленности (неумелое хозяйничанье владельцев горнозаводских предприятий,

⁹РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5826. Л. 105 об.

¹⁰Там же.

¹¹Там же.

¹²Там же. Л. 106.

¹³Там же. Л. 107.

слабое развитие путей сообщения, отсутствие промышленного кредита, ненормальные социальные отношения), он отдавал себе отчет в том, что созданием на Урале высшей школы нельзя поправить состояние региона, но считал высшее образование прочным фундаментом для его дальнейшего развития.

Н. С. Михеев эмоционально защищал будущее родного края: «Высказываются мнения, что Уралу не подняться, что болезнь его смертельна и что поэтому не время теперь хлопотать об открытии на Урале высшего технического учебного заведения. Благоприятное время для этого, когда Урал процветал, будто бы упущено и теперь надо молчаливо ждать исхода этого тяжелого кризиса... Немыслимо допустить, чтобы эта колоссальная сокровищница горных богатств, способная одна, при разумной эксплуатации их, послужить источником благосостояния целого государства, могла надолго сойти со сцены, кончить свое существование... Мы не можем не рассматривать настоящий кризис лишь как временную болезнь, как неизбежную расплату за все упущения в ведении до сих пор уральского горнозаводского хозяйства и считаем, что именно теперь надо приложить все усилия и меры к возрождению дела, используя печальный опыт прошлого»¹⁴.

Серьезное внимание в записке уделялось состоянию в крае сельского хозяйства. Н. С. Михеев признавал, что значение сельскохозяйственных занятий на Урале в условиях сокращения горнозаводской промышленности значительно возросло. В связи с этим, по его мнению, усиливался и спрос на научно организованную агрономическую службу. Набрать же специалистов с высшим образованием в число земских агрономов было очень трудно. Питомцы высших сельскохозяйственных учебных заведений (из Москвы, Риги, Киева, Новой Александрии) не хотели ехать на далекий Урал, да и приехавшие плохо знали особенности местных почв. Завершая свою записку, Н. С. Михеев предлагал открыть на Урале политехникум с двумя отделениями: горнозаводским и сельскохозяйственным.

Городская дума Екатеринбурга, познакомившись с документом Пермского уездного земства, признала его вполне убедительным и поручила Н. С. Михееву создать новую докладную записку, теперь уже от имени местной городской думы. С этой задачей, как мы видели, Н. С. Михеев также удачно справился, доказав, что Екатеринбург является наиболее удачным пунктом расположения специального высшего учебного заведения.

Свои взгляды на дальнейшее развитие Урала Н. С. Михеев отстаивал на заседаниях местных общественных организаций и профессиональных съездов. В декабре 1911 г. горный инженер возглавил комиссию, избранную Уральским обществом любителей естествознания для подготовки доклада на Всероссийский съезд деятелей по прикладной геологии. С этим докладом он выступил на заседании секции прикладной геологии 30 декабря 1911 г. Обстоятельный доклад вызвал «оживление» на съезде, собравшиеся решили отправить в Екатеринбург телеграмму, приветствовавшую Уральское общество любителей естествознания за его огромные заслуги в деле распознавания Урала.

¹⁴Там же. Л. 108.

В Уральском обществе любителей естествознания Н. С. Михеев некоторое время занимал должность секретаря, используя свои полномочия для выработки программных решений ассоциации. В частности, в марте 1912 г., выступая с отчетным докладом, он заявил, что членам общества необходимо усилить популяризацию науки путем чтения лекций и подготовки рефератов. Для руководства этой деятельностью горный инженер предложил создать специализированные комиссии: метеорологическую, историко-этнографическую, естественно-научную, геолого-горнозаводскую и сельскохозяйственную¹⁵. При этом сам он вошел в геолого-разведочную комиссию и в дальнейшем выступал с докладами и публичными лекциями по тем темам, в которых считал себя специалистом. В частности, в январе 1913 г. Н. С. Михеев участвовал в заседаниях маркшейдерского съезда в Екатеринбурге. Он представил доклад «О желательном техническом изменении маркшейдерских планов» и поддержал предложение горного департамента о введении в горнозаводских округах института присяжных маркшейдеров¹⁶.

Во время выборов в IV Государственную думу в 1912 г. Н. С. Михеев попытался войти в публичную политику, однако, схватки с опытными политическими «бойцами» не выдержал. В предвыборных статьях горный инженер заявлял, что его политическое кредо близко к партии прогрессистов: он выступал за свободу совести, вероисповедания и церкви, свободу печати, преподавания, собраний и союзов, независимость суда, равенство всех перед законом, призывал бороться за расширение просвещения народа, стремиться «к наивозможно лучшему материальному обеспечению, охране жизни, здоровья и достоинства всего трудового населения, труд которого, будучи низко оплачиваемым, в то же время служит основой благосостояния страны»¹⁷.

Одну из важных политических целей Н. С. Михеев видел в ограничении централизации управления страной, широком развитии местного самоуправления, «в основу которого должны быть положены и начала демократизма, и уважение к политическим и социальным особенностям отдельных областей»¹⁸. Признавая значение общеполитических вопросов, кандидат не ограничивал задачи депутата Государственной думы только этими проблемами. Н. С. Михеев считал, что рука об руку с разрушительной работой в Думе должна идти и работа созидательная, «чтобы действовала не только критика, но и творчество»¹⁹. По его мнению, нельзя было откладывать решение местных проблем до изменения общеполитических условий. В стране должны приниматься новые законы и проводиться реформы, при обсуждении которых необходимо участие представителей территорий, хорошо знакомых с местными нуждами и особенностями. «На этом основании, — писал Н. С. Михеев, — я считаю недопустимым централизовать Думу путем наводнения ее жителями столиц за счет провинциальных сил»²⁰. По второй

¹⁵В обществе любителей естествознания // Уральская жизнь. 1912. № 53. 7 марта.

¹⁶Хроника // Там же. 1913. № 17. 20 янв.

¹⁷Михеев Н. С. Credo (письмо в редакцию) // Там же. 1912. № 200. 7 сент.

¹⁸Там же.

¹⁹Там же.

²⁰Там же.

курии Екатеринбурга Н. С. Михеев баллотировался вместе с кадетом М. Л. Мандельштамом, социалистом С. Н. Чернавиным и националистом А. И. Обтемперанским. На первых выборах 5 октября 1912 г. он получил лишь 67 голосов (из 1 754-х), после чего снял свою кандидатуру, не забыв призвать избирателей «не доверяться оболыщению предвыборных обещаний москвича Мандельштама, а подать свои голоса за С. Н. Чернавина, как близко знакомого с жизнью уральского трудового населения»²¹.

После выборов в Государственную думу жизнь Н. С. Михеева вошла в прежнюю колею. Он продолжил службу в горном ведомстве, работал в Уральском обществе любителей естествознания и других общественных организациях. После революции 1917 г. Н. С. Михеев остался на Урале. Судьба его сложилась трагично. По данным В. В. Филатова, в 1930 г. Н. С. Михеев покончил с собой из-за ошибки в определении запасов руд Алапаевского железорудного месторождения [3, с. 26].

Подводя итоги, можно сказать, что деятельность личностей, подобных Н. С. Михееву, неярких и незаметных в масштабах всей страны, но искренне преданных своему родному краю, была очень важной для развития отдаленных регионов страны. Они способствовали включению разнообразных регионов России в переживаемый страной общий процесс модернизации, разрушали обособленность и изолированность прежнего существования провинции, пробивали ей дорогу к будущему.

Библиографический список

1. Докладная записка Пермской городской думы по вопросу об открытии в Перми Политехнического института имени императора Александра II. Пермь, 1911.
2. Труды VII съезда горнопромышленников Уральской горной области. Екатеринбург, 1899.
3. *Филатов В. В.* «Отечества пользы для...» (75 лет Уральскому горному институту. 1917–1992). Екатеринбург, 1992.

L. A. Dashkevich

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)

“His Name will be Carved in Golden Letters in the Memory of the City” (about Mining Engineer N. S. Mikheyev)

The article discusses the social activities for the creation of the higher technical school in the Urals in the late 19th – early 20th century. The author highlights the role of mining engineer N.S. Mikheyev in the decision to open the Mining Institute in Yekaterinburg.

Key words: higher education, Mining Institute, social activities

²¹Снятие кандидатуры Н. С. Михеева // Уральская жизнь. 1912. № 224. 9 окт.

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ МОНОПРОФИЛЬНЫХ ГОРОДОВ

Статья посвящена проблеме диверсификации высшего образования в монопрофильных промышленных городах. Рассмотрены основные направления диверсификации; поставлен вопрос об интеграции средних школ и образовательных учреждений среднего и высшего профессионального образования.

Ключевые слова: диверсификация высшего образования, монопромышленные города, социально-экономическая ситуация, подготовка кадров

Диверсификация («разнообразие — в единстве») как постиндустриальная финансово-промышленная концепция в 1990-е гг. начинает постепенно проявляться и в сфере образования, в особенности, среднего профессионального и высшего. По времени это совпадает с тотальной модернизацией образовательного пространства Российской Федерации, в результате которой деятельность учебных заведений страны претерпевает глубокие изменения под воздействием внешних (международных) и внутренних (федеральных и региональных) факторов. Ведущей тенденцией, формирующей общий вектор развития образования, стала диверсификация, которая «возникла и действует в ответ на вызовы современности» [1, с. 318–320].

Необходимость диверсификации образования в нашей стране обусловлена двумя видами причин: 1) внешними — глобализацией мировой экономики, вступлением России в ВТО, образованием единого информационного пространства, интенсивным межкультурным обменом и др.; 2) внутренними — формированием рыночной экономики, внедрением новой образовательной парадигмы (непрерывного и многопрофильного обучения), кардинальными структурными изменениями в организации и функционировании учебных заведений и т. д. [4, с. 7].

Большинство ученых, занимающихся данной проблемой, выделяют комплекс факторов, определяющих эффективность процесса диверсификации образования: создание научно-учебно-производственных объединений как интеграторов науки, образования и производства; информатизацию и компьютеризацию образовательного процесса; открытость и альтернативность обучения; автономизацию вузов и демократизацию управления, включая самоуправление и выборность руководства на всех уровнях; повышение квалификационных требований к профессиональному уровню преподавате-

*Виктор Александрович Дорошенко

К.технич.н., Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; vik.dorosh@gmail.com

лей вузов; регулярную оценку эффективности работы вуза со стороны вышестоящих органов и общественных организаций и т. д. [9].

Рассмотрим среди них наиболее значимые и, на наш взгляд, определяющие как сам ход диверсификации, так и ожидаемые (а в большинстве случаев уже и наблюдаемые) результаты.

Основными направлениями диверсификации являются: структурно-организационное, учебно-технологическое и квалификационно-уровневое.

1. Структурно-организационное направление включает изменение содержания и набора функций образовательных учреждений, сопровождаемые организационно-структурной перестройкой и переходом учебных заведений на новый уровень, как правило, более высокий: техникумов — в колледжи; филиалов — в ранг институтов; институтов — в академии и университеты; университетов и институтов (в связке) — в ранг федеральных или национальных университетов (этих «суперконгломератов» по выражению профессора Г. М. Моргунова) [10, с. 125].

Новоиспеченные университеты начали расширять свое поле деятельности как путем создания новых специальностей и направлений, так и через формирование дополнительных подразделений — представительств в небольших городах и рабочих поселках, где обучение проводилось лишь на платной (контрактной) основе. Негативные последствия этой практики экстенсивного расширения с целью получения только коммерческой выгоды уже давно осуждены научным и профессорско-преподавательским сообществом вузов.

Мы здесь укажем еще на один аспект отрицательного воздействия «коммерциализации» (кроме никудышного качества обучения), который наиболее явственно проявился именно в монопрофильных промышленных городах Урала и Сибири. И хотя в своих оценках автор опирается преимущественно на личный опыт руководства (с 1994 по 1999 гг. — декан факультета заочного обучения УГТУ — УПИ) и многочисленных командировок в качестве преподавателя, он полагает, что все отмеченное имеет общий характер.

Как правило, подготовка студентов в представительствах вуза в моногородах имела целенаправленный характер — обеспечить кадрами заводы и предприятия, составлявшие промышленно-экономическую основу поселения. Заводы и муниципалитет обеспечивали учебно-материальную базу (помещения, аудитории, лабораторное оборудование и др.), вуз — преподавательскую и библиотечно-методическую составляющую учебного процесса. Обучение проводилось на бюджетной или смешанной (контрактно-бюджетной) основе, причем, даже в случае платного обучения расходы брало на себя предприятие. По такой схеме функционировали представительства УГТУ — УПИ в Невьянске, Серове, Верхней Салде, Красноуральске и многих других городах.

Новые подразделения такого типа на начальном этапе создавались по аналогичной схеме (например, в г. Сысерти — при заводе Уралгидромаш, в г. Кировграде — при заводе прецизионных сплавов, в г. Ирбите — при мотоциклетном заводе и др.). Однако после четырех-пяти лет работы приток сту-

дентов иссякал, и подразделение либо самоликвидировалось, либо переходило под юрисдикцию другого, как правило, гуманитарного, экономического или частного вуза. Да и в оставшихся на плаву представительствах подготовка студентов полностью переориентировалась на «ширпотребные направления»: менеджмент, торговля, гуманитаристика; при этом востребованность выпускников была крайне низкой.

Можно констатировать, что «внешняя» организационно-структурная перестройка подразделений вуза в этом варианте оказалась тупиковой и требует серьезного переосмысления. Внутренняя перестройка в вузах тоже не дала ожидаемых результатов. Прежде всего, она катастрофически сказалась на двух основных показателях: кадровом потенциале профессорско-преподавательского состава и на контингенте студентов. В первые же годы вузы покинула наиболее деятельная и продуктивная часть доцентов и преподавателей, ушедшая в основном в бизнес-структуры, частные фирмы, в предпринимательство. А в самом (техническом!) вузе некоторые «технари» вдруг переквалифицировались в экономистов, социологов, менеджеров и покинули свои профильные кафедры и лаборатории, перейдя в состав наспех сформированных кафедр менеджмента, экономики и т. п. В итоге учебный процесс даже в главных подразделениях вуза шел с трудом, а в филиалах и представительствах он практически полностью осуществлялся совместителями — учителями школ, техникумов, инженерами с заводов и др.

Что касается набора студентов, то уже с начала нового приема технические специальности испытывают хронический недобор контингента. Под влиянием моды и очень слабой физико-математической подготовки в школах, абитуриенты стремятся на специальности, далекие от промышленного производства. Для промышленных моногородов эта тенденция губительна и равносильна «утечке мозгов».

Кроме того, при разработке номенклатуры новых специальностей в технических университетах явно увлеклись экономико-управленческим и гуманитарным направлениями. В результате на факультетах сугубо специального профиля появились кафедры, совершенно не связанные с общефакультетской направленностью. Например, на теплоэнергетическом факультете — кафедра «Редактирование и литературная работа», на физико-техническом факультете — кафедра «Социальная работа с населением» и т. п.

2. Расширение и углубление учебно-технологического направления диверсификации связано, прежде всего, с внедрением новых образовательных технологий и формированием единого образовательного пространства, региональными центрами которого являются университеты [13]. Наиболее актуальными нововведениями в образовательной практике стали: дополнительное и полипрофессиональное образование, сокращенное и ускоренное обучение по очно-заочной форме [12, с. 126–130], дистанционное образование, непрерывная профессиональная подготовка по системе «колледж — вуз», переобучение и переквалификация специалистов по модульным программам.

В контексте социально-экономического положения монопрофильных промышленных городов наиболее значимыми для них оказались направления

непрерывной профессиональной подготовки («техникум — вуз») и дистанционное образование с использованием интернет-технологий [7, с. 29–34]; последняя форма разобрана нами достаточно подробно в цитируемой статье, поэтому ограничимся проделанным в ней анализом.

Концепция непрерывного профессионального обучения рассматривается в программе диверсификации образования как «инструмент экономической политики, направленной на повышение конкурентоспособности, достижение более полной занятости населения, а также обеспечение профессиональной мобильности работников в связи с внедрением новых технологий, и должна строиться на ...принципах базисности, многоуровневости, ...взаимодополнения, маневренности, преемственности, интеграции и гибкости» [11, с. 37–41].

Прежде, чем остановиться на содержании названных принципов и способах их реализации в условиях моногородов, отметим, что сама идея непрерывности профессиональной подготовки специалистов не является существенно инновационной и давно используется в вузах в форме «целевой подготовки», «профессионально-ориентированной подготовки» и т. п. [12, с. 129]. В УГТУ — УПИ она применялась весьма активно на теплоэнергетическом (инновационно-образовательный центр УПИ-Энерго), строительном (кафедра ПГС), металлургическом, механическом и других факультетах еще с середины 1990-х гг. В филиалах и представительствах вуза в промышленных городах создавались специальные группы из выпускников местных ССУЗов (техникумов, колледжей), которые продолжали обучение по программе специальности для получения диплома инженера.

Однако в контексте реформы образования концепцию непрерывности профессиональной подготовки следует рассматривать гораздо шире – на системной основе. Основными принципами создаваемой системы являются:

— *принцип базового образования*, т.е. наличия определенной базовой подготовки по данному профилю; оценочные критерии ее должны быть выявлены и обозначены заранее (перечень специальностей, уровень требований к обучаемым, объем специальной подготовки и т. д.);

— *принцип взаимодополнения уровней и преемственности образовательных программ*: более высокая ступень обучения должна обогащать обучаемых не только новой профессионально значимой информацией, знаниями и умениями, но и представлять их на более высоком качественном, современном уровне, иметь опережающий характер по отношению к действующему производству, указывать общий тренд развития отрасли в будущем;

— *принцип маневренности программ и гибкости организационных форм*: процесс обучения должен предусматривать возможность профессиональной переориентации, переформатирование программ и форм занятий с учетом специфики конкретного предприятия или направления подготовки;

— *принцип интеграции образовательных структур*: совместная, скоординированная деятельность образовательных учреждений (городских муниципальных, ведомственных и централизованных) по формированию еди-

ного образовательного пространства, учебно-методического обеспечения и педагогического сопровождения учебного процесса.

3. Квалификационно-уровневое направление диверсификации образования формируется в последние десятилетия на фоне непрекращающихся и весьма ожесточенных дискуссий по поводу перехода на двухуровневую систему подготовки «бакалавр-магистр» [2; 3]. В рамках нашего рассмотрения особенно остро стоит проблема сохранения инженерной ступени высшего образования, поскольку ни степень бакалавра, ни степень магистра совершенно не воспринимаются производственниками. Как подчеркивал профессор Г. М. Моргунов [10, с. 124]: «Опыт последних лет с очевидностью продемонстрировал по существу формальный характер введения этапа бакалаврской подготовки. Потребность в выпускниках-бакалаврах практически отсутствует. Учреждение в технических вузах для наиболее одаренных студентов магистратуры ... во многом лишает их возможности получения полноценного инженерного образования. Ущербность подобного обучения для будущего ученого в области технических наук очевидна».

Еще в стадии обсуждения реформы высшего образования, обращаясь к опыту собственной работы в зарубежных вузах, автор обосновывал необходимость сохранения для технических специальностей ступени «инженера» [5]. Можно с удовлетворением констатировать, что голос вузовской и производственной общественности был услышан и на настоящий момент подготовка в университетах идет по трехступенчатой схеме «бакалавр-специалист-магистр». Это позволило сохранить и укрепить образовательные возможности представительств и филиалов в моногородах.

Однако по-прежнему злободневной остается проблема трудоустройства выпускников, а в более широком плане — связи промышленности и вузов. На Всероссийском совещании (Пермь, июнь 2009 г.) президент Российской ассоциации производителей насосов, член Исполкома *EUROPUMP* профессор В. К. Караханьян охарактеризовал складывающуюся ситуацию таким образом [8, с. 97]: «Низкая зарплата в технических университетах не способствует притоку квалифицированных преподавателей и научных кадров. Если к этому добавить устаревшую материальную базу, то... это не дает возможности проводить какие-либо работы для промышленности на современном научно-техническом уровне. В свою очередь, отсутствие договорных работ не дает притока дополнительных денежных средств, не позволяя тем самым развивать материально-техническую базу и увеличивать зарплату преподавателей... А без научной работы не может быть полноценного преподавателя. *Преподаватель вуза должен быть «играющим тренером»* (курсив — В. Д.). Хочется, чтобы промышленность не ждала завершения реформирования вузовской науки, а подталкивала ее, ставя перед ней задачи для решения, помня, что за качественный продукт — специалистов и научные разработки — платить придется именно ей». При этом ученый подчеркивает, что ставить и решать такие задачи должны именно инженеры-практики.

Не оспаривая в целом такой подход, следует указать, что новая концепция даже в трехступенчатой системе подготовки требует переосмысления

в ней роли специалиста, инженера. Вузы и работодатели через работу наблюдательных Советов, через систему заказов и специальной подготовки студентов-старшекурсников, через поощрительные гранты и стипендии и иные механизмы влияния определяют как будущую сферу деятельности выпускников, так и перспективы отрасли, возможности переквалификации и переобучения. Крупные заводы и предприятия (например, УГМК в г. Верхняя Пышма) не только морально и материально поддерживают студентов, но и вкладывают средства в переоснащение учебно-лабораторной базы в подразделении вуза в данном городе.

Кооперация науки, промышленности и образования позволяет существенно поднять уровень профессионального инженерного образования. При этом оценку качества специалиста следует рассматривать в комплексе:

- современный уровень технологической, специальной подготовки;
- формирование экономико-рыночного подхода к результатам труда;
- общепрофессиональные компоненты: владение компьютером, знание иностранного языка, навыки делового общения, профессиональной этики, имиджевых технологий.

Иначе говоря, на рынке труда востребован специалист, хорошо владеющий профессией и динамично ориентирующийся в быстро меняющемся пространстве техники — рынка — потребностей. Но обеспечить такую подготовку в подразделениях вуза в небольшом городе нереально, поэтому необходимо шире использовать дистанционные технологии, компьютерное тестирование, диалоговые режимы общения (*scupe-технологии*) и др. Но главное, нужна интеграция среднего и высшего технического образования на регионально-районном или городском уровне в системе «колледж-вуз», обеспечивающая выпуск практико-ориентированного специалиста, владеющего навыками высококвалифицированного рабочего, техника и знаниями современного инженера. Возможно, на уровне университетов следует разработать специальный квалификационный стандарт и методическое обеспечение для подготовки таких выпускников [6], опираясь на богатый опыт как промышленности, так и кафедр университетов.

Кроме того, катастрофическая ситуация с физико-математической подготовкой учащихся в провинциальных школах ставит вопрос и об интеграции старших классов школ с учебными заведениями среднего и даже высшего профессионального образования (по типу советских: «школа юного политехника», «школа юного радиотехника» и т. п.). Тогда при подразделениях вуза создается как бы своего рода учебно-образовательный, социально-культурный центр, ориентирующий и готовящий молодежь к будущей профессии, к вхождению в динамично развивающуюся жизнь без нарушения связей с родными местами, с привычным окружением.

Между тем, ситуация вокруг продолжения работы филиалов в моногородах складывается сложная¹. Это вызвано рядом причин: низкое качество

¹ФГАОУ ВПО УрФУ Служба проректора по учебной работе. Информационное письмо директорам институтов и филиалов от 14.02.2013.

обучения, начиная с низкого балла ЕГЭ поступающих; попадание большинства филиалов (10 из 14) в список «неэффективных» по рейтингу МОН; низкая финансовая эффективность за счет больших расходов на командировки и заработную плату преподавателей и др. Все это ставит под вопрос получение аккредитации, которая почти у всех филиалов заканчивается. В тоже время подчеркивается, что «сеть территориальных подразделений представляет собой *уникальный инструмент формирования образовательного пространства Свердловской области* (курсив — В. Д.)», и что «были получены письма поддержки от крупнейших работодателей региона и органов местного самоуправления с ходатайствами о продолжении деятельности филиалов».

В целях решения проблемы сохранения сети территориальных подразделений УрФУ предполагается кардинально перестроить их работу:

1. Создать Совет директоров территориальных подразделений как коллегиального органа при проректоре по учебной работе. Работа Совета будет направлена на координацию деятельности подразделений по вопросам учебной работы, хозяйственно-экономической деятельности, распространение лучшего опыта.

2. Перевод всех студентов из филиалов в одно подразделение, организующее обучение по всем формам, — *Институт территориальных образовательных организаций (ИТОО)*². Такая мера позволит реализовать: возможность проведения единой политики в отношении организации учебного процесса, что необходимо для роста эффективности учебы студентов в филиалах; возможность проведения единой ценовой политики для обучающихся по контрактам, при этом, за счет применения дистанционных технологий стоимость обучения может быть снижена; проведение нового приема студентов по перечню направлений, согласованному с тремя сторонами: ИТОО — филиал — выпускающая кафедра, при этом, филиал обеспечивает востребованность специалистов на территории, ИТОО — наличие возможности смешанного обучения по направлению (два года — на филиале, остальное обучение — в головном профильном институте), выпускающая кафедра — возможность обучения и выпуска.

Библиографический список

1. Андропова Е. В. и др. Влияние тенденций развития мирового образовательного пространства на процесс диверсификации профессионального образования в России // Многоконцептуальность в науке: материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2011. С. 318–320.
2. Булгакова Н. Сорбонна, Болонья, далее — везде? Прорубать окна в Европу — задача только для царей // Поиск. 27.01.2003.
3. Вузы России и Болонский процесс: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2005.

²Для организации конкурсной среды при поступлении профильные институты передают часть бюджетных мест в ИТОО, причем конкурс на бюджетные места будет единым для всех филиалов.

4. *Голубев В. В.* Диверсификация системы образования как основа устойчивого развития // Устойчивое развитие: наука и практика. Междунар. электронный журнал. Вып. 2(7). 2011.
5. *Дорошенко В. А.* Европеизация или евразийская интеграция: обращаясь к опыту прошлого // Вузы России и Болонский процесс... С. 70–75.
6. *Дорошенко В. А.* Реформа высшей школы в аспекте проблемы подготовки инженерных кадров // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы X юбилейной Всерос. науч. конф. Т. 2. Екатеринбург, 2011. С. 403–406.
7. *Дорошенко В. А., Москаленко М. Р.* Из опыта преподавания дисциплины «Концепции современного естествознания» в системе дистанционного образования // Научно-методический журнал «Открытое и дистанционное образование». 2012. № 4(48). С. 29–34.
8. *Караханьян В. К.* Укрепление связи между промышленностью и высшей школой — основа их взаимного успешного развития: материалы Всерос. совещания. Пермь, 2009.
9. *Коллегов А. К.* Диверсификация как основная тенденция развития высшего педагогического образования в России // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2010. № 4.
10. *Моргунов Г. М.* Отдельные суждения «снизу» о новациях в образовании «сверху» // Материалы Всерос. совещания УМК по специальности 150802. Пермь, 2009.
11. *Мугуев Г. И.* Формирование целостного образовательного пространства на основе внедрения системы непрерывного профессионального образования // Современные наукоемкие технологии. 2008. № 2. С. 37–41.
12. *Носков А. С., Дорошенко В. А., Некрасов А. В.* Опыт ускоренной подготовки инженеров-гидравликов при очно-заочной форме обучения // Гидравлические машины, гидроприводы и гидропневмоавтоматика. Пермь, 2009. С. 126–130.
13. *Скворцов В. Н.* Новая роль университетов и образовательных центров в непрерывном образовании населения [Электронный ресурс]. URL: <http://lifelong-education.ru/index.php/ru/literatura>

V. A. Doroshenko

Candidate of Technical Sciences, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia)

Diversification of Vocational Education in the Context of Socio-Economic Problems of Mono-Profile Towns

The article deals with the problem of diversification of higher education in mono-profile industrial towns. The author considers the main areas of this diversification and raises the question about integration of high schools with educational institutions of secondary and higher vocational education.

Key words: diversification of higher education, mono-profile industrial town, socio-economic situation, training

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ КАК ПРИЧИНА СМЕРТНОСТИ ГОРОЖАН УРАЛА В 1920-х гг.

Статья посвящена профессиональной заболеваемости как одной из причин смертности городского населения Урала в 1920-х гг. Рассматривается процесс становления научного изучения вредного производства и его влияния на здоровье рабочих; определяются пути решения данной проблемы.

Ключевые слова: историческая демография, естественное воспроизводство населения, смертность, Урал, городское население, профессиональная заболеваемость

Начавшееся восстановление разрушенного войнами и революциями хозяйства Уральской области заметно сказалось на естественном движении населения. Уже в 1923 г. наметилась положительная динамика в естественном воспроизводстве горожан. Регион вышел из периода демографической катастрофы начала 1920-х гг. В 1924 г. в городах и городских поселениях Уральской области естественный прирост составил $25,81 \text{ ‰}$ ¹

Естественный прирост населения уральских городов был обусловлен повышением рождаемости. В 1925–1926 гг. городские поселения Урала превосходили аналогичные поселения Европейской части РСФСР по коэффициентам рождаемости (в 1925 г. — 50,35 против 36,7, 1926 г. — 51,41 против 34,65 чел. на каждую 1 000 горожан) и естественного прироста населения (в 1925 г. соответственно 20,67 против 17,14; 1926 г. — 24,8 против 16,8). Более того, коэффициенты рождаемости горожан на Урале превзошли и аналогичные показатели в целом по городским поселениям РСФСР, которые составляли в 1925 г. 36,1 чел., 1926 г. — 34,6 чел. на 1 000 горожан. Вместе с тем города Уральской области значительно уступали городам Европейской части РСФСР по уровню смертности (в 1925 г. — 29,68 против 18,93, 1926 г. — 26,6 против 17,85)².

Сохранившиеся статистические данные позволяют проанализировать причины смерти горожан во второй половине 1920-х гг. По нашим расчетам³, в 1926–1928 гг. более трети городского населения Уральской области в возрасте от 15 (1926 г.) – 20-ти (1927–1928 гг.) и до 59-ти лет умирало в основном от эндемических, эпидемических и инфекционных болезней. Среди них особое место занимал туберкулез (бугорчатка) легких и других органов. В

*Вера Анатольевна Журавлева

К.и.н., Филиал Южно-Уральского государственного университета в г. Златоусте, Златоуст, Россия; zhuravlvera@yandex.ru

¹Подсчитано по: Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Свердловск, 1926. Вып. II. С. 78.

²Естественное движение населения РСФСР за 1926 г. М., 1928. С. XXII, 16–17, 20–21.

³Подсчитано по: Уральское хозяйство в цифрах, 1928: краткий стат. справочник. Свердловск, 1928. С. 36–39; Уральское хозяйство в цифрах, 1929: краткий стат. справочник. Свердловск, 1929. С. 8–11; Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Свердловск, 1930. Вып. 1: социальная статистика. С. 36–37.

1926 г. от него умерло 319,2 ‰ горожан обозначенной возрастной группы, в 1927 г. и 1928 г. соответственно 307,2 и 299,1 ‰. Туберкулез был наиболее опасной социальной болезнью и в целом в Европейской части РСФСР. От него скончалось в 1924 г. 114,6, 1925 г. — 111,7 ‰ жителей городов Российской Федерации⁴, причем наиболее пораженными возрастными группами являлись горожане в группе с 20-ти лет и старше, а затем уже дети до 14-ти лет⁵. Однако даже эти общероссийские показатели были лучше, чем по уральским городам.

Значительная убыль трудоспособного населения городов и городских поселений Уральской области происходила также от заболеваний сердца, относившихся к болезням органов кровообращения. По этой причине в данном административно-территориальном образовании умерло в 1926 г. 124,5 ‰, 1927 г. — 138,2, 1928 г. — 98,7 ‰ горожан в возрасте от 15 (1926 г.) – 20-ти (1927–1928 гг.) до 59-ти лет. Достаточно высокой была и смертность от внешних причин, удельный вес которой колебался в рамках 10,0–12,0 % всех умерших; болезней органов дыхания (свыше 7 % умерших), рака и прочих злокачественных новообразований (5–7 % умерших)⁶.

Распространенность туберкулеза, болезней дыхательной системы, сердца и злокачественных образований связана с характером основных промышленных производств Урала. Промышленность региона представляла собой благоприятную почву для возникновения профессиональных болезней. Не случайно в 1927 г. на возрастную группу в 30–59 лет приходилось 41,2 % умерших от туберкулеза легких, 39,0 % — от болезни сердца; в 1928 г. соответственно — 44,2 и 34,5. При этом в 1927 г. 61,2 % горожан в обозначенном возрасте умерло от рака⁷.

В связи с колоссальным влиянием промышленного производства на уровень смертности горожан с начала 1920-х гг. в стране под руководством специального отдела труда Наркомтруда РСФСР развернулась работа по изучению санитарного состояния предприятий и условий труда на них. Чуть позже в нее включился Наркомздрав РСФСР [3, с. 52]. На Урале еще в ноябре 1919 г. на ряде предприятий появились инспектора по охране труда. Специально для них были организованы курсы, в т. ч. и по вопросам санитарной охраны труда. Потребность в специализированных видах надзора была настолько велика, что в 1919 г. Народный комиссариат труда принял решение о создании санитарной инспекции. К концу 1920 г. на Урале было 5 санитарных инспекторов труда, а в 1923 г. в аппарате Уралоблтруда в 6-ти из 15-ти округов Уральской области насчитывалось уже 11 санитарных инспекторов труда. Они выявляли наиболее вредные производства и организовывали массовое медицинское освидетельствование рабочих химической и металлургической промышленности, что подготовило основу для планомер-

⁴Подсчитано по: Естественное движение населения Союза ССР, 1923–1925. М., 1928. Вып. 1. С. 70–71.

⁵Там же. С. XXXIV.

⁶Подсчитано по: Уральское хозяйство в цифрах... 1928. С. 36–39; Уральское хозяйство в цифрах... 1929. С. 8–11; Уральское хозяйство в цифрах... 1930. С. 36–37.

⁷Подсчитано по: Уральское хозяйство в цифрах... 1929. С. 8–11; Уральское хозяйство в цифрах... 1930. С. 36–39.

ных исследований по гигиене труда и промышленной патологии на Урале [2, с. 58–59].

Настоящее исследование профессиональных заболеваний и целенаправленная борьба с ними начались только с открытием специальных кабинетов по изучению профессиональных заболеваний. Первый был учрежден в феврале 1926 г. в Свердловске при поликлинике Верх-Исетского металлургического завода под руководством врача В. А. Ляпустина. Он был полностью самостоятельным по отношению к органам труда. В 1927 г. подобные кабинеты действовали уже в Перми, Челябинске, Златоусте, Нижнем Тагиле и Усолье [2, с. 59–60]. В 1930 г. был образован Уральский государственный институт по изучению патологии, гигиены и научной организации труда по аналогии с Центральным институтом охраны труда Наркомтруда, Наркомздрава и ВСНХ. В 1931 г. он был реорганизован в три учреждения – Институт организации и оздоровления труда (в дальнейшем — Институт охраны труда ВЦСПС), Институт гигиены труда и профессиональных заболеваний и Уральский филиал Всесоюзного института по безопасности горных работ [2, с. 60].

Сотрудники названных учреждений провели большую работу по исследованию влияния условий труда на здоровье рабочих на заводах Урала, результаты которой были опубликованы в печатных изданиях⁸. Например, доктора Гитерман и Луканин описали неизвестную тогда форму уплотнения легочной ткани под влиянием воздействия пыли хроматов. Врач М. Н. Карнаухов установил связь между течением туберкулеза у полиграфистов и действием свинцовых отравлений. М. М. Виленский изучил изменение сердечно-сосудистой системы под воздействием отравления организма окисью углерода у рабочих газо-генераторных печей Надеждинского завода и поражение верхних дыхательных путей на предприятиях сухой перегонки дерева [1, с. 444–447]. Г. М. Щербина исследовал влияние окиси углерода на органы кровообращения работников металлургического производства. Отравление угарным газом при пуске доменных печей, чистке газопроводов и при углежжении было причиной нескольких смертных случаев на уральских заводах в 1928 г.⁹ В практику вошло обследование профессий, особенно на вредных производствах.

Специфика уральской промышленности определила широкое распространение в городах региона и такого страшного заболевания, как туберкулез, особенно органов дыхания. В листовке Уральской областной комиссии по проведению туберкулезного трехдневника (1924 г.) назывались причины, вызывавшие эту болезнь. Во-первых, пыльное производство. Металлическая пыль отравляла рабочих и затрудняла вентиляцию легких. Негативно влияли на здоровье трудящихся печатная пыль и растительная пыль ткачей. Зачастую кустарям-ремесленникам приходилось трудиться в плохо проветренных помещениях. Во-вторых, труд некоторых профессий требовал постоянного

⁸Материалы контрольных цифр хозяйства Урала на 1929–1930 г. Свердловск, 1930. С. 180.

⁹Щербина Г. Профессиональные отравления и заболевания в уральской промышленности // Уральский техник. 1928. № 4. С. 70–72.

наклонного положения, особенно у сапожников, затруднявшего движение грудобрюшной преграды. В-третьих, резкий перепад температур в производственных помещениях, в которых трудились кочегары и литейщики, создавал предрасположенность к частым простудам, которые, в свою очередь, вели к туберкулезу¹⁰.

Большую роль в разработке методики изучения здоровья рабочих и постановке исследований по профессиональным заболеваниям сыграли совещания по этим вопросам. Одно из первых таких уральских совещаний, состоявшееся в Свердловске в январе 1926 г., объединило представителей 5-ти промышленных округов Уральской области: Свердловского, Пермского, Златоустовского, Тагильского и Челябинского [3, с. 54].

Значительное число болезней сердца в зрелом возрасте также объяснялось психоэмоциональными и физическими перегрузками предыдущего периода. Широкое распространение смерти от внешних причин говорило о некультурности населения и о повышенном травматизме на производстве. В 1927 г. результаты выборочного обследования показали: из каждых 100 промышленных рабочих Урала (в возрасте старше 15 лет) до 30 лет доживали 85,2 %; до 40 лет — 73,5 %; до 50 лет — 59,2 %; до 60 лет — 39,9 %. Таким образом, до пенсионного возраста могли дожить всего двое из пяти рабочих [4, с. 147–148].

Проведенные в 1920-х гг. научные изыскания по профессиональным заболеваниям убедительно доказали, что без оздоровления производства невозможно снизить заболеваемость и смертность горожан по этим причинам. Но оздоровление условий труда и быта населения возможно лишь в том случае, если само население активно принимает в этом участие. Неслучайно неизменным руководством во всей деятельности медицинских учреждений 1920-х гг. стал лозунг «Охрана здоровья трудящихся есть дело самих трудящихся». Основными ячейками, через которые население участвовало в деле охраны здоровья, являлись секции здравоохранения местных советов в городах. Городские секции здравоохранения развивали работу своих членов по разным направлениям: на предприятиях создавали здравячейки, помогавшие медицинскому персоналу в проведении мероприятий по оздоровлению условий труда, по организации медицинской помощи, в особенности при несчастных случаях на производстве. Члены фабрично-заводских здравячеек были активнейшими агитаторами за новый здоровый быт.

Другие члены секции здравоохранения прикреплялись к лечебно-санитарным учреждениям, принимали участие в их работе через советы социальной помощи или комиссии по оздоровлению труда и быта при лечебно-профилактических учреждениях (амбулаториях, больницах, диспансерах, консультациях и проч.); члены таких комиссий наблюдали за работой своего учреждения, разбирали жалобы от больных, помогали устранять замеченные недочеты. Часть членов городских секций здравоохранения прикреплялась к жилищно-санитарным комиссиям, устраняя вредности жилья человека. При колоссальной санитарно-жилищной неграмотности населения, при отсут-

¹⁰Архив Златоустовского городского округа. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 195. Л. 9, 13.

ствии гигиенических навыков даже среди населения крупных городов, при все обострявшемся жилищном кризисе работа жилищно-санитарных комиссий приобрела особенно важное социально-гигиеническое значение¹¹. Но в целом в 1920-е гг. уральские городские власти в деле преодоления профессиональных заболеваний как одной из причин смертности горожан делали только первые шаги.

Библиографический список

1. *Виленский М. М.* Болезни профессиональные // Уральская советская энцикл. Свердловск, 1933. Т. 1.
2. *Гаврилова В. А., Гликиштейн М. Д.* Из истории развития гигиены труда на Урале после Великой Октябрьской социалистической революции // Гигиена и санитария. 1973. № 7.
3. *Лотова Е. И., Идельчик Х. И., Венгрова И. В.* Место и роль социально-гигиенических исследований в изучении здоровья рабочих в СССР в 20–30-е гг. // Советское здравоохранение. 1981. № 12.
4. *Постников С. П., Фельдман М. А.* Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.). Екатеринбург, 2006.

V. A. Zhuravleva

Candidate of Historical Sciences, Zlatoust branch of the South Ural State University (Zlatoust, Russia)

Occupational Morbidity as the Cause of Ural Town Dwellers' Mortality in the 1920s

The article is devoted to the issue of occupational diseases as one of the reasons of the Ural urban population mortality in 1920s. The paper investigates the development of scientific research of the production harmful effects on the workers' health. The author suggests the ways to solve this problem.

Key words: historical demography, natural reproduction of population, mortality, the Urals, urban population, occupational morbidity

¹¹*Семашко Н. А.* Десятилетие советской медицины и социальная гигиена // Социальная гигиена. 1928. № 4 (14). С. 12–13.

ПРОМЫШЛЕННОЕ НАСЛЕДИЕ В ОБЩЕМ КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В статье раскрываются перспективы использования индустриального наследия как важнейшей составляющей в формировании и укреплении культурной идентичности.

Ключевые слова: культурное и промышленное наследие, ландшафт, идентичность

Культурное наследие любого места представляет собой нераздельное единство памяти живущих там людей и отпечатков его прошлого, включая неуловимые трансформации ландшафта и памятников цивилизации. Памятники культурного наследия — это “genius loci” (духи-защитники места), и мы должны сохранить их как дань уважения памяти предков, построивших их, а также, чтобы разбудить воображение детей, встречающих их на своем пути, и укрепления чувства принадлежности у людей, населяющих эту местность. Промышленное наследие играет стратегическую роль в этом процессе, поскольку этот тип наследия ближе всего соприкасается с нашей повседневной жизнью. Часто и сама технология, и люди, способствовавшие ее развитию, еще живы, и мы ответственны за то, чтобы передать это материальное и нематериальное наследие новым поколениям.

Комитет по сохранению индустриального наследия Европейской федерации организаций культурного наследия Europa Nostra (ИЕНС) способствует — от имени Europa Nostra — продвижению ценностей объединенного европейского промышленного и технического наследия, и поддерживает проекты, направленные на охрану, восстановление и интерпретацию такого наследия во всех его аспектах.

Успех и перспективы использования промышленного наследия (ПН) зависят от многих факторов, в первую очередь от консервации материальных объектов и технологий, но также и от взаимодействия с другими культурными ресурсами и объектами индустриального наследия. В этом смысле ПН в целом может выступать в роли катализатора для всего культурного наследия территории в соответствии с четырьмя компонентами и его отношением к: (1) контексту городского ландшафта, (2) чувству социального (активного) гражданства, (3) территориальным культурным сетям, (4) географическим межрегиональным сетям. Таким образом, мы можем показать как и насколько ПН не просто является, в глобальном смысле, колыбелью европейской идентичности, как первой индустриальной части света, но также и, на местном уровне, основной составляющей чувства идентичности для многих территорий.

*Франческо Калзолайо президент фонда *Venti di Cultura*, член Комитета по сохранению индустриального наследия Европейской федерации организаций культурного наследия Europa Nostra, профессор ландшафтного дизайна Колледжа архитектуры и ландшафтного дизайна Университета Миннесоты, Венеция, Италия; f.calzolaio@culturnet.net

Промышленное наследие и городской ландшафт. Мы можем анализировать объекты Промышленного наследия (ПН) не только по типу производства, как, например, судоверфи или рудники, стекольные фабрики или металлургические печи и т. п., но также и по той роли, которую они играют в исторической стратификации сегодняшних городских ландшафтов. Судьба восстановления объектов ПН зависит от многих внутренних факторов, таких как их выдающаяся ценность, стратегия местной администрации и бизнес планы застройщиков, но она также зависит и от их размеров и местоположения в застройке и природной среде.

Очень важно проанализировать современную стратегию с точки зрения влияния объектов ПН на структуру городской застройки, учитывая их изолированное положение на окраине или в горах, либо на берегу, или, напротив, их «встроенность» в историческую ткань города; многое зависит от того, являются ли они огромными для небольшого города, или миниатюрными в мегаполисе, или представляют собой узловые точки в рассредоточенной сети, и, наконец, многое зависит от взаимодействия между кластерами промышленной активности/наследия доминирующей отрасли.

Мы могли бы оценивать промышленное наследие в привязке к особенностям ландшафта: использование земли и моря для прибрежных производств и арсеналов также плотно вписывается в структуру исторической городской и территориальной стратификации. Старейшей протопромышленной судоверфью является *Arsenate* в Венеции. Начиная с XII в. она была движущей силой империи, разрастаясь и трансформируясь до сегодняшних дней, когда она пришла в запустение и представляет собой скопление разрозненных объектов. Хотя иногда местное население далеко не на всех уровнях осознает величие своего прошлого, в других местах такое прошлое довольно успешно воссоздается благодаря общей поддержке. В устье реки Темзы (Лондон) историческая верфь Четхэм и ее оборонительные структуры были предложены в качестве объекта мирового наследия, поскольку этот комплекс представляет собой наиболее полный пример исторической верфи периода парусного флота и раннего пароходостроения (1700–1865).

В устье Дуная (Сулина) была создана первая пан-европейская комиссия для защиты европейских территориальных и коммерческих интересов. Основанная в 1855 г. Европейская дунайская комиссия включала в себя представителей Великобритании, Франции, Австрии, Германии, Италии, России и Турции. В Сулине впервые зародилось и получило развитие понятие единой Европы, выразившееся в глубоком духе терпимости и межэтнического сосуществования. Это был торговый и промышленный центр, но сегодня он заброшен и одиноко стоит на высохшей протоке устья Дуная. Здесь население постепенно исчезает, но в других местах можно видеть признаки позитивных процессов. В Турку (Финляндия) городской парк на реке Аура сохраняет историю каждого этапа освоения реки, начиная с устья реки Аура (“река за работой”), и до сегодняшней идеи реки для “развлечений, отдыха и досуга”. Река была основным местом проведения мероприятий программы Турку — европейская культурная столица 2011. Это выдающийся пример восстанов-

ления промышленного объекта, предназначенного для использования в новых целях, с уважением к прошлому и ориентацией на будущее.

Территориальная культурная идентичность. Чувство исторической идентичности — это плод территориального дерева, как если бы индустриализация была семенем, растущим в том ландшафте, где оно было посажено. Мы покажем, как промышленное наследие (ПН) может внести вклад в ощущение гражданственности, которое в прошлом было основано на труде, как катализаторе социальной идентичности. Нам необходимо зафиксировать и измерить нематериальное наследие тех, кто работает в ПН сегодня, поскольку некоторые из них еще живы, пока не станет слишком поздно. Нам необходимо снимать документальные фильмы и создавать цифровые архивы, наследие также присутствует в духе Конвенции Фаро, 2005 (Рамочная Конвенция Совета Европы о значении культурного наследия для общества). Конвенция Фаро подчеркнула, впервые в истории, значение места, выходящее за рамки понятия охраны физических объектов. Это значение раскрывается через понятия “сообщество наследия” и “нематериальное наследие”.

«Необходимо начать общественный диалог для обсуждения большого потенциала этих понятий в целях их применения и использования в работе органов местного (само) управления», — указывает Адриано де Вита, Президент Ассоциации Фаро-Венеция. В соответствии с положениями Конвенции Фаро меры по обеспечению доступа к материальному (объекты) и нематериальному (свидетели) наследию открывают его для восприятия граждан в простой форме, включая проведение ежегодных мероприятий с привлечением молодежи и всех слоев населения. Культурные ассоциации совместно с местными институтами должны сотрудничать в организации ежегодных мероприятий, подобно ассоциации Фаро-Венеция, которая хотела бы, чтобы это стало постоянно действующей стратегией в области культуры с участием граждан и всех заинтересованных сторон, направленной на укрепление чувства идентичности с культурным наследием.

Предшественником этого процесса был Мыльный маршрут в Марселе, соединяющий три до сих пор действующие мыльные фабрики в 14-м и 15-м районах города. Туристы и местные жители пересекают город пешком или на метро, знакомясь с промышленной, художественной и повседневной жизнью горожан, с историей и великолепными пейзажами. На маршруте представлены основные пресноводные артерии, такие как ручей Эйгалад, рассказывается об исчезновении подземной морской галереи и о лабиринте Марсельского канала, возвращающегося затем назад к городу и границам сельскохозяйственных угодий. Маршрут петляет между пешеходными тропинками и дорожками, соединяющими людей и их окружение. Маршрут включен в пакет услуг, предлагаемых кооперативом Отель дю Норд.

Культурные территориальные сети. Местные территориальные сети, безусловно, принадлежат к сети культурных и природных ресурсов, выходящих за рамки ПН как такового, где оно играет стратегическую роль как в силу того, что эти объекты часто служили основным источником трансформации территории, так и благодаря потенциальной возможности дать им новую жизнь в качестве центров и узловых точек территориальной культурной сети.

Сеть — это лишь первый шаг к формированию системы, способной придать новое значение той роли, которую культурное наследие играет в повседневной жизни населения и гостей территории.

ПН может способствовать повышению значения всего культурного наследия, особенно в контексте территорий, входящих в список ЮНЕСКО. В случае недавно внесенных в список территорий горных выработок, как это было сделано во многих европейских странах, территории вносятся в список только при условии, что институты уже продемонстрировали свою способность сформировать чувство идентичности, основанное на гражданской позиции, истории, и материальном и нематериальном промышленном наследии. Такие “местные” стратегии, целью которых было укрепление территориальной идентичности, сегодня принимают более целостный подход к культурному наследию. При этом необходим более ‘объединяющий’ подход, охватывающий все культурные ресурсы территории, позволяющий ей конкурировать на глобальной арене. Нам необходимо действительно формировать, сохранять и продвигать единство территорий.

В государственной стратегии Европейских стран и общественных организаций, продвигающих идеи местных территориальных различий, произошла эволюция, приведшая к появлению прототипа портала culturnet.net, где территории и институты представляют свои ресурсы, равномерно распределенные по территории от центра к “периферии”, а также по различным темам, таким как окружающая среда, музеи, производство, материальное и нематериальное наследие.

Объединяющий подход, охватывающий все культурные ресурсы территории, лежит в основе деятельности сети Eden, объединяющей нетрадиционные туристические направления Европы, исходя из принципов устойчивого развития туризма.

Музей науки и технологии Каталонии (или “*mNACTEC*”) является частью сети музеев территории, объединяющей 25 музеев и культурных центров, связанных с промышленным наследием Каталонии, и вместе формирующих территориальную систему *mNACTEC*.

Рур сегодня — это новый культурный и деловой центр, где на смену доменным печам пришла высокотехнологичная промышленность, угольные шахты трансформировались в объекты для проведения культурных мероприятий, на месте рабочих пивных вырос новый район ресторанов и развлечений. Территориальная сеть, включающая в себя 53 города Рурского региона, работает совместно с горожанами, иммигрантами и гостями региона над осуществлением этой трансформации.

В качестве небольшой части огромного наследия *Venti di Cultura* поддерживает проект lagunalonga.it, включающий в себя проведение серии мероприятий, основанных на культурных ресурсах Венецианской лагуны. Мероприятия проводятся в стороне от проторенных туристических маршрутов, ориентируясь на уникальный и ранее не востребованный потенциал культурного полицентризма, основанный на взаимодействии между средой и людьми, унаследовавшими и сохранившими ее.

Пространственно/временные межрегиональные союзы. Географические межрегиональные союзы Средиземноморья представляют собой, по словам Фернандо Бродела “пространственно/временные союзы”, связанные каналами коммуникаций: это может быть внутреннее море, как, например, Балтика или Средиземное море, или его отдельные территории, или, может быть, река. Такой пространственно/временной союз может также представлять собой один из культурных маршрутов, изучению которых посвящена программа Европейского института культурных маршрутов (EICR). Маршруты служат инструментами для понимания европейских ценностей, складывающихся из многообразия культур и обществ, составляющих Европу. Программа культурных маршрутов объединяет многочисленные компоненты европейской идентичности, соединяя территориальные различия нитью исторических троп, способствуя формированию чувства идентичности в культурном плюрализме. Промышленное наследие лежит в центре европейского культурного единства, а торговля и производство формируют “красную линию”, соединяющую многие европейские культурные маршруты.

Железный маршрут EICR между Францией и Каталонией рассказывает о широком круге людей и способствует распространению знаний об этом наследии. Он проходит через рудники, угольные шахты и плавильные печи, показывает рабочие места горняков и металлургов, архитектурные элементы из железа, такие как мосты и железные дороги, и способствует укреплению связей между людьми по обе стороны Пиренейских гор.

Финикийский маршрут EICR следует по пути старейшей Средиземноморской торговой сети, основанной на производстве текстиля и финикийского пурпура из моллюсков, идет по следам финикийской цивилизации, основавшей колонии и города-государства по всему Средиземноморью. Итальянское и Средиземноморское побережье изобилует местами, открывающими, как в калейдоскопе, невероятную интеграцию человечества, территорий, производства и строительных технологий. Эти уязвимые и драгоценные промышленные ландшафты, часто запущенные и пребывающие в забвении, представлены морскими маршрутами вдоль побережья на борту нескольких исторических судов в рамках программы Cattedrali del Mare, осуществляемой фондом Venti di Cultura в партнерстве с несколькими местными администрациями.

F. Calzolaio

Professor of Landscape Architecture, College of Design in the University of Minnesota, President of Venti di Cultura, member of Europa Nostra's Industrial and Engineering Heritage Committee (Venice, Italy)

Industrial Heritage in the Context of Other Cultural Heritages

The paper reveals the prospects of using the industrial heritage as an important component in forming and strengthening of the cultural identity.

Key words: cultural and industrial heritage, landscape, identity

ПОДГОТОВКА И ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОЧИХ НА СВЕРДЛОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ В 1956–1991 гг.

Статья посвящена проблеме подготовки рабочих Свердловской железной дороги в 1950–1991 гг.: исследованы основные источники пополнения рабочими кадрами; сделан вывод, что демобилизованные военнослужащие Советской Армии и дорожные технические школы являлись основными поставщиками рабочей силы для железных дорог Урала.

Ключевые слова: рабочие кадры, условия труда, профессионально-техническое училище, железная дорога, дорожная техническая школа, электрификация

В 1950-е гг. в экономической политике государства особое место заняли проблемы научно-технического прогресса. Июльский Пленум ЦК КПСС обосновал необходимость развертывания научно-технической революции и использования ее достижений для ускорения темпов научно-технического прогресса (1955 г.). В качестве главных направлений технической политики пленум определил дальнейшую электрификацию страны, комплексную механизацию и автоматизацию производства, внедрение новейших высокопроизводительных станков, машин и аппаратов, совершенствование технологии производства, применение атомной энергии в мирных целях. Курс на ускорение научно-технического прогресса поддержал XX съезд КПСС [4, с. 67].

Генеральным направлением развития научно-технического прогресса на железных дорогах СССР в 1956–1991 гг. являлась их электрификация и перевод на тепловозную тягу. Электрическая и тепловозная тяга позволяли существенно повысить скорость движения, вес поездов, грузоподъемность вагонного парка, автоматизировать управление. Реализация новых задач по развитию железнодорожного транспорта во многом зависела от кадровой политики на транспорте. Она определялась как качественным, так и количественным составом трудовых коллективов железных дорог СССР.

Основными источниками пополнения рабочих кадров на Свердловской дороге в 1945–1965 гг. были: система учебных заведений профессионально-технического образования, демобилизованные военнослужащие, выпускники средних школ, прием на работу по свободному найму, подготовка новых рабочих непосредственно на производстве. На разных этапах развития Свердловской дороги их роль была неодинаковой. В 1940-е гг. среди новых рабочих преобладали демобилизованные военнослужащие. В 1950–1960-е гг. — выпускники железнодорожных училищ, школ ФЗО, средних школ [2, с. 158]. Источниками пополнения кадров в 1970–1980-е гг. стали: подготовка новых

*Алексей Александрович Конов

К.и.н., Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Россия;
alek.konov2012@yandex.ru

рабочих из числа работающих на транспорте, прием молодежи после учебы и службы в армии, прием ранее работавших на транспорте и обучение вновь принятых железнодорожным профессиям.

Таблица 1

Основные источники пополнения Свердловской дороги массовыми кадрами в 1980-е гг., чел.

Годы	Принято всего	Из ГПТУ	техникумов	Института	демобиализованные	По найму
1987	12 042	1 271	189	31	344	10 207
1988	12 823	924	193	49	332	11 315
1989	9 918	657	140	36	563	8 600
1990	11 222	465	144	21	516	13 563

Таблица составлена по: Сектор архивов службы управления делами Свердловской железной дороги. Ф. Р-65. Оп. 15. Д. 163. Л. 1–48.

Таблица 1 показывает, что основными источниками пополнения кадрами массовых профессий Свердловской дороги в 1980-е гг. являлись наем работников и демобилизация военнослужащих. Количество работников, поступающих на дорогу после окончания ГПТУ, с каждым годом сокращается и в 1990 г. уступает количеству демобилизованных военнослужащих. Таким образом, в 1980-е гг. учебные заведения, как источники пополнения транспорта кадрами массовых профессий, уже не удовлетворяли потребности железных дорог. Такое положение с кадрами на Свердловской дороге связано с тем, что, во-первых, среди молодежи в 1980-е гг. произошло падение престижа рабочих профессий, во-вторых, в связи с активными процессами урбанизации в 1970-е гг. деревня постепенно утрачивала значение основного резерва рабочей силы для железнодорожного транспорта и промышленности.

В течение 1980-х гг. значение Советской Армии, как источника пополнения рабочей силой Свердловской дороги, еще более усилилось (см. табл. 2).

Таблица 2

Прием на Свердловскую дорогу демобилизованных военнослужащих в 1960–1980-е гг., чел.*

Показатель	1958 г.	1960 г.	1982 г.	1983 г.	1985 г.	1986 г.
Принято на работу	250	964	1 374	1 455	1 400	1 081

*Из личного архива профессора, д.и.н. М. Т. Крючкова

Ежегодный прием на Свердловскую дорогу демобилизованных военнослужащих за период 1958–1986 гг. увеличился в 4,3 раза. Значение профессионально-технических училищ, как поставщика квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы, существенно снизилось.

В 1958–1991 гг. на производственной базе Свердловской железной дороги работали городские профессионально-технические училища в Ишиме, Тюмени, Камышлове, Верещагино, Нижнем Тагиле, Свердловске, Серове, Красноуфимске. Со всеми училищами, отделениями и базовыми предприятиями руководством дороги разрабатывались планы совместной работы по обучению и воспитанию молодежи, заключались договоры на подготовку кадров. При этом система обучения в ПТУ постоянно совершенствовалась.

24 декабря 1958 г. Верховный Совет СССР принял Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» [3, с. 29–30]. Законом о школе в СССР предусматривалась система образования, по которой дети от 7 до 15–16 лет могли получить неполное среднее образование в трудовой политехнической школе. Молодежь с 15–16-летнего возраста могла получить среднее образование в одиннадцатилетних общеобразовательных трудовых политехнических школах с производственным обучением, в школах рабочей молодежи, средних специальных учебных заведениях, в большей части профессионально-технических училищ (ПТУ), дающих наряду с рабочей профессией и среднее образование. Обязательное всеобщее восьмилетнее образование вводилось в стране с 1 сентября 1959 г. Это явилось крупным шагом по пути перехода к всеобщему среднему образованию.

В 1963 г. страна перешла на всеобщее среднее образование. С этого времени учащиеся, которые были приняты в ПТУ на базе восьмилетнего образования, кроме диплома по профессии получали аттестат о среднем образовании. К 1964 г. в школе профессионально-технического образования стал доминировать единый тип учебного заведения — профессионально-техническое училище.

В непосредственной связи с этой реформой 8 мая 1963 г. образовано городское профессионально-техническое училище № 61 для подготовки кадров Свердловской дороги. Появились новые специальности: электромонтеры контактной сети, слесари по ремонту грузовых и пассажирских вагонов, станционные стрелочники, проводники пассажирских вагонов. Срок обучения теперь составлял десять месяцев, а не шесть, как было раньше. Вскоре появились новые профессии со сроком обучения полтора и два года: помощник машиниста электровоза, помощник машиниста тепловоза, дежурные по станции, механики СЦБ, товарные кассиры-приемосдатчики, слесари по ремонту тепловозов и электровозов.

Подготовка электромонтеров контактной сети и тяговых подстанций для Свердловской дороги осуществлялась в Верещагинском железнодорожном училище. В училище преподавали и проводили практику на рабочих местах опытные специалисты-электрификаторы. Особенно высокие результаты в подготовке кадров были достигнуты училищем в 1960-е гг., когда оно готовило электромонтеров контактной сети и тяговых подстанций для всей Свердловской дороги. Выпускники Верещагинского училища внесли огромный вклад в электрификацию главного хода Пермского отделения дороги Балезино — Пермь в 1959–1961 гг.

Огромное значение для железных дорог Урала имела Челябинская техническая школа машинистов локомотивов. К 1960 г. школа подготовила бо-

лее 20 тыс. машинистов. Ежегодный выпуск курсантов составлял более 1 тыс. чел. К 1968 г. техническая школа заметно расширила список рабочих профессий, по которым шла достаточно интенсивная подготовка: механик СЦБ, дежурный по станции, помощник машиниста паровоза и электровоза, машинист электровоза переменного тока. Челябинская техническая школа машинистов стала пионером обучения кадров массовых профессий для участков железных дорог Урала, переведенных на переменный ток¹.

В марте 1981 г. впервые на железных дорогах Урала был заключен договор о содружестве трех коллективов — локомотивного депо Златоуст, железнодорожной школы № 25 и СГПТУ-35 по подготовке рабочих для Южно-Уральской железной дороги. Депо Златоуст за несколько лет провело большую работу по укреплению материально-технической базы школы и СГПТУ. Инженеры депо вели в дорожной школе факультатив «Общий курс железных дорог», кружок «Юный железнодорожник». Учащиеся старших классов проходили производственное обучение в цехах и отделах локомотивного депо. Лучшие машинисты депо направлялись работать в СГПТУ № 35 мастерами производственного обучения [3, с. 172].

Рабочих-строителей для Свердловской магистрали выпускало строительное ПТУ № 66 в Железнодорожном районе г. Свердловска. Ежегодно в ПТУ обучалось около 470 чел. Ежегодный выпуск училища составлял около 230 учащихся, что, конечно, было недостаточно для потребностей дороги. У училища сложились прочные связи с базовым предприятием дороги — трестом «Свердловсктрансстрой».

Таблица 3

**Сведения о работе ПТУ Свердловской железной дороги
в 1980-е гг.***

Показатель	1982	1984	1985	1986	1987	1988	1989
Выпуск учащихся, чел.	1 683	1 772	1 764	1 425	1 534	1 271	1 428
Плановая укомплектованность училищ, чел.	2 355	2 355	2 065	2 020	1 750	1 812	1 824
Фактическая укомплектованность училищ, чел.	1 986	1 992	2 009	2 000	1 743	1 737	1 894

*Из личного архива профессора, д.и.н. М. Т. Крючкова

Таблица 3 показывает, во-первых, постепенное снижение выпуска учащихся из ПТУ в 1980-е гг. и, во-вторых, значительный разрыв между плановой и фактической укомплектованностью профессионально-технических училищ. Последняя имеет явную тенденцию к снижению. На выпуск и на укомплектованность училищ оказывали существенное влияние такие факторы, как: призыв молодежи в армию; падение престижа рабочих профессий среди молодежи; недостаток жилья на железных дорогах Урала; тяжелые

¹ОГАЧО. Ф. 2136. Оп. 1. Д. 18. Л. 68–69.

условия труда; общее снижение рождаемости в стране в 1970-е гг. в связи с негативными социально-экономическими процессами.

В течение 1982–1986 гг. в профессионально-технических училищах, где не выполнялся план приема учащихся, создавались группы помощников машинистов локомотивов и электромехаников СЦБ и связи из демобилизованных военнослужащих Советской Армии с 6-месячным сроком обучения. В 1981 г. непростая ситуация сложилась с подготовкой кадров массовых профессий на Тюменском отделении дороги. В этом году завершена электрификация участка Богданович — Тюмень. Все локомотивные бригады успешно прошли переквалификацию с тепловозной тяги на электровозную. Однако совсем не были выполнены плановые задания по подготовке кадров осмотрщиков вагонов, слесарей по ремонту локомотивов и вагонов, проводников вагонов ввиду большой текучести этих кадров. Большая неуккомплектованность слесарей по локомотивному и вагонному депо Тюмени была компенсирована за счет их подготовки через курсы на предприятиях и в дорожных технических школах, а не в городских и дорожных ПТУ.

Рассмотрим статистические данные по подготовке молодых рабочих в ПТУ для Свердловской железной дороги по важнейшим профессиям.

Таблица 4

Подготовка молодых рабочих в железнодорожных профессионально-технических училищах в 1967–1990 гг. на Свердловской дороге

Показатель	1967	1969	1970	1979	1980	1982	1987	1990
1. Слесари по ремонту вагонов	—	—	—	29	39	34	56	44
2. Электромеханики СЦБ и связи	90	79	104	54	27	—	—	—
3. Электромонтеры контактных и осветительных сетей	—	—	—	15	16	—	161	153
4. Слесари по ремонту локомотивов	—	—	—	217	207	115	261	429
5. Помощники машинистов электровозов	—	—	—	414	368	438	553	979
6. Помощники машинистов тепловозов	—	1147	1491	325	314	277	132	289
7. Машинисты электровозов	197	149	108	19	14	22	356	387
8. Машинисты тепловозов	171	243	203	—	—	—	259	175
9. Проводники пассажирских вагонов	—	—	—	207	207	178	275	307
10. Дежурные по станции	110	81	96	162	155	177	159	225

Таблица составлена по: Сектор архивов службы управления делами Свердловской железной дороги. Ф. Р-65. Оп. 15. Д. 171.

Таблица 4 показывает постепенное уменьшение количества прибывающих на Свердловскую дорогу молодых рабочих из ПТУ. Причинами развития подобной тенденции является не только призыв молодых рабочих в Советскую Армию, но и падение престижа рабочих профессий среди молодежи. Большинство молодых рабочих стремились стать машинистами и помощниками машинистов локомотивов. Профессия машиниста локомотива являлась достаточно высокооплачиваемой и наиболее престижной на транспорте. Отчетливо виден также рост числа прибывавших на дорогу помощников машинистов электровозов. Профессия помощника машиниста открывала для молодого рабочего прямой путь к профессии машиниста локомотива – одной из самых престижных профессий на транспорте.

Помощники машиниста быстро входили в коллективы локомотивных бригад, приобретали необходимые практические навыки, знания и умения, находясь рядом с машинистами, и, как правило, успешно сдавали экзамены на права машинистов. Снижение подготовки помощников машинистов тепловозов произошло вследствие перевода маневровых тепловозов на работу с одним машинистом. Увеличение подготовки слесарей по ремонту локомотивов и проводников пассажирских вагонов связано с ростом грузовых и пассажирских перевозок на Свердловской дороге в 1980-е гг.

По состоянию на 1 января 1990 г. на Свердловской железной дороге имелись шесть СПТУ на 3 015 мест, четыре дорожные технические школы на 1 300 мест. На производственной базе Южно-Уральской дороги действовали 11 городских профессионально-технических училищ. Однако к концу 1980-х гг. СПТУ не стали основным источником пополнения Свердловской и Южно-Уральской магистралей молодыми рабочими. Основными каналами обеспечения железных дорог квалифицированной рабочей силой стали дорожные технические школы, наем опытных работников с железнодорожными специальностями и демобилизованные военнослужащие.

Освоение на железных дорогах СССР в 1958–1980-х гг. новой техники, совершенствование технологических процессов работы на предприятиях и общий подъем производительности труда были немислимы без систематической работы над повышением производственной квалификации и уровня знаний работающих. Перед Министерством путей сообщения и руководством железных дорог края встала труднейшая задача повышения квалификации самого большого на сети контингента массовых профессий в сжатые сроки.

В 1958–1965 гг. на Свердловской железной дороге действовали следующие формы повышения квалификации кадров: через систему постоянно действующих курсов при технических школах, на производственно-технических курсах без отрыва от производства путем организации школ передового опыта, а также проведение массовых мероприятий технической пропаганды.

Особенно серьезное внимание уделялось на железных дорогах Урала школам передового опыта. Об этом говорит тот факт, что только за двенадцать послевоенных лет на Свердловской дороге проведено 7,5 тыс. таких

школ, в которых было обучено 56 тыс. железнодорожников. Школы передового опыта проводились по самым актуальным проблемам: вождение тяжелых поездов, экономное расходование топлива, электроэнергии, материалов, рациональное использование подвижного состава, передовые методы текущего содержания и ремонта железнодорожных устройств и т. п. Участники школ осваивали комплекс методов и приемов, достигнутых новаторами производства. Данные о повышении квалификации рабочих представлены в таблице 5.

Таблица 5

Подготовка и повышение квалификации кадров массовых профессий на Свердловской железной дороге в 1960-е гг., чел.*

Показатель	1956 г.	1958 г.	1960 г.	1961 г.	1963 г.	1965 г.
План подготовки	4 625	5 000	4 300	5 300	5 700	4 600
в т. ч. с отрывом от производства	1 530	2 140	1 460	—	1 800	1 230
в т. ч. без отрыва от производства	3 095	2 860	2 840	—	3 900	3 370
Всего подготовлено	5 961	5 343	5 000	5 879	5 578	5 385
в т. ч. в дорожных технических школах с отрывом от производства	1 471	2 002	1 460	1 680	1 604	1 268
Подготовлены без отрыва от производства	4 463	3 841	—	—	3 974	4 117
План повышения квалификации	13 700	14 000	13 000	9 500	13 500	11 100
в т. ч. с отрывом от производства	1 000	1 010	700	—	840	100
в т. ч. без отрыва от производства	6 700	12 990	12 300	—	9 660	11 000
Всего повысили квалификацию	16 388	16 115	17 000	12 877	22 836	12 891
в т. ч. с отрывом от производства	980	704	320	342	520	473
в т. ч. без отрыва от производства	8 195	15 411	—	—	13 649	12 408
в т. ч. в школах передового опыта	7 213	7 042	8 016	4 749	8 667	5 455
На производственно-технических курсах	9 175	8 369	3 665	8 128	—	7 436

*Из личного архива профессора, д.и.н. М. Т. Крюкова

Таблица 5 показывает, что план подготовки рабочих кадров на Свердловской дороге в 1956–1965 гг. перевыполнялся. Рабочие с большим желанием и высокой сознательностью осваивали новую технику и технологии. Преобладающей формой подготовки рабочих кадров являлось обучение без отрыва от производства. Из таблицы 5 видно, что план обучения с отрывом от производства выполнялся далеко не всегда, так как руководство дороги не

всегда могло отвлекать с производства на учебу работников, дефицит которых ощущался постоянно. Точно также с каждым годом значительно перевыполнялся план повышения квалификации рабочих. Так, выполнение плана повышения квалификации рабочих дороги в 1960 г. составило 131 %, а в 1963 — 170. И в данном случае полностью преобладает повышение квалификации без отрыва от производства, тогда как количество работников, обучавшихся с отрывом от производства, с каждым годом сокращается. Итак, большинство рабочих Свердловской магистрали осваивали новую технику и технологии непосредственно на производстве, перенимая необходимые знания и навыки от более опытных и знающих коллег в школах передового опыта и на производственно-технических курсах.

В условиях острого недостатка специальной справочной литературы и пособий по эксплуатации и ремонту новых типов локомотивов особой популярностью пользовались памятки по устранению технических неполадок электровозов и тепловозов, составленные более опытными машинистами. Как правило, памятки и инструкции составлялись сразу несколькими машинистами. Они постоянно посещали технические совещания и записывали новые сведения в блокноты, чертили схемы, чтобы в следующий раз, столкнувшись с похожей нестандартной ситуацией, суметь найти оптимальный выход из нее. Машинисты объединяли свои записи и схемы и составляли руководство по ремонту и эксплуатации электровозов. Такая памятка очень быстро становилась достоянием всех машинистов железных дорог Урала. По таким «учебным пособиям» учились не только ветераны-паровозники, но и молодые машинисты-новички.

Процесс углубления знаний, изучения новых локомотивов шел непрерывно. Каждый технический кабинет был снабжен макетами узлов тепловозов и электровозов, плакатами, специальной литературой. Здесь изучали причины неисправностей тепловоза, его конструктивные особенности. Технические занятия с локомотивными бригадами проводились ежедневно. Кроме того, командный состав, машинисты-инструкторы нередко командировались за опытом в другие локомотивные хозяйства, освоившие новую технику, и даже на локомотивостроительные заводы — для более детального ознакомления с конструктивными особенностями новых локомотивов.

Курсы машинистов электровозов с отрывом от производства были организованы на базе электровозных депо Белово, Златоуст, Чусовская. Обучение проводили опытные уральские машинисты-электровозники. Для машинистов, успешно выдержавших экзамен на право управления электровозом, была создана специальная школа обучения работе в зимних условиях. В 1960-е гг. коллектив Чусовского электровозного депо дал многих квалифицированных машинистов и рабочих по обслуживанию электровозов для всей сети железных дорог СССР.

На основе проанализированных фактических и статистических материалов можно сделать ряд выводов. Во-первых, в середине 1950-х — 1990 гг. на железнодорожном транспорте Урала проделана большая и сложная работа по обучению и повышению квалификации работников массовых профессий. За

предельно короткие сроки через производственные курсы и дорожные технические школы прошли практически все работники. Важнейшим источником неквалифицированной рабочей силы для железных дорог Урала стала Советская Армия.

Во-вторых, модернизация железнодорожного транспорта Урала в данный исторический период была осуществлена на основе электрификации и введения тепловозной тяги. Модернизационные импульсы, проникая сначала в материально-техническую базу транспорта, вызывали серьезные изменения в его кадровом потенциале. Последствиями этих изменений для рабочих кадров стали: повышение образовательного уровня работников и их квалификации, активное освоение новой техники непосредственно на предприятии, преодоление психологического барьера при встрече с новым.

Библиографический список

1. *Зимина Т. И.* Партийное руководство общеобразовательной школой на Урале (1959–1970 гг.). Красноярск, 1984.
2. *Крючков М. Т.* Подготовка и повышение квалификации рабочих массовых профессий на Свердловской железной дороге (1945–1965 гг.) // Страницы истории России: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2002.
3. *Локомотивщики.* История локомотивного хозяйства Южно-Уральской железной дороги / под общ. ред. А. Л. Казакова. Екатеринбург, 2007.
4. Начальное профессиональное образование на Среднем Урале. 1917–1990 гг. / науч. ред. М. Т. Крючков. Екатеринбург, 2007.

A. A. Konov

Candidate of Historical Sciences, Urals State University of Railway Transport, (Yekaterinburg, Russia)

Training and Professional Development of the Workers on the Sverdlovsk railway in 1956–1991

The article deals with the problem of training of workers for the Sverdlovsk railway in 1950–1991 and investigates the main sources of the working personnel for the railway. The author concludes that demobilized servicemen of the Soviet Army and the railway technical schools were the most significant sources of the workers for Ural railways.

Key words: working staff, labor conditions, the vocational training school, railway, the railway technical school, electrification

К ПРОБЛЕМЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

В статье указывается на необходимость анализа социокультурных особенностей, определяющих региональное развитие. Основное внимание уделяется характеристике процессов, которые повлияли на формирование «уральского характера» и определили особенности экономического менталитета населения.

Ключевые слова: социокультурные характеристики, «уральский характер», этноконфессиональная культура, консорция, горнозаводское хозяйство

В отечественной науке все большую популярность приобретает модернизационный подход, в контексте которого уровень развития различных отраслей экономики, уровень благосостояния людей в тех или иных регионах рассматривается через инновационно-технологические параметры. Несомненно, технологический и экономический способы производства, динамика развития производительных сил обуславливают особенности региональной экономики. Но, на наш взгляд, целесообразно изучать экономическую культуру региона через анализ факторов, определяющих модель поведения человека, действующего в определенной системе цивилизационных и социально-экономических координат.

При анализе особенностей экономического развития Урала стоит учитывать такие социокультурные характеристики, которые определяют своеобразие регионального развития. Среди них стоит учитывать и предпочтительные сферы жизнедеятельности, и иерархию ценностных приоритетов населения, и особенности уральского менталитета, и этноконфессиональную культуру и т. п.

Анализ проблем народонаселения показывает, что в силу специфики местных природно-климатических, экономических, исторических и социальных условий у населения региона сложился своеобразный «уральский» характер. С точки зрения синергетического подхода, уральское народонаселение представляет особый субэтнос, для которого характерными признаками является пассионарность и готовность к мобилизации всех усилий в чрезвычайных условиях [1; 7]. «Основные черты этого характера, — писал С. Г. Струмилин, — пионерская энергия, сметливость и уральская напористость в труде и боях... Не осталась без влияния на этот характер, вероятно, и та небольшая примесь туземной пермяцкой крови...» [6, с. 424].

Еще в XIX в. были выдвинуты теории (А. П. Щапов, Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев и др.) о возникновении на окраинах страны своеобразных региональных этнокультурных групп великорусского народа (в результате

*Лариса Александровна Коноплева

К.и.н., Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия; kip-lak@mail.ru

«скрещивания» переселенцев с местными народами). В 1920-е гг. в связи с проблемами районирования Урала вновь приобрел актуальность вопрос о своеобразии региональной культуры. Так, П. С. Богословский представил Урал как особое географическое пространство со специфическими формами социальной и культурной жизни. Ученый подчеркивал, что в данном регионе существовала и существует «своеобразная городская цивилизация» с особой «мировоззренческой сущностью» и «специфическим стилем художественного оформления». Он утверждал «право Урала и Прикамья на особое внимание со стороны историка культуры» [4, с. 86–97].

В современной литературе единого взгляда на эту проблему не достигнуто, она до сих пор остается дискуссионной. По вопросу об образовании на Урале особой региональной этнографической группы русского народа высказываются две прямо противоположные точки зрения. Одни исследователи (Н. А. Миненко и др.) считают, что «нет оснований говорить о формировании региональной историко-культурной общности русских» на Урале, другие (Н. Г. Чагин и др.) полагают, что на Урале в русской среде шли консолидационные процессы, завершившиеся образованием компактной и зрелой в этническом отношении группы населения.

Несомненно, менталитет и социокультурные особенности определяются доминантами экономического состояния, типом хозяйственной деятельности, уровнем жизни, иерархией ценностных ориентиров. Всякому социальному явлению, а освоение Урала и было мощным социальным явлением, предшествует объединение в консорциум некоторого числа друг другу симпатизирующих людей. Важным обстоятельством является признание, что эти люди направили свои усилия на созидательную деятельность, что в результате были созданы условия для превращения Урала в «опорный край державы». От характера народонаселения зависят такие экономические показатели как структура производства, формы собственности и формы экономического управления, принципы и способы организации производства, экономическое поведение и совокупность нравственных норм, определяющих производственную культуру.

Поэтому мы считаем целесообразным остановиться на характеристике процессов, которые повлияли на формирование «уральского характера» и определили особенности экономического менталитета уральского населения. Для выявления социокультурных и экономических признаков уральского субэтноса необходимо рассмотреть историю колонизации Урала и особенности миграционной политики.

Заселение и освоение края русскими и представителями других народностей, выходцами из сопредельных регионов — глобальный, всемирно-исторического масштаба процесс, сыгравший исключительно важную, ключевую роль в территориальном расширении российской государственности в восточном направлении. Переселенцы совместно с коренными жителями приспособлялись к жизни в неблагоприятной экологической зоне, к сложным природно-климатическим условиям. Это требовало значительных усилий, и посылно было, как правило, людям пассионарного типа. При этом

«...отличие уральцев от жителей остальной России можно объяснить тем, что на Урале в результате искусственно организованного дрейфа сюда пассионарности сформировалась крупномасштабная консорция» [7, с. 55]. В процессе эволюции в «уральскую консорцию» вошли и коренные жители Урала, и казачество, и промысловики, и крестьяне. Каждая группа несла свой социально-культурный и экономический уклад.

Как отмечают историки, мощное миграционное движение на Урал и далее на восток, в Сибирь, продолжавшееся в течение более семи столетий, то ослаблявшееся, то усиливавшееся в разные периоды, было обусловлено:

- объективным геополитическим положением Российского государства, его местонахождением в глубине континента Евразии;
- внутренним динамизмом русского этноса, его высокой миграционной активностью;
- стремлением вовлечь в хозяйственный оборот богатейшие природные ресурсы незаселенных или слабозаселенных соседних территорий;
- деятельностью таких государственных и промышленных деятелей, как В. Н. Татищев, В. И. Геннин, Демидовы, Строгановы и др.

Нельзя отрицать и стремление феодальной элиты обеспечить заводы рабочими кадрами за счет применения принудительных методов, насильственного переселения крепостных крестьян и мастеровых из центральной России, присылки солдат, рекрутов и преступников, санкционирования правительством приема на заводы беглых, «гулящих людей», раскольников. Ф. Бродель, характеризуя XV—XVIII вв., отмечал, что Россия, эта «громкая» страна, «экономическое чудище первой величины», «невзирая на еще архаические формы», представляла самостоятельный, самодовлеющий «мир-экономику», «расширявшийся, продвигавший свои завоевания на свои периферийные, почти пустынные области» [2, с. 467]. Вступая в межкультурную коммуникацию с коренными народами и переселенцами из других регионов, люди стали осознавать собственную идентичность именно как людей, живущих в данном пространстве.

Данное мироощущение несомненно усилил и конфессиональный фактор. Значительную роль в формировании «уральского характера» сыграло старообрядчество. К концу XVII — началу XVIII в. на Урале было 39 монастырей, но не православие, а в большей степени старообрядчество повлияло на формирование определенного типа работника. Если каноны православной церкви не способствовали активности человека, проявлению инициативы, то подвижничество раскольников изначально формировало менталитет активного, готового к риску человека. Староверцы — консерваторы по отношению к церкви, в хозяйственной жизни таковыми не являлись. Именно в их среде появились новации, связанные с применением новых технологий хозяйствования. Поселенцы-старообрядцы принесли более высокую индустриальную и сельскохозяйственную культуру, более совершенные орудия труда, более развитые ремесла, более высокие формы социальной организации.

В результате миграционной политики на Урале сформировался своеобразный индустриальный мир, который включал и определенный тип хозяина, и определенный тип работника. Если тот, кто становился хозяином положения, мог аккумулировать в своем хозяйстве все средства для дальнейшего развития, то подавляющему большинству переселенцев пришлось работать в условиях жесткой организации производственной деятельности и нищенского существования. Основной контингент переселенцев составляли крестьяне, но большинству из них грозила судьба работника в горнозаводских округах. В результате своеобразного способа обеспечения промышленного производства людскими ресурсами сложился не менее своеобразный, с точки зрения структуры и пропорций хозяйственной деятельности, социально-культурный тип населения Урала. При этом стоит согласиться с мнением, что «заводской» — не означает наиболее распространенный тип уральца, как «горный» — не означает ландшафтное самоощущение обитателя региона, а лишь доминирующий экономический дискурс и ведомственную принадлежность элиты.

Этот тип социума характеризовался применением промышленного труда на крепостной основе, при сохранении земледельческого производства и связанных с этим материально-бытовой основы и социальных отношений внутри общины. Так, с одной стороны, создавался «мир» предпринимательской активности, а с другой — «мир» работника, вынужденного существовать в условиях нарастающей эксплуатации. К середине XIX в. на уральских заводах, рудниках и промыслах окончательно сложилась система контроля и наказаний. Повсеместно существовала суровая дисциплина, поддерживаемая жестокими телесными наказаниями. В ход шли розги, палки, цепи и кандалы. Наиболее строптивых отправляли в рудники на подземные работы. На казенных заводах с 1834 г. был установлен военный режим, мастеровые приравнивались к солдатам, делились на команды, возглавляемые офицерами, судились военным судом.

Годовой заработок уральского горнорабочего, включая стоимость провианта, составлял от 20–28 до 40–48 руб., в среднем примерно 30–35 руб. В острогах Пермской губернии в те годы содержание арестантского семейства стоило почти столько же. Из этого видно, что жизненный уровень подавляющего большинства уральских горнорабочих в то время был чрезвычайно низким, нищенским. При этом внешне взаимоотношения между владельцами предприятий и работниками носили патерналистский характер. Заводовладельцы бесплатно отпускали своим крепостным рабочим лес, бесплатно предоставляли дрова на отопление жилищ. Крепостные рабочие пользовались бесплатным лечением и бесплатным обучением (там, где имелись заводские больницы и школы), могли получить за незначительные проценты ссуды, в казенных и некоторых частных округах им выдавались небольшие пенсии по старости или в случае потери трудоспособности. Поселив пришлых рабочих на своей земле и превратив их в своих крепостных, заводовладельцы бесплатно отводили им участки для строительства домов, предоставляли им право иметь собственные дома с приусадебными участками. Это были по большей части небольшие однорубные избы с маленькими окнами,

двускатной из драницы или теса крышей. Однако часть мастеровых своих домов не имела и вынуждена была снимать комнаты или углы. На некоторых заводах, а также рудниках и приисках часть рабочих жила в землянках и заводских казармах [5, с. 53]. Эта система патернализма должна была скрыть жестокую палочную дисциплину и обеспечить лояльные отношения между крепостными рабочими и заводской администрацией.

Ведущим фактором индустриального развития становится создание горнозаводской системы хозяйствования. Такая модель управления огромным регионом определяла и социокультурные показатели. Наличие огромных горнозаводских хозяйств было одной из характерных особенностей Урала до середины XIX в. Все эти монополии заводчиков-латифундистов играли достаточно важную роль в экономическом развитии края. Расположенные в одном районе, связанные общностью происхождения, они выделялись более консервативными производственными отношениями. Неслучайно, на раннем этапе индустриализации наличие таких форм производственного объединения обеспечило «процветание» края, но в эпоху расцвета капитализма послужило ведущей причиной упадка. Как отмечает В. В. Мухин, изучение протекавших в этих хозяйствах явлений позволяет глубже понять общий процесс генезиса капитализма и разрушения феодальной системы как на Урале, так и в России в целом [5, с. 3–5].

Горнозаводский комплекс включал в себя не только промышленные сооружения, своеобразные в архитектурном и техническом плане, придававшие индустриальный облик ландшафту Уральского региона, но и особую социальную среду, состоящую из горнозаводского населения, инженерно-технического и административно-управленческого персонала завода, заводо-владельцев. История развития и функционирования горнозаводских хозяйств позволяет увидеть достоинства и недостатки такой модели. Главный недостаток окружной системы горнозаводского хозяйства заключался в том, что «владельческое право», обеспечивая высокие доходы заводчиков, в то же время предопределяло увеличение накладных расходов, стоимость продукции. В отличие от обычного капиталиста-промышленника, который содержит лишь свое предприятие, уральский заводчик содержал церковь, госпиталь, школу, мелкие промышленные заведения, полицию, целый штат чиновников. Содержание всех учреждений, необходимых для жизни небольшого района, включалось в накладные расходы на металлы. Тенденция к возрастанию накладных расходов являлась органическим свойством крепостнического аппарата управления. И чем больше были вотчинные владения заводчика, чем больше сохранялось феодальных традиций в организации производства, тем выше был удельный вес накладных расходов. Так, в начале XIX в. накладные расходы по отношению к производственным составляли у Голицыных 42 %, у Строгановых — 22,6, у Демидовых — 12,5 %; в 1830-х гг. у Голицыных — 48,5 %, у Строгановых — 39,2, у Демидовых — 29,7 % [3]. Тем не менее, эта модель позволила оптимально сочетать аграрный и промышленный тип хозяйственной деятельности. Сформированные в ходе аграрной и промышленной колонизации экономические и социокультурные традиции привели к со-

зданию на Урале сложной многоотраслевой и многоукладной системы хозяйствования.

Библиографический список

1. *Алексеева В. А.* Социальная синергетика. Постмодернистская методология исследования этноса и этногенеза // Наука и оборонный комплекс — основные ресурсы российской модернизации: материалы межрегион. науч.-практич. конф. Екатеринбург, 2002. С.38–46.
2. *Бродель Ф.* Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 1992. Т. 3.
3. История Урала. Горнозаводская промышленность [Электронный ресурс]. URL: <http://uralium.ru>
4. *Мурзина И. Я.* Региональная культура как предмет философско-культурологического исследования // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 29. С. 86–97.
5. *Мухин В. В.* История горнозаводских хозяйств Урала первой половины XIX в. Пермь, 1978.
6. *Струмилин С. Г.* История черной металлургии в СССР. М., 1954.
7. *Шардыко С. К.* Уральцы как суперэтнос // Наука и оборонный комплекс... С. 54–60.

L. A. Konopleva

Candidate of Historical Sciences, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia)

To the Problem of Socio-cultural Development of the Ural Region

The paper points to the necessity of analysis of the socio-cultural characteristics, which determine the regional development. The focus is made on the characterization of processes that have influenced the formation of the “Ural nature” and identified the features of the economic mentality of the population.

Key words: social and cultural characteristics, “Ural nature”, ethno-confessional culture, consortium, mining economy

ПОДГОТОВКА В УГТУ — УПИ ОФИЦЕРОВ ЗАПАСА В 1980–1990-х гг.

На примере деятельности старейшей в Уральском военном округе военной кафедры освещается опыт подготовки офицеров запаса в Уральском политехническом институте (ныне — УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина).

Ключевые слова: военное образование, офицеры запаса, военная кафедра, Вооруженные силы Российской Федерации

Важной формой подготовки резерва для Вооруженных сил в 1980–1990-е гг. выступали военные кафедры гражданских вузов, производившие подготовку, в основном, технических специалистов, которых не могли готовить военные вузы в силу отсутствия высококвалифицированных преподавателей и соответствующей материально-технической базы.

Несмотря на определенные недостатки в подготовке офицеров запаса, выражавшиеся, главным образом, в их слабой практической и методической подготовке, низкой учебной материально-технической базе, недостаточном методическом уровне профессорско-преподавательского состава, военные кафедры выполняли свою задачу по накоплению государственного офицерского резерва. Это подтверждалось различного рода проверками инспектирующих органов и отзывами о службе выпускников из войск¹. Специалисты, призванные из числа выпускников военных кафедр, в большинстве своем, успешно решали задачи, поставленные Министерством обороны.

Офицерский состав военных кафедр комплектовался, в основном, из воинских частей. В то же время качество прибывающего на преподавательские должности офицерского состава оставляло желать лучшего, так как из войск на военные кафедры часто отправлялись офицеры, отрицательно зарекомендовавшие себя в войсках, что в дальнейшем негативно сказывалось на организации учебно-воспитательного процесса².

Военная кафедра Уральского политехнического института (далее — УГТУ — УПИ), старейшая военная кафедра округа, созданная в 1936 г.³, к настоящему времени выпустила 50 тыс. офицеров запаса. В 1980–1990-х гг. ею было подготовлено около 20 тыс. специалистов, из них 10 % были призваны в ряды Вооруженных сил Российской Федерации [3].

*Анатолий Михайлович Кот

К.и.н., Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; inspector@ustu.ru

¹ЦАМО РФ. Ф. 150. Оп. 859288. Д. 2. Л. 267.

²Там же. Л. 268.

³В 1993 г. кафедра преобразована в факультет военного обучения.

Негативные процессы в государстве и российском обществе в рассматриваемый период не обошли стороной и военные кафедры. В эти трудные годы, когда необходимость мощной и многочисленной армии всерьез оспаривалась политиками, УГТУ — УПИ, а ныне — Уральскому федеральному университету имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, удалось сохранить систему военного обучения.

Ректор УГТУ — УПИ С. С. Набойченко писал: «Я, как ректор, считаю чрезвычайно важным, что военное образование дополняет гражданское и наоборот. Это увеличивает возможности наших выпускников. Кроме того, обучаясь на военных кафедрах, они учатся подчиняться и руководить людьми — опыт для будущих командиров производства бесценный» [1].

Конечно, и этот вуз не обошли катаклизмы тогдашнего времени. Тенденции происходивших в исследуемый период событий можно проследить по данным таблицы.

Таблица 1

Динамика изменения численности студентов и выпущенных офицеров запаса на военной кафедре УГТУ — УПИ в 1980–1990-х гг.

Год обучения	Привлечено к военной подготовке, чел.	Выпущено, чел.	Отчислено, в % к набранным
1985–1987	997	927	7,0
1986–1988	1 158	1 065	8,0
1987–1989	1 046	256	75,5
1988–1990	1 059	648	38,8
1989–1991	810	278	65,7
1990–1992	919	612	33,4
1991–1993	1 026	760	25,9
1992–1994	778	598	23,1
1993–1995	860	617	28,0
1994–1996	1 202	682	43,3
1995–1997	1 208	668	44,7

Таблица составлена по: Архив ГОУ ВПО «УГТУ — УПИ». Ф. 227-р. Оп. 2-л. Приказы ректора Уральского политехнического института от 04.06.1985 г. № 246/у; от 01.10.1986 г. № 478/у; от 09.10.1987 г. № 528/у; от 03.11.1988 г. № 667/05; от 06.12.1989 г. № 670/05; от 27.11.1990 г. № 701/05; от 23.10.1991 г. № 641/05; от 21.10.1992 г. № 688/05; от 02.11.1993 г. № 751/05; от 31.10.1994 г. № 552/05 «О привлечении студентов к военной подготовке».

Анализ данных, приведенных в таблице, показывает, что относительная стабильность общественно-политических процессов в стране в начале и середине 1980-х гг. характеризует стабильность и учебного процесса на военных кафедрах в гражданских вузах, что соответствует количеству отчисленных студентов в 7–8 %. В конце 1980-х гг. на фоне процессов демократизации общественной жизни в стране происходили изменения и процесса обучения на военной кафедре. Так, в 1987–1989 гг. произошло

резкое увеличение (75,5 %) числа курсантов, отчисленных с кафедры из-за нежелания учиться.

Причиной такого массового отчисления, в первую очередь, являлось обострившееся на фоне демократизации общественной жизни и процессов, происходивших в стране, негативное отношение к армии. Общественное мнение, сформированное во многом под воздействием появившихся в печати критических материалов о деятельности Вооруженных сил в целом и военных кафедр как непосредственных участников подготовки военных кадров, а также отмена отсрочек от призыва студентов на военную службу и обязательность военной подготовки в вузах, спровоцировали студенческие выступления против существовавших тогда форм и методов военного обучения в высшей школе [4].

Чтобы как-то снять напряжение в студенческой среде, ректор УГТУ — УПИ и руководство военной кафедры были вынуждены в ноябре 1988 г. издать приказ № 667/05 «О совершенствовании учебного процесса по военной подготовке»⁴. Приказом разрешалась досрочная сдача зачетов и экзаменов по дисциплинам военной кафедры для студентов, служивших в армии, отменялись обязательное посещение студентами самостоятельной подготовки, существующие на военной кафедре требования к форме одежды и виду причесок студентов. Преподавателям запрещалось требовать от студентов обязательной отработки занятий при пропуске по уважительной причине. Необходимо отметить, что на определенное время этот приказ возымел действие. В 1988–1990 гг. количество отчисленных студентов по нежеланию учиться сократилось до 38,8 % (см. табл.).

Состоявшийся в ноябре 1989 г. Всесоюзный студенческий форум поставил перед руководством страны вопросы, связанные с подготовкой офицерского резерва и принял резолюцию «О перестройке в области военной подготовки студентов гражданских высших и средних специальных учебных заведений страны». Требования студентов не остались без внимания. В 1990–1991 гг. были разработаны и введены в действие документы по подготовке офицеров запаса в высшей школе, в основу которых были положены следующие принципы: добровольность обучения по программам подготовки офицеров запаса, сближение направленности военной подготовки студентов с основными специальностями вузов, развитие материально-технической базы военных кафедр на основе компьютеризации учебного процесса и внедрения современных методов обучения, привлечение в гражданские вузы молодых офицеров, склонных к научно-педагогической деятельности и др. [2].

Вопросы подготовки мобилизационного резерва, в т. ч. и офицеров запаса, неоднократно рассматривались на Военных советах округа, куда приглашались и начальники военных кафедр гражданских вузов⁵. Это приводило к своевременной и правильной реакции на упущения в ходе организации учебно-воспитательного процесса и состояния материально-

⁴Архив ГОУ ВПО «УГТУ — УПИ». Ф. 227-р. Оп. 2-л. Д. 786. Л. 50–51.

⁵ЦАМО РФ. Ф. 150. Оп. 859287, 859288.

технической базы. Несмотря на все принимаемые меры, общественно-политический кризис 1990-х гг. не обошел стороной и военную кафедру УГТУ — УПИ.

Тенденции происходивших событий в исследуемый период можно проследить в таблице по изменению набранного контингента студентов и выпущенных офицеров запаса на военной кафедре УГТУ — УПИ⁶. Анализ приведенных данных показывает, что последовавшие в 1991–1993 гг. события в стране опять явились катализатором роста отчислений — до 65,7 % от набора.

Несмотря на сложность обстановки, начальник факультета военного обучения полковник Л. В. Хабаров и ректор университета С. С. Набойченко смогли в трудные 1990-е гг. сплотить коллектив факультета, оказать всяческую, в т. ч. материальную помощь в подготовке офицеров запаса. Когда УрВО в 1995–2000 гг. полностью прекратил снабжение факультета военного обучения горюче-смазочными материалами, они нашли возможность обеспечить учебный процесс горючим [1]. Практически во время всего исследуемого кризисного периода в этом вузе не было срывов учебного процесса. Стабильность учебного процесса позволила факультету военного обучения выиграть конкурс на право проведения эксперимента по подготовке кадровых офицеров.

Библиографический список

1. Ветеран Афганистана. 2000. № 12.
2. Змеев В. А. Реформирование военного образования в гражданских вузах // Военная мысль. 1993. № 11. С. 70–71.
3. Историческая справка факультета военного обучения. Екатеринбург. УГТУ — УПИ, 2006.
4. УГТУ — УПИ: Очерки истории. 1920–2005 / под ред. С. С. Набойченко. Екатеринбург, 2005.

A. M. Kot

Candidate of Historical Sciences, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia)

Training of Reserve Officers in the Ural State Technical University (Ural Polytechnic Institute) in 1980–1990s

The paper considers the experience of training the reserve officers in the Ural Polytechnic Institute (now the Ural Federal University named after the first President of Russia V. N. Yeltsin) on the example of the oldest Military Chair in the Ural Military District.

Key words: military education, reserve officers, military chair, the Armed Forces of the Russian Federation

⁶Архив ГОУ ВПО «УГТУ — УПИ». Ф. 227-р. Оп. 2-л.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ: ПРОБЛЕМА ВОСПИТАНИЯ

В статье рассмотрены вопросы воспитания толерантности у молодежи посредством изучения историко-культурного наследия. Автор проанализировал понятийный аппарат, обозначил основные направления и формы работы со студентами по формированию толерантного поведения.

Ключевые слова: толерантность, культурное наследие, воспитание, образование, культурная политика

Одним из ключевых направлений молодежной политики в современной России является целенаправленная деятельность органов государственного и муниципального управления, образовательных учреждений по формированию толерантности в молодежной среде. Очевидно, что в условиях социально-экономической и политической модернизации российской нации как общества, интегрирующего многообразие этнических, конфессиональных, регионально-культурных укладов, проблема гражданской толерантности, взаимоуважения и солидарности становится приоритетом национального развития.

Большой энциклопедический словарь определяет слово «толерантность» так: «Терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению; происходит от латинского *tolerantia* — «терпение» [1]. То есть в основе термина — согласие воспринять нечто (духовное, нравственно-идейное, эстетическое, религиозное) даже в том случае, если это нечто противоречит мировоззренческим установкам самого наблюдателя. Как говорил в свое время Вольтер: «Ваши убеждения мне чужды, но за ваше право их отстаивать я готов пожертвовать жизнью». В Энциклопедии Кольера обозначено следующее понимание: «Толерантность или терпимость, стремление и способность к установлению и поддержанию общности с людьми, которые отличаются в некотором отношении от превалирующего типа или не придерживаются общепринятых мнений. Толерантность — трудное и редкое достижение по той простой причине, что фундаментом сообщества является родовое сознание» [6].

Американский словарь «*American Heritage Dictionary*» определяет толерантность в широком смысле слова как «способность к признанию или практическое признание и уважение убеждений и действий других людей» [5, с. 10]. К. Уэйн дополняет это определение, подчеркивая, что «это не просто признание и уважение убеждений других людей, а признание и уважение других людей, которые отличаются от нас самих, признание как определен-

*Галина Александровна Кругликова
К.и.н., Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия;
kruglickova.galina@yandex.ru

ных личностей, так и социальных или этнических групп, к которым они принадлежат» [3, с. 16]. Это, безусловно, важно для полиэтнического государства, так как традиционно объектом нетерпимости часто выступают этнические культуры и этносы. В современном мире толерантность понимается как сложный культурно-психологический комплекс, в основании которого лежит взаимоуважение и равноправие взаимодействующих социальных субъектов.

Воспитание толерантности, терпимого отношения к другим нациям является одной из основных задач современного общества. Терпимость как никогда ранее важна именно сегодня. Мы живем в век глобализации экономики и все большей мобильности, быстрого развития коммуникации, интеграции и взаимозависимости, в век крупномасштабных миграций и перемещения населения, урбанизации и преобразования социальных структур. Каждый регион многолик, и поэтому эскалация нетерпимости и конфликтов потенциально угрожает всем частям мира. От такой угрозы нельзя отгородиться национальными границами, ибо она носит глобальный характер.

Терпимость необходима в отношениях, как между отдельными людьми, так и на уровне семьи, общины. В школах и университетах, в рамках неформального образования, дома и на работе необходимо укреплять дух терпимости и формировать отношения открытости, внимания и солидарности друг к другу. Средства коммуникации способны играть конструктивную роль в содействии свободному и открытому диалогу и обсуждению, распространения ценностей терпимости и разъяснения опасности проявления безразличия по отношению к набирающим силу группам и идеологиям, проповедующим нетерпимость.

Мир невозможен без терпимости. Развитие и демократия невозможны без мира. В современную эпоху глобализации границы размываются, а нравственные ценности подменяются псевдокультурой. И здесь возникает острая проблема: как не отстать от объективного процесса глобализации, но при этом не потерять свой национальный менталитет и суверенитет, самобытную и уникальную культуру, те великие ценности, в которых выражается многовековой опыт народного творчества и мудрости. Эти процессы сложны и порой болезненны. Но осознать, кто мы есть сейчас и какими будем в обозримом будущем, — необходимо. И в этом огромная роль принадлежит нашему богатому культурному наследию. Два десятилетия независимого развития нашего государства показало, что без духовной культуры и систематического воспитания молодежи в духе высоких жизненных ценностей продвижение по пути материального благополучия едва ли будет успешным.

Проблема воспитания нового поколения на основе прав человека и его культурных различий является актуальной в современном мире. И культурное наследие играет в этом огромную роль. Если говорить научным языком, то сегодня культурное наследие — это не только памятники культуры и истории, это и окружающая их среда, уникальные историко-ландшафтные территории, инженерные сооружения, нравственные идеалы, нормы поведения, языки, диалекты, традиции и обычаи. А также фольклор, художественные промыслы и ремесла. Все то, что развивает такое понятие как национальная

гордость. Известный немецкий общественный деятель Роберт Белтц писал по этому поводу: «Объекты наследия являются сокровищем нашей страны, и мы должны им гордиться. Более того, этот тихий и впечатляющий язык отдаленного прошлого говорит с нами так властно» [2].

Ни одна культура и ни один народ не может развиваться изолированно от других. Не может быть человека, личности без определенного багажа культуры, неотъемлемой частью которого является наследие прошлого, соединенное с настоящим. И чем богаче это наследие, тем, безусловно, богаче общество в целом, тем открытее оно для других, ведь культура существует на границах взаимодействия этносов, впитывая в себя и их влияние.

В решении этой проблемы немалую роль играет просвещение. Оно нуждается в широкой пропаганде и популяризации среди всех слоев общества через кино, телевидение, газеты и журналы, разнообразные образовательные, научные и учебные программы. Важным является привитие бережного отношения не только к своей культуре и религии, но и культурному наследию разных народов.

Именно культурное наследие является важнейшей составляющей развития духовной и образовательной сферы. Культурное наследие — это питательная среда, формирующая сознание народа. Осознание же собственного Я невозможно вне и независимо от собственной истории, ее героических или трагических моментов, без боли и горечи за незаслуженно забытые страницы или огромную радость от свершенных побед.

Одним из основных принципов культурной политики России является глубокое изучение национальной традиции, признаков идентичности нашего общества, разработка ценностных ориентаций всего комплекса явлений, которые можно объединить в понятие «культурное национальное наследие», а также исследование тенденций эволюции их восприятия и интерпретации современниками и выбор форм культурной модернизации. Известно, что культурная политика с неизбежностью одной из своих сторон обращена в прошлое. Это естественно, потому что культурное наследие любой страны собирается веками, если не тысячелетиями, а современная культурная деятельность в значительной степени складывается на ее основе.

Вопросы создания поликультурной среды как основы для взаимодействия личности с элементами других культур, воспитания уважения к истории, культуре других народов, а также формирования способности учащихся и студентов к личностному культурному самоопределению требуют глубокого изучения и реализации на практике. Опыт работы образовательных учреждений подтверждает, что формирование толерантных отношений между учащимися, студентами может являться одним из условий благоприятного микроклимата в коллективе, так как способствует более глубокому пониманию человеческих взаимоотношений и обогащению духовной культуры каждого.

Поэтому актуальной задачей российского образования и проводимой молодежной политики является выработка практически ориентированных учебных курсов, направленных на обучение педагогов, государственных и

муниципальных служащих (прежде всего, работающих в молодежной сфере) использованию инновационных социальных технологий в целях формирования толерантных моделей социально-политического поведения российской молодежи.

Содержание образования черпается и пополняется из наследия культуры и науки, а так же из жизни и практики человека, т. е. образование является социокультурным феноменом и выполняет социокультурные ценности. В Законе Российской Федерации «Об образовании» отмечается, что содержание образования должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми и народами, вне зависимости от их расовой, этнической, культурной и религиозной принадлежности, способствовать формированию общечеловеческих качеств личности будущего специалиста на основе усвоения универсальных ценностей мировой культуры [4].

В виду специфики своей деятельности учреждения образования обладают большим потенциалом в формировании ценностных ориентиров населения, воспитании полноценной личности и профилактике негативных общественных явлений. Эффективным направлением становится нравственно-эстетическое развитие молодежи, культурное межнациональное взаимодействие, воспитание толерантного отношения к представителям других конфессий и народностей.

Учебный план исторического факультета Уральского государственного педагогического университета по направлению «История» составлен с учетом всестороннего изучения достижений разных эпох и разных стран, их вклада в мировую историю и культуру. Основными содержательными направлениями исторического факультета при организации деятельности по формированию у студентов принципов патриотизма, толерантности и профилактике экстремизма являются:

- правовое просвещение молодежи;
- пропаганда историко-культурного наследия народов, населяющих Уральский регион;
- организация межнационального культурного общения, межконфессионального диалога.

На протяжении всего периода обучения студентам предложен целый ряд спецкурсов и факультативов, раскрывающих огромный потенциал культурного наследия народов мира. Такие курсы как «Памятники истории и культуры г. Екатеринбурга», «Древние языки и античная культура», «Отечественная война 1812 г. История и историография», «Военная история России», «Историческая география», «Охрана памятников истории и культуры», «Музеи города — школе» позволяют узнать малоизвестные страницы народов не только нашей страны, но и всего мира. Знакомство с богатейшим культурным наследием, которое оставили нам предыдущие эпохи, воспитывает в студентах чувство ответственности, бережного отношения к памятникам прошлого, активного изучения и использования их в современном обществе.

Одной из форм работы является проведение практических занятий в музеях г. Екатеринбурга. Знакомство с музейными коллекциями, а также ос-

новами их сбора, изучения и хранения формирует у студентов профессиональный взгляд на историко-культурное наследие как особую ценность, как связующую нить, соединяющую поколения через сохранение и приумножение традиций и ценностей самобытной национальной культуры. Культурное наследие выполняет в данном аспекте социальные функции, служит целям развития науки, образования и культуры, формирования чувства патриотизма, идейно-нравственного и эстетического воспитания.

Учебные практики — археологическая, музейно-этнографическая, архивная знакомят студентов с практическим опытом работы с историко-культурным наследием. Ребята воочию соприкасаются с памятниками прошлого разных народов, а это является основой формирования уважения к истории этих народов, их культуре, религии.

Непосредственными задачами музейной практики является:

- разработка и проведение тематических экскурсий, музейных занятий и программ по патриотическому воспитанию в духе принципов толерантности;
- организация и проведение на базе музеев круглых столов, семинаров и мероприятий совместно с представителями национальных обществ, молодежных организаций;
- выступления и публикации в средствах массовой информации по данной проблематике на основе исторических и краеведческих источников, с опорой на имеющиеся в музее материалы и предметы.

В связи с этим совершенно очевидно, что принципы толерантности необходимо целенаправленно формировать, и, прежде всего, среди подростков и молодежи. Воспитание патриотических чувств — социальная потребность современного российского общества. Укрепление и поддержка чувства национального достоинства — комплексная работа, включающая в себя духовно-нравственное воспитание, формирование гражданского сознания, национального самосознания и исторического мышления.

Кроме того, особое внимание в воспитательной работе исторического факультета уделяется разработке и проведению различных мероприятий, посвященных общегосударственным праздникам, таким как Праздник государственного флага Российской Федерации, День России, День согласия и примирения и др. В последние годы во многих регионах России отмечается также Международный день мира (21 сентября) и Международный день толерантности (16 ноября).

Проведение подобных мероприятий создает условия для формирования толерантного, уважительного и терпимого отношения к достижениям разных народов, а значит сохранения культурно-исторического наследия народов Урала и России, развития и воспроизводства творческого потенциала общества.

Важно отметить, что толерантность не противоречит гражданскому общероссийскому патриотизму. На терпимое отношение к чужой культуре и вере способен только человек, считающий для себя базисной ценностью свой народ, его благо и его право на самобытность. Ценить другой народ может лишь тот, кто с истинным уважением относится к культуре собственного народа и его самобытным традициям.

Таким образом, воспитание толерантности посредством изучения историко-культурного наследия является одной из эффективных форм, направленных на придание историко-культурному наследию определенных функций в общественной жизни и на включение охраны этого наследия в программы общего планирования.

Процесс формирования толерантности в России XXI в. должен строиться как исходя из национальных социальных и политико-культурных особенностей, так и с учетом новейших тенденций совершенствования технологий толерантности, связанных с импульсами информационной макроцивилизации, активным развитием кросс-культурных и сетевых коммуникаций. Это способствует сохранению богатого культурного наследия каждого народа и воспитанию подрастающего поколения в духе общемировых ценностей.

Библиографический список

1. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovopedia.com/14/210/1019708.html> (дата обращения 20.04.2013).
2. Культурное наследие и толерантность [Электронный ресурс]. URL: <http://dipkurier.narod.ru/dip49/kuu.htm> (дата обращения 19.04.2013).
3. Уэйн К. Образование и толерантность // Высшее образование в Европе. Т. XXI. № 2.
4. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html> (дата обращения 20.04.2013).
5. Фэлзон М. Воспитание и толерантность // Высшее образование в Европе. Т. XXI. № 2.
6. Энциклопедия Кольера [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovopedia.com/14/210/1019708.html> (дата обращения 15.04.2013).

G. A. Kruglikova

Candidate of Historical Sciences, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia)

Cultural Heritage and Tolerance: Problem of Education

The article describes how to promote tolerance among young people through the study of historical and cultural heritage. The author analyzes the conceptual apparatus, outlined the main directions and forms of work with students on creating a tolerant behavior.

Key words: tolerance, cultural heritage, education, cultural policy

«ГРЕЧЕСКИЙ СЛЕД» МЕЦЕНАТОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ НА КАРТЕ БАШКИРИИ

Статья повествует о предпринимательской и меценатской деятельности греков на территории современной Республики Башкортостан в XIX — начале XX в.

Ключевые слова: Башкирия, греки, благотворительность, меценатство

В послеоктябрьской отечественной науке, выдержанной в принципах анализа истории сквозь призму классово-борьбы, мир фабрикантов и заводовладельцев оценивался как класс эксплуататоров, враждебный и чуждый чаяниям трудового люда. По большому счету, так оно, наверное, и было, отражением чего служили многочисленные челобитные и жалобы [2, с. 65–66; 5, с. 372, 402; 8, с. 100, 108], а также прямые бунты и восстания как подневольного заводского люда, так и башкир, чьи вотчинные земли расхищались пришлыми заводовладельцами. Свое место среди последних в середине XIX в. заняла и фигура уроженца Таганрога [6, с. 2], петербургского грека Дмитрия Егоровича Бенардаки (1800–1870). Нынешним петербуржцам и гостям города на Неве хорошо известен его двухэтажный особняк на Невском проспекте недалеко от Фонтанки: выстроенный в духе классицизма дом № 86 — ныне дом работников искусств имени К. С. Станиславского, где в середине XIX в. в гостях у хлебосольного хозяина бывали многие «коллеги по занятиям», т. е. банкиры и заводовладельцы-предприниматели. Однако не менее часто этот дом любили посещать и деятели литературы, в частности, уроженцы Башкирии Аксаковы.

Так, осенью 1839 г. Сергей Тимофеевич Аксаков занял у хозяина грека 2 тыс. руб. на нужды Н. В. Гоголя. Позднее в своих воспоминаниях автор «Аленького цветочка» писал о Бенардаки: «Этот грек — умный, но без образования, был единственным, кто назвал в Питере Гоголя гениальным писателем и знакомство с ним ставил себе за большую честь» [1, с. 169 сл.]. Позднее, в апреле 1867 г., здесь И. С. Тургенев публично читал отрывки из романа «Дым» [7, с. 394]. Здесь же озвучивал не раз свои произведения сам С. Т. Аксаков [4, с. 243–248], и, разумеется, завсегдатаем особняка заводовладельца был Н. В. Гоголь. Последний, видимо, очарованный эрудицией и обходительностью питерского грека, даже взял его за прототип для образа помещика Констанжогло из второго, незавершенного тома «Мертвых душ». Позднее М. Н. Погодин, еще один известный литератор, публицист и книгоиздатель, говоря о встречах Гоголя и Бенардаки, вспоминал, что «в материалах «Мертвых душ» характер Констанжогло во II части писан... прямо

*Евгений Анастасович Круглов

К.и.н., Башкирский государственный университет, Уфа, Россия; bbb81@mail.ru

с него» [1, с. 174]. Так вот, живой прообраз Констанжогло — Дмитрий Егорович Бенардаки, используя свои немалые денежные ресурсы от доходов уральских заводов, активно занимался благотворительностью в городе на Неве. Речь идет о церкви св. Дмитрия Солунского, небесного защитника Дм. Бенардаки, на чьи деньги и она была возведена в 1861–1866 гг. на Лиговском проспекте Санкт-Петербурга напротив греческого посольства. Отсюда и второе название ее — «греческая церковь».

Возведенная по проекту питерского зодчего Р. И. Кузьмина в классическом византийском стиле, как несомненный памятник архитектуры, пережив вместе с Исаакием и Спасом-на-Крови погромы 20–30 гг. XX в. и действуя в 40–50 гг., она была окончательно снесена в 1961 г. [10, с. 119]. На ее месте был возведен архитектурно-безвкусный концертный зал «Октябрьский». Потрясенный этим проявлением «торжества» хрущевской «оттепели» Иосиф Бродский в стихотворении «Остановка в пустыне» не без горечи констатировал:

Так мало ныне в Ленинграде греков,
да и вообще — вне Греции — их мало...,
что мы сломали греческую церковь,
дабы построить на свободном месте
концертный зал. В такой архитектуре
есть что-то безнадежное...
Но что до безобразия пропорций,
то человек зависит не от них,
а чаще от пропорций безобразия...

Увы, пропорций безобразия оказалось гораздо больше количества греков в северной столице. И построенный благодаря Д. Е. Бенардаки великолепный византийский храм спустя сто лет после возведения остался только на фотоснимках первой половины XX в.

У других же сооружений, возведенных на средства Бенардаки, судьба оказалась более счастливой. И мы переносимся с берегов Невы на берега Белой, в Башкирию середины XIX в. Здесь удачливый откупщик, золотодобытчик и банкир Дмитрий Егорович Бенардаки вошел в историю края с репутацией весьма ловкого предпринимателя. Именно таким, после выхода в отставку со службы в Ахтырском гусарском полку в звании поручика и удачной женитьбы на дочери богатого заводовладельца из Калужской губернии, он и предстает со страниц ряда исследований по истории горного дела Башкирии. Доведя затем на винных откупах свое состояние до 20 млн руб. [3, с. 333–334] и став 1-м греком — миллионером России, Д. Е. Бенардаки с методичной последовательностью строит Сормовский механический завод, 3 чугуно-плавильных завода в Вологодской губернии, 2 — в Вятской, а в 1837 г. приобретает у Осокиных 3 медеплавильных завода в Белебеевском уезде Башкирии с 8 деревнями крепостных крестьян из Тульской губернии [9; 12 с. 211]. Двадцать лет спустя, в 1859 г., он у местного помещика Н. Е. Тимашева приобрел, сверх указанного, 2 завода в Оренбургской губернии (ныне — Белорецкий район

Республики Башкортостан), откуда по реке Белой к уфимской пристани шли караваны его барок, груженных железными изделиями, в то время как местные вотчинники и пореформенные пост-крепостные еще долго посредством жалоб «в верха» пытались восстановить свои поправные права и льготы [8, с. 100, 108].

Эти и подобные им иные факты жизнедеятельности Д. Е. Бенардаки, повторим, хорошо изучены и освещены в краеведении, между тем как наследие этой деятельной натуры было шире и глубже одной только лишь горнозаводской сферы. В силу ряда причин (может быть, сказалась и ментальность православного грека) наследие Бенардаки в Башкирии не правомерно ограничивать только эксплуататорским отношением к заводчанам — своим подданным, так как в характере этого петербуржца, близкого знакомого Н. В. Гоголя, было нечто еще, что не вписывается в сухие рамки трафаретного заводчика-эксплуататора.

Мы имеем в виду известные науке факты его несомненной меценатской деятельности. Приобретя ряд заводов в Белебеевском уезде Уфимской губернии, Бенардаки тотчас приступил в 1855 г. к строительству в крупнейшем из сел Анновке церковно-приходской школы, дававшей знания сельским детям и просуществовавшей при церкви в честь св. Георгия Победоносца вплоть до 1916 г.¹ Таким образом, православные жители этого села получили от Бенардаки, несомненно, полезное наследие, которое давало свои благие плоды более полувека. В соседнем селе Елизаветино (ныне — Туймазинский район Республики Башкортостан) Д. Е. Бенардаки строит новый православный храм, а также проводит реконструкцию уже действовавшей Троицкой церкви, которая после ремонта 1915 г.² [13, с. 99–100] больше не ремонтировалась. Вновь, как и в случае с селом Анновка, мы имеем перед собой пример несомненной благотворительной деятельности в интересах православных прихожан.

Наряду с церковным строительством, Дмитрий Егорович уделял внимание учебно-просветительской деятельности. Параллельно с церковно-храмовым строительством петербургский грек принял самое деятельное участие в устройстве приходского училища в городе Белебее. Позднее, в 1860 г., вклад в размере 300 руб. на дальнейшее обустройство уже действовавшего училища сделал старший сын Дмитрия Егоровича — Леонид. И пока старший сын попечительствовал в Белебее, а средний — Николай — переводил в Петербурге на английский язык «Горе от ума» А. С. Грибоедова (издано в Лондоне в 1857 г.), отец с удвоенной энергией руководил еще двумя проектами храмового зодчества. Первый — это уже упомянутый выше храм Дм. Солунского в Питере, второй же — в селе верхний Авзян (ныне — Белорецкий район Республики Башкортостан), где построенная еще в XVIII в. церковь Казанской Божией Матери в 1830–1840 гг. на средства Бенардаки была капитально перестроена в духе классицизма по проекту заводского архитектора Н. Захарова [11, с. 147–148; 13, с. 36–37] и расписана

¹Уфимские епархиальные ведомости. 1916. № 14. С. 487.

²Там же. 1889. № 19. С. 618; 1915. № 20. С. 816.

фресками петербургских художников. Несмотря на невозполнимые утраты фресок в 30-х гг. XX вв., Казанско-Богородская церковь Верхнего Авзяна с 1992 г. вновь возвращена прихожанам Белорецкого района, напоминая им о меценатском наследии грека-заводчика середины XIX в. Д. Е. Бенардаки.

Впрочем, прообраз гоголевского Констанжогло был не единственным, кто оставил свой греческий «след» на карте Башкирии. Еще в 1851 г. в селе Леузы (ныне — Кигинский район Республики Башкортостан) была освящена деревянная церковь Живоначальной Троицы, которая к лету 1895 г. была переоснована в кирпично-каменный Троицкий храм на 300 чел.³ В 1911 г. проживавшие тогда в Леузах греки Аркадий и София Доники-Иорданеско, брат и сестра, сделали в церковь солидное пожертвование в виде облачения и позолоченной утвари⁴.

Примерно в те же годы, когда благотворительствовали на севере Башкирии Доники, в Уфе на рубеже XIX–XX вв. развернул свою многостороннюю деятельность купец-меценат Александр Иванович Родоканаки, корни которого уходили в греческие кварталы Одессы [14, с. 144 сл].

Официальные справочники Уфимской губернии начала XX в., вплоть до начала I Мировой войны, ежегодно фиксировали на своих страницах целый ряд благотворительных организаций и обществ, неизменным членом-меценатом каковых был одесско-уфимский грек. Среди них — Уфимское Аксаковское общество рыбоводства и рыболовства, Уфимский отдел Российского общества сельско-хозяйственного птицеводства, а также Общество Взаимного страхования от огня, где А. И. Родоканаки председательствовал с 1914 по 1917 гг.⁵ Однако главная сфера приложения купеческих средств и сил Александра Ивановича лежала в ином.

Прекрасно сознавая, что многочисленные бунты и восстания местного населения из недавнего прошлого были вызваны строительством заводов (в т. ч. и заводов Бенардаки) на расхищенных казной общинных землях башкир, А. И. Родоканаки посвящает свои силы и энергию «правильному землеустройству и межеванию» земель в границах тогдашней Уфимской губернии. Вот почему с открытием в 1899 г.⁶ в Уфе Землемерного училища в его преподавательский состав вошел и межевой инженер, коллежский секретарь Родоканаки. В 1910 г. для улучшения учебного процесса по преподаваемой дисциплине им было подготовлено и издано авторское учебное пособие объемом в 174 с. (почти 10 п. л. по современным меркам)⁷, чем мог похвастаться в те годы далеко не каждый преподаватель.

На базе этого училища в 1914 г. было создано и в вплоть до Октября действовало благотворительное «Общество вспомоществования

³ Там же. 1894. № 7. С. 242.

⁴ Там же. 1896. № 3. С. 188–191.

⁵ Адрес-календарь Уфимской губернии (АКУГ) на 1912 г. Уфа, 1912. С. 67–68; АКУГ на 1913 г. С. 82; АКУГ на 1914 г. С. 44, 81–82; АКУГ на 1915 г. С. 44, 81–82; АКУГ на 1916 г. С. 44, 81; АКУГ на 1917 г. С. 44, 80.

⁶ АКУГ на 1899 г. С. 201–202; Алфавитный список должностных лиц и общественных деятелей г. Уфы с указанием адресов // Справочная книга г. Уфы / сост. Членами Уфимской городской полиции. Уфа, 1911. С. 224: Родоканаки Александр Иванович, препод. земл. уч. Прожив. по адресу: ул. Достоевского, 61.

⁷ Родоканаки А. И. Особые и местные межевания и землеустройство / сост. межевой инженер А. И. Родоканаки: в объеме программы Землемерных училищ. Уфа, 1910.

нуждающимся учащимся», непременным членом Ревизионной комиссии которого был купец-преподаватель-меценат А. И. Родоканаки⁸. Таким его доносят до нас справочники Уфы и Уфимской губернии вплоть до Октября, после которого многие вышеуказанные организации и общества были распущены, перестали выходить и регулярные с 1873 г. справочники.

Библиографический список

1. Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / собр. соч. Т. 3. М., 1985.
2. Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Из истории южноуральских горных заводов XVIII-XIX вв. Уфа, 1993. Ч. II.
3. Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Из истории южноуральских горных заводов XVIII-XIX вв. Уфа, 1985. Ч. I.
4. Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. С. Т. Аксаков. Семья и окружение. Уфа, 1991.
5. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX в. Уфа, 1997
6. Кессиди И. Х. Дмитрий Бенардаки // Эвксинос Понтос. № 1-2 (89). 2011.
7. Литературные памятные места Ленинграда. Л., 1959.
8. Мударисов Р. З. Горнозаводская промышленность Южного Урала в первой половине XIX в. Уфа, 1998.
9. Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII век. Заводы и заводовладельцы. М., 1962.
10. Синдаловский Н. А. Петербург: От дома к дому. СПб., 2002.
11. Уфимская епархия русской православной Церкви / сост. П. В. Егоров, Л. Г. Рудин. М., 2005.
12. Хусаинова Р. Ф. Промышленное хозяйство Осокиных // От Древности к Новому времени. Вып. 16. Уфа, 2011.
13. Ширгазин А. Р. Православные храмы Башкирии. История. Архитектура. Уфа, 1995.
14. Янницы Ф. Греческим мир в конце XVIII — начале XX в. СПб., 2005.

Е. А. Kruglov

Candidate of Historical Sciences, Bashkir State University (Ufa, Russia)

The “Greek Trace” of Patrons of Enlightenment on the Map of Bashkiria

The paper focuses on business and patronage activities of Greeks on the territory of the modern Republic of Bashkortostan in the 19th — early 20th century.

Key words: Bashkiria, Greeks, charity, patronage

⁸АКУГ на 1909 г. С. 36; АКУГ на 1911 г. С. 37; АКУГ на 1912 г. С. 44; АКУГ на 1914–1916 гг. С. 79; АКУГ на 1917 г. С. 78.

ИСТОРИЯ ДВИЖЕНИЯ ЗА СОХРАНЕНИЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ В СТРАНАХ АЗИИ

Статья посвящена проблеме сохранения индустриального наследия в странах Азии. На примере Тайваня, Китая и Японии, имеющих длительную индустриальную традицию, рассмотрены основные направления и способы увековечения и актуализации знания о промышленном достоянии страны.

Ключевые слова: индустриальное наследие, Международный комитет по сохранению индустриального наследия (ТИССИН), страны Азии

Интерес к индустриальному наследию появился во многих странах, главным образом, европейских, еще в первой половине XX в., в связи с необходимостью изучения промышленного производства, особенно в тех государствах, которые имеют давние индустриальные традиции. Определенную роль сыграло то, что с середины XX в. происходит технологический прорыв в системе производства, в области коммуникаций, появляются новые материалы. Многие объекты промышленного производства становятся устаревшими и требуют замены. В это же самое время происходит исчезновение целых индустриальных секторов: горного дела, производства газа. Большинство других отраслей продолжает существовать фрагментарно. При этом они приобретают новую ценность — в качестве образцов и памятников индустриальной истории.

Опыт европейских государств по сохранению индустриального наследия активно осваивается и находит применение в восточных странах. Так, в Международный комитет по сохранению индустриального наследия (ТИССИН) на настоящий момент входит четыре государства Азии: Индия, Китай, Тайвань, Япония.

Особенно представительным выглядит Тайвань¹, национальная ассоциация которого называется «Общество истории архитектуры Тайваня». По этой тематике выпускается два журнала: Журнал по сохранению культурных ценностей и традиционных искусств (раз в два месяца) и Альманах по сохранению культурных ценностей Тайваня. На сохранение памятников национального наследия направлена деятельность многих учреждений: Департамент сохранения архитектуры при Национальном Тайваньском университете искусств, Институт охраны памятников культуры и музееведения, Департамент по сохранению культурного наследия при Национальном университете науки и технологии и др.

*Елизавета Сергеевна Лахтионова

К.и.н., Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; elza1982@yandex.ru

¹Тайвань занимает важное место в глобальной экономике. Он — один из ведущих игроков в мировой индустрии информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и один из главных поставщиков товаров по всему индустриальному спектру.

Как одна из форм деятельности данных организаций — регулярно проводимые конференции, семинары и конгрессы². Совсем недавно, в ноябре 2012 г., именно в Тайване состоялся первый конгресс ТИССИИ на территории Восточной Азии. Материалы этого конгресса опубликованы в ряде изданий [3]. От Российской Федерации участвовал и выступил с докладом национальный представитель ТИССИИ в нашей стране, профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории науки и техники УрФУ В. В. Запарий [3, р. 19].

Там же была принята Тайпейская декларация о создании Азиатской секции ТИССИИ, где изложены основные цели и направления ее работы. Признавалось, что такие быстрые изменения, как рост городов и населения, развитие промышленных структур, появление современных технологий и методов производства ведут к гибели памятников индустриального наследия в городских и пригородных районах. В связи с этим обязательной и первоочередной задачей объявлялось сохранение индустриального наследия на международном, национальном и местном уровнях. Особо оговаривалось, что промышленное развитие в Азии значительно отличается от западного. Поэтому определение «промышленное наследие в Азии» должно быть расширено и дополнено технологиями, техникой и производственными объектами, созданными в условиях антропогенной среды в период до индустриальной революции и после нее. Поскольку индустриальное наследие тесно связано с конкретными жизненными историями, личными воспоминаниями и переживаниями местного населения, то для его сохранения необходимо активно привлекать и поощрять местных заинтересованных жителей. Следует учесть, что многие ключевые элементы индустриального наследия в Азии были импортированы колонизаторами — представителями стран западного мира. При этом в деле сохранения индустриального наследия должна быть проявлена гибкость: с одной стороны, учтен весь накопленный западным миром опыт в данной сфере, а с другой — сохранены уникальные особенности развития промышленности на территории азиатских стран [2].

Главным способом сохранения культурного, индустриального и природного наследия в странах Азии стала музеефикация многих неиспользуемых индустриальных сооружений, таких как угольные шахты, сахарные и винные заводы, фабрики электроники. Примером может служить Золотой экологический парк «Жингуаши» (Jinguashi Gold Ecological Park), открытый для посетителей в 2004 г. на Тайване. Вообще это первый музей, ставящий целью полностью сохранить ценные природные ресурсы, ландшафт, историческую память и культурное достояние Жингуанши. Парк представляет собой музейный комплекс, в который входят: музеи добычи и переработки золота, Беншанский туннель, Экологический образовательный центр, Туристический информационный центр, Геологический парк, Золотой храм, Золотой водопад. Эти и многие другие природные и индустриальные объекты стали объектами развития внешнего и внутреннего туризма [5].

² Об этом см. сайт национальной ассоциации Тайваня. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.saht.org.tw/>

Еще один яркий пример музеефикации памятников индустриального наследия демонстрирует Китай. На территории бывшего металлургического гиганта «Шоуган» на западе Пекина вскоре появится новая зона отдыха. Вредное производство перенесли из китайской столицы на остров Цаофэйдянь в Бохайском заливе еще два года назад. С тех пор заброшенную промзону облюбовали фотографы. Теперь парк Шоуган официально открывается для посетителей.

Шоуган — один из пяти крупнейших производителей металла в Китае, когда-то здесь работали 270 тыс. чел. Завод создали еще в 1919 г., до образования КНР он выплавлял только железо, а в 1958 г. стал первым сталелитейным производством в Китае. Произошло это не без помощи Советского Союза. В 2005 г. Шоуган попал в программу по улучшению экологической среды Пекина. Госсовет КНР решил перенести металлургическое производство на искусственный остров Цаофэйдянь в Бохайском заливе. Амбициозный план полностью реализовали в 2010 г. По официальным данным, после переезда завода, ежегодный объем вредных выбросов в Пекине сократился на 80 млн т (на 70 %). Сейчас на территории бывшего завода непривычно тихо. Технологическое озеро в центре промзоны раньше использовали для охлаждения агрегатов, сейчас это излюбленное место отдыха любителей рыбалки. Зеленую зону облагородили и расширили.

Планируется бывший металлургический гигант «Шоуган» превратить в парк культуры и творчества. Через 5–10 лет кроме индустриальных руин здесь появятся исследовательский центр, творческая зона и район достопримечательностей. В работе по преобразованию старого Шоугана будет использовано оставшееся индустриальное наследие с целью превращения бывшего завода в новый комплексный парк, в котором будут и культурные, и туристические, и исследовательские ресурсы.

Также на территории завода находится гора Шицзиншань, на которой расположен заброшенный комплекс из трех даосских храмов, построенных более 400 л. н. Сейчас здесь идут восстановительные работы. Комплекс даосских храмов на горе Шицзиншань уже внесен в список культурного наследия Пенкина. После окончания реконструкции сюда потянутся вереницы туристов [6].

Что касается Японии, то в ней уже в декабре 1968 г. был создан Японский национальный траст по сохранению культурного и природного наследия под патронажем Министерства транспорта. Цель его создания — сохранение и управление значительными природными и культурными ценностями Японии, в том числе и памятниками индустриального наследия. В деятельности данного траста можно выделить три главных составляющих: проведение обзоров и исследований; документирование исторических мест Японии; исследование их художественно-архитектурной значимости и описание текущего состояния. Кроме того, данная организация способствует развитию связей со все более широкой общественной аудиторией, что несомненно, влияет и на постоянный рост членства в трасте.

После того, как национальный траст Японии был официально освобожден от налогообложения, он сразу стал приобретать недвижимость с целью ее реставрации и публичного использования. В результате данное направление деятельности вылилось в создание центров наследия, для того чтобы привлекать внимание населения и популяризировать местное наследие. В последнее время траст делает акцент на разнообразном индустриальном наследии, например, осуществляет поддержание и функционирование таких объектов, как исторические железные дороги в Ойгаве и Нагахаме. Таким образом, сегодня Национальный траст Японии осуществляет 36 проектов по сохранению объектов природы, истории и культуры, имеет 161 исследовательский проект, управляет шестью собственными объектами [4].

Другая организация, специально направленная на сохранение индустриального наследия в стране восходящего солнца, это Японское общество промышленной археологии, которое выпускает соответствующий журнал. В 2005 г. в Нагое состоялся форум TISSIN. Среди промышленных музеев можно назвать Памятные музеи Toyota и Mitsubishi.

В качестве первого промышленного объекта для внесения в число памятников под охраной ЮНЕСКО стал в 2007 г. Серебряный рудник Ивами (город Одна префектуры Симанэ) и его природно-культурный ландшафт. Серебряный рудник Ивами Гиндзан на юго-западе острова Хонсю представляет собой горный массив, усеянный глубокими речными долинами. Некоторые из этих долин до сих пор хранят следы крупных рудников, плавильных и аффинажных производств и жилых поселений, существовавших с XVI по XX вв. На объекте также сохранились маршруты транспортировки серебряной руды в портовые города, откуда потом руда отправлялась в Китай и Корею. Рудники внесли весомый вклад в общее экономическое развитие Японии и юго-восточной Азии в XVI и XVII вв., спровоцировав массовую добычу золота и серебра в Японии. Территория, на которой когда-то располагался рудник, теперь поросла деревьями. В состав объекта входят также форт, святилища, и частично транспортные маршруты Кайдо к побережью и в портовые города Томогаура, Окидомари и Юоцу. В этих трех городах руду грузили на корабли [1].

Таким образом, история развития движения за сохранение индустриального наследия в странах Азии берет начало с попыток сохранения своего национального культурного и природного наследия.

В статье были кратко рассмотрены лишь три государства, но и на их примере можно сделать следующие выводы: сохранение индустриального наследия выражается в создании региональных и национальных организаций, занимающихся изучением и сохранением памятников промышленного прошлого с целью их музеефикации и консервации; включение национальных представителей в Международный комитет по сохранению индустриального наследия позволяет объединить силы каждой страны в общем деле; проведение различных мероприятий (конгрессов, конференций, симпозиумов и семинаров), в т. ч. и международного уровня, ставит цель привлечь внимание к данной сфере не только специалистов, но и широкого круга заинтересован-

ных лиц; эффективно в связи с этим издание журналов, бюллетеней и газет научного и научно-популярного характера; выработка законодательной базы внутри каждой страны позволяет официально сохранить памятники индустриального характера; привлечение внимания жителей различных стран к сохранению индустриального наследия путем создания туристических маршрутов, охватывающих промышленные центры и музейные комплексы, обеспечивает вышеназванным государствам также и финансовую поддержку.

Библиографический список

1. Akira OITA. National Report 2003–2006, Japan [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ticcih.org/documents/NatRpt.pdf?phpMyAdmin=WvOES0VLw80hy mmLWP7ce3NLkJb>
2. Taipei Declaration for Asian Industrial Heritage [Электронный ресурс]. URL: http://www.ticcih.org/public/docs/TaipeiDeclaration_eng.pdf
3. TICCIIH CONGRESS 2012. The International Conservation for the Industrial Heritage. Proceedings of the XV International Congress of the International Committee for the Conservation of the Industrial Heritage. Series 1, 2, 3. 4–8 november 2012. Taipei.
4. Литвинова О. Г., Романова Л. С. Зарубежный опыт сохранения историко-культурного наследия // Вестник ТГАСУ. 2009. № 1. С. 85–86.
5. Музеефикация промышленного наследия: опыт и перспективы // Музей. Российский партнер журнала Museum International. 2012. № 5. [Электронный ресурс]. URL: http://www.panor.ru/journals/museum/archive/?ELEMENT_ID=59506
6. Чжан Юяю. На территории бывшего завода "Шоугана" восстанавливают комплекс храмов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cntv.ru/2012/05/31/ARTI1338444242858805.shtml>

E. S. Lahtionova

Candidate of Historical Sciences, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia)

The History of Movement for Industrial Heritage Preservation in Asian Countries

The article is devoted to the problem of conservation of industrial heritage in Asia. On the example of Taiwan, China and Japan, which have a long industrial tradition, the author considers the main directions and ways of perpetuation and actualization of knowledge about industrial heritage of the country.

Key words: industrial heritage, The International Committee for the Conservation of the Industrial Heritage (TICCIIH), Asian countries

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В СИБИРИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД¹

В статье анализируются изменения в миграционных процессах Сибири в 1989–2002 гг. Делается вывод, что распад СССР и рыночные реформы трансформировали миграционные движения на постсоветском пространстве, которые устремились с юга на север, с северных и восточных территорий — в западные.

Ключевые слова: миграции, динамика численности, возрастной состав населения, национальный состав населения, перестройка, Сибирь

Ликвидация командно-административной системы, распад СССР и рыночные реформы оказали большое влияние на демографическое развитие России. Рост межрегиональной дифференциации в уровне доходов граждан, прекращение строительства многих хозяйственных объектов изменили направления и интенсивность миграционных потоков, которые стали заметно отличаться от тех, которые имели место в советский период. Если прежде основными при смене места жительства являлись экономические причины, то в 1990-е гг. к ним добавились новые. Заметное ухудшение общественно-политической обстановки в большинстве постсоветских государственных образований подтолкнуло эмиграцию населения. Военные действия, развернувшиеся на территории отдельных республик, ускорили процесс переселения жителей из нестабильных регионов.

Для Сибири этот период являлся особенно важным по целому ряду причин. Исторически динамика численности населения, проживавшего за Уралом, напрямую зависела от государственной политики экономического освоения, проводимой первоначально царской Россией, а в последующем и Советским Союзом. Поэтому свертывание практически всех программ хозяйственного освоения сибирских территорий в 1990-е гг. сразу же сказалось на функционировании многочисленных индустриальных центров, созданных здесь за прошедшие годы. Качественно новые характеристики приобрели и миграционные процессы.

Согласно материалам Всероссийской переписи 2002 г., население Сибири сократилось на 3,5 % (с 24,2 до 23,3 млн чел.), больше чем по России в целом (на -1,3 %). Неблагоприятное демографическое положение стало результатом взаимодействия тенденций, сложившихся в естественном приросте и миграции. При этом за счет переселений Сибирь потеряла в межпереписной период (1989–2002 гг.) 370,0 тыс. чел. (см. табл. 1), тогда как в предше-

*Виктория Васильевна Лыгденова
К.филос.н., Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
victoria.lygdenova@gmail.com

¹Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект №13-31-01285

ствующие годы благодаря интенсивному социально-экономическому развитию у нее сложилось положительное соотношение миграционного обмена с другими районами. Только за 1975–1988 гг. благодаря демографической подпитке извне численность ее населения выросла почти на 1,0 млн чел.

Таблица 1

Сальдо миграции населения Сибири в 1989–2002, тыс. чел.

	Сибирь в целом	Западная Сибирь	Восточная Сибирь
1989	-24,4	+2,8	-27,2
1990	-69,4	-13,2	-56,2
1991	-97,2	-40,6	-56,6
1992	-74,5	-13,7	-60,7
1993	-25,1	+19,3	-44,5
1994	+75,3	+103,4	-28,1
1995	+18,2	+40,9	-22,7
1996	-10,0	+21,3	-31,3
1997	+11,7	+55,1	-43,4
1998	-15,8	+25,4	-41,2
1999	-54,2	-12,5	-41,7
2000	-18,8	+13,1	-31,8
2001	-46,4	-8,7	-37,7
2002	-39,3	-6,0	-33,2
Итого	-369,9	+186,6	-556,3

Таблица составлена по: Численность, состав и движение населения РСФСР. М., 1990. С. 10–11, 87; Численность населения Российской Федерации на начало 1990–2002 гг. (Пересчеты от итогов Всероссийской переписи населения 2002 г.): стат. бюллетень. М., 2006. С. 8–9.

Изучаемый период можно условно разделить на три этапа. Первый из них, охватывающий 1989–1993 гг. и, в свою очередь, состоящий из нескольких подэтапов, можно обозначить как начало демографического кризиса. К концу 1980-х гг. начинает снижаться переселенческая активность граждан страны, что, по всей видимости, связано с неясностью ее дальнейших экономических и политических перспектив в условиях реформ. Расчетные данные показывают, что сальдо миграции РСФСР уменьшилось с 260,0 тыс. чел. в 1987 г. до 63,4 тыс. в 1989 г. В Сибири впервые за долгие годы была зафиксирована миграционная убыль (-24,4 тыс. чел.). Особенно сильно снизился приток населения в Западную Сибирь: с 62,7 тыс. чел. в 1987 г. до 2,8 тыс. в 1989 г., а из восточных регионов начался его отток (2,4 тыс. чел. в 1987 г. и -27,2 тыс. чел. в 1989 г.) [5, с. 10, 120–121; 1, с. 5].

В 1990–1991 гг. экономический кризис продолжал углубляться. Объем валового национального продукта только по официальным данным сократился в 1990 г. на 3,0 % по сравнению с предыдущим годом, в 1991 г. — еще на 5,0 %. Значительно ускорились процессы политической дезинтеграции Советского Союза и хозяйственного обособления регионов. Ухудшилось материальное и финансовое положение трудящихся, увеличился уровень социального расслоения общества, возросла преступность. Отрицательное сальдо миграции Сибири увеличилось с 24,4 до 97,2 тыс. чел. В это время ее стали

покидать наиболее подвижные группы населения, предположительно, трудовые мигранты, которые находились здесь сравнительно недолго [2, с. 101].

Распад СССР и рыночные реформы в России, стартовавшие 2 января 1992 г., привели к крупномасштабному кризису, охватившему практически всю экономику страны. К прежним причинам, вызывавшим миграцию населения, добавились новые. Дезинтеграция Союза ССР привела к возвратному движению этнических меньшинств в «свои» республики. Одновременно с этим резко возросли масштабы перемещений главным образом русскоязычного населения в Российскую Федерацию. Причинами тому служили сравнительно более благополучное социально-экономическое положение России и обострение межнациональных отношений. Отрицательное сальдо миграции сибирских территорий с 1992 г. начинает быстро уменьшаться, а в 1994 г. вообще становится положительным. При этом основной поток переселенцев из ближнего зарубежья направился в Западную Сибирь. В Восточной Сибири баланс прибывшего и выбывшего населения оставался отрицательным на всем протяжении 1990-х гг.

Период 1995–1998 гг. можно с некоторой долей условности назвать этапом демографической стабилизации. Дело в том, что в эти годы снижаются темпы хозяйственного спада, в основном завершаются мероприятия т.н. «шоковой терапии». Несмотря на продолжающееся снижение валового национального продукта, реальных доходов граждан и рост безработицы, население начинает постепенно адаптироваться к условиям переходной экономики [3, с. 171]. После 1994 г. продолжился процесс возвратного переселения преимущественно русскоязычного населения в Российскую Федерацию из сопредельных государств, одновременно с этим объемы обратных перемещений сильно сократились. По-прежнему сохранялись различия в миграционных процессах между Западной и Восточной Сибирью. Дело в том, что западные административные образования оказались в более выгодном положении. Во-первых, отлив населения из восточных регионов позволил им компенсировать часть демографических потерь, особенно тем из них, кто территориально располагался вблизи Транссиба. Во-вторых, в Западной Сибири в силу географической близости осело намного больше мигрантов из бывших союзных республик, особенно Казахстана и Средней Азии.

С 1999 г. начался очередной этап демографического развития Сибири. Улучшилось материальное и финансовое положение граждан, увеличились государственные расходы на социальную сферу, в частности, на здравоохранение, снизился уровень преступности. Однако экономический подъем в стране слабо отразился на балансе миграционного обмена Сибирских регионов. Наоборот, в конце 1990-х гг. снизились размеры переселений с Дальнего Востока и постсоветских государств. Основная часть потенциальных мигрантов уже покинула пределы бывших советских республик, а в социально-экономическом положении последних также начинаются позитивные перемены. К тому же усложнилась процедура получения российского гражданства, ужесточился государственный контроль над переселенческими процессами. В итоге сальдо миграции Сибири становится устойчиво отрицательным.

В межпереписной период в общей численности прибывших в Западную Сибирь существенно возросла доля восточных регионов за счет сниже-

ния удельного веса западных (см. табл. 2). Дальний Восток и Восточная Сибирь оказались в еще менее благоприятном положении, так как по своим природно-климатическим условиям и степени развития социальной сферы они уступали не только европейским регионам России, но и Западной Сибири. Кроме того, перед началом рыночных реформ их сырьевые ресурсы в основном только начинали разрабатываться, а ведь, прежде всего, от них зависели перспективы дальнейшего развития областей, краев и республик в постсоветский период. Именно поэтому, несмотря на сравнительно благополучное положение отдельных административных образований (например, Красноярского края, Иркутской области, Якутии), отсюда начался отток населения. Эмиграции жителей способствовало также и то, что из-за сравнительно позднего хозяйственного освоения Восточной Сибири и Дальнего Востока немалая часть местного населения проживала здесь сравнительно недолго и не успела как следует закрепиться.

Если в 1970–1980-е гг. разница в процентном соотношении прибывших и выбывших из отдельных экономических районов была не очень большой, то в 1990-е гг. западный дрейф миграций стал отчетливо выражен. Так, если из Центрального района прибыло 6,9 % переселенцев в Западную Сибирь, то выбыло в обратном направлении 16,7 % (Дальний Восток соответственно 17,0 % и 5,3 %).

Таблица 2

Удельный вес экономических районов в миграционном обмене с Западной и Восточной Сибирью

Экономические районы	Северо-Западный	Центральный	Волго-Вятский	Центральный	Поволжский	Северо-Кавказский	Уральский	Восточно-Сибирский	Дальневосточный	Калининградская	Всего
Западная Сибирь											
1989–2002											
Прибывшие	4,3	6,9	4,0	1,8	8,5	13,0	26,6	17,5	17,0	0,4	100,0
Выбывшие	6,1	16,7	4,2	4,6	12,6	16,2	22,5	10,7	5,3	1,1	100,0
Восточная Сибирь											
1989–2002											
Прибывшие	5,1	8,6	3,1	3,0	5,5	8,8	9,6	22,9	33,0	0,5	100,0
Выбывшие	6,2	18,9	4,2	5,4	8,6	12,7	10,1	21,1	12,1	0,7	100,0

Таблица составлена по: Продолжительность проживания в месте постоянного жительства. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. в 14 т. М., 2005. Т. 10. С. 296–298, 300–323.

Таким образом, наибольшие миграционные потери Западная Сибирь понесла в обмене именно с европейскими экономическими районами. Поло-

жительное сальдо миграции у Западной Сибири образовалось с Восточной Сибирью, Дальним Востоком и Уралом. В прежние годы западная часть Сибири являлась источником около четверти всех переселенцев, прибывающих в восточносибирские регионы, похожая ситуация сложилась и в дальневосточных административных образованиях. После наступления кризиса трудовые мигранты стремились возвратиться в родные места, те же из них, кто в советское время прибыл в Западную Сибирь из Восточной Сибири или Дальнего Востока, в большинстве своем не желали возвращаться обратно. Таким образом, чем восточнее располагался регион, тем, как правило, демографические потери были выше.

В Восточной Сибири доля прибывающего населения из располагающихся западнее экономических районов также снизилась, а с Дальнего Востока существенно увеличилась. При этом специфика ее территориально-географического местоположения и социально-экономического развития привела к тому, что в миграционном обмене со всеми регионами России, за исключением Дальнего Востока, у нее сложился отрицательный баланс.

В постсоветский период под влиянием различных факторов экономического и неэкономического характера сильно изменилась динамика миграционного оборота Сибири с бывшими союзными республиками. В результате распада СССР и единого народнохозяйственного комплекса, рыночных реформ, произошедших с разной степенью глубины во всех без исключения новых государствах, на постсоветском пространстве произошло резкое ухудшение не только социально-экономической, но и политической обстановки. В Российской Федерации в этом отношении сложилось более благополучное положение. Основная часть нефтегазовой, энергетической, химической промышленности, металлургического комплекса, которые в 1990-е гг. стали главными источниками валютных и бюджетных поступлений, осталась на территории России.

Во многих других республиках основой экономической системы являлись предприятия перерабатывающей и легкой промышленности, а также сельское хозяйство, больше всего пострадавшие от кризиса. В некоторых из них возникли конфликты, которые перетекли в военные действия, например, в Молдавии, Таджикистане и Азербайджане. Безусловно, для части населения это стало весомым аргументом в пользу выезда в более благополучные регионы или за границу. Комплекс вышеназванных причин не мог не повлиять на характер и интенсивность миграционного обмена между республиками. Практически все они, за исключением Белоруссии, понесли значительные демографические потери в обмене как с Россией в целом, так и с сибирскими регионами (см. табл. 3) [4, с. 146–154].

Таблица 3

Миграционный обмен Сибири и союзных республик в 1993–2001 гг., чел.

	Украина	Белоруссия	Прибалтика	Закавказье	Казахстан	Средняя Азия	Молдавия	Всего
Российская Федерация в целом								
Прибывшие	1 238 844	196 971	178 138	806 409	1 730 755	1 241 575	130 040	5 522 732
Выбывшие	708 719	202 145	24 902	95 100	309 477	181 281	58 078	1 579 702
Сальдо	530 125	-5 174	153 236	711 309	1 421 278	1 060 294	71 962	3 943 030
Сибирь в целом								
Прибывшие	198 650	29 861	10 126	77 160	569 459	197 091	26 308	1 108 655
Выбывшие	142 980	37 222	2 867	15 571	124 262	43 283	14 335	380 520
Сальдо	55 670	-7 361	7 259	61 589	445 197	153 808	11 973	728 135
Западная Сибирь								
Прибывшие	142 866	21 904	6 924	54 969	498 841	157 274	19 527	902 305
Выбывшие	95 139	25 305	1 542	11 326	105 207	33 058	9 581	281 158
Сальдо	47 727	-3 401	5 382	43 643	393 634	124 216	9 946	621 147
Восточная Сибирь								
Прибывшие	55 784	7 957	3 202	22 191	70 618	39 817	6 781	206 350
Выбывшие	47 841	11 917	1 325	4 245	19 055	10 225	4 754	99 362
Сальдо	7 943	-3 960	1 877	17 946	51 563	29 592	2 027	106 988

Таблица составлена по: Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. М., 1994. С. 381, 383, 388–391, 396–399; Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 1995. С. 408–409, 414–415; Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 1996. С. 496–497, 502–503; Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 1997. С. 514–515, 520–521; Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 1998. С. 340–341, 346–347; Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 1999. С. 340–341, 346–347; Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 2002. С. 342–345, 348–351.

Таким образом, распад Советского Союза и рыночные реформы трансформировали миграционные движения на постсоветском пространстве, которые устремились с юга на север, с северных и восточных территорий — в западные. Нередко пересекаясь, они формировали неповторимый демографический облик каждого отдельного административного образования или экономического района страны. Переход на принципы самоуправления и самофинансирования областей, краев и республик, а также прекращение политики хозяйственного освоения немедленно отразились на сибирских регио-

нах. Отток жителей принял здесь большие масштабы, однако и сама Сибирь оказалась на пересечении потоков выбывающего населения из Дальнего Востока и бывших союзных республик (Казахстана и Средней Азии). Благодаря этому она смогла компенсировать часть своих потерь, однако в XXI в. из-за истощения миграционного потенциала регионов-доноров на повестку дня встал вопрос о необходимости формирования новой государственной политики экономического развития восточных районов России.

Библиографический список

1. Естественное движение населения РСФСР в 1988 г. Стат. бюллетень. М., 1989.
2. Население Западной Сибири в XX в. Новосибирск, 1997.
3. Российский статистический ежегодник. Ст. сб. М., 2001.
4. Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве. М., 2009.
5. Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1990.

V. V. Lygdenova

Candidate of Philosophical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian branch of the RAS (Novosibirsk, Russia)

Spatial Movements of Population in Siberia during the Post-Soviet Period

The article analyzes the changes in migration processes in Siberia in 1989–2002. The author makes a conclusion that USSR collapse and market reforms transformed migration movements on the Post-Soviet area that were directed from South to North and from northern and eastern territories to western territories.

Key words: migrations, number dynamics, age composition of population, national composition of population, Perestroika, Siberia

СИСТЕМА ПРОСВЕЩЕНИЯ В МАГНИТОГОРСКЕ В ПЕРИОД ФОРСИРОВАННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Статья представляет анализ системы образовательных учреждений в новом индустриальном центре — городе Магнитогорске на протяжении 1930-х гг. Несмотря на сложные социально-бытовые условия и первоочередную задачу — создание металлургического завода, власти уделяли крайне важное внимание обучению горожан всех возрастных категорий.

Ключевые слова: локальная история, история повседневности, история Урала, Магнитогорск, просвещение

Важное значение при исследовании повседневной жизни населения имеет изучение уровня образования человека, так как этот фактор оказывает значительное влияние на остальные элементы культуры личности. Образование должно было стать инструментом объявленной в СССР «культурной революции», что предполагало наличие у каждого человека минимума знаний. Большинство граждан СССР к началу 1930-х гг. оставались безграмотными и малограмотными. Магнитогорск в этом отношении не был исключением. Проблема повышения культурного уровня горожан встала особенно остро. Строительство нуждалось в грамотных рабочих, способных овладеть новой техникой, однако в Магнитогорске процент грамотных был крайне низким. Объяснялось это не только значительным числом крестьян, приехавших на Магнитострой, но и пестрым национальным составом. Дополнительной сложностью решения задачи повышения уровня грамотности населения, а часто и ликвидации безграмотности, являлись сложные бытовые условия и материальные проблемы. Требовались учительские кадры и большая организаторская работа.

Основными направлениями деятельности властей города по повышению уровня образования и грамотности горожан стали, во-первых, создание сети общеобразовательных школ; во-вторых, формирование среднеспециальных и высших учебных заведений на территории города; в-третьих, ликвидация безграмотности среди широких слоев населения.

В течение 1930 г. были созданы штаб по ликвидации неграмотности и «особая комиссия по ликвидации неграмотности» из представителей райкома партии, комсомола, профсоюзов. Уже в октябре 1930 г. горсовет объявил о начале культпохода. Предполагалось, что культармейцы будут выявлять неграмотных и малограмотных и проводить занятия. Если в 1930 г. таковых насчитывалось около 700 чел., то постепенно, с увеличением численности

*Надежда Николаевна Макарова

К.и.н., Магнитогорский государственный университет, Магнитогорск, Россия; makarovania@mail.ru

населения Магнитогорска, их количество возросло до 5 тыс. чел.¹ При этом перед ГорОНО была поставлена амбициозная задача «к 1 января 1931 г. превратить Магнитогорск в город сплошной грамотности и охватить учебной всех неграмотных и малограмотных»². Сформировалась своеобразная конвейерная система, когда курсы ликбеза покидали одни группы и начинали работу новые. Отчеты ГорОНО свидетельствуют о дальнейшем увеличении числа неграмотных и малограмотных в городе. В частности, в октябре 1930 г. было зарегистрировано таковых 2 279 чел., к августу 1931 г. показатель возрос до 9 577 чел. Процент охваченных учебной из названного числа неграмотных в июне 1931 г. составлял только 46,6 %³, а в августе — 67,5 %⁴. Исходя из основной задачи 100 % охвата неграмотных и малограмотных ГорОНО «наметил план штурма»: предполагалось привлечь школы и просвещенцев. По просьбе горкома ВКП (б) и горсовета Уральский отдел народного образования прислал на «штурм» 58 студентов, четырех платных организаторов и 14 ликвидаторов.

Кроме курсов ликбеза для взрослого населения города, желающего получить более фундаментальные знания, создавали специальные школы, фигурирующие в отчетах ГорОНО как «школы взрослых». Точной даты создания подобных школ нами в архиве не обнаружено, однако к 1 января 1934 г. сеть взрослых школ по Уралу включала в себя 398 школ с контингентом учащихся 8 882 чел. Преподавало в них 405 педагогов. Естественно, что ни специальной сети помещений, ни кадров под такие школы не выделялось. Желающие учиться отправлялись в близлежащие школы и занимались с учителями этих школ.

В целом в Магнитогорске, как и вообще в СССР, планомерно осуществлялась политизация всех сфер общественной жизни. Наиболее ярко проявлялась данная тенденция в формировании представлений о социальном идеале – новом советском человеке. Власть, официальная пресса и искусство формировали, по мнению С. П. Постникова и М. А. Фельдмана, образы героев, которые должны были быть примером для остальных людей. Одним из основных показателей при создании образа нового человека являлся уровень образования последнего. Поэтому в магнитогорской прессе первой половины 1930-х гг. и в материалах, собранных редакцией «Истории фабрик и заводов», практически каждая биография представляет собой эволюцию образовательного уровня. Так, сталевар А. Н. Грязнов рассказывал о том, как он начал учиться в Магнитогорске, получив общее образование, окончил двухгодичные курсы сталеваров, затем техникум, далее его перевели на стахановские курсы сталеваров⁵.

Несмотря на многообразие конкретных примеров роста образования среди магнитогорцев, основная масса взрослого населения города не

¹Магнитогорский комсомолец. 1932. 4 окт.

²ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 16. Д. 832. Л. 9.

³Там же. Л. 7.

⁴Магнитогорский Городской архив. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 120.

⁵ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 306. Л. 235.

стремилась к знаниям. Чаще всего жителей Магнитогорска «сгоняли учиться» [1]. В соответствии с концепцией «культурности», представленной современным исследователем В. В. Волковым, у советского человека складывался «своего рода стандартный запас знаний, формируя общий культурный горизонт», «культурный минимум» [1, с. 199]. Магнитогорцам нельзя было оставаться не только неграмотными, но в большей степени некультурными. Поэтому их организованно водили в театр и кино. При этом самостоятельные походы в культурные учреждения жители города, в большинстве случаев, себе позволить не могли. Причины этого крылись не только в бюджетном дефиците семьи, но и в фактическом отсутствии времени на культурный досуг. Так, в 1939 г. В. Ф. Берсенева писала: «Я же до сих пор не была в кино, хотя непременно хотела сделать это в отпуску»⁶. Лишь летом 1940 г. долгожданный поход в кино состоялся, но впечатления оказались не самыми радужными: «...мы поняли очень мало, так как не могли разобрать ни одного слова и только строили догадки о смысле происходящего на экране»⁷.

Способом повышения общего уровня культуры и грамотности населения города стала организация кружковой работы в клубах и школах. Кружки были самые разнообразные: музыкальные, танцевальные, драматические, кройки и шитья, литературные и др. Наибольшее распространение кружковая работа получила среди подрастающего поколения Магнитогорска. Массовая художественная самодеятельность в целом успешно справлялась со своими задачами в Магнитогорске. Она знакомила горожан с профессиональным искусством, формировала для него аудиторию, понимающую это новое искусство, а главное, делала содержательным досуг населения города.

Детей и подростков города также было необходимо обучить. В этом направлении велась большая работа по подготовке и развитию системы школьного образования. Необходимо было приспособить к школьным условиям выделенные бараки и оборудовать их мебелью, провести учет детского населения, но в условиях неравномерного притока рабочих в город это было довольно сложным делом. Школьное строительство являлось одним из основных участков в деле всеобщего обязательного обучения. Несмотря на значительное продвижение в этой области, общее положение в Магнитогорске оставалось сложным. Власти города признавали, что в течение 1930–1931 гг. сеть образовательных учреждений в Магнитогорске оставалась мизерной⁸.

Система образования была многоступенчатой. Начальное обучение (первая ступень) предусматривало четырехлетнюю подготовку. В школе давались навыки в чтении, письме, счете. Второй ступенью была семилетка, по окончании которой выдавался аттестат о неполном среднем образовании. В 1932 г. вышло постановление СНК и ВЦИК о всеобщем десятилетнем обучении. В связи с этим в начале июля 1932 г. появилось постановление горкома ВКП (б), в котором отмечались успехи процесса всеобща⁹ в

⁶Пришла война в Березки. Письма матери / под ред. О. Краузе. Череповец, 2011. С. 15–16.

⁷Там же.

⁸Магнитогорский Городской архив. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

⁹ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 16. Д. 832. Л. 806.

Магнитогорске. Отмечалось, что практически все школы Магнитогорска перешли от четырех- к семилетнему обучению. В целях реализации постановления СНК и ВЦИК горком ВКП (б) постановил: «Развернуть в 1932–1933 уч. году в Магнитогорске 10-летнюю политехническую школу для обучения детей в возрасте от 7 до 17 лет».

Именно в период 1932–1933 гг. в основном была сформирована сеть учебных заведений города. В январе 1934 г. сеть общеобразовательных учреждений включала 23 школы, из них 8 школ первой ступени, 13 школ семилетних, типов ФЗС и ШКМ и 2 школы десятилетки. Этим школам было недостаточно. К февралю 1934 г. было решено разгрузить переполненные школы города и открыть новые. Данное решение было вызвано также началом реализации проекта благоустройства рабочих поселков. В результате число общеобразовательных учреждений в городе к концу 1934 г. возросло до 34. Уже в 1935 г. в Магнитогорске работало 38 школ, а в 1939 г. — 41 школа¹⁰. За 1930-е гг. школьная сеть возросла в три раза, а контингент учащихся — в восемь раз. Данные показатели свидетельствуют о том, что всеобщее начальное образование в основном было введено.

В рамках процесса политехнизации школы в Магнитогорске открывались профессиональные школы и техникумы, в которых кроме общеобразовательных дисциплин преподавали основы какой-либо профессии. Задача непосредственной подготовки кадров для строительства прямо на территории Магнитостроя была возложена на руководство города решением партии от 5 апреля 1930 г. Вопрос о подготовке кадров для Магнитостроя обсуждался на IX областной партийной конференции. Предполагалось подготовить на месте 1 400 рабочих для строймеханизации, 500 монтажников, 2 200 рабочих для эксплуатации завода. В Магнитогорске был организован Учебный комбинат, в задачи которого входила не только подготовка квалифицированных рабочих для эксплуатации завода, но также контроль за сетью стационарных учебных заведений. Горком ВКП (б) Магнитогорска 1 апреля 1931 г. принял решение об организации в городе пяти институтов и пяти техникумов по различным специальностям: металлургический, строительный, горно-рудный и жилищно-коммунальный.

В июле 1930 г. в городе действовал строительный техникум на 120 чел., однако, ввиду нехватки квалифицированных педагогов, техникум был закрыт. В 1932 г. строительный техникум вновь начал работу. Контингент учащихся составил 66 чел.¹¹ В апреле 1932 г. были открыты горно-рудный техникум с числом учащихся 25 чел. и вечерний строительный техникум на 50 чел. Кроме того, начали работу курсы по подготовке во ВТУЗ и техникумы. Стационарная подростковая сеть для обучения профессии включала в себя ФЗУ (480 учащихся), ШУМП (760 учащихся), Горпромуч (270 учащихся), Стройуч (240 учащихся). Стоит отметить, что указанные учебные заведения действовали не на строительной площадке, а в Верхнеуральске. К 15 августа 1932 г. удалось

¹⁰Магнитогорский Городской архив. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1.

¹¹Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 53.

переместить в Магнитогорск Стройуч и ШУМП. В Магнитогорске также была развернута сеть цеховых школ для подростков. Общий контингент учащихся по школе ФЗУ составил 4 тыс. чел.¹²

Стоит отметить, что бюро горкома ВЛКСМ планировало укомплектовать данное число учащихся в ФЗУ еще на начало 1931 г. Но немногие магнитогорские подростки стремились попасть на учебу в ФЗУ. Дело в том, что стипендия у учащихся составляла всего 37 руб., а условия проживания ГорОНО должным образом не обеспечивало. Кроме того, учащихся регулярно направляли на субботники, на выполнение наиболее тяжелых работ. Невнимательное отношение руководства города по отношению к учащимся ФЗУ неоднократно освещалось в местной прессе. В частности, газета «Магнитогорский комсомолец» в статье от 4 июля 1932 г. «Школа ФЗУ не должна быть пасынком социалистической стройки» отмечала недостатки в деле подготовки кадров для металлургического завода, а именно отсутствие помещений и практических занятий¹³.

Кроме того, в Магнитогорске начала создаваться сеть высших учебных заведений. В 1931 г. был открыт инженерно-строительный институт-филиал Уральского строительного института, а в 1933 г. был сформирован горно-рудный институт [2, с. 194]. 1 октября 1932 г. был организован вечерний индустриально-педагогический институт с отделениями математики, химии, истории, экономики, а с ноября того же года — русского языка и литературы. В 1932 г. обучение в институте прошли 100 студентов. В 1934 г. на базе вечернего института был открыт дневной двухгодичный педагогический институт, включавший три отделения: филологическое, физико-математическое и историческое. Тогда пединститут размещался в здании по проспекту им. А. С. Пушкина. Стоит отметить, что вступительных испытаний в магнитогорские ВУЗы не было. Учились, как правило, люди, имеющие практический стаж работы в школе, но не обладающие знаниями необходимого уровня. Показательна в этом отношении история поступления в пединститут О. П. Эбулдиной, которая после приезда в Магнитогорск обратилась к декану филологического факультета А. К. Низовцеву с просьбой зачислить ее на вечернее отделение филфака: «Долго ждать не пришлось... я была принята на первый курс МГПИ»¹⁴.

Таким образом, в 1930-е гг. был заложен материально-организационный фундамент системы образования в Магнитогорске. Всеобщая школа в Магнитогорске дополнялась широкой сетью дошкольных, высших и средних специальных учебных заведений. Материально-бытовые и кадровые проблемы, а также социальный состав магнитогорцев серьезно осложняли реализацию плана ликвидации безграмотности и малограмотности, а также введение всеобщего обучения. Но, несмотря на трудности, происходило приобщение населения города к культурной жизни на повседневном уровне, путем

¹²Там же. Л. 54.

¹³Магнитогорский комсомолец. 1932. 4 окт.

¹⁴Эбулдина О. П. Хочется оглянуться на пройденный путь // Сб. воспоминаний ветеранов народного образования Магнитки. Магнитогорск, 1982. С. 54.

получения горожанами элементарных базовых знаний и пропаганды идеи культурности. Взрослое население Магнитогорска не проявляло рвения к учебе, получению знаний. Чаще всего жителей направляли учиться по месту работы. Однако это не означало, что среди магнитогорцев не было людей, стремившихся к действительному повышению знаний.

Библиографический список

1. Волков В. В. Концепция культурности, 1935–1938 гг. // Социологический журнал. 1996. № 1–2.
2. Магнитогорск. Краткая энцикл. Магнитогорск, 2001.

N. N. Makarova

Candidate of Historical Sciences, Magnitogorsk State University (Magnitogorsk, Russia)

The System of Enlightenment in Magnitogorsk during the Period of Forced Industrialization

The article analyzes the system of educational institutions in the new industrial centre — the city of Magnitogorsk during the 1930s. In spite of difficult social and living conditions and the primary task of creation of metallurgical plant, the authorities paid extremely important attention to the education of citizens of all ages.

Key words: local history, everyday life history, history of the Urals, Magnitogorsk, enlightenment

ИНОСТРАННЫЕ ГРАЖДАНЕ НА УРАЛЕ ПО ДАННЫМ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ СССР 1937 г.

На основе анализа материалов Второй Всесоюзной переписи населения устанавливается количество и состав иностранных граждан, проживавших на территории Урала в момент ее проведения.

Ключевые слова: иностранные граждане, Всесоюзная перепись населения, Урал

Вторая Всесоюзная перепись населения Советского Союза была проведена в январе 1937 г. Однако вскоре постановлением СНК СССР ее организация была признана неудовлетворительной, а данные — «дефектными». Причина такой оценки результатов переписи заключалась в том, что сведения о численности населения СССР оказались значительно ниже ожидаемых. Организаторы проведения переписи 1937 г. были репрессированы, а сама она на десятилетия упрятана в спецхраны центральных архивов.

В настоящее время, когда появился доступ к материалам переписи 1937 г., исследователи сходятся во мнении, что недоучет населения в 1937 г. не превышал допустимых норм и не превосходил аналогичных показателей других советских переписей. В последнее время исследователям удалось обнаружить и опубликовать целый комплекс результатов Второй Всесоюзной переписи. Среди них — подготовительные материалы по проведению переписи, переписка по ее итогам, данные по численности населения, национальному составу, уровню образования, грамотности и т. д. Все опубликованные материалы содержат в основном сведения по стране в целом, объем же данных по регионам весьма незначителен.

Однако, помимо учета собственного населения, Всесоюзная перепись 1937 г. учитывала и иностранных граждан, находящихся на момент ее проведения на территории Советского Союза (сведения о наличии таких материалов отсутствуют в опубликованных в 1991 г. итогах данной переписи). Судя по обнаруженным материалам, учет иностранных граждан производился по упрощенной схеме. Формуляр переписного листа включал не 14 вопросов, как для всех советских граждан, а лишь 4 — подданство, национальность, пол, возраст (до 18 лет; 18 лет и старше). Численность учтенных таким образом иностранных граждан в СССР по состоянию на начало 1937 г. составила 192 943 чел. Эти сведения в опубликованные итоги Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г. не вошли¹.

*Владимир Павлович Мотревич

Д.и.н., Уральская государственная юридическая академия, Екатеринбург, Россия; vladimir.motrevich@mail.ru

¹РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 148. Л. 1-109; Д. 149. Л. 53-90.

Анализ материалов Всесоюзной переписи 1937 г. показывает, что на территории Урала на момент ее проведения находилось 3 220 иностранцев. Из них в Башкирской АССР переписью было учтено 187 чел., в Удмуртской АССР — 74, в Свердловской области — 1 223, в Челябинской — 1 500, и в Оренбургской области — 236 чел.¹ Материалы переписи позволяют также определить гражданство, национальность, возраст и пол учтенных иностранных граждан и в пределах отдельных областей и республик. Так, в Челябинской области среди учтенных иностранных граждан 1 058 чел. (70,5 %) составляли лица мужского пола. Перепись учитывала и детей в возрасте до 18 лет, таковых в области оказалось 279 чел. (18,6 %). Среди учтенных переписью иностранцев наиболее крупные диаспоры в Челябинской области составляли граждане Финляндии, Германии, Польши и Австрии. В них насчитывалось соответственно 460, 389, 123 и 107 чел. Небольшие группы иностранных граждан численностью от 20 до 90 чел. составляли подданные Ирана и Румынии, а также граждане Чехословакии. Среди оказавшихся на момент проведения переписи в Челябинской области иностранцев были граждане Голландии, Монголии, США, Франции, Швейцарии, а также подданные Великобритании и Болгарии².

Таким образом, материалы Всесоюзной переписи населения 1937 г. содержат только самые общие данные о численности и составе иностранных граждан в СССР. В ней нет сведений о причинах их нахождения на территории Советского Союза и дальнейшей судьбе. Можно только предполагать, что большинство из них в годы индустриализации приехали в Советский Союз в качестве специалистов и трудились в народном хозяйстве. Это относится, в первую очередь, к Челябинской и Свердловской областям.

V. P. Motrevich

Doctor of Historical Sciences, Urals State Law Academy (Yekaterinburg, Russia)

Foreign Citizens in the Urals according to the All-Union Population Census of the USSR of 1937

On the basis of materials of the Second All-Union Population Census the author established the quantity and composition of foreign citizens who lived on the Urals territory during the conducting of the census.

Key words: foreign citizens, All-Union Population Census, the Urals

²Там же. Л. 55–58.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВОЕННО-МЕМОРИАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ ЗАПАДНОГО ОРЕНБУРЖЬЯ

В статье рассматриваются памятные места и сооружения Западного Оренбуржья, посвященные погибшим при защите Отечества, показывается необходимость сохранения исторической памяти с целью передачи ее будущим поколениям.

Ключевые слова: военно-мемориальные сооружения, культурное наследование, сохранение исторической памяти

Увековечение памяти военнослужащих, погибших при защите Отечества, всегда считалось важным государственным делом. Большую часть своей истории Российское государство воевало. Мировые и Отечественные войны, Гражданская война, локальные конфликты унесли немало жизней российских солдат и офицеров. Серьезной задачей в настоящее время является сохранение, популяризация и передача будущим поколениям памятных мест и сооружений, которые (в купе с другими источниками) являются существенным средством сохранения российской военной истории и культурного наследования, значимым механизмом воспитания молодого поколения в духе патриотизма и противодействия фальсификациям отечественной истории. В данной статье предпринята попытка проанализировать современное состояние оренбургских военно-мемориальных сооружений, их потенциал как механизма культурного наследования.

Западное Оренбуржье представлено четырнадцатью муниципальными районами и четырьмя городами, в которых имеется множество памятных мест, посвященных участникам войн и локальных конфликтов. На данной территории насчитывается свыше 350 мемориалов. Наибольшее их количество сосредоточено в следующих муниципальных образованиях¹: Абдулинском районе — 58, Ташлинском районе — 51, городе Бузулуке — 43, Бузулукском районе — 42, Тоцком районе — 40, Курманаевском районе — 31, Северном районе — 20, Бугурусланском районе — 19, Пономаревском и Матвеевском районах — по 17, Грачёвском районе — 16 объектов.

Памятные места и сооружения, находящиеся на западе Оренбургской области нуждаются в ежегодном уходе и благоустройстве. В связи с этим разрабатываются ведомственные муниципальные программы, направленные на под-

*Владимир Александрович Рубин

К.и.н., Оренбургский государственный аграрный университет, Оренбург, Россия; seba_alex@rambler.ru;

Евгения Андреевна Фомина

Аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; fomina-jane@rambler.ru

¹Подсчитано по данным Министерства культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области и портала Правительства Оренбургской области «Оренбуржье» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.orenburg-gov.ru>

держание военно-мемориальных объектов в надлежащем состоянии, осуществляется локальный капитальный и текущий ремонт монументов. В частности, в Тоцком районе в 2010 г. администрацией Зареченского сельсовета отреставрирован постамент под памятным знаком — танком Т-34, установленном в честь тружеников Тоцкого района, на средства которых в годы Великой Отечественной войны была сформирована танковая колонна им. В. П. Чкалова. На территории с. Тоцкое-2 за сохранностью 26 военно-мемориальных объектов следят военнослужащие 21 отдельной мотострелковой бригады [5, с. 3–4].

В г. Сорочинске к 65-летию Великой Победы по инициативе Общественного совета при главе города благоустроили братские могилы умерших в госпиталях от ран, полученных на фронтах Великой Отечественной войны (7 могил) и братскую могилу летчиков, погибших при исполнении служебного долга в 1953 г. [2, с. 4]. Кроме того, обновили надписи на памятниках, мраморных плитах, провели работы по выпилке сухостойных деревьев, уборке территории от травы. В работе по благоустройству приняли участие служащие администрации города, работники предприятий, учреждений, учащиеся городских школ. После завершения работ трудовые коллективы Сорочинска обратились к администрации города с инициативой о взаимодействии по сохранению и благоустройству воинских захоронений на территории муниципалитета.

Местные власти Северного района совместно с общественными организациями ежегодно проводят комплекс мероприятий по приведению памятных мест в надлежащий вид, в который входят побелка и покраска памятников и постаментов, цементирование фундамента, ремонт ограждений, замена поврежденных мемориальных досок, уборка территории. Указанные работы проводятся, в основном, за счет средств муниципальных образований сельских поселений². В п. Первомайском Первомайского района усилиями районных властей реконструирован мемориальный комплекс воинам-землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Здесь периодически проводится косметический ремонт и благоустройство прилегающей территории. В 2007-2008 гг. было проведено озеленение, высажены саженцы берез и елей³.

Администрациями сельсоветов Матвеевского района в конце апреля 2010 г. проводилась масштабная работа по ремонту обелисков и стел, благоустройству мемориальных комплексов. Возле обелиска в с. Кузькино возвели стену Памяти, открытие которой приурочили ко Дню Победы 9 мая [3, с. 2–5]. В г. Бузулуке к 65-летию Великой Победы по фотографиям и эскизам художника Владимира Овинова и скульптора Олега Душакова был отреставрирован памятник Воину-освободителю, который с 2009 г. находился в аварийном состоянии и грозил обрушением. Этот памятник был установлен в 1960 г. по решению городского Совета депутатов. Для всех бузулучан указанный монумент является символом мужества, силы воли и духа российского народа. 6 мая 2010 г. на

²Мельникова Л. А., Бизякина М. В. Ежегодный доклад о состоянии военно-мемориальных сооружений Северного района // Науч.-метод. материалы отдела культуры администрации Северного района Оренбургской области. С. 7.

³По данным управления государственной охраны объектов культурного наследия и развития традиционной народной культуры Оренбургской области.

привокзальной площади города состоялось его торжественное открытие после успешной реставрации. Теперь он крепко стоит на пьедестале, который выполнен из бетона с применением новых технологий, с добавками для устойчивости и усиленным каркасом⁴.

Следовательно, благоустройство обелисков и стел осуществляется ежегодно в весенний период. Наиболее серьезные мероприятия за последнее время, направленные на сохранение мемориалов Западного Оренбуржья, проходили в 2010 г. в связи с празднованием 65-летия Победы в Великой Отечественной войне. К ним можно отнести строительство новых монументальных сооружений, реставрацию и реконструкцию ветхих памятников, озеленение мемориальных парков и аллей, обновление информационных надписей. Финансированием и реализацией ремонтно-реставрационных работ занимаются органы местного самоуправления. При существенных затратах содействие оказывают районные (городские) власти и местные предприниматели. Необходимо отметить, что более чем 350 мемориалов создают на территории Западного Оренбуржья уникальную военно-мемориальную среду. Взаимодействие органов власти, предприятий, общественных организаций и молодежи позволяют говорить о преемственности процессов сохранения как самих мемориалов, так и исторической памяти погибших при защите Отечества.

Наряду с реставрацией и благоустройством монументов проводится работа по увековечению забытых имен, открытию новых мемориальных сооружений. Во многих населенных пунктах Западного Оренбуржья возводятся обелиски и стелы, устанавливаются мемориальные доски погибшим в Великой Отечественной войне и локальных конфликтах. Например, в с. Старые Шалты Абдулинского района в юбилейный 2010 г. состоялось торжественное открытие 5 мемориальных досок с именами 183-х земляков, которые навеки остались лежать на полях сражений в 1941–1945 гг., а также обелиска, сохранившего имена Абузара Латыпова, павшего в 1983 г. в Афганистане, и Альвиса Каюмова — начальника боевого отделения отряда милиции специального назначения, погибшего в Чечне. Силами сельской администрации благоустроена прилегающая территория: оборудована современная подсветка, установлена металлическая ограда парка, высажены ели, за которыми ухаживают школьники [1, с. 4].

В Ташлинском районе 9 мая 2004 г. открыта аллея Славы. Это красивый с художественной точки зрения, современный мемориальный комплекс, в котором расположены портреты земляков, прославивших район своими ратными и трудовыми подвигами. В центре аллеи находятся портреты Героев Советского Союза В. М. Довженко и А. И. Коровина. Кроме того, в парке можно обнаружить доску почета с фотографиями заслуженных работников Ташлинского района и Героев Социалистического труда. На современном этапе аллея Славы является центральным мемориальным комплексом муниципалитета⁵.

⁴Архивный отдел администрации г. Бузулука: *Абрамова Г. Г., Городецкая Т. В., Колова Ю. А., Лубенец А. М.* Информационный доклад о мероприятиях, реализованных местными органами власти г. Бузулука, учреждениями, организациями, предприятиями различных форм собственности в 2006–2012 гг. в целях сохранения военно-мемориальных сооружений (сведения незафондированы).

⁵*Фролов П. В., Левченко О. Ф., Сафарова О. В.* Военно-мемориальные объекты Ташлинского района (перечень) // Научно-справочный фонд отдела культуры администрации Ташлинского района Оренбургской области.

По инициативе военнослужащих 506 гвардейского мотострелкового полка 27 гвардейской мотострелковой дивизии, вернувшихся из Чеченской республики после выполнения боевого задания по уничтожению бандформирований, в с. Тоцкое-2 Тоцкого района установлен мемориальный крест в память о погибших однополчанах. Впоследствии на его месте началось строительство храма Георгия Победоносца в память о погибших и умерших от ран участниках локальных конфликтов. Средства на строительство поступают от пожертвований военнослужащих, семей погибших, жителей села Тоцкое-2. В настоящее время возведение храма продолжается [5, с. 3–4].

Центр поселка Кинельский Матвеевского района в 2010 г. украсила стела в честь погибших и умерших участников Великой Отечественной войны. На ней высечен список, в который включены имена почти 300 чел., воевавших в 1941–1945 гг. из ныне функционирующих и исчезнувших сел Кинельского сельсовета. В 2011 г. завершено благоустройство территории вокруг стелы. До этого момента в Кинельском сельском совете не было ни одного памятного сооружения, посвященного солдатам и офицерам Великой Отечественной войны. 9 мая 2010 г. состоялось торжественное открытие двух мемориальных плит в с. Васильевка. На одной высечены имена участников Великой Отечественной войны, погибших на фронте, на другой — умерших в послевоенное время ветеранов. Сюда приходят дети, внуки и правнуки тех, кто не жалея собственной жизни сражался за жизни других [3, с. 4].

В городе Бузулуке 24 октября 2011 г. на городском кладбище, расположенном на Сухореченской горе, состоялось открытие мемориала на воинском захоронении бузулукчан, погибших при исполнении воинского долга в вооруженных конфликтах⁶. История мемориала началась еще в середине 1990-х гг., когда на данном месте провели перезахоронение солдат — уроженцев Бузулука, погибших при исполнении воинского долга в Афганистане. В 2004 г. на средства, собранные земляками, на территории захоронения возвели часовню.

На основании вышеизложенного, необходимо отметить, что на западе Оренбургской области в настоящее время открываются новые мемориалы. Данный процесс носит постоянный характер и усиливается к юбилейным датам. Тем самым сохраняется не только память о погибших защитниках Отечества, но и традиция увековечения ратного подвига. Поскольку Чкаловская (Оренбургская) область в годы Великой Отечественной войны находилась в глубоком тылу, сохраняется память не только о воинских подвигах, но и трудовых свершениях (в частности, о Героях Социалистического труда).

Еще одним важным мероприятием, осуществляемым в последние годы в Оренбургской области, является паспортизация и технический учет военно-мемориальных сооружений. Правовой основой для реализации указанной работы послужили поручения Президента Российской Федерации Д. А. Медведева 2009 года. Данные мероприятия играют значительную роль, поскольку позволяют сохранить как сам мемориал, так и историю его создания. Одной из пер-

⁶Архивный отдел администрации г. Бузулука: *Абрамова Г. Г., Городецкая Т. В., Колова Ю. А., Лубенец А. М.* Указ. соч.

вых на западе Оренбуржья работу по паспортизации мемориалов провела администрации Бузулукского района. Еще до президентских поручений, в 2007 г., памятники описали и закрепили за поселковыми и сельскими советами, на территории которых они расположены [4, с. 3]. В 2009–2010 гг. была выявлена и систематизирована информация обо всех памятных местах и сооружениях, находящихся на территории Бугурусланского района. На каждое памятное сооружение специалистами отдела культуры составлен паспорт. К сожалению, установить авторов и скульпторов первых мемориалов не представилось возможным, поскольку их возводили, как правило, спонтанно, силами приезжих бригад, технической документации при этом не составлялось, а очевидцев событий уже нет в живых⁷.

В Тоцком и Пономаревском районах к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне специальные комиссии провели паспортизацию военно-мемориальных объектов, установив время создания, их собственников и балансодержателей. Территорию каждого памятника сфотографировали и описали⁸. В городе Бугуруслане учетные мероприятия позволили выявить и устранить технические недостатки монументов. Памятные сооружения подверглись реставрации. Кроме того, на улицах, носящих имена Героев Советского Союза, и доме, в котором жил Герой СССР И. А. Казаев, на средства городских предприятий и учреждений установили новые мемориальные доски⁹.

Работники библиотек принимают самое непосредственное участие в составлении паспортов памятников, материалом для которых служат документы сельских и городских администраций, воспоминания людей, которые были инициаторами создания мемориалов. В селах района сведения о создании монументов, как правило, сохранены в сельских библиотеках и школьных музеях.

Следовательно, на территории Западного Оренбуржья в 2007–2012 гг. осуществлена паспортизация памятных мест и сооружений, посвященных погибшим при защите Отечества. Данное мероприятие осуществлялось силами органов местного самоуправления, специалистами отделов культуры районных и городских администраций, библиотекарями, которые, как правило, составляли паспорт военно-мемориального сооружения как инструмент учета. Параллельно сотрудниками Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестра) по Оренбургской области проводилась техническая паспортизация монументов. Оформление документации на мемориалы позволило определить их собственников, т. е. ответственных за поддержание памятных мест в надлежащем состоянии.

В целях популяризации военно-мемориального наследия в городах и районах Западного Оренбуржья практикуется проведение у памятников мероприятий патриотической направленности. На сегодняшний день в российской обще-

⁷ Архивный отдел администрации Бугурусланского района Оренбургской области: реестр военно-мемориальных объектов и сооружений Бугурусланского района.

⁸ Куренкова Г. В. Военно-мемориальные объекты Пономаревского района // Научно-справочный фонд МБУ «Центр культуры и досуга по библиотечной работе».

⁹ Муртазин В. А. Информационный доклад о реализованных мероприятиях по сохранению военно-мемориальных объектов на территории муниципального образования «город Бугуруслан» (2006–2011 гг.) // Науч.-метод. материалы отдела культуры администрации г. Бугуруслана. С. 5.

ственной жизни на одно из первых мест вышла задача воспитания молодого поколения в духе патриотизма. Например, в целях совершенствования системы патриотического воспитания граждан Грачёвского района в данном муниципальном образовании принята районная целевая программа «Патриотическое воспитание граждан Грачёвского района на 2011–2015 гг.». Одним из важнейших направлений указанной программы является проведение комплекса мероприятий, посвященных памятным событиям военной истории России и Оренбургской области. С участием школьников, подростков проводятся районные фестивали детского творчества: «Юный патриот России», «Долг. Честь. Родина», кино-уроки и уроки мужества «Сыны Отечества», акции «Я — гражданин России», «Долг». Военно-спортивные игры и соревнования. Все эти мероприятия позволяют напомнить современникам о подвигах и заслугах наших предшественников, о героических свершениях народа в годы Великой Отечественной войны, побуждают искать среди них образцы для подражания¹⁰.

Ежегодно в Курманаевском районе проводится конкурс военно-патриотической песни «Долг. Честь. Родина». Дважды в год, на День России и День Конституции, проходит торжественное вручение паспортов юным гражданам района, весной и осенью проводится районный День призывника, в ходе которого молодых ребят торжественно провожают в ряды Российской Армии. Каждый год, в канун празднования Дня Победы, в районе курсирует Поезд Славы. В его состав входят сотрудники военкомата, управления социальной защиты населения, пенсионного фонда, совета ветеранов, отдела культуры, аптеки и т.п. Поезд объезжает все малонаселенные пункты района. В ходе данных поездок организуются встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, тружениками тыла, проводятся необходимые консультации, концерты, продажа медикаментов¹¹.

В селах Северного района у обелисков и стел, посвященных погибшим воинам-землякам, проводятся торжественные вечера и митинги, в которых принимают участие различные слои населения. Такого рода мероприятия включают в себя, как правило, минуту молчания, выступления ветеранов Великой Отечественной войны и локальных конфликтов, слова благодарности от молодого поколения, возложение венков к памятникам, большие театрализованные концерты, праздничные фейерверки, наличие полевой кухни с боевыми сто грамм и солдатской гречневой кашей¹². В Матвеевском районе в День Победы местные жители собираются к местам памяти и поклонения, проводят митинги, вспоминают военные и послевоенные годы, возлагают цветы и венки, отдают дань уважения тем, кто не пришел с Великой Отечественной войны. В районе в последние годы стала тради-

¹⁰ Аверкиев С. А., Спиридонов С. В. Памятные места и сооружения Грачевского района Оренбургской области // Метод. материалы отдела культуры администрации Грачевского района о состоянии мемориальных сооружений в 2010–2011 гг.

¹¹ Ведомственный архив Министерства культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области: сведения отдела культуры администрации Курманаевского района о состоянии мемориальных сооружений в 2007–2011 гг. от 30.11.2011 г. № 3194.

¹² Мельникова Л. А., Бизякина М. В. Ежегодный доклад о состоянии военно-мемориальных сооружений Северного района // Науч.-метод. материалы отдела культуры администрации Северного района Оренбургской области. С. 5.

ционной акция «Свеча памяти», которая проводится 22 июня, в День памяти и скорби. Возле мемориала Великой Отечественной войны в с. Матвеевка проходит митинг, зажигаются свечи, вспоминают всех, кто ушел и своим подвигом обеспечил нам счастливую жизнь [3, с. 2–5].

Итак, важным механизмом сохранения исторической памяти является патриотическое воспитание граждан. В этих целях принимаются районные целевые программы, проводятся фестивали и военно-спортивные игры патриотической направленности, торжественные проводы юношей в армию и вручение паспортов, вечера, акции и митинги. Как правило, мемориалы служат инструментом в рамках реализации вышеуказанных мероприятий, поскольку являются собой определенный символ мужества и стойкости российского народа.

Необходимо отметить, что, помимо массовых мероприятий, снимаются документальные фильмы, издаются книги о ветеранах Великой Отечественной войны. В частности, в 2009–2011 гг. в типографии г. Бузулука выпущены такие книги как сборник очерков «Священная война», серия воспоминаний ветеранов-нефтяников о своем боевом и трудовом жизненном пути «В сердцах живых Победа будет длиться», сборник очерков и рассказов «Дорогами войны», подарочные издания «Оренбургские нефтяники на фронте и в тылу», «65 лет Победы — 65 рассказов о войне»¹³. Еще одним крупным издательским проектом на западе Оренбургской области стал проект по разработке справочника «Памятники Ташлинского района», который был издан в 2010 г. В течение трех лет сотрудниками детской библиотеки выявлялись архивные документы, статьи из районной газеты «Маяк», краеведческие заметки. Активно использовались воспоминания старожил сел, глав сельсоветов, библиотекарей, культработников¹⁴.

Таким образом, развитие военно-мемориальной сферы на западе Оренбургской области в последние годы позволяет говорить об усилении в регионе процессов, связанных с культурным наследованием как российской военной истории, так и традиций увековечения памяти погибших при защите Отечества. Строительство новых монументальных сооружений, реконструкция ветхих мемориалов, обновление информационных надписей на мемориальных досках, взаимодействие органов власти, предприятий, общественных организаций при благоустройстве памятных мест и сооружений, возрождение строительства храмов и часовен в местах массовых воинских захоронений, паспортизация и техническая инвентаризация мемориальных сооружений, определение их собственников и балансодержателей, использование памятников в рамках патриотического воспитания граждан — составляют целый комплекс мероприятий, направленных на формирование современной военно-мемориальной культуры, суть которой заключается в передаче следующим поколениям сведений о подвигах российских солдат и офицеров и в воспитании на конкретно-исторических примерах в молодом поколении чувства патриотизма, любви и уважения к Родине.

¹³ Архивный отдел администрации г. Бузулука: *Абрамова Г. Г., Городецкая Т. В., Колова Ю. А., Лубенец А. М.* Указ. соч.

¹⁴ *Фролов П. В., Левченко О. Ф., Сафарова О. В.* Указ. соч.

Библиографический список

1. Волкова Л. В. Мероприятия в сфере сохранения военно-мемориальных объектов г. Абдулино и Абдулинского района Оренбургской области // Научно-методические материалы отдела культуры администрации муниципального образования Абдулинский район. Абдулино, 2012.
2. Круглова И. В. Продолжение времени // Информационные материалы отдела культуры администрации г. Сорочинска Оренбургской области. Сорочинск, 2011.
3. Кручинина Н. И. История военно-мемориальных объектов Матвеевского района // Научно-справочные материалы БУК МО Матвеевского района «Народный музей». Матвеевка, 2010.
4. Назарова А. И. О мероприятиях по сохранению военно-мемориальных сооружений Бузулукского района // Информационные материалы отдела культуры администрации Бузулукского района Оренбургской области. Бузулук, 2011.
5. Черных М. Б. Тоцкие военные мемориалы // Информационные материалы для проведения экскурсий в МБУК «Тоцкий историко-краеведческий музей» Тоцкого район Оренбургской области. Тоцкое, 2011.

V. A. Rubin

Candidate of Historical Sciences, Orenburg State Agrarian University (Orenburg, Russia)

E. A. Fomina

Postgraduate student, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia)

Cultural and Historical Potential of War-Memorial Objects of the Western Orenburzhye

The authors consider the memorial places and constructions of the Western Orenburzhye dedicated to the victims of Fatherland protection and show the necessity of preservation of historical memory in order to transmit it to future generations.

Key words: war-memorial constructions, cultural inheritance, preservation of historical memory

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В НАЧАЛЕ XX в.

Статья посвящена проблеме становления начального образования на Южном Урале в начале XX в., освещается государственная политика в сфере образования.

Ключевые слова: начальная школа, концепция начального образования, государственная политика в сфере образования

Начиная с XIX в., образование становится в Европе активным социально-формообразующим элементом. В условиях модернизации России в конце XIX — начале XX в. осознание этого факта являлось общим местом в рассуждениях государственных и общественных деятелей. Начальное образование казалось многим из них надежным средством рационализации экономических, социальных и психических связей крестьянского мира. В общественной мысли развитие начального образования было увязано с проектами возможного будущего России и манипуляциями общественным мнением в политических целях, а также созданием социально-политических утопий. Тема народного образования приобретает с той поры ярко выраженную политизированную окраску. После 1905 г. любое суждение о народном образовании стало помещаться в контекст рассуждений о политических реформах либо об их недопущении.

В начале XX в. в стране действовало несколько типов начальных учебных заведений, имевших различные уставы и программы, уровень преподавания и образовательный ценз учителей, а также ведомственную принадлежность. Согласно переписи 1897 г., в России был только 21,1 % грамотных. В Уфимской и Оренбургской губерниях он составлял 17,5 % [3, с. 205].

Характерной особенностью начала XX в. было развитие общественно-педагогического движения. Важная роль в нем принадлежала земствам и «Лиге образования». Вопрос о необходимости введения всеобщего начального образования объединял всех. В губерниях создавались школьные комиссии, основной задачей которых было определение количества детей школьного возраста и составление плана открытия необходимого числа школ¹. При этом губернские земства выдавали ссуды для постройки новых начальных школ. В ряде земств дебатировался вопрос об увеличении продолжительности курса начальной школы. Земства ходатайствовали об этом перед властями, и одновременно открывали при начальных училищах четвертое отделение, не ожидая помощи из государственного бюджета. Подобным образом

* Анна Викторовна Суворова

К.и.н., Филиал Южно-Уральского государственного университета в г. Златоусте, Златоуст, Россия; Annsu2006@ya.ru

¹ Отчет о деятельности Лиги Образования за 1907–1908 гг. СПб., 1909. С. 29.

поступило Уфимское губернское земство в 1905 г.² Инициаторами введения всеобщего начального обучения были государственные служащие, общественные деятели и директора народных училищ.

Для III Государственной Думы вопрос о народном образовании становится одним из самых важных. 1 ноября 1907 г. Министерство народного просвещения внесло законопроект «О введении всеобщего начального образования в России», впоследствии получивший название «Об отпуске 6 900 000 рублей на нужды начального образования»³. По итогам обсуждения 4 апреля 1908 г. закон «Об отпуске 6 900 000 рублей на нужды начального образования» был принят Государственной Думой, 30 апреля он был одобрен Государственным Советом, а 3 мая — утвержден императором [2, с. 147].

В соответствии с этим законом, стандартом признавалась четырехлетняя, а не трехлетняя, как прежде, начальная школа. В школах, получивших «казенное пособие», вводился принцип бесплатности как один из первейших условий обеспечения общедоступности, а затем и обязательности обучения. Для преподавателей были обязательными русское подданство, возраст не ниже 17 лет, наличие свидетельства о получении звания учителя [1, с. 94].

Учреждения местного самоуправления должны были в двухгодичный срок составить школьную сеть и представить ее в Министерство народного просвещения. В случае одобрения представленных планов и сетей, министерство ассигновало необходимую сумму из расчета по 360 руб. учителю и 60 руб. законоучителю⁴.

Вопрос о преобразовании системы начального образования рассматривался и на местном уровне. 2 июля 1907 г. (по старому стилю) Челябинская городская дума заслушала доклад училищной комиссии о введении всеобщего начального обучения в г. Челябинске. Дума приняла постановление о возбуждении ходатайства перед Министерством народного просвещения об утверждении данного предложения. В связи с принятым решением всеобщее начальное обучение вводилось в Челябинске с 1908 г.⁵

Реализация закона от 3 мая 1908 г. требовала увеличения числа начальных школ. В связи с этим 22 июня 1909 г. Оренбургской управой было утверждено создание фонда школьного строительства⁶. В 1909 г. в Уфимской губернии в министерскую сеть всеобщего обучения было принято Златоустовское земство, в 1910 г. всеобщее обучение стало осуществляться в Мензелинском, Бирском, а в 1911 г. — Уфимском, Белебеевском, Стерлитамакском уездах⁷. 17 января 1914 г. на заседании Оренбургского уездного училищного совета инспектор начальных училищ принял решение ежегодно отчислять по 50 тыс. руб. в школьный фонд строительства [4, с. 56].

К школьным зданиям предъявлялись высокие требования. Материально-техническая база начальных школ была недостаточно развитой. В начале

²ЦИА РБ. Ф. И-113. Оп. 1. Д. 503. Л. 14.

³Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва 1907–1912 гг. СПб., 1912. Ч. 1. С. 187.

⁴Златоустовский архивный отдел. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 79. Л. 1.

⁵ОГАЧО. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 69. Л. 9.

⁶ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 235. Л. 12.

⁷Отчет по школьному строительному фонду Императора Петра Великого. Пг., 1916. С. 81.

века 60–80 % земских школ не имели собственных зданий, а располагались в наемных помещениях. Однако при постройке и найме школьных помещений гигиенические нормы не всегда тщательно соблюдались. С введением положений закона о всеобщем начальном обучении и формированием школьных сетей государство и земства выделяли на строительство школ уже значительные суммы.

Из 3 913 школ Оренбургской и Уфимской губерний только 1 168 имели библиотеки для учащихся и 389 — для учителей⁸. Библиотеки в основном были только в бывших министерских школах. Благодаря совместной деятельности правительства, общественности и земств по переходу к всеобщему обучению прогресс в этом деле был существенным. С 1903 по 1909 г. общее число земских школ возросло с 18 714 до 25 047, ассигнования земств на развитие народного образования увеличились в 5,7 раза [5]. В 1897 г. в Оренбургской губернии было зарегистрировано 653 начальные школы, в которых обучалось 26 277 чел., в 1911 г. количество школ составило 1 416, с общим числом учащихся 99 856 чел., в 1914 г. школ насчитывалось 1 983, в которых обучалось 139 802 ребенка⁹. В Уфимской губернии в 1897 г. начальных школ насчитывалось 456, в которых обучалось 19 856 чел., в 1911 г. количество школ составило 1 428, с общим числом учащихся 77 058 чел., в 1914 г. школ насчитывалось 1 930, обучавшихся — 101 537¹⁰.

В зависимости от характера школы управление образовательными заведениями находилось в ведении Министерства народного просвещения, Святейшего Синода или земств. Непосредственное управление Оренбургским учебным округом осуществлялось попечителем, инспекторами, директором или заведующим, с помощью губернского училищного совета. Попечители курировали территорию Оренбургской и Уфимской губерний, а также заведовали хозяйственной частью, заботились об улучшении материального положения школы, тесно взаимодействовали с инспектором начальных училищ. В обязанности инспектора входило составление годовых итоговых отчетов. Непосредственным руководителем начальных учебных заведений являлся директор или заведующий, который предварительно рассматривал поступающие в Губернский училищный совет отчеты уездных училищных советов, и делал замечания о составе народных училищ губернии, контролировал учебный процесс, вел переписку с необходимыми для учебного процесса организациями.

Уездные и губернские училищные советы учреждались для руководства учебно-воспитательной работой школ. Данные структурные единицы были введены еще в конце XIX в., однако с 1905 г. их функциональные обязанности были расширены, в их состав обязательно включали председателя земских управ с правом решающего голоса. Уездный училищный совет руководил начальными школами, давал разрешения на открытие, перевод и закрытие этих школ, назначал и увольнял учителей. Губернский училищный совет (состоял из архиерея — председатель совета, губернатора, губернского директора училищ и двух пред-

⁸РГИА. Ф. 733. Оп. 199. Д. 7. Л. 84.

⁹ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 235. Л. 6.

¹⁰ЦИА РБ. Ф. И-113. Оп. 1. Д. 503. Л. 87.

ставителей от губернского земства) рассматривал главным образом жалобы на постановления уездных советов данной губернии.

Заведование церковно-приходскими школами и школами грамоты православного вероисповедания принадлежало Святейшему Синоду, действовавшему при нем училищному совету, епархиальным училищным советам, их уездным отделениям и наблюдателям школ. Четкое разделение управления подведомственными начальными заведениями позволяло сохранять намеченную линию развития каждой школы.

В начале XX в. срок обучения в начальной школе составлял 3 года. Учебные планы и программы школ утверждались попечителями учебных округов. Выбор же учебных предметов предоставлялся учредителям школ. В числе обязательных учебных предметов были Закон Божий и русский язык, а так же русская история и география. В 1905 г., еще до принятия закона о всеобщем начальном образовании, благодаря активности земских деятелей Уфимское губернское земство увеличило срок обучения в начальной школе до четырех лет. Губернское собрание распорядилось об открытии четвертых отделений при ряде школ, для чего в смете на 1904 г. были утверждены ассигнования в размере 6 тыс. руб. и снабжение учебными руководствами и пособиями [4, с. 125]. В программу четвертого отделения вошли следующие предметы: русская история, география, мироведение, арифметика, начертательная геометрия, черчение.

Методика преподавания начала XX в. заключалась в заучивании отдельных фрагментов учебного материала, в дословном его повторении, четком следовании образцам, независимо от предмета. Методы преподавания, начиная с 1906 г., меняются [1, с. 74]. Учителям рекомендовалось давать задачи, ставить вопросы, предлагать материал, а выводы и обобщения должны были делать сами ученики.

Таким образом, Министерство народного просвещения, земства, заводы, а также частные лица брали на себя инициативу по формированию школьных сетей и открытию новых школ, в связи с чем, увеличивалось число учащихся в учебных заведениях, возрастало количество и качество педагогического состава.

Вопрос о моделях и методиках преподавания Закона Божьего был вопросом не узко-педагогическим, а общественным и требовал государственного подхода, особенно в связи с переходом к всеобщему начальному обучению. Бедствием в преподавании Закона Божьего были формализм, сухое и равнодушное изучение религиозных текстов, зубрежка без понимания смысла прочитанного и заученного. Курс Закона Божьего не мог быть эффективно изучен и понят учащимися без учета их половозрастных и психических особенностей. Начальная школа стала фаворитом государственного бюджета. За период с 1907 по 1914 г. государственное финансирование на содержание высших учебных заведений увеличилось на 10 %, средних учебных заведений — на 74 %, начальных школ — на 494 %.

Библиографический список

1. *Боже В. С.* Школьный мир дореволюционного Челябинска. Челябинск, 2006. Т. 1.
2. *Денисов К. И.* Всеобщее обучение. Сборник законов и правительственных распоряжений. СПб., 1914. Вып. 1.
3. *Сафронов А. А.* Первая всеобщая перепись населения России 1897 г.: разработка данных о грамотности, их информационный потенциал и достоверность // Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов. Екатеринбург, 2003. Вып. 3.
4. *Сахаров И. В.* В сумерках просвещения. М., 1911.
5. *Соломатина Т. Б.* Общественно-педагогическое движение в условиях Российского парламентаризма (начало XX в.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portalus.ru> (дата обращения 20.01.2010).

A. V. Suvorova

Candidate of Historical Sciences, Zlatoust branch of the South Ural State University (Zlatoust, Russia)

To the Question of the Development of Primary Education in the South Urals in the Early 20th Century

The article is devoted to the problem of primary education establishment in the South Urals in the early 20th century. The author considers the state policy in the education sphere.

Key words: primary school, conception of primary education, state policy in education sphere

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РАЙОНОВ НОВОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ В 1950–1980-е гг.

Статья посвящена проблеме формирования населения районов нового промышленного освоения Сибири в советский период. Исследуются основные пути увеличения численности жителей населенных пунктов, возникших в процессе активного индустриального строительства в регионе.

Ключевые слова: промышленные новостройки, миграции, формирование населения

Формирование населения в районах нового промышленного освоения Сибири (РНПО) в 1950–1980 гг. имело свои характерные особенности, которые в значительной степени определялись динамикой производственного развития, требующего соответствующего кадрового потенциала. Большинство районов промышленных новостроек в этот период, как правило, находились на территориях, отличавшихся суровыми природно-климатическими условиями, удаленностью от хозяйственных и социокультурных центров и имевших крайне низкую плотность населения, что изначально предопределяло привлечение сюда значительных контингентов людей для решения намеченных планами производственных задач. Поэтому государственное управление на этот счет разрабатывало особую миграционную политику, которая в значительной степени определяла процессы формирования населения. В свою очередь, миграционное движение рассматривалось исключительно как механизм для создания индустриального кадрового потенциала.

Существенным фактором в процессах формирования населения являлась реальная активизация хозяйственной жизни в том или ином районе. Новое строительство привлекало большое количество людей и становилось мощным стимулом для роста населения. В 1950–1960-е гг., с началом реализации Ангаро-Енисейской программы, привлекательными местами для переселений стали районы Иркутской области, где строились Иркутская, затем Братская и Усть-Илимская ГЭС. В 1960–1970-е гг. активное производственное строительство на юге и в центре Красноярского края привлекало в регион людей как из соседних, так и достаточно отдаленных населенных пунктов.

Все РНПО Сибири в начальный период своего развития отличались значительным ростом населения. Так, население района Братско-Усть-Илимского ТПК в течение первого десятилетия (1955–1966 гг.) увеличилось с 75,8 тыс. чел. до 258,5. Население Тюменской области за 1970–1981 гг. выросло на 610 тыс. чел. Среднегодовые темпы прироста здесь более чем в

*Альбина Ивановна Тимошенко
К.и.н., Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия; timoshenkoai@ngs.ru

9 раз превышали республиканские показатели и были самыми высокими в России. Еще более они увеличились в 1980-е гг., когда началось форсирование разработки нефтяных и газовых месторождений с целью значительного увеличения добычи полезных ископаемых. Население Ямало-Ненецкого автономного округа в 1981–1985 гг. увеличилось примерно в два раза. Прирост составил более 90 тыс. чел. Если в начальный период освоения нефтегазовых месторождений доля Ямала составляла лишь 5,1 % от численности населения области, то к середине 1980-х гг. — 14,3 %. В 1986–1987 гг. за счет северных районов Тюменская область получила самый высокий за всю историю прирост населения, который составил около 400 тыс. чел. Среднегодовые темпы прироста населения Тюменской области в 1981–1990 гг. были самыми высокими в Сибири [4, с. 60–81].

Быстрее всего росло число жителей городов и рабочих поселков, где сосредотачивалось строительство основных промышленных или энергетических объектов. Вначале строители давали главный прирост населения РНПО, но затем с пуском в эксплуатацию основных градообразующих предприятий сюда прибывали и представители других профессий и специальностей. Начальный период рождения новых городов характеризовался самыми высокими темпами роста населения. Например, численность населения Братска с 1955 по 1965 г. увеличилась в 12 раз, Железногорска-Илимского с 1959 по 1965 г. — в 7 раз, Усть-Илимска с 1967 по 1977 г. — в 14 раз [1, с. 60–61].

Анализ данных Всесоюзных переписей показывает, что население Сибири и Дальнего Востока в изучаемый нами период в целом росло, но не очень высокими темпами. За 1959–1979 гг. его общий удельный вес в масштабе страны даже несколько сократился. Главный прирост населения Сибири происходил за счет районов нового промышленного освоения, где формировались эффективные ТПК. Здесь темпы роста городского населения значительно превышали региональные и среднесоюзные данные. Самые высокие показатели роста городского населения были в районах интенсивного индустриального строительства и разработки месторождений полезных ископаемых. Так, в Тюменской области городское население увеличилось в 3, а в Ханты-Мансийском автономном округе — в 13,4 раза. В Восточной Сибири из 2,4 млн чел. прироста городского населения почти половина приходилась на новые города региона¹.

Ориентация на городские поселения в районах формирования ТПК Сибири прослеживается при реализации всех крупных индустриальных проектов в регионе, которые предусматривали одновременно с производственным и городское строительство. На конференции по изучению производительных сил Иркутской области в августе 1947 г. было отмечено, что выполнение масштабной энергетической Ангаро-Енисейской программы должно сопровождаться созданием так называемых «промгородов», в которых будут сосредоточены в едином комплексе энергетические и перерабатывающие сырье

¹Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. М., 1962. С.20–24; Население СССР. М., 1980. С.4–7.

предприятия. Первыми городами такого плана были призваны стать как уже давно существующие городские центры (Иркутск, Черемхово, Зима и др.), так и вновь построенные. Первыми новыми городскими центрами Иркутско-Черемховского промышленного района стали города Ангарск, Байкальск, Шелехово. За 1940–1962 гг. в Иркутской области число городов областного подчинения увеличилось в 3,5, рабочих поселков городского типа — в 2,5 раза. К 1990 г. горожане составляли около 80 % всех жителей региона, большинство из которых проживало в крупных промышленных центрах, полчивших свое развитие во второй половине XX в. [5, с. 80–81].

Стратегический курс на урбанистическое развитие продолжился и при освоении нефтегазовых районов севера Западной Сибири и формировании здесь крупнейшего в мире нефтегазового комплекса, при строительстве объектов КАТЭКа, БАМа, Якутских горно-промышленных комплексов и т. д. Районы нового индустриального строительства со временем превращались в высокоурбанизированные, с преобладанием городских поселений и городских жителей.

Увеличение населения РНПО Сибири главным образом происходило за счет механического прироста, обеспечивающегося активной государственной миграционной политикой, которая сопровождалась целым комплексом мероприятий морально-психологического и материально-экономического характера. Цель миграционного движения была связана с необходимостью в достаточно короткие сроки обеспечить кадрами главные производственные объекты, намеченные в общих планах социально-экономического развития СССР.

В 1970-е гг. для восточных регионов страны были введены повышенные коэффициенты к заработной плате. Кроме того, на значимых для страны новостройках вводились дополнительные льготы и выплаты для работников. Все это вместе взятое положительным образом сказывалось на желании приехать в Сибирь. Однако желающих уехать из Сибири было также значительное количество. В итоге общая численность населения региона росла не так быстро. Подсчитано, что вследствие миграционного оттока из общего прироста населения Сибири в 1975–1985 гг. терялся каждый четвертый. Это превращалось в серьезную проблему для РНПО, их производственного развития, так как уезжали, как правило, опытные и квалифицированные работники, способные устроиться в более благоприятных для жизни европейских или южных районах страны. Высокий миграционный оборот был особенно характерен для северных районов ЗСНГК, зоны БАМа, Якутской АССР. Положительное сальдо миграции в Сибири наблюдалось лишь в годы десятой пятилетки [2, с. 32, 35, 36].

Естественный прирост начинал постепенно играть свою роль в процессе формирования населения индустриальных новостроек Сибири. На новое строительство прибывала в основном молодежь, которая постепенно обживалась в РНПО и создавала семьи. В новых городах, как правило, рождаемость была гораздо выше, чем в старых и давно обжитых населенных пунк-

тах Сибири. Но это фактор сказывалась на росте населения постепенно, в то время как механический приток сразу давал результат.

Таким образом, можно сделать вывод, что формирование населения в РНПО Сибири в изучаемый нами период находилось в прямой зависимости от активности производственного строительства. Интенсивность миграционного движения связывалась с расширением фронта работ по возведению и пуску в эксплуатацию производственных объектов, когда увеличивалось количество рабочих мест и потребность в трудовых ресурсах, соответственно происходил и больший рост населения. Так, в связи с развертыванием строительства Братской ГЭС, Братского лесопромышленного комплекса и алюминиевого завода в 1955–1961 гг. среднегодовой прирост населения Среднего Приангарья был самым высоким, затем постепенно снижался [1, с. 63]. В 1969–1970 гг. в Нижневартовске высокие темпы роста населения были связаны с началом освоения Самотлорского нефтяного месторождения, в Сургуте — со строительством ГРЭС и т. д. [3, с. 70].

Главной задачей государственной миграционной политики было стремление перераспределить трудовые ресурсы страны в пользу РНПО Сибири, где намечалось активное освоение природных ресурсов, строительство новых крупных предприятий и формирование экономически эффективных территориально-производственных комплексов. Второй, не менее важной задачей, считалось закрепление населения в регионе и максимальное снижение его обратного оттока, особенно из РНПО.

Исходя из этого, определялись и выстраивались все мероприятия государственной миграционной политики, которые в конечном итоге должны были дать результат — обеспечить ТПК Сибири трудовыми ресурсами для решения производственных задач. Но если первая задача решалась более или менее успешно, то вторая — крайне неравномерно и противоречиво. Специальные пропагандистские мероприятия, решения о дополнительных льготах и выплатах привлекали большое количество людей, желающих поехать в Сибирь. Вместе с тем приживаемость приехавших на новостройки была очень слабой. Проблемы закрепления населения в районах нового хозяйственного освоения Сибири в рамках советского государственного управления, как правило, решались ведомствами, которые действовали по своему усмотрению, часто отдавая приоритет производственным, а не социальным вопросам.

Интенсивное миграционное движение определяло не только численность населения районов ТПК, но и его состав, который отличался наличием значительной части людей, находящихся в активном трудоспособном возрасте. Возрастной состав населения новых городов, возникавших в процессе индустриального строительства в Сибири, как правило, был молодежным. Так, в 1968–1969 гг. среди прибывавших в Сургут доля возрастной группы 25–39 лет составила 72 %, в Урай — 75 %, Нижневартовск — 77 %. Примерно такой же возрастной состав мигрантов отмечен на строительстве БАМа и КАТЭКа. Стройки объявлялись комсомольско-молодежными, и на них приезжали в основном молодые люди комсомольского возраста. В результате средний возраст жителей новых поселений в РНПО Сибири был не высок. В

1969 г. он был отмечен в Сургуте и Нижневартовске на уровне 26 лет, Нефтеюганске — 24 года, в то время как средний возраст жителей Западной Сибири в целом равнялся 30 годам и более [3, с. 93].

Естественным следствием наличия молодежной структуры населения РНПО Сибири являлись более высокая, чем в старых и обжитых населенных пунктах, рождаемость и более низкая смертность населения, что в качестве результирующего компонента давало более высокий и естественный прирост. В целом данная ситуация определяла быстрый рост населения, находящегося в активном трудоспособном возрасте. Структурный состав также характеризовался высоким удельным весом детей и низким — лиц пожилого возраста. По данным Е. Д. Малинина и А. К. Ушакова, в 1970 г. в населенных пунктах нефтегазодобывающих районов Западной Сибири на каждые 100 детей в возрасте до 9 лет приходилось всего 15 чел. пенсионного возраста, в то время как в целом по РСФСР — свыше 50 чел. Удельный вес среди населения лиц старше 50 лет составлял 6,5 %, в то время как в РСФСР — 21,2 %; возрастная группа до 14 лет составляла — 31,7 %, в РСФСР — 26,5 %; возрастная группа 15–49 лет — 61,8 и 52,3 % соответственно [3, с. 93–94].

Молодежь по известным причинам имела более высокий уровень образования, чем лица старших возрастов. Поэтому уровень образования населения районов ТПК Сибири был выше по сравнению со средними данными по стране. Кроме того, в процессе исторического развития он имел тенденцию к росту, основанную на объективных процессах и изменениях, происходивших в советском обществе в изучаемые годы.

На начальных этапах формирования новых промышленных поселений в них, как правило, преобладал мужской состав населения. В период пионерного освоения отдаленных районов, находившихся в суровых природно-климатических условиях, преимущественно требовались представители традиционно мужских профессий. Поэтому в районы нового освоения прибывали в основном мужчины. В результате складывался не совсем благоприятный демографический перекоп в сторону мужчин, но затем положение постепенно выравнивалось и становилось более естественным. Этому способствовало развитие в новых поселениях непроектной сферы, расширение возможностей применения женского труда на вводимых в эксплуатацию предприятиях. Так, при создании Братско-Усть-Илимского ТПК потребовалось всего десятилетие для относительного выравнивания долей мужского и женского населения. Если в 1959 г. в Братске численность мужчин намного превосходила численность женщин, то в 1969 г. этого уже не наблюдалось [1, с. 68].

Таким образом, анализ процессов формирования населения районов нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг. показывает, что они развивались очень активно. На изменение численности и состава жителей новых городов и рабочих поселков оказывали влияние как государственная политика по отношению к индустриальному освоению новых районов региона, богатых природными ресурсами, так и конкретная ситуация того

или иного производственного строительства, сопровождавшегося, как правило, ростом городского населения. Особенно стремительным он был в районах крупных индустриальных новостроек. Здесь высокий рост населения происходил в основном за счет механического прироста из других регионов страны. Постепенно к высоким темпам механического прироста присоединялись высокие показатели естественного прироста, которые в новых городах и рабочих поселках были значительно выше, чем в целом по Российской Федерации. В результате в 1950–1980-е гг. РНПО Сибири по темпам механического и естественного прироста населения имели одни из самых высоких показателей в СССР.

Библиографический список

1. Долголюк А. А. Формирование трудовых коллективов Братско-Усть-Илимского ТПК. Новосибирск, 1988.
2. Макарова Л. В., Морозова Г. Ф., Тарасова Н. В. Региональные особенности миграционных процессов в СССР. М, 1986.
3. Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Население Сибири. Новосибирск: Статистика. 1976.
4. Мисевич К. Н. География населения Сибири. Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета. 1992.
5. Тимошенко А. И. Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг. Планы и реальность. Новосибирск, 2009.

A. I. Timoshenko

Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Siberian branch of the RAS

Specifics of Forming of Population in the Areas of the New Industrial Development of Siberia in 1950–1980s

The paper focuses on the problem of forming of population in the areas of the new industrial development of Siberia during the Soviet period. The author investigates the main ways of increasing the number of residents in those localities which appeared within the process of active industrial construction in the region.

Key words: industrial buildings, migration, forming of the population

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА¹

В статье рассматриваются причины экономического отставания северных районов от центральной России; приводятся факторы, влияющие на процесс воспроизводства, занятость и социальную организацию сельского населения региона; намечена перспектива дальнейшего развития северных районов страны.

Ключевые слова: сельское население, северные регионы, среда жизнедеятельности

Развитие сельского населения в районах Севера имеет весьма характерную особенность — его жизнедеятельность всегда была связана не только с сельскохозяйственным трудом, но и заготовкой леса, добычей полезных ископаемых, охотой, рыболовством и т.д. На протяжении многовековой истории Коми край, как и вся Россия, был крестьянским. Из 170,6 тыс. чел., проживавших в 1897 г. в крае, 163,7 тыс. (95,9 %) являлись крестьянами. Резкое преобладание крестьянства в составе населения Усть-Сысольского, Яренского и Печорского уездов свидетельствовало о ярко выраженном аграрном характере экономики дореволюционного Коми края.

Поэтому закономерно, что при недостатке средств для хозяйственного (в частности, промышленного) освоения территорий внутренних колоний капиталы направлялись прежде всего в уже обжитые районы, благоприятные для развития сельского хозяйства, получения сырья для промышленности, где обеспечивалась быстрая окупаемость вложений и наибольшая прибыль. В этом отношении малонаселенные, бездорожные, труднодоступные районы Севера с неблагоприятными условиями для сельскохозяйственного производства, особенно земледелия, не могли быть районами первоочередного освоения. Они оказались в стороне от основных направлений капиталистической промышленной и сельскохозяйственной колонизации окраин. В результате по уровню развития промышленности и других отраслей Север намного отстал от таких районов как Юг, Юго-Восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия и др., формировавшихся в качестве аграрно-сырьевых территорий. Таким образом, капиталистическое развитие России предопределило экономическое отставание ее се-

*Виктор Вильгельмович Фаузер
Д.экон.н., Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия; fauzer@iespn.komisc.ru;
Галина Николаевна Фаузер
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия; gfauzer@iespn.komisc.ru

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Влияние миграции на этнодемографические структуры и занятость населения в национальных регионах (на примере Республики Коми) (2012–2013, проект № 12-12-11001) и Министерства экономического развития Республики Коми

верных районов в конце XIX — начале XX в. и не открывало благоприятных перспектив изменения этого положения в дальнейшем.

Не произошло коренных изменений в традиционной занятости и в начале XX в. Перепись населения 1926 г. зафиксировала, что подавляющая часть населения была занята в отраслях сельского хозяйства. Так, среди всех занятых доля рабочих составляла лишь 2,5 %, но и среди них каждый третий являлся сельхозработником. Доля служащих — 4,2 %, основная их масса была связана с сельским хозяйством (99,6 %). На помогающих членов семьи приходилось 39,2 % занятых. Однако и их труд использовался в сельскохозяйственном производстве (99,9 %). Доля безработных составляла 0,1 %.

Наряду с сельским хозяйством в жизни северян важное место занимали лесозаготовки. Первоначально они проводились в целях удовлетворения индивидуальных хозяйственных нужд крестьян, а со второй половины XIX в. превратились в важнейшую отрасль хозяйства. Характерной особенностью лесной промышленности на Севере являлось проникновение с самого начала ее развития иностранного капитала, что вело к варварскому уничтожению самых лучших лесных массивов. С развитием в России капиталистической промышленности в Коми крае начинается бурный рост лесозаготовок.

Богатство, дешевизна и девственность печорских лесов привлекали к ним внимание лесопромышленников, которые часто орудовали под флагом горнозаводских предприятий, предпочитая, однако, сложному делу освоения богатств хищническую эксплуатацию лесных массивов. В Усть-Сысольском уезде на лесоразработках было занято в 1901 г. более 3 000 чел., в 1905 г. — 4 834, в 1913 г. — 7 368 чел., среди которых имелось много женщин и подростков. Лесопромышленники мало заботились о своих рабочих. Крестьяне-лесорубы сами строили курные избышки-баньки или полуземлянки, лесовозные дороги, расчищали русла рек. Оплата труда рабочих была крайне низкой.

За годы советской власти аграрная сфера и отрасли лесной промышленности подверглись преобразованиям. За 70 лет были реализованы многочисленные программы, в корне изменившие экономический, социальный и культурный облик деревень и поселков лесозаготовителей. По содержанию и методам реализации это была единая для всей страны политика, не имевшая принципиальных региональных особенностей. Поэтому коми деревня в советское время прошла тот же путь развития, что и деревня страны в целом.

Непоследовательность проводимых реформ наиболее болезненно отразилась на развитии сельского хозяйства. В этой связи справедливо утверждение, что неоднократные попытки реформирования сельского хозяйства, направленные на создание действенных стимулов для сельскохозяйственных производителей, повышение эффективности работы совхозов и колхозов, не увенчались успехом. Одна из важнейших причин сегодняшнего аграрного кризиса заключается в ликвидации прежней системы государственного управления и отсутствия регулирования рыночных процессов.

В этой связи реальная стратегия аграрных преобразований должна базироваться на концепции развития сельского и промыслового хозяйства. В основу концепции должны быть положены следующие принципы: во-первых, индустриальный тип экономики Республики Коми предусматривает высокий уровень развития сельского хозяйства и перерабатывающих отрас-

лей; во-вторых, возможности и перспективы агропромышленного производства в обеспечении населения продуктами питания определяются конкурентоспособностью его продукции на региональном рынке; в-третьих, та роль, которую играют агропромышленное хозяйство и перерабатывающая промышленность в поддержании традиционного образа жизни и в механизме социальной защиты коренного населения. Последний принцип концепции в полной мере может быть отнесен и к развитию лесного комплекса.

Социально-экономическое развитие сельского населения Российского Севера зависит от многих факторов, все они в той или иной мере влияют на процесс воспроизводства и занятости сельского населения, на их социальную организацию. Методологически можно выделить ряд характерных особенностей, имеющих принципиальное значение для познания внутренних законов жизнедеятельности сельских жителей и коренных народов Севера.

Во-первых, сельская общность отличается от городской не только специфическими функциями, но и особенностями всех основных элементов внутренней структуры. Так, сельское население имеет определенные особенности по сравнению с городским: меньшую численность, повышенную долю престарелых и детей, меньшую долю лиц трудоспособного возраста (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение населения Республики Коми по полу и возрасту по данным переписей населения 1959–2010 гг., %

	Пол		Возраст					старше трудоспо- собного
			моложе трудоспо- способ- ного	трудоспо- способ- ном	в т. ч.			
	мужчи- ны	жен- щины			20–29	30–39	40–49	
Город- ское наसेле- ние								
1959	53,5	46,5	26,8	69,3	27,7	20,6	10,3	3,9
1970	49,5	50,5	30,9	63,6	16,6	21,5	13,6	5,5
1979	50,2	49,8	26,5	67,3	22,9	15,8	14,9	6,2
1989	50,3	49,7	27,7	63,7	17,8	20,8	11,6	8,6
2002	47,3	52,7	19,3	67,6	12,3	15,0	18,5	13,1
2010	46,6	53,4	17,7	65,2	14,5	16,7	14,6	17,1
Сель- ское наसेле- ние								
1959	50,2	49,8	32,4	58,7	24,0	15,3	8,8	8,9
1970	51,3	48,7	35,3	54,6	13,1	18,4	12,7	10,1
1979	51,5	48,5	27,8	60,9	21,0	10,4	14,1	11,3
1989	51,4	48,6	28,9	57,2	18,2	18,2	8,2	13,9
2002	49,9	50,1	21,1	61,7	13,6	14,9	19,5	17,2
2010	49,4	50,6	18,0	62,8	14,6	14,1	16,7	19,2

Таблица составлена по: Республике Коми — 90 лет. Ист.-стат. сб. / В. Я. Сквозников, О. И. Конакова, Ж. А. Свиряева, В. Г. Масалимова, Т. А. Шерстюкова. Сыктывкар, 2011.

Сельское население отличается более низким уровнем естественного прироста, обусловленного повышенной смертностью (см. табл. 2).

Таблица 2

Рождаемость, смертность и естественный прирост (убыль) населения в Республике Коми за 1970–2011 гг., на 1 000 чел. населения

Год	Городское население			Сельское население		
	Родившиеся	Умершие	Естественный прирост	Родившиеся	Умершие	Естественный прирост
1970	17,3	5,2	12,1	16,4	8,5	7,9
1980	18,1	6,7	11,4	18,4	11,4	7,0
1990	13,4	6,8	6,6	14,4	9,5	4,9
2000	9,5	12,0	-2,5	9,2	15,9	-6,7
2005	11,3	13,9	-2,6	11,3	20,5	-9,2
2006	10,9	12,7	-1,8	12,9	18,9	-6,0
2007	11,8	11,8	-0,0	13,7	17,1	-3,4
2008	11,7	11,7	0,0	15,6	18,2	-2,6
2009	12,1	11,8	0,3	15,8	18,2	-2,4
2010	12,3	11,5	0,8	14,8	18,3	-3,5
2011	12,1	10,9	1,2	16,3	17,2	-0,9

Таблица составлена по: Республике Коми — 90 лет...

Профессионально-должностной и квалификационный состав сельского населения, ввиду специфики развития производственной сферы, характеризуется меньшим разнообразием. Здесь преобладают физический труд над умственным, непрофессиональные виды труда над профессиональными, неквалифицированные над квалифицированными.

Во-вторых, сельская местность является ареалом проживания коренных народов Севера, таких крупных этносов как коми и якуты, и в своей деятельности они связаны преимущественно с сельским, промысловым и лесным хозяйством. Их история неотделима от тундровых и лесных экосистем. При вторжении индустрии и пришлых масс населения у коренных жителей существенно изменяются их привычная деятельность и хозяйственный уклад жизни. Результатом становится потеря уникальных навыков, приспособительных реакций к жизни в экстремальных условиях.

Традиционно село отставало от города по уровню образования, медицинского обслуживания. В последние годы это отставание стало еще заметнее. Социальные проблемы на селе усугубляются низкими доходами населения. С вводом в стране рыночных отношений возросли и без того значительные диспропорции в оплате труда. В свою очередь социальные проблемы порождают опасные демографические последствия.

В-третьих, важное место занимает проблема сохранения или восстановления традиционной социальной организации коренных народов Севера, вне которой ни один из них не может выжить в качестве носителя самобытной культуры и обречен на превращение в “этнографический материал”.

Решающим средством и способом выживания коренных народов является создание действенного механизма самоуправления и хозяйствования. Следует

учитывать, что в общей численности населения коренные жители не образуют большинства. Даже в границах национальных образований их доля составляет немногим более 10 %. Коренное население, фактически выступая в качестве национального меньшинства, должно иметь реальные возможности для всестороннего удовлетворения своих потребностей и защиты интересов.

При разработке механизма социально-экономического развития малочисленных народов Севера первоочередное значение имеет создание и принятие законодательных актов, которые четко определили бы правовой статус национально-территориальных образований, роль и место народных сходов, ассоциаций, советов старейшин, других общественных организаций, особый характер представительства этих народов в Советах всех уровней.

В-четвертых, для обеспечения нормальной среды жизнедеятельности всех северян и, в первую очередь коренных жителей, необходимо проводить разумную политику хозяйствования с целью сохранения природной среды. Сегодня нет необходимости доказывать, что Север уникален с экологической точки зрения. Здесь сконцентрированы практически последние заповедные природные зоны, а лесные массивы и тундра являются важнейшими регуляторами нормальной жизни всей земной биосферы.

Несмотря на то, что все более широкое распространение получает точка зрения об экологической уникальности Севера, она не имеет конструктивного научного и, прежде всего, экономического обоснования. Реализация внешней функции Севера, как экологического буфера и территориального ресурса страны, должна быть закреплена в виде специфической социально-экономической функции и, с учетом возрастания экологической составляющей в общественно необходимых затратах, стать законной основой для разработки и проведения компенсационной и протекционистской государственной политики.

При определении политики дальнейшего развития северных районов, произвольно встает проблема: или и дальше наращивать мощности по освоению Севера и решать социально-экономические нужды страны сегодняшнего дня, или резервировать часть территории и природных ресурсов, чтобы с большей пользой и на новой технической основе использовать их в будущем. В условиях растущей опасности экологической деградации планеты, угрозы всякого рода техногенных нарушений, катастроф, вызываемых неразумной деятельностью человека, очень важно иметь как прибежище обширные свободные территории, которые сохранились только на Севере.

Однако в отечественной практике как-то меньше внимания уделялось проблеме ограничения хозяйственного развития северных районов по экологическим соображениям и суждениям будущей полезности. До последнего времени факторами ограничения продвижения на Север и его освоения выступали суровый климат, отдаленность и необжитость большей части его территории, затраты огромных капитальных вложений и т. д. О возрастании роли экологического фактора говорит и зарубежный опыт освоения северных территорий Аляски и Канады. Свое воплощение это находит в резервации части территорий и сдерживании темпов освоения невозобновимых ресурсов.

Для России вопрос сохранения отдельных северных территорий также актуален. Российский Север — это громадный регион, занимающий почти

две трети ее территории. В то же время здесь проживает лишь 10,1 млн чел., или 7,1 % от всего населения России. Получается, что остальное население России проживает на одной трети ее площади. С учетом отвода земель под промышленное и гражданское строительство, нужды обороны и т.п. в России неизбежно будет происходить сокращение свободных земель, рост нагрузок на оставшиеся территории и, следовательно, усиление экологической напряженности. Со временем географическое пространство может стать важнее любых видов сырья, топлива, энергии и даже пресной воды. Подавляющая часть этих ресурсов практически уже сегодня имеет естественные или искусственные заменители, сфера же обитания людей и размещения производительных сил альтернатив не имеет. Возрастание роли территориальных ресурсов неоднократно подчеркивалось отечественными экономистами еще в начале 1980-х гг. Следовательно, для России продвижение на Север — явление неизбежное, вопрос лишь в том, какие использовать формы и методы, как нанести меньше вреда хрупкой экосистеме Севера.

В Республике Коми накоплен положительный опыт заселения и вовлечения в хозяйственный оборот природных ресурсов. Еще в 1930-е гг. в республике был заложен Печоро-Илычский заповедник (сегодня он является одним из крупнейших в России, его площадь составляет 721,3 тыс. га), образовано около 165 заказников. В 1994 г. началось создание Национального природного парка «Югыд ва» общей площадью 1 891,7 тыс. га. В настоящее время особо охраняемые природные территории (с учетом парка «Югыд ва») занимают около 6,1 млн га, т.е. почти 15,0 % всей площади Республики Коми. Можно констатировать, что в республике наряду с заселением территории значительное внимание уделяется ее охране. Часть территории выполняет роль экологического буфера и резерва для будущих поколений.

Заслуживает внимания точка зрения о перспективности создания национальных территорий в форме современных этнопарков с целью сохранения среды обитания и этноса, их населяющего, учитывающих человека как неотъемлемую часть экосистем, как уникальную общечеловеческую ценность.

V. V. Fauzer

Doctor of Economic Sciences, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)

G. N. Fauzer

Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)

Features of Life Activity of the Rural Population of the Northern Region

The article considers the reasons of economic lag of northern regions from the central Russia. The author explains the factors which influence on the process of reproduction, employment and social organization of the rural population of the region. The paper outlines the prospects of further development of northern areas of the country.

Key words: rural population, northern regions, activity environment

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НАЧАЛА XXI в.

Статья посвящена проблеме обеспечения социальной безопасности России на современном этапе. Угрозами для развития страны являются депопуляция и снижение уровня духовно-нравственного воспитания молодежи, и, как следствие, — неумение и нежелание части населения совмещать свои интересы с задачами общества и государства.

Ключевые слова: социальная безопасность, депопуляция, семейная политика, потребительское общество

В условиях экономической модернизации в России угрозы в сфере обеспечения социальной безопасности стали исходить из таких сегментов как демографическая политика и духовно-нравственное воспитание молодого поколения. Многие ученые РАН вместе с другими экспертами (В. Иноземцев, Н. Кричевский, А. Привалов, М. Хазин и др.) в рамках так называемого «академического консенсуса» по проблемам модернизации в России, сделали несколько основополагающих выводов, один из которых заключается в том, что государство принимает неадекватные меры по борьбе с «вымиранием России». Во-первых, помимо совершенствования системы медицинского обслуживания и усиления пропаганды здорового образа жизни россиян необходимы обоснованные решения проблемы детской беспризорности и безнадзорности, восстановление существовавшей в СССР системы борьбы с алкоголизмом и резкое ужесточение наказаний за торговлю наркотиками. Во-вторых, падение духовности и нравственности, широкое распространение нигилизма связано не только с появлением в стране «дикого капитализма», но и с разлагающим влиянием на общество, и особенно на молодежь, многих СМИ, в частности телевидения и сети Интернет, где нередко отсутствует цензура. Бесконечные сцены насилия, примитивизм, подмена героев антигероями, культ денег, богатства, красивого и беззаботного времяпрепровождения — не являются той средой, в которой совершаются великие перемены [4, с. 50].

В ближайшие десятилетия решающее значение в функционировании Российского государства, декларирующего свою социальную направленность, будут иметь такие характеристики, как уменьшающаяся численность, состояние здоровья, продолжительность жизни и этническая структура населения. Эти параметры позволяют анализировать дальнейшую жизнеспособность общества и возможность его дальнейшего воспроизводства в будущем.

* Андрей Владимирович Шиловцев

К.и.н., Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия; andreyshilovtsev@mail.ru

На фоне кризисной направленности социально-экономической системы рыночного капитализма количественное сокращение населения также зависит и от качественного состояния социума.

В условиях рыночной экономики, неспособной создавать механизмы стимулирования (оплата труда не ориентирована на поддержку стабильной семьи с несколькими детьми) следствием сверхнизкой рождаемости является депопуляция. Современная экономика не в состоянии адекватно реагировать на убыль рабочей силы соответствующим повышением производительности труда. Поэтому, например, в развитых странах «своего» населения хватает лишь для заполнения главных рабочих мест, тогда как спрос на неквалифицированные кадры удовлетворяется за счет иммигрантов. В частности, в странах ЕС этническая структура, имеющая постоянное иммиграционное наполнение, содержит в себе вероятность столкновений и конфликтов на национальной и религиозной почве, что в последние годы нередко происходит во Франции, Австрии, Германии и в некоторых других странах.

Демографические процессы в России, находящиеся в русле общемировых тенденций, обладают своей негативной спецификой: например, по уровню рождаемости страна занимает одно из последних мест в мире, в то время как по смертности она находится ближе к отсталым государствам. При этом продолжается отток из страны интеллектуальных сил, который никоим образом не сможет быть компенсирован иммигрантами из стран СНГ.

В конце XX — начале XXI в. мир в целом оказывается на пороге тотальной депопуляции: человечество, достигнув предельной величины примерно 8,5–9 млрд чел., начинает сокращаться. В 75 государствах планеты суммарный коэффициент рождаемости ниже уровня простого замещения поколений (2,1 ребенка на одну женщину), а это 2,8 млрд чел., или 40 % населения мира. Тогда как еще 60 лет назад таких стран было всего 5. По среднему варианту прогноза ООН 2008 г., подобных малодетных стран в 2050 г. будет 147 (из 196), а их население составит 76 % от населения земного шара. По нижнему варианту прогноза ООН, все страны мира станут малодетными уже к 2040 г., что фактически означает последующую депопуляцию во всем мире [3].

Убыль населения приобретает характер массовой эпидемии. Эти процессы отчетливо наблюдаются в 20 странах мира, на подходе еще около 30. Согласно среднему варианту демографического прогноза ООН 2008 г., в период между 2009 и 2050 гг. ожидается сокращение численности населения в 40 странах, причем лишь в 19 из них оно уменьшится на 10 % и менее. К 2050 г. население 13 государств уменьшится на 11–19 %, и 4 из них лишь не относятся к Европе. Россия попадает в группу с сокращением населения на 18 % (до 117 млн чел. к 2050 г.). Наибольшая убыль населения (от 20 до 29 %) ожидается в 9 странах: Японии (на 25 %), Молдавии (на 24 %), Грузии (на 23 %), Украине (на 23 %), Болгарии (на 22 %), Латвии, Боснии и Герцеговине, Сербии (на 20 %). До 2025 г. по инерции (при суммарном коэффициенте рождаемости 1,6), будет увеличиваться население Китая. Однако после достижения цифры в 1 476 млн чел. и оно начнет сокращаться, достигнув к

2050 г. 1 437 млн чел., т. е. уменьшится на 39 млн чел. [1, с. 139]. Таким образом, по среднему варианту прогноза ООН к 2050 г., кроме России, депопуляцией будут охвачены западноевропейская, восточноевропейская, японская и китайская цивилизации. Наступит новый этап в истории человечества, и как будут изменяться действия и образ жизни людей в таких условиях — неизвестно. Пока нет ответа на вопросы о неминуемых изменениях геополитической ситуации, мировой экономической системы и отношений между государствами. Не ясно и то, как будут складываться отношения между большими и малыми народами и нациями в условиях их постепенного старения и вымирания.

В 70-е гг. XX в. представители научной школы пронатализма (Б. Ц. Урланис, В. А. Борисов, В. Н. Архангельский, А. Б. Синельников и др.) предсказывали неблагоприятные ситуации в демографической сфере [3]. Убыль населения в 1990-е гг. началась в европейской части бывшего СССР. В период между 2012–2025 гг. в России, скорее всего, произойдет обострение негативных последствий депопуляции и сокращения рождаемости, станет заметным недостаток работников в основных отраслях промышленности и сфере обслуживания. Тенденции демографической катастрофы отчетливо стали проявлять себя в период распада СССР и проведения «шоковой терапии» — радикального и резкого отказа от социального обеспечения и защиты населения. В сфере здравоохранения, в социальной дифференциации смертности (общей, детской и младенческой) на фоне распространения социальной патологии, включая наркоманию, алкоголизацию и т. п. также появилось социальное неравенство.

Рост смертности и снижение средней продолжительности жизни в 1990-е гг. (до 59 лет у мужчин и 72 лет у женщин) могли бы как-то компенсироваться увеличением рождаемости, если бы семья оказалась прочной. Но институциональный кризис семейных отношений, начавшийся в 1960-е гг. и продолжающийся до сих пор, не мог способствовать усилению репродуктивной функции. Напротив, кризис семьи привел к краху рождаемости в России. Сокращение ее показателей, наблюдающееся свыше 100 лет и ведущее, в конечном итоге, к массовой однодетности (в среднем одно рождение на женщину за всю жизнь), как раз и является следствием модернизационных процессов — радикального перелома образа жизни, культуры и экономики.

В последние годы наметилась незначительная тенденция к улучшению: с 2005 по 2008 г. общий коэффициент смертности понизился с 16,1 до 13,9 %, младенческая смертность сократилась до 8,5 %, средняя продолжительность жизни увеличилась на 2,6 года и составляет 67,88 года. Но остается диспропорция в продолжительности жизни мужчин и женщин: в 2006 г. у мужчин — 60,36 года, а у женщин — 73,22 года (в 2009 г. эти цифры составили 61,50 и 73,80 соответственно; такой разрыв в пределах 12-13 лет обусловлен исключительно социальными причинами) [1, с. 147].

Россия вступила в период депопуляции с 1992 г. Среднегодовые темпы убыли населения в стране составили 0,34 % в 1995–2000 гг. и, по среднему варианту прогноза ООН, увеличатся до 0,86 % в 2045–2050 гг. В итоге доля

РФ в населении мира упадет с 4,1 % в 1950 г. до 1,7 — в 2020 г. и 1,1 % в 2050 г. В случае отказа от политики резкого повышения доли семей с тремя и более детьми страна может потерять 45 млн чел. к 2040 г., а ее население к 2060 г. сократиться наполовину [2, с. 83]. При таком положении России будет сложно претендовать на роль великой мировой державы. Попытки возместить демографические потери страны в условиях сверхнизкой рождаемости за счет притока иммигрантов приведут к убыли населения в 2060 г. до 80 млн чел., причем половину населения будут составлять иммигранты и их потомки [2, с. 83].

Стремление компенсировать убыль населения привлечением иммигрантов, приводит к огромным экономическим затратам по их трудоустройству и обеспечению жильем. При этом усложняется этнический состав страны, что чревато нарастанием межэтнических и религиозных конфликтов. Существующая иммиграция (особенно в регионах) воспринимается коренными россиянами как проблема присутствия «чужих», что может привести к росту ксенофобии и различного рода проявлений экстремистского национализма, так как иммигранты не ассимилируются, а создают собственные анклавные структуры, часто превращающиеся в очаги влияния правительств зарубежных стран и криминальных структур.

С 2006 г. демографические проблемы стали официально идентифицироваться государством как кризисные, что привело к принятию ряда поддерживающих материнство законов и программ. Однако сами по себе эти меры не являются панацеей, и от них не следует ожидать быстрого результата. Они могут лишь отчасти и на время улучшить материальное положение семьи и тем самым увеличить на несколько процентов реализацию имеющейся у некоторых семейных пар потребности в одном-двух детях. Но сами пособия не приведут к усилению потребности семьи в детях, по крайней мере, в период до 2025 г., представляя собой скорее декларацию о намерениях государства.

В России в 1990-е гг. отказ от советского протекционизма и патернализма под флагом перехода к рынку и капитализму способствовал взятию курса на вариант либеральной модели, где фактически была устранена вообще какая-либо семейная политика. Но рост смертности и падение рождаемости, сопровождавшие политические трансформации в стране, оказались столь серьезными, что заставили правительство обратить внимание на эти проблемы.

Отстраненное мышление «реформаторов» все еще не позволяет им решить задачу трансформации социальной структуры, свойственной капитализму. Такая структура предполагает наличие между противоположными классами богатых и бедных значительной «амортизационной» прослойки среднего класса, который, по сути, невозможен без однодоходных семей или семей, где мать выполняет функции домашней хозяйки. Рассуждения о необходимости создания в стране среднего класса ведутся в основном в границах политэкономического подхода, в рамках которого не рассматривается ни возможная структура потенциальной семьи, ни семейно-демографический критерий общественного благополучия. По мнению специалистов-демографов, доля семей, где мать посвящает себя воспитанию и образованию

детей, должна быть резко увеличена, так как это в разы поможет улучшить социализацию подрастающих поколений.

Главную угрозу современной семье несет с собой идеология тотальной демократии потребительского общества, пропагандирующая значимость индивидуализированной жизни, свободной от обязательств по отношению к другим. Обычная российская семья находится в упадке: уменьшается количество желающих создавать семейный союз, браки становятся более поздними и неустойчивыми, а деторождение – скудным. Причина кроется во все более скептическом отношении ко всем смысловым основаниям традиционной семьи и насаждаемым агрессивной и легко воспринимаемой идеологией сознательного и добровольного отказа от традиционных семейных ценностей.

По мнению д.экон.н., профессора РАН В. Н. Лексина, антисемейная идеология пока «живет и побеждает», потому что в первую очередь ориентирован на «обжорливую младость», познающую мир через экраны телевизоров и Интернет, для которой предлагаемый СМИ аморальный идеологический товар легко усваивается на животнo-инстинктивном уровне [5, с. 30]. Например, в конце XX в. на Всемирном конгрессе семей в Праге г. Стокгольм был объявлен «первым постсемейным городом», так как две трети его жителей не имеют семьи и не планируют ее создавать. Идеология отказа от ценностей института семьи — реальный фактор трансформации семейных и всех связанных с ними социальных отношений. У такой идеологии нашлись свои «три источника и три составные части»:

- экзистенциалистская трактовка брака как несвободы с противопоставление ему свободной любви и других даров, обретенных в ходе «сексуальной революции»;

- современные либерально-рыночные интерпретации брака как партнерских отношений;

- концепция угрозы перенаселения и увеличения доли неполноценных людей (теория и практика «планирования семьи»).

Для нормализации демографической и социальной структуры (уменьшения доли бедных и увеличения обеспеченных категорий) необходимо наполнить новым содержанием социальную роль матери. Обеспечить решение такой задачи гораздо сложнее, чем заниматься поиском в недрах бюрократической системы скудных средств на социальную помощь бедствующим не по своей вине семьям и изыскивать в государственном бюджете статьи расходов на скромные пособия для детей. Тем не менее, реализация проекта нового материнства возможна при условии, если на всех уровнях властной вертикали назреет понимание губительности для судеб российской государственности сложившихся в последние десятилетия разрушительных демографических тенденций.

Российское государство, продвигаясь по пути политических, экономических, социальных и культурных трансформаций, неизбежно подошло к необходимости изменения отношения к проблеме социальной безопасности в целом и в частности. Угрозу безопасному развитию России представляет

неумение или нежелание части населения совмещать свои интересы с задачами общества и государства.

Библиографический список

1. Антонов А. И. Современные демографические тенденции и аналитические прогнозы, проблемы семейно-демографической политики в социальном государстве // Вестн. Московского университета. Сер. 18. «Социология и политология». 2010. № 4.
2. Антонов А. И., Борисов В. А. Динамика населения России в XXI в. и приоритеты демографической политики. М., 2006.
3. Борисов В. А. Демографическая дезорганизация России: 1897–2007. М, 2007.
4. Кива А. В. Многоликость российской модернизации // Общественные науки и современность. 2011. № 1.
5. Лексин В. Н. Идеологические основы упадка современного института семьи // Общественные науки и современность. 2011. № 2.

A. V. Shilovtsev

Candidate of Historical Sciences, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia)

Social Safety and Demographic Processes in Conditions of Russian Modernization in the early XXI century

The paper is devoted to the problem of social safety in Russia at present period. Threats to the country's development are depopulation and decline in moral education of youth, and as a consequence — inability and unwillingness of the part of the population to combine personal interests with the problems of society and state.

Key words: social safety, depopulation, family policy, consumer society

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГА в г. Тобольске — Государственный архив в г. Тобольске
ГААК — Государственный архив Алтайского края
ГАОСО — Государственный архив административных органов Свердловской области
ГАЗК — Государственный архив Забайкальского края
ГАОО — Государственный архив Орловской области
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАСО — Государственный архив Свердловской области
ГАСПИТО — Государственный архив социально-политической истории Тюменской области
ГАТО — Государственный архив Тюменской области
ГИМ ОПИ — Государственный исторический музей. Отдел письменных источников
ГУ РК «НАРК» — Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми»
НАСО — Научный архив Сибирского отделения РАН
ОГАЧО — Объединенный архив Челябинской области
ПермГАНИ — Пермский государственный архив новейшей истории
РАН — Российская академия наук
РАНХиГС — Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГАНИ — Российский Государственный архив новейшей истории
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ — Российский государственный архив экономики
РГИА — Российский государственный исторический архив
СЗ СССР Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик
СО — Сибирское отделение
СУ РСФСР — Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства
УрО — Уральское отделение
УрФУ — Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
ЦАМО РФ — Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации
ЦАОО РБ — Центральный архив общественных объединений Республики Башкортостан
ЦГА УР — Центральный государственный архив Удмуртской Республики
ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области
ЦИА РБ — Центральный исторический архив Республики Башкортостан

Научное издание
УРАЛ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ. БАКУНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ.
ИНДУСТРИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ УРАЛА В XVIII–XXI вв.

Ответственный за выпуск:

Д. Н. Ряпусова, к.и.н.

ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН

620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16

Тел.: (343) 374-53-40

E-mail: istor@uran.ru

Подписано в печать 02.09.2013. Формат А5.

Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman

Усл.-печ. л. 37,5. Тираж 600 экз. Заказ № 4882.

Отпечатано в типографии

ООО «Издательство УМЦ УПИ»

620078, ул. Гагарина, 35а, оф. 2